

Г.А. Абдурагимов

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ— ЛЕЗГИСТАН

история и современность

"До каких пор будешь склонять свою голову перед низкими людьми? До каких пор будешь подручным бесчестия? Чтобы не ударили кулаком по твоей голове, подними свои плечи высоко, как утесы. Против деспотов надо быть как шиповник, надо быть храбрым молодцом, чтобы ты мог свободно обнимать букет роз, держи оружие наготове, как шипы, охраняющие розы... Когда ты вступаешь в борьбу, пусть сердце твое будет сердцем льва; смелость – залог победы. Благодаря своей отваге лев выходит победителем из своих схваток".

И. Низами, Лейли и Межнун.

"Лезгин серьезен, положителен, постоянно занят возможно лучшим устройством своего быта; во всех своих делах лезгин как будто бы сознает, что он должен трудиться не только на себя, но и для потомства. Взгляните на дома лезгин, на их сады; везде видно, что они заботятся о том, чтобы все это было прочно и долговечно. Эта поразительная черта их характера как-то не ладится с известной их воинственностью... Лезгины воинственны, это правда, что вполне понятно вследствие сурового характера их родины (не только из-за постоянной борьбы с внешним врагом), но о них нельзя сказать, чтобы они были войнолюбивыми. Войнолюбивый и хищнический народ не станет заботиться об устройстве своего благосостояния, как это делает лезгин. В Закавказье лезгин считают самыми лучшими, самыми смыслеными и усердными работниками".

Н. Глиноецкий, русский историк. Воен. сборник, N1, 1862, с. 124-125.

*"Проснитесь, лезгины! Иные пришли времена,
Но братья-лезгины никак не очнутся от сна...
Пускай обучаются грамоте горские дети!
Кругом оглядятся, подумают сами о многом...
Будет ли сыто сердце счастьем собственного лишь сына,
Когда несчастлив народ, обойден свободой и правдой..."*

Г. Алкадари, Асари Дагестан.

ОТ АВТОРА

В газете "Союз" была рубрика, где выступающие говорили от первого лица. В этой рубрике три года назад была опубликована и моя статья "Я, ГАДЖИ АБДУРАГИМОВ, ЛЕЗГИН". Тогда я писал: "Не раз убеждался: когда люди узнают, что я лезгин, то улыбаются и говорят: "А-а, лезгинка..." И вспоминают зажигательный танец. Лезгинка — действительно наш национальный танец. А дагестанский ансамбль "Лезгинка" известен не только в нашей республике, в нашей стране, но и за ее пределами. И плох тот лезгин, который не умеет плясать лезгинку. К сожалению, жизнь моего народа не так празднична, как этот танец.

Мы — древний народ. Наша история уходит в глубины веков. О нас писали в Древней Греции и Древнем Риме. История у нас славная, но трагическая. И трагична она по сей день.

Вот, казалось бы, о чем мне горевать? Я профессор, физик. Это значит, что имел возможность получить и среднее, и высшее образование, защитить докторскую диссертацию. Долгое время возглавлял в Дагестанском пединституте кафедру теоретической физики. Моя жена Шамиля — логопед с высшим образованием. Три мои дочери тоже благополучны: старшая Зарема заканчивает Дагестанский мединститут, средняя Диана заканчивает школу, а младшая тоже ходит в школу. В Махачкале у меня очень неплохая четырехкомнатная квартира, есть автомобиль... Живи и радуйся.

Живу. Но вот радости, особенно в последнее время, как-то все меньше. Почему, спросите? Да прежде всего потому, что все наши призывы и лозунги об интернационализме все чаще оборачиваются махровым национализмом. И я, лезгин, это ощущаю кожей. И с каждым днем все острее.

Сложилось так, что еще в 1860 году, после Кавказской войны, после поражения Шамиля, территорию, на которой проживал испокон веков наш народ, поделили на две части. Причем эта граница никогда законным путем не устанавливалась. Но она существует, и мы, лезгины, поделены между двумя республиками: Дагестаном и Азербайджаном. В обеих мы в положении нацменьшинств. Здесь истоки дискриминации в политической, социально-экономической, культурной областях. Две части нашего народа не связаны между собой. Нет у нас условий формирования и проведения единой национальной политики, нет возможности развития как единого, целостного организма.

По официальным данным, нас, лезгин, 634 тысячи. На самом деле более миллиона. Почему такой разброс? Да потому, что в нашем многонациональном, равноправном государстве всегда были, есть и будут люди, которым выгоднее, с житейской точки зрения, скрывать свою истинную национальность. И вот уже лезгин, живущий в Азербайджане, чтобы не выглядеть там "белой вороной", пишется в паспорте азербайджанцем. К тому же и официальная статистика в угоду республиканскому начальству подтасовывает факты. Я и пример могу привести. В 26 районах Азербайджана живут лезгины. Только в Кусарском районе их более 60 тыс. человек. В самом Баку — порядка 250 тыс., в Сумгаите около 40 тысяч и т.д. Сложение этих цифр дает 350 тысяч человек. А по официальным данным во всем Азербайджане — 171,4 тысячи. Не сходятся концы с концами!

С конца тридцатых до середины пятидесятых годов в Азербайджане с лезгин (только с лезгин!) за обучение в средних и высших учебных заведениях взимали налог — его так и называли "лезгипул". От платы можно было освободиться — достаточно было в графе "национальность" написать "азербайджанец". Так что не правы те, кто пытается связать разгул национализма с перестройкой. Он бытовал куда раньше на нашей многострадальной земле.

Впрочем, когда речь идет о нашем народе, то это происходит сплошь и рядом. И по ту, и по эту сторону административной границы, то есть, и в Азербайджане, и в Дагестане, постоянно ущемляются наши интересы. В Азербайджане вообще нет никаких национальных школ, нигде не изучается история моего народа, забыты начисто народные промыслы. Уж о газетах и постоянных передачах по радио и телевидению и говорить нечего.

В Дагестане чуть получше. Есть преподавание в начальных классах на лезгинском языке, есть республиканская газета и даже свой театр. А вот с точки зрения социально-экономической лезгинские районы куда хуже смотрятся, чем другие национальные административные районы. В селе Ахты (Ахцегьар) Ахтынского района более четырех тысяч безработных. А жителей там чуть более десяти тысяч. А в Курахском (Кьу-рагь) районе и того хуже. И это не потому, что наш народ ленив или нерадив. Просто из года в год, из десятилетия в десятилетие шла тихая дискриминация лезгино-язычных районов. Мы оказались как бы изгоями на своей родине. Ни в коем случае не виню в этом другие народы. Народы вообще не бывают в чем-то виноваты. Виноваты руководители, в нашем случае виноват земляческий принцип отбора руководящих кадров и еще то, что из лезгин на первые роли в республике никого не ставили. Нам отводили вторые роли и подбирали на них только покладистых, угодливых, если не сказать больше.

А сейчас ситуация и вовсе взрывоопасная. Все осложнено тем, что Азербайджан весьма своеобразно трактует обретенный республикой суверенитет. Неофициально и даже официально все чаще напоминает о том, что Азербайджан — для азербайджанцев. Это сегодня явно не нужны в этой суверенной республике армяне. А подспудно не нужны и мы, лезгины. Даже в законе о собственности — законе, который как будто далек от дел национальных, — проводится жесткое деление на своих и несвоих. Несвои — это опять же мы, лезгины.

Вот и получилось, что теперь я не только профессор, преподающий физику, глава семьи, отец трех дочерей. Я теперь еще и председатель лезгинского народного движения "Садвал". В переводе на русский это значит "Единство". Единство не только лезгин, проживающих по обе стороны реки Самур. Единство всех народов, населяющих наш общий дом. Мы хотим, чтобы в этом доме были равны все народы. Независимо от численности, от места обитания, от вероисповедания.

Может, это из области мечтаний, но так хочется, чтобы за тем столом, за которым будет подписываться Союзный договор, сидели представители и моего народа. И сидели не как марионетки, а как полноправные его субъекты. Чтобы наши интересы не были забыты, чтобы они были заложены в Союзном договоре. Ибо мир и расцвет могут быть только там, где есть равноправие, взаимоуважение.

Для нас это очень важно еще и потому, что вовсе не исключен исход лезгин из других республик. Я то и дело встречаю лезгин-беженцев. О них мало знают, мало пишут и, самое ужасное, почти не заботятся. А судьба их поистине трагична. А это ведь не Один-два человека, не две-три семьи — это почти десять тысяч человек, оставшихся практически без крова, вынужденных скитаться. И это в наш талонный век! И наш "Сдавал" в меру своих более чем скромных возможностей пытается им помочь.

И если бы этот процесс можно было остановить! Пока такой возможности я не вижу. Наоборот, все идет к тому, что беженцев-лезгин станет больше. А значит, больше проблем, больше горя, больше слез — всего того, что неизменно сопутствует межнациональным конфликтам...

Со времени опубликования этой статьи произошли крупные изменения в нашей жизни: распался СССР, запрещена компартия, полным ходом страна идет к новым формам собственности. Этот поворот сопровождается "прихватизацией" нечистоплотными

людьми и мафиозными кланами огромного государственного богатства, созданного трудом всего общества. Убийства и грабежи стали "нормой" жизни. Создаются новые государства на территории бывшего СССР со всеми атрибутами государственности — границами, таможами, национальными армиями и т.д. Огульное превращение бывших административных границ в государственные, без учета национально-этнического расселения народов', приводит к появлению новых очагов напряженности и конфликтов. Установление государственной границы между Дагестаном и Азербайджаном не только осложнит экономические и культурные, связи, оно обернется неизмеримой трагедией для лезгин и некоторых других народов Дагестана. Мы стоим перед фактом, когда граница пройдет посередине лезгинских земель, тем самым разлучит брата с сестрой, отца с детьми. Последствия этого акта непредсказуемы.

К сожалению, опасения трехлетней давности сбываются: в Азербайджане уже начались открытые гонения против лезгин: более 30 человек "садвалистов" арестованы, они подвергаются истязаниям. Имеем большое количество беженцев из Азербайджана. Против них и с этой, дагестанской стороны подспудно ведется травля, им не оказывается никакая помощь. В Дагестане лезгинский народ поставлен на голодный паек, на "садвалистов" навешивают ярлыки националистов, к ним причисляют грабителей и насильников. Таким образом, на ЛНД "Сдавал" натравливают общественность. А в действительности кто довел народ до нищеты, отнял у него возможности духовного роста, умалчивал его историю, подвергал репрессиям и гонениям лучших его сынов? Это те же коррумпированные силы Азербайджана и Дагестана, которые из горя народа извлекали и извлекают колоссальные материальные блага! Разве они отступятся просто так, без яростной борьбы за сохранение своего господствующего положения?! Нет. Никогда! Будьте бдительны, земляки! Они являются отравителями наших душ и грабителями нашего состояния. И делают это порой искусно, эксплуатируя лозунг "крепить дружбу народов", используя структуры власти и большую прессу, окопачивая и натравливая народы друг на друга.

Обращаясь к соотечественникам, хочу сказать: пишите, просите, требуйте решения вопросов и проблем, стоящих перед нашим народом. Не будем забывать древней пословицы: "на бога надейся, но сам не плошай". Не жди, что кто-то будет решать проблемы твоего народа за тебя или без тебя, учи своего ребенка родному языку, воспитывай в нем уважение к родному народу, его культуре, истории, памяти предков и т.д. Не жди, когда сосед начнет это делать, делай сам, исходя из того, что если ты не будешь беречь свой народ, то никто во всем огромном мире не будет этого делать. Помни, что от тебя одного зависит судьба твоего народа, и у тебя появится сила, уверенность в благородстве и успехе твоего дела. И тогда сосед тоже последует за тобой, а за ним пойдет и другой.

Наше дело правое, потому что истинное и святое, поскольку нет ничего истинное и святее родной матери, отца, а народ — это наши матери и отцы, они нам дают жизнь, родной язык, мораль, имя, т.е., все то, что делает нас людьми. Не признавая, не уважая их, мы отрываем себя от корней, перестаем понимать, где верх, где низ, что такое плохо и что такое хорошо, и начинаем считать, что нет на свете ничего более достойного, чем наш желудок, и наполнению его отдаем всю свою жизнь...

Вспомним Гасана Алкадари, поэта, ученого и патриота, который более ста лет тому назад писал:

*Проснитесь, лезгины! Иные пришли времена,
Но братья-лезгины никак не очнутся от сна...
Пускай обучаются грамоте горские дети!
Кругом оглядятся, подумают сами о многом.
...имя человека пристанет ли раболепствующим?
Не рассчитывай, сынок, легко и просто*

заслужить звание человека.

Если, как в старых сказках, дэвы устремятся на тебя,

Жертвуй жизнью, сынок, мгновенно, не колеблясь.

Будет ли сыто сердце счастьем собственного

лишь сына,

Когда несчастлив народ, обойден свободой и правдой...

Прочитав мою книгу, вы увидите, что наш народ подвергался жесточайшим нашествиям бесчисленных врагов, переносил большие лишения и понес бесчисленные жертвы, отстаивая право на свое имя для своих потомков. Ведь наши предки могли подчиниться и тем самым сохранить свою жизнь либо разбежаться по другим странам. Но они этого не сделали. Многие из них погибли, но сохранили для потомков Родину. Даже в тяжелейшие периоды они мечтали только об одном — вспомним завещание Алкадари: "Верю: угнетенный мой народ в один из дней свободен станет", — напиши на надгробии Мемнуна (литературный псевдоним Г.Алкадари), уважь могилу мою". А ведь Гасан-бег Алкадари относился к господствующему классу, пользовался уважением и расположением царских чиновников, ему была обеспечена отличная карьера, но он сорвал с себя офицерские погоны и примкнул к восстанию 1877 года. За участие в этих событиях он был арестован и сослан в город Спасск Тамбовской губернии, где пробыл в ссылке четыре года.

Пусть его слова станут той кровью, которая будет двигать наши сердца и наши действия, давать пищу нашему разуму, пусть они станут лучом света, освещающим нашу дорогу.

Наши предки дорогой ценой отстояли нашу землю, сохранили народные традиции, богатый фольклор, нашу материальную и духовную культуру. Что же мы оставим детям, внукам? Рабство в новых формах? Что мы им скажем? Не сумели защитить землю, собственный народ, упустили шансы на достойную жизнь из-за функционеров, берегущих свои кресла, — из-за тех, кто не ведает, где его народ и продает его интересы. Каждый из нас должен, обязан думать о будущем нашего народа, защищать его интересы, содействовать сохранению и приумножению того, что передано нам предками. Мы должны объединиться и действовать в рамках международных законов о правах человека и зависимых народов, поскольку сейчас эти правовые акты признаны всеми государствами. Ни в коем случае не должны допускать произвола или экстремизма, ибо коррумпированные силы ждут этого от нас, чтобы расправиться с нами. Наше дело правое, мы победим мирными действиями и средствами.

Еще об одном. История лезгинского народа хранится в архивах Сирии, Ирана, Турции, Ирака, Греции, Рима, Армении, Грузии, Азербайджана. Однако я не имел возможности ознакомиться с ними. Уверен, в будущем нас ожидают большие открытия. Это подтверждает и недавнее сообщение "Албанские рукописи... на лезгинском языке" в газете "Алпан" (№5, 1993 г., Баку), где сказано: "Профессор Я.Яралиев читает албанские тексты. Этому сенсационному сообщению сначала не верилось. Но, к счастью, это свершившийся факт. Профессор Я.Яралиев сумел прочесть албанский текст, приоткрыв завесу над тайной, разгадать которую пытались многие ученые мира.

Возможно, мы еще не совсем осознаем масштабы этого научного открытия. Но ясно одно — этот факт дает неопровержимые доказательства того, что лезгинский язык был основным государственным языком древней Албании. И тем самым сделан выдающийся вклад в современное албановедение.

Прочитанный профессором Я.Яралиевым текст представляет собой лишь одну небольшую часть обширной рукописи. Исследование показало, что в структуре лезгинского языка значительных изменений не произошло. Несмотря на встречающиеся неизвестные слова, текст читается свободно.

В данном тексте упоминаются имена албанских епископов Виру и Албиса, а также ученых-писателей Джамага и Ушала. Текст возвращает нам некоторые малоизвестные древние лезгинские слова: улуб — книга; зари — писатель, поэт; каркам — знаменитый; митив — род; микитис — ученый и т.д."

Выходит, что дагестанский ученый М.Ихиллов был прав, когда писал: "Следует однако заметить, что в деле дешифровки албанских надписей сделано еще немного. Дешифровка производилась только на основе удинского языка, тогда как удинский язык всего лишь один из языков лезгинской группы народностей. В исторических источниках идет речь о создании албанской письменности на ведущем горском языке. Таким языком мог быть, мне кажется, не племенной язык — удинский, гаргарский, рутульский, цахурский, а общелекский — лезгинский язык".

В работе не делаю различия между лезгиноязычными народами, да это и осуществить-то практически невозможно, поскольку у нас одна и та же история и культура, восходящая к нашим предкам: албанам — лекам — легам. История, культура и экономика лезгиноязычных народов исследована очень слабо. Все, что мне стало известно о наших народах, я включил в эту работу.

Материал для этой книги я собирал давно, но писал ее в спешке. Взрывоопасное положение лезгин, навешивание ярлыков на патриотов, обман народа через официальные средства информации, информационный вакуум вокруг лезгинских проблем и т.д. вынудили меня экспромтом написать эту работу. Я даже не имел возможности перечитывать черновики, чтобы ликвидировать отдельные повторы, выправить стиль. Поэтому надеюсь, что в этом плане читатели не будут ко мне слишком строги. Я хотел как можно скорее рассказать миру о тяжелейшем положении лезгинского народа, над которым навис крупномасштабный геноцид.

Обращаясь к националистам, хочу сказать, что можно гнать, можно унижать людей, но нельзя уничтожить целый народ, его дух, его культуру, его извечное стремление к счастью. Тем более сейчас, когда народы проснулись от "коммунистического сна" и они отстаивают свои законные права. Примеры тому — Карабах, Абхазия, Южная Осетия... Счастье моего народа в его единстве. Да и выжил он до сих пор лишь потому, что был единым, имел достаточное жизненное пространство, от репрессий и преследований в одной части мог укрыться в другой... Теперь нас хотят разделить настоящей государственной границей. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Государственные границы не бывают "прозрачные" или "непрозрачные". Либо они есть, либо их нет. Государственная граница посередине нашего народа — это начало гибели нашего народа. Об этом говорит история Лезгистана. Даже элементарные таможенные посты в прошлом приводили к разорению горцев. Вот что написано в "Очерках истории Дагестана": "Кустарный промысел, который являлся большим подспорьем в хозяйстве горцев, приходил в упадок из-за таможенных препятствий и конфискации всех видов изделий". О притеснении горцев подробно говорится в имеющихся документах. Характерным в этом отношении является рапорт генерал-майора барона Вреде командующему войсками генерал-лейтенанту Вильяминову: "Едущие туда и обратно останавливаются объезжиками, и ежели окажутся у кого бездельная сумма в червонцах и серебре или кусок какой-нибудь материи, представляют в таможеню для взыскания узаконенных с него пошлин, при том случае, что чиновники застав задерживают даже и тех жителей, кои собственные свои произведения и изделия в своих границах перевозят из одного места в другое". Поэтому мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить установления государственной границы и таможенных барьеров на нашей территории. Мы должны быть достойны памяти прошедших поколений, которые сумели отстоять единство нашего народа. Ведь в 1724-1727 годах Россия и Турция также намеревались установить государственную границу посреди нашего народа.

"Общества Самурской долины, — пишет Гербер, непосредственный участник определения русско-турецкой границы, — противятся обоим государствам (России и Турции) в подданстве, все заедино вместе стоят и хотят вольными людьми пребывать, как оные всегда бывали". Жители Алтыпаринского общества, жившие "в крепких местах", не желавшие слышать о таком разделении, были царскими властями оставлены в покое". Да поможет нам Аллах в сохранении единства и восстановлении государственности и теперь.

У меня трое детей. О чем я мечтаю? Чтобы они были счастливы, здоровы, благополучны. Чтобы жизнь их была без национальных унижений, без унижения человеческого достоинства. Возможно ли это? Сбудутся ли мои мечты? Полной уверенности нет. Но надежда есть. Пока человек жив, он просто не может не надеяться. Тем более, если у него дети...

В Лезгистане прекрасный морской берег. Люблю, когда выдается свободный день, приходиться на берег Каспия — тут так хорошо! И так хочется, чтобы на этом берегу был мир, чтобы если не мои дети, то хотя бы мои внуки не знали никогда, что такое раздор и национальное унижение.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Профессор А.Агаев определил назначение истории народа следующим образом: "Чтобы человек мог стать патриотом и интернационалистом, он прежде всего должен знать свой народ, другие народы, понимать их психологию, традиции, обычаи, культуру, иметь ясное представление об их взаимоотношениях на разных этапах истории. И эмпирически, и теоретически установлено, что человек, лишенный исторической памяти, рано или поздно в своем поведении в сфере межнациональных отношений скатится или к национальному нигилизму (отрицанию национальности, родной культуры, языка, родины), или к национализму" [1].

Как известно, в основе изучения истории народа лежат древнейшие следы его культурной жизни, извлекаемые из языка народа и его археологических памятников, И то и другое у лезгиноязычных народов изучено очень плохо. Наиболее интенсивные исследования этих направлений начались в Азербайджане после образования республиканской Академии наук, а в Дагестане — филиала АН СССР в 1949 году. К сожалению, в исследованиях истории преобладающим стал марксистский подход в его худшем варианте, а в руководстве научными направлениями — "партийное руководство" с его некомпетентностью, амбициями и националистическим уклоном. Все это привело к серьезным деформациям не только в постановке изучаемых явлений, но и к серьезной фальсификации исторических данных, сокрытию, а иногда и уничтожению фактического материала для реализации первой задачи. Мы и сегодня не можем сказать, что в названных научных центрах Дагестана и Азербайджана наступили какие-либо положительные перемены. Они все еще остаются "форпостами консерватизма, хранителями затухающего пожарища догматизма". Подход к исторической науке и по сей день остается сугубо прагматическим: история нам нужна потому, что она должна отвечать потребностям исторического момента и его концепциям. Но что же в этом нового? Разве не то же происходило каждые 10-15 лет при очередном повороте политического курса или с приходом нового лидера бывшего СССР и республик? Применительно к Дагестану и Азербайджану этот подход принял уродливые формы: история нам нужна, чтобы она подвела почву для реализации той концепции, которая отвечала интересам отдельных "кланов" и представляемых ими народов. Для выполнения этой сверхзадачи пошли в ход не только фальсификация исторических реалий, но и произвол, гонения против тех, кто противился этой вакханалии. Поэтому и сегодня многие народы, особенно малочисленные, не знают своей подлинной истории. Лезгины не являются исключением в этом печальном списке. Естественно, что у народа постоянно возникают вопросы, кто такие мы, лезгины, каковы наша судьба и история.

Лезгиноязычные народы, или лезгины, — один из аборигенных народов, игравших исключительно большую роль в политическом устройстве Кавказа, в его экономическом и культурном развитии.

История лезгин и формирование лезгинской национальной экономики, культуры и литературы, представленные недавно как не имевшие существенных результатов, в условиях гласности оборачивается совершенно новыми гранями, поэтому ждут своих исследователей.

Настоящая постановочная работа, естественно, не может считаться исследованием даже начал экономики, культуры и литературы. История лезгин настолько насыщена героикой, материальной и духовной культуры, что вряд ли ее можно охватить одной-двумя статьями или более крупной работой, поэтому моя цель — обратить внимание на завуалированное и плачевное ее состояние. Народ, чьими руками и духом созданы такие уникальные памятники материальной культуры, как Дербентская крепость и Торпах-кала, исторические труды "Ахты-наме", "Асари Дагестан" и другие выдающиеся произведения

литературы и искусства, находится в унижительном положении, представлен в имеющихся исследованиях как народ без своей истории и культуры.

Свидетельством сокрытия и негативного отношения к нашей истории и культуре является судьба Торпах-кала, одного из крупнейших памятников строительства сасанидского периода на Кавказе.

Городище Торпах-кала расположено к югу от Дербента, вблизи пос. Белиджи, на равнине между реками Рубас и Гильгиль-чай. Оно представляет собой грандиозное укрепление площадью около 100 га, имеющее в плане форму почти правильного квадрата. Оплывшие валы городища некогда были мощными стенами, возведенными из сырцовых кирпичей. Валы имеют толщину 8-10 м при высоте 10-12 м. В настоящее время вокруг городища сохранился ров, имеющий глубину 2-3 м, ширину 20-25 м. На каждой из четырех сторон городища устроены ворота, следы которых сохранились в виде проемов в валах. На юго-западной стороне городища имеется искусственное насыпное возвышение, где находилась, видимо, цитадель [2].

Сооружение Торпах-кала и Дербентской сырцовой стены осуществлялось примерно в одно и то же время — в V в. Это считается в определенной степени установленным [2], поскольку керамика городища Торпах-кала близка керамическим материалам сасанидских слоев Дербента.

Городище кратковременно и поверхностно исследовалось специалистами: в 1923 г. — А.С.Башкировым, 1937 г. — Е.А.Пахомовым, 1941 г. — М.И.Исаковым, 1957 г. — В.Г.Котовичем. При этом археологические раскопки на нем не велись [2]. Стационарное археологическое изучение этого грандиозного памятника имеет исключительное значение для исследования истории лезгин. Однако по причине размещения там в 50-е годы двадцатого "советского просвещенного" века военного гарнизона прекращен доступ в него специалистов, уникальное сооружение уничтожается физически.

Историю, экономику и культуру наших народов разрушали все, кто был посильнее властью, расчленили и растаскали все по частям, и сегодня представляют нас как народ, не имевший в прошлом ни государственности, ни рода, ни племени, без экономической, социальной и духовной культуры.

Процесс сокрытия, присвоения нашей истории и культуры достиг особенно больших масштабов при советской власти.

Поищите упоминание о лезгинах в ученых трудах АН Азербайджана, Дагестанского научного центра АН России или в учебных пособиях по истории этих республик: таких данных либо нет, либо они мизерны или искажены настолько, что невозможно представить цельную картину развития лезгиноязычных народов даже за исторически короткие периоды.

Чтобы не быть голословным, приведу два абзаца из школьного курса истории Дагестана: "У античных авторов мы можем найти упоминания о таких народностях и племенах Албании, которые, по всей вероятности, являлись предками нынешних дагестанцев. Это прежде всего гелы и леги, которые жили у северной границы Албании, по соседству с сарматами. Дидуры могут быть отождествлены с нынешними дидойцами. Утии занимали обширные территории. Их потомками считают небольшую народность удин в северном Азербайджане" [3].

Как видим, в приведенном абзаце нет ни слова о лезгинах, хотя они являются прямыми наследниками племен гелы и леги. Ничего не сказано и о том, что удины также относятся к лезгиноязычной группе.

Другой пример. Вот как описывается восстание дагестанцев против персов в том же учебнике: "В июне 1721 г. войска Сурхая (лакец — Г.А.) и Дауда (лезгин — Г.А.) осадили Шемаху и взяли ее. Это был кульминационный момент восстания. Но и на этот раз дала о себе знать феодальная сущность его главарей. Они с Даудом стали грабить не только иранцев, но и всех шема-хинских горожан, при этом в Шемахе были ограблены и убиты русские купцы". Из изложенного следует, что Дауд был грабителем и убийцей и не состоял ханом Ширвана с 1721 по 1728 год. Как мы убедимся ниже на основе достоверных фактов, Дауд не был ни грабителем, ни убийцей, а был истинным патриотом, героем, защитником своего народа, и все с ним обстояло не так, как сказано выше.

У нас отнимают не только историю и культуру, но и само название народа — лезгины. Одним из ярких примеров этого произвола является работа И.Абдуллаева, К.Микаилова "К истории дагестанских этнонимов лезг и лак", обращенная к широкому читателю, опубликованная в престижном издательстве "Наука" в Москве [4] большим тиражом.

В статье читаем: "Название лезги (русс. лезгин) не было в прошлом самоназванием отдельной дагестанской народности. Это название было совершенно чуждо дагестанским горцам... В течение последних пятидесяти лет в русском языке общий этнический термин для дагестанских горских народов "лезгины" постепенно превратился в название одного из дагестанских горских народов, известного в прошлом под названием кюринцы. Это связано с тем, что примерно со второй половины XIX в. кюринцы (современные лезгины) начали использовать в качестве своего этнического самоназвания широко распространенный в восточных языках общий этноним дагестанских горских народов лазги (ср. аз. лезги, перс. lazgi, тур. lezgi), от которого образовано при посредстве суффикса-ин и русское "лезгин". В изложенном явно прослеживается мысль, что название "лезги" было общим для всех горских народов Дагестана, а затем оно "присвоено" кюринцами. Такое утверждение неправильно отражает суть явления: название "лезги" относилось в первую очередь к лезгиноязычным народам, а затем оно ошибочно перенесено и на другие горские народы Дагестана.

Нельзя согласиться и с утверждением И.Абдуллаева, К.Микаилова о том, что у племен, составляющих современную лезгинскую народность, долгое время, вплоть до окончательного вхождения в состав Российской империи, не было социально-экономических и политических условий, способствовавших закреплению общего этнического самоназвания. До вхождения в состав Российской империи (XIX в.) современные лезгины не составляли единого политического целого.

Далее в этой работе, по утверждению авторов, "делается попытка обосновать гипотезу о неразрывной связи между одним из социальных терминов некоторых языков Северного Кавказа и восстанавливаемым этимолом Lag (лаг), от которого и были образованы разбираемые в статье этнические термины".

Идея работы в этой части заключается в том, что будто дагестанское (кавказское) слово Lag, означающее в разное время "человек", "крестьянин", "раб", было заимствовано древними осетинами. В их языке "оно сохранилось как одно из ярких отложений кавказского субстрата", а затем "оно снова появляется в дагестанских языках". Далее утверждается, что слово "лезгин" образовалось от слова Lag, и представлена схема образования: "лаг-лакк-лакз-лакзи-лазги-лезгин".

Основным упущением И.Абдуллаева, К.Микаилова является невероятное упрощение в объяснении объектов исследования и полное нежелание понять этническую историю лезгиноязычных народов, без знания которой ничего нельзя доказывать в отношении изучаемого этноса.

Как известно [5], проблема этнической истории народа может быть успешно решена только при помощи комплексного метода, учитывающего данные антропологических,

археологических, исторических, лингвистических, этнографических, естественных, исторических и других наук. Ведя поиски родственных слов и названий на отдаленных друг от друга территориях, пытаюсь найти в современных названиях древние, указанные авторы сблизятся их внешним сходством. Наивно полагать, что родственные названия должны звучать похоже на протяжении веков. Наоборот, внешнее сходство слов, разделенных большим промежутком времени и территорией, чаще всего является свидетельством случайности этого сходства. Случайные совпадения слов в разных языках неизбежны, математически обязательны, особенно разительные примеры, подтверждающие это, имеем в области топонимики [6]. Поэтому доводы и выводы, приводимые в статье о происхождении названия "лезгин", антинаучны и ошибочны, данные подогнаны к заранее подготовленной схеме.

Примеров подтасовки исторических фактов можно привести множество. К сожалению, все это было и остается официальной политикой властных структур и исполняющих их волю научных институтов Азербайджана и Дагестана. К каким последствиям привела эта бесчеловечная политика в отношении лезгинского народа в указанных выше республиках, наглядно продемонстрировал проф. М.Аджиев в статье "Лезги из Тагирджала", опубликованной в журнале "Вокруг света" [7]. Ниже привожу фрагменты из этой работы, чтобы читатель убедился, до какого состояния доведен лезгинский народ.

"Я ехал из Баку... Ехал душным знойным летом. Несколько раз шоссе подходило к каналу с густой, мутной водой... Канал идет из Самура, горной реки, отделяющей Азербайджан от Дагестана. Эта река, как с грустью сказал мне лезгинский поэт, еще в XIX веке отделила лезгин от ... лезгин. Поэтому теперь есть азербайджанские лезгины, есть дагестанские. И вроде бы ничто не говорит об их различиях, а они существуют. На шоссе нет ни указателя, ни таблички, говорящей, что ты въезжаешь на земли лезгин, а разница ох как чувствуется. Невольно замечаешь: отступает испепеляющая полупустыня, на склонах гор появились террасы — там зеленеют деревья. Будто оживает, поднимается природа... Так — неожиданно! — начинается Лезгистан.

И вот я — в Кусарах, в районном центре на севере Азербайджана. Здесь живут только лезги. Нет, не только! В городе полно загорелых солдат в линялых панاماх ... для содержания в покорности местного населения, угрожающего постоянно безопасности Кубы, как написано в старинной книге...

Кавказ издавна славен многоязычием. Веками! И оно никого не смущало. Больше того, воспринималось как должное — как сами горы, укрытые снегами, как небо, распахнутое над головой. Иначе Кавказ не Кавказ. Зачем же кому-то понадобилось из гор делать равнину?

Оказывается, в 30-х годах XX века в высоких кабинетах не боги, а возомнившие себя богами "сотворили" народы СССР. Новые нации пекли, как лепешки на базаре. Из проживающих в Азербайджане сделали азербайджанцев. Из народов Грузии — грузин. С тех пор и в обиход вошло нелепейшее словосочетание "лица кавказской национальности".

Лезгины, которых я видел в поездке, — творение тех лет. Сразу десять народов — лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры, арчинцы, удины, крызы, будухцы, хиналукцы — стали советскими лезгинами, все на одно лицо, вернее, без оно — некими "лицами кавказской национальности", прочими среди прочих. Правда, в 1946 году хозяева высоких кабинетов спохватились. Правителей напугала многочисленность лезгин. Тогда, как от куска мяса, от "новой" нации отрезали табасаранцев, рутульцев, (агулов, цахурцев — Г.А.), чтобы теперь лезгины не перевешивали в торговле за власть... Нет народа — нет проблем. Маленький народ — маленькие проблемы.

Но историю, как и этнографию, не переиначишь даже в самом высоком кабинете. Нынешние конфликты на национальной почве, как мне думается, и есть расплата за те

этнографические "творения", о которых теперь стыдливо умалчивают... Вот она, настоящая цена за угодничество в науке.

Для историков и археологов иные времена, как иные районы Лезгистана, вполне могли бы стать кладом, полным неожиданных открытий. Тем более что серьезных раскопок ни в земле, ни во времени здесь никто, похоже, не проводил, подчеркиваю, серьезных.

Верхний Тагирджал... Переехали мост. Я попросил шофера остановить машину. Вышел. Весь склон до самого верха занимало кладбище. Тысячи и тысячи безмолвных памятников подходили к самому небу.

Между ними ходили овцы. Я подошел к одному памятнику, потрогал на нем высеченные слова, похожие на кружева. То была не арабская вязь. Чей язык? ... Уже потом уважаемый Икрам Давлетханов рассказал, что когда был обвал и часть кладбища сползла в реку, люди увидели подземное кладбище. Трехэтажное.

— Какое-какое? — переспросил я. Оказывается, обвал открыл то, что прятало время: под верхними могилами были нижние. Три яруса могил.

Когда появились первые захоронения, никто, конечно, не помнит. И не может помнить! — они метров на восемь-десять от поверхности, людей тогда хоронили в глиняных сосудах, стоя. Что это была за культура? ... Ни один археолог, как мне сказали, и пальцем не коснулся здешних глиняных сосудов, которые порой обнажает река.

Выходит, в Тагирждеале жили задолго до нашей эры. А не здесь ли вообще одно из первых поселений в Лезгистане?

... Еще задолго до нашей эры, тогда Самур назывался Албаном, было государство Кавказская Албания. Его жители отличались воинственностью и удивительной смелостью. Не случайно же до сих пор в Грузии так пугают непослушных детей: "Придет леки, заберет тебя". Лезги уводили отсюда невольников и продавали их. В Дагестане, например, вплоть до XIX века был невольничий рынок. Такова еще одна древняя традиция лезгин, дошедшая до нас по книгам того времени: народ — воин.

К слову сказать, за исключительную порядочность, бесстрашие и высокое воинское искусство лучших из лучших лезги в XIX веке приглашали в Санкт-Петербург в Собственный Его Величества конвой Государя Императора.

"Глухой только наполовину жизнь понимает", — учит пословица. Сегодняшние заботы созданы именно глухими, прежними руководителями. В результате опустошен Тагирджал, разорен Судур, брошены другие древние аулы... Даже после Тимура, Надир-шаха в Лезгистане все-таки было иначе: никто не рубил корни дерева — завоеватели лишь обирали плоды.

И, чтобы утвердиться, с 30-х и вплоть до 60-х годов наместники народной власти заставляли лезги платить так называемый налог на оседлость, его платили в республике лица некоренной национальности, то есть не азербайджанцы. За проживание на родной земле с лезги брали деньги! Лишь одно спасало лезги от уплаты этого унижительного налога — записывай себя азербайджанцем, тогда в Баку открывались, например, двери "бесплатного" образования.

Так национальная политика готовила себе национальные кадры. Кадры, которые никому и не были нужны. Зачем они, если нет рабочих мест?

Семьдесят лет из страны лезги "утекают" мозги и руки. Здесь нет ни научных учреждений, ни современной промышленности. Зато есть талантливые ученые, квалифицированные инженеры и рабочие, которые нашли свою судьбу на стороне. Парни из Тагирджала, например, работают в химических цехах Сумгаита, на нефтегазовых

промыслах Тюмени и Баку. Правда, только второсортная работа, как правило, достается им. Но даже не в этом мне видится беда. Главное — растворяется гордый народ гор по имени лезги. Вот что, на мой взгляд, самое страшное, самое невосполнимое...

На ночь меня приютил Ярахмедов Ярахмед, седеющий горец с чуть притухшими черными, очень выразительными глазами.

— В Тагирджале, — вспоминал Ярахмед, — люди приходили и по делу, и просто так, послушать, посмеяться, душу отвести...

А самой большой шуткой и самой глупой лет сто назад была бы такая: "Скоро не будет лезгинских праздников". Честное слово, засмеялся бы, никто бы тогда не поверил, что внуки выбросят папахи, бурки, черкески своих дедов (горячие горцы не догадывались о близком будущем). И уж в чем можно быть абсолютно уверенным, никому бы и в голову не пришло сказать, что в аулах замолкнут песни, что народ, давший миру лезгинку, разучится ее танцевать (с остывшей кровью разве танцуют настоящую лезгинку? Пей — не пей водку, а кровь разогревает не она...).

Утром меня ждала новая дорога — Ярахмед обещал проводить в Судур, еще одно древнее лезгинское селение. Высокогорье... Какие впечатления! Я подумал: ведь за впечатления в цивилизованном мире платят, причем твердой валютой. Но в Лезгистане о доходе от туризма, похоже, не слышали, иначе наверняка пару-тройку седел сделали бы...

Поездку по Азербайджану прервали выборы. Они проходили здесь в 1990 году, как известно, при режиме военного положения. Словом, не по своей воле я оказался в соседнем Дагестане. На другом берегу Самура мне открылась иная страна — равнинная. Там живет народ, который тоже называется лезги. И дело, конечно, не в том, что едва ли не все говорят по-русски почти без акцента. Там дух иной! Горами не пахнет, пахнет российским селом...

Не хочу много рассказывать о дагестанских лезгинах: лишь две-три светлые минуты за всю поездку. Простите, дорогие земляки, но было именно так. И одну из этих светлых минут подарил Руслан Керимханов из селения Гиляяр. Если бы не он и не его замечательные друзья, честное слово, подумал бы, что в Дагестане уже перевелись лезги. Этот парень собрал в брошенных домах старинную посуду и хранит ее на чердаке. Говорит, для музея! Честное слово, какой-то несовременный лезги живет в Гиляяр. Зачем-то учится рисовать. Зачем-то записывает народные предания и обычаи. Хочет восстановить мечеть. Говорит о возрождении народных промыслов. "У человека семья, дом, а он, как мальчишка, ерундой занимается", — возмущается кое-кто.... В Гиляяре всегда была мечеть. Настоящая. С покатой крышей. С минаретом. Правда, ныне она разрушена и, видимо, безвозвратно. Наши современники рядом с древней мечетью, прямо через кладбище, проложили дорогу...

На чердаке мечети мы с Русланом видели разодранные священные страницы из арабских книг. Какого они века?...

Конечно, открытий и в Дагестане у меня много. В 1957 году в Гиляяре нашли кувшин с обуглившимися зернами пшеницы, позже находку датировали третьим тысячелетием до нашей эры...

В поселке Белиджи на новые дома все вешают пучок колючей травы или прибивают бараньи рога — от сглаза...

Рецепты проверенные, пришли из глубины веков, ведь прежде, до V столетия, здесь была столица княжества Чога, городище умещалось в крепости Торпах-кала (Глиняная крепость). На остатки крепости и захотелось посмотреть, вот почему моя дорога завернула

сюда. Однако в селении никто не знал о реликвии. Даже не слышали о такой! Об этой лезгинской ровеснице Трои.

Опять же спасибо случаю и терпению: они свели с веселыми солдатами, которые знают о крепости все. Короче говоря, в лесу сохранилась Торпах-кала. Но к ней просто так не подступиться. Что-то, видимо, там берегут для наших новых мирных инициатив.

Это они, солдаты, нашли в земле Торпах-кала битую и целую посуду, изделия из меди: кольца, украшения. Несколько раз находили золото. Это они, солдаты, знают, где, в каких местах под землей пустоты. Это они говорят, что около свалки есть плита, загораживающая подземный ход. Они не раз пытались подцепить плиту бульдозером, не поддавалась, гадина, так и бросили.

Интересуются, выходит, наши современники крепостью...

Остальные свои встречи в Дагестане я стараюсь забыть: тяжелый сон. Несчастливая страна. Обездоленная... Там бессилие и безнадежность, а это — самое страшное. Ибо, как сказано в Коране, самое большое на свете несчастье — безнадежность...

Не знаю, забуду ли встречи с потерянными аксакалами... С опущенными глазами, я пытался было сказать аксакалам о великих лезги начала века, о которых они, похоже, даже не слышали. Например, о Бейбалабеке Султанове, крупнейшем враче, вернее, естествоиспытателе, преподававшем в Сорбонне (в Париже — Г.А.). Или о Али Гасанове, который поражал собеседников "эрудицией и силой мысли, разбиравшийся во всех тонкостях Спинозы и Лейбница, Канта, Гегеля и других" (так писали о нем современники), причем излагал он свои мысли и на турецком, и на фарси, и на арабском, и, конечно, на европейских языках.

Пустые мои хлопоты! И я вдруг с ужасом понял, что целые поколения всю свою жизнь только крушили, чтобы "до основанья, а затем...". У них своя история, свой отсчет времени. Их устраивают легенды о прежней отсталости и дикости лезги, эти легенды они же придумали. Будто бы не было гениального Фагира — поэта XVI века, Салаха, лезги Кадыра, Мирзы ал-Ахты и других мыслителей XVII века. Забыты Раджаб Амирханов, Мулла Нури, Мирзали Али. Сколько их, великих умов Лезгистана, вычеркнуто из истории! Великанов низвергли, а на постамент подняли карликов... Часто буду вспоминать Тагирджал, там в полночь случилось землетрясение. Но тряслась не земля. То ушедшие лезги ворочались в могилах. Непокойно ныне им, нашим предкам...

Жеребца, у которого связаны ноги, спросили: "Сколько лет тебе жить?" — "Спросите у хозяина", — ответил конь.

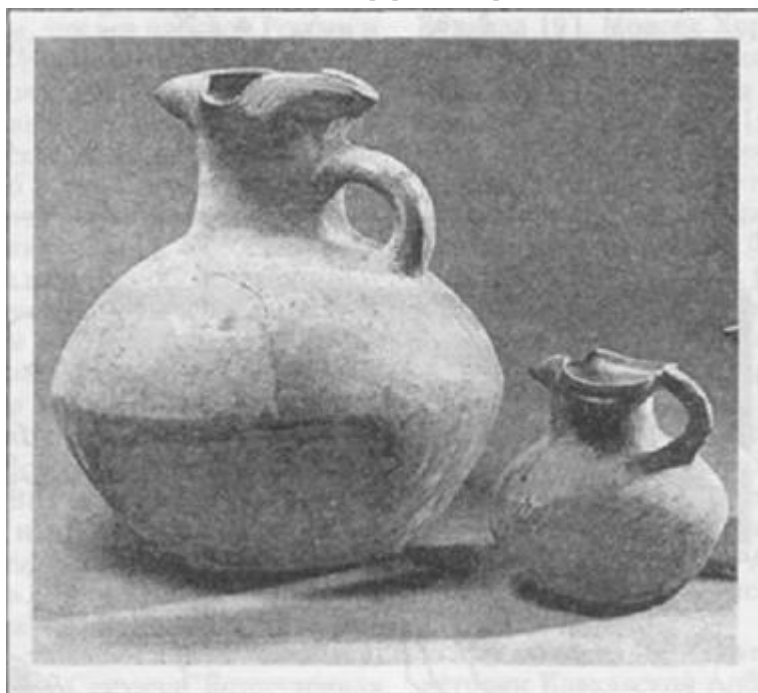
На этом заканчивает свой рассказ о лезги наш уважаемый земляк, кумык по национальности, интернационалист по духу. В его большой душе, в любви к людям, интернационализме меня убеждают его прекрасные статьи, опубликованные ранее.

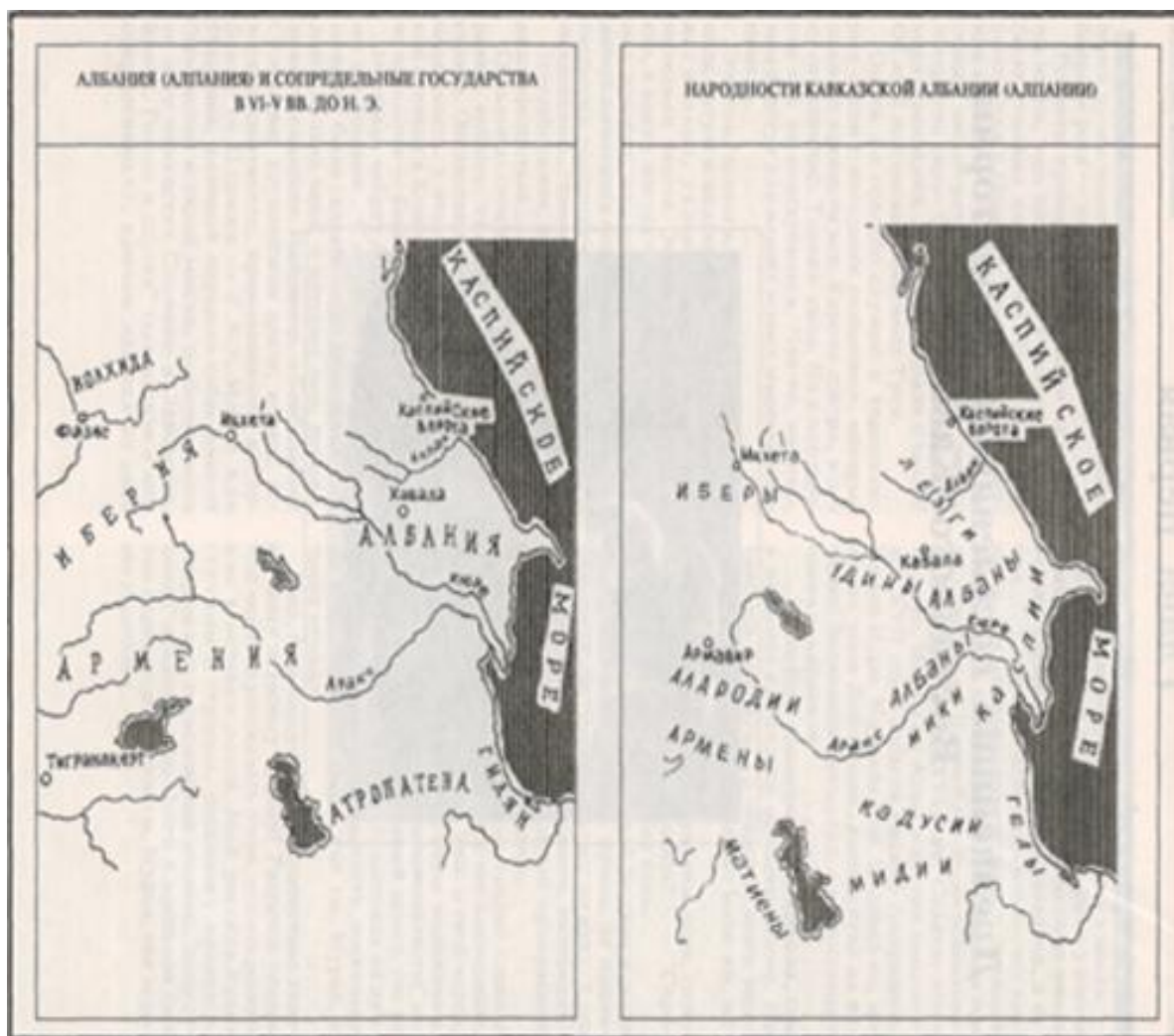
Спасибо тебе, Мурад, за теплые слова о лезги, боль за него в связи с его плачевным, униженным положением. Увы, и твой народ, мой друг Мурад, не в лучшем положении. "Великие советские интернационалисты" заварили такую кашу на нашей земле, что не скоро мы ее расхлебаем. Но надежда на лучшее будущее наших народов есть, поскольку на земле остались такие, как ты, Мурад, и таких немало.

Мир, благополучие и благоденствие твоему дому и твоему народу! Разреши теперь мне немного рассказать о том, что открылось мне в истории лезги. Мой рассказ будет скучным и строгим, поскольку придется, опираясь на исследования ученых, "вещественно" доказать, что Лезги в прошлом был тем народом, о котором ты, Мурад, так хорошо рассказал.

Глава первая

Древнейшие поселения на территории Восточного Кавказа

1.1. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

История, география и культура Кавказской Албании и албанов относительно подробное отражение получили в многочисленных античных, армянских, грузинских, сирийских и арабских источниках, начиная примерно со II в. до н.э. По источникам Албании накоплена богатая научная литература как за рубежом, так и в царской России и в бывшем СССР. Наиболее полная характеристика этих источников и литературы дана в работах К.Тревер "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании [1] и К. Алиева "К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании и Кавказская Албания [2,3]. Особое значение, конечно, для воссоздания историко-географической, этнической и культурной картины Албании имеют труды римско-византийских и армянских авторов. К числу первых относятся исследования Аполлония Родосского "Поход аргонавтов" (III в. до н.э.), Полибия "Всеобщая история" (II в. до н.э.), Стефана Византийского "Описание племен" (II в. до н.э.), Дионисия "Описание населенной земли" (I в. до н.э.), Страбона "География" (I в. до н.э.), Помпея Трога "Всеобщая история" (I в. до н.э.), Тита Ливия "История от основания города Рима" (I в. до н.э.), Гая Плиния Секунда "Естественная история" (I в. до н.э.), Корнелия Тацита "Анналы" (I в. н.э.), Секста Юлия Фронтиня "Военные хитрости" (I в. н.э.), Квинта Курция Руфа "История Александра Великого (I в. н.э.), Плутарха "Антоний", "Лукулл" (I-II вв.н.э.), Клавдия Птолемея "Географическое руководство" (II в.н.э.), Клавдия Эллиана "О животных" (III в. н.э.), Аммиана Марцеллина "Римская история" (IV в.н.э.), Руфия Феста Авиена "Описание земного круга" (IV в.н.э.), Павла Орозия "История против язычников" (IV в.н.э.), Амвросия "Шестоднев" (IV в.н.э.), Евсения Иеронима "Письма" (IV в. — начало V в. н.э.), Мартина Миннея

Феликса Капеллы "О браке филологии "Меркурия" (V в.н.э.), Присциана "Землеописание" (V в.н.э.), извлечения из которых опубликованы В.Латышевым в "Вестнике древней истории" ([4], N3-4, [5], N1-3, [6], N1-4).

Из армянских источников следует отметить Агафангела [7], Корюна [8], Фавстоса Бузанда [9], Моисея Хоренского [10], Еги-ше [11], Лазаря Парпского [12], Анания Ширакаци [13], Себеоса [14], Гевонда [15], Степаноса Асогика [16], Киракоса Гандза-кеци [17], Вардана Великого [18]. При этом необходимо подчеркнуть особое значение трудов армянских историков V — VII вв. — Агафангела, Корюна, Фавстоса Бузанда, М.Хоренского, Егише и Себеоса, поскольку в этот период еще отсутствовали богатейшие арабские источники, которые появились лишь после завоевания арабами Ирана и Закавказья.

Краткий историографический обзор названных трудов армянских авторов, а также большое количество извлечений из них в отношении истории Кавказской Албании даны в работе Т.Мамедовой "Албания и Атропатена по древнеармянским источникам" [19].

Исключительно богатым источником по истории Кавказской Албании является труд албанского историка Моисея Каганкатвацви "История Агван", поскольку сам автор жил в VII в. и являлся очевидцем многих значительных событий того времени.

Следует отметить также ряд монографий, посвященных различным аспектам истории Албании: "Древняя Албания III — I вв. до н.э." З.Ямпольского [20], "Ялойлутупинская культура" О.Исмизаде [21], "Древний Мингечаур" Р.Ваидова [22], "Искусство Кавказской Албании" А.Рзаева [23], "Христианство в Кавказской Албании" Р.Геюшева [24].

Определенная работа по изучению истории и культуры Кавказской Албании проделана дагестанскими учеными, результаты ее опубликованы в исследованиях: "История Дагестана", [25], "Очерки истории Дагестана", т.1. [26], "История Дагестана" Р.Магомедова [27], "История лезгин" Забита и Ризвана Ризвановых [28], "Очерки истории Южного Дагестана" Х.Рамазанова, А.Шихсаидова [29], "Народности лезгинской группы" М.Ихилова [30], "Дербенту — 5000 лет" А.Кудрявцева [31] и др.

Отдельные аспекты этой тематики отражены и в сборниках статей ученых-историков, лингвистов и др., посвященных проблемам этногенеза народов Кавказа, особенно Закавказья.

1.2. ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

С древнейших времен до XX века горские народы Кавказа, а в ряду их и лезгинская группа, сохранили свои этнические особенности и культуру, утвердили их несмотря на всякого рода исторические события и коллизии.

История лезгин в этом отношении очень близка истории других горских народностей. Изучая процессы обособления племен на Памире и Кавказе, Ю.Рычков приходит к выводу: "На равнинах Средней Азии и Южной России история двух последних тысячелетий характеризуется многократной сменой культур, народов, религий, а следовательно, и обычаев. Все эти события миновали или затронули в ничтожной степени затерявшиеся в ущельях Памира и Большого Кавказа племена горцев. Сравнительно неподвижной представляется нам история этих организаций. Даже проникновение в эти районы мусульманства не колебало существовавших традиций. Маловероятны скольконбудь существенные изменения и в демографии этих районов" [32].

Восточный Кавказ, особенно территория расселения нынешних лезгин в Дагестане и Азербайджане, в археологическом отношении изучены недостаточно. [30]. Однако данные археологических раскопок в некоторых районах расселения лезгин дают основание сделать определенные выводы.

Археологические раскопки и обнаруженный при этом инвентарь свидетельствуют о том, что Восточный Кавказ является одним из уголков Кавказа, который был заселен человеком еще в древнейшие времена. При раскопках на территории Восточного Кавказа обнаружены кремневые орудия, относящиеся к ранней стадии палеолита (100-40 тыс. лет тому назад), а также к последующей эпохе — мелеозиту. Из находок на равнине к верхнепалеолитической эпохе относится чаша из кости мамонта, обнаруженная в окрестностях поселка Белиджи (Дербентский район).

Заготовкой для нее послужила головка бедренной кости незадолго перед тем убитого мамонта. Затем она подверглась обработке кремневым орудием, следы которого хорошо сохранились на краях и внутренней полости чаши.

Рис. 1.1. Белиджинская чаша из кости мамонта (30-15 тыс. лет до н.э.).

Рис. 1.2. Кинжал из с. Карчаг С.-Стальского района (конец II тыс. лет до н.э.).

Рис. 1.3. Кувшины. Шаракунский, Мамрашский могильники (I-II тыс. лет до н.э.).

Белиджинская чаша — единственная и древнейшая (30-15 тыс. лет до н.э.) на территории нашей страны находка подобного рода утвари, задолго предшествовавшей глиняным и плетеным сосудам [25]. Памятники энеолита, которые в рамках Кавказа датируются III тыс. до н.э. [29], группируются в две большие культуры — Майкопскую и Куро-Аракскую [29], причем "памятники энеолита (поселения), обнаружение в Дагестане, "не просто тяготеют к Куро-Аракскому энеолиту, а составляют часть этой большой культурной общности или, другими словами, представляют локальную группу памятников этой культуры" [33]. Начиная с энеолита, этапа, переходного от камня к металлу (III тыс. до н.э.), вплоть до раннего средневековья, на территории Восточного Кавказа обнаружено большое число памятников, убедительно свидетельствующих о непрерывном хозяйственном процессе и преемственности культуры. На территории, которую и сейчас занимают лезгины, обнаружено сравнительно большое число памятников медно-каменного века (селения Мамраш, Нидж, Мингечаур, Ханжалкала, Магарамкент, Гиляяр, Касумкент, Нютюг и др.). Представленная в них культура близка энеолиту Закавказья [30, 34].

Из памятников описанного типа интересны находки близ сел. Мамраш (Сулейман-Стальский район), где вскрыты остатки керамики, обломки кремневых вкладышей, ладьевидная зернотерка, осколки камня [30]. В 1957 г. на одном из холмов Гиляра обнаружен кувшин с обуглившимися зернами пшеницы, ячменя, льна. Этот памятник датируется концом III тыс. до н.э. [35].

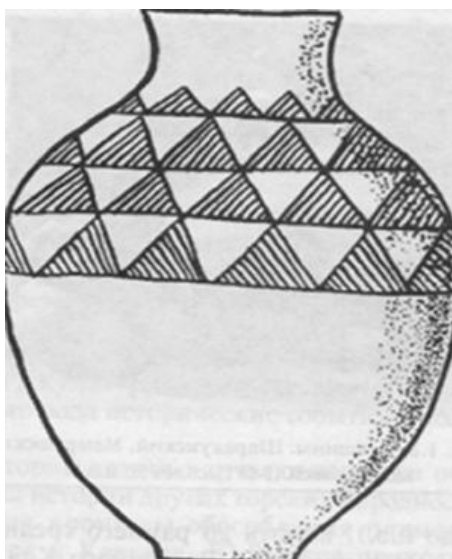

Рис. 1.4. Сосуд с "паркетным" мотивом из с. Зильдаг Хивского района. (XI-IX вв. до н.э.).

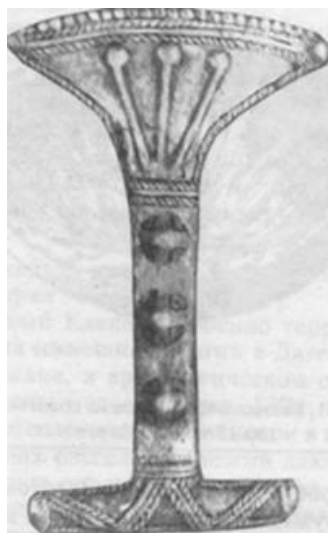

Рис. 1.5. Рукоятка меча из с. Куг Хивского района (IX в. до н.э.). Из архива П.Дибирова.

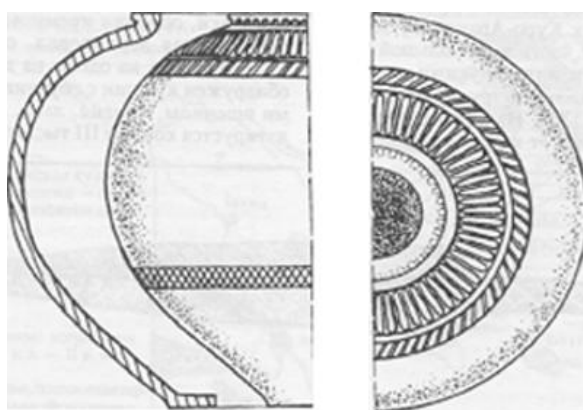

Рис. 1.6. Кувшин с лучевой розеткой из Мугерганского могильника С. Стальского района (IX-VIII вв. до н.э.) Прорисовка П.Дибирова.

Памятники эпохи бронзы на побережье Каспия также изучены недостаточно, однако материалы Мугерганского могильника близ Магарамкента знакомят нас с весьма своеобразной местной культурой, подтверждающей ее связи с культурой Закавказья. Имеются данные о том, что территория, населенная кубинскими лезгинами (близ г. Хачмас), была освоена еще в эпоху бронзы [36].

Интересны материалы, найденные в селениях Зильдаг, Куг Хивского района и из Мугерганского могильника С.-Стальского района.

С культурой племен нынешнего Южного Дагестана в эпоху раннего железа (VII — IV в. до н.э.) знакомят материалы поселения и могильника близ с. Мака и курганы в долине совхоза им. Герейханова. Вещественные находки Макинского могильника свидетельствуют, что у местного населения широко бытовали различные изделия из железа (личи, ножи, шилья). Украшения из бронзы отличались высоким художественным мастерством. Широкое распространение имели привозные украшения: пастовые глазчатые, стеклянные и сердоликовые бусы, подвески из раковины-каури, указывающие на культурные связи местного населения с племенами и народами Закавказья и Передней Азии [37].

Раскопки кургана у совхоза им. Герейханова дали материал второй половины первого тысячелетия до н.э. Местность от Белиджи до Касумкента известна у лезгин под названием "Шаракун" (в переводе примерно "Долина Курганов" [30]).

"Шаракунский могильник времен Албании, — — пишет Дж. Халилов [9], — обследованный М.Пикуль в 1959-1962 гг., расположен в Касумкентском районе. Там

выявлены могилы с обмазанным дном, каменной обкладкой и с отметками валунами. Захоронение на левом и правом боку, скорченно, на спине или ничком, полускорченно. Много вторичных и расчлененных погребений. Могильник датируется VI в. до н.э. — III в. н.э."

"Разнообразные кувшины, обнаруженные в 1959 г. Южным отрядом дагестанской археологической экспедиции в лезгинских селениях Ашаге, Цините, Цнале, Сардар-кенте, и вещи, найденные в могильниках близ сел. Хлут, Микрах и др., имеют прямую аналогию с культурой Азербайджана времен Кавказской Албании" [37].

"Среди выявленных экспедицией археологических памятников, — пишет Дж. Халилов, — значительными являются такие, как поселения и могильники у сел. Рустов Кубинского, сел. Джанахыр и холма Фильтер Хачмасского района и другие памятники. Было изучено около 40 грунтовых погребений на различной глубине. В них зафиксированы скорченные на правом и левом боку и вытянутые на спине парные и одиночные захоронения. Ориентация скелетов и могильных ям разная. Инвентарь погребения состоит из разнообразной керамики, оружия и предметов украшения... Украшения очень разнообразны, среди них много предметов из бронзы и железа — браслеты, шейные гривны, булавки, подвески, пуговицы, пряжки и бусы, которые были изготовлены из стекла. В числе находок Руставского могильника привлекают внимание железные удила с бронзовыми украшениями и сильно раздавленная серебряная чаша с чеканным орнаментом. Сравнительный анализ позволяет предварительно датировать могильник у сел. Рустав I — II вв." [38].

"Следует отметить, — пишет далее Дж. Халилов, — что Руставский могильник является одним из звеньев археологической цепи, связывающей памятники на территории Азербайджана и Дагестана. Предварительный анализ археологического материала не оставляет сомнения в том, что на северовосточных склонах Кавказского хребта, на территории Азербайджана и Южного Дагестана в указанное время существовала единая культура, которая составляла один из локальных вариантов общей албанской культуры" [38].

И далее: "Зафиксированное в 1978 г. многослойное поселение на холме Фильтер Хачмасского района относится к периодам от ранней бронзы до средних веков. Археологическими разведочными раскопками установлено, что над вторым слоем поздней бронзы и раннего железа залегает довольно мощный слой времен Албании. Здесь выявлены фрагменты гончарных сосудов светлого обжига и монета римской чеканки" [38].

Идентичность находок из другого места — Мингечаура и Южного Дагестана отмечает и М.Ихиллов: "Особую близость к находкам Мингечаура обнаруживают вскрытые нами в отдаленном лезгинском селении Хнов трехъярусные могильники — типа каменных ящиков. Извлеченные из одной гробницы ажурные бронзовые браслеты аналогичны браслетам верхнего слоя третьего погребения Мингечаура" [39].

Описывая ранний период развития Восточного Кавказа на основе археологических данных, известный ученый А.Кудрявцев пишет: "Керамика, имеющая определенные специфические формы, широко бытовавшая на памятниках Южного Дагестана и некоторых районов Азербайджана в X — VIII вв. до н.э. и отмеченная в большом количестве в предскифном слое Дербента, подчеркивает его хронологическое и культурное сходство с синхронными памятниками этих территорий" [31].

В II тысячелетии до н.э. уже прослеживается возникновение различных племен, связанных между собой общностью происхождения. "В III — II тысячелетии до н.э. племена лезгиноязычной группы образовали одну ветвь племен носителей культуры куро-аракского энеолита" [29].

"Если единая культура с условным названием куро-аракского энеолита отражала единую основу иберо-кавказской этнической общности, то местные отличия могут служить объяснением этнической пестроты народов иберо-кавказской группы языков в последующем" [40]. Лезгинская группа языков в III тысячелетии до н.э. выделяется из иберо-кавказской группы языков. К лезгинской группе относятся — лезгинский, табасаранский, агульский, цахурский, рутульский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский, удинский.

Большая близость группы лезгинских народностей наблюдается не только в языке и быту, но и подтверждается антропологическими данными. Основными антропологическими признаками лезгинской группы считаются: "Вышесредний рост, резко выраженная брахикефальность, прямая и выпуклая спинка носа, сильное развитие бороды, темная пигментация волос и смешанный цвет глаз" [41]. Антропологи не видят особых различий среди народностей лезгинской группы. "В физическом облике хиналугцев и крызов, — писал Н.Ансеров, — много общих, даже тождественных черт... Взвешивая черты сходства и различия, нельзя не прийти к заключению о близости тех и других: с полным основанием они должны быть отнесены к одному и тому же антропологическому типу..." [42]. К.Курдов указывал на одинаковые антропологические черты физического облика хиналугцев, крызов, кюринцев и самурцев [41].

Более основательному антропологическому исследованию на новой методологической основе подвергались народы Дагестана за последние годы.

"Все лезгинские группы, — отмечает А.Гаджиев, — являются представителями юго-восточного варианта". Он, в частности, отметил отличие южного (в пределах Южного Дагестана) и восточного (равнинный Дагестан) вариантов от западного (Нагорный Дагестан) — более интенсивная пигментация. "Лезгинские группы, за исключением рутульцев, являются в целом представителями южного варианта и по сравнению с другими дагестанскими группами более пигментированы, лицо у них уже и несколько ниже, высота кожной части верхней губы ниже, губы несколько толще, третичный волосной покров на лице и на груди развит слабее" [43].

Интересны и другие наблюдения А.Гаджиева, в частности, над специфическими признаками отдельных народностей в пределах лезгинской группы. Оказывается, две "собственно лезгинские группы" (лезгино-кюринцы и лезгино-самурцы), отличаясь развитием третичного волосного покрова, пигментацией и горизонтальной профилировкой лица, по всем же остальным признакам ближе друг к другу, чем к любой другой группе. Из всех лезгиноязычных групп более резкие отличия обнаруживают цахурцы: у них не только рост ниже, лицо ниже и уже, нос шире и ниже, но и пигментация интенсивнее. По пигментации к цахурам ближе табасаранцы. Рутульцы по этому признаку занимают промежуточное положение между южным и западным антропологическими вариантами. Такое же положение занимают арчинцы.

В.Алексеев, как и другие антропологи, в частности, и А.Гаджиев, исходя из идей автохтонности народов Дагестана, считает однако нужным не изолировать их формирование от связей с остальными народами Кавказа и Передней Азии. Это особенно касается лезгинской группы народов. Как указывает В.Алексеев, антропологические данные "настоятельно требуют учета южных связей при рассмотрении их этнической истории и содержат веские доказательства того, что эти связи играли большую роль в этногенезе кумыков, лезгин, табасаранцев, даргинцев-кайтагов, чем представителей кавкасионского типа" [44]. Таким образом, антропологические и исторические данные показывают, что на обширной территории Восточного Кавказа жили предки лезгинского народа.

Глава вторая

Кавказская Албания по древнейшим источникам

2.1. ТЕРРИТОРИЯ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Наиболее достоверные письменные источники о древних предках лезгин прослеживаются на стыке двух эр. Общепринятой является точка зрения о возникновении (V — IV вв. до н.э.) на востоке Кавказа государства Албания, о чем свидетельствуют албанские монеты собственного производства, датируемые IV — III вв. до н.э. [1].

Как увидим ниже, главным божеством у древних предков лезгин был Алпан — громовержец, как Зевс в греческой мифологии. По названию главного божества древние лезгины у греков получили название албаны (алпаны), а страна — Албания (Алпаниа). Недаром Страбон пишет, что албаны почитают богов Гелиоса (Солнце), Зевса (Громовержца), Селену (Луну). Армяне называли Алпанию (Албанию) Агваном, иберы — Алваном.

Известно, что в сочинениях античных авторов, особенно у Страбона, имеется подробное описание границ Албании. Однако вследствие противоречивых утверждений в источниках и сегодня не прекращаются споры по этому весьма важному вопросу. Для правильной ориентации в разрешении данного вопроса приведем основные высказывания древних авторов о границах Албании и ее обитателях в античный период.

Определяя местоположение Иберии и Албании, Страбон сообщает: "С юга эти области ограничиваются полосой земли от устья Кира до Колхиды" [2]. Приведенные слова не оставляют сомнения в том, что Страбон южной границей Албании на рубеже I в. до н.э. считал р.Кура, названную им "Кир". Эту мысль он подкрепляет и дальше в главе,

посвященной "описанию Албании". Так, об албанах он пишет: "Живут они между иберами и Кирганским (Каспийским) морем, на Востоке примыкая к морю, а на западе граничат с иберами, из остальных сторон северная ограждается Кавказскими горами, они высятся над равнинами и ближайшие к морю называются Керавнскими, а южную образует прилегающая Армения, в которой много равнин, но много и гор, как, например, в Камбисене, в которой армяне соприкасаются с иберами и с албанами" [2].

Западная граница указана и Гаем Плинием: "Всю равнину (начиная) от реки Кира, заселяют племена албанов, а затем иберов, которые отделены от первых рекой Оказаном, текущей с Кавказских гор в реку Кир" [3].

Очерчивание северных границ Албании Сарматией, т.е. просторами северокавказских степей, а также ряд других малоубедительных доводов дали повод некоторым историкам для крайне расширенного толкования северных пределов Кавказской Албании.

Из ученых, обративших внимание на северные границы Албании в более поздние сроки, можно указать на М.И.Артамонова (4). Он описывает эпизоды борьбы армян и албанцев с персами у "Ворот гуннов", которые находились "между владениями албанцев и гуннов (Чора-Дербент)". Другие авторы включают в состав Албании Южный Дагестан [4], третьи отодвигают северную границу до Сулака [5]. Еще севернее переносит границу Албании В.Минорский [6], который, ссылаясь на Птоломея, пишет: "Согласно Птоломею, Албания включала в себя не только упомянутые выше территории Закавказья, но тянулась на северо-восток, охватывая весь район Каспийского побережья, теперь называемый Дагестаном".

В противовес этим высказываниям, Я.Федоров отмечает, что "в состав Албанского союза племен входили лишь племена Юго-Восточного Дагестана [7], что касается северных предгорий, а тем более горной части страны, то возможность включения их в состав Албанского государства сомнительна, а доказательства, приводимые на этот счет некоторыми авторами на основании дагестано-албанских параллелей в материальной культуре того времени, неубедительны".

Говоря об этих подходах, проф. А.Агаев пишет [8]: "При решении вопроса о месте Дагестана в истории и культуре Албании важно исходить из идеи В.Минорского, что надо отличить территории, занятые племенами албанского происхождения, и территорий, фактически подчинявшиеся албанским царям [6]. Если применить этот методический подход, то Нагорный Дагестан, в случае его включения в Албанию, подчинялся албанским царям, не входя, конечно, в собственно албанские племена. Поэтому к сообщениям античных авторов о равнинных и горных албанах надо относиться прежде всего в том смысле, что горной страной является и Азербайджан. Помимо того, в источниках термин "албан" толкуется в широком и узком смысле. В широком, когда речь идет о жителях Албании как страны, как государства, безотносительно этнических различий. В узком, когда речь идет о собственно албанском этническом населении",

"Географические данные, — пишет М.Ихилев, — проводимые античными авторами в их сообщениях, дают возможность убедиться, что вся территория современного Азербайджана и Южного Дагестана была территорией Кавказской Албании" [9].

Говоря о границах расселения албан, мы имеем в виду, что эта этническая общность обладала этническим языковым и культурными признаками, заметно отличающими ее от сопредельных народов — армян и иберов (грузин). Как увидим далее, такой подход приводит к выводу, что в состав Албании входили только территории нынешнего Азербайджана и Южного Дагестана.

2.2. ПЛЕМЕНА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Албанские племена у Геродота еще не упоминаются. Из числа племен, соседствующих и родственных албанам, в его "Истории" названы только каспии, входившие в одиннадцатую сатрапию (округ) Дария [10]. Термином "каспии" в V в. до н.э. обозначались не только племя каспиев, но и другие прикаспийские народности, в том числе и албаны [1]. Страбон писал, что "в стране албанов имеется и страна Каспиана, названная, как и море, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших" [11]. В.Торн [12] также высказывает предположение, что названием "каспии" обозначались народы, жившие в Прикаспийской области.

Участие каспиев, а затем албан в греко-персидских войнах свидетельствует о значительном политическом опыте этих племен, о выходе их на арену мировой истории [13]. Возвышение этих племен должно было способствовать также усилению значения Каспийского прохода, так как каспии и албаны проживали в районах, которые контролировали этот путь [13]. К сожалению, о каспиях располагают крайне скудными сведениями письменные источники. Это были оседлые племена, занимающиеся земледелием, садоводством и скотоводством. Большое место в их жизни занимал морской промысел. Из домашних ремесел античные авторы упоминают валяние шерсти, прядение и ткачество. Одеты они были в шерстяные плащи типа бурок [13]. В поход каспии ходили верхом, вооруженные мечами, луками и стрелами. Любопытны сообщения об обряде захоронения покойников. Эти сведения письменных источников перекликаются с данными археологических раскопок в Лезгистане. Так, при раскопках Шаракунского могильника были выявлены интересные факты, говорящие о высокоразвитом земледельческо-скотоводческом характере хозяйства местных племен. Древнее население Шаракунской долины занималось виноградарством, ткачеством и морским промыслом. Здесь же был зафиксирован обряд вторичного захоронения. Таким образом, мы можем составить некоторое представление о племени каспиев, которые в начале второй половины II тысячелетия до н.э. занимали ведущее положение в Прикаспии и, по-видимому, возглавляли военно-политический союз, куда входили и другие племена [13].

Ниже увидим, что лезгинский язык с античных времен до настоящего времени не претерпел больших изменений, поэтому многие старинные названия мест на территории Албании объяснимы на основе лезгинского языка. От названия могущественного и многочисленного племени каспии получило и название моря — Каспийское. Каспии не исчезли бесследно, как утверждают некоторые ученые, а просто в греко-римской истории получили новое название — албаны.

По мнению К.Тревер, "упоминание албанов впервые только во второй половине IV в. до н.э. может, конечно, просто объясняться скудостью дошедших до нас письменных данных, но оно может являться и свидетельством того, что в IV в. до н.э. завершилась племенная дифференциация внутри большого союза племен, носивших общее наименование "каспии" [1].

Страбон является первым из античных авторов, который называет албанов в своей "Географии", в которой он описывает события, имевшие место за полстолетия до Страбона, а именно — походы на Кавказ римских полководцев Лукулла, Помпея и Антония. Страбон с ссылкой на Патрокла сообщает, что "на горных склонах до вершин, начиная от моря, обитают на небольшом пространстве часть албанов и армян, но на большей части — гелы, кадусии, амарды, утии и анараки". К югу от сарматов Плиний называет удинов и албанов. Птоломей сообщает, что "у Каспийского моря живут уды, и алонды, и ксонды, и герры" [11]. По описанию Страбона, "Феофан Митиленский, принимавший участие в военном походе на албанов, сообщает, что между амазонками и албанами обитают гелы и леги-скифы..." [1].

Плутарх утверждает, что "амазонки занимают ту часть Кавказа, которая прилегает к Гирканскому (Каспийскому) морю, но не рядом с албанами, ибо между ними обитают гелы и леги-скифы..." [1]. К.Тревер считает, что гелы жили не только севернее албанов, но и у юго-западного угла Каспия (область Гилян) [1]. По мнению К.Алиева, леги обитали на территории Южного Дагестана, а гелы занимали Южный Дагестан и район реки Кудиалчай [1]. "Во всех случаях, — пишет Дж. Халилов, — гелы и леги в источниках упоминаются рядом и потому в вопросе о соседстве и родстве этих племен сомнения быть не может" [14]. "Леги обитали и в горных районах бассейна реки Самур, севернее удинов и албанов" [1]. Из сказанного следует, что гелы и леги были родственными племенами и занимали обширные территории Кавказской Албании.

Плиний сообщает, что по всему челу гор обитают дикие племена сильвов: "Ниже сильвов жило другое племя — лупении (лбины — у армянских авторов) — в долине Алазани. Затем обитают дидуры и соди", — продолжает Плиний.

Страбон, касаясь амазонок, говорил о мифическом характере их происхождения. По словам Феофана Митиленского [1], они якобы обитали в горах выше племен гелов и леггов, где-то в северных предгорьях Кавказских гор, рядом с гаргарами. Укажем также на интересное предположение А.Яновского [15], согласно которому амазонками Плутарха могли являться жены кочевых албанов, которые сопровождали мужей верном, "как женщины и теперь (1845 г.) на Кавказе ездят верхом". Относительно амазонок имеет место и другое предположение. Амазоны — это не что иное, как искаженный этнический термин "алазоны" [1], обитатели местности по р.Алазани, у которых пережитки матриархата могли сохраняться несколько дольше, чем у других кавказских народов.

Изучая этот вопрос, проф. А.Агаев пишет: "З.И.Ямпольский и В.П.Кобычев приводят также сообщения античных и средневековых ученых о расселении удин [16]. В пятом веке до нашей эры их упоминает Геродот, причем рядом с армянами. Другие авторы находят удин на азербайджанском и дагестанском побережье Каспийского моря. Моисей Каганкатвацви (VII в.) пишет о "стране утиев с городом Халхал в Нагорном Карабахе". "Из всего сказанного можно заключить, — пишет З.И.Ямпольский, — что в древности и отчасти в раннем средневековье удины были довольно многочисленным народом и занимали значительную территорию, простирающуюся от южных отрогов Главного Кавказского хребта до Аракса" [17, 18].

К северу от албанов локализуют леггов также К.Тревер, А.Алиев, М.Ихилев. Последний полагает, что леги в античную эпоху "занимали те же места, что и ныне, — долины рек Кудиала и Самура" [9]. При этом М.Ихилев более расширенно толкует круг потомков "леггов", включая в число их потомков, кроме лезгин, также ряд других народностей нынешнего Южного Дагестана и Северного Азербайджана, как например, рутульцев, цахурцев, агулов, табасаранцев, а также народы в предгорьях Шахдага — хиналугцев, крызов, будухцев и т.д., т.е., представителей народов лезгиноязычной группы.

Судя по античным источникам, у моря Восточного Кавказа, наряду с албанами, находились массагеты. Так, Аммиан Марцеллин писал: "Помпеи прошел через страну албанов и массагетов, которых мы теперь называем албанцами, разбил и это племя и увидел Каспийское море" [19, 20]. Фавстос Бузанд отмечает, что "маскуты, или массагеты" жили на берегу Каспийского моря и принадлежали к скифскому племени [21]. Обратим внимание и на то, что Страбон именуется скифами гелов и леггов: "Скифские племена гелы и леги живут между амазонками и албанцами" [11]. С.Еремян подчеркивает, что "это царство маскутов-массагетов ничего общего не имеет с "царством гуннов" на прикаспийском побережье", о котором армянские источники говорят с VI столетия [22]. Далее он пишет: "По имени массагетов равнина между реками Самур и Гильгиль-чай называлась Маскут или Маскат, позже Мускур" [28].

Приведенные данные указывают на то, что некоторые античные авторы ошибочно причисляют местные племена — массагетов, маскутов, легов, албанцев к скифским племенам. Об этом вполне определенно говорит М.Ихиллов [9]. "Предки интересующих нас горских народностей (лезгин — Г.А.), — пишет М.Ихиллов, — не избегли смешения со скифами и позднее с северо-кавказским алано-сарматским пришлым населением. Подобная же картина происходит и в первые века нашей эры (IV—VI). На территорию прибрежного Дагестана хлынули северные кочевые племена: гунны, савиры и затем хазары. Хазары, как и гунны, более ста лет совершали неоднократные вторжения на "юг" [23]. И далее: "В первые века нашей эры через Албанию на юг — в страны Ближнего Востока — прорывались кочевники. Некоторые из них становились постоянными обитателями Восточного Закавказья, обосновались они и среди древнейшего населения Кавказской Албании. Об этом упоминают и античные, и средневековые авторы, и хорошо осведомленные о народах Кавказа армянские ученые. Они не видят различия между пришлыми кочевниками и древнейшим населением Албании. Поэтому следует ли не соглашаться с тем, что и местные аборигены — албанские племена — перечисляются в ряду со скифами, сарматами, аланами, гуннами, хазарами и др. Нужно лишь решительно подчеркнуть, что все эти пришлые скифско-сарматские, а затем гунские и хазарские элементы не сменили, даже не поколебали тип кавказских горцев. Следует выделить и то, что на юге интересующей нас территории жили горско-дагестанские племена, родственные по своему происхождению племенам Кавказской Албании, обосновались они задолго до появления скифо-сарматских этнических элементов, до проникновения гуннов, савиров, хазар. Имеющиеся научные данные вполне убедительны. Им можно доверять, и их можно противопоставить так называемой "миграционной теории" [9].

Таким образом, ученые [1,8,9,14] на огромном фактическом материале доказывают, что народности, населявшие в древности Кавказскую Албанию, даже ранее, были коренными народами Кавказа, пришлый элемент составлял небольшой процент и не мог повлиять на тип кавказских народов.

2.3. ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ ПЛЕМЕН КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Говоря о "многоязычности албанов", Страбон писал, что "вследствие отсутствия частых сношений одних с другими у албанов имеется 26 племен" [11]. З.Ямпольский утверждает, что перевод сочинения Страбона, касающегося языков, сделан не совсем верно: "Переводчики его текста на русский язык передали его слова как 26 языков, вместе 26 наречий. Это следует и из последующих высказываний Страбона, где он отмечает, что "ныне один царь над всеми властвует". В связи с этим К.Тревер отмечает, что "мы вправе заключить, что к середине I в. до н.э., когда римляне впервые столкнулись с албанами на их территории во время походов Лукулла, Помпея и Антония, союз племен был уже возглавлен племенем албанов и возобладающим стал их язык" [1].

Языки или наречия албанских племен наложили свой прочный отпечаток на названия местностей, рек и т.д. Еще "древние авторы (I в. до н.э. — I в. н.э.), — указывает К.Алиев [24], — отмечают большое количество географических названий, к которым относятся Кабалака, Алазоний, Сандобан, Ройтик, Кюр и др."

Г.Ворошил утверждает [25], что расселение издревле на севере, северо-западе и северо-востоке Албанского государства различных дагестанских (позднейший термин) народностей в соседстве с албанами и удинами наложило свой отпечаток на сохранившиеся и по сей день многочисленные топонимы и гидронимы. К числу первых, — по Г.Ворошилу, — можно отнести топонимы: "Кумух, Кохмух, Машрух, Катрух, Джимджимах и т.д.; гидронимы: Кур, Кур-мух, Курах, Кургур, Ганыг (Ханыч), Мазым, Мацех, Катех и др." [25].

Далее Г. Ворошил пишет, что "в раннесредневековых источниках Закавказья, Сирии и других упоминаются ойконимы Чол, Шаке, Биес, Хозмас, Хачмас, Зургун, Гиси, Гаргар, Халхал и т.д., которые почти в неизменном виде существуют и до сих пор.

В унисон с этим К.Алиев также отмечает [20], что "современная топонимика сохранила большое количество названий, позволяющих иметь представление об основной территории расселения кавказских племен в древности. К ним относятся Лекит, Гах, Нуха, Нидж, Хыналыг, Будух, Элик и др. Топонимы расположены главным образом в южных предгорьях Большого Кавказа, севернее реки Куры, где сохранились остатки древних языков иберийско-кавказского населения в селениях Крыз, Хыналыг, Будух, Варташен и др." [24].

Действительно, — пишет Дж. Халилов, — в горах и предгорьях бассейна реки Самур и прилегающих к нему районов Азербайджана и Дагестана имена гелов и легов сохранились в топонимике. К примеру, можно указать сел. Гиль и Лegar в Кусарском районе Азербайджанской ССР, Гильгильчай у Бешбармака и т.д. Обращает на себя особое внимание сел. Лegar. Под этим названием в Кусарском районе в настоящее время существуют два села, и средневековое слово "Лег" в современном лезгинском языке не имеет никакого смысла, что же касается второго слога "ар", то это показатель множественного числа именительного падежа. Таким образом, можно предположить, что слово "легар" не что иное, как "леги", т.е. название племени [14].

Азербайджанский языковед А.Ахундов, исследуя лингвистический материал кавказско-иберийских языков на территории Кавказской Албании, приводит топонимы, "уходящие своими корнями в Албанию и образованные кавказско-иберийскими (лезгинскими — Г.А.) языковыми формантами, как, например, "ух", "рух", "мух", "ах", обозначающими название местности, как например, Масех, топонимы и оронимы Гандых, Мухах, оронимы Ганых, Курмух, Халых в Кахско-Закатальском регионе. С помощью форманта хуър, обозначающего "село" у лезгин, были образованы в Куба-Кусарском регионе топонимы Галун-хуър, Аджехуър — названия сел в Кусарском районе, а форманты "ит", "ут", "ет" — названия сел. Лекит в Закатальском, Охут в Нухинском районе, название ж.д. станции Лежит в Хачмасском районе, название Пулут — гора в Кубинском регионе" [26].

То же самое показывает на топонимическом материале и другой азербайджанский ученый — Е.Молладзе [27]: "Со времен Кавказской Албании на карте Азербайджана запечатлены топонимы, восходящие к удинскому языку. В основном они сохранились в Куткашенском и Варташенском районах Аз. ССР.

Биограф Маштоца армянский писатель V в. Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя в 415 г. "в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний и, оставив у них также наставников, вернулся в Армению" [28]. Важно обратить внимание на слово "возобновил". Выходит, что Маштоц не создал албанский алфавит, а восстановил и усовершенствовал его.

У Корюна же имеются и другие важные сведения относительно письменности албанов. Он указывает на переводы религиозных книг на албанский язык, иначе говоря, создание на нем литературы. Он пишет, что епископ Албании "блаженный Иеремий немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых дикомыслящие, праздно бродячие и суровые люди страны Агванк (Албании — Г.А.) быстро узнали пророков, апостолов, унаследовали евангелие, были осведомлены до всех божественных преданиях..." [28].

"Наиболее достоверным источником сведений о наличии у албанов в V в. письменности А.Шанидзе считает "Книгу писем" ("Книга переписи") [29]. Во втором письме армян к единоверцам в Персии сказано: "Мы писали вам раньше о согласии с грузинами и албанами письмом каждой страны. А теперь повторяем то же самое". Это сообщение

свидетельствует, что в конце V в. албаны уже пользовались своим письмом и для международных связей, т.е. оно перестало быть только местным.

Есть и прямые письменные данные, что "при албанском царе Вачагане в Албании были открыты школы, и дети обучались грамоте, очевидно, на родном языке с использованием воссозданного алфавита" [30]. Так, например, по утверждению Моисея Каганкатвацви, "царь Вачаган приказал собрать детей волхвов, чародеев, жрецов, персторезов и знахарей, отдать их в училище, учить их божественной науке ... Когда он сам приходил в села ..., то заходил часто в школы, вокруг себя собирал детей жрецов и волхвов, кругом его собиралась большая толпа, у некоторых в руках были книги, у других доски, он приказывал всем читать громко и сам радовался более, чем если бы нашел великое сокровище" [30].

"У албанского историка, — пишет К.Тревер [1], — имеется еще одно указание на наличие школ, а именно, попутное упоминание школы в области Арцах, в которой один инок "учил за жалование". Кто платил ему жалование, неизвестно, может быть, это делала община, или же имело место "кормление учителя за счет родителей обучавшихся в школе детей ..." [1].

1	alt	ⲁ	19	čar	Ⲙ	37	ham	Ⲛ
2	odet	ⲃ	20	zox	Ⲛ	38	zaj	Ⲛ
3	zim	Ⲅ	21	kar	Ⲛ	39	čam	Ⲛ
4	qat	Ⲇ	22	lit	Ⲛ	40	pën	Ⲛ
5	ëb	ⲇ	23	hēt	Ⲛ	41	pes	Ⲛ
6	zarl	Ⲉ	24	haj	Ⲛ	42	kat	Ⲛ
7	en	ⲉ	25	ap	Ⲛ	43	cëk	Ⲛ
8	žil	Ⲋ	26	voj	Ⲛ	44	wëz	Ⲛ
9	tas	ⲋ	27	oi	Ⲛ	45	tiwɔ	Ⲛ
10	ča	Ⲍ	28	čaj	Ⲛ	46	voj	Ⲛ
11	jud	ⲍ	29	mak	Ⲛ	47	non	Ⲛ
12	ža	Ⲏ	30	kap	Ⲛ	48	čan	Ⲛ
13	irb	ⲏ	31	puo	Ⲛ	49	čajn	Ⲛ
14	ša	Ⲑ	32	žaj	Ⲛ	50	iajd	Ⲛ
15	lan	ⲑ	33	šak	Ⲛ	51	piwr	Ⲛ
16	ina	Ⲓ	34	žajn	Ⲛ	52	kiw	Ⲛ
17	xën	ⲓ	35	un	Ⲛ			
18	dan	Ⲕ	36	taj	Ⲛ			

АЛБАНСКИЙ (АЛБАНСКИЙ) АЛФАВИТ.

Армянский историк VIII в. Гевонд в книге "История" отмечает, что наряду с другими языками, "чудесное и спасительное богоучение" преподавалось и на албанском языке, что "та же самая книга — Евангелие на всех языках хранилась цело, неповрежденно" [31].

А.Ананян обнаружил недавно рукопись (список N 101, с.386а-398а, список N2121, с. 3416-3436) "об истории святого и божественного Елисея, которую нашли святые отцы на Востоке на албанском языке и перевели на армянский язык" [32].

В деле подтверждения наличия письменности у албанов и этнической связи древне-лезгинских племен с албанскими принципиальное значение имеет открытие грузинских ученых И.Абуладзе и А.Шанидзе [33-35]. В 1938 году И.Абуладзе в рукописи Матенадарана за N 7117 нашел алфавит кавказских албанов (см. таблицу).

Долгое время ученые не находили каких-либо текстов на албанском языке. Грузинский ученый А.Шанидзе, который исследовал выявленный И.Абуладзе в Матенадаране албанский алфавит, высказал твердое заключение, что тексты этой письменности в конце концов найдутся. Оно оказалось пророческим. И действительно, в 1948 году во время археологических раскопок христианского храма в районе Мингечаура обнаружен "камень с агванской надписью". Это было, как отметил А.Шанидзе, "подлинным праздником для специалистов по культурной истории кавказских народов". А.Шанидзе изучил этот текст, а затем и некоторые другие новоявленные тексты. "По своему звуковому составу, — пишет А.Шанидзе, — албанский язык близко стоял к современному удинскому языку... Удинский букварь... насчитывает 52 знака [35]. Этот вывод основывался на изучении албанского алфавита Месропа Маштоца и сопоставлении его звуковой системы с языками Закавказья. Изучение алфавита показало А.Шанидзе, что "албанский язык богат был свистящими и шипящими буквами, так, например, вместо пяти армянских свистящих звуков имелось девять албанских... Албанский язык богат был также заднеязычными и гортанными звуками".

Далее А.Шанидзе утверждает [35]: "Язык кавказских албанов был явно кавказский и тесно примыкал к удинскому, а, возможно, был даже идентичен с древнеудинским... Удинский язык — это один из новоалбанских диалектов, или — что то же — албанский язык — это есть литературный язык древних удин, т.е. древнеудинский" [59]. К этому выводу приходит и Г. Ворошил. По мнению последнего, некоторые буквы, имеющиеся в албанском алфавите, "отсутствуют в армянском языке. Поэтому армянский алфавит не совсем точно передает агванское (албанское — Г.А.) название букв. Это естественно. При помощи 38 букв армянского алфавита трудно точно передать названия 52 букв, среди которых много знаков для шипящих, свистящих, гортанных и заднеязычных звуков" (36).

"Агванский язык, — подчеркивает Г.Ворошил, — по своему звуковому составу (судя по названиям букв и названиям агванских месяцев) близко стоял к современному удинскому языку. Удинский язык тоже богат свистящими, шипящими, гортанными и заднеязычными звуками. Для транскрибирования удинской фонетики тоже требуется 52 знака [36].

Моисей Хоренский сообщает: "... Месроп при помощи их (албанов) создал письмена говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками".

Профессор Г.Ибрагимов считает, что албанская письменность была создана на языке цахур, у которых из всей группы лезгин наиболее гортанный язык. В рутулах, и в частности, цахурах он видит античных гаргарийцев [37]. В подтверждение Г.Ибрагимов дает толкование этнонима "гаргар" в рутульском и цахурском языках, где он употребляется как форма обращения (сосед, близкий). Более того, автор считает, что даже в XII-XIII веках продолжала существовать албанская письменность. В подтверждение он приводит сообщение Захария Казвини (XIII в.) о том, что в Цахуре на лезгинский язык были переведены две мусульманские книги "Компендии Музани" и "Имама ал-Шафал". [37].

Обсуждая этот вопрос, М.Ихиллов пишет: "Но можно ли на основании сказанного отождествлять этническую преемственность гаргарийцев с цахурами и рутулами, как и утверждать, что переводы вышеуказанных книг были осуществлены на основе "письменности" цахур? Думается, что нет.

В связи с изложенным, возникает вопрос: на каком же языке лезгиноязычных народов была создана албанская письменность? "Следует, однако, заметить, что в деле дешифровки албанских надписей сделано еще немного. Дешифровка производилась только на основе удинского языка, тогда как удинский язык — всего лишь один из языков лезгинской группы народностей. В исторических источниках идет речь о создании албанской письменности на ведущем горском языке. Таким языком мог быть, нам кажется, не племенной язык — удинский, гаргарский, рутульский, цахурский, — а общелекский — лезгинский язык. Этим, вероятно, объясняется и то, что Захария Казвини жителей рутульских и цахурских сел (Шиназа и Цахура) еще в XIII веке причислял по языку и культуре к лезгинам".

А.Шанидзе утверждает, что "эпохой расцвета албанской письменности надо считать V — VIII вв., когда албаны во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие вместе с грузинами и армянами. Письменность эта продолжала еще долго существовать и после покорения страны арабами" [33].

Албания (Алпан) была многоплеменным лезгиноязычным государством. Профессор А.Гюльмагомедов провел сравнение букв, звуков и слов в албанском, удинском и лезгинском языках [38], что позволяет достаточно уверенно, говорить об общем корне албаноязычных племен. Основой их несомненно является лезгинский язык.

В связи с обсуждаемым вопросом проф. А.Агаев пишет: "Совпадение албанского языка с древнеудинским, входящим в лезгинскую группу, поставило перед наукой две новые проблемы. Первая — место удин в албанской этнической жизни. Вторая — этническая история самих удин в тесной связи с этногенезом современных народов Восточного Кавказа. Поскольку эти проблемы непосредственно примыкали к албанской письменности, А.Шанидзе внес определенный вклад и в их разработку. Он, в частности, изучил вопрос об этническом происхождении удин в армянской историографии и по самосознанию самого удинского населения. Как удалось установить А.Шанидзе, удины "армянами рассматривались как потомки албанов. Сами удины писали: "Мы агванцы (албаны) и по нации утийцы". Еще: " ... термины "страна утиев" и "Албания" употребляются синонимически и местное население называется то "утии", то "албаны" [35]. На этой основе А.Шанидзе пришел к заключению, что "утии" идентифицируют себя коренным населением Албании [35]. А.Шанидзе изучил также географию и топонимику края, которые также говорили ему в пользу мнения о том, что современные удины — потомки древних "утиев", или "албанцев" [35].

Известный знаток древней истории Р.Магомедов в связи с этим свидетельствует: "Язык удин, стоявший близко к лезгинской группе языков, был наиболее распространенным языком" [39].

"Итак, — пишет проф. А.Агаев, — мы знаем удин, которые, с одной стороны, были продуктом сегментации лезгиноязычных племен, а с другой — были настолько родственны албанам, что имели с ними одну общую письменность. Отсюда можно заключить, что предки лезгинского народа не были лишены генетического родства с албанами. Реконструировав эту связь — албаны-лезгины, мы сможем восстановить другие связи, а также высказать более или менее достоверные предположения в целом о генезисе лезгинского народа как более сложного процесса, чем он преподносится в исследованиях наших ученых. Здесь на помощь приходят, опять-таки, античные, средневековые авторы, не говоря уже о современных исследованиях, которые касались этих вопросов, хотя бы и

мимоходом. Вообще надо сказать, что в числе народов Дагестана лезгины составляют счастливое исключение в том смысле, что их племенной состав и этномика более или менее широко отражены в историографических трудах" [8].

В связи с изложенным возникает вопрос: были ли среди названных выше племен, подобно утиям (удинам), непосредственно входящие в лезгинскую языковую группу? Как пишет проф. А.Агаев, "ответ на этот вопрос поставлен этнической историей лезгин, поэтому он приобретает принципиальное значение. Чтобы ответить на него, приходится прибегать к методу исключения и к другому методу — сравнения и сопоставления в свете этногенеза окружающих народов.

Исследования Ф.Мамедовой показывают [40], что "число упомянутых Страбоном 26-ти племен, относящихся к задолго до Страбоновскому периоду, к началу первых веков нашей эры, сократилось в результате консолидации (слияния) нескольких близких по языку и культуре племен, родственных в генетическом отношении. Это были албаны, леги, утии, гаргары, чилбы, сильвы, лпины, цеды и каспии — автохтоны кавказского происхождения".

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА букв, звуков и слов удинского и лезгинского языков			
БУКВЫ АЛБАНСКОГО АЛФАВИТА	БУКВЫ УДИНСКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО АЛФАВИТОВ	УДИНСКИЕ СЛОВА	СООТВЕТСТВУЮЩИЕ УДИНСКИМ ЛЕЗГИНСКИЕ СЛОВА
1	2	3	4
1	А	Ахлеун ача апчи	Ахун эрчи пичи
2	В	баба бачи безъ	буба виш рагъ
3	Г	гид гоьа	цар (гидцун) гез
4	Д	де дагъ	де тагъ
5	Е	елем ерекъ егьел йекъ	лем, лам клерец хоб йак (як)
6	Э	зу зол заниг	зу, зун зул занг
8	Л	лэкъ лекі	лахъу лезги
9	Т	та таьрач тырыгъ	та тараш тирх
10	Ж	жыл жекъ	руьхъ жикъ (нугъ)
11	Й		
13	И	изакі ич	цвег вич, уьч
17	Х	халикі хари хе	халу гъуэр яд
19	Ц	цъел цъені	цлай цлиці
21	К	кланакі кlačі	клері клям
23	Гь	гъомъ гъарой гъар са	гъач гъарой гъар са

1	2	3	4
27	ЧІ	чІап чІем	чинсби чиркин
29	М	маъ махъал ма мамлугъ	макъ маргъал ми, ми-ийр иск
31	Н	накъ наъине нецІ	ламу накъ нет
33	Ш	шикил шам	шикил шем
35	О	огъа очал	агъа чил
40	ПІ	пІи	ви, иви
41	ДЖ	джир джокІ	чІуру чара
42	Р	тарпа тур	тІур ютур
43	С	са сел сандугъ	са сел сандух
44	В	вах вицІ	ваз, вахъ цІуд
45	ТІ	тІарам тІатІ тІакъкъа	тІарам тІветІ дакъкъа
47	Уь	уьше уьзенгуь	йиф уьзенг
49	Ц	цац цивар цаз	цил цикІи цил
52	К	хуькуш каьфкІуьр калам каьф	кушкуш каф шалам каф

Говоря о племенах Албании, известный специалист по истории Кавказа академик В.В.Бартольд пишет [41]: "Народ, который жил на берегу Каспийского моря, греками назывался каспианами, эти каспии жили на юго-западной стороне Каспийского моря. Мы имеем сведения, что область с городом Байлаканом, в месте впадения реки Аракса в Куру, называлась Каспианой. Это заставляет искать место жительства каспиев главным образом в этой области. Народ каспиев, несмотря на то, что был многочислен, исчез неволью скоро, так что уже в эпоху Рима нет о них сведений; даже в IV в. до н.э. каспии как народ не упоминаются, и только: отдельные географические местности сохраняли имя этого народа". Таким образом, из названного выше перечня народностей Кавказской Албании каспиане выпадают.

По свидетельству проф. Р.Магомедова, упоминаемые Страбоном "силвы и дидуры" обитали "за пределами Албании, высоко в дагестанских горах".

Анализируя далее этнический состав Кавказской Албании, проф. А.Агаев свидетельствует: "Как указывает Р.Магомедов, многие исследователи считают, что классические гели и леги — нынешние лакцы и лезгины. Эту же мысль, высказанную им впервые в 1940 году, он повторяет также в 1966 году, отмечая: леги — лакцы и лезгины" [42]. Но тут же исследователь дает и такое сообщение: "туманы — лаки". Выходит, что предками лакцев

были три этнические группы древнего мира и раннего средневековья: леги, гелы и туманы. Известный советский этнограф Л.И.Лавров высказывает несколько иную мысль [43]: "Трудно сказать, однако, являются ли "леги", упоминаемые античными и раннесредневековыми авторами, предками современных лакцев, или так называли, как потом — "лезгинами" вообще всех горцев. Больше оснований считать лакцами гумиков — народ, упоминаемый арабскими авторами IX — X веков Баладзори и Масуди. Согласно их сведениям, "гумики жили примерно на той же территории, которую занимают лакцы" [43]. И.Лавров более определенно склоняется к мысли, что леги — это и есть поздние лезгины. Древнейшие известия о лезгинах, — "пишет он, — мы находим у античных авторов, которые упоминают о живущем на Восточном Кавказе народе "леги" [43].

В связи с изложенным проф. А.Агаев считает, что "в литературе прослеживается повторение этнонима "лег" в античных, средневековых арабских, армянских, иранских источниках в течение большого времени, с третьего столетия до нашей эры до десятого века нашей эры. Позже уже у самих лезгин появляются свои рукописные и эпиграфические памятники. Все эти источники с древних времен до конца средневековья, взятые в хронологическом порядке, позволяют видеть живую этническую историю лезгин с периода Кавказской Албании до самых поздних времен" [8].

Таким образом, из 9 племен Кавказской Албании: албаны, гелы, леги, утии, гаргары, чилбы, сильвы, цеды, каспиане — по крайней мере шесть наиболее крупных из них (албаны, каспиане, гелы, леги, утии, гаргары) являлись предками нынешних лезгиноязычных народов.

Расселение албанских народностей на территории Кавказской Албании, по античным источникам, показывает, что приведенные выше пять народностей занимали почти всю территорию Кавказской Албании, поэтому можно утверждать, что Кавказская Албания была в основном государством лезгиноязычных народностей. Это подтверждается и азербайджанскими источниками. Например, в докладе сотрудника министерства иностранных дел Азербайджанской демократической республики А.Щепотьева под названием "О спорных Кавказских территориях, на которых имеют право самоопределиваться азербайджанские турки" [44], опубликованном недавно в "Известиях АН Аз. ССР", говорится: "Азербайджанские турки появились на Кавказе в середине средних веков (с эпохи сельджуков, 1048-1092 гг.), заняв низовья Куры и Аракса и Карабахские горы, оттеснив местные племена лезгинского происхождения в горные долины Дагестана..."

Этот вывод подтверждают и ученые Азербайджанской Академии наук: "Албанский язык относился к группе дагестанских языков. Албано-утийский этноязыковой аборигенный массив, несомненно, был основным на территории Албании" [45].

Интересна и постановка вопроса о том, как и когда отпочковались современные лезгиноязычные народности друг от друга. В связи с этим М.Ихиллов пишет: "Предки этих народностей (лезгин — Г.А.) исторически входили в состав многоплеменного государственного объединения — Кавказскую Албанию и были известны под общим названием "леков", "албанцев". Этот термин следует отнести, — пишет М.Ихиллов, — к современным горским народностям — лезгинам и лезгинским ответвлениям. Мы склонны думать, что в основе всех языков лекских племен лежал единый пралезгинский язык. Нашествие римлян, персов, арабов вызвало политический и этнический распад Кавказской Албании. Часть албано-лезгинских племен покинула прибрежные районы и ушла в глубь гор южных острогов Кавказа, создавая там своеобразные этнические общества. С течением времени (V — X в.) в языке, быту и культуре этих обществ в силу экономической и политической обособленности складывались свои особенности. Так сложились лезгинский, табасаранский, рутульский, цахурский и агульский языки и народности" [9].

Ф.Энгельс, характеризуя период распада племенных организаций, писал, что вместо родов и племен выдвигается разделение граждан по месту их жительства: "Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства, не народ подвергался делению, а территория: население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории" [46].

"Так, — пишет М.Ихиллов, — на смену племенным диалектам и приходят территориальные диалекты: племя как этническое образование начинает терять свое значение. На занимаемых племенными группами территориях вырабатываются специфические черты, появляются местные территориальные диалекты, в основе которых лежит один общий язык. С течением времени в силу естественно-географических, экономических условий существования эти территориальные диалекты настолько расходятся, что образуются относительно новые языки. По сути дела то же самое происходило у народностей лезгинской группы. Поэтому первые сведения о табасаранцах, рутульцах, цахурах, агулах как о самостоятельных народах мы находим не у античных, а у средневековых армянских, грузинских и арабо-мусульманских авторов" [9].

Далее М.Ихиллов пишет: "И в этих случаях отпочковавшиеся родственные группы стремились селиться вблизи друг от друга" [30]. Как правильно отмечает Ф.Энгельс, в таких условиях "каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников". [46]. Этим объясняется тот факт, что и поныне народности лезгинской группы расселены компактно. Обсуждая этот вопрос, М.Косвен отмечает: "Лезгины сохраняют поддерживаемое особыми географическими и историческими условиями разделение на живущих в Дагестане — собственно лезгин, табасаран, агулов, рутульцев и цахуров — и живущих в Северном Азербайджане — хиналугцев, Джеков, будугов, крызов и удин" [47].

2.4. ДЕШИФРОВКА ПИСЬМЕННОСТИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Когда эта книга была написана, в газете "Алпан" [48], издаваемой в Баку, появились статьи профессора Я. Яралиева о дешифровке письменности Кавказской Албании. Ниже привожу полный текст статьи Я. Яралиева, опубликованной в журнале "Наш Дагестан".

Возрождением кавказско-албанской письменности и языкознания считается обнаружение И.Абдуладзе в сентябре 1937 года албанского алфавита в армянском списке (XV в.) Эчмиадзинского архива (Матенадаран, рукопись 7117). Этот "список" был впервые опубликован А.Г.Шанидзе [49]. Спустя 10-15 лет в Мингечаурских раскопках (Азерб.) были найдены скудные материалы с албанской графикой (камень под алтарным крестом (рис. 2.1), четыре подсвечника (рис. 2,2) и два куска керамики) [50].

Рис. 2.1. Албанская надпись на капители. Из раскопок в Мингечауре.

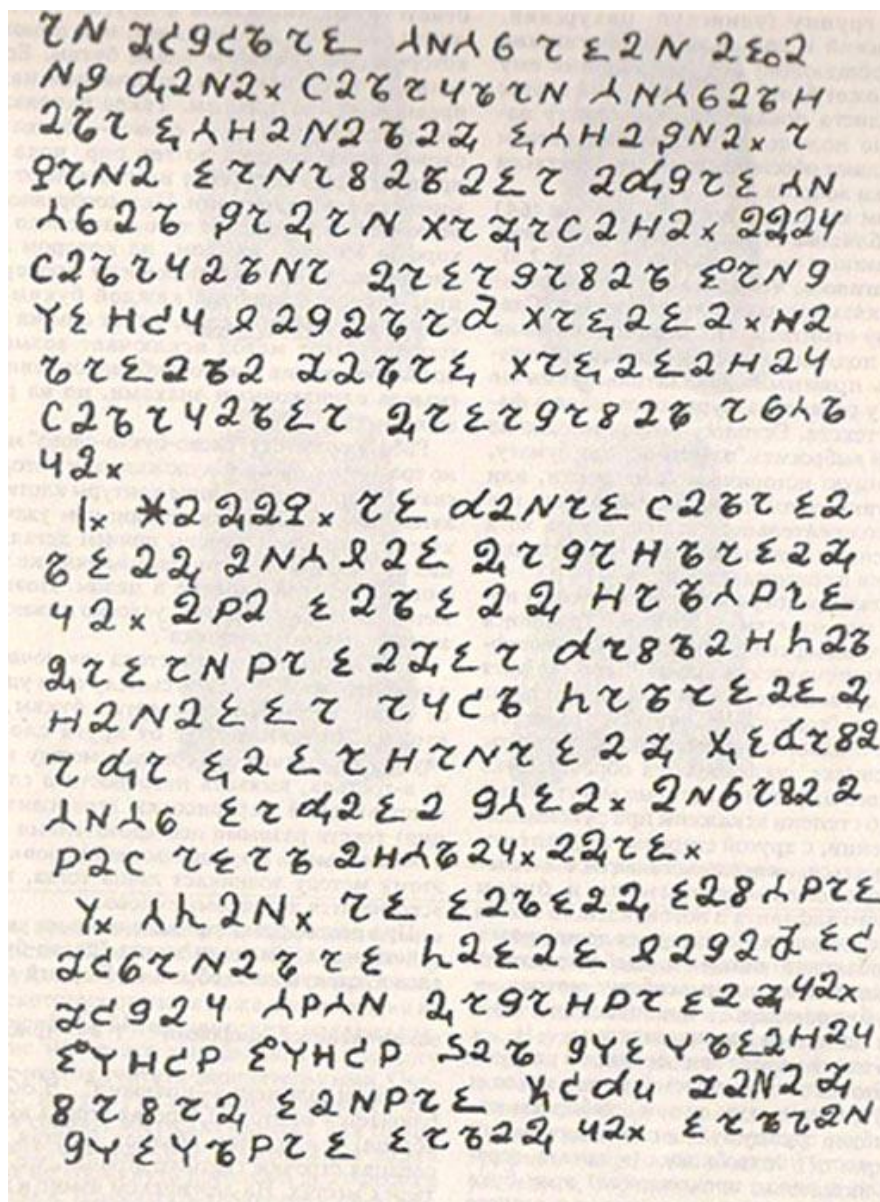
Рис. 2.2. Глиняный подвешочек с албанской надписью. Из раскопок в Мингечауре.

С этого времени по сей день ведутся интенсивные научно-исследовательские поиски по дешифровке этих албанских памятников при помощи Матенадаранского списка [51-62]. Однако эти попытки не увенчались успехом: "... те немногие албанские эпиграфические памятники, которыми мы располагаем на сей день, до сих пор не дешифрованы (имеющиеся материалы по дешифровке, хотя и содержат отдельные верные наблюдения, в целом не убедительны)" [61]. Несмотря на то, что позже найденный близ селения Верхнее Лобко (Даг. АССР, Левашинский район) албанский алфавит [63] почти не отличается от Матенадаранского списка, учёные начали "реконструировать" албанский алфавит, сцелью приближения его к археологическим надписям. Таким образом С.Н.Муравьеву [61] удалось извлечь отдельные выражения и в некоторых случаях даже предложения из надписей на Мингечаурских материалах. Тем не менее эти выводы, как мы увидим ниже, нельзя считать окончательными. Очевидно, поэтому Г.А.Климов считает, что "среди совокупности актуальных для современного кавказского языкознания задач нельзя не упомянуть проблемы дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности, положительное решение которой позволило бы раскрыть ещё одну важную страницу в культурной истории народов Дагестана и Северного Азербайджана" [57].

Из вышеуказанных работ ясно, что албанским государственным языком специалисты считают древнеудинский язык — при этом они ссылаются на армянские источники. Неужели древнеудинский язык в такой степени отличается от современного удинского языка, что специалист по истории языкознания и удин по национальности Воршил Гукасян не смог найти ключа к дешифровке графики на родном языке? По характеру шипящих, гортанных и свистящих звуков албанского алфавита С.Н.Муравьев считает, что "в таком фонемном инвентаре нет ничего ни необычного, ни невозможного для кавказского языка лезгинской группы, каким, несомненно, был албанский" [61]. Почему албанским языком должен быть какой-нибудь отдельный язык, входящий в лезгинскую группу (удинский, цахурский, табасаранский и др.), а не сам лезгинский язык, обобщающий все родственные ему языки? Может быть, такой логичный вопрос неспециалиста покажется специалисту наивным, но полученные нами результаты подтверждают обоснованность именно такой постановки вопроса.

В одном из дагестанских журналов [64] была опубликована копия (в виде рукописи) одной страницы неизвестной книги (рис.2.3). Предполагалось, что книга написана албанскими буквами и на лезгинском языке. Следует сразу отметить, что, несмотря на наши поиски, подлинность этой страницы подтвердить прямыми доказательствами не удалось: у редактора журнала оказалась фотокопия текста. Осталось выбирать одно из них: или выбросить "памятник" как бумагу, не имеющую исторической ценности, или же все-таки попытаться дешифровать и в случае положительного исхода искать хотя бы косвенные доказательства верности дешифровки в содержании текста.

Попытки транскрибировать этот текст показали, что известный "список" (рукопись 7117 Матенадарана), как и в случае дешифровки Мингечаурских памятников, не дает непосредственного и однозначного ключа чтения "текста". Мы считаем это естественным. С одной стороны, можно допустить, что в "списке" указываются образцы букв албанского алфавита, которые могут быть в какой-то степени искажены при рукописном применении, с другой стороны, алфавит может меняться, совершенствоваться в течение определенного времени и буквы известного алфавита и вновь найденного текста могут не совпасть. Поэтому для дешифровки этого албанского письма мы действовали по разработанному нами особому методу — слово-буква-слово", предполагая, что с языком текста мы хорошо знакомы.

Суть этого метода заключается в следующем. Внимательно просматривая текст и действуя логическим путем, выбираем какую-нибудь группу букв и по повторяемости или по месту употребления (в начале, середине или в конце предложения) этих букв мы выделяем их в виде одного смыслового слова (или корня слова, или же окончания). Убедившись в том, что именно это слово, смысл которого нам знаком, имеется в тексте, мы обозначаем текстовые буквы этого слова буквами известного всем другого алфавита. Подставляя эти буквы на место соответствующих знаков в других местах текста, находим другие слова, при помощи которых обнаруживаем новые буквы. Если таких слов не находим, то считаем наше предположение ложным. Такое направление действий (буква — слово — буква — слово) продолжается до тех пор, пока не прочитывается весь текст и не исчезают сомнения в его содержании. Целесообразность этого метода зависит от того, насколько мы хорошо владем языком, на котором написан текст, и от возможности проверки правильности подбора каждой буквы на большом количестве слов, т.е. от объема материала. Этот метод исключает возможность выражения какого-либо законченного смысла одинаковыми знаками, но на разных языках.

Работу по методу "слово-буква-слово" можно сравнить с работой художника, у которого сначала появляются общие контуры картины, затем прорабатываются детали: чем удачнее контур, тем яснее детали, причем детализация происходит не на отдельном участке

картины, а по всей картине в целом. Поэтому метод "слово-буква-слово" условно можно назвать "методом художника".

Преимущество этого метода заключается в том, что, во-первых, по смыслу слов удается точно восстановить стертые буквы, во-вторых, отделить друг от друга слова в случае отсутствия интервалов между ними и, в-третьих, выявить неточности в случае неправильной перерисовки (транслитерации) текста разными исследователями (или любителями). Трудность дешифровки по этому методу возникает лишь тогда, когда встречаются незнакомые слова.

При дешифровке приведенного на рис.2.3 текста мы применяли метод "слово-буква-слово" следующим образом. Первый абзац закачивается "цифрами" 4 2 (рис.2.3)

Конец предложения "цифрами" 4 2 наблюдается во втором (третья строка второго абзаца) и в третьем абзацах (третья и последняя строчки третьего абзаца), т.е. в четырех местах. На лезгинском языке в конце предложения очень часто встречается слово "йа". Оно переводится на русский язык как слово "есть". Например, "има хуър йа" — это селение (есть), "ви стха зун йа" — твой брат я (есть) и т.д. Значит, условно можно принять, что "цифра" 4 обозначает буквой "й", а "цифра" 2 — "а". Подставляем эти буквы вместо соответствующих знаков в другие слова, желательные состоящие из небольшого количества букв, например, в слова 2 2 2 4 (конец пятой строки сверху) и 2 2 7 2 (конец седьмой строки снизу). Место расположения последнего слова интересное: конец предложения, конец абзаца, причем оно выделено с обеих сторон точками, т.е. оно выражает отдельный смысл (или оно имя). Вторая буква слова 2 2 2 4 может быть или "м" ("амай" — оставшийся) или "в" ("авай" — имеющийся). Если 2 обозначает букву "м", то второе слово) может быть словом "амин". Теперь уточняем 7 — "и", 2 — "н" в других словах и так далее.

Ниже приводится транскрипция текста, данного на рис.2.3, русскими буквами, применяемыми в современном лезгинском алфавите, и его перевод на русский язык:

*ил гьетерин улуб инал акъа
лтI хъана. Зарийарин улубар в
ари кIуваларагъ кIуват Iна. И
гила килисарани ахътин ул
убар тIимил чигъизава. Амай
зайарни микитисар къил г
уьквей патарихъ чикIана. Ва
ринара гъарикI чикIанавай
зарийарни микитасар ибур йа*

Эта книга о звездах здесь завершилась. Книги писателей из всех домов собраны. Теперь и в церквах таких книг мало находят. Остальные писатели и ученые рассеялись в разные стороны. Везде с тоской рассеянные писатели и ученые следующие.

*1. /Дж/ амаг. Ин халин зари ка
ркам Алупан митиврикагъ
йа. Ада каркам Вирудин
микилдикагъни Хисрав шар
валанни ийер Ширинан м
ихъи кIанивиликагъ чIэху са
улуб кихъена туна.
Албиса а даз икир авурай. Амин.*

*1. Джамаг. Этот халин (?) писатель
из рода выдающегося Алуца.
Он написал большую
книгу о судьбе выдающегося
Виру и о чистой любви царя Хисрава
и красавицы Ширин. Бог пусть
благословляет его. Аминь.*

*2. Ушал. Ин каркам кас удин
гьебиларин шакам патахъ ке
гьетай удул митивдикагъ йа.
Кьувьед кьувьед цар тувькуьрнавай
сисим калдин чIехи гьалагъ
тувькуьрдин кирам йа. Кири ал...*

*2. Ушал. Этот выдающийся муж из
рода удул удинского племени,
бежавший в сторону Шака. (Он) автор,
создавший большое произведение
двухстрочных лирических стихов.
Господь...*

Как видно из перевода, кроме некоторых непонятных слов основное содержание текста воспринимается легко и язык текста почти не отличается от современного лезгинского языка. Значение некоторых слов, не сохранившихся в современном лезгинском языке, определено по смыслу предложения или же по другим родственным лезгинскому языкам.

Так как подлинность этого албанского письма в качестве исторического документа подтвердить при помощи прямых доказательств нам не удалось, мы постарались найти такие аргументы, исходя из содержания текста. Возможно, получаемая только с одной страницы информация недостаточна, особенно неспециалисту, чтобы принять её в качестве косвенного доказательства подлинности этой страницы как исторического документа. Тем не менее считаю необходимым обратить внимание на следующие моменты, исключая возможность фальсификации.

1. В тексте обнаружено 25 албанских букв, имеющих в Матенадаранском списке, 6 "производных" от этих букв и 3 буквы (из них 2 получены так же производным путем), не имеющих аналогов в "списке" (всего 34 букв, см. табл.). Получается, что человек, "сфабриковавший" этот документ, не только хорошо владел албанской графикой, но и творчески подходил к её применению.
2. Текст содержит 15 древнелезгинских слов, не сохранившихся на современном языке: улуб (книга), зари (писатель), микитис (ученый), халин (?), каркам (выдающийся), митив (род), микил (судьба), шарвал (царь), икир авун (благословить), сисим (поэзия, лирика), калдин (стихотворный), гьалагъ (произведение), кирам (автор), кири (господь), Албис (Бог). (Для раскрытия значений некоторых слов был использован также материал из неизвестной книги (фотокопия из 50 страниц, см. пункт 4), таранскрибированный и опубликованный в газете "Самур" за NN6-8, 1993.) Неужели все эти слова — чудесное творение одного "горе-ученого"?
3. В тексте много исторических имен: Алуп, Виру, Хисрав, Ширин, Джамаг, Ушал. Доказать историческую достоверность этих мужей — дело специалистов. Однако трудно поверить, что эти имена-продукт фантазии одного человека.

4. После публикации ключа нашей дешифровки [48] появилась статья в газете "Самур" [65], в которой сообщалось, что у автора статьи находится фотокопия книги, состоящей из 50 страниц и одна из этих страниц идентична дешифрованной нами странице. Этот факт также исключает возможность того, что каким-то человеком (или даже каким-то специальным коллективом) фальсифицирована целая книга, состоящая из трех частей, посвященных истории государства Алпан-Алупан, календарю и персоналиям известных албанских ученых того времени.
5. Маловероятно, что человек, который "придумал" все эти тонкости ради посева выдуманной им информации, просто недодумал дать искусственный устаревший вид сфотографированным бумагам.

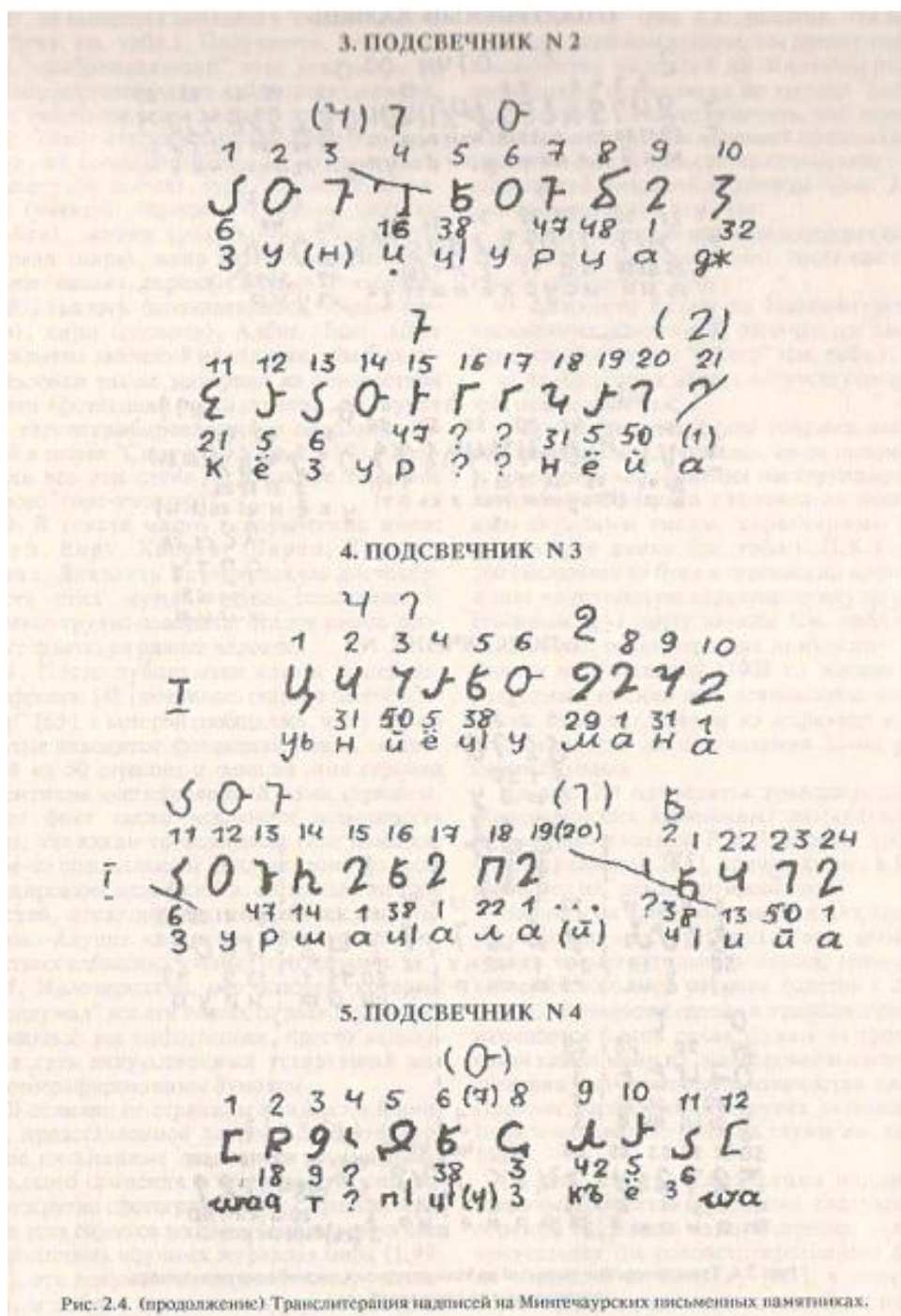
В отличие от страницы неизвестной книги, представленной на рис.2.3 Мингечаурские письменные памятники не вызывают никакого сомнения в подлинности: они неоднократно сфотографированы, транслитерация этих снимков неоднократно перепечатана в различных научных журналах мира [1,49-65], эти документы, переработаны, уточнены, и сейчас находятся в музее истории Азербайджана (г. Баку). При помощи Матенадаранского списка и букв, обнаруженных нами в "тексте" (рис. 2.3), полагая, что язык этих надписей нам знаком, мы приступили к дешифровке надписей на Мингечаурских письменных памятниках по методу "слово-буква-слово". Следует отметить, что дешифровка Мингечаурских надписей представляла значительные трудности по сравнению с дешифровкой книжной страницы (рис. 2.3). Это было связано с тем, что:

1. а) Мингечаурские надписи содержат всего 176 знаков (с повторениями), тогда как текстовая страница — 470;
2. б) албанские буквы на Мингечаурских письменных памятниках отличаются как от букв "списка", так и "текста" (см. табл.);
3. в) на некоторых словах отсутствуют одна или несколько букв;
4. г) буквы Мингечаурской графики значительно искажены, очевидно, из-за поломок.

Для удобства сравнения мы сгруппировали буквы албанского алфавита по отдельным звуковым типам, характерным для лезгинского языка (см. табл.). П.К.Услар [66] включает 49 букв в лезгинский алфавит и дает их групповую характеристику по родственным друг другу звукам (см. табл.). К сожалению, после перехода лезгинского алфавита на кириллицу (1938 г.) многие характерные именно для лезгинского языка буквы были исключены из алфавита из-за невозможности их озвучивания 33-мя русскими буквами.

На рис. 2.4 приводятся транслитерации Мингечаурских письменных памятников в форме, применяемой Р.М.Вайдовым [50] и С.Н.Муравьевым [61], причем форма в [50] считается не "реконструированной".

Надпись на камне постамента для креста расположена в виде карниза на всех четырех гранях четырехугольного камня; грань, на которой изображен рисунок (цветок с птицами), считается первой, и транслитерация начинается с этой грани (буквы на третьей грани камня нами не дешифрованы из-за отсутствия значительного количества слов). Порядок расположения других экспонатов (подсвечников) сохранился таким же, как в [58].

На рис. 2.4 транслитерация надписей основных объектов приведена следующим образом: в середине каждой строчки — первоначальная (не реконструированная) форма надписей по Вайдову [50], в верхнем первом ряду порядковые номера букв в словах, а в верхнем втором ряду предполагаемые нами уточнения; в нижнем от основной формы ряду — номера соответствующих букв в "списке", а еще ниже транскрипция букв, предложенная нами.

При дешифровке все имеющиеся материалы — надпись на "камне" и надписи на 4-х подсвечниках (надписи на кусках керамики сколькими буквами не выражают определенного смысла и поэтому не дешифрованы) — принимались как единое целое, т.е.

как один "текст", и поэтому каждый дешифрованный знак должен был выражать одинаковый звук на всех материалах.

Теперь о том, как начался поиск слов и в. Мы обратили внимание на рисунок предполагаемого постамента для креста, приведенный в [50] с учётом того, что этот постамент был поставлен в церкви. Эти данные подсказали нам, что последнее слово, расположенное на четвертой грани "камня" у края под карнизом (на самом конце надписи) и состоящее из четырех букв, или "амин" как между надписью, крестом и церковью должна была быть какая-то связь), или "икир" (исходя из ранее дешифрованного текста: "икир авун" — благословить). В случае "амин" не совпадают первая и третья буквы (на надписи они одинаковы), но вторая буква идентична букве "м" списка (см. табл.), а в случае "икир" первая и третья буквы идентичны (как на надписи), но вторая и четвертая буквы вызвали сомнения: последняя буква больше похожа на "н", нежели на "р" (см. табл.). Буквы "м" и "а" в албанском алфавите очень близки по начертанию, их легко можно перепутать. Итак, при первой попытке нами принималось, что знак " 7 " означает букву "и", а знак " 4 " — букву "н", а само слово — "амин" (требовалось еще уточнить первую букву)*. Группировка букв албанского алфавита по близким звукам (см. табл.) показала, что алфавит "списка" содержит две буквы "и". Если одной букве "и" соответствует предполагаемый нами знак " 7 ", тогой должен соответствовать знак " 4 " , что согласуется также с Г.А.Климовым [56], у которого " 4 " ="и", " 4 " ="н". Тогда первые четыре буквы "камня" читаются как "аииа", "аиип", "миип", "мииа" и т.д. Все эти варианты, не представляющие определённого смысла, показывают: или мы на неверном пути, или же это незнакомое нам слово.

Первое слово (или окончание предыдущего слова) на второй грани "камня", в отличие от букв первой грани, отделено от последующих букв ясно выраженным интервалом. Очевидно, это последнее слово (или часть последнего слова) первого предложения.

Г.А.Климов [56] букву " 2 " относит к гласным. Гласных буквы в лезгинском алфавите семь: а, 2 , о, и, ы, у, 3 [66], из этих букв пока нам известны только две албанские гласные буквы — "а" и "и". В албанском алфавите две буквы "а" ("алт" и "ар"), а по П.К.Услару [66] "а" и " 2 " (последняя выражает звук, похожий на гласную в английском слове "map") отличаются друг от друга. Вторая буква "а" как в "списке", так и в "тексте" (рис.2.3) обозначена знаком " 5 ". Тогда можно предполагать, что 7-ая и 21-ая буквы на первой грани "камня" соответствуют второй букве "а". По-моему, вторая буква "а" имеет еще и другое звучание, близкое не к " 2 ", а к "а", но отличающееся в степени открытости. Для пояснения такого звука можно привести следующие примеры. Звук "а" в отличие от обычного "а" произносится как "а (н)", где последний звук (т.е. "н") почти не слышен, а "а" звучит еще более открыто. Звук "а (н)", в отличие от "а", применяется также в качестве отдельного слова — как указательное местоимение "а (н)" — "тот". На современном литературном лезгинском языке "тот" пишется как "ан", что не точно соответствует устной речи. Кроме того, в предложении "Марата к1елна" (Марат читал) все три буквы "а" звучат одинаково, а в предложении "Марата (н) буба" (отец Марата) последний звук "а (н)" более открытый и "н" также не слышно. По-моему, вторая форма звучания буквы "а", т.е. именно вариант "Марата (н)" (в смысле "чей?") имеет место в Мингечаур-ской графике.

Буква " 0 " (или " 0 ") переводится С.Н.Муравьевым как буква "о", а Г.А.Климовым в виде сочетания " 07 " — как "у". Следует иметь в виду, что на лезгинском языке буква "о" почти не употребляется, несмотря на то, что она применена в [66]. Поэтому мы принимали, что знак обозначает букву "у". Тогда остаётся принять, что знак " 2 "

обозначает или "ы", или же "у" ("уь"). В конце лезгинских предложений, выражающих благодарность, пожелание или проклятие, часто применяется слово "хьый" (в кабалинском диалекте), которое переводится на русский язык как "пусть будет". Тогда буквосочетание " **3v7** " будет означать слово "хьый". Следовательно, " **3** " = "хь" и " **7** " = "й". Необходимо отметить, что в "списке" две буквы "й" ("йуд" и "йайд", см. табл.). Как стало известно из последующих поисков, эти буквы соответствуют знакам " **7** " и " **ε** " Мингечаурских надписей (сравните буквы NN18,19 на подсвечнике N1 и буквы NN23,24 на подсвечнике N3, обозначающие слово "йа", которое, как было указано выше, переводится на русский язык как "есть").

Среди букв в надписи на "камне" часто встречается буква "Г", у которой, на первый взгляд, нет аналогов в "списке". Может быть, эта буква первоначально имела одну из следующих форм: **7**, **∫**, (?), **7** и т.д. У С.Н. Муравьева [61] и Г.А.Климова [56] знак " **7** " обозначает букву "w". Г.А.Климов обратил внимание на повторяемость буквосочетания " **o7** " и предполагает, что оно означает один звук — "у" (вернее "ow"). Действительно, буквы **o7** (или **o7**, **o1**, **o1**, **o7**) повторяются несколько раз (буквы NN 14, 15, 31 и 32 "камня", буквы 22 и 23 подсвечника N1, буквы 14 и 15 подсвечника N2). После долгих сопоставлений, логических предпосылок нам показался правильным один вариант:

что буквы **o7** следуют дешифровать как "ур". Буквы "ур" входят как в состав слова, так и образуют самостоятельное слово "ур" (т.е. "авур"), что в переводе на русский язык означает "тот, который сделал".

Так постепенно прояснялся смысл надписей. Окончательный вариант дешифровки Мингечаурских письменных памятников, приведенных на рис. 2.4, является плодом упорного и мучительного труда.

С.Н.Муравьев [61] и Г.А.Климов [56] принимают наличие буквы "w" в Мингечаурских графиках. Действительно, как справедливо указывает П.К.Услар [66], кроме буквы "в", лезгинский алфавит имеет также букву "w", выражающий звук, идентичный первому звуку в английском слове "what". Эта буква в сочетании с буквой "а" дает один особый звук, похожий на дифтонг "wa" ("уа"), хотя вообще дифтонги не характерны для лезгинского языка [66]. Другой такой особый звук получается при помощи буквосочетания "we" ("уье"). Очень интересно, что оба эти звука ("wa" и "we") на Мингечаурских графиках обозначаются одной буквой: ["("wa") и " **∫** " ("we"), тогда как в "тексте" (рис. 2.3) последний звук обозначен тремя буквами " **УНс** " ("уьве"). Числительное "къвед" ("два") в разговорной речи, особенно с другими словами (напр., "два человека"), употребляется как слово, состоящее из двух звуков "къве". На дешифрованных нами албанских графиках слово "два" в сочетании с другими словами обозначается по-разному: в "тексте" (рис. 2.3) оно состоит из пяти букв (первое или второе слово третьей снизу строки рис. 2.3), а на Мингечаурских надписях — из двух (букв NN34,35 подсвечника N1).

ТАБЛИЦА СРАВНЕНИЯ ЛЕЗГИНСКИХ АЛФАВИТОВ (Позволение на след. стр.)

Тип	№№ букв в Албанском алфавите	Албанские буквы	Буквы из страницы книги	буквы на памятниках, найденных в Мингечауре	Буквы в алфавите Услар	Буквы алфавита, основанные на кириллице
1	2	3	4	5	6	7
ГЛАСНЫЕ						
А	1	Ⲁ (алт)	Ⲁ	Ⲁ	А	А
	25	Ⲇ (ар)	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ Ⲇ̇	—
Е	7	Ⲉ (си)	Ⲉ		Е	Е
И	13	Ⲋ (ирб)	Ⲋ	Ⲋ	І	И
	16	Ⲍ (ина)		Ⲍ	—	—
Ы	26	Ⲏ (йой)		Ⲏ	—	Ы
О		—	—	—	О	О
У	35	Ⲑ (ун)	Ⲑ	Ⲑ	У	У
			Ⲓ	Ⲓ	У̇	У̇
СОГЛАСНЫЕ						
Б	2	Ⲕ (одет)	Ⲕ	Ⲕ	В	Б
В	44	Ⲗ (вѣз)	Ⲗ	Ⲗ	В	В
	5	Ⲙ (ѳб)	—	Ⲙ	WE	BE
		—	—	Ⲛ	WA	BA
Г	4	Ⲙ (гат)	Ⲙ		Г	Г
					Ⲙ̇	Г̇
К	21	Ⲟ (кар)	Ⲟ	Ⲟ	К	К
	52	Ⲡ (кпу)			К	КК
	30	Ⲣ (карр)	Ⲣ		К̇	КІ
	42	Ⲥ (кхат)	Ⲥ	Ⲥ	К	К̇
			Ⲥ̇	Ⲥ̇	Ⲥ̇	К̇̇
К					Г	—
Д	18	Ⲕ (дан)	Ⲕ	Ⲕ	Д	Д
Ж	8	Ⲗ (жил)	Ⲗ*		Ж	Ж
	12	Ⲙ (жа)			—	—
Й	11	Ⲏ (йуд)	Ⲏ	Ⲏ	Й	Й
	50	Ⲑ (йайд)		Ⲑ	—	—
Л	22	Ⲏ (лит)	Ⲏ	Ⲏ	Л	Л
	15	Ⲓ (лан)			—	—

ТАБЛИЦА СРАВНЕНИЯ ЛЕЗГИНСКИХ АЛФАВИТОВ (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
М	29	Კ (мак)	Კ	Კ	М	М
Н	31	Ლ (нутс)	Ლ	Ლ	Н	Н
П	40	Მ (пен)	Მ	Მ	П	П
	51	Ნ (пиур)		Ნ	П	ПІ
	41	Ო (пёс)		Ო	ПᲡ	ПП
Р	47	Პ (рон)	Პ	Პ	Р	Р
С	46	Რ (сой)	Რ		С	С
	43	Ს (сёк)		Ს	—	—
Т	9	Ტ (тас)	Ტ	Ტ	Т	Т
	45	Უ (тиур)	Უ	Უ	Უ	ТІ
	36	Ფ (тай)		Ფ	Ფ	ТТ
Ф			Ღ*		Ф	Ф
Х	17	Ყ (хён)	Ყ	Ყ	Х	Х
	37	Შ (хам)	Შ		Შ	ХЪ
Ц	48	Ჩ (тсан)		Ჩ	Ц	Ц
	38	Ც (дзай)	Ც	Ც	Ც	ЦІ
	20	Ძ (цох)			Ძ	ЦЦ
	49	Წ (цайн)			—	—
Ч	32	Ჭ (чай)	Ჭ	Ჭ	Ჭ	—
	34	Ხ чайн	—	—	—	—
З	3	Ჯ зям	Ჯ	Ჯ	З	З
	6	Ჰ зарл		Ჰ	З	—
Һ	24	Ჱ (һайл)	Ჱ	Ჱ	Һ	ГЪ
	23	Ჲ (һёт)	Ჲ	Ჲ	Ჲ	ХЪ
						—
Ч	19	Ჳ чат	Ჳ		Ч	Ч
	27	Ჴ (чин)	Ჴ		Ჴ	ЧІ
	28	Ჵ (чъай)			Ч	ЧЧ
	10	Ჶ (ча)				
	39	Ჷ (чам)	Ჷ	Ჷ		
Ш	14	Ჸ (ша)			Ш	Ш
	33	Ჹ (шак)			—	—

В неизвестной книге, несколько страниц которой опубликовано в [65], имеются такие предложения: "гъигила гизаф чикайра члулав гъеребарин шанилар къувазнава. Гъанара авай къван килисар ик1 чук1урна юуру чипиз маскГуйар тазва" ("теперь на большинстве мест стоят солдаты черных арабов. (Так) разрушая церкви, они строят себя мечети"). Судя по этой информации, можно предположить, что книга написана в период завоевания Албании арабами, в VII — VIII вв. (с середины VII века арабы начали вторгаться в Албанию [1]).

Приблизительно в этот же период была разрушена церковь, где находился надгробный камень Мингечаурской раскопки [67]. Следовательно, надпись на Мингечаурских письменных памятниках более древняя и относится приблизительно к IV — VI вв. Этот вывод подтверждается ещё и тем, что язык Мингечаурских надписей близок к

разговорному (устному) лезгинскому языку, тогда как язык "текста" близок к современному письменному лезгинскому языку. Такое различие проявляется также в том, что, во-первых, буквы надписей на Мингечаурских памятниках по начертанию намного ближе к алфавиту "списка", чем буквы в "тексте": 25 на Мингечаурских памятниках полностью или почти полностью соответствуют буквам Эчмиадзинского алфавита, тогда как в "тексте" таких букв 17 (см. табл.), во-вторых, среди букв "текста" много "производных" букв и, в-третьих, Мингечаурские надписи со 168 знаками (если не учитывать знаков нескольких слов на керамических кусках) содержат 39 букв, а одна страница неизвестной книги с 470 знаками содержит 34 буквы.

Теперь несколько комментариев к дешифрованным нами Мингечаурским письменным памятникам в отдельности.

1. *Камень под алтарным крестом* (надмогильный камень, рис. 2.4). В [50,61] транслитерации букв NN 1, 4, 36, 65, 66 указаны неточно. Из фотографий "камня", приведенных в ([1], табл. 28 и 34), очевидно, что буква N1 — 2 (м), NN4 и 36 — 2 (а), N65 — 7 (= 2 = а) и N66 — 2 (м). Буквы 10, 15, 43 и 45 приняты как 1 = 7 = P; буква 12, согласно фотографии, приведенной в [61], имеет форму 1, т.е. она — "в"; буква 46 имеет форму 5 (сравни с буквой 45 на подсвечнике N1) и означает букву "е" (слово "ехьу" существует в табасаранском языке [68] и переводится на русский язык как "большой"). Буква 6 ("цц") передает один звук, как в слове "ццал" ("стена"). Также буква 37 ("тт") передает один звук, как в слове "ттар" ("дерево"). Буквы 23, 24, 34, 59 производят также один звук, который условно можно указать как "ё" (т.е. "we"). Предполагается наличие букв 63, 64 и, очевидно, они идентичны буквам 27, 28 и слово "хьый" повторяется.

Если обратить внимание, нетрудно заметить, что буквы 14-15, 41-43 и 44-45 рифмуются: ур, уыр, ыр. Рифмуются также буквы 24-28 и 59-60-62-64: ...ён хьый, ...ён (ц1) хьый. Следовательно, надпись на "камне" звучит как стихотворение:

Транскрипция:

Мийахца(н) сур иви Ур
 уп къахъа (й) нёён хьый,
 (н) сур хёна ттух къуыр

ыр
 Ехьу ц1иних къат1ухёнц1 хьый
 Амин

Перевод:

У того, кто окровавил могилу Мийахца
 (Пусть) каждый (?) день превратится в вечер
 Тот, кто сберег эту могилу

 Пусть большой позвоночник расколется
 Вдребезги
 Аминь

Обратите внимание на вторую строку. Следовало бы говорить: "пусть каждый день превратится в ночь". Однако в надписи слово "ночь" заменено словом "вечер" ("н 22 н" или "нёён"). По-моему, это сделано ради рифмы: "нёён — къат1ухён(ц1); ведь "йиф" ("ночь") в данном случае совершенно не подходит.

Для сравнения приводим перевод этой надписи, осуществленный в [61]:

Этот (?) престол (?)

Жертвенных (букв, кровавую (?) плиту (?) соорудил (?))

Иокоп священник, родом удин для Древа (т.е. Креста) ... (далее неясно) Эти слова автором [61] выявлены при помощи гунцах-ского, арчинского, аварского, удинского, хиналугского, даргинского, лезгинского и армянского языков.

2. *Подсвечник N1*(рис.2.4). При дешифровке надписи на этом подсвечнике предыдущие исследователи неправильно подобрали последовательность слов. Как описывается в [50], на одной грани подсвечника пять строк (поэтому слова на этой грани считались первоначальными), а на следующих гранях — 2 (на II грани), 2 (на III грани) и 3 (на IV грани) строки. Если предложение начинается с первой грани и заканчивается на четвертой, то как может оказаться на II и III гранях по две, а на IV грани три строчки? Поэтому нам казалось, что первая грань является передней гранью и на этой грани указан адресат (верхние две строчки), а предложение начинается с четвертой грани (против часовой стрелки) и тогда получается симметричность надписи.

Транскрипция:

Зайуззу. НЈwein Гъакърицц йа ибур ур (и) ццѣз.

Ппана къѣ джужър Кеназ къеццирай.

Перевод:

Зайуззу. Это Цвеш Хакриц сделал их для вас.

Пусть Пан возьмет для Кена две (разные) формы.

Дешифровка С.Н.Муравьева [61] в переводе на русский язык выглядит следующим образом:

*Меня, Иова, Боже Иисуса за (?) приношение для
твоей иконы (или для твоих икон) помяни (?).*

Следует отметить, что буква 36 дает звук "ц" ("дж"), как в слове "цир" ("резина"), но такой буквы нет в русском алфавите. Кроме того, исходя из правильного подбора слова "къеццирай" ("пусть возьмет") удалось восстановить стертую букву 44.

Обращает на себя внимание две формы буквы "и". В словах "ибур" (буквы NN20-23 подсвечника N1) и "и сур" (буквы NN29-32 надмогильного камня) первые буквы отличаются: последний произносится как "и(н)", где "н" почти не слышно. Такой звук "и" дает также отдельное слово: И =и(н) обозначает "этот" (и сур — эта могила).

3. *Черепок N1*(по [53]) или подсвечник N2 (по [50]): рис. 3. Буквы 16, 17 некорректны и уточнить их не удалось (в [60] буква 16 указана как , что соответствует букве "ж"). Они вместе с буквами 18, 19 составляют имя мастера, изготовившего данный подсвечник. Последние две буквы (NN20, 21), очевидно, составляют слово "йа". Буква 8 неразборчива, и поэтому её транскрипция условная.

Следует обратить внимание на буквы 11, 12 и 13 и сравнить их с буквами 27, 28 и 29 подсвечника N1. В первом случае эти буквы дают слово "кѣз", а во втором случае "ццѣз". Оба эти слова одинаково употребляются в лезгинской речи, но в разных диалектах, и оба переводятся на русский язык как "вам".

Транскрипция:

Зу(н) и ц1урцадж кѣз ур ?? не йа.

Перевод:

Я (.который) сделал этот подсвечник вам (есть) ?? не.

Дешифровка С.Н.Муравьева [61]:

Я, Моуса, { огородил камнем (?) /то...то/

каменное /то...то/

закончил каменное /то...то/

4. *Фрагмент подсвечника N3*(рис.2.4). Последовательность слов сохранена как в [42], (в [53] она изменена). На одной стороне отсутствуют несколько букв. Отсутствующие буквы вместе с буквами 21 и 22 передают слово, означающее, более вероятно, русское слово "подарок". К сожалению, полностью восстановить это слово нам не удалось: возможно, оно не сохранилось в со временном лезгинском языке.

Транскрипция:

Уьн (й) ёц1у Маназ Уршацала (й) ...ц1и йа.

Перевод:

Толстому Ману от Уршаца (подарок?).

Дешифровка С.Н.Муравьева [61]:

- I. (сторона). Меня, Васала, в/севыш-ный.. /помяни (?) ...
II. (сторона). Услыши (?) Иисусова мать...

5. *Подсвечник N4*(рис.2.4). По-нашему, транслитерация букв приведена в [50] не полностью. Известны только крупные буквы на круговой полосе. Мелкие буквы на рёбрах подсвечника изображены неточно. Думается, что эта надпись содержит больше информации, чем остальные. Буквы 1 и 12 обозначают звук "wa". Буква 4 осталась неразгаданной, а между буквами 6 и 8, по всей вероятности, пропущена одна буква. Буквы 3-5 выражают отдельное и, возможно, представляющее значительный интерес слово, которое уточнить, к сожалению, не удалось.

Транскрипция:

шад т(?) п1 ц1(у)з къёзша.

Перевод:

Необходимо поклоняться огню из-за пяти его услуг (?).

Очевидно, древние албанцы поклонялись огню. Можно предположить, что надпись указывает пять основных причин, на основании которых люди поклонялись огню. Вполне возможно, что эти причины были следующие: 1. Тепло. 2. Свет. 3. Пища. 4. Защита. 5. Священность. Может быть, именно эти слова были написаны мелкими буквами на рёбрах подсвечника. Увы, всё это остаётся лишь догадкой, так как уточнить эти буквы (и слова) не удалось.

С.Н.Муравьев и Г.А.Климов считают, что буквы на подсвечнике N4 по последовательности соответствуют албанскому алфавиту, а сам подсвечник служил иллюстративным материалом для обучения алфавиту.

ВЫВОДЫ:

1. Полностью дешифрованы имеющиеся на сегодняшний день основные письменные памятники с кавказско-албанской графикой и установлено, что они написаны на лезгинском языке.
2. Буквы албанского алфавита на Мингечаурских письменных памятниках выражают лезгинскую речь намного точнее, чем современный литературный лезгинский язык.
3. Для выяснения исторической и языковой ценности полученной информации необходимо провести специальные исследования.

2.5. ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Отсутствие достаточных письменных и археологических источников не позволяет уверенно высказаться о той стадии социально-экономического развития, на которой находилось албанское общество в IV — I вв. до н.э. Тем не менее определенное представление о ней складывается по мере изучения могильников этого времени: сосуществование нескольких образов погребений (ялойлу-тапинская культура, кувшинные погребения и мингечаурский тип захоронений) говорит о наличии нескольких основных этнических групп в составе населения [1].

В археологических памятниках Албании обнаружены остатки пшеницы, проса, ячменя. Особое место занимало виноградарство.

Кости различных животных (домашних), а также скульптурные изображения коз, баранов, быков, лошадей на глиняных сосудах дают право говорить о скотоводстве как об одном из основных видов хозяйственной деятельности албанов.

Значительное развитие получили металлообработка, гончарное дело, ткачество, производство стекла, обработка кожи, резьба по камню. Об этом говорят богатые находки в погребении в местности Ялойлу-Тапе близ селения Ниджи [69].

Представление о довольно развитой культуре албанцев дают раскопки, производившиеся в Мингечауре, где обнаружены сельскохозяйственные орудия, предметы бытового обихода, украшения и т.д.

Рис. 2.5. Два глиняных сосуда.
Ялойлу-Тапа.

Данные раскопок говорят, что у албанцев было развито не только земледелие и скотоводство, но и разнообразные ремесла: ювелирное, кузнечное, гончарное дело, обработка шерсти, изготовление льняного полотна. По дифференциации вещей можно судить о том, что у албанцев до известной степени произошло отделение ремесла от сельского хозяйства [23].

Большой интерес представляет обнаруженная в Ялойлу-Тапе обжиговая печь, говорящая о местном производстве высококачественной керамики. Изучение глиняных сосудов приводит к заключению, что албанские гончары IV — I вв. до н.э. должны были унаследовать высокие технические и художественные традиции древних мастеров. [1]: чтобы достичь высокого совершенства в создании сложных форм кувшинов и обладать

относительно сложной техникой при нанесении орнамента, надо было иметь большой опыт и совершенные образцы.

К.Тревер предполагает [1], что "удины-утии являются носителями ялойлу-тапинской культуры, поскольку они являются одним из коренных древних племен "потомков Арана", обитавших, главным образом, на левобережье Куры. Другие "потомки Арана" — гаргары-албаны — считаются носителями широко распространенной на территории Албании культуры кувшинных погребений".

К.Тревер отмечает, что "культура Минге-чаура складывалась из смешения культур, характерных как для левобережья, так и правобережья Куры, поскольку поселение находилось у места большой переправы через Куру".

В Ялойлу-Тапе на обрывистом правом берегу Карачая (позднее название) в 1926 г. рядом с городищем древнего поселения найден могильник, свидетельствующий о высокой и своеобразной культуре местного населения. В грунтовых могилах, (первый тип захоронений), над которыми имелась насыпь, обнаружено большое количество очень интересных сосудов, и среди них кувшин с большим поднятым и вытянутым носиком, с боковой ручкой и стройной подставкой [70] (рис. 2.5.), а также сосуды на трех ножках и сосуды на высокой тонкой ножке в виде плоской чашки с двумя или тремя боковыми ручками (рис. 2.6). [70]. Среди находок имелись также две серебряные римские монеты (причем одна из них — динарий второй половины I в. до н.э). [70].

Рис. 2.6. Четыре глиняных сосуда.
Ялойлу-Тапа.

На территории древних удинов [1], в современном Нухинском и Куткашенском районе, культура, аналогичная ялойлу-тапинской, была обнаружена в ряде мест еще до этих находок 1926 г. Так, в 1915 году Е.Лалаян производил раскопки около сел. Ниджи, в грунтовых погребениях обнаружил керамику — "кувшинчики с клювообразными ручками с одним отверстием" и ряд других, сходных с керамикой из Ялойлу — Тапа сосудов (рис. 2.7).

Рис. 2.7. Сосуд глиняный. Нидж.

Сосуды этого же типа были обнаружены в целом ряде других пунктов в районе сел. Ниджи и Кабалы (Къвепеле), около сел. Шафали, в Дагне-Дере, на обрыве р. Ахмед-Ага (приток Турьяна), около сел. Абдалла и в ряде других районов левобережья Куры, в Нухинском, в Сигнахском, в Закатальском районах, в окрестностях Мингечаура, в Исмаилинском районе и в окрестностях Шемахи [1].

В 1937 году Ниорадзе произвел раскопки в Алазанской долине, около сел. Архилос — Кало, на правом берегу Алазанки [1]. В 7 грунтовых могилах костяки лежали в скорченном положении, окруженные большим количеством керамики, представленной 14 типами сосудов (рис. 2.8). Алазанские погребения Г.Ниорадзе датирует I в. до н.э.

Рис. 2.8. Шесть глиняных сосуда. Алазань.

В другом районе правобережья еще в 1905 г. производил раскопки В.Скиндер [1], обследовавший курганное поле от Ханлара до сел. Чавдар. В сырцевых могилах над насыпью им была обнаружена керамика ялой-лу-тапинского типа (рис. 2.9), "чайники", кувшины с носиками — трубочками, амфоры, и среди них амфора так называемого парфянского типа с витыми ручками.

Рис. 2.9. Глиняные сосуды.

Основным типом погребения для периода от II в. до н.э. и до III в. н.э. считаются захоронения в больших кувшинах (второй тип захоронения), так называемые кувшинные погребения, большое число которых обнаружено на могильном поле Мингечаура на правом берегу Куры. Погребальный инвентарь в кувшинных захоронениях чаще всего однороден, но известен целый ряд случаев, когда в этих кувшинах или рядом с ними обнаруживаются сосуды, находимые обычно в грунтовых и сырцевых погребениях этого времени, — сосуды ялойлу-тапинского-алазанского типа (рис. 2.10).

Рис. 2.10. Кувшинчик глиняный и чаша на трех ножках. Мингечаур.

Особого внимания заслуживают сосуды из кувшинных погребений, обнаруженные в 1948 г., так как среди них встречаются типы, до этого не засвидетельствованные: кувшины с носиком-трубкой (рис. 2.11), ритон с головой оленя (рис. 2.11) и большие глиняные водолеи в виде козлов (рис. 2.12). Все они найдены в кувшинных погребениях III — II вв. Встречаются "молочники" изощренной формы и очень большим сливом в виде клюва (рис. 2.13).

Рис. 2.11. Глиняный сосуд с головой оленя. Мингечаур.

Рис. 2.12. Два глиняных и один бронзовый водолей.

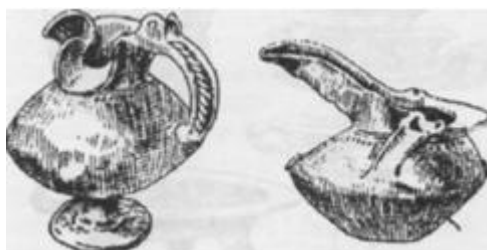

Рис. 2.13. Сосуды с носиками. Мингечаур.

Кувшинные погребения были установлены и на левом берегу Куры в районе нахождения обжигательных гончарных печей. В этой могиле, кроме керамики, найдены железный меч и железный кинжал, бусы с глазками, бронзовый перстень со стеклянной вставкой-печатью с изображением бородатой мужской головы (рис. 2.14) и подвеска бронзовая в форме оленя (рис. 2.15).

В одном погребении около сел. Калагя Исмаилинского района найден стеклянный кубок на ножке с рельефным узором и золотые серьги (рис. 2.16).

Рис. 2.14. Семь предметов (кувшины, перстень, бусы, кинжалы). Мингечаур.

Рис. 2.15. Подвеска бронзовая — олень. Мингечаур.

Рис. 2.16. Две серьги золотые. Бокал стеклянный.

Третий тип погребений, основная масса которых относится уже к концу изучаемого периода, ко II — IV вв., это погребения в срубках, обнаруженные в Мингечауре. На левом берегу Куры, в Судагылане, в 1949-1950 гг. было открыто 22 погребения этого типа [1].

В срубках был найден интересный разнородный инвентарь: бокалы, слезницы, ювелирные вещи из золота и серебра, серебряные сосуды (рис. 2.17), флакон из так называемого финикийского стекла (рис. 2.18,2), большой и высокий стеклянный бокал на ножке (рис. 2.18.1).

Рис. 2.17. Чаша серебряная. Мингечаур.

Рис. 2.18. Два стеклянных сосуда. Мингечаур.

К четвертой группе относятся катакомбные погребения, которые до этого в Закавказье были неизвестны; они обнаружены в Мингечауре в 1949 г. на левом берегу Куры, на территории Судагылана и Калает. Ранняя группа этих погребений датируется I — II вв. [1]. Погребальный инвентарь состоял из глиняных и стеклянных сосудов (рис. 2.19),

разных бус, железного оружия. Высокими художественными качествами отличается большая чаша (диам. около 20 см) с нанесенными на нее пунсонами и резным узором в виде листьев и гроздей винограда (рис. 2.20). На рис. 2.21 приведены три стеклянных сосуда, найденные в ранних катакомбах.

Рис. 2.19. Два глиняных сосуда и два стеклянных флакона. Мингечаур.

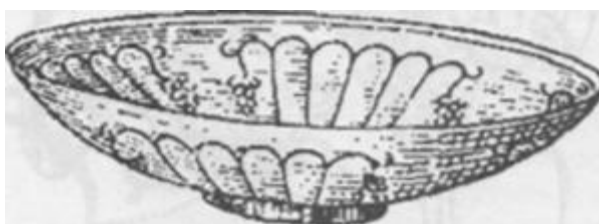

Рис. 2.20. Серебряная чаша. Мингечаур.

Рис. 2.21. Три стеклянных сосуда. Мингечаур.

В катакомбах I — IV вв. были найдены глиняный сосуд (рис. 2.22), фибулы с инкрустацией "римского типа" (рис. 2.23) и бронзовые бляшки в виде "грифонов" (рис. 2.22).

Рис. 2.22. Глиняный сосуд с налепой — олень. Мингечаур.

В катакомбах I — IV вв. были найдены глиняный сосуд (рис. 2.22), фибулы с инкрустацией "римского типа" (рис. 2.23) и бронзовые оляшки в виде "грифонов" (рис. 2.22).

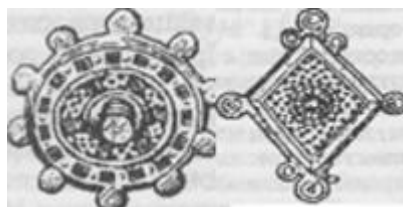

Рис. 2.23. Две "римские" фибулы мозаичные. Мингечаур.

Говоря о находках, описанных в этом параграфе, М.Тревер пишет [1]:" По сравнению с одновременными находками в Армении (Гарни и др.) и Иберии (Армази и др.) в составе памятников материальной культуры Албании имеется очень незначительное количество предметов, приведенных из стран эллинистическо-римской культуры, и столь же небольшое количество местных предметов, на форме, декорровке и сюжетах которых заметно отражение эллинистического или римского искусства. Объясняется это двумя причинами: с одной стороны, некоторой географической замкнутостью Албании, ее отдаленностью в этот период от больших международных торговых путей, от крупных центров античной культуры, а с другой стороны, — тем, что Мцхет, Армази и Гарни являлись царскими резиденциями, что находимые там предметы происходят из обихода царей и высшей знати, тогда как находки в Мингечауре и других местах Албании происходят из погребений рядовых обитателей страны. Не исключена возможность, что если будут открыты со временем гробницы албанских царей и знати, то они выявят ту же картину, какую нам показывают погребения иберских правителей [1].

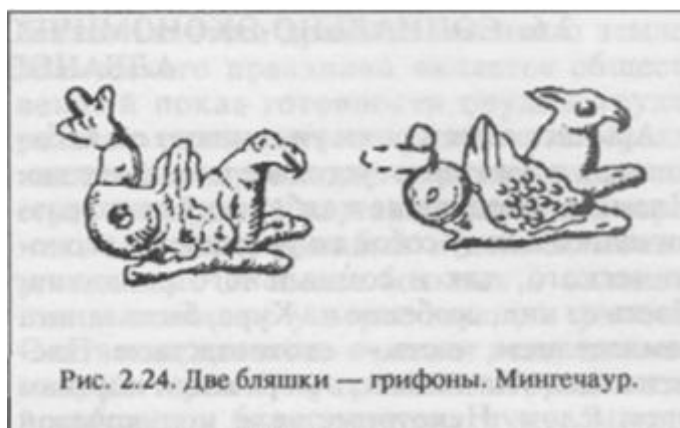

Рис. 2.24. Две бляшки — грифоны. Мингечаур.

Из обихода представителей верхушки общества происходит случайная находка — знаменитое серебряное блюдо с Нереидой, — пишет К.Тревер, — хранящееся в Государственном Эрмитаже (рис. 2.25). Оно было найдено в конце 1893 г. недалеко от сел. Енгикент Лагичского участка бывшего Геокчайского уезда... Это блюдо является одним из интереснейших памятников римской торевтики II-III вв., равных которому по уровню технического мастерства и художественной выразительности из числа найденных в Закавказье почти не имеется" [1].

Рис. 2.25. Серебряное блюдо.

2.6. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ АЛБАНОВ (ЛЕЗГИН)

Армянские историки упоминают об Албании как о богатой и густонаселенной стране. Племена, входившие в албанский союз, различались между собой по уровню как экономического, так и социального развития. Часть из них, особенно на Куре, была занята земледелием, часть — скотоводством. Племена вдоль Каспийского моря жили морским промыслом. Некоторые вели полукочевой образ жизни [1]. Вот как описывает Страбон земледелие албанцев: "Раз засеянное поле во многих местах дает две жатвы, иной раз три... Все это без пара и железных плугов, только вспашкой деревянным плугом. Вся эта долина орошается реками более, чем Вавилония и Египет, так что она имеет постоянно зеленый цвет и содержит прекрасные луга. В этой стране и воздух лучше. Виноградные лозы не покрываются, но обрезаются каждые пять лет. Эти лозы дают плод на втором году, когда же они вырастают, то дают столько, что большую часть плода оставляют на ветках. Как домашние, так и дикие звери получают там прекрасный рост".

Древние авторы, говоря об албанцах, отмечают их красоту, высокий рост, светлые волосы и карие глаза. Это, как полагают антропологи, характерные черты древнейшего аборигенного населения — кавказского типа, широко представленного и ныне в горных районах Азербайджана, Дагестана и в других областях Кавказского перешейка (1.47).

Древние авторы (Страбон, Плиний, Птоломей) называют более тридцати городов и других поселений на территории исторической Албании. Остатки одного из них — известной античной Кабалаки (трансформированное лезгинское название Къвепеле, что означает города на двух холмах), сохранились до наших дней в Куткашенском районе близ селения Чухур-Кабала. Чрезвычайно интересны находки, сделанные при раскопках в этом районе. Выявленные остатки города, относящиеся к античному времени (IV в. до н.э. — I в.н.э.), лежат на слое эпохи бронзы. Обнаружена южная оборонительная стена (вал) длиной более 1 км. В отдельных местах высота стены, по-видимому, достигала 6 м, ширина у основания — 15 м [45]. Большой интерес представляют остатки комплекса зданий с базами колонн. Этот комплекс является уникальным памятником такого рода на территории Кавказской Албании.

Античная Кабала, которую Плиний называет "городом, первенствующим в Албании", была крупным торгово-ремесленным, административным и культурным центром, с развитым денежным обращением, высоким уровнем социально-экономической и культурной жизни.

В результате роста производительных сил во II — IV веках в Кавказской Албании стали развиваться феодальные отношения. Письменные источники подтверждают наличие в Кавказской Албании развитой феодальной иерархии. Государство возглавлялось царской династией, имевшей свои резиденции, вооруженные силы и царский суд. Столицей царей Кавказской Албании до V в. был город Кабалака, а с V по VII включительно — Барда. В Албании были крупные князья, католикосы, архиепископы, епископы, священники, магистраты, свободные люди, ремесленники. Крестьяне делились на скотоводов, земледельцев и садоводов. Значительную часть земель Албании составляли наследственные владения албанских царей. Другим крупнейшим землевладельцем была церковь.

У древнего населения Кавказской Албании были различные религиозные представления и народные обряды. На сосудах, найденных в древних погребениях, встречаются изображения солнца, луны, человека, а также коровы, лошади и многих других животных. Население считало священными небесные светила и некоторых животных, поклонялось им.

Албаны, по словам Страбона, "почитают богов Гелиоса, Зевса, Селену, т.е. солнце, небо и луну. Он же сообщает, что "есть святилище ее (богини Селены) недалеко от Иберии" [11]. М.Каганкатвацви говорит о существовании в Арцахе "различного рода жертвенной службы" [71].

Исследования, проведенные Р.Геюшевым, показали, что албаны до принятия христианства и ислама "поклонялись стихиям природы и разным ее явлениям: молнии, небесным светилам (солнцу, луне, звездам), дэвам, т.е. всему пугающему и непонятному для них.

Далее Р.Геюшев пишет: "Археологические исследования обнаружили крупные древние храмовые здания с обширными территориями. К их числу относятся храмовые участки городищ Кабалы, Амарас, Барды и других, которые были крупными дохристианскими религиозными центрами... Богатый материал, характеризующий дохристианскую идеологию албанов, мы находим и в росписи предметов, на которых наряду с изображением луны и солнца часто встречаются изображения жертвоприношений и древа жизни. Часть этих изображений, вероятно, представляет собой пиктографию жертв Кавказской Албании... При археологических исследованиях обнаружены многие керамические фигурки идолов, каменных идолов, каменные изваяния, свидетельствующие о том, что в астральном религиозном мировоззрении народа обнаруживается сознание нераздельности, слитности природы и людей" [72].

Связь поколений бывшей Кавказской Албании и нынешнего Лезгистана заметна даже сейчас — это мы увидим, если сравним письменные сведения об албанской языческой религии с некоторыми поверьями, бытующими в районах с лезгиноязычным населением. В Албании существовали "священные рощи", символизировавшие в представлении народа силы природы. Такие "священные рощи" остались до сих пор, например, на склонах Шалбуз-дага [73].

Наряду с мусульманскими праздниками, народности лезгинской группы сохранили немало праздников и обычаев, которые ислам так и не сумел искоренить.

Древнейшие поверья, домусульманские представления, доносят до наших дней традиции в виде отдельных священнодействий, заклинаний, окостенелостей в языке,

народных празднествах [73]. Как пишет Ф.Вагабова: "Лезгин может поклясться солнцем, звездами, небом, луной — Заз рагъ къалум хъуй! Заз гъетер къалум хъуй! Вили цав къалум хъуй! Заз варз къалум хъуй", наслать проклятия — "Вун яра атлуй" (Да скосит тебя весна!), "Вун алпанди ягърай!" (Да сразит тебя молния!). Космогонические, анимистические верования остались где-то далеко в глубине веков, а клятва дожила, проклятие устоялось". А.Р.Шихсаидов также считает [74], что одно из главных божеств, бог огня, у древних лезгин называли Алпан. Доисламский характер носит весенний народный праздник лезгин "яран-сувар! (слово "яр" имеет несколько значений: "красный цвет", "весна", "возлюбленная"). Характерной особенностью этого древнего весеннего земледельческого праздника является общественный показ готовности орудий труда, рабочего скота и инвентаря к пахоте. Праздник весны сопровождается разжиганием костров (вечером 21 марта) и прыганием через них, весельем, танцами и коллективным угощением. От имени больных и малолетних выставляют у ворот горящие факелы. Считается, что огонь очищает тело, сжигает старые грехи, укрепляет организм, приобщает к божественному духу. В огонь нельзя плевать, запрещается долго смотреть на пламя: оно может ударить (ягъун), сжечь, опалить, притупить зрение.

В эту весеннюю праздничную ночь парни намечали себе невест, девушки гадали о суженых, а мальчишки опускали в дымоходы сумки на веревках, куда положено было класть подарки: орехи, яблоки, всякую мелочь.

По поверью, чтобы предотвратить болезнь, многие в день весны обвязывали запястье красной ниткой. Такую же нитку привязывали и на животных, чтобы предохранить их от падежа.

Огонь у народностей лезгинской группы был очистительным культом. Дети, прыгая через костры, произносили: "Сам я вниз, а мои грехи — вверх".

Зажигание костров, почитание огня встречается у всех народностей лезгинской группы. Например, одна из высоких горных вершин рутульцев известна под названием "Цайлахан", что означает "место огня" [54].

Теоним "алпан" является составной частью многих географических названий, например, название сел: Алпан (Кубинский район), Алпаут (Бардинский, Казахский, Гекчайский, Уджарский, Дивичинский, Ла-чинский районы Азербайджана), Алпы (Уджарский район) и др.

Легенды и предания, связанные с теонимией, предметы материального производства, используемые при отправлении религиозных обрядов, дают неисчерпаемый материал для этнографа. Прежде чем приступить к анализу, уместно было бы привести своеобразное представление лезгин о зарождении мира и жизни. Так, считается, что первоначально везде была вода. Когда образовалась суша, то первыми существами, ее населившими, были боги (гъуцар, ед.ч. гъуц), вышедшие из моря. Но на сушу вышли не все, часть осталась на морском дне или в морских волнах. Поэтому принято отличать богов, обитающих в море, от богов, обитающих на суше.

Видимо, перед нами отголосок какого-то старинного предания с изначальными космогоническими представлениями предков лезгин. Множество теонимов (Алпан, Мен, Тар, Ген, Тавар, Атар, Алапахъ, Пешепай, Кускафтар, Клетгин, Бистан, Ардазул, Гугу, Алпаб, Хварц, Пили, Щегъ, Инкир, Минкир, Шармуну, Хидир, Ребби и др.) сохранилось в лезгинском фольклоре, в различных обрядах.

Не менее древним и могущественным божеством в лезгинском пантеоне считается Мен — богиня Луны. В топонимии Азербайджана и Дагестана имеются названия с корнем мен: село Менджер-уба (Хачмасский район), в Дагестане пашня Мендуг клам у селения

Зухраб, пастбище Манадин ягъвар у селения Кукваз, тухум Минчиар в селении Курах, сад Мена багъ у селения Сардар и др.

Мен был вторым верховным божеством в Кавказской Албании. У лезгин и в настоящее время отголоски культа луны сохраняются в различных театральных представлениях и играх. Одним из таких древнейших представлений является "Вацракъар" (Вацран йикъар), буквально: "Дни луны". Представление начинается с зарождением нового месяца, а чаще всего, когда замечают появление луны на небе. Обычно это бывает ясными, безоблачными вечерами весной и летом. Прежде всего распорядитель представления мастерит из гибких прутьев (кизиловых или ивовых) предмет в виде полумесяца, который вертикально устанавливают на освещенной лунным светом лужайке где-нибудь на окраине села; затем изображение украшают живыми цветами или яркими лоскутками материи.

Когда все готово, девушки выстраиваются по одну сторону импровизированного полумесяца, юноши — по другую. По знаку распорядителя юноши начинают петь песню о луне. Девушки подхватывают хором последние строки песни. Затем эту песню исполняет одна из девушек, а юноши подхватывают хором. После того, как "благословение" луны получено (об этом сообщает распорядитель), содержание песен изменяется, юноши и девушки по очереди поют маани — четверостишия, песни о любви. Наиболее талантливые певцы и певицы импровизируют новые маани, которые тут же заучиваются и повторяются потом в последующих "Вацракъар".

Взявшись за руки, юноши и девушки допоздна танцуют вокруг искусственного полумесяца, а когда настоящая луна поднимается высоко в небе, они по знаку распорядителя расходятся по домам. Если во время представления облако закроет луну (за положением ее все время внимательно следит распорядитель), то песня прерывается и исполняется другая песня-молитва. Она повторяется до тех пор, пока луна вновь не покажется на небе. В переводе с лезгинского эта песня-молитва звучит так:

*Ой, Мен, Мен, милая богиня Мен,
Невеста прекрасная Атара.
Исполни наши желания,
Чтоб Алапех безжалостный помер.
Появись на небе вечером,
Не дай мраку объять мир.
Ты, как ковш с молоком,
Освети поле и улицы,
Чтоб зло не достигло нас,
Чтоб мы не пали пред ним.*

Другая игра, связанная с луной, называется "Рагъни варз". Ее участники разыгрывают древние мифы о луне, обреченной на вечные поиски солнца.

Судя по песне-молитве, Мен — невеста Атара, бога Солнца, но в игре "Рагъни варз" луна является мужем солнца. Суть игры состоит в том, что группа девушек собирается около воображаемого хъара — специальной печи для выпечки фу — особого сорта лезгинского хлеба, похожего на лаваш. Чуть поодаль сидят юноши и беседуют или рассказывают хкетлар — анекдоты. Девушки "пекут хлеб" и исполняют маани. Спустя некоторое время кайвани, женщина, которая руководит выпечкой фу, ссылаясь на то, что не хватает хвороста для поддержания огня в хъаре, посылает одну из девушек в лес. Та встает и послушно отправляется за хворостом. Проходит некоторое время, сумерки сгущаются, но ушедшая не возвращается. "Обеспокоенная" кайвани обращается за помощью к юношам. Те внимательно рассматривают оставшихся, и тот, кто замечает отсутствие своей любимой, вызывается ее искать. С этого момента он играет роль "луны" и отправляется вслед за "солнцем". Спустя некоторое время "заблудившаяся"

возвращается и присоединяется к группе девушек. Те окружают ее и, хлопая в ладоши, заставляют рассказать о причине опоздания. Виновница должна спеть четверостишия на различные мелодии. Часто ее песни — это импровизация. Девушки и оставшиеся сидеть юноши знают, что "солнце" и "луна" где-то встретились и наговорились всласть о своих чувствах, но поскольку она вернулась раньше, считают, что ушедший никак не может ее разыскать. Этим объясняется тот факт, что луна всегда блуждает одна среди звезд (в лесу), а солнце, появляясь вслед за нею на востоке, устремляется на запад. Так поочередно происходит смена дня и ночи.

В другой игре луна является братом солнца. Обидевшись на сестру, он убегает из дому, а сестра, раскаявшись, устремляется вслед за ним, желая вымолить у него прощение.

Добрыми богами являются Тар (бог изобилия и плодородия), излучающий яркое сияние; символом его считаются Таратлар — разноцветные лоскутки материи (знак святости), развешиваемые на священных деревьях, охраняемых пирами — святили-зами, и Тавар — богиня воды, одетая в убор из цветов. В атропонимии лезгин есть соответственное женское имя Тавар — "красавица". Слово тав по-лезгински — период гасцвета, созревания. От этого же корня образуется женское имя Тават.

Своенравным и капризным богом земли считается Ген. В порыве гнева он может так ясти землю, что ничего живого на ней не останется. Представления об этом боге распространены на территории, сейсмически опасной. Ему приносили особо обильные жертвы. Этимологически теоним Ген, возможно, восходит к лезгинским словам "ген" — послед и "ген" — подол. Первоначально данное слово несло в себе значение "нижний, находящийся внизу". Примечательно, что лезгинское слово пен" означает "земля, двор".

Опасным богом является и Алапех — бог мрака. Он вечно преследует Атара и Мен, поэтому затмения луны и солнца объясняются кознями Алапеха. Алапех больше всего боится Алпана, остерегается и Гена. Алапех — антипод Алпана. Даже в их именах содержится аналогичный компонент "ал-" — ала-". Вторая часть слова, а именно "пехь" имеет в лезгинском языке значение "ворон", "ворона". Слово "пехьи" значит "бешеный, гростный, злобный, гневный". Оно и является вторым компонентом теонима Алапехь. Первоначально Алпан олицетворял свет, добро, а Алапехь — мрак, зло.

Помощниками злого бога Алапехья является божества Алпаб, Клетин, Бистан, Ардавул, Гуру, Шармуну, Инкир и др.

Алпаб — безобразная женщина с растрепанными волосами, отвислой грудью, клыкастой пастью, скрюченными пальцами. Считается, что она навещает обычно рожениц, душит их, вынимая дух из тела, уносит к Алапеху. Теоним состоит из известного уже компонента ал- и второй части паб, что по-лезгински означает "женщина". Клетин, исчадие мрака, находится на службе у Алпаб. Шармуну предпочитает вселяться в души детей. Бистан — божок, помогающий Шармуну. Именем Бистан пугают детей. Он скачет, как конь, и ползает, как змея. Ардавул — бог смерти. По фонетическим признакам это название можно соотнести с именем зороастрийской богини Ардвиги. Однако сейчас мы не можем объяснить, почему богиня Ардвиги превратилась в бога смерти. Гугу — божок, питающийся душами домашних животных. Этим объясняются в народе их болезни.

Малкамут — правая рука Ардавула, посещает могилы, захоронения. Медлителен в движениях, но решителен, действует наверняка.

Инкир — бог зла, воплощение всех неблагоприятных дел человека. Существует поверье, что после смерти человек должен предстать на том свете перед божьим судом. Если чаши весов (мизан) перетянут на сторону Инкира, то дух умершего поступает в мрачные владения Алпах: он осужден на вечные страдания. На могилах людей, преступивших божью волю, в старину ставили камни с несколькими прямыми линиями — знаками

Инкира. Теперь такие камни стали называть инкирами. Этим богам помогают кустафтары — злые духи, исполняющие волю Алапеха. Теоним состоит из двух частей: кус по лезгински внешность", "внешний вид", кафтар — "злобный, ведьма". Кустафтар значит "похожий на ведьму". К кустафарам близки Хъварц и Пили — домовые.

Из богов, относимых к окружению Алпана, можно назвать еще Щегъа, Минкира, Хидира и др.

Щегъ — защитник смелых, храбрых людей. У лезгин существует обычай, по которому в жертву приносят любое животное, кроме козла. В народе говорят: козлы — животные с холодными губами, боги не примут такую жертву. Овцы, наоборот, теплогубые животные, и в жертву рекомендуется приносить их. Козел же считается животным священным. Отсюда и название божества — Щегъ. В традиционном лезгинском театре есть представление "Щегъ къугъурун — "Разыгрывать козла". Во время представления канатоходцев кто-нибудь, надев маску козла, смешит и пугает толпу, отвлекая внимание людей от канатоходцев. Считается, что мертвая тишина при исполнении опасных трюков особо благоприятствует козням Алапеха.

Минкир — помощник Алпана. Он олицетворяет добро. Минкир, как и Инкир, опрашивает людей после их смерти, и если чаша весов перетянет на его сторону, то душа человека будет перенесена им к Алпану, в мир света. На могилах людей иногда устанавливали камни с солярным знаком, присущим Минкиру. Такие камни называются ныне минкирами. Это значит, что под камнем находится прах человека, к которому боги благоволят.

Единобожного мусульманского бога лезгины называют Ребби. Этот теоним перекликается с названием древнего арамейского божества Реб (Раб), что в свою очередь близко по звучанию имени египетского бога солнца — Ра. По-лезгински солнце называется Рагъ.

К домусульманским представлениям народностей лезгинской группы относятся обычаи и обряды, связанные с вызовом дождя во время засухи и с избавлением от половодья. Интересен обряд вызывания дождя у лезгин. Выбирали одного-двух человек, обвязывали их ветками. Ряженого ("пешепай") водили по селению, и каждая хозяйка поливала его водой, а вокруг били в бубен и пели:

*Эй, пешепай, пешепай,
Пешепая дождь нужен,
Нет, нет, не нужен нам дождь,
Везде пусть прольется дождь.*

В двух последних строках видим следы древних языческих представлений. Надо просить дождь у пешепая, но делать это надо так, чтобы не услышал злой дух: он может помешать. Чтобы обмануть его, кричат трижды, что дождь, дескать, совсем не нужен.

*Дождь — хлебам,
Хлеб — закромам,
Хвалу воздам Богу, не нам
[52].*

Каждая хозяйка после этого давала сопровождающему "пешепая" угощение, деньги. На собранные деньги устраивалось коллективное угощение. На этот обычай некоторое влияние оказала мусульманская религия. Возждение "пешепая" сопровождалось молитвой. Участники процессии, обойдя селение, подходили к берегу реки, каждый мужчина брал камень и, подув на него, произнося молитву, бросал в реку. Затем все расходились по домам, а на следующий день устраивалось коллективное угощение.

Во время непрерывных дождей агулы так же, как лезгины, наряжали куклу-идола, с которой дети ходили по аулу и просили у божества, чтобы появилось солнце и стало сухо. Продолжительные дожди приносят посевам не меньший вред, чем засуха. В обряде, связанном с просьбой о прекращении дождя, принимали участие только женщины и девушки и не достигшие совершеннолетия мальчики. Они делали из граблей куклу, одевали ее в женскую одежду, ходили толпой по домам и пели:

*Кукла, кукла, кукла,
Кукла села, приди теплое солнце,
Солнце, месяцы — сюда,
Тучи, морозы — туда
Нашу просьбу пусть примет Гьуцар (божество).*
[75].

В каждом доме им подавали муку, мыло, сыр, мясо, дрова. В итоге устраивали угощение.

Увидев молодой месяц, лезгин пожелает себе ли, другу ли:

*Варз хьиз цIийи хьуй,
ЩицI хьиз дири хьуй,
Щай хьиз хуьци хьуй!
Будь молод, как месяц,
Стремителен, как кузнечик,
Остер, как огонь.*
[73].

У лезгин сохранилось название определенного языческого божества "Гьуцар", употребляемое как синоним "аллаха". Так у лезгин призывают: "Гьуцар авурай дуван — пусть осудит тебя Гьуцар". Интересно, что один из крупных лезгинских районов Азербайджана известен под названием "Гьуца-рар" ("Кусарский") с районным центром "Кьуцар" ("Кусары"). Этот район не мог в народе получить другое название, поскольку это действительно райский уголок. Таким образом, лезгинский народный фольклор также свидетельствует о неразрывной связи народов Кавказской Албании с народами лезгиноязычной группы.

2.7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА АЛБАНИИ

Политическая карта Албании сложна. Она была неразрывно связана с судьбами армян, иберов, персов.

Закавказье издавна привлекало многих могущественных завоевателей. В 60-х годах I века до нашей эры албанам, как и другим народам Закавказья, пришлось бороться против Рима, пытавшегося захватить новые рынки и мировые торговые пути. В 69 г. до н.э. легионы Лукулла вторглись в Армению. В числе союзников, пришедших на помощь армянскому царю Тиграну II, были и албаны-лезгины. Однако, невзирая на большие силы, собранные антиримской коалицией, Тигран II был разбит.

Вскоре албанам (лезгинам) пришлось защищать собственные земли от посягательств Помпея, направившего в 66 г. до н.э. свои войска в Албанию. Во главе албанов (лезгин) стоял царь Оройс, решивший с 40-тысячным войском первым атаковать римлян. Однако албаны (лезгины) потерпели неудачу и Оройс был вынужден просить римлян о мире. Неудачен был для албанов (лезгин) и исход другой битвы — около реки Алазань в 63 г. до н.э. По сообщениям античных авторов, у албанов (лезгин) было довольно значительное

войско — 60 тысяч пехотинцев и 12 тысячи конницы. В сражениях с римлянами участвовали и албанские (лезгинские) женщины, что, по-видимому, породило легенду о том, будто албаны (лезгины) призвали на помощь амазонок.

Несмотря на победу, Помпею не удалось полностью преодолеть сопротивление албанов (лезгин) и пробиться к побережью Каспийского моря. Римляне так и не смогли включить Албанию в состав Римской империи в качестве ее провинции.

В последние десятилетия I в. до н.э. и в начале I в. н.э. у албанов (лезгин) с римлянами сложились дружественные отношения. Члбаны (лезгины) чувствовали себя достаточно независимыми, они могли позволить себе пренебрегать приглашением их прибыть в Рим [1]. Продолжалась и традиционная дружба албанов с иберами.

Римляне в Кавказской Албании присутствовали еще в I веке нашей эры. Об этом говорит надпись, найденная у подошвы горы Беюк-Даш, в 4 км к западу от Каспийского моря, где она была обнаружена в 1948 г. [70]. Она высечена на скале у самой подошвы горы на наклонной плоскости, обращенной на юг, размеры плоскости — 14 м, ширины и 7 м высоты. Высота букв 7 — 16 см, глубина 1 см. Надпись гласит: "При императоре Домициане Цезаре Августе Германике Л.Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината [выполнил, сделал]".

Богатые природные условия Албании не давали покоя соседним и не соседним государствам древнего мира. Вот что пишет по этому поводу проф. А.Агаев: "Преувеличенное внимание греков, арабов, персов, грузин, армян к лезгинам и стране Лакз (Лезгистану) нельзя объяснить случайностью. Это был первый из народов, находившийся в Каспийском проходе, там, где он максимально сужался с юга. В конце прошлой эры и в начале нашей эры значение этого прохода резко возрастает.

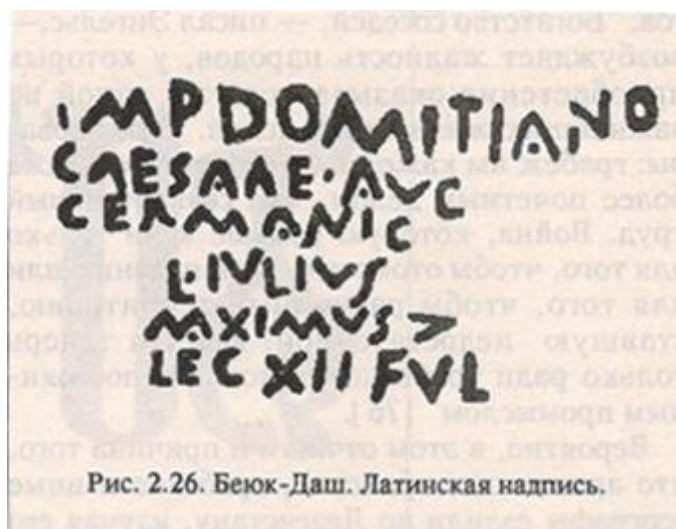

Рис. 2.26. Беюк-Даш. Латинская надпись.

Он становится мостом, соединяющим Север и Юг, Восток и Запад в условиях массового этнического и политического пробуждения народов, когда они пришли в движение, которое привело их к великим переселениям. Так, не будучи еще исторически подготовленными к общению с дальними народами, лезгинские племена благодаря только своему географическому положению оказались в гуще политических событий мира и неожиданных контактов с народами разных частей света: скифами и армянами, хазарами и персами, гуннами и арабами, монголами и турками и так далее.

Еще больше привлекала "страна Лакз" (Лезгистан) соседей своими богатейшими природными дарами. Эта страна представляла собой зеленый оазис на фоне пустынь

Ирана и всего юго-восточного побережья Каспия... Более или менее защищенные с двух сторон высокими и непроходимыми, во всяком случае в осенне-зимнее время, горами,

древнелезгинские племена, включая и предков табасаранцев, удин, кризов, будухов, хиналугов, рутулов, агулов, цахуров, арчинцев, развивались в этой богатейшей житнице. У них не было поэтому какого-либо резона покидать свою этническую территорию, на которую по мере роста населения, усложнения жизни, пробуждения самосознания, они приобретали историческое право.

Право на занимаемую территорию и чувство родной земли обострялись в процессе неизбежных столкновений с враждебными соседями, которые между собой всегда находились в состоянии войны. Исходя из тех же соображений о преимуществах этих мест, сюда стекались многочисленные орды с севера и с юга, стремясь завладеть страной легов. "Богатство соседей, — писал Энгельс, — возбуждает жадность народов, у которых приобретение оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным делом, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом" [76].

Вероятно, в этом отчасти и причина того, что армянские, иранские, арабские и иные географы ездили по Лезгистану, изучая его народы и племена. В этом, следовательно, причина и их ранней осведомленности об этнической картине Лезгистана.

Изложенный выше материал показывает, что Кавказская Албания (Алпаниа) было самостоятельным государством, в котором народ имел свое видение мира и достиг выдающихся успехов в экономике, культуре, письменности и т.д.

Не правы те, кто пытается привязать Албанию (Алпанию), ее духовную и материальную культуру к достижениям соседнего Ирана. Особенно это касается одной из важнейших сторон духовной культуры народа — религии. Описанные выше представления о внешнем мире и религии албанов — лезгин совершенно отличны от распространенного в то время в Иране религии — зороастризма. Характерными чертами последнего были: представление о борьбе в мире двух начал — добра и зла; почитания огня; осуждение массовых кровавых жертвоприношений; запрещение погребения трупов (их давали на съедение животным и птицам) и т.д. Создание зороастризма приписывается Заратуштре, имя которого греческими авторами передавалось как "Зороастр" (отсюда название религии). Основная "священная книга" зороастризма — Авеста, которая составлялась в течение многих веков.

Что касается албанской микологии со своими богами, — Алпан, Мен, Тар, Ген, и т.д., то она также значительно отличается от мифологии греков не только именами богов, но и многими приданными им функциями.

Таким образом, Кавказская Албания (Алпаниа) по древнейшим письменным источникам, на основании материальной культуры и устного народного творчества предстает перед нами как обширное государство со своей своеобразной высокой экономикой, духовной и материальной культурой.

Глава третья

Албания — Лезгистан в III-VII веках

3.1. БОРЬБА ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

В III — VI вв. вокруг Кавказа происходили события, заметно повлиявшие на положение государств Закавказья. Продолжалось "великое переселение народов" — передвижение кочевников, преимущественно тюркских, из Центральной Азии на Запад. В начале VI века племена барсильцев удалось потеснить савиры и гунны, обитавших на Северном Кавказе. В середине VI в. сюда проникли кочевые тюркские племена обров. Им удалось сокрушить савиро-гуннский союз. Часть обров дошла до Дербента. Вслед за обрами в степи Предкавказья в 70-х гг. VI в. вторглись тюркаты, которым незадолго до этого удалось обосновать огромное государство — Тюркский Каганат (Каган — хан у ариев тюрков и хазар). В 581 г. это государство распалось на два враждебных каганата. С начала VII в. Западный Каганат начал терять свои земли, и тюркские племена Северного Кавказа вышли из-под его власти. Одно из племен, обитавших в районе устья Волги и Северо-Западного Прикаспия к известное под именем хазар, начало приобретать все большее влияние. К середине I в. хазарам удалось объединить разрозненные кочевников Северного Кавказа (савиры, барсильцев, гунны) и Предкавказья. Возникло многоплеменное государство — Хазарский каганат, и название "хазары" превратилось в собирательное название для всех племен, вошедших в новый союз. Столицей Хазарского каганата стал город Семендер, расположенный в приморской части Северного Кавказа.

Столь же значительные события происходили в это время и на юге Прикаспия. В начале III в. на развалинах Парфянского Царства в Иране возникло новое государство. В 226 году к власти в Иране пришла династия сасанидов. Во главе государства стоял шахиншах ("царь царей"), государственной религией стал зороастризм, т.е. огнепоклонство.

Письменные источники III — IV вв. свидетельствуют о наличии в Иране в это время трех сословий — жреческого, военного и земледельческого, каждое из которых имело свой священный огонь, которому они поклонялись. В зависимости от того, какую роль играло сословие в государственной жизни, оно получало и свое место в ряду священных огней.

При правителях сасанидов Иран вскоре превратился в могущественное государство, что самым непосредственным образом отразилось на судьбах закавказских народов и государств.

Упрочив государственную власть в самом Иране, сасаниды начали обширные завоевания, образовав вскоре Сасанидскую империю, включавшую часть Средней Азии, Атропатену, Месопотамию, Сирию и Закавказье. К захвату Закавказья стремилась также Римская империя. В IV в. между Римской империей и Сасанидским Ираном развернулись длительные войны за овладение Албанией, Арменией и Иберией. Войны причинили огромный ущерб хозяйству и культуре этих стран.

Армянский историк М.Хоренский, считавший леков народом Агвани (Албании), сообщает о битве против персов, происшедшей в царствование армянского царя Баба (370-377 гг.), в которой погиб царь леков по имени Шаргир [1].

Длительная борьба между Ираном и Римской империей закончилась заключением мира в 390 г., согласно которому почти вся Албания и восточные области Армении, Грузии перешли под владычество сасанидов.

Сасанидское государство было сильно заинтересовано в Албании, из которой оно старалось извлечь побольше зерна, скота, шелка, хлопка, нефти, металлов и других материальных ценностей [2]. Но гораздо большее значение сасаниды придавали Албании в стратегическом отношении, поскольку северокавказские кочевники неоднократно совершали набеги на Закавказье, и они доходили до глубинных районов Ирана. Вторжения гуннов, савиры, а впоследствии и хазары причиняли огромный ущерб

народам Закавказья, Ирана и Восточно-Римской империи — Византии. Для защиты от набегов кочевых племен и для упрочения своих позиций на Восточном Кавказе сасаниды провели ряд мероприятий, в частности, построили несколько крепостей и оборонительных стен в Албании.

Особое значение сасаниды придавали важному в стратегическом отношении Дербентскому проходу. Наименование "Дербент", под которым этот географический пункт дошел до наших дней, впервые в письменных источниках встречается в VII в. в "Армянской географии", в которой говорится, что в этом месте хребет подходит к морю, где находится стена Дербента, что означает "связь", и ворота города Чорского прохода, великой твердыни, построенной среди моря" [3]. В этом тексте интересна мысль о том, что наименование "Чор" относится в широком смысле ко всему району Дербента, а в узком смысле к городу у устья Самура.

Грекоязычные и латиноязычные авторы I-II вв., говоря о Каспийском (Дербентском) проходе, применяют термины "двери", "ворота" [3]. Это имеет и основание, поскольку в лезгинской лексике этот город называется "Къвевар", т.е. "Двоеворот" (входящая и выходящая). Недаром те же грекоязычные и латиноязычные авторы применяли и названия "вход", "проход".

Интересно и то, что у Птолемея Каспийские ворота на карте и в перечне городов и селений отсутствуют. У него названы и на карте показаны Албанские ворота, но не у моря, а в горном хребте. "Это должно объясняться тем, — пишет К.Тревер, — что Птолемей дает местные наименования населенных пунктов, и его Каспийские ворота у местного населения могли носить иное название" [3].

Одни исследователи сопоставляют Дербент в I-х веках христианского календаря с г. Албаном, другие — с Гелда, исходя из слов Страбона о том, что к северу от албанов обитали гелы, по имени которых их главный город и мог якобы носить название Гелда "Это предположение представляется не лишним основания, — пишет К.Тревер, — но выяснение этого вопроса — одна из многих задач археологов, которые, надо надеяться, установят, находилась ли Птолемеевская Гелда на территории Дербента или, быть может, севернее его, как предполагает Кисминг, локализирующий Гелду между р.р. Самур и Сулак, в 300 стадиях (около 60 км) к северу от Самура" [3].

Все вышесказанное дает основание полагать, что в I в. н.э. Каспийский (Албанский) проход, самой природой как бы предназначенный для удобного перехода с севера Кавказа в Закавказье, был уже укреплен какими-то валами или стенами [3].

Описывая этот период Дербента на основе археологических данных, известный ученый А.Кудрявцев пишет [4]: "Строительный материал, приемы возведения и конструктивные особенности древнейших укреплений Дербента находят себе самые широкие аналогии в оборонительных сооружениях Дагестана этого времени, что позволяет, учитывая характерные особенности массового археологического материала, считать первые дербентские укрепления памятником местного строительства и связывать его основание не с именем эпических царей и прославленных завоевателей древнего Востока, а с местными обитателями этого района. Убедительным доказательством этого служат исследования массового керамического материала из слоев Дербента досасанидского времени, свидетельствующие о его несомненном сходстве с подобными изделиями многих районов Дагестана, особенно южных, и ряде территорий Азербайджана. Керамика, имеющая определенные специфические формы, широко бытовавшая на памятниках Южного Дагестана и некоторых районов Азербайджана в X — VIII вв. до н.э., отмеченная в большом количестве в предскифском слое Дербента, подчеркивает его хронологическое и культурное сходство с синхронными памятниками этих территорий".

Строительство первых при сасанидах дербентских укреплений приписывается персидскому царю Ездигерду II (439-437). Укрепления включали цитадель и стену, протянувшуюся от вершины холма до моря. Укрепления сооружались из необожженных кирпичей и поэтому были недолговечны. При царе Каваде I (488-531 гг.) и его сыне Хосрове I Ануширване (531-579 гг.) в VI веке в Дербенте начался второй этап строительства: возведение грандиозного каменного оборонительного комплекса, призванного заменить сырцевые укрепления.

Укрепления эти состояли из двух параллельно идущих стен, запиравших Дербент-проход с запада на восток. Одним концом стены уходили в море, где они образуют гавань, закрытую цепью. Впоследствии здесь была построена гавань, защищенная каменным молом. На холме, в которой упирались стены, была построена цитадель. За цитаделью, в глубь гор, протянулась многокилометровая цепь оборонительных сооружений, составляющих вместе с дербентскими стенами единый комплекс и защищавших город со стороны гор. В настоящее время сохранились северная стена, цитадель и остатки южной, саманной стены. Сохранившиеся стены имеют около 4 м, толщины и местами до 18 — 20 м. высоты [5-7].

Арабские авторы оставили описание строительной техники дербентских укреплений. По свидетельству Ибн ал-Факиха, дербенская стена была построена из четырехугольного тесаного камня, скрепленного железными болтами: камни были так тяжелы, что пятьдесят человек не в силах были поднять один камень. Историк XI в. Халял ас-Саби, посетивший Дербент, дает более подробное указание: "Ворота из железа, стена из симметрично расположенных камней, в каждом камне два отверстия, в каждом отверстии по железной палке, облитой свинцом"[8].

Вся тяжесть возведения этого грандиозного строительства выпала на долю албано-лезгических народов. Вот что написано в "Азербайджане" [2] по этому поводу: "Всю работу по возведению оборонительных сооружений выполняли жители Сасаниды заставляли десятки тысяч крестьян и ремесленников трудиться на строительстве крепостей, в которых захватчики разместили свои гарнизоны. Огромные материальные средства, требовавшиеся для этого строительства, шахи выкачивали из населения Албании. Албанский писатель Моисей Каганкатвацви, живший в VII в, т.е. через сто лет, а может быть, и через полстолетия после возведения Дербентских стен, с горечью говорит о том, какой ценой была осуществлена эта самая монументальная для того времени на Кавказе крепостная постройка; для нее "цари персидские изнурили страну нашу, собирая строителей и изыскивая разные материалы для построения великого сооружения" [9]. Великолепный знаток истории Кавказской Албании К.Тревер пишет [3]: "В этих немногих словах албанского историка ярко обрисована та тяжелая для албанов обстановка, в которой происходило возведение могучих стен Дербента: местное население должно было работать в каменоломнях, перевозить громадные камни, обтесывать их, осуществлять кладку..."

Интересная надпись была обнаружена в конце XIX в. М.Смбатяном на внешней северной стене Дербента — это заглавные буквы албанского алфавита [3]. Шанидзе подтвердил, что найденная запись — албанская. Это открытие еще раз подтверждает принадлежность Дербента лезгиноязычным народам.

Строя дербентские укрепления, сасаниды ставили целью оградить себя не только от хазарских набегов, но и от непрекращающихся нападений лезгиноязычных и других горских народов. Это хорошо прослеживается по сообщению ал-Масуди, автора X века [10]: "Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берегов в море, а с другой стороны протянул ее до вершин гор Кавк (Кавказ) и сделал ее спускающейся в ущелье гор, продолжал ее до тех пор, пока не довел до укрепления по имени Табасаран.

Дербент. Северная городская стена. Ворота Кырхляр-капы с внутренней стороны

На каждых трех милях этой стены он сделал железные ворота и поселил там с внутренней части каждых ворот народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Все это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кавк..."

По данным Хамзы Исфакхани, сасанидский царь Ирана Ануширван построил Дербент и в каждую местность назначил "предводителя", которому подчинил определенную часть войска, предоставив сыновьям воинов в наследственное пользование земельные участки. Кроме того, каждого из предводителей он одаривал почетными одеждами, подчеркивающими титул — "царь кабана", филаншах ("царь слона"), ширваншах ("царь льва").

Сказанное подтверждает и арабский историк ал-Балазури (конец XI в.) [170], который свидетельствует, что иранский правитель Хосров Ануширван "выбирал ... царей" и назначал их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью, среди них были владетель Серира, Табасраншах и цари Лакза, Филана и Ширвана," утвердил он царей горы Кавк (Кавказа) в их владениях и заключил с ними мир, обязав платить ему подати".

Был построен ряд крепостей и стен южнее Дербента. Их остатки сохранились до наших дней. Так, например, недалеко от нынешнего поселка Белиджи была построена крепость "Торпах-кала" ("Земляная крепость"). Стены ее сложены из сырцевого кирпича. Южнее находятся остатки Гильгильчайского вала, построенного также из сырцевого кирпича. Укрепление протянулось от берега Каспия к отрогам Большого Кавказа. Вдоль вала были устроены военные поселения. Другая стена проходила еще южнее — у горы Беш-Бармак. От этой стены почти ничего не осталось. Некоторые сведения о ней содержатся в сочинениях путешественников XVII в. Военное значение имела и Закатальская каменная стена.

Чтобы закрепить свое владычество и создать себе опору в Албании, сасаниды переселяли сюда ираноязычное население. Этих переселенцев, впоследствии называемых

татами, размещали в тех районах, которые в стратегическом отношении представляли наибольший интерес для Сасанидского государства. Таты заняли территорию Апшерона, часть Шемахинского, Дивичинского, Кубинского и ряда других районов, где потомки их живут и в наши дни. Некоторая часть татов сохранилась и в Дербенте.

Сасанидские завоеватели безжалостно грабили и разоряли Албанию. С населения взимались тяжелые налоги. Среди них наиболее обременительной была поземельная подать харадж [2]. Налоги собирались трижды в год. Для взыскания их назначались специальные чиновники, отличавшиеся большой жестокостью. Сверх того, население принуждалось выполнять в пользу Сасанидского государства трудовую повинностькар (буквальный перевод с лезгинского — работа) [2] — для строительства крепостей и оборонительных стен.

Иранский гнет особенно усилился при шахе Иездигерде И. По его приказу проведена перепись населения и вдвое увеличены налоги. О сасанидских поборах армянский летописец V в. Егише говорит [12]: "Это был настоящий грабеж,... до такой степени сильный, что сами персы удивлялись и спрашивали: откуда могло прибывать столько сокровищ, и как еще могла существовать столь изнуренная страна?"

Награбленные богатства казна расходовала на содержание армии, двора, который поражал своей роскошью, гарема и на личные потребности шаха.

Гнет сасанидов вызывал глубокое недовольство народных масс Албании и сопредельных стран, которые не раз поднимались на борьбу с чужеземными поработителями. Упорный характер она приняла в Албании, где иранское иго было наиболее нестерпимым.

Стремление албанских царей укрепить свою власть и добиться государственной независимости встречало сильное противодействие со стороны сасанидов. Чтобы ослабить сопротивление Албании, Иберии и Армении завоевателям, Иездигерд II набирал здесь всадников и отправлял их в далекий Закаспий под предлогом защиты восточных границ иранской империи. Большинство этих зашей обратно не возвращалось, и поэтому сбор конницы происходил в траурной обстановке.

Иранский шах Иездигерд насильно насаждал в Албании зороастризм, требуя от заветной власти, чтобы она содействовала распространению этой религии. Шах прислал сюда 700 магов, которые стали разрушать христианские церкви [2].

Все это переполняло чашу терпения широких масс: недовольство гнетом сасанидов схватило крестьян, ремесленников, христианское духовенство, представителей местной знати. В 450 г. в Закавказье началось мощное восстание. Оно охватило Албанию, Армению и Иберию. Его предводителем был армянский князь Вардан Мамиконян [2]. В битве близ города Халхал повстанцы, несмотря на численное превосходство противника, одержали победу. Армянский летописец Егише говорит, что "от множества трупов река окрасилась кровью" [12]. По его словам, из всего вражеского войска спасся лишь один всадник, принеший Иездигерду I весть о поражении. Отряды восставших освободили значительную часть Албании от захватчиков. Повстанцы уничтожили иранский гарнизон в Дербенте и заняли город. Население Албании повсюду истребляло сасанидских чиновников, разрушало тюрьмы и освобождало узников.

Напуганный событиями Иездигерд II двинул против повстанцев огромную и хорошо вооруженную армию под командованием визиря Михнерсеха [2], 2 июня 451 г. на Аваратском поле (между нынешними городами Ману и Хой) произошло крупное сражение. Вот как описывает его Егише [12]: "Когда обе стороны были готовы, полные с великим ожесточением и невероятной яростью бросились друг на друга. Крики с обеих сторон раздавались, как раскаты грома потемневших облаках. От страшного шума содрогались горные пещеры. От бесчисленного множества шлемов и от вооружения исходили ослепительные лучи, которые кололи глаза... Битва продолжалась долго; вечерело, близко было и наступление темноты. Многих постигла смерть... Те, которые остались живыми, рассеялись по горам и укрепились в вечных чашах, и когда встречались с врагами, продолжали сечу с ними". Повстанцы сражались с беспримерным мужеством и упорством, но из-за плохой организации и слабого вооружения потерпели поражение. Иездигерд II послал в Албанию, Армению и Иберию карательные отряды, которые чинили беспощадную расправу над населением. Сасаниды вновь утвердились в этих странах. Однако борьба угнетенных народов против иноземных завоевателей не прекратилась.

В 457 г. в Албании вспыхнуло новое восстание. Его возглавил албанский царь Ваче. Повстанцы взяли крепость Дербент и заключили союз с горскими племенами. Тогда сасаниды наняли войско гуннов, которое прорвалось через Дербентский проход, и принялось опустошать Албанию. Гунны "целый год сражались с царем албанским, — пишет Егише, — хотя армия Ваче была разбита и воины его рассеялись, но Ваче оставался непокорным и непреклонным". Бедственная была и эта война для защитников Албании: одни погибли в сражениях, другие умирали от нищеты и эпидемий. Значительная часть страны была разорена.

Стремясь окончательно ликвидировать самостоятельность Албании, сасаниды в 461 г. упразднили здесь царскую власть, превратили страну в свою провинцию и передали управление ее марзбанам, резиденцией которых избрана Барда. Моисей Каганкатвац-ви пишет об этом времени: "От Ваче до благочестивого Вачагана в продолжение 30 лет Агвания (Албания) оставалась без царя, потому что злобный и нечестивый царь персидский неистовствовал... хотел уничтожить все царства мира..."

Но иранским завоевателям не удалось сломить сопротивление народов Албании, Армении и Иберии. В 481-484 гг. произошло новое антисасанидское восстание, охватившее эти страны. Под влиянием непрекращавшихся народных волнений сасаниды вынуждены были пойти на некоторые уступки, в частности, обещали сохранить привилегии местной феодальной знати. Царская власть в Албании была восстановлена. Албанским царем объявлен Вачаган III (487-510 гг.).

Добившись признания независимости Албании со стороны сасанидского государства, Вачаган III стал укреплять царскую власть. Упрочение государственной власти способствовало оживлению хозяйства страны, сильно пострадавшего во время событий IV-V вв. Спасаясь от сасанидской расправы, многие албанские крестьяне оставили свои

поселения на плоскости, укрылись в неприступных горах. В результате поля долгое время не обрабатывались и сельское хозяйство находилось в состоянии крайнего упадка. Вачаган III оповестил население о том, что оно больше не будет подвергаться преследованиям, и потребовал, чтобы крестьяне и ремесленники занялись мирным трудом. Земледелие, ремесло и торговля постепенно стали возрождаться.

Феодалным владетелям, выступившим против сасанидов, были возвращены земли, отнятые захватчиками. Албанское государство восстановило имущественное положение, права и привилегии этих феодалов. Одновременно были приняты меры для политического ограничения, подрыва материального состояния, а порой и для физического уничтожения той части албанской знати, которая держалась просасанидской ориентации.

Поход албанцев против кочевников (из армянских рукописей).

С середины VI в. албанские цари опять утратили власть. Албанией стали управлять иранские наместники — марзбаны, обычно ближайшие родственники шахов. В руках марбанов сосредоточилась вся административная, военная и судебная власть. Они были правомочны выносить судебные приговоры жителям Албании. Наместники ведали сбором налогов, имея для этого штат чиновников. В случае необходимости марзбаны возглавляли ополчение, которое должны были сами выставить местные феодалы. В функции наместников входило следить за настроением населения, предупреждать возникновение антисасанидских восстаний, заботиться о насаждении зороастрийской религии, которая служила идеологическим орудием для распространения и упрочения власти сасанидов. Ответом народа на возросшие налоги и усилившиеся притеснения явилось новое восстание, которое вспыхнуло в Армении, Иберии и Албании в 571-572 гг. Как сообщает грузинская летопись "Картлис-Цховреба", при армянском царе Хосрове Великом "армяне, грузины и оссы, леки и хазары совместно выступают против персидского царя Ануширвана и проникают в Персию". Это восстание также было подавлено с большой жесткостью. Предводители его, принадлежавшие к местной феодальной знати и духовенству, сосланы на отдаленные окраины сасанидского государства. В 604 г. началась новая полоса ирано-

византийских войн, длившаяся более четверти столетия. Армия Ираклия (610-641 гг.) начала грабить города и села низменной части Албании. Моисей Каганкатвацви пишет об этом: "Войско греческое (византийское) в несметном количестве пришло и расположилось в области Ути, ... на границах села Каганкатвац. Оно покрыло и опустошило прекрасные сады и поля, через которое проходило".

Для успешного завершения войны с Сасанида Ираклий в 626 г. заключил союз с хазарами. Моисей Каганкатвацви сообщает, что на помощь византийскому императору хазарский каган послал с войском своего племянника Шада. "Он сделал набеги на все пределы Агвани (Албании) и части Атрапатакатана, предал лезвию меча множество христиан и даже язычников. Но кто может знать и сосчитать число тех, которые были пленены..."

В 628 г. войска Ираклия и хазаров захватили Тбилиси и сожгли его, затем между Ираном и Византией был заключен мирный договор, согласно которому Армения перешла под власть Византии, а Иберия превратилась в самостоятельное государство, Албания же продолжала оставаться под гнетом сасанидов.

В самом конце VI — начале VII в. в Албании восстанавливается царская власть, но персидского происхождения, из династии Михрикан. Представитель ее, Михр, принимал участие в беспорядках, происшедших в Персии около 590 г., когда желаемого не добился, то хотел уйти к хазарам. По сведениям Каганкатвацви, Михри, отколовшись от Хосрова, с 3 тысячами семейств прибыл в страну албанов и хотел отправиться к хазарам. Тогда шах обратился к Михру со следующим посланием [2]: "Родной брат мой, не удаляйся от меня неприязненно. Если ты не благоволишь жить со мной, то там, куда власть моя простирается, возьми себе столько земли для жительства, сколько успеют пройти ноги твои". Михр поселился в горной области Гардыман и, пригласив к себе 12 знатных людей этой области, коварно "умертвил их и завладел ею" [2]. При Варазе Григоре михрениды приняли христианство. Утвердившись в Албании, они стремились освободиться от подчинения сасанидам.

До нас дошли сведения о борьбе населения Ахтов с властью сасанидов. Профессор А.Шихсаидов пишет [14]: "В селении сохранилось предание о том, что Ануширван построил крепость, получившую название Келец-Хев (т.е. холм крепости), для защиты своих войск от нападения лезгин. Рассказывают, что персидские астрологи предложили Ануширвану покинуть крепость, ибо жителей Ахты невозможно подчинить. Однажды ночью жители Ахты совершили нападение на крепость, сожгли ее и уничтожили находящееся там войско. "По-видимому, этот акт мужества и отваги ахтынцев, совершенный ими против персов в их завоевательских походах, повторенный ими неоднократно в последующем, положен в основу одного из подвигов главного героя - Шарвили в героическом эпосе лезгинского народа. Вот что пишут Забит и Ризван Ризвановы [15] об эпосе: "Время создания лезгинского героического эпоса восходит к началу нашей эры. В нем дана широкомасштабная панорама борьбы лезгиноязычных народов с чужеземными завоевателями". Имя Шарвили произошло, по-видимому, от имени албано-лекского правителя Шарвала, о подвигах которого против иностранных захватчиков легенды сохранились до наших дней. О царе Шарвале интересное сообщение имеется в новых источниках, найденных недавно и написанных албанским алфавитом.

Материалы эпоса собраны и обработаны давно (см. Лезгистандин хабарар, N3, 1991 г.), однако полностью до сих пор не опубликованы. Эпос состоит из 20 сказов. В 1990 году (январь-февраль) семь сказов эпоса были опубликованы на лезгинском языке в газете "Коммунист" (ныне "Лезги газет"). В том же году (март-апрель) — два первых сказа и введение к эпосу на русском языке опубликованы в газете "Дагестанская правда" и "Комсомолец Дагестана". Мы, чтобы читатели имели представление об этом эпосе,

воспроизводим третий сказ — "Освобождение Ковара" (Къвевара — так в древности лезгины называли Дербент).

ШАРВИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ КОВАРА

1. ДНИ ЛУНЫ

*Шарвили любил с друзьями
Вацракар водить упрямо
За аулом, над рекой
Светлым лунным вечерком.*

*Чтобы все могли чудесить,
Народился новый месяц,
И, повиснув между звезд,
Стал на свой обычный пост.*

*Быстро из ветвей кизила
Полумесяц смастерили
И вокруг игрушки той
Закружились чередой.
В шерстяных чухах джигиты
В такт шагают деловито,
А напротив, ставши в ряд,
Девы напевают в лад*

*Песнь обрядовую, чтобы,
Из сердец изгнавши злобу
Из людских, богиня Мен
Принесла счастливый день.*

*— Мен , о милая богиня,
Усмири свою гордыню,
В облаках не хоронись
Да над нами наклонись.*

*Нашей радости помеха
Злые козни Алапеха ,
И поэтому в ответ
Выплесни молочный свет.*

*Освети весь мир на радость,
Ведь нам многого не надо:
Наши не ввергал бы в грех
Души злобный Алапех.*

*А потом крылатой песне
На лужайке стало тесно.
И вонзились в небеса
Молодые голоса.*

И поют самозабвенно

*Девуцы о сокровенном,
Хор джигитов их словам
Вторит, уловив едва.*

*"Рипе кюль танцуют пары,
Среди них и сын Даглара .
Принаряженная сплошь
Веселится молодежь.*

*В стороне костер огромный,
Освещает мир он темный.
Щедрый всем от предков в дар
Этот праздник Вауракар.*

2. ГОНЕЦ

*По извилистой дороге
Мчится всадник одинокий.
Очень скоро, знает он,
Упадет усталый конь.*

*Весь израненный и бледный,
Одолев подъем последний,
Не имея больше сил,
Он к лужайке подскочил.*

*Подошли к нему джигиты,
Видят плащ на нем расшитый
Золотом и серебром.
И почуяли нутром,*

*Что известие худое
Нынче он принес с собою.
"Отведи его к костру,
Гам опомнится к утру".*

*Но успел промолвить всадник,
Ртом хватая воздух жадно:
— Передайте Шарвили,
Что в Ковар враги пришли.*

*То не воины простые, —
Валят толпами густыми,
За войсками племена,
Им не знают имена.*

*И не ведают пришельцы Страха.
Наши земледельцы
Иль от стрел мгновенно мрут,
Пан в ужасе бегут.*

А ведет их вождь косматый,

*Кровопийца бородатый.
Слышали звериный рык? —
Так ужасен их язык.*

*В пламени земля Ковара.
Сможет только сын Даглара
Драться против той орды,
Нас избавить от беды.*

3. КЛИЧ ШАРВИЛИ

*"Всяческой хвалы достоин
Этот двухметровый воин,
Он до цели доскакал, —
Тихо Шарвили сказал. —*

*Наступило наше время,
И неведомое племя,
Захватившее Ковар,
Наш почувствует удар.*

*У Ковара нет защиты,
И поэтому, джигиты,
Нам нужна большая рать.
Как бы весточку послать*

*В горы всем дружинам вольным,
Житием своим довольным,
Чтобы на исходе дня
Дожидались здесь меня?"*

*Скоро стражники отважно
Развели костры на баинях.
Вслед за тем во все концы
Ускакали и гонцы.*

*Отцвела заря, к полудню
На лужайке стало людно:
По тропинкам к Шарвили
Добровольцы потекли.*

*Вот, одетые в овчину,
Чабаны несут дубины,
Косы взяли косари,
Дровосеки — топоры.*

*Воины стоят с мечами,
Луки спрятав за плечами.
И охотники пришли,
Зов услышав Шарвили.*

На конях сидят джигиты,

*Копья точат деловито.
Разве пощадит врага
Мести крепкая рука?!*

*Беспокойно конь волшебный
Бьет копытом. Он враждебный
Чует дух издалека,
Где кровавая река*

*По земле течет Ковара.
И доволен сын Даглара
Ратью храброю своей,
Как себе он верит ей.
В это время у Самбура
Старый Кас-Буба с чунгуром
Появился. Он щипнул
Золоченую струну.*

*Развеыфываются тараты,
И блестят на солнце латы.
Здесь — бесстрашный, удалой
Всадников и пеших строй.*

*Трудная у нас задача.
Да сопутствует удача Вам.
И дух родной земли
Пусть поможет Шарвили!*

*Быстротечную рекою,
Изогнувшейся дугою,
Потекла Ковар спасать
Вниз по склону эта рать.*

4. НАШЕСТВИЕ

*Кто не слышал о товарах
Града славного Ковара?
Кто откажется любить
Томных той страны девиц?*

*Некогда сомкнулись дружно
Берег Каспия жемчужный
И крутые горы здесь,
Породив густую смесь*

*Языков, культур, народов.
Проходили дни и годы,
Головы слетали с плеч,
Но забыть родную речь*

*Не могли совсем коварцы,
Ибо, говорили старцы,*

*С незапамятных времен
Город этот заселен*

*Племенами гор высоких.
Избегая битв жестоких,
Сильный получил удар
Вновь изнеженный Ковар.*

*И теперь святые храмы
Превратились в кучу хлама,
И коварская стена
Северная снесена.*

*Оживленные кварталы
Пустырями ныне стали.
Наступает враг, и вот
В ужасе бежит народ.*

*И нельзя умилосердить
Кровожадных иноземцев,
И заметны их следы,
Словно знак большой беды.*

*Шарвили послал дозорных,
Чтобы выведать проворно,
Велика ли вражья рать,
Как получше бой начать.*

*Ведь в бою не только сила,
Но и хитрость приносила,
Как говаривал народ,
Воинам победы плод.*

5. ИЗГНАНИЕ ВРАГА

*"Мало у меня джигитов, —
Мыслит Шарвили сердито, —
Их от смерти убережь
Мне поможет верный меч".*

*Вот стоят друг против друга,
Вспениваясь многоруко
Два безжалостных врага,
И до смерти два шага.*

*Ждут они сигнала к бою,
Одержат любой ценою
Верх готовы над врагом.
Тишина царит кругом.*

*Не спешит начать, однако,
Шарвили сегодня драку.*

*На рожон не стоит лезть,
Если выход лучший есть.*

*Он, в седло садясь привычно,
Чужеземцам крикнул зычно:
— Эй, рабы зловонных брюх,
По округе ходит слух,*

*Дескать, ваш непобедимый,
Уважаемый, любимый
Всеми главный пехлеван
Нынче хвост прижал, болван.*

*Коль не спрятался трусливо,
С ним разделался бы живо
Я. Но если победит
Ваш прославленный джигит,*

*Рать моя уйдет покорно,
И тогда весь край наш горный
Начиная с дня сего,
Станет данником его.*

*Согласились кровопийцы,
И огромный, желтолицый,
Воя, точно ураган,
В поле вышел великан.*

*Желтый лик страшнее смерти,
Нагоняет страх на сердце.
Узкий свой прищурил глаз,
К Шарвили сей дикобраз*

*Направляется беспечно.
Он надеется, конечно,
Выбить дух из удалца,
Щёлкнув по лбу наглеца.*

*Горячится конь ретивый,
Шарвили нетерпеливый,
Он врага не станет ждать
Сам привычен нападать.*

*Наконец, пришелец грозный
Палицею виртуозно
Завертел над головой,
Начиная жаркий бой.*

*И пошла земля комками,
Задрожав под их ногами.
Бьют копытом скакуны,
Забияки — драчуны.*

*Обнялись в единоборстве
Равные в своем упорстве
Статный юный пехлеван
И косматый великан.*

*Пот — ручьем, одежда в клочья,
Патны ненавистью очи.
Копья сломаны, и в бой
Меч пускает наш герой.*

*Ослеплен сияньем ярким,
Вышел из-под взоров парки
Желтолицый великан,
И от двух смертельных ран,
Испустив свой дух поганый,
Эн упал на поле бранном.
Но, узрев такой исход,
Чужеземный тот народ,*

*Завывая от обиды,
Вздыбив лошадей сердито,
В бой пошел, решая спор,
Нарушая договор.*

*Шарвили не знал: насильник
Верит в собственные силы,
Ну, а тут он понял сам —
Грош цена его словам.*

*Отрезвленный вероломством
Незнакомого потомства,
Он в сердцах рванулся в бой,
Разбивая вражий строй.*

*Вот дерутся гаргарейцы ,
На врагов бросая сети
Здесь джигиты из Ути
Перекрыли им пути.*

*Там отряд воюет турецкий,
Меж врагом шныряя юрко,
И кюринцы-смельчаки
За коварцев очаги*

*Жизнь свою отдать готовы.
Молчалив цахур суровый,
Но его короткий меч
Славную заводит речь.*

*Слева с копьями шабранцы
Потеснили голодранцев.*

*Рубятся, сомкнув уста,
Не жалеют живота.*

*Где же он, их вождь косматый,
Кровопийца бородатый?
Ищет Шарвили его —
Обнаружить нелегко,*

*Далеко его берлога.
Наш герой туда дорогу
Прорубает сквозь ряды
Вражских воинов, следы*

*Оставляя от ударов
Своего меча. От кары
Предводитель не уйдет,
Все равно его найдет.*

*Вот и он. Охрана рядом,
Перебитая отрядом
Из Гияра, полегла,
Словно спать сюда пришла.*

*Враг повержен на колени,
Обращается в смятенье
К Шарвили: — Пощады жду,
Сам полез в твою узду...*

*Гнев и ярость враз иссякли,
Видит горец: этот дряхлый
Чужеземец, сын степной,
Не опасен он теперь.*

*Кто повержен, тот убитый,
Не коснется меч джигита
Сдавшегося в плен врага,
Суть смешного дурака.*

*— Рать моя тобой разбита,
Прикажи своим джигитам
Бой сейчас же прекратить,
Мы готовы вам служить.*

*— Так и быть, — сказал с презреньем
Победитель. Враг с кряхтеньем,
Робко встав с сырой земли,
Поклонился Шарвили,*

*Отступив назад, оскалась,
Миг — и пятки засверкали.
И пошла трусливо вспять
Желтолицая та рать.*

*А потом Ковар стеною,
В десять юков высотой
Шарвили опять обнес,
Мир коварцам он принес.*

*Вот и все. И на равнине
Делать нечего отныне
Победителю. И он
Воротился в отчий дом.*

*Здесь в заботах повседневных
И беседах задушевных
Мирно дни его текли, —
Любят люди Шарвили!*

* * *

Освободительная борьба покоренных народов, обострение внутренних противоречий в самом Иране и длительные войны с Византией ослабили державу сасанидов. В этих условиях в Албании, как и в других окраинах государства, усиливались тенденции к самостоятельности.

После завоевания Кавказской Албании Ираном многие области Албании стремились к образованию самостоятельных политических единиц.

На северных землях Албании в этот период начали складываться новые государственные образования. Правители одного из них, территория которого простиралась от побережья Каспия приблизительно до реки Ахсу, именовались ширваншахами. Другое государственное образование — царство Лакз. Профессор Шихсаидов пишет: "Наиболее раннее упоминание о Лакзе относится к VI в. и связано с именем Ануширвана I (531-579 гг.), который утвердил в Лакзе правителя, как и в других областях Дагестана (поздний термин — Г.А.) — в Серире, Филане, Табасаране" [14]. И далее: "Арабские источники дают возможность определить в общих чертах границы Лакза ... Маршрут войск Мервана: Серир — Гумик — Зирихгеран — Хамзин — Табасаран — Лакз — Ширван позволяет расположить Лакз между Табасараном и Ширваном".

Таким образом, захват Албании Ираном привел к неисчислимым бедствиям для ее населения, Албания стала постепенно распадаться на отдельные относительно независимые области и государства.

3.2. ЛЕЗГИ И ЛЕЗГИСТАН

Топонимика Кавказской Албании и этнографические исследования показывают [1,3,14-16], что леги, гелы, удины, албаны гаргары и ряд других племен, описанных античными авторами, являлись родственными лезгиноязычными племенами и занимали всю территорию Албании.

"До сих пор в Азербайджане, — пишет М.Ихиллов, — бытуют такие древние наименования мест, как Албания, Алпанар (Албания — М.И.), Арран, Ран (названия Албании, данные арабами — М.И.), Шкун, Яргун, Гиль, Гильяр, Лезги-Легер, Ций Хюр, Кусар, Лек, Лекит, Лаза, объяснимые на основе лекского языка". Названия таких рек, как Кусар-чай, Кудиал-чай, Гильгиль-чай, Кура также объяснимы на основе лезгинского языка. Далее М.Ихиллов отмечает:

"Доказательством преобладания в Албании горского населения являются проживающие на этой территории в настоящее время народы лезгинской языковой группы, сохраняющие древние формы материальной культуры, обычаев обрядов, этнонимов и т.д." [1].

Бесконечные войны с римлянами, византийцами, персами, хазарами и другими завоевателями обусловили известность лезгиноязычных народностей, населяющих Кавказскую Албанию. "До сих пор, — пишет М.Ихиллов, — грузины и армяне называют дагестанцев, и в особенности лезгин, "леками", персы и арабы — "лакзами", "лекзами". Для народностей Северо-Западного Дагестана они употребляют этнонимы "дидо", "анди", "дурдзуки", "авары" и т.д. Характерно и то, что лезгиноязычные народности испокон веков известны под именем лезги, в то время как другие народы Дагестана в разные времена выявляли себя под различными названиями. Аваро-андо-дидойские народности раньше были известны под названием магIарулал — горцы (магIар — гора). Кумыки и ныне называют всех горцев, за исключением лезгин, "тавлулар" — "горцы", гора". Интересно, что под термином многие годы бытовали и горцы Северного Дагестана и другие северо-кавказские народы. В частности, еще в X в. известный этноним кабардинцев — "тавли". Отсюда можно заключить, что термины "лек", "леки", как "магIарул", "тавлу", означают понятие "горец", "горцы", однако термены — "лек" и "леги" распространены были для обозначения собственно лезгин и лезгинской группы народностей" [1].

"Леки", — далее пишет М.Ихиллов, — это, несомненно, — нынешние лезгины, с глубокой древности живущие на территории, занимаемой ими в настоящее время. Частое потребление в Грузии терминов "лек", "лекеби", а в Азербайджане — "лезгиляр" послужила) причиной того, что под лезгинами стали подразумевать всех жителей горного Дагестана. Между тем с термином "лезгин" надо увязать, собственно, самих лезгин и народности близкой к ним языковой группы" [1].

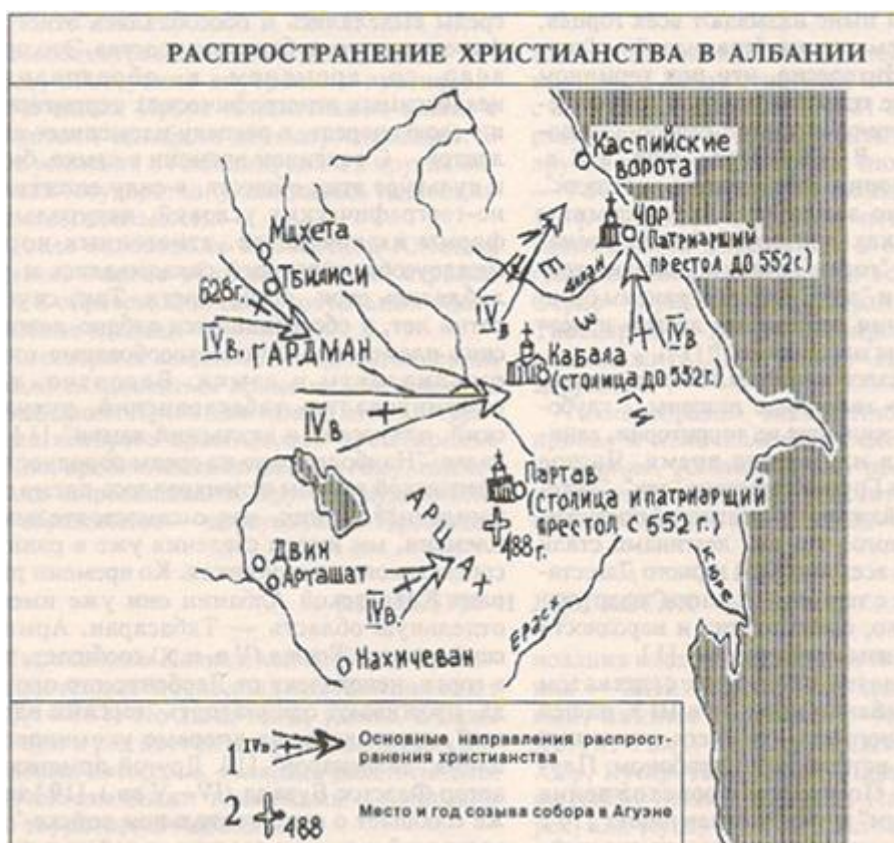
Этноним "лезги" появился с захватом Кавказской Албании персами в III в. нашей эры от племенного названия леги, описанного античными историками Страбоном, Плутархом и др. По поводу происхождения эпонима "лезги" проф. А.Агаев пишет [16]: "В транскрипции фарсидского языка суффикс "з" показывает происхождение. Поэтому иранцы употребляли этноним "лег" с этим суффиксом — "лекз", подвергшимся позже огласовке — "лезг", "лезги". "Стан" по-фарсидски означает "страна". Поэтому по мере развития географических знаний иранцы не ограничиваются общеизвестными наименованиями лакз ("царство лакз"), а интерпретируют его по правилам своего языка — "Лезгистан". Согласно М.Ихиллову, "арабские писатели IX — X вв. локализируют леков и страну "лакзов" не на весь Дагестан, а лишь на территорию Ширвана, т.е. бывшую сердцевину Кавказской Албании". М.Ихиллов подчеркивает, что "имеется прямое указание и на то, что в древности Ласжистан — страна лезгин называлась Банией, т.е. Албанией" [1]. И далее: "В первой половине VIII века районы расселения народностей лезгинской группы становятся известными под названием "Лезгистан" [1]. В источниках этого периода правители гор именовались "эмирами Лезгистана" [17, 18]. "С распадом Кавказской Албании, — пишет М.Ихиллов, — из лекско-албанской среды выделялись и обособлялись этнографические группы близкого родства. Это привело со временем к образованию независимых этнографических территорий, и в свою очередь, к распаду племенных диалектов ... С течением времени в языке, быту и культуре этих обществ, в силу естественно-географических условий, натуральной формы их хозяйства, этногенных норм, междоусобных распрей складывались и углублялись свои особенности. Так, спустя сотни лет, у обособившихся албано-лезгинских племен появились своеобразные говоры, диалекты и языки. Вероятно, так сформировались табасаранский, рутульский, цахурский и агульский языки" [1]. И далее: "Наиболее рано из среды народностей лезгинской группы отпочковалось племя табасаранцев. О них, как о самостоятельном племени, мы имеем сведения уже в ранних средневековых источниках. Ко времени распада Кавказской

Албании они уже имеют отдельную область — Табасаран. Армянский историк Егише (V в. н.э.) сообщает, что в горах, неподалеку от Дербентского прохода, проживают одиннадцать "горских народов", среди которых впервые упоминается племя "таваспаров" [1]. Другой армянский автор Фавстос Бузанд (IV — V вв.) [19] также сообщает о самостоятельном войске "таваспаров" в связи с военными действиями в Закавказье.

3.3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Вследствие взаимодействия с христианскими государствами (Византией, Арменией и др.) в Албанию постепенно проникает христианство. До принятия христианства албаны, по словам Страбона [16], почитали богов: Гелиоса, Зевса и Селену (солнце, небо, луну), т.е. были язычниками.

По утверждению М.Каганкатвацви [9], первым проповедником христианства в Албании был Елисей, который "был рукоположен первым патриархом Иерусалима, братом господним Иаковом, получив себе в удел восточные страны, и направился через Персию, избегая Армению, зашел в страну мазкутов (албан-леков — Г.А.). Он начал свои проповеди в Чога (в районе Дербента — Г.А.) и привлек много учеников во многих различных местах, заставив их познать спасение, откуда отправился верхом в Согари, провинцию Ути с тремя учениками".

По мнению исследователя вопроса христианизации Албании Р.Геюшева [20], основные районы деятельности Елисея были в зоне современных Куткашена, Варташена и Карабаха, а по данным М.Каганкатвацви, время проповеднической деятельности Елисея относится ко II в. [20]. Поскольку Елисей начал свои проповеди в Чога, в стране маскутовлеков, то, по-видимому, патриарший престол в Чога также был основан во II—III веках. Время переноса патриаршего престола из Чога в Партав точно известно [14] — 552 г. Перенос этот осуществлен в связи с бесконечными нападениями на Чога кочевых племен Северного Кавказа.

С деятельностью албанского царя Унайзе-ра связывается наиболее активное время христианизации Албании. В "Истории Агван" М.Каганкатвацви читаем: "Унайзер, царь наш, просил у св. Григория рукоположить его (Григориева внука Григория) достойного наследника рода св. Григория епископом страны своей... по доброй воле, чтобы все были довольны" [9]. По словам историка, "получив вторичное рождение от святого Григория, просветителя Армении, он Унайзер), озаренный Духом Святым, прибыл в страну и освятил Агван" [9].

Во время царствования Унайзера, по словам М.Каганкатвацви, "для церкви назначены первые плоды, отделены десятина с сходов и жатвы, и мелкий рогатый скот, и всех домашних животных; даже и земля досталась на долю".

Продолжателем распространения христианства в Албании после Елисея был Григорий и внук Григория — Григорис, который построил небольшую церковь в г. Цри [21].

Однако христианство из относительно господствующей религии уже через несколько десятилетий превратилось в Албании в религию едва лишь терпимую, если не прямо гонимую IV век был временем особого преследования инаковерующих албанов сасанидами. На пути христианизации Албании, Армении и Иберии встал персидский царь Иездигерд II (439-457 гг.). Сасаниды разрушали христианские церкви, насильственно насаждая зороастризм. В ответ на это началось восстание албанов и армян против персидского владычества в Закавказье, закончившееся кровопролитным сражением на Аварийском поле (недалеко от Маку в Атропатене) 26 мая 451 года. Вследствие этого Иездигерд вынужден был сказать: "Кто чему желает поклониться — пусть и поклонится" [21].

В 487 г. царем Албании становится Вачаган III (487-510 гг.), получивший прозвище "благочестивый". Ему приписывается факт строительства в Албании многих церквей, а также монастыря в г. Амарасе [29]. Вачаган III преследовал магов и приверженцев зороастрийской религии. По его распоряжению построены новые христианские храмы со школами при них, в которых обучались дети знати и духовенства.

Чтобы усилить влияние церкви на население, в 493 году Вачаган III созывает в селе Алуэн (в районе нынешнего Агдама) собор, на котором присутствовали высшее духовенство и наиболее крупные феодальные владельцы. Собор определил структуру организации и положение албанской церкви. Во главе ее становится архиепископ с резиденцией в г. Партаве (Бердаа).

На соборе в Алуэне был принят ряд важных решений, укреплявших положение христианской церкви и усиливавших ее роль в государстве. Алуэнский собор признал, что гражданские и уголовные дела должны находиться в ведении духовенства, запретил тризны и другие языческие обряды. Собор запрещал жениться на родственнице. Фамильное феодальное имущество в Албании наследовали сыновья, а при их отсутствии — духовенство могло претендовать на него.

Собственниками земли выступала знать. Письменные памятники причисляют к ней людей царского происхождения, князей, полководцев, вельмож, правителей областей, "мужей почтенных", "мужей знатных" и др.

Со смертью царя Вачагана (510 г.) в Албании прекращается местная царская династия и страной начинают править персидские наместники — марзбаны. В этих условиях еще более возрастает значение христианской религии в Албании, отличной от господствующей в Иране и Атропатене зороастрийской религии. В 527 г. в г. Двине созывается собор трех церквей Закавказья — Армении, Албании и Иберии, которые объединяются на позициях монофизического толка христианской религии.

Со второй половины VI в., когда главой албанской церкви становится Тер-Аббас, ровно 44 года руководивший последней (552-596 гг.), влияние и власть церкви значительно расширяются и усиливаются, а глава ее начинает носить титул католикоса Албании, Лбина, и Чога. В этот период албанская церковь настолько усиливается, что ее представители начинают распространять христианство среди северокавказских тюркоязычных народов [21]. Так, например, сирийский автор VI в. Захарский Ритор [22] отмечает, что "епископ земли Аррана Кардост ... с тремя добровольцами-священниками" прибыли к гуннам и савирам и распространяли христианство. "Они остались там на семь лет и оставили там писания на гуннском языке" [23].

В 596 г. после смерти Тер-Аббаса католикосом Албании становится Виро, которого М.Каганкатвацви характеризует словами "муж гениальный и мудрый, сильный в деле мудрости, язык его как перо быстро пишущее" [9, 21]. Однако за участие в восстании в 603 г. Виро был уведен в плен и лишь спустя 25 лет (628г.) смог вернуться на родину и снова возглавить албанскую церковь. Находясь в заключении, Виро добился от Хосрова II распоряжения о даровании албанским князьям из династии Михринидов титула "господина Гардмана и князя сграны Албанской". Это право было получено, когда первым князем Албании был избран Вараз-Григор, который в 627 г. в Ктесифоне "принял крещение от Виро — католикоса албанского" [20].

Вскоре Вараз-Григор перенес свою резиденцию в г. Партав, где царствовал десять лет (628-638). Ему наследовал второй из четырех его сыновей Дживаншир (628-670 гг.), ставший наиболее крупным государственным деятелем Кавказской Албании (638-670 гг.).

3.4. ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Состояние археологических работ на территории Албании (Алпан) в настоящее время не дает еще возможности говорить об архитектурных памятниках дохристианского периода ее культурной истории. Объясняется это не только недостаточностью производимых раскопочных работ, но и тем обстоятельством, что при насаждении христианства новые храмы воздвигались обычно на фундаментах старых святилищ (идеологическое воздействие которых тем самым как бы пресекалось), поэтому распознать, где кончается древний храм и где начинается христианское сооружение, порою бывает очень сложным и трудным делом, как, например, на территории Судагылана у Мингечаура [24,25].

Памятники зодчества, воздвигнутые в начальный период насаждения христианства (III — IV вв.), до нас не дошли, вернее, они еще не открыты археологическими раскопками. Большая часть церквей в лесистых местах была, вероятно, построена из дерева, как та "деревянная часовня, обмазанная глиной", в известной роще на небольшом пригорке у р. Тертер в области Росток, о которой упоминает М. Каганкатвацви, говоря о нахождении ларцев с мощами под алтарем старой церкви [9].

Деревянные церкви и часовни подвергались пожарам, разваливались от времени, на их месте, быть может, воздвигались каменные храмы, тоже до нас не дошедшие или как таковые не опознанные. Во всяком случае в научной археологической литературе речь идет о немногочисленных христианских храмах VI — VII вв. на территории Албании: церковь в Судагылане у Мингечаура, два храма в Кахском районе, базилика в горном селении Кум и круглый храм около сел. Лякит.

В центре селения Кум (в 8 км от г. Ках) на берегу р. Кум, в лесистом ущелье, сохранились развалины большого храма, о котором упоминает в своем отчете о поездке по Кахетии А.Хаханов [26]. Этот храм был изучен и описан П.Барановским, при первом же осмотре датировавшим его VI в. [27]. Раскопки храма, производившиеся в 1939 г., и

исследование вскрытых остатков этого некогда величественного здания показали, что храм является трехнефной базиликой с выступающими полукруглыми абсидами, обнесен с трех сторон галереей (рис. 3.1).

Храм построен из крупного булыжного камня, хорошо подобранного по высоте, и из кирпича (колонки, арки и перемычки) на прочном растворе. Внутри храма (размеры его с галереей — 26,5 X 19,3 м) нефы образованы двумя парами столбов и пилонами, западными и восточными. Подковообразные арки поддерживались этими столбами. Судя по сохранившейся части, стены центрального нефа были выше крыши боковых нефов.

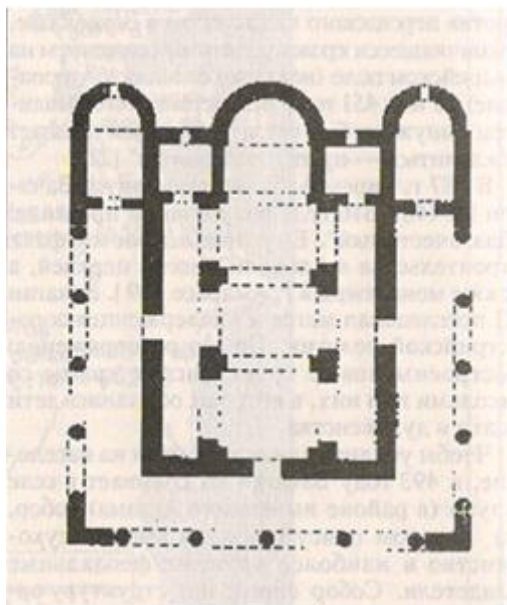

Рис. 3.1. План Кумской базилики.

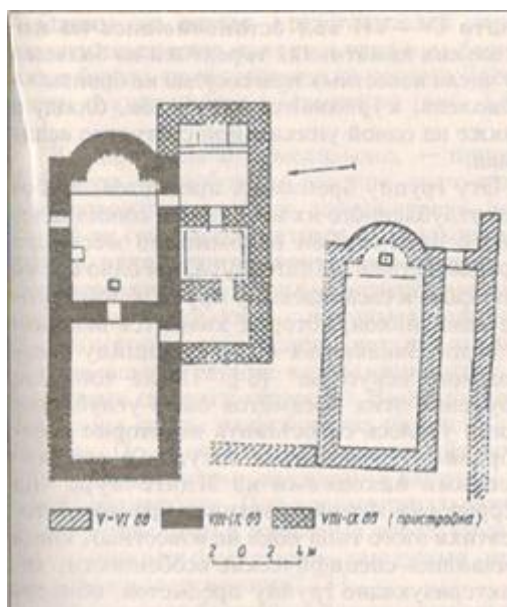

Рис. 3.2. План фундаментов зданий в Судагылане.

Рис. 3.3. Штукковые украшения. Храм в Судагылане.

Три двери в стенах увенчаны подковообразными арками. С трех сторон базилика обнесена арочной (подковообразной) галереей в четыре пролёта. Храм был построен из камня темнозеленого и синего цвета. Кумекая базилика датируется VI в. [3].

Храм в Судагылане (Мингечаур) очень плохо сохранился. План его восстановлен по частичным остаткам фундамента (рис. 3.2). Зал площадью 50 кв. м с восточной стороны мел абсиду радиусом около 2,5 м, возвышавшуюся над полом зала на 0,8 м. Стены базилики в Мингечауре, построенной из сырцевого кирпича, были покрыты штукатуркой с росписью [25]; найдены были обломки капителей и баз из белого камня, некоторые каменные архитектурные детали и рельефные архитектурные украшения из мягкой меловой породы (розетки и др.), на некоторых из них нацарапаны письма (рис. 3.3). Храм в Судагылане датируется VI — VII вв.

В 8 км от сел. Кум, около селений Лякит и Малах, находятся развалины еще одного храма (рис. 3.4). Считается, что он построен на месте языческого храма, посвященного богине Селене (Луне) [3]. Храм был построен из булыжного камня и кирпича с применением известкового камня. Внутри храма (диаметром 22 м) имелся тетракон на колоннах с круговым обходом [28]. Предполагается, что храм был окружен колоннадой, но следы ее пока не обнаружены [3]. Этот храм относят к VII в. [3].

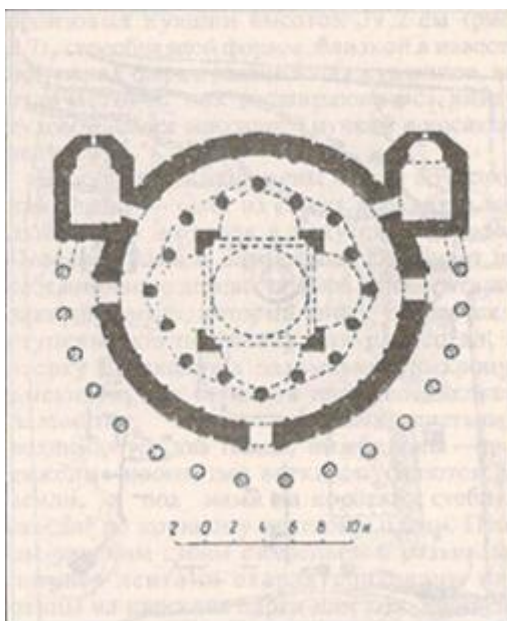

Рис. 3.4. План храма в Ляките.

Н.М.Такарский полагает, что храм в Ляките мог быть построен при царе (Великом князе) Албании Джаваншире.

Храм в Ляките — не одиночный, а одно из многих зданий, находившихся на территории, обнесенной стеной и включавшей в себя еще один храм, дворец, баню, каравансарай, бассейн и ряд других строений [3], т.е. этот храм входил, видимо, в состав большого замкового комплекса (рис. 3.5).

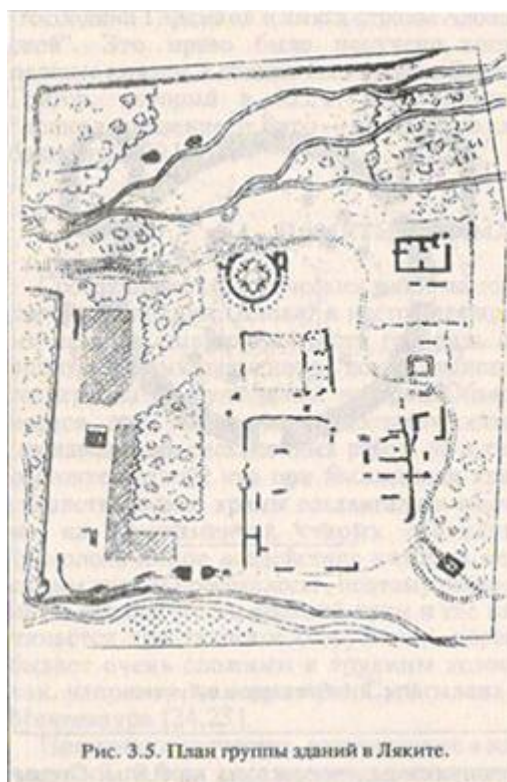

Рис. 3.5. План группы зданий в Ляките.

Письменные источники об описанных выше храмах ничего не сообщают, но есть письменное описание храма князя Джаван-шира в родовой крепости Гардман, построенного им в VII в. Форма и план храма не описаны, но упоминание купола дает основание полагать, что речь идет не о базилике, а о купольном храме. М.Каганкатвацви любовно описывает этот храм, отмечая, что он украшен "всеми благородными материалами". Внутри все здание было покрыто росписью "от купола до порога", для чего были привлечены живописцы. "Двери покоя, хранящего свет вселенной" ("царские врата"), "была окована в серебро"...

Касаясь памятников искусства Албании, К. Тревер пишет: "Еще не наступило время для того, чтобы написать очерк развития албанского искусства, недостаточно еще выявлены соответственные памятники. Тем не менее можно охарактеризовать вкусы албанской знати IV — VII вв., остановившись на нескольких памятниках торевтики из большого числа известных нам сосудов из бронзы — водолеев, курильниц, кувшинов, блюд, а также на одной уникальной статуэтке всадника.

Эту группу бронзовых предметов, до более углубленного их изучения и сопоставления с предметами несомненно местного производства из Мингечаура, мы одно время относили к сасанидскому кругу, к той группе памятников, которые являются вкладом народов Закавказья в сокровищницу сасанидского искусства" [3]. "После того как изучение этих предметов было углублено, когда удалось сопоставить некоторые своеобразные формы этих сосудов с керамическими находками из Мингечаура (на территории Ирана памятники бронзовой торевтики этого типа пока не известны), когда выявились специфические особенности, характеризующие группу предметов, обнаруженных в других местах Албании, — пишет К.Тревер, — явилась возможность усмотреть в них художественные изделия албанских торевтов IV — VII вв., они отличаются большим техническим совершенством и гармоничным претворением как в сюжетах, так и в стиле местных и западных (римских и византийских) художественных приемов, претворением, дающим новое качество, которое отличает эти албанские предметы искусства как от иранских, так и от армянских и иберских памятников".

Рис. 3.6. Бронзовое блюдо. (Эрмитаж).

Одним из ярких представителей этой — группы предметов является чеканное бронзовое блюдо, происходящее из южного Дагестана и хранящееся в Эрмитаже (рис. 3.6)

"В центральном медальоне, — пишет К.Тревер, — изображен всадник, скачущий в сопровождении собаки, занеся дротик, который он собирается метнуть. Медальон окружен рядом концентрических кругов; в наиболее широком из них — четыре круглых медальона чередуются с четырьмя амфорами, из которых поднимаются ветки, в завитках помещены парные изображения птиц и животных (зайцы и козероги). В медальонах показаны сцены единоборства человека со зверями. По внешнему краю идет аркада с колоннами, имеющими капитель и ступенчатую базу. Под арками геральдические группы птиц и животных чередуются с человеческими фигурами — танцорами, музыкантами, охотниками" [3]. Это большое бронзовое блюдо диаметром 56 см. изготовлено в IV — V вв.

"Из той же мастерской происходит, — отмечает К.Тревер, — также замечательный бронзовый кувшин высотой 39,2 см (рис. 3.7), своеобразной формы, близкой в известной мере к форме сасанидских кувшинов, но отличается от них расширяющимся книзу туловом, более массивной ручкой и носиком венчика.

На кувшине изображены птицы по сторонам дерева — один из самых древних и излюбленных мотивов в искусстве народов Передней Азии и Закавказья. Обращает на себя внимание дерево: прямой орнаментированный символ, который внизу упирается в ступенчатую подставку или пьедестал, а вверху переходит в пальмовидную крону, имеющую вид большой пятилепестковой пальметки; между верхними листьями поднимаются два плода, ниже кроны — две тяжелые изогнутые ветки опускаются до земли, а под ними на коротких стеблях свисает по крупному круглому плоду. Птицы-павлины своим ожерельем с развивающимися лентами охарактеризованы как птицы из царского парка или как "священные" птицы.

Рис. 3.7. Бронзовый кувшин. Вид спереди и сбоку. (Эрмитаж).

Кувшин этот выполнен в технике литья по восковой модели, применена инкрустация красной меди в желтую бронзу. Рисунок дерева и птиц отличается условностью в передаче форм и некоторой схематичностью в передаче деталей, но производит тем не менее большое впечатление особой выразительностью и монументальностью изображаемых представителей растительного и животного мира".

Рис. 3.8. Каменная капитель. Из раскопок в Мингечауре.

"От вышеописанного блюда с всадником (IV — V вв.), — пишет К.Тревер, — кувшин отличается своей техникой (присутствие инкрустации), и сюжетом (отсутствие античных мотивов), и формой, характерной для V — VII вв., что дает основание относить его к более позднему времени, к VI — VII вв."

Ближайшей аналогией этому сюжету, далее пишет К.Тревер, является изображение на каменной капители, обнаруженной в 1948 г. на территории храма VI — VII вв. в Судагылане, у Мингечаура (рис. 3.8). На одной из сторон этой четырехугольной в плане капители высечены два павлина встречно по сторонам стилизованного дерева: утолщенный вниз ствол заканчивается вверху трехлепестковой пальметкой, напоминающей по своим очертаниям цветок. Павлины здесь также украшены "царственными лентами". По карнизу капители тянется, огибая ее со всех четырех сторон, албанская надпись".

К.Тревер далее пишет: "Возвращаясь к отдельным деталям сюжета на кувшине — к дереву с его своеобразной формой, следует отметить, что, кроме перечисленных двух памятников, оно имеется еще на маленькой сердоликовой печати, найденной в 1939 г, в погребении около сел. Хинисли в Шемахинском районе: на крошечном камне вырезано изображение дерева (рис. 3.9) тоже на пьедестале и с аналогичной кроной в виде пальметочки со свисающими ветвями. Три дерева (рис. 3.9), разных размеров и на разном материале изображенные, дают основание полагать, что все они восходят, очевидно, к какому-то хорошо известному в Албании прототипу, к памятнику, на котором имелось изображение "священного" дерева, или что существовало какое-то определенное и общепринятое его изображение. В.Левиатов по поводу дерева на кувшине высказывал предположение, что изображен гранат, так как "среди деревьев Албании, приносящих круглые, крупные плоды и имеющих ответвления и плоды близ самой земли, имеется, пожалуй, только одно, которое соответствует подобным признакам, — это гранат. Известно, что гранат культивировался в Албании с древнейших времен; его остатки обнаружены среди материалов, относящихся к эпохе развитой бронзы" [29,30].

Рис. 3.9. Три типа изображения "священного дерева".

"К этим словам В.Левиатова, — пишет К.Тревер, — можно добавить, что остатки граната имеются, как известно, и среди растительных остатков, найденных в Мингеча-уре. Гранат — символ плодородия у всех народов Востока — вследствие яркой алости своего цвета и своего освежающего сока, обилия зернышек в плоде мог и в Албании почитаться как жизнедающее, "священное" дерево".

Рис. 3.11. Бронзовая курильница. (Эрмитаж).

Большой интерес представляет группа водолеев и курильниц, так как сосуды одного и того же характерного типа известны из материалов раскопок в Мингечауре. Отметим водолей высотой 45 см, в виде гуся (рис. 3.11). Ручка этого водолея с горлышком для

вливания утрачена, но места ее прикрепления видны. Этот водолей также был инкрустирован светлой пастой (глаза), и, судя по сходной обобщенной трактовке форм, датируется VI — VII вв. [3].

Другой сосуд, в виде утки (рис. 3.11), служил курительницей (высота 33,3 см), судя по съемочным крыльям и хвосту, чем и объясняется отсутствие надобности в ручке; дым выходил из отверстия в спине и в груди. Эта фигура птицы отличается от гуся тщательной трактовкой деталей перьев (крылья), пластической передачей хохолка на голове и крупных перьев хвоста. На спине птицы крышка в форме седла, тоже украшенная резным орнаментом. "Эту курительницу, — считает К.Тревер, — изготовляла другая рука, не та, которая изготовляла гуся, и, вероятно, раньше — в V — VI вв."

Интересна бронзовая курительница высотой 35,6 см в виде статуэтки всадника (рис. 3.12). Литая фигура коня и всадника возвышается на четырехугольном полом пьедестале, орнаментированном и рельефом и гравировкой.

Предполагается [3], что всадник на коне — Джеваншир, князь Албании, в молодости. "Обращает на себя внимание отсутствие у всадника бороды и усов, тогда как почти на всех сасанидских памятниках и монетах цари изображены бородатыми" [3].

Рис. 3.12. Бронзовая статуэтка. Князь Джеваншир

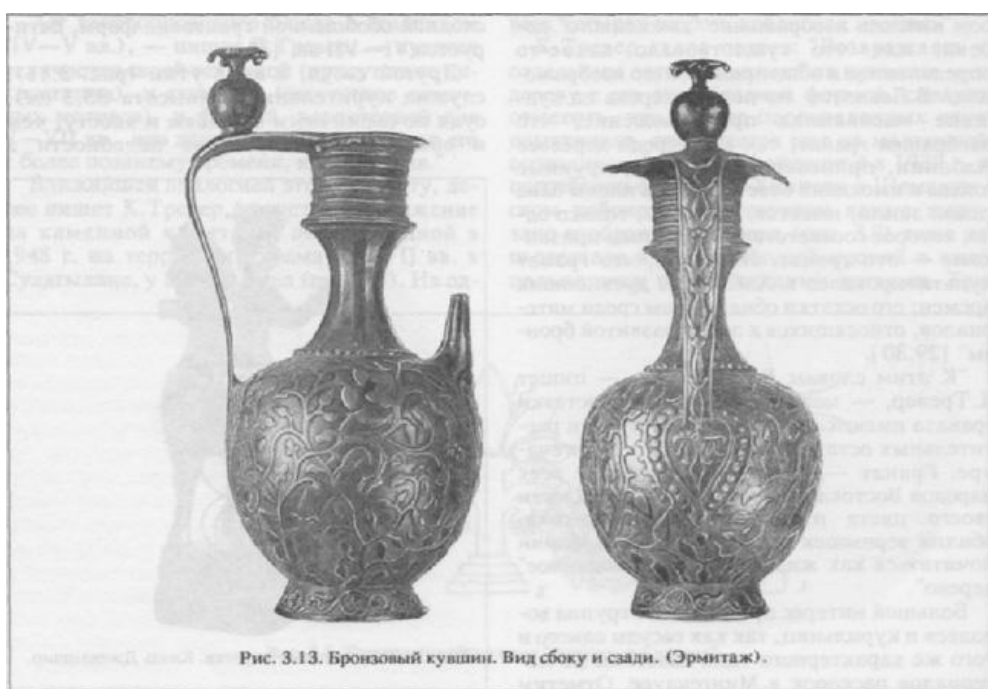

Рис. 3.13. Бронзовый кушин. Вид сбоку и сзади. (Эрмитаж).

В одной из глав "Истории Албании", посвященных этому правителю Албании, историк М.Каганкатвацви рассказывает о том как в награду за успешное участие в сражении с арабами Иездигерд III, последний сасанидский царь, "почтил его (Джеваншира) выше всех: его опоясали золотым поясом, унизанным жемчугом, навесили меч, дали ему браслеты на руки, прекрасный венец на голову..." Молодой князь, восседавший на коне, действительно охвачен поясом, на руках у него браслеты, на голове венец.

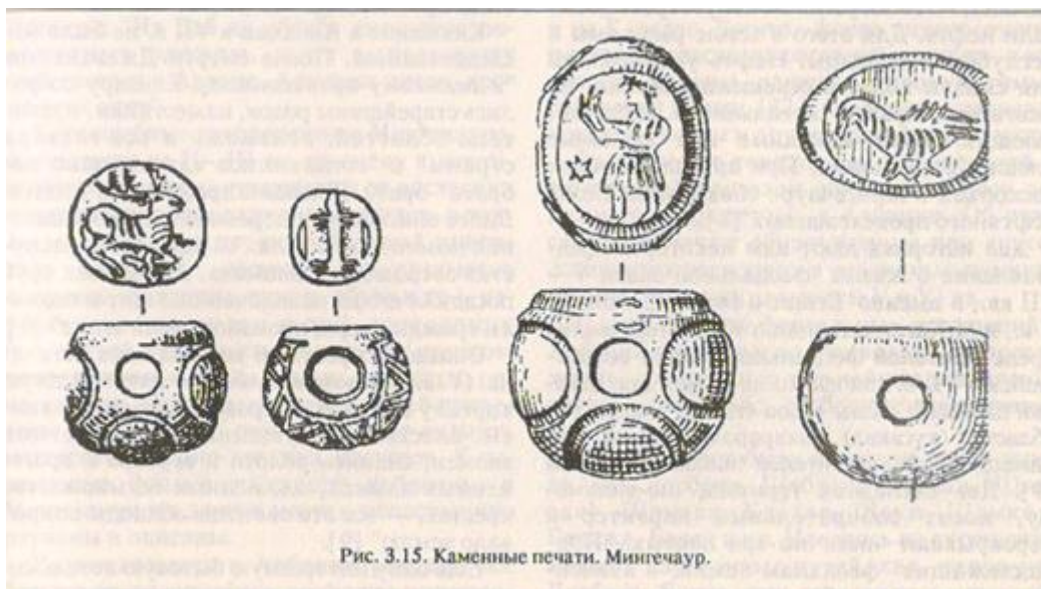
"В пользу того, что бронзовый всадник мог являться изображением Джеваншира, — отмечает К.Тревер, — говорит еще одно обстоятельство: на одной из боковых сторон пьедестала выгравирована вьющаяся ветка, обозначающая, быть может, сад или парк, и в одном из ее завитков показан слон. М.Каганкатвацви сообщает, что халиф подарил Джеванширу в знак милости "привезенного из Индии искусного обученного слона, который великолепно и чудно украшал собою двор царя... Прибывший из Индии диковинный слон, поразивший воображение историка, мог столь же сильно удивить и мастера, который создавал статуэтку, и побудить его изобразить у ног Джеваншира и его слона" [9].

"Еще одним доводом в пользу Джеваншира является то обстоятельство, что в VII в., к которому стилистически относится статуэтка, среди правителей стран Закавказья дарственную корону, пожалованную сасанидами, кроме Джеваншира, никто не носил" [3].

Большой интерес представляет бронзовый кувшин (высота 44,5 см) иной формы, с округлым туловом, высоким горлом, гранатом на высокой ручке и с двумя носиками на плечиках (рис. 3.13). Тулово покрыто растительным орнаментом, оживленным инкрустацией красной меди в бронзу. Следует отметить наличие носиковсливов на плечиках сосуда — прием, хорошо известный по керамике первых веков нашей эры, находимой в разных местах на территории Албании.

Не ставя себе задачи рассмотреть все бронзовые сосуды, изготовленные на территории Албании, считаю все же нужным вкратце остановиться еще на одном бронзовом блюде чеканной работы (VI — VII вв.), с рельефными изображениями на внутренней стороне (рис. 3.14). Это очень большое блюдо, диаметром 73,5 см, рассчитанное на подачу хлеба или фруктов большому количеству гостей в феодальном замке. Оно орнаментировано растительными мотивами, заключенными в круглые медальоны. Вокруг большой центральной розетки идут концентрические круги, состоящих из названных медальонов, в которых заключены деревья или растения разнообразных очертаний; их стволы или стебли расширяются книзу, образуя как бы подставку (как на кувшине с птицами и на печати из Хинисли, см. рис. 3.7,3.8).

Вышеприведенные образцы торевики и металлической пластики позволяют наметить ряд художественных школ, работавших в металле, быть может, даже одновременно, так как большинство предметов датируется VI — VII вв.

3.5. ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА АЛБАНИИ В III — VII ВВ.

В III — VII веках в Албании большой зрелости достигли феодальные отношения. Правовые нормы феодальных отношений были зафиксированы Ал у энским собором. Как указывает М.Каганкатвацви, податное сословие в селах делилось на три группы — "имущих с достатком", "бедствующих" и "крестьян, не имеющих пашен и виноградников".

Укрепление феодальных отношений обусловило развитие производительных сил Албании. Еще шире стали использовать ее плодородные земли и естественные богатства.

М.Каганкатвацви пишет: "Благоприятна и прекрасна страна агван (албанов — Г.А.)... Великая река Кур стремительным течением приносит с собой множество огромных и малых рыб..." Он рассказывает об изобилии в Албании хлеба, наличии шелка, хлопка, нефти и соли, добывании в горах золота, серебра, меди и др."

Искусственное орошение содействовало развитию земледелия в долинах Куры, Аракса и Самура. Наряду с выращиванием пшеницы, ячменя, маслин и фруктов в Албании значительное распространение получило возделывание хлопчатника. Видное место занимало шелководство, грены тутового шелкопряда были завезены из Китая. Велась разработка железных рудников Гардымана, на Апшеронском полуострове добывали нефть. Для этого в земле рыли ямы и неглубокие колодцы. Нефть употребляли для смазки колес и освещения жилищ. Ее сжигали в чирахах-светильниках, представляющих собою каменные или глиняные плошки с фитилями. При археологических раскопках в Мингечауре обнаружена смола нефтяного происхождения [2].

Два историка дают нам некоторое представление о жизни феодальной знати V — VII вв., а именно Егише о своем времени, о V в., и М.Каганкатвацви о VII в. Перечисляя представителей феодальной знати, собравшейся в VII в. для избрания правителя, историк называет главы родов (тэры), владетелей областей (кусакал), нахараров, вельмож (мецамец) и всех властителей (ишханов) страны [9]. Два последних термина, по-видимому, носят собирательный характер и перекрывают частично три первых. Принадлежащие феодалам земли, в зависимости от способа их приобретения, различались уже в V в. и делились на вотчинные (отцовские), "жалованные" и "купленные" [12].

Титулатуру албанских царей Аршакидов (до 461 г.) мы не знаем. Что касается Михринидов, то албанский историк сохранил нам титулы Джеваншира. Один из

албанских епископов обращается к нему со словами: "... заботливый князь, вечно сильный вождь, проконсул и патрикий, господин Джеваншир, князь Албании" [9]. Как видно, и внутри страны в ходу были пожалованные ему византийским императором почетные титулы. Сам Джеваншир в письме к Константину II называет себя скромно "аспарапет и князь Албанский (аспарапет, т.е. стратег, глава войска). В ответном послании византийский император обращается к нему со словами: "Властитель Гардмана, князь Албании, аспарапет и протонпатрикий" [9].

Сохранилось описание придворного церемониала, связанного с утренним приемом правителя: "При восходе утренней звезды Джеваншир надел свои царские одежды и воссел на своем престоле. Отворились двери, вошли воины с оружием и стали по сторонам его. После этого робко вошли по порядку знатные". Возможно, что во время этих утренних приемов Джеваншир творил суд, так как историк прибавляет: "Праведный суд и неподкупное правосудие при дворе его всеми были признаваемы" [9].

Княжение в Албании в VII в. не было наследственным. После смерти Джеваншира "к великому архиепископу Елизару собрались старейшины родов, наместники, правители областей, вельможи и все главари страны" и "согласились единодушно избрать" брата Джеваншира, Вараз-Трдата. Далее описывается церемония провозглашения нового властителя: "... вельможи, распустив зверовидные знамена, при звуках труб посадили его на позолоченный щит и подняли трижды вверх, произнося величание" [9].

Описывая крестный ход при царе Вагачане (V в.), историк Албании дает пышную картину шествия, сопровождавшегося пением, блеском распущенных разноцветных знамен, сиянием золота и серебра и драгоценных камней, вложенных во множество крестов, — все это светлым облаком покрывало землю" [9].

Еще одну интересную бытовую деталь сохранил нам албано-лекский историк в рассказе о том, как в VII в. католикос Виро, желая приостановить нашествие хазар, собрал добровольно принесенные населением серебро, золото и ценные одежды, чтобы ими одарить хазарскую военную знать. Затем он собрал сведения об именах "вельмож и князей, воевод и полководцев, вождей каждого племени в их войске, о высоком или низком их положении, чтобы узнать, какие подарки им поднести". Затем католикос Виро "разделил подарки по именам их, сделал на них надписи и опечатал их" [9]. В этой цитате много интересных данных: упоминание надписей, по-видимому, сделанных албанским письмом, наложение католикосом своей печати на индивидуальные пакеты...

Что касается ремесел, кроме гончарных и чеканных работ, описанных выше, то арабские географы сообщают, о ткацком мастерстве населения Аррана, т.е. Албании, и об оживленной торговле с соседями шелком, полотнами и другими тканями.

В погребениях III — VII вв., в Мингечауре тоже обнаружены остатки тканей — шелка, парчи, полотна, шерсти [32]. Главным центром ткацкого производства, судя по сообщениям арабских географов, являлись Партав и Дербент. О партавском шелке говорится у ал-Истахри: "Из Берды вывозится много шелку. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много шелка отправляется оттуда в Персию и Хузистан" [3]. Одежду шили только в Дербенте, судя по словам ал-Истахри: "Из Баб ал-абваба вывозятся полотняные одежды, и не выделывают полотняных в Арране, Армении нигде, кроме этих мест".

Катакомбные захоронения в Мингечауре, пришедшие во II — III вв. на смену кувшинным погребениям, отличаются от последних отсутствием в них глиняных сосудов, а также монет и оружия; погребальный инвентарь катакомб состоит из предметов кожаных (ножницы, сумки, обувь и др.), деревянных (шкатулки и др.), стеклянных бус, частей прядильных и ткацких станков; находят в них и тонкие ткани, вышивки, печатки и др. Некоторые типы печатей приведены на рис. 3.15, они позволяют оценить мастерство

албано-лекских мастеров. К сожалению, фрагменты тканей, найденных в Мингечауре и в других местах, недостаточно изучены и описаны.

Развивавшееся в Албании ремесло все больше входило в сферу товарного производства. В стране работало множество отличных мастеров своего дела. На развитие ремесел оказывали влияние и соседние страны и народы. По словам Фавстоса Бузанда, албанский царь Унайзер при сражении с византийцами, обращаясь к своему войску, говорил [19]: "Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что когда мы заберем в плен греческое войско, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд". В это время с большим искусством вырабатывались тонкие ткани, ковры, металлические, в том числе золотые и серебряные, сосуды и утварь.

Албания тогда занимала видное место в региональной торговле. Сухопутная и морская торговля с Индией и Китаем, сосредоточенная в руках сасанидов, имела большое значение для экономического и культурного развития не только Ирана, но и прилегающих к нему стран, в том числе Албании. Индийские и китайские товары провозились через Среднюю Азию и Албанию к побережью Черного моря. Албания также активно участвовала в этой торговле.

Ковроткачество зародилось на заре цивилизации восточных народов. Н.Салько, ссылаясь на английского исследователя Георга Бертвуда, полагает, что впервые ковры стали ткать в Египте и на берегах Тигра и Евфрата, а затем в Малой Азии, Персии, Индии и на Кавказе. Богатая флора дикорастущих и садовых красящих растений и плодов, в частности марены, дающих широкую гамму расцветки пряжи [32], позволяла создавать красивые ковры и другие изделия из шерсти.

Расширение товарооборота, внешней и внутренней торговли обусловило рост денежного обращения в Албании. Об этом свидетельствуют обнаруженные при археологических раскопках в различных пунктах страны сасанидские монеты V и VI вв.

С укреплением феодальных отношений в Албании значительно оживилась городская жизнь, происходило дальнейшее разделение труда — появились свободные ремесленники.

В этот период были известны такие города, как Дербент, Шабран, Шарван (Ширван), Шемаха, Кабала, Шеки, Шамкир, Гянджа, Барда и др. Находясь на скрещении важных караванных путей, как, например, Дербент, Барда, они становились крупнейшими торговыми центрами Ближнего и Среднего Востока.

Город Капалака (Кабалака) впервые упоминается в I в. н.э. у Плиния, который писал, что "первенствуют города... в Албании — Капалака". Обратим еще раз внимание на то, что Плиний близок к правильному произношению лезгинского названия города — "Къвепелек": Къвепелек — Кепелек — Капалак — Кабалак.

Из свидетельства Плиния видно, что в середине I в. н.э. в Албании главным городом была Капалака и что в это время о ней знали уже в Риме. Но, кроме этого города, очевидно, существовали и другие города, иначе Капалака не могла бы быть названа "первенствующим" городом.

Город Капала (Къвепелек) упоминается у М.Каганкатвацви, когда он говорит о подписях под каноническими постановлениями собора 488 г., имевшего место в Алуэне. После подписи царя и архиепископа партавского стоит имя "Манасе, епископ Капалы".

Капала являлась сначала резиденцией албанских царей — Аршакидов (I — V вв.), а после того как в V в. эта династия прекращается, она временно стала местом пребывания назначавшихся сасанидами марзпанов, в связи с чем округ стал называться "Востан-и-Марзпан".

Рис. 3.16. Кабала. Башни у ворот.

В 1925 г. Д.Шарифов с сотрудниками в Нухинском уезде предпринял разведочные работы, сопровождавшиеся раскопками. Особое внимание было уделено развалинам Капалы. Выяснилось, что город с трех сторон был окружен рвом, четвертая же сторона представляет собой крутой обрыв высотой более чем в 42 м над рекой. Тогда же установлено, что от крепостной стены сохранились остатки пяти башен диаметром 5,5 м, соединенных между собой мощной стеной шириной более чем в 4 м, что высота разрушенных башен доходит до 6 м и что сложены стены и башни из обожженного кирпича (25 X 25 X 5 см) [33]. Остатки массивных ворот сохранились в юго-западной части стены (рис. 3.16): ворота были фланкированы башнями, в которых имелось по квадратной (5 арш. X 5 арш.) комнате и полуразрушенным сводом. Площадь города занимала 15-20 десятин, т.е. до 22 га. В 1925 г. эта территория была поделена между крестьянами, что в известной мере содействовало разрушению стен крепости. На площади города тогда еще видны были остатки кирпичных построек, как бы "сеткой" покрывавших его территорию...

На территории левобережной Албании, кроме Капалы, имеется еще ряд крупных городищ, обследованных явно недостаточно, и потому материалы по ним очень скудны.

К числу малоисследованных городищ относятся развалины древнего города, расположенного в Прибрежном районе Каспия, в 10 км к северу от Самура (в 1 км к северу от железнодорожной станции Белиджи). На это городище еще в 1924 г. обратил внимание А.Башкиров [34], а в 1937 Е.Пахомов, когда обследовал Присамурский район [35]. Стены громадной крепости (рис. 3.17), возвышающейся на равнине, сложены из сырцевого кирпича; в одном углу городища Е.Пахомовым отмечена высокая насыпная терраса (цитадель, дворец?).

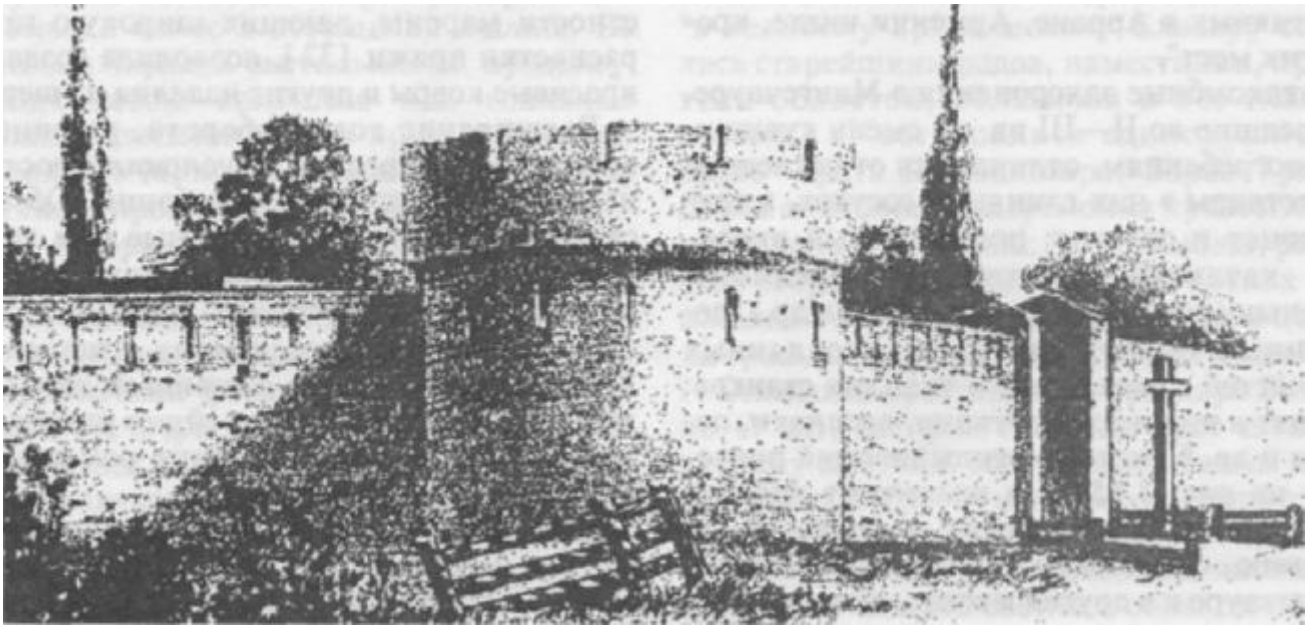
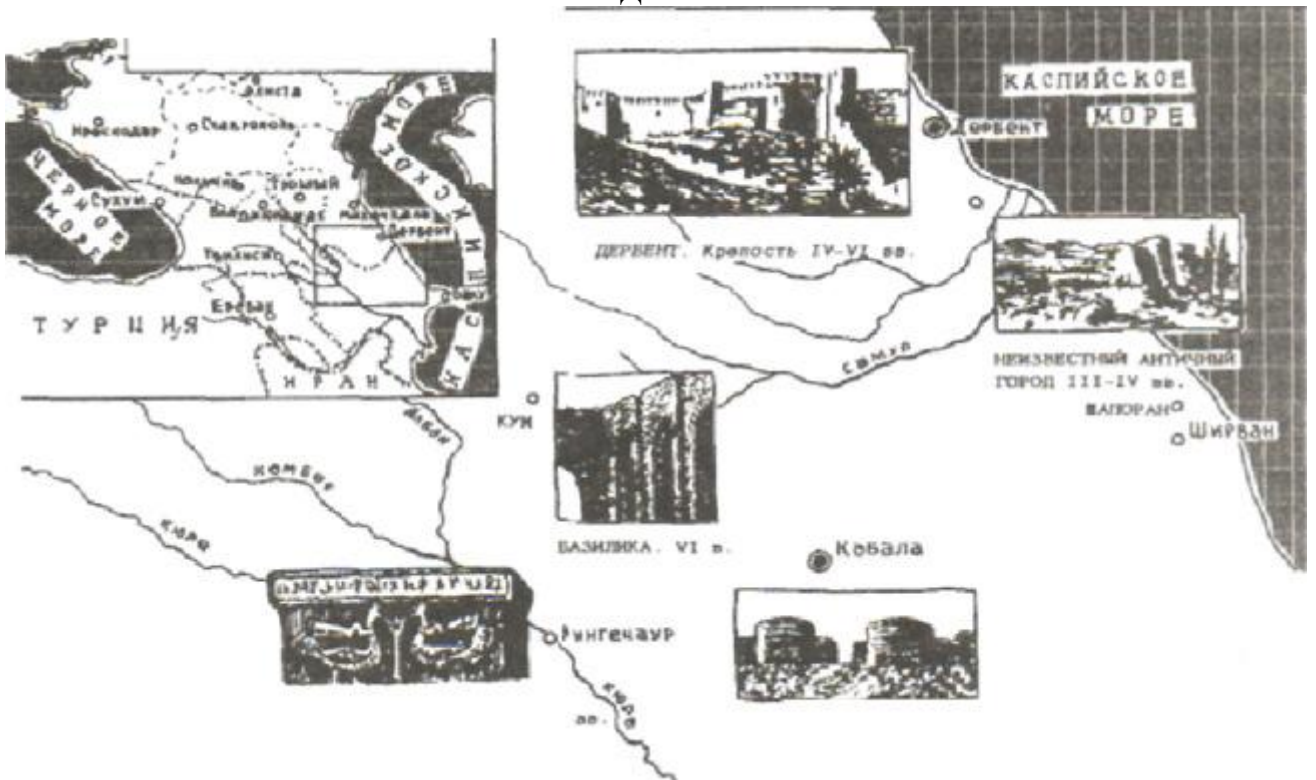

Рис. 3.17. Торпах-кала.

Рис. 3.18. ПАМЯТНИКИ ДОИСЛАМСКОЙ АЛБАНИИ.

На это городище обратил внимание также археолог М.Исаков [36] и кратко описал его. Городище занимает, по его словам, площадь более чем в 100 га и обнесено двускатным валом высотой около 20 м, шириной 12-15 м. Вокруг этого вала, скрывающего древние стены города, идет ров шириной 20-25 м, глубиной 4-6 м. М.Исаков обратил внимание на правильные ряды построек, остатки которых занимают среднюю часть городища. Среди подъемного материала имеется много обломков керамики, толстостенной и тонкостенной, которую он датирует последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры.

Е.Пахомов и М.Исаков совершенно справедливо считают, что это громадное городище, носящее название "Турпах-кала" (позднее название), заслуживает самого пристального

внимания и основательного археологического изучения. Однако, поместив в него воинскую часть в 50-е годы советского периода, крепость разрушают физически...

Опираясь на данные Птолемея и усматривая в Самуре р. Албан, М.Исаков поставил вопрос, не имеем ли мы тут дело с развалинами города Албана, который Птолемей называет в своем перечне на одиннадцатом месте как находящийся между устьями рр. Каспия и Албан [37]. Есть и другие предположения. В. Котович усматривает в этом городище развалины города Чор или Чол (Чога). Чор, как это было известно в VII в. М.Каганкатвацви, находился "недалеко от Дербента" [9], являлся одним из главных городов Албании, первой резиденцией албанского католикоса и, по-видимому, большим городом прибрежной части албанского государства.

У М.Каганкатвацви гор. Чор упоминается в следующей связи. Как известно, при Ва-раз-Трдате (VII в.) албанское посольство направилось к хазарам просить помощи против арабов; пройдя трудный путь, миссия наконец "достигла ворот Чора, недалеко от Дербента, и там получила от жителей города помощь и почести" [9]. "Мы имеем основание, — пишет по этому поводу К.Тревер, — полагать, что речь идет о городе с албанским населением: ведь если жители Чора радушно встретили албанское посольство, во главе которого стоял албанский христианский епископ Исраэл, то они видели в них, по всей вероятности, единоверцев, а следовательно, и в VII в. основное население города могло еще состоять из албанов-христиан".

Рис. 3.19. Танец "Лезгинка".

"Исключительный интерес в этой связи представляет, — пишет К.Тревер, — сообщение И.Орбели об осмотренном им в 1928 г. большом кладбище, приблизительно в 2 км к востоку от станции Белиджи. Кладбище это находится в лесу, между железной дорогой и берегом Каспия; виденные им здесь между деревьями каменные плиты покрыты надписями, по виду армянскими, но содержащими странные, неармянские имена и неармянские слова. Ввиду близости этого кладбища от вышеописанного городища Торпах-кала наиболее вероятным представляется, что население его хоронило здесь своих покойников" (рис. 3.18) [3].

На исторической территории Албании, кроме Капалы, Торпах-калы, имеется ряд крупных городищ, практически не исследованных, варварски разрушавшихся и разрушаемых. Все они ждут своих исследователей!

Культура Албании являлась самобытной. Однако этот период характеризуется развитием культурных связей, наличием взаимовлияний, обменом культурными ценностями, особенно с Арменией и Иберией. На это указывает не только одновременность создания алфавитов этих народов, распространение в них христианства,

но и развитие, в частности, музыки и танцев. Если даже сегодня сравним музыку лезгин с музыкой народов Армении и Грузии, найдем много общего. Другой пример. Популярнейшая пляска "картули", или "кертлинский танец", ранее была известна в Грузии под названием "лезгинка", или "ле-кури" [39]. Родиной "лезгинки" (рис. 3.19), по мнению исследователей, является Лез-гистан, где созданы классические образцы лезгинок, позже перенесенные во все соседние области [39].

После составления нового алфавита в V веке в Албании открыты школы, в которых обучались дети знати и духовенства. Школы находились в руках церкви. На албанско-лекский язык переведены церковные книги.

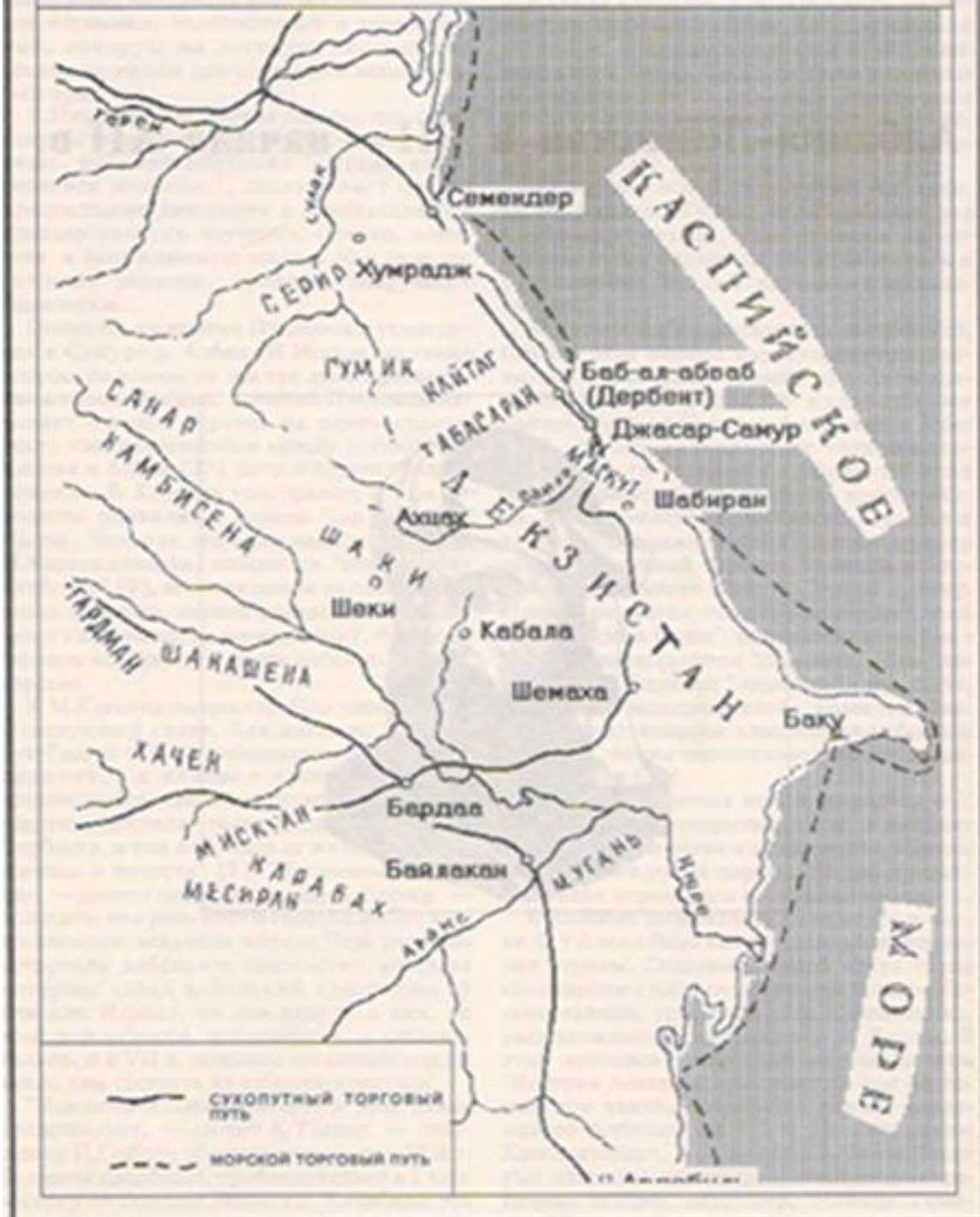
В Албании развивались литература и наука. С VII века было начато составление истории страны. Создание первой части труда связывается с именем летописца Моисея Каганкатвацви, уроженца села Каганкатвац, расположенного неподалеку от Барды. В этой летописи, известной под названием "История Агван" и дошедшей до нас на армянском языке, приводятся ценные сведения об Албании до VII в. По сведениям Каганкатвацви, в то время в Албании были уже известны произведения некоторых античных авторов, например, "Илиада" Гомера и "Энеида" Вергилия [9].

Глава четвертая

Албания-Лезгистан в VII - начале XII в.

ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В X - XI ВВ. (по арабским источникам)

4.1 БОРЬБА ПРОТИВ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

В начале VII в. на Среднем Востоке происходили события, оказавшие большое влияние на историю Передней Азии и сопредельных с ней стран. Эти события коренным образом повлияли и на историю Албании — Лезгистана.

В первой половине VII в. в Аравии в противовес язычеству появилось и распространилось новое религиозное учение — ислам (по арабски — преданность Аллаху), основоположником которого был житель Мекки Мухаммад. Последователей ислама называли мусульманами. Проповеди Мухаммада собраны в отдельной книге — Коране ("Чтение"). После смерти Мухаммада (632 г.) его преемники именовались халифами, т.е. "преемниками пророка", а государство получило название Халифат.

Почти одновременно с образованием Арабского Халифата начались его завоевательные походы, в результате которых образовалось обширное государство, простиравшееся от Атлантического океана до Индии.

В боях с арабами народам приходилось иметь дело с многочисленной хорошо вооруженной армией. Войска завоеванных облагай использовались как ударная сила. При хазах городов применялись осадные машины.

Одним из стимулов в завоевательных войнах арабов был захват добычи. Добыча, завоеванная на войне, распределялась следующим образом: одна пятая часть — в казну, а остальные четыре пятых делились между воинами из расчета, по которому всадник получал втрое больше пешего.

В период правления халифа Омара (634-644 гг.) арабы повели наступление на Иран, Их нашествие угрожало и Кавказской Албании. Албанские отряды во главе с гардыманским правителем Джеванширом в течение нескольких лет вместе с сасанидскими войсками участвовали в борьбе против арабов, проявляя большую храбрость и мужество. М.Каланкатвацви писал, что албанский полководец "ринулся в толпу с сильными мужами, поверг наземь двух противников и получил в бою три тяжелые раны. Лошадь его была ранена в четырех местах... Его одежда и оружие были в крови".

Военные действия происходили главным образом на берегах Тигра и Евфрата. В 636 г. войска Халифа разгромили иранскую армию. После поражения иранских войск Джеваншир со своими отрядами вернулся в Албанию.

Лишившись владений в своей стране, иранские феодалы со своими приверженцами в 639 году вторглись в Албанию, стали грабить и убивать мирных жителей, захватили Барду. Дружинам Джеваншира снова пришлось взяться за оружие, теперь против своих недавних союзников по борьбе с арабами. В нескольких сражениях албаны разбили неприятеля, освободили пленных и изгнали захватчиков со своей земли [1]. В этой борьбе Джеванширу помогли его союзники — армянские и иберийские князья [1].

Завоевав Сирию, Месопотамию и окончательно разгромив иранскую армию в битве при Негавенде (642 г.) [1], арабы устремились в пределы Кавказской Албании, Армении и Иберии.

В период вторжения арабов Албания находилась в состоянии политической раздробленности. На ее территории в то время было множество самостоятельных и полусамостоятельных княжеств и союзов племен, среди которых на севере Албании выделялись княжества Чог, Маскут, Шах-Бани, Мирах, входящие в царство Лакз и Ширван.

Автор XII века Иакут (со ссылкой на сведения X в.) пишет, что многочисленные жители страны Лакз — люди приятной наружности, крепкого телосложения, их селения густо населены и область обитаемая. Между Лакзом и Баб ал-Абвабом — страна Табасаран-шах,

и жители Табасарана так же, как и жители Лакза, могущественны, сильны, многочисленны, разве только ал-Лакз более многочислен и более обширен своей территорией. За ним (Табасараном) расположен Филан, но это небольшая область [2],

Чтобы сломить свободолюбивый дух лезгин, арабы, пользуясь феодальными распрями, подкупали местных князей и снаряжали в албано-лезгинские районы все новые и новые военные экспедиции. Вслед за Тавризом, Ардебилем, Байлаканом покорены Шеки, Шемаха, Шамкир, Кабала, и в конце 641 года захвачен Дербент.

Правителем Дербента стал Сурака ибн-Амр, возглавлявший арабское войско. Город получил арабское название Баб ал-Абваб (ворота ворот). Первые попытки арабов утвердиться в VII в. на Восточном Кавказе окончились провалом. Многочисленные восстания в тылу арабов распыляли их силы, и вскоре они отступили.

Вскоре в самом Халифате началась борьба за власть среди арабской знати. При халифе Али (656-661 гг.) она достигла наибольшего накала.

Воспользовавшись этим, население завоеванных областей Албании, Армении и Иберии перестало повиноваться Халифату и выплачивать ему дань. Свою самостоятельность стремилось сохранить и Гардыманское государство. В 660 г. Джеваншир вступил в переговоры с византийским императором Константином II и заключил с ним соглашение, направленное против Халифата. Джеваншир заключает также союз с "гуннским царем", закрепленный женитьбой на дочери "царя" [3]. Однако организовать совместную борьбу против арабов не удалось, и союз распался. Вскоре сами хазары вторглись в пределы Албании и стали грабить мирных жителей. Войска албанов отразили это нападение. Как свидетельствует албанский историк М.Каганкатвацви, Джеваншир сказал хазарскому военачальнику: "Пойди, выйди через Ворота Чога и не входи более сюда!"

Тем временем в Арабском государстве власть перешла в руки правителя Сирии Муавии, который, провозгласив себя халифом, положил начало господству династии Омейядов (661-750 гг.). Столицей Халифата стал город Дамаск.

Считая сложившуюся обстановку благоприятной, Джеваншир предпринял переговоры с новым халифом. Дважды совершив поездку в Дамаск, Джеваншир заключил мир с Муавии и добился признания себя правителем Албании. К этому времени он принял титул князя Албании.

Стремясь к упрочению государственной власти в Албании, Джеваншир вел борьбу против непокорной знати. Этой политикой была крайне недовольна определенная часть крупных феодалов. В 670 г. Джеваншир был ранен заговорщиками и умер. Перед смертью он разделил свои владения между сыновьями, которые повели междоусобную войну, ослабившую страну. Вскоре правителем Албании стал брат Джеваншира Вараз Трдат (670-699 гг.), но и при нем борьба феодалов за власть не прекратилась.

После завершения междоусобиц в Халифате арабы усилили наступление на Албанию, Армению, Иберию и в результате упорной борьбы арабы стали проникать на Кавказ все глубже и глубже.

Арабы, чтобы уменьшить сопротивление местного населения, как и иранцы ранее, интенсивно занимались депортацией наиболее активной части населения. "В 705 г., — пишет Каганкатвацви, — увели в Таррон и оттуда в Сирию, Шеро князей агванских вместе с другими феодалами, затем арабы отняли от князей агванский Партав... и в Партаве основали местопребывание свое для всасывания изобилия земли" [3]. Фактически этим актом арабы положили конец единству государства Кавказской Албании.

В начале VIII века южная территория Кавказской Албании подпала под власть арабов. С этого времени начинается их интенсивная экспансия на север и в горные районы

Восточного Кавказа. Арабские географы IX-X вв. часто сообщают о лезгинах, хазарах и табасаранцах, которые часто в борьбе с арабами-завоевателями выступают совместно [4]. Завоевание северной части Кавказской Албании для арабов было крайне трудным.

Арабскому полководцу Хабибу ибн Маеламе в 714 году три месяца пришлось стоять осадой под Дербентом, и крепость удалось взять только после того, как арабы узнали от перебежчика о существовании тайного подземного хода в город. Дербент защищали лезгины, табасаранцы и отчасти хазары, прибывшие сюда для защиты города. Арабский историк отмечает, что "неверные защищались с большим мужеством, так как с ними были их жены и дети".

Но даже после захвата и укрепления Дербента положение арабов в этом регионе было тяжелым. Вот что пишет арабский путешественник Иакут о жизни арабов Дербента: Пусть всякий, кто спросит известий обо мне, знает, что поистине я нахожусь в стразе, откуда покой убежал... как только мы зилим пыль, мы замыкаем, противясь неприятелю, все проходы".

В 722 г. арабские войска вступают в пределы Ширвана. Как пишет Мунанджим-Бакш (турецкий автор XVII в.), "Бог захотел, чтобы истинно верующие потерпели поражение и чтобы большое число их пало мученической смертью". Одновременно арабский правитель Армении Харис ибн Амр Таиец совершил поход в страну лакзов (лезгин) и банял окрестности Хасмадана" [5]. Поход был неудачным для арабов, вследствие чего в том же 722 г. Таиец был смещен с должности правителя и на его место был назначен Джаррах.

В 722 году относится сообщение арабского автора о "стране Лакз, о Сабасе, главаре одного из лезгинских племен, выступившего против арабов" [6].

В 723 году лезгины и хазары, снова объединившись, овладели Дербентом, уничтожили арабский гарнизон и дошли до реки Куры. Однако вскоре Джаррах вытеснил хазар из Закавказья. Преследуя хазарское войско, Джаррах дошел до столицы хазар — Гемендера. При этом он грабил завоеванные земли. В результате карательной экспедиции арабы увели из Табасарана около 2 тыс. гонных, из Кайтага — свыше 700, захватили 10 тысяч голов скота и много имущества [6].

Обеспокоенные прорывом арабов в глубь гзюих земель, хазарский каган и его приближенные перенесли столицу из города Семен-гзера в город Итиль, в устье Волги.

Вскоре лезгины, хазары и другие народности Восточного Кавказа снова объединились и выступили против арабов. В 726 году объединенные силы вытеснили арабов за реку Аркас. При этом халиф Хашим сместил Ижарраха и назначил на его место своего брата Масламу, известного в исторических трепаниях народов Восточного Кавказа под именем Абу-Муслима.

Арабам пришлось бросить на завоевание Кавказа более крупные силы, в результате чего войска союза народов Восточного Кавказа были разбиты. Умело пользуясь силой и дипломатией, Маслама подчинил себе южные районы Албании. Дальнейшему продвижению войск на север мешали лезгины и табасаранцы, и Маслама вынужден отправить против страны Лакз свою конницу, а сам во главе отряда двинулся в Табасаран. Только после подавления выступления лезгин и табасаранцев арабам удалось продвинуться дальше, в Кайтаг и Серир, где они также встретили упорное сопротивление [6].

Масламе долго не удавалось взять Дербент, который защищало местное население. И в этом случае не обошлось без предательства. Вот как описывает Табари захват Дербента: "Когда цитадель успешно противостояла осаде войск Масламы, то нашелся человек, который предложил свои "услуги" завоевателю. Этот человек отправился к источнику (чашмэи аб), сооруженному еще Ануширваном, сыном Кубада, и сказал мусульманам:

"Копайте это место". Те сделали так и дошли до воды. Потом человек сказал: "Приведите баранов и овец, заколите их на том месте". Так и было сделано. Кровь протекла в воду, а потом в бассейны (хоуз) и водохранилище (жей). Когда этот человек узнал, что испорченная вода с кровью дошла до хоузов, он приказал отвести воду и направить ее в реку" [4,7,8].

Дербентцы оказались в безвыходном положении. В 732 г. Дербент был взят арабами. Маслама решил превратить Дербент в свой основной опорный пункт на Северовосточном Кавказе. Однако военные действия Масламы были не совсем удачны. После одного из крупных поражений его сместили. Пост наместника в 735 г. занял двоюродный брат Масламы и халифа — Марван ибн Мухаммад, один из самых жестоких завоевателей Восточного Кавказа. Покорив себе плоскостные районы, армия Марвана начала завоевание горной части Восточного Кавказа. Хотя горцы оказали упорное сопротивление, Марвану удалось захватить Гумик (Кумух), Зирихгеран (Кубачи), Серир (Авария). На все покоренные княжества и общинные союзы наложили большую дань, в том числе и людьми.

Пока Марван воевал в горах Восточного Кавказа, от халифата отошли Лакз и Ширван. Царь Лакза Авиз, сын Рамазана, не только отказался присоединиться к мусульманскому войску, но и стремился к заключению мира с хазарами. За отказ от уплаты налогов против Авиза лично отправился арабский правитель Марван, "который предпринял поход с целью наказать этого Авиза, двинувшись по долине Самура, перебил жителей, разорил страну и оставался в ней целый год, не будучи в состоянии сломить сопротивление крепости, в которой заперся Авиз" [7]. Исход противостояния решила смерть царя Авиза, наступившая от тяжелой раны, полученной во время тайного перехода к хазарам за помощью. Марван камня на камне не оставил от резиденции убитого царя города Стал и обложил оставшихся в живых жителей Лакза тяжелым налогом, обязав ежегодно доставлять в Дербент 20 тыс. мер пшеницы. Арабы все же не посмели обложить Лакз унижительным налогом — живыми людьми. Правителем Лакза стал араб Хашрам Сулами.

Подобным образом, обойдя города и села с огнем и мечом, арабы покорили области Филадельфия и, Микрах и Ахцах.

Однако укрепиться ни в одной из указанных областей арабам не удалось. Им приходилось расплющить свои силы и направлять их на подавление восстаний, то и дело поднимавшихся в Закавказье, Средней Азии, Сирии и других покоренных Халифатом областях. Особенно большой размах восстания приняли в 40-х годах VIII века.

В 750 г. власть в Халифате перешла к династии Аббасидов. Новый халиф решил не посылать на Кавказ наместника, а выбрать его из числа арабов, живущих на Кавказе. Наместником стал сын сподвижника Марвана дербентский араб Йазид из семьи Сулами. Однако новый халиф Харун ар-Рашид послал в окрестности Дербента 12-тысячное войско и назначил в городе нового наместника. Этот наместник оказался таким жестоким, что восстал против себя не только местных жителей, но и арабов, живших в Дербенте. За сепаратные действия дербентский эмир Наджом бен Хашим был казнен халифом Харун ар-Рашидом. Сын казненного эмира вошел в союз с лезгинами и хазарами и открыто восстал против халифа в 797 году. Восставшие дошли до реки Куры. Волнения продолжались 70 дней. Прибывший на помощь правитель Армении потерял большое количество воинов и отступил. Только путем принятия особых мер (освобождение из тюрем 7000 преступников, сбор новой армии) арабам удалось снова проникнуть в северную Албанию. Халиф вынужден был назначить нового наместника Иазида ибн Мазайада, и тот пообещал считаться с интересами местных феодалов.

С середины VII и до конца VIII в. в Албанию неоднократно вторгались хазары с севера. Нашествия их отмечались в 627 — 628. 629 — 630, 664 — 665, 668, 684 гг. Как видим из

этих дат, вторжения хазар были кратковременными и осуществлялись в основном с целью грабежа. Набеги хазар через Дербентский проход наносили огромный ущерб хозяйству, разоряли крестьян, приводили к разрушению производительные силы Албании. Если в начале завоевательных походов арабов лезгины выступали против них совместно с хазарами, то в VIII — X веках они уже пытаются защитить свои земли от хазарских нападений с помощью арабов.

Местные хроники содержат сведения, относящиеся к VIII веку, об ожесточенной борьбе лезгин против хазарских набегов, осуществляемых с целью грабежа. Хроника "Ахты наме" (X век) рассказывает о борьбе лезгин против хазар, осевших в Микрахе. При этом им помогают арабы. Мусульманский правитель Ахты "обращается к дербентскому эмиру и с его помощью очищает от хазар город, получивший впоследствии название Микрах" [9]. После 15-летнего перерыва хазары "напали на город Тарсы и перерезали жителей этого города". Хазары делали попытку захватить и Ахты (Шахба-ни), осаждали его более 10 лет, но потерпели поражение от объединенных войск "эмиров Тарсы, Рутула, Джиныха и Руфака" [9].

В VIII в. арабские военачальники успешно отражали вторжения хазар и совершили походы против Хазарии. Так, например. Марван возглавил в 735 году поход арабских войск в страну хазар. Во время этого похода (737 г.) Марвану удалось не только захватить старое ядро хазарского государства с городами Варачан и Семендер, но и дойти до новой столицы Хазарии Итиль в низовьях Волги. Хазарский каган оставил свою столицу и бежал по Волге вплоть до земли подвластных ему буртасов [10]. Одним из последствий похода Марвана было поселение захваченных в плен "хазар между Самуром и Шабираном по равнине, в области Лакзов" [11].

Разгром Марваном хазар во время похода в 737 г. окончательно подорвал мощь последних, в результате чего хазары практически надолго прекратили набеги на Албанию [10].

В середине IX в. борьба с грабителями с севера Кавказской Албании осуществляется совместными усилиями Ширвана и Дербента. Правители Ширвана и Дербента усиливают в это время оборонительные мероприятия: дополнительно укрепляют Дербент, восстанавливают разрушенные сооружения крепости, склад для хранения продовольственных запасов [12].

В 905 г. царь Серира, воспользовавшись нападением на западное побережье Каспия русов, совместно с хазарами нападает на Дербент, что заставляет население Ширвана и Дербента, которое в основном составляли лезгиноязычные народы, совместно защищать свои земли [13].

В X — XI вв. русы выступают на Кавказе как значительная политическая сила. Известны грабительские походы и на богатые и многолюдные области южного побережья Каспийского моря в 880, 909, 910 годах [10]. Наиболее значительными были походы 913 — 914 и 943 — 944 гг. Сравнивая эти походы, В.Бартольд и А.Якубовский указали, что в первом преследовал грабительские цели, то во втором походе русы выступали с требованием признания их власти.

В походе 943 — 944 гг. на Барду участвовали и лезгины [14]. Факт совместного выступления русов и лезгин находит подтверждение в хронике "Тарихи Дагестан". "Когда обитатели Дагестана, — говорится здесь, — узнали об этом (т.е. наступлении арабов), то все их неверные со-гнались вместе, сопровождаемые войсками которые всегда поровну делили с ними добро и зло" [14].

Дальнейшие события хорошо освещены в сочинении "История Дербента, Ширвана и Чррана", дошедшем до нас в передаче турецкого автора XVII в. Мунаджими-Баши. Как

сообщает он, в середине X века "армяне, лакзы и другие неверные" выступают против первого шаддадида Мухаммада ибн Шаддада, мусульманского правителя Аррана (Албании), начавшего управлять с 951 г., но терпят поражение. Факты выступления лакзов в Арране имели место и раньше, чем можно объяснить приказ Мухаммада ибн Шаддада укрепить Дабиль для гарантии безопасности при нападении со стороны лакзов (лезгин) [10].

Тот же автор дает ценные сведения о событиях в Дербенте в последней четверти X века, отмечая, что Дербент — "обширный край, там правители самостоятельные, независимые" [6]. В 987 г. Дербентский правитель Маймун ибн Ахмад, притесняемый "начальниками" (местными вельможами) вошел в тайную связь с русами, которые прибыли к городу на 18 судах, но население города перебило тех, кто высадился на берег, и суда вынуждены были уйти к устью Куры. В 989 г. этот же эмир имел дружину или отряд телохранителей, состоявший из русов. Гилянский проповедник Муса Тузи потребовал выдачи этих русов для обращения их в ислам, но эмир отказался и ушел в Табаса-ран [6,10]. В 1033 г. имело место совместное выступление "русов, алан и сериров, как отмечено выше, против Ширвана и Дербента, но они были прогнаны одним из "начальников" Дербента" [6,10].

Таким образом, после разгрома Хазарского каганата русы стали принимать более активное участие в делах Восточного Кавказа. Известно, что Дербент в X веке славился как рынок русского льна. Здесь и в других городах побережья было много торговых людей из Руси.

Героическая борьба народов Албании (Лезгистана) и других народов Восточного Кавказа и Закавказья против арабских завоевателей за свою свободу и независимость длилась десятки лет. Тяжелы были последствия арабских нашествий. Они нарушили закономерный ход развития Кавказского общества, его экономики и культуры. Героическая борьба нашла широкое отражение в исторической литературе того времени и в фольклоре кавказских народов.

4.2. ДЕРБЕНТСКИЙ ЭМИРАТ

Еще при владычестве арабов, когда Дербентом управляли эмиры из династии Сулами, подчиненные наместникам халифа в Армении, некоторые из дербентских эмиров стремились к независимости от Халифата [14]. В период разложения арабского Халифата в Дербенте утверждается наследственная хашимитская династия Бану-Хашима — 1066 гг.).

В борьбе с внешними врагами дербентские эмиры опирались на большую и сильную военную арабскую колонию, на наемные войска, а также на поддержку мусульманской части правителей Восточного Кавказа. Но это не всегда оказывалось достаточным для того, чтобы отстоять свою политическую независимость. Родовитая арабская и местная знать и религиозные общины вели с эмирами борьбу и стремились ограничить их власть. В княжеские усобицы вовлекалось и местное население — лезгины города и окрестных сел.

В 944 году население Дербента восстало против эмира Ахмада бен Абд ал-Малика ал-Хашими, изгнало его из княжества и отправило послов к ширванхану Абу-Тагир-Йазиду. Ширваншах послал в Дербент своего сына Ахмада. Через несколько дней после провозглашения его эмиром, дербентцы восстали и против него.

Если в период завоевания Дербента он служил арабам главной военной базой, то в период эмиратства становится основным форпостом мусульманства на северо-восточном Кавказе. Отсюда с целью распространения мусульманской религии и для наказания

"неверных" горцев предпринимались систематические военные походы. Дербентским эмирам в этом оказывали содействие мусульманские правители Восточного Кавказа и, в первую очередь, правители Лакза, Табасарана и отчасти Кайтага. Дружественные отношения мусульманских правителей во многих случаях были закреплены брачными узами. В Лакзе, Табасаране дербентские эмиры находили себе убежище и поддержку во время внутренних неурядиц и внешней опасности [6].

Рис. 4-1. Дербент. Фрагмент южной стены.

Если в период завоевания Дербента он служил арабам главной военной базой, то в период эмиратства становится основным форпостом мусульманства на северо-восточном Кавказе. Отсюда с целью распространения мусульманской религии и для наказания "неверных" горцев предпринимались систематические военные походы. Дербентским эмирам в этом оказывали содействие мусульманские правители Восточного Кавказа и, в первую очередь, правители Лакза, Табасарана и отчасти Кайтага. Дружественные отношения мусульманских правителей во многих случаях были закреплены брачными узами. В Лакзе, Табасаране дербентские эмиры находили себе убежище и поддержку во время внутренних неурядиц и внешней опасности [6].

В начале XII века Дербентское эмиратство было большим княжеством. По сообщению испанского путешественника Ал-Андалуси, побывавшего в Дербенте в 1130 г., правителем города был Сайфад-Дин Мухаммад. Дербентское княжество тянулось тогда к югу на несколько десятков километров и включало в свои границы город Шабран, к западу простиралось не далее ближайших горных ущелий, а на севере включало часть табасаранских земель. Население Дербентского княжества состояло из лезгин, табасаранцев, татов. Жили в княжестве и остатки давно осевших здесь персов и арабов [6].

Дербентские правители чеканили свою монету и прилагали много усилий к укреплению и украшению своего города. До нас дошли монеты с именем Музаффара. Известны имена последующих правителей Дербента — Бекбарс и Бахрам [6].

Феодалы северных районов Албании группировались вокруг эмиров Дербента и стремились удерживать свое преимущественное положение среди остальной массы местных князей. Для этого они использовали роль мусульманства в соседних районах. Типичной в этом отношении является экспедиция, предпринятая в середине XII века дербентским эмиром Сайф ад-Дином Мухаммадом против не принимавших ислам кубачинцев. Их дома были достаточно укреплены и по подземным ходам свободно сообщались между собой. Застигнутое в горах непогодой войско эмира отступило, не достигнув цели.

Другая группа феодалов в других регионах северо-восточного Кавказа не была столь единодушна в своих стремлениях, как те феодалы, что были связаны с Дербентом. Каждое княжество или вольное общество защищало свою область. Иногда они выступали и

совместно, ополчаясь против мусульманских правителей, и особенно против дербентских эмиров.

У лезгин Лакза близкие связи сложились с Ширваном, поскольку в обоих государствах коренным преобладающим населением были лезгины.

После распада Халифата, когда в Ширване начала править династия мазйадидов (861 — 1027 гг.), в состав государства ширваншахов дополнительно вошли большое число лезгинских сел и часть территории существовавшего и до арабов лезгинского княжества Маскут (Мушкюр).

Ширваншахи пытались поставить Дербентский эмират в вассальную зависимость. На этой почве в X веке происходили частые военные столкновения. Они продолжались и в XI веке. В 1020 году столкновение между Ширваном и Дербентом окончилось поражением ширванцев и смертью в бою их владетеля. В 1021 году сражение было в Шабране, но ни одна из сторон не одержала победы. В 1029 году ширваншах Манучехра II выступил против дербентского эмира из-за поместья Муджакабад [10], являющегося частью Мушкюра, но потерпел поражение. В 1030 году дербентский эмир совершил на-иа владения ширваншаха и во многих местах опустошил их.

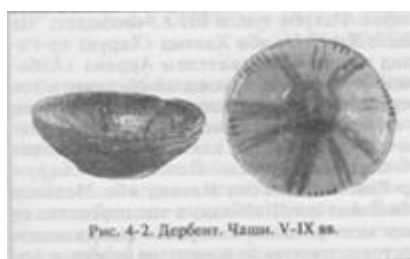

Рис. 4-2. Дербент. Чаши. V-IX вв.

В 1035 году ширваншаху удалось сломить дербентского эмира Абдул Малика, захватить Дербент и, перестроив крепость, заселить ее своими воинами. Наместником ширваншаха оставил своего визира Мансура ибн-Мусиддиди. Собрав силы, эмир Абдул ик разгромил ширванцев в Дербенте, убил визира и вновь вступил в город. Затем эмир Абдул Малик заключил мир с ширван-шахом Манучехром и подкрепил мирный договор своей женитьбой на сестре ширваншаха.

Профессор Р.Магомедов пишет: "При определении отношений между Дербентским княжеством, Лакзом, Ширваном междуособные распри нельзя считать определяющим мотивом. Факты свидетельствуют, что народы Дербентского княжества, Лакза чувствовали свою близость к ширванскому населению и чутко прислушивались к событиям в Ширване. Когда в Ширван вступили кочевники-даиламиты, ширваншах Йазид обратился к Дербенту с просьбой о помощи, и население Дербента помогло ему, и даиламиты были изгнаны из Ширвана" [14].

В начале XII века отношения между Дербентом и Ширваном вновь обострились. Дербентский эмир Мухаммад бен Халиф привлек для борьбы с ширваншахом северных кочевников. В ответ ширваншах Ахситан I в союзе со своим родственником иберийским царем Георгием III совершил в 1170 году поход на дербентское владение, опустошил область Мушкюр. Пять лет спустя в 1175 году дербентский эмир выступил против ширваншаха. В битве близ Баку на его стороне участвовал русский флот из 70 судов.

В 1124 году царь Давид IV (Строитель) начал войну с дербентским эмиром. Против него выступили дербентские войска, состоящие из лезгин, табасаранцев и отчасти половцев [6]. Грузины взяли только несколько крепостей и подошли к городу Шабрану, но вскоре откатились назад. Попытки расширить пределы грузинской территории делались и грузинскими царями Деметре I и Георгели III, однако безуспешно. В 1167 году иберийскими войсками был даже взят Дербент, но удержались они здесь недолго.

Лезгины были втянуты и в политическую жизнь восточной Иберии. Они принимали участие в княжеских усобицах то на стороне одного иберийского князя, то другого. Сами грузинские князья нередко обращались за помощью к лезгинам. Лезгины выступили по призыву племянника Георгия III, восставшего против своего дяди, и принимали участие в освободительной борьбе иберийских народных масс против сельджукских захватчиков [15].

4.3. КОЛОНИЗАЦИЯ ПОКОРЕННЫХ СТРАН ХАЛИФАТОМ.

Чтобы закрепиться на завоеванных землях, арабы, как и сасаниды до них, стали восстанавливать или заново строить специальные пограничные линии, воздвигать крепости. Заселение новых территорий шло как хутом добровольным, так и административным.

Как известно [16], в Омейядском халифате шествовало множество городов покоренных стран, населенных осевшими в них арабами-завоевателями и поставившими основную массу воинской силы — это Куфа и Басра в Ираке, Дамаск, Химс и Киннасрин — в Сирии, Фустат — в Египте, Шираз — в Иране, Мерв — в Хорасане. Эти военные базы имели свои сферы влияния в обеспечении войсками театра военных действий. Например, войска, сформированные из куфийцев, направлялись в основном в Хорасан и Маве-раннахр, а басрийские — на север, в Закавказье и районы Южного Прикаспия. Эта практика была определяющей за все время существования Халифата [17].

Ибн Асам ал-Куфи вносит ясность, войска из каких областей стояли в Дербенте. Это были войска из Дамаска, Химса, Палестины, Сирии и Джазиры. "Дербент-наме" подтверждая эти сведения, вносит существенные дополнения: в 733 г. Маслама заселил отдельные кварталы арабским населением, причем соответственно названиям областей именовались и квартальные мечети Дербента. Таких мечетей было семь: мечеть Хадари, Палестинская, Дамасская, Химская, Кайсарская, Джазирская и Мо-сульская [18]. Дербент был превращен в своего рода город-лагерь с населением преимущественно из Сирии и Палестины.

Контингент арабского населения на Восточном Кавказе (военного, а также гражданского) при Йазиде еще более увеличился. Халиф Мансур (754 — 775 гг.) "велел выпустить 7000 человек из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил в район Дербента, присоединив к ним рабочих и строителей, и построили они города Камах, ал-Мухаммадию, Баб-Вак и другие города, которые он обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов [19]. Хасан Алкадари добавляет, что эти 7000 мусульман были со своими семьями и они построили крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге и Биль-гади [20]. Речь идет о создании вдоль Горной стены системы центров (маракиз), опорных баз, с расквартированным там арабским населением. В.Минорский обратил внимание еще на одно обстоятельство: Иакут сообщает, что в оборонительной системе Дербента были выделены специальные центры, защита которых была поручена одному из местных народностей (жителям ал-Лакза, Табасарана, Ширвана, Филана, ал-Лайзана" [21].

Ахмад ибн Куфи показывает не только процесс колонизации северных районов Албании Халифатом, но и не менее важный для феодализационного процесса фактор — перевод на землю определенных категорий пленных рабов, создание земледельческих очагов вокруг крупных центров, таких как Дербент. Марван, по данным ал-Куфи, "двинулся к городу ал-Баб, с ним было в то время 40000 с лишним пленный кафиров. Марван "обосновал часть из них в местности, называемой река ас-Самур до равнины земли ал-Курр [18]. Ал-Балазури также отмечает, что "когда арабы заняли Албанию, туда устремились их племена

из двух округов (Куфы и Басры) и из Сирии, причем каждое из них захватило их земли, то, что могло захватить. А некоторые из них покупали землю у неарабов (аджам). Кроме того, ими были укреплены деревни для охраны, жители которых сделались таким образом работающими на них" [5].

олитика создания арабских поселений в Албании претворялась в жизнь при всех халифах. Иакуби (ум. в 897 г.) сообщает: "На место Хузайфы ибн Хазима (Харун) ар-Рашид назначил правителем Аррана (Албания) Иусуфа ибн Рашида ал-Мулами, и тот переселил в страну часть низиритов, так что в его правление их число значительно увеличилось, в то время как до этого здесь преобладали йеменцы. После него Харун ар-Рашид назначил Иазида ибн Мазйада ибн Зайда аш-Шайбани, и тот переселил ее всех мест райатов, которые и составляют в настоящее время большинство арабов в Арране. После него (Иазида) правителем был назначен Абд ал-Кабир ибн Абд ал-Хамид из потомков Зайда ибн-Хаттаба ал-Адави, и тот отправился туда (в Арран) с отрядом из жителей Дийар-Мудара" [22].

Полувоенный характер носили арабские поселения, расположенные на пограничных с Хазарией землях. Так, например, ал-Истахри указывал, что "в горах Баб ал-Абваб есть укрепленные замки, построенные еще Хосроями. В них живут люди (войска), поставленные для охраны этих дорог, по которым хазары проходят в земли ислама. Таких замков четырнадцать, и живут в них люди из Мосула, Дийар-Раби'а и Сирии, и они (замки) известны по именам этих племен. И арабский язык сохраняется здесь из рода в род. Над ними (жителями замков) нет никакого начальства..." [22].

Большое внимание в укреплении своего владычества на Восточном Кавказе арабы уделяли Дербенту, куда Маслама переселил 24 тыс. арабских воинов из Сирии. Арабы поселили близ Дербента тысячи мусульман с семьями в существовавших и вновь построенных крепостях и опорных пунктах — в Рукеле, Кале-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге, Бильгади, Камахе, Баб-Ваке и других местах. Арабские поселенцы содержались за счет местного населения.

Часть лезгиноязычных народов, проживающих в этих местах, под натиском переселенцев-арабов, которых поддерживали правители областей, вынуждена была перебираться в горы, на земли значительно худшие.

Известный ученый А.Бакиханов, выходец из Табасарана, свидетельствует об остатках арабов в северном, северо-восточном регионах Лезгистана: "Две деревни в Кубинском, одна в Дербентском, две в Шекинском и большое племя в Ширванском уездах поныне называются арабами, и часть из них до сих пор говорит между собою испорченным арабским языком. Язык этот еще недавно вывели из употребления в деревне Дарвак в Табасаране, а в Кюринском и Табасаранском владениях, в Самурском округе, в Казикумухе, Кайтаге, Шамхальском владении, в Аварии, Чечне и вообще у всех горских народов восточной части Кавказа и поныне употребляется в письме арабский язык" [9].

4.4. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ, ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

В трудах арабских историков IX — XII вв. достаточно яркое отражение получила военно-административная, земельная и налоговая политика арабов.

Арабы на завоеванных территориях в основном повторяли политику сасанидов и уделяли большое внимание привлечению на свою сторону населения завоеванных стран тем особой налоговой политики.

Как и сасаниды, арабы проводили колонизаторскую политику переселением тысяч семей на захваченные земли. И сасаниды, и арабы одинаково успешно практиковали раздачу земель в завоеванных странах своим воинам или же переселившимся семьям. Даже в налоговой политике арабы следовали сасанидам: они сохранили налоговую систему (взыскание поземельного и подушного налогов), которая существовала до них.

Для управления обширной территорией и многочисленными покоренными народами Халифат создал систему эмиратов (наместничество). Кавказская Албания вместе с Арменией, восточной частью Малой Азии и Северной Месопотамией входила в третий эмират. Резиденцией этого эмирата вначале был г. Двин, а с 789 — г. Барда. Албания была разделена на несколько административных единиц: Арцах, Ширван, Хурсан, Миран, Дербент и другие [19].

Во главе эмирата стоял эмир (наместник), назначаемый халифом и обладающий всей полнотой гражданской и военной власти. Когда центральная власть в Халифате ослабевала, эмиры действовали как самостоятельные правители. Они управляли при помощи разветвленного чиновничьего аппарата. Сбором налогов ведал особый чиновник — амиль, судебные дела вершили казии.

По отношению к местным династиям пришлые власти "в общем держались единой политики: в подчиненных областях они ставили своих правителей, которые распоряжались военной властью и финансами, национальные династии в большинстве случаев удерживали за собой гражданскую власть" [18].

Отношение захватчиков к завоеванным территориям обуславливалось, в основном, особенностями захвата этих земель. Земли, захваченные посредством оружия, по усмотрению халифа, либо подлежали дележу среди воинов, либо становились государственным достоянием; земли, оставленные "неверующими" и перешедшие в собственность мусульман, переводились в неотчужденную государственную собственность или же становились вакуфными; земли, приобретенные вследствие капитуляции или посредством договора, сохранялись за прежними владельцами, но при обязательном условии уплаты поземельного налога — хараджа и подушной подати — джизья [8].

В раннем средневековье на Восточном Кавказе важное место занимала икта. В Халифате институт икта имел различные формы: икта в виде бенифиция, перешедшего впоследствии в систему наследственных ленов; икта как отчуждаемая земельная собственность; икта в форме откупов.

Арабские авторы зафиксировали факты заключения договоров предводителей арабских войск с местными правителями.

Во время первых арабских походов, возглавляемых Салманом б. Рабиа, "жители Байлакана вышли ему навстречу, прося гарантий безопасности (аман) и предложив им поселение мусульманского войска в городе и внесение податей (мал)" [7].

Другой арабский военачальник, ал-Джар-рах, заключил с жителями Хасина "перемирие на условиях выплаты ими контрибуции и получил с них требуемое; позже жители Торгу (Бар'уфа) также "запросили мира", и ал-Джаррах удовлетворил их просьбу" [23].

Изнурительные для экономики областей Восточного Кавказа договоры широко практиковались и при Марване. Жители Восточного Кавказа вынуждены были принять жесткие условия победителей. Правителю Серира Марван навязал договор с условием внесения 1500 гулямов и 500 невольниц со светлыми волосами, бровями и длинными ресницами, 10000 динаров и 500 мер провизии ежегодно, доставляемых в город ал-Баб [24].

Затем Марван заключил мир с жителями Тумана с условием доставки ежегодно в город ал-Баб 150 девушек и 50 юношей, 1000 голов скота и 1000 мер зерна [8].

Хамзин-шах также был вынужден заключить с Марваном мир с условием: предоставить ежегодно в г. ал-Баб 500 юношей и девушек и 500 мер провизии [8].

По данным ал-Балазури, малик Зирихгерана обязался доставить 50 юношей и 10 тыс. мер зерна. Правители Лакза, Табасарана и Ширвана должны были доставить в казну 20, 10 и 20 тыс. мер зерна соответственно [8].

"Эти охранные грамоты, навязанные в первые годы арабских завоеваний, — как отмечает профессор А.Шихсаидов, — не конкретизируют объем хараджа и джизьи местного населения, но определяют перечень повинностей, которые местное население должно выполнять в обмен на гарантию жизни, неприкосновенности имущества, религиозной общины и соблюдения обычаев при условии уплаты джизьи, обеспечения постоя арабских войск и выделения для них проводников" [8].

Известно, что гарантии безопасности жизни и собственности жителей при условии уплаты хараджа и джизьи обеспечивались для тех областей, которые подчинились арабской власти. Завоевание же области военным путем считалось добычей победителей [8]. Ибн Асам ал-Куфи показывает, что эти теоретические положения практически не всегда реализовывались. Заключение "мирных договоров" с жителями Албании, Серира, Гумика, Зирихгерана, Хамзина и многих других областей навели бы на мысль о добровольности этих дипломатических акций со стороны восточно-кавказских народов и их правителей. В действительности наблюдаем иную картину. Данные Ибн Асама ал-Куфи, как и сведения ал-Балазури Балами и других арабских авторов, показывают, что практика оказалась совершение другой, особенно на территории Восточного Кавказа. "Мирные договоры" с гарантией жизни, имущества и веротерпимости при внесении хараджа и джизьи заключались именно с теми местными жителями и государственными единицами, которые оказывали арабским властям ожесточенное в продолжительное сопротивление [6]. Более того, на жителей, которые оказывали сильное сопротивление, налагались более "гуманные налоги". В этом отношении особенно отличались царство Лакз, Ширван, Табасаран, с которых арабы не посмели взять позорного налога — живыми людьми.

В 738 г. Марван ибн Мухаммад, будучи в Дербенте, взимал ежегодно с различных областей Восточного Кавказа подати провизией. Все продовольствие собиралось в зернохранилище Дербента и по мере необходимости распределялось среди воинов, расквартированных в городе [8].

Представляют интерес слова малика Дербента, обращенные к Масламе: "К тебе собрались правители (малики) гор, которые приготовили тебе харадж" [5]. Для "защитников" границ ислама были, по всей вероятности, предназначены и налоги, которые через своих амилов наместник Иазид взыскивал с нефтяных и соляных промыслов в Ширване [5].

Иазид ибн Усайд показал, что многотысячным арабским колонистам в Дербенте давали "жалование, ранее установленное им Омейядами" [10]. Как утверждает профессор А.Шихсаидов, "вероятнее всего, в данном случае речь идет о распределении части налогов, взимаемых с местного населения, об икте в форме бенефиция, может быть, в качестве вакфа, которым наделялись "добровольцы" в таких пограничных областях как Дербент. Здесь мы имеем дело с условной формой земельной собственности (вернее, получения части земельной ренты) за несение военной службы. Ибн Асам указывает, что эта форма, практика такого рода "жалований" имеет в Дербенте свои традиции" [6].

Права арабского контингента, как правило, обговаривались, что нашло отражение и в литературе. Ат-Табари сообщает, что в 743 — 744 гг., "когда Марван послал Сабита вместе с Исахаком к жителям ал-Баба, он послал с ними к этим жителям письмо, в котором он извещал их о делах их пограничной области (вагр) и какое вознаграждение (плата) им положена для нужд их и их исламских центров" [8].

Вполне очевидно, что категория лиц, переведенная в сферу земледельческого труда, получила земельные участки, которые они обрабатывали. Как отмечает профессор А.Шихсаидов, "условия, при которых все реализовывалось, нам не совсем известны. Названные выше земли относились, очевидно, — пишет он, — к категориям государственных земель или же дийа, переданных посаженным на землю пленным на арендных началах" [6].

Имеется и другая категория земельной собственности — земельные участки, полученные на принципах условного держания военного лена) или же с правом собственности (мулк, аллод) [8].

Передача земель арабским переселенцам практиковалась и в других районах Халифата. Так, например, при Аббасидах земли, захваченные у некоторых восставших армянских феодалов, передавались арабским переселенцам. По мнению А.Тер-Гевондяна, эти армянские земли и владения "скорее были тем видом условного земледелия, которое называлось катиа [8]. Государство давало воинам небольшие наделы земли с живущими на ней держателями-крестьянами в пожизненное владение на условиях несения военной службы [8].

Иногда в качестве икта передавались целые города и области. В 831 г. халиф Мутаваккил закрепил за Мухаммадом ибн Халидом (Шайбан) Баб ал-Абваб с прилегающими областями в качестве икта [21]. Дочери халифа Джафара ибн Мансура в виде икта были пожалованы окрестности Марат и рыбная ловля на озере Урмия, а дочерям Халифа Харуна ар-Рашида — город Барсан с его округой. Наибольшего развития в Халифате икта достигла в X веке. На подвластных арабам территориях расширялись и неотчуждаемые земельные владения мусульманских религиозных учреждений — вакфы. Крестьяне, живущие на этих землях, находились в зависимости от высшего духовенства. Часть доходов с вакфа шла на -постройку мечетей и других религиозных учреждений. В результате захвата арабами земель сельских общин многие крестьяне Албании были вынуждены арендовать мелкие участки на самых кабальных условиях. Крестьяне, отдавая земледельцам большую часть полученного урожая, постоянно находились в нужде.

При Аббадах харадж взимался с земельной площади, независимо от размеров урожая, что было еще более обременительно для крестьян. Значительную долю налогов требовалось платить деньгами — серебром, хотя в Кавказской Албании господствовало в основном натуральное хозяйство. Чтобы внести их в казну, многие крестьяне и ремесленники вынуждены были распродавать свое имущество. Недоимщиков арабские чиновники подвергали истязаниям: мужчин обливали кипятком, летом подолгу держали под палящим солнцем, зимой — в ледяной воде, женщин и детей отдавали в рабство [11].

Непосильные налоги и повинности разоряли крестьян и ремесленников. Во многих местах страны люди покидали родные селения и города, чтобы спастись от преследований арабских властей.

В VII — VIII вв. в арабском обществе все еще сильны были рабовладельческие тенденции. Процесс феодализации шел замедленным темпом. Феодальные отношения в Аравии были развиты несравненно слабее, чем в Иране, Кавказской Албании, Средней Азии.

Арабы сохраняли на завоеванных ими землях существующую до их прихода систему феодальных отношений, вводя в нее еще и рабский труд. В результате этого в покоренных Халифатом странах наблюдалось укрепление рабовладельческого уклада, естественно, это было шагом назад в развитии производительных сил.

Во время непрерывных завоевательных походов арабы обращали в рабство большое количество пленных, а иногда даже население целых городов и сел. Кроме того, за неуплату дани и налогов арабские феодалы делали рабами тысячи людей. Рабский труд применялся в домашнем хозяйстве, ремесле, земледелии и скотоводстве.

Административная система при Халифате создавала условия для больших злоупотреблений со стороны должностных лиц, начиная от эмиров и кончая сборщиками налогов. Все они смотрели на вверенный им пост как на средство быстрого обогащения.

Как было сказано выше, в таких стратегических пунктах страны, как Дербент, Барда и другие, стояли арабские гарнизоны. Халифат использовал их для поддержания своего господства в Албании и подавления возникавших народных восстаний.

Таким образом, главную свою опору на территории Албании завоеватели видели в арабской знати и вооруженных силах. Местная же знать была лишена ряда привилегий, она не допускалась к управлению и потеряла часть своих доходов. Это было одной из причин того, что многие из представителей знати активно участвовали в происходящих в стране восстаниях против Халифата.

Со временем местная знать стремилась породниться с арабскими правителями, положить начало рода, происходящего от знатного араба. Так возникали и развивались новые местные династии.

В местной хронике "История Абу-Муслима" описывается типичный пример образования правящей верхушки и династий не только в областях, но и в отдельных населенных пунктах. У упомянутого Абу-Муслима, араба по происхождению, было четверо сыновей: Рамазан, Ибрагим, Юсуф и Мухтар-Санджаб [6]. У последнего родилось семеро сыновей. После отбытия Абу-Муслима на свою родину, семеро его внуков обосновались в селении Усуг, что под Шах-ал-Бурзом (гора Шалбуз).

Здесь возник конфликт между прибывшими и жителями селения Микрах. Поэтому они из селения Усуг разошлись в другие селения, в которых донныне живут из поколения в поколение. Вот имена сыновей Мухтар-Санджаба, сына Абу-Муслима: Сайф-ад-Дин, Юсуф, Наср-ад-Дин, Джа-мал, Абдулла, Хамзат, Али-Бархут. После этого Мухтар-Санджаб построил в селении Сайф-ад-Дина мечеть и умер в этом селении. Юсуф обосновался в селении Куруш, Наср-ад-Дин и Рамазан в селениях Хина и Рутул, Мухаммад — в Шиназе, Джамал — в Яргуне, Абдулла — в Курахе, Хамзат — в Рича, Али-Бархут — в селении Мака.

У Юсуфа было четверо сыновей. Один из них жил в селении Штул, называемом Аиджалом, остальные в селении Курах... [6].

Эти сведения красноречиво показывают, что правители не только областей, но и многих городов и сел имели арабское происхождение.

Лезгинские племена, расселенные в горных долинах вдоль рек, подвергались меньшему влиянию арабов, сохраняли в своем устройстве черты прежнего родоплеменного строя ввиду их относительной изолированности. Они подразделялись по магалам. г магал входило несколько сельских общин. В период господства арабов ими управлял наместник от имени халифа.

По мере ослабления власти арабских не местников все большее влияние в общественной жизни приобретала местная знать отдельные состоятельные общины — тухумы. По

преданиям, из тухума Мирчия: выбирался главный курахский ковха (старейшина), имевший большое влияние на окрестные сельские общины.

Дела, касающиеся общины, разбирались на общем сходе общинников. Дела же более важные, относящиеся к компетенции всех общин, обсуждались в магале на собрание выборных от общин. Магалы обладали значительной самостоятельностью. Для созыва магального собрания имелись установленные места. Например, курахцы собирались выше современного аула Курах на площади Яргъи Келядых (Высокая башня), картысцы, стальчелейцы и генджинцы — на горе Калак, кутурцы — у родника, в местности, носившей название Руат [14].

Рутульцы в раннее средневековье были объединены в один племенной союз под общим названием ванавац (жители верхней части реки). Главным занятием населения было отгонное овцеводство. Овец держали летом на склонах Кавказского хребта в верховье реки Самур, а зимой перегоняли ш южные склоны Кавказского хребта в нынешнем северном Азербайджане. Из населенных пунктов этого времени особе выделялись Рутул, Шиназ, Лучек. Шиназ славился своими оружейниками.

Первые письменные сведения об агульцах относятся к VII веку [14]. К этому времени они были организованы по сельским общинам. С IX века в Агуле распространяется ислам.

Цахурцы, как жители верховья Самура и северо-западных районов нынешнего Азербайджана, упоминаются в письменных источниках VII века под именем цахайцев [14]. В период Кавказской Албании цахурцы составляли один из крупных союзов племен, входящих в группу лезгиноязычных народов. Еще до нашествия арабов у цахурцев наметились зачатки государственности в рамках Кавказской Албании. Арабы подвергли цахурские земли сильнейшему разгрому [14].

Одним из обширных и густонаселенных районов северной части Кавказской Албании издавна считается Табасаран. Население группировалось по магалам Керях, Хирах, Чуркул, Кухрик [14]. Во главе магалов стояли предводители союзов сельских общин, а для исправления духовных дел сюда во время владычества арабов был послан кадий.

4.5. ГОРОДА, ЭКОНОМИКА, ТОРГОВЛЯ

Ремесленное производство, сосредоточенное в городах, занимало важное место в экономике Кавказской Албании (Лезгистана). Ремесленники делали различные предметы из металлов, глины, стекла и других материалов. В гончарных мастерских изготавливались посуда, кирпичи, водопроводные трубы и т.п.. Судя по сосудам X — X вв., найденным при археологических раскопках, албанские мастера достигли большого искусства [1].

Довольно широкое распространение получало ткачество. Арабские авторы X века Мукаддаси и Масуди рассказывают, что албанские ремесленники вырабатывали шерстяные и хлопчатобумажные ткани и одежду для продажи. Далеко за пределами Албании славились ковры.

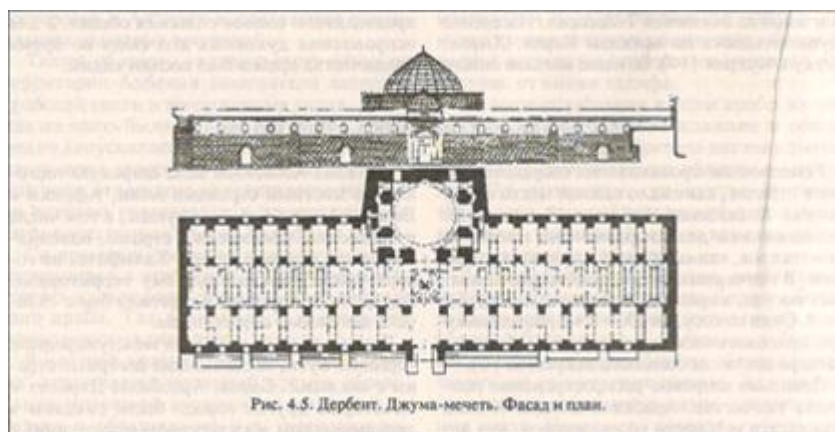
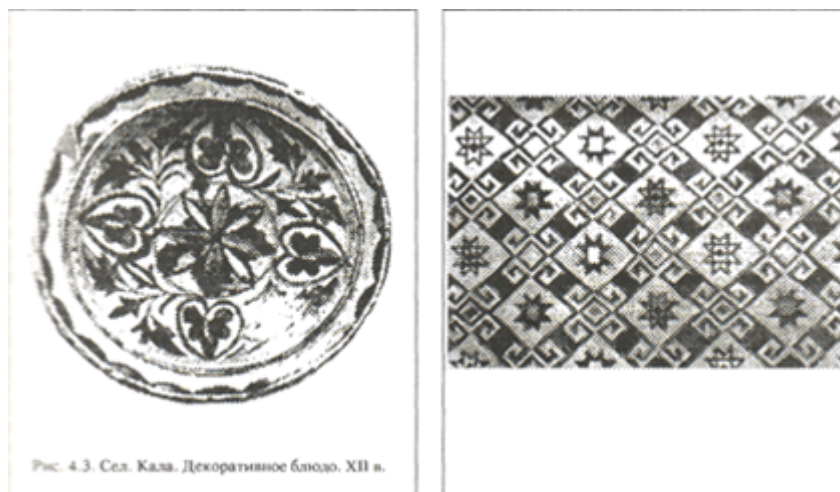
В стране добывались нефть, соль, сера, медь, железо, серебро и другие полезные ископаемые [1]. По свидетельству Масуди, в Баку из колодцев извлекалась нефть. Ею пользовались для освещения, отопления, смазки в военном деле и в качестве лекарства. Почти всю нефть вывозили в Ирак, Иран и другие страны.

Держава Аббасидов вела широкую торговлю со многими странами Азии, Африки и Европы. Мусульманские купцы, в том числе и албанские, проникали в страны,

находившиеся вне сферы влияния Халифата, не говоря уже о подвластных ему территориях. Внутренняя и внешняя торговля была охвачена денежным обращением.

Через Албанию пролегали международные торговые пути, соединившие северные страны с южными. Барда, Ардебиль, Дербент и некоторые другие города были связаны в экономическом и культурном отношении с такими центрами средневекового Востока, как Багдад, Дамаск, Басра.

В результате развития производительных сил, развитию внешнеторговых связей, обусловленных единым государственным строем на обширных территориях, способствовала интенсификация товарно-денежных отношений в Албании. На базарах страны можно было встретить товары из Индии, Руси, Средней и Передней Азии, Сирии, Малой Азии, Египта и многих других стран и областей.

В IX — X вв. крупными городами в Албании были Барда, Дербент, Шемаха, Гянджа, Шабран, Шеки, Кабала и др. Некоторые из них насчитывали десятки тысяч жителей. Барда, Дербент по величине не уступали Багдаду, прославленному в то время на всем Ближнем Востоке. В городах имелось много медресе (школ при мечети), дворцов, караван-сараяв, крытых рынков, бань и других общественных сооружений.

Мукаддаси пишет об Албании (Лезгистане): "Все города этой области прекрасны, богаты продуктами и фруктами; в них дешевизна при изобилии плодов и разного мяса..."

Самым большим городом страны была Барда. Она образно именовалась "матерью Аррана" (Албании). Ибн-Хаукаль пишет: "Что касается до города Барда'а, то он Ум-мур-Ран (мать Аррана) и лучшая часть этих стран".

Рис. 4.6. Дербент. Джума-мечеть. Северный фасад.

Интересное описание Барды дает арабский географ X века Ал-Истахри: "...Что касается до Бардаа, то этот город большой, более фарсаха в длину и в ширину, здоровый, цветущий и весьма обильный посевами и плодами. В Иране и Хорасане после Рея и Испгани нет города более значительного, более цветущего и более красивого по местоположению и угодыми, чем Барда'а ... Из Барда'а вывозится много шелку. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много его (шелку) отправляется оттуда в Персию и Хузистан... Около ворот Барда'а, называемых Воротами курдов", рынок... На него собирается народ... из всевозможных стран, даже из Ирака... Казнохранилище у них в соборной мечети. Дворец правителя рядом с соборной мечетью в городе..."

"Нет ничего подобного, — пишет Мукаддаси, — выделяющимся у них шкурам и коврам, кошенили, покрывалам, краске, плоду, называемому "зукал"... и рыбке "тар-рих". У них есть фиги и каштан, крайне хорошего качества".

Барда был центром торговых путей, которые вели на Запад через Гянджу и Шамкир в Тбилиси, на юг — в Ардебиль, Тавриз, Марагу, на север — через Шемаху в Дербент. Кроме того, важная караванная дорога шла из Барды в Двин (а позднее в Ани) и далее в Трапезунд по побережью Черного моря.

Другим крупным и политическим и торгово-ремесленным центром являлся Дербент. В X веке этот город был больше иранского Ардебиля и иберийского Тбилиси и славился на весь Кавказ своими полотняными изделиями. Наряду с торговлей и ремеслами, дербентцы занимались сельским хозяйством. В окрестностях Дербента произрастал шафран и разводилась марена, которая вывозилась вплоть до Индии. Дербент обладал хорошим, защищенным стенами портом. Тут было много караван-сараяв, крытых рынков, торговых рядов и других общественных сооружений.

Рис. 4.7. Дербент. Джума-мечеть. Внутренний вид.

Дербент — важный узел на великом торговом пути вдоль западного берега Каспия и Волги. Это был порт для судов, плывших из Ирана в Итиль — столицу Хазарии и центр торговли для горных районов северного Лезгистана и Восточного Кавказа в целом.

Арабы вели в Дербенте большие строительные работы. Вся тяжесть этих работ выпадала на лезгиноязычные народы, жившие здесь. В это время, согласно "Дербентнаме", Хашим произвел в Дербенте восстановительные работы, возобновил разрушенные места стен крепости, восстановил продовольственный склад. По распоряжению Абу-Муслима, в Дербенте была воздвигнута Джума-мечеть, самая древняя и самая большая на Восточном Кавказе. В конце VIII века наместник Иазид также привел в порядок укрепления города и его ворота. Затем он приказал возвести новые ворота, и их построили... вдоль стены, которая доходила до горы. Первыми были ворота, которые именовались К.б.х., ал-Б.р.днат (полное название не определено) ал-Хамид. Затем были возведены Железные ворота, Главные ворота (Баб Ваф). Ворота послов малые (Баб ар-расул ас-сугра). Ворота послов большие (Баб ар-расул ал Кубра), Ворота якорные (Баб Арса) и Ворота щедрого Мусы (Баб адар Муса) [23].

Рис. 4.8.

Перевод текста на рис. 4.8.:

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, мило-
- (2) сердного. Это работа...
- (3) сына... и Ахмада б. Абу (?)
- (4) Али сына Йунуса [и] сына...

- (5) в месяце раджаб в год (текст слева)
 (1) по (2) хиджре (3) пророка (4) пять
 (5) и тридцать
 (6) и четыре- (7) ста
 (1) Во имя Аллаха, ми-
 (2) лостивого, милосердного
 (3) [нет] бога кроме Аллаха, Мухаммад
 (4) [по] сланник Аллаха (5)... после...
 (7)... и да приветствует (текст справа):
 (1) Да помилует его
 (2) Аллах (3 — 5)...

Ал-Мукаддаси отмечает: "...Шарван — большой город на равнине, постройки его каменные, соборная мечеть на площади, его пересекает река; Кабала — укрепленный город, река, соборная мечеть в отдалении на холме; Шеки — на равнине, большая часть жителей христиане, соборная мечеть на площади мусульман".

4.6. АЛБАНО-ЛЕЗГИНСКАЯ КУЛЬТУРА VII — XII ВЕКОВ

Арабские завоевания принесли покоренным странам, особенно на начальном этапе, неисчислимы бедствия. Арабские и местные хроники вполне наглядно иллюстрируют последствия арабских завоеваний на Кавказе, в частности, в Албании — колоссальных размеров разрушения, огромный ущерб ресурсам, экономике и культуре покоренных народов в целом. Массовый угон населения привел к разрушению производительных сил, сельское хозяйство пришло в упадок, хозяйственная жизнь оказалась на грани деградации. Многие города и села подверглись разрушению. Беспрерывные войны, которые арабские завоеватели вели в этот период на албанской земле, не только не способствовали влиянию арабской культуры, но разрушили и уничтожили ту культуру, которая в стране существовала до них.

Арабские завоеватели разрушили храмы и культовые памятники, уничтожили христианские рукописи, прививали населению ненависть к иноверцам-немусульманам.

Трудности духовного развития народа были связаны, кроме того, с резким изменением религии, ограничением еще не окрепшей письменности на лезгинском языке с использованием собственного алфавита, нарушением нормального хода развития культуры. Народ в этот период оставался полуграмотным. Местная аристократия, укрепившая свое положение с помощью арабских правителей, ради дальнейшего сближения с завоевателями отдавала предпочтение арабскому языку. Перелом в культурной жизни наступает с IX века. С этого периода Албания (Лезгистан) снова начинает постепенно втягиваться в общее культурное развитие кавказских стран Ближнего Востока.

В албанских городах, явившихся средоточием торговли и ремесленничества, росла, хотя и медленно, культура албанского народа. Она, естественно, развивалась теперь в тесной связи с мусульманской культурой, расцвет которой приходится на VIII — X вв.

На Арабском Востоке получили значительное развитие математика, астрономия, география, медицина, философия и другие науки. Столица Арабского Халифата г. Багдад был известен во всем мусульманском мире как крупнейший культурный центр, где жили и творили видные ученые своего времени. В Багдад приезжали учиться представители имущих классов многих народов, в том числе албано-лезгины.

В VIII — XII вв. жила и творила целая плеяда крупных ученых и писателей, имена которых были известны далеко за пределами мусульманского Востока. К ним принадлежали историки и географы Табари, Мукаддаси, Масуди, Ибн Хаукаль, математик-астроном Батини, математик Абуль Ва-фа, философы Ал-Кинди, Ибн Рушд, поэт-философ Абу ал-Ала ал-Маари, поэт Абу ал-Атахия и многие другие.

В развитии науки и культуры этой эпохи наряду с арабами принимали участие иранцы, таджики, узбеки, армяне, иберы, албанцы и другие народы. Прогресс их культур был достигнут в тесном взаимодействии, и каждый из них вносил свой вклад в развитие мировой цивилизации. Многие восточные авторы в силу широкого распространения арабского и отчасти персидского языков создавали на них свои произведения. Тем не менее творчество каждого ученого и писателя представляло собою достижение культуры его родного народа. Развитию культуры в большой мере способствовали, в частности, арабоязычные историки и географы — таджики и иранцы по происхождению: Табари, Балазури, Ибн Хордадбех, ал-Балхи и ал-Истахри, узбекский ученый Хорезми, среднеазиатские ученые Бируни и Абу Али Ибн Сина (Авиценна), иранский поэт Абу Нувас. Гордостью мировой поэзии являются таджик Рудаки, иранец Фирдоуси, албанцы Ха-гани, Низами Гянджеви и др.

В тесной связи и взаимодействии с культурами восточных народов VIII — XII вв. развивалась культура албанского народа, подъем которой был обусловлен всей предшествовавшей его историей.

Албанские ученые и поэты ездили по странам Ближнего и Среднего Востока, вели переписку с их деятелями культуры. Усилились культурные связи Албании с Иберией и Арменией.

Вот как описывает проф. А.Шихсаидов возникновение контактов между Кавказом, Средней Азией, Ближним Востоком: "Оживленные контакты городского населения не прекращались вплоть до начала XIII в., и многие представители торгово-купеческих организаций часто имели в других городах своих компаньонов, были в курсе политических и экономических дел других стран. Купцы и торговцы, путешественники и воины были вместе с тем информаторами, кото-гые снабжали местных историков и географов сведениями о жизни, обычаях, нравах, политике, природных богатствах, правителях стран, где они бывали... Был и иной путь, дававший немаловажные сведения о тех или иных областях, — это встречи выходцев из различных областей вне пределов своей страны, обычно во время паломничества. Это был живой обмен информацией во время бесед, где обсуждались все разнообразные вопросы. К сожалению, у нас очень мало сведений о таких встречах, но появившееся в Средней Азии на персидском языке произведение "Сафар наме" ("Книга путешествий") дает основание думать, что такие встречи бывали. Автор этой книги — известный Насир-и Хосроу (1003 — 1088) отправился в 1046 году в паломничество из города Мерва, и по пути, в Шамиране, он встретился с одним из жителей Дербента по имени Абу-ал-Фадл Халифа ибн Али ал-Филсуф (т.е. философ). Философ из Дербента произвел на Насир-и Хосроу огромное впечатление, и они договорились еще раз встретиться, когда Насир-и Хосроу совершит обратный путь..."

Определенные слои населения не только знакомились с новыми для них странами, но а по ряду причин вынуждены были оставлять свою родину и находить пристанище в других землях, иногда очень далеких. Из истории арабских и иранских завоеваний известно что большое количество жителей из других стран (Ирана, Сирии, Средней Азии и др.) в массовом порядке переселялось на территорию Кавказской Албании. Но имела место и депортация албано-лезгин в другие страны. Так, в частности, сохранились остатки крупных поселений лезгин в Средней Азии (в Таджикистане, в столице которого и поныне

в некоторых кварталах компактно проживают лезгины) и в районе Кандагара в Афганистане.

ИСЛАМ. Главное, что арабы принесли на земли завоеванных стран и что наложило глубокий отпечаток на дальнейшую жизнь людей в этих странах, — это религия ислам.

Ислам по-арабски — покорность богу. Основной тезис ислама: "Ля иляха илля-ллах, Мухаммад-ррасулюллах" ("Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — его Посланник").

Заповеди ислама изложены в священной книге мусульман — Коране. Коран предусматривает для правоверного мусульманина пять основных религиозных обязанностей: признавать догмат о единстве Аллаха, пять раз совершать в установленное время молитву ("намаз"), ежегодно соблюдать месячный пост — уразу в святом месяце Рамазан, по мере возможности совершать паломничество (хадж) в священный город Мекку, выделять определенный процент из своего имущества в пользу бедных, нуждающихся и на пути Аллаха.

Мусульманское право, сложившееся в VII — VIII вв., сначала полностью опиралось на Коран. Но Коран в его первичной форме уже при Омейядах не мог полностью удовлетворить потребности народа. Этим и объясняется появление в конце VII в. мусульманского "Священного предания" — сунны — в дополнение к Корану. Сунна была составлена из множества хадисов — изречений Мухаммада. Тогда же появились еще два источника мусульманского права: иджма — согласованное мнение авторитетных богословов (факихов) и кияс — суждение по аналогии. В совокупности все это составляло фикх — мусульманское законоведение.

Мусульманское право множеством предписаний регулировало жизнь верующих, способствовало упорядочению вопросов собственности, наследования и т.д.

На основе Корана и сунны постепенно сложился шариат (по-арабски буквально: правильный, ясный путь), являющийся совокупностью норм, регулирующих религиозные, семейные, гражданские и уголовные дела мусульман.

Шииты признают сунну лишь частично и противопоставляют свое священное предание (ахбар), восходящее к халифу Али. Они допускают наличие у человека и свободной воли, а сунниты полагают, что человек не в состоянии ничего изменить в предначертанной ему судьбе.

Довольно быстрое распространение мусульманской религии особенно на юге Албании объяснялось рядом причин, прежде всего тем, что магометанская вера мирилась с существованием лишь таких же монотеистических религий, как иудейство и христианство, между тем как по отношению к другим формам религии, как например, идолопоклонству никакого примирения не допускалось.

В то время как по отношению к иудеям и христианам мусульманская власть ограничилась лишь наложением, как обычно, налогов харадж и джизья, идолопоклонники и огнепоклонники обязательно должны были оставить свои верования и принять исламскую религию. Вот почему все население Ирана и значительной части Албании, сохранивших веру в различные предметы и явления природы, принуждалось принять ислам.

Вместе с тем и часть христианского населения Албании с целью освободиться от дополнительного налога джизья тоже приняла новую веру — ислам.

Сравнительно легко восприняли ислам ремесленники и купцы таких больших городов, как Барда, Дербент. Это происходило потому, что арабы создавали выгодные условия для развития торговли, тем не менее среди горожан имелось немало людей, которые

противились принятию мусульманства. Долгое время свои прежние религии — язычество и христианство — сохраняли жители почти всех горных районов Восточного Кавказа.

На протяжении всего VIII века арабам удалось обратить в мусульманство отдельных лезгинских князей, племенных вождей и старейшин, а основная масса населения продолжала придерживаться христианства и местных доисламских верований и всячески противилась принятию мусульманства. К середине X века картина религиозной жизни на севере Албании выглядела следующим образом: Дербент и некоторые близлежащие лезгинские и табасаранские селения стали мусульманскими, остальная же масса населения придерживалась еще старых верований.

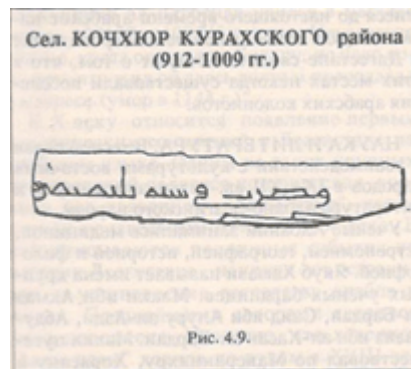
О широком распространении мусульманской религии на юге Албании в VIII — IX вв. особенно в больших городах, достаточн: убедительно говорят сведения наиболее ранних арабских авторов, которые сообщают с наличии мечетей почти во всех городах Албании. Так, например, автор ал-Истахри (умер около 952 г.) в своем сочинении "Ки-таб ал-масалик ваал-мамалик" ("Книга путей и царств"), написанном около 930 г. и включавшем в себя "Атлас географических карт" с пояснением из сочинения Абу Зайда ибн Сахля ал-Балхи (850 — 934 гг.) "Сувар ал-ахадим" ("Изображение поясов Земли"), отмечает наличие к этому времени в г. Барда "соборной мечети". Однако наиболее полные сведения о наличии сети мечетей в Албании того времени дает другой автор, живший во второй половине X века, — ал-Мукаддаси (946/47 — 1000 гг.). В своем сочинении "Ки-таб ахсан ат-тагасим фи-марифат ал-ака-лим" ("Самая лучшая книга по разделению стран"), он говорит о наличии соборных мечетей в городах Ардебиль, Шарван, Дербент, Кабала, Шеки и др.

ЯЗЫКИ, ПИСЬМЕННОСТЬ, ШКОЛА. Средневековые авторы отмечают на территории Албании в VII — X вв. "множество местных языков", однако преобладающим был лезгинский. Наряду с коренным населением здесь жили и переселившиеся сюда в течение III — IX вв. арабы и персы. Поселения арабов были сосредоточены главным образом вокруг больших городов.

В странах, входивших в состав Халифата, в том числе и в Албании, был значительно распространен арабский язык, который являлся государственным языком. В то время на мусульманском Востоке, и в частности, в Албании, научные труды писались преимущественно на арабском языке, игравшем здесь такую же роль, как латынь в феодальных обществах Запада.

Вместе с арабским языком вполне естественно в Албанию заносится и арабская письменность, которая имеет основные разновидности: официальный стиль, известный под названием "куфи", и обычный, называемый "наسخ". Название "куфи" происходит от г. Куфа на Евфрате, где, по арабскому преданию, якобы возникла эта форма письма (буквы прямолинейны и угловаты). Стиль "наسخ" отличался криволинейностью букв и курсивностью, поэтому был наиболее пригоден для скорописи.

Куфическое письмо с XI века постепенно выходит из общего употребления и используется лишь в эпиграфических целях на памятниках архитектуры, монетах и в оформлении некоторых предметов быта [25].

Перевод текста на рис. 4.9.:
 ... была укреплена в году триста.

Перевод текста на рис. 4.10.:
 (1) Построил эту мечеть после того как она была раз [рушена]
 (2) Год четыреста седьмой.

Перевод текста на рис. 4.11.:
 (1) Из того, что приказал построить этот ха-
 (2) нака Абд ас-Самад
 (3) сын Налки (?) — в месяце
 (4) мухаррам года сорок пять
 (5) и пятьсот...

Термин "насх" — отмена, переписывание. Этот почерковый стиль широко использовался при переписке Корана и других сочинений.

Наряду с указанным почерком "насх" существовали еще пять почерков: "сульс", "му-хаггат", "рейхани", "тоуги" и "реги".

"Таким образом, — писал И.Крачковский, — вместе с арабами на историческую арену вышли не только ислам, не только новая религия, но также некогда сверкавшая выразительница новой поэзии — новый язык [26].

Но письменность на арабском языке была достоянием незначительной части населения: арабский язык за пределами Дербента был известен немногим. Мало сохранилось памятников доисламской культуры Лезги-стана, поскольку значительная часть их была уничтожена при насильственном насаждении магометанства. В целом культура этого периода несет отпечаток того исторического перелома, который совершался в Лезгистане в VII — XII вв. Произведения культуры, выросшей на местной основе, были разрушены, а новые культурные приобретения оставались в основном достоянием имущих классов.

На рубеже VII — VIII вв. местная письменность с албанским алфавитом заменена арабской, которая была в употреблении на территории бывшей Албании вплоть до 20-х годов XX века.

О том, что у лезгин продолжалась письменность на родном языке, но на арабской графике, говорит сообщение арабского автора Закарийи ал-Казвини, который утверждает, что на язык страны Лакзан (лезгин) были переведены "Книга имама аш-Шафии" и "Компедий Музани" [6]. У лезгин было "много великолепных рукописных книг, к которым они относились с большой любовью", писал французский путешественник XIII века Рубрук [6]. Таким образом, в Албании (Лезгистане) письменность на родном языке носила непрерывный характер с V века: до VII — VIII века они имели собственный алфавит, затем — арабский, а в начале XX века перешли на кириллицу.

Почти во всех населенных пунктах покоренных стран арабы строили мечети, которые являлись не только религиозными центрами, но и своеобразными очагами научной и литературной деятельности. В ходу были рукописные книги не только по богословию и философии, но и по точным наукам.

Как и во всем Халифате, в Албании при мечетях возникли начальные школы, в которых преподавались восточные языки, математика, логика и богословие. Основными и обязательными предметами были арабская азбука и арабский язык. Тот, кто знал наизусть Коран, считался закончившим свое образование.

Одним из крупных культурных очагов, откуда шло проникновение влияния восточной культуры и науки, являлся Дербент. Здесь сильны были традиции мусульманского мира, поскольку здесь жили переселенцы и среди них было немало крупных ученых и богословов, получивших образование в больших городах Востока. При дербентской Джума-мечети имела высшая мусульманская школа — медресе. Отсюда в X-XII веках в горы Восточного Кавказа шли ислам и арабская образованность.

Расселение относительно большого числа арабов в Албании и распространение на ее территории в качестве официального арабского языка, являющегося также языком средневековой мусульманской культуры и идеологии, не привело, однако, к языковой арабизации местного населения. Наоборот, сами арабы стали утрачивать в условиях Албании свой язык и обычаи, переходя на язык коренных жителей, ассимилируясь с ними, воспринимая уклад их жизни. Сохранившиеся до настоящего времени арабские названия ряда сел в нынешнем Азербайджане и Дагестане свидетельствуют о том, что в этих местах некогда существовали поселения арабских колонистов.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА. В тесной связи и взаимодействии с культурами восточных народов в IX — XII вв. развивались наука и литература албано-лезгинского народа.

Ученые Албании занимались медициной, астрономией, географией, историей и философией. Якуб Хамави называет имена крупных ученых бардинцев: Макки ибн Ахма; ал-Бардаи, Сайд ибн Алуру ал-Азди, Абду-лазиз ибн ал-Хасан ал-Бардаи. Макки

путешествовал по Мавераннахру, Хорасану и "составил так много книг, что уму даже непостижимо" [1,10].

Обширны были связи ученых, выходцев из Албании, с Востоком. А.Шихсаидов в своей книге "Надписи рассказывают" [27] пишет: "Знаменитый арабский энциклопедист Йакут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хама-ви (1179 — 1229), автор географического и биографического словарей, во II томе своего "Словаря стран" дает описание селения Хунлик (ныне лезгинское селение Хиналуг в Азербайджане): "Хунлик. Город близ Бас ал-Аббаба. Происходит оттуда Хаким ибн Ибрахим ибн Хаким ал-Лакзи, ал-Хунлики ад-Дербенди, который был шафиитским факихом, благородным, заслуживающим доверие (авторитетным). Он изучал мусульманское право у ал-Газали, слышал много хадисов, жил в Бухаре, пока не умер в ней в месяце шаабан 538 года, т.е. в феврале 1144 года.

У Хакима ибн Ибрахима ибн Хакима нисба — имя, обозначающее происхождение по племени, роду, городу, селению, области — ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дербенди. Ал-Хунлики, т.е. Хуналигский, нам понятно из текста — он родом оттуда. А почему ал-Лакзи и ад-Дербенди? Видимо, это связано с его деятельностью в Лакзе и Дербенте перед отправкой в Багдад в "Низамийю", лучшее учебное заведение своего времени. Кафедру философии в "Низамийи" возглавил знаменитый идеолог правоверия ал-Газали (ок. 1058 — 1111), автор известнейшей на Востоке книги "Оживление религиозных наук". Ал-Газали работал в Багдадском медресе 4 года (с 1091 — 1092 г.), затем оставил кафедру, занявшись полностью научной работой. Хаким ибн Ибрахим ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дербенди учился в Багдаде между 1091/2 и 1095/6 годами. Неизвестно только, когда он попал в Бухару, но надо полагать, что жил он здесь долго и преподавал в медресе (умер в 1144 г.)".

К X веку относится появление первых исторических сочинений в Лезгистане на арабском языке. Одним из таких крупных произведений является историческая хроника под названием "Ахты-наме", написанная неизвестным автором в X веке. В ней описываются подлинные события из истории Лезгистана, начиная от сасанидов до установления господства арабов в Ахтах. Позднейшими авторами летопись была дополнена. Известно, что летопись "Ахты-наме" ходила по рукам в XVIII веке, об этом пишут русские путешественники [14].

К 1106 году относится составление "Истории Дербента и Ширвана". Писал ее очевидец многих событий, но дошла она до нас в передаче турецкого автора XVII века Мунаджима-Баши. В его книге излагаются голицеские события областей, входивших в X — XI веках в управление ширваншахов и дербентских эмиров. Ценные сведения в этой рукописи есть и о политической и культурной жизни внутренних областей Восточного Кавказа.

В Дербенте в XI веке жил крупный ученый Абубакр Мухамад бен Муса ал-Фараджи, автор философского трактата "Базилик истин и сад тонкостей". Будучи выходцем из Дербента, скорее всего лезгин, он совершил сзлекие путешествия по странам Востока. Книга Абубакра дает представление о философских взглядах средневекового Лезгистана.

В культурном развитии Албании в это время особенно выделялась столица государства ширваншахов гор. Шемаха, где в шахском дворце находились знаменитые персоязычные поэты, среди которых блистали Абу-л-ула Гянджеви, Хагани Ширвани, Фелеки Ширвани, Изаддин Ширвани.

Старейшим из них был Абу-л-ула, который прибыл в Шемаху в 1130 г. из Гянджи в сорокалетнем возрасте. Он очень при ширваншахе Минучехре стал главою поэтов — "Малик аш-Шуара", т.е. "Царь поэтов". Среди его учеников вначале особенно выделялся шемахинец Фелеки Ширвани. Фазиль Фарид ад-Дин Ширвани — один из первых составителей звездных таблиц — был выдающимся астрономом того времени, поэтому получил прозвище "Фелеки" ("Небесный").

Еще в X в. Ибн Хаукаль подчеркивал, что в Албании и Армении "врачи опытные, прекрасные и богатые медицинскими познаниями. Видным представителем медицинской науки в Албании того периода являлся Мирза Кафи ад-Дин Омар ибн Осман — дядя по отцу выдающегося албанского поэта Хагани Ширвани. По существу, сведения о Мирза Кафи ад-Дине мы заимствуем из произведений его племянника.

Так, говоря о своем дяде, Хагани Ширвани замечает: "Меня и шайтан с пути не сведет, ибо не даст мой дядя. Он человек культуры и науки. Как вода подымается воздействием солнца, так и я, благодаря ему, поднялся. Он был глубоко знающим математику, философию, можно сказать, что он был Аристотелем своей эпохи". Ширвани Хагани происходил из простой семьи. Дед его был ткачом, отец Али — плотником, мать — кухаркой. Поэт очень уважал дядю, после его смерти (1131 г.) посвятил ему стихи:

*Ушел из мира тот, кто был для мира философом,
Он открыл нам ворота в небеса возвышенных идей.
И сами небеса призвали его для своего исцеления,
Ибо лекарства его издавна выдержали испытания.*

В Шемахе в XII в. была развита также фармакология. Хагани в стихотворении, написанном в связи с тяжелой болезнью сына, упоминает о первых аптеках своего времени: "Принесите лекарство, изготовленное в совершенной аптеке, даже если оно ценится, как золото" [28].

Следует подчеркнуть, что все поэты, жившие при дворе ширваншахов, в материальном отношении в полной мере зависели от милостей государя. Разумеется, за подобные милости царей придворным поэтам приходилось всеми правдами и неправдами льстить, восхвалять своих порою абсолютно недостойных владык. Этого не мог избежать и Хагани. Однако, в отличие от других поэтов ширванского двора, Хагани не мог удержаться иной раз от того, чтобы не пустить ядовитые стрелы в адрес коронованных властителей. Так, например, на страницах своего "Дивана" он писал: "Шахи нашего времени... угнетатели по профессии"; или же: "Ты спрашиваешь меня, нахожусь ли я на службе шаха? О нет! Мгновенья свободы я не продам даже за два мира"; и наконец: "Пусть будет разрезан на куски мой язык, просящий у шаха хлеб" [10].

Хагани осуждал людей, ведущих паразитический образ жизни, и, наоборот, возвеличивал тех, кто трудился и служил обществу. В том же "Диване" он писал: "Недостойные — не люди труда. Ошейник собаки выше их золотой короны"; "Человек должен служить обществу, уподобляясь мылу, которое, уничтожаясь само, приносит пользу людям" [10].

За подобные свободолюбивые высказывания в условиях восточного деспотичного феодального режима, особенно в царстве ширваншахов, Хагани пришлось много страдать

и пережить: "Я уже никого из великих не славословлю, — писал он. — Я перед людьми помалкиваю из-за опасения за целостность головы и только в глубинах сердца сам с собою беседую. Но для моего сердца Шемаха — это тюрьма с накаленной жгучей печью, куда и свежий ветер не проникает и где волосы встают дыбом. А если я попытаюсь сделать шаг куда-нибудь, если отважусь громко вздохнуть, вмиг откуда-то возьмется доносчик и, все сплошь извративши, доложит его величеству шаху" [10]. Вскоре при ширваншахе Ахситане за непослушание он был посажен в тюрьму в г.Шабране, где пробыл восемь месяцев.

Ахситану не угодил и другой поэт — Феле-ки Ширвани, который также пережил ужасы тюремного заключения. Когда его выпустили, он "был прямо труп, и кости из всех частей тела выдавались, словно острые палочки буквы "лам". Хагани его оплакал в элегии" [29].

Среди албанских поэтов той эпохи самым выдающимся был гениальный Низами Гянджеви. Отец его Юсуф Низами — представитель лезгиноязычных народов из с. Кум. Ильяс Низами (1141-1209) жил и воспитывался в Гяндже, поэтому получил прозвание Гянджеви. Низами еще в юности в совершенстве изучил литературу, философию и другие науки, а также несколько языков. Подобно многим албанским поэтам того времени, Ильясу Низами приходилось писать свои произведения на фарсидском языке. Низами относительно повезло в том смысле, что он жил и творил в Гяндже, в отличие от Шемахи, где царствовали ширваншахи. В Гяндже не было ни шахского двора, ни соответственно придворной поэзии. Всю жизнь, чуждаясь дворов феодальных владык, поэт презирал титулованных меценатов.

*Все они — торговцы с природой менялы,
Мучители тех, кто на их издвигении.*

Не желая попасть в зависимое положение, Низами отклонил предложение шаха Ширвана Ахситана I, который приглашал его на должность придворного поэта.

Первое крупное произведение — "Сокровищница тайн", входящее в собрание пяти поэм — "Хамсэ" ("Пятерица"), Низами написал в 70-х годах XII в. Впоследствии им были созданы поэмы "Хосров и Ширин", "Лейли и Меджнун", "Семь красавиц" и "Ис-кандер-наме".

В своих бессмертных творениях Низами разоблачал произвол и жестокость феодальных правителей. Об их злодеяниях поэт пишет:

*Я видел головы, опорожненные от мозга,
Которые гнусным образом снесли много голов.*

Низами не был пассивным наблюдателем общественной жизни. Он горячо любил народ и старался помочь ему. В поэмах Низами с большой силой показано тяжелое положение албанского народа, изнывающего под игом иноземных захватчиков и местных феодалов. В "Сокровищнице тайн" старуха-крестьянка говорит шаху:

*Стала грудой развалин твоя страна.
Урайатов в житницах нет зерна.*

И если Низами свои произведения посвящал какому-либо шаху или султану, порою воздавая хвалу их личности, то он это делал не по принуждению, а по своему разумению. Низами стремился воздействовать на правителей своим правдивым, вдохновенным словом, надеялся убедить их в необходимости прекратить угнетение народа. Но вместе с тем великий поэт-гуманист считал, что властителя, разорившего свою страну, должна постигнуть смертная кара: "Уничтожить скорпиона, в природе которого причинить человеку зло, — доблесть, дарить ему жизнь — преступление".

С огромным уважением пишет Низами о труде: "Ради труда пришли мы в мир, не ради пустой болтовни пришли". "Земля, на которой ты живешь, благоустроена трудами человека. В ее груди таятся многочисленные сокровища. Любовь к этой земле почитай своим долгом. Не будь неблагодарным".

Владение в совершенстве арабским языком позволило ему в полной мере ознакомиться с научно-философским наследием античных авторов — Фалеса, Платона, Сократа, Аристотеля и многих других и тем самым подняться гораздо выше над своим временем. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие слова самого Низами в первой части поэмы "Искандер-намэ": "Получил содержание каждого экземпляра, украсил им свои стихи; больше новой истории читал истории евреев, христиан и пехлеви" [30].

Поэт не представлял своей жизни вне родной Албании: "Я не буду дышать иным воздухом, чем воздух этой страны".

В поэме "Лейли и Меджнун" Низами обращался к своему народу: "До каких пор будешь подручным бесчестья?... Чтобы не ударили кулаком по твоей голове, подними свои плечи высоко, как утесы. Против деспотов надо быть как шиповник, надо быть храбрым молодцом, чтобы ты мог свободно обнимать букет роз, держи оружие наготове, как шипы, охраняющие розу". Сражаться за свободу нужно со всей решимостью и отвагой: "Когда ты вступаешь в борьбу, пусть сердце твое будет сердцем льва; смелость — залог победы. Благодаря своей отваге лев выходит победителем из всех схваток". Какие замечательные слова!

МУЗЫКА И ТАНЦЫ. Старинная лезгинская музыка и танцевальная культура оказали большое влияние на формирование этих жанров на всем Кавказе. Внимательно прислушайтесь к старинной лезгинской музыке и многим мелодиям, особенно старинным, армянского и грузинского народов. Мы здесь найдем много общего. Иначе и не могло быть, поскольку эти три народа тысячелетиями жили по соседству, помогая друг другу в беде и деля радости между собой, обогащая друг друга, особенно в музыкальной и танцевальной культуре.

Всемирно известный танец "Лезгинка". Кто его не знает? У истоков этого танца стоял наш талантливый народ. Трудно сейчас сказать, когда этот танец определился в нынешних формах. Ведь чтобы стать таким распространенным, быть таким любимым многими народами, нужны были столетия! Для выяснения этого фактора нужны специальные исследования. Наша культура, включая и советский период, либо разрушалась, уничтожалась, либо присваивалась. Мне здесь только остается привести названия лезгинских народных танцевальных мелодий, собранных уважаемым Забитом Ризвановым. Слова и мелодии многих из них утеряны. Может быть, кто-нибудь помнит их, запишите, сохраните. Вот названия народных танцевальных мелодий лезгинского народа, приводимых в книге "История лезгин" Ризвана и Забита Ризвановых [31]: Лезгинка, Апай, Тала, Алабан, Яру ич, Гиляр, Ахцегъар, Ашукъ Абдуллагъ, Мулейли, Беневша, Шагьсенем, Ала вилер, ЦукуНар, Шамума, Къайтагъар, Акъуша, Терекма, Хунчар, Клек муьквелай, Рекъин гъава, Сусан гъава, Къавумар, Мирзевала, Надибала, Кавха, Назлу, Аман бала, Сунаяр, Билбилар, Кару, Женг, Жейран, Силибир, Перизада, Кумари, Билдир беневша, Ша багъдиз, Яр, Лачин, Магъи дилбер, Къа-рид руш, Керем, Эслид мани, Келегъа, Дар-ман, Лагъ бала, Суваллай яр, Пейкер баха, Лайлай, Ст1алар, Мегъерамухур, Тайгъун, Мискискар, Хинар, Лакарар, Ялахъар, Къа-сумхуур, Эч1ехуур, Самур къанал, Авар кавха, К1ири буба, Яралияр, Гъасанар, Нуран мани, Абасар, Мегъамедар, Гъажияр, Загъадур, Шуьше ханум, Айишатар, Зуьгъ-ре ханум, Къизилгуьл, Гъуьруь, Сегъерар, Чарар атана, Даллай, Са рипе къуьл, Яру гъед, Гар алай югъ, Чими рагъ, Казаматар, Экъун ярар, Вараз алай йиф, Къари, Кинт1у, Дуьгмеяр, 20 нумра, Магъузар, Зарафатдин гъава, Чамарин гъава, Дурнаяр, Загъамар, Гудуяр, Квасаяр, Арачидин гъава,

Шагъвар, Цуьквер, Вацран эквер, Мучугар, Муьп-куьр, Тавли, Гьупани, Герейар, Игелар, Ба-зарда, Чан кьакьан дагьлар, Ярагьи векьер, Уьруьгар, Алипулатор, Вили вилер.

ФОЛЬКЛОР. Наряду с литературой на арабском языке, распространявшейся среди небольшой части населения, в народе создавалась своя литература — устная. Это были трудовые и героические песни, древние сказания и легенды. В них отражались народные чаяния и думы о лучшем будущем.

И поныне в Лезгистане известны древние народные легенды о борьбе с коварными и жестокими завоевателями — персами, арабами, тюрками, татаро-монголами и др. Они дошли до нас через века. Многие из них безвозвратно исчезли, не найдя рачительного хозяина. Другие даже записанные произведения устного творчества, потеряны или уничтожены при завоевателях, либо в результате пренебрежительного отношения со стороны властных структур, куда входили лезгины на положении пасынков. Пример тому — судьба героического эпоса лезгинского народа "Шарвили", который в полном объеме не издан до сих пор. Ярким примером произвола властных структур Азербайджана является отношение к творчеству Забита Ризванова. За период с 1950 по 1985 гг., Ризвановым собран и обработан огромный материал устного народного творчества лезгин. Материал этот ждет своих издателей. Он включает 1) лезгинские народные сказки в трех томах, 300 страниц машинописного текста (1 том — волшебные сказки, 2 том — бытовые сказки, 3 том — сказки о животных); 2) лезгинские песни в двух томах, 1000 страниц машинописного текста (порядка 8 тысяч песен); 3) лезгинские анекдоты (имеется русский перевод), 400 страниц машинописного текста; 4) двадцать дастанов; 5) лезгинские пословицы и поговорки, 150 страниц; 6) лезгинские мифы (имеется русский перевод), 120 страниц.

ЗОДЧЕСТВО. В X — XII вв. после арабских разрушений стало возрождаться албанское зодчество. Наши далекие предки, соорудившие в VI веке грандиозные стены Дербентской крепости, умели строить прочно и красиво. Они восстановили разрушенные арабами села и города, построили новые.

Большим своеобразием отличалась албано-лезгинская архитектура. Шемаха, Баку, Гянджа, Дербент и другие города славились своими искусными зодчими.

С XI — XII вв. до наших дней сохранился ряд замечательных архитектурно-строительных памятников, прекрасных образцов резьбы по камню и металлу, орнаментов и надписей. Известны имена некоторых создателей этих произведений искусства — кузнечного мастера Ибрагима (XI в., Гянджа), строителя Мухаммада, сына Абу Бакра (XI в., Баку), архитектора Мохсуна (XI в., Баку), строителя Ашура, сына Ибрагима (XII в., Баку) [1].

Перевод текста на рис. 4.12:

- (1) Построил (это здание Уста сын Гайдан (или Гайдаз) —
- (2) — да простит его Аллах — в году пять-

(3) сот девятнадцатом по хидж-
(4) ре пророка — да благословит его(Аллах).

Талантливые лезгинские зодчие построили прекрасные мечети в Ихреке, Баку. Кара-Кюре, Луткуне, Шемахе, Кабале, Барде, Дербенте и других местах. Эти выдающиеся памятники средневековья украшались причудливыми росписями, кувфическими буквами и ажурной работой лезгинских мастеров. Сохранившиеся замечательные образцы резьбы по камню и дереву являются ярким свидетельством достижений лезгинского искусства в X — XII веках (рис. 13, 14, 15).

Рис. 4.13. Остатки стуковой орнаментики михраба мечети в сел. Луткун Ахтынского района (X — XII вв.).

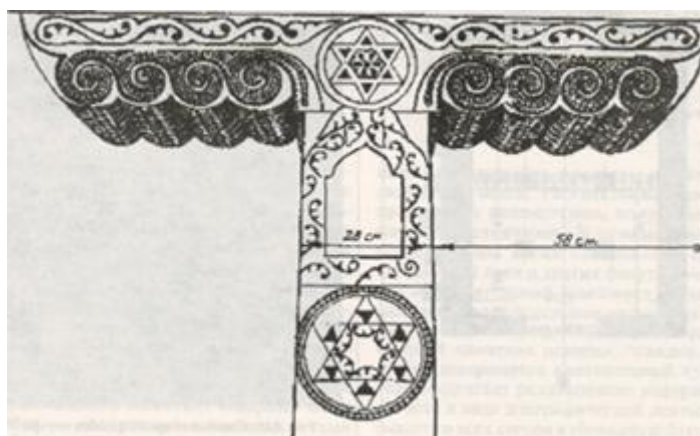

Рис. 4.14. Орнамент опорного деревянного столба внутри мечети в сел. Луткун Ахтынского района (X-XII вв.)

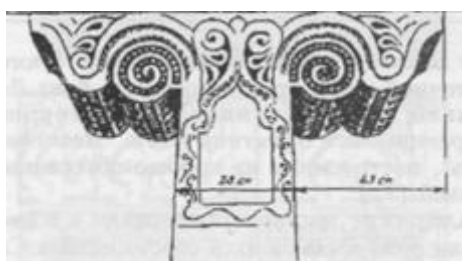

Рис. 4.15. Орнамент опорного деревянного столба внутри мечети в сел. Луткун Ахтынского района (X — XII вв.).

Ряд памятников архитектуры и искусства создан в этот период в г.Баку. Наиболее ранний из них, датированный XI веком, — мечеть Мухаммада ибн Абу Бакра, в старой крепости Баку. В юго-восточной части старой крепости, близ Девичьей башни, находится

хорошо сохранившийся памятник XII в. "Лезги-мечеть", построенная из хорошо обтесанных камней [32].

Рис. 4.16. Баку. Вывеска на Лезги-мечети. (XII в.).

Албанские мастера участвовали в возведении ряда выдающихся сооружений в Самарканде, Герате, Мешхеде, Исфагане, Багдаде. Тесная связь Албании с Ираном, Арменией, Грузией и другими странами обусловила наличие ряда общих черт в их зодчестве и в других аспектах культуры.

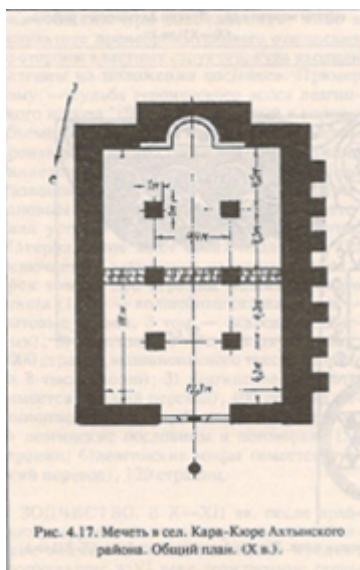

Рис. 4.17. Мечеть в сел. Кара-Кюре Ахтынского района. Общий план. (X в.).

Рис. 4.18. Один из опорных столбов внутри мечети сел. Кара-Кюре, украшенный орнаментом из ступа. (Xв.).

Ярким свидетельством связей Ирана, Средней Азии и Восточного Кавказа в области культуры могут служить памятники из селения Кара-Кюре. "Несколько лет тому назад, — пишет проф. А.Шихсаидов, — в лезгинском селении Кара-Кюре учеными было сделано открытие, давшее новый, исключительной важности, материал как по истории культуры

дагестанского (лезгинского) народа, так и истории культурных контактов народов Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии".

Более двух тысяч лет тому назад зародилось искусство обработки алебаstra, замечательного "белого камня". Резьба по стуку (по алебаstrу, или, как говорят в Средней Азии, по гангу) стала со временем одним из видов архитектурного декора в монументальном искусстве. Декоративное использование алебаstra находило широкое применение на Ближнем и Среднем Востоке еще с древних времен.

Рис. 4.19. Кара-Кюре. Мечеть.

Стуковая орнаментика базы опорного столба внутри мечети. (Xв.).

Этот вид архитектурного декора представлен и в Кавказской Албании. Вот как описывает проф. А.Шихсаидов один из памятников в старинном лезгинском селе Кара-Кюре, что недалеко от правого берега Самура, в 3 — 4 км от Усучая: "В центре аула — мечеть с красивыми резными дверьми. Сохранилось шесть опорных столбов мечети, расположенных в два ряда и держащих перекрытие над залом, имевшим площадь в 12,3 на 18 м. Основной частью мечети был в колонный зал, что характерно для ранних мусульманских мечетей. Опорные базы столбов — квадратные в сечении, а сами столбы круглые, причем, все стороны полностью заняты стукowym панно, выполненным в глубоком рельефе. Стуковой рельеф занимает всю плоскость целиком, не оставляя свободного места. Растительный орнамент представлен пальметками, полупальметками, трилистниками. В орнаментальный строй введены также изображения кругов, стрельчатой арки и других фигур. Точечный ряд — обязательный компонент рельефа — разграничивает отдельные части поля" [33]. Как сообщает проф. П.Дебиров, это прекрасный памятник истории, "каждое панно сверху завершается великолепной куфической надписью религиозного содержания, которая в виде эпиграфической ленты опоясывает со всех сторон кубовидную базу круглого столба" [33]. Далее проф.

А.Шихсаидов пишет: "Именно изучение надписей, их палеографических особенностей (сжатость и строгость форм, стрелчатая форма буквы "мии", острота клиньев и т.д.) дало возможность утверждать, что перед нами куфические буквы переходного периода, характерные для надписей Срeней Азии X-XI вв.

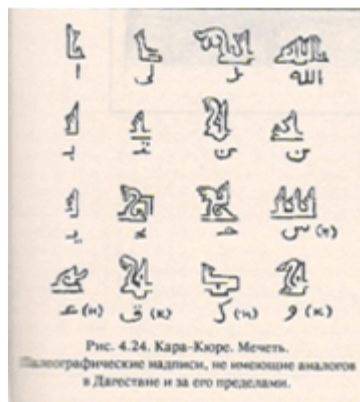
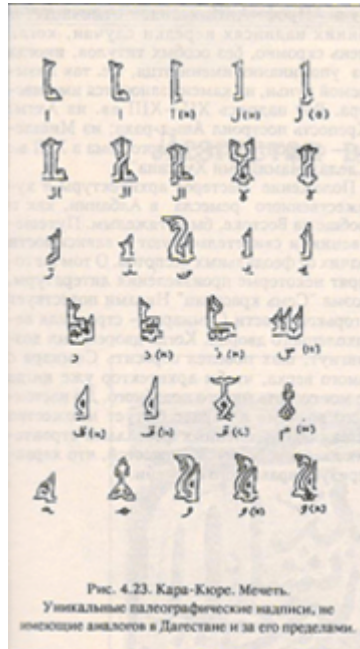

Надписей на рис. 18-22 пять. Профессор А.Шихсаидов отмечает, что "не все они уверенно читаются, но некоторые из них нам удалось прочесть"

1. О верующие. Бойтесь Аллаха и скажите сильное слово.
2. Нет бога, кроме Аллаха.
3. Вто... сын...имя Аллаха.
4. Исхак сын Хасана уповае на Аллаха.
5. Приступили к своей молитве и не будьте из беспечных.

Говоря о строителях, что воздвигали мосты и мечети, минареты и крепости, жилые дома и мавзолеи над могилами святых, проф. А.Шихсаидов отмечает "Не все постройки сохранились, рассказывает нам о строителях. В одном случае имя устада (мастера) исчезло вместе со зданием, подвергшимся разрушению, в другом — память о мастере оказалась более долговечной, чем само здание. То сохранилось архитектурное сооружение, но нет имени строителя, то новое здание оказалось связанным с именем мастера, жившего лет за триста до этого, ибо в стeнуового здания был вмонтирован камень из развалин старого сооружения. Но бывает и так: сохранилось здание и сохранился и камень, рассказывающий о строителе. Но это редко. Безвестные мастера. Их число огромно. К сожалению, до нас не дошли имена строителей крупных комплексов, таких, как Нарын-кала, этот дербентский кремль..., Хучнинская крепость — легендарное обиталище семи братьев и сестры...

...Ихрекская мечеть, старейшая в Дагестане. По своему внешнему виду она не отличается от многих других зданий в ауле, подчинена общему архитектурному стилю, строительным традициям аула, характерным многим ранним культовым сооружениям. Мечеть неоднократно разрушалась, потом восстанавливалась, иногда полностью, иногда частично, и это продолжалось почти тысячу лет... За столетия стены Ихрекской мечети превратились в хранилище надписей различных эпох. 31 надпись украшает здание, причем 15 из них ранние, примерно XI — XV вв."

В конце XI в. в Цахуре было построено медресе, находившееся в то время в цветущем состоянии. "Во всяком случае, — пишет проф. Шихсаидов, — автор обширного космографического трактата "Аджаиб ал-махлукат ва гариб ал-мавджудат" (Чудеса творений и диковинки существующего) За-карийа ал-Казвани (1203-1283 гг.) пишет о медресе в Цахуре: "...а при нем имеется учитель и факихи... Рассказывают, что они перевели "Компендий Музани" на язык Лакзан и подобно этому "Книгу имама аш-Шафий" и занимаются ими обеими [34].

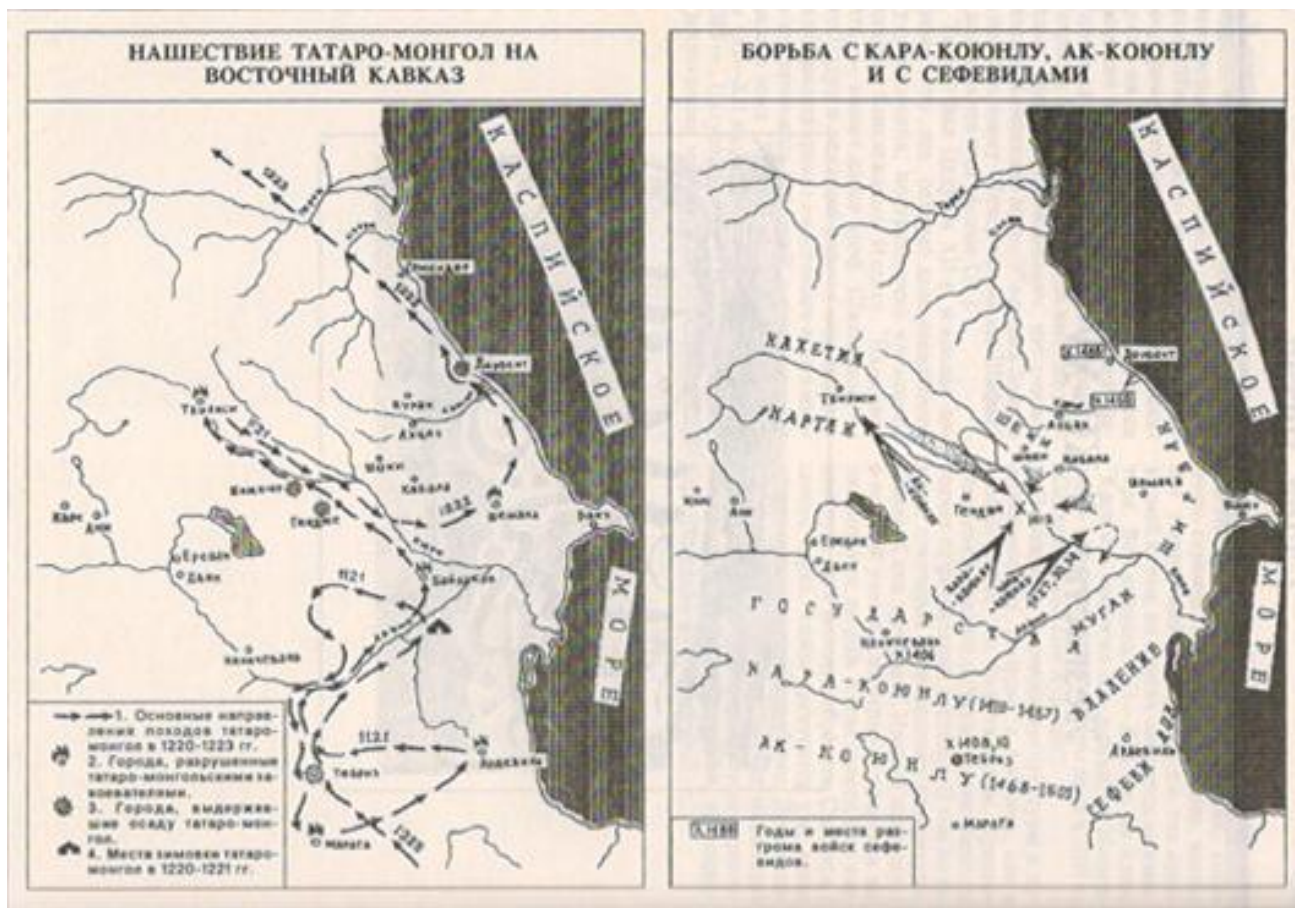
Таков был Цахур в XII в. и вполне логично, что это селение дало ревностного мусульманина, построившего культовое здание в близлежащем Ихреке. "Надо сказать, — пишет далее проф. Шихсаидов, — что Цахур и лежащий рядом с ним древний аул Мишлеш хранят в настоящее время много строительных надписей: о строительстве жилого дома (XI — XII вв., Мишлеш), мечети (XI — XII вв., Цахур), минаретов (1239-и 1365 гг., Цахур), мечети (1247 г., Мишлеш), о реставрации минарета (1422 г., Мишлеш) и т.д. "Проф. А.Шихсаидов отмечает: "В ранних надписях нередки случаи, когда очень скромно, без особых титулов, иногда без упоминания имени отца, т.е. так называемой куньи, на камень заносится имя мастера. Вот надпись XII — XIII вв. из Ахты: "Крепость построил Аш-л-раха; из Мишлеша — о строительстве жилого дома в XIII в.: "Сделал Мамий сын Хурсана".

Положение мастеров архитектуры и художественного ремесла в Албании, как и вообще на Востоке, было тяжелым. Путешественники свидетельствуют о зависимости зодчих от феодальных деспотов. О том же говорят некоторые произведения литературы. Поэма "Семь красавиц" Низами повествует о горькой участи Симнара — строителя великолепного дворца. Когда дворец был воздвигнут, шах повелел сбросить Симнара с самого верха, чтобы архитектор уже нигде не мог создать ничего подобного. До настоящего времени в народе бытует множество легенд об ослепленных феодалами строителях дворцов, башен и крепостей, что характеризует нравы того времени.

Глава пятая

Лезгистан в XII-XV веках

5.1. ВТОРЖЕНИЕ ТЮРКОВ-СЕЛЬДЖУКОВ

В середине XI в. ряд государств Ближнего Востока был завоеван тюркскими кочевыми племенами — сельджуками, вышедшими из Средней Азии. Как пишет известный специалист по истории Востока В.Бартольд, "в Персию сначала пришли разрозненные толпы туркменского народа, потом отряды под начальством беков, потомков туркменского предводителя Сельджука. Царский титул был принят ими уже в Персии, где они стали называть себя "шахами" и "султанами" [1].

Войска Тогрул-бека (в 1038-1063 гг.-султан) в 1045 г. взяли Хамадан, а в 1050 г. — Исфаган. В 1054 г. сельджукские войска двинулись на запад Ирана, и правивший в Тебризе Раввадид Вахсудан был вынужден тратить сопротивление и покориться им. Далее они вторглись в Албанию, захватили Гянджу. Здесь Шеддадид Шавир тоже признал вассальную зависимость от Тогрул-бека, преподнес ему богатые дары и выдал заложников. В 1055 г. сельджуки овладели столицей Арабского Халифата — Багдадом. Тогрул-бек провозглашен султаном. Столицей султаната вначале был объявлен Мерв, затем — Рей и Исфаган [2].

При преемнике Тогрул-бека султанине Алп-Арслане (1063-1072 г.г.) сельджукские полчища вторглись в Армению и в 1065 г. разгромили крупный город Ани.

Вступивший на престол после Алп-Арслана султан Мелик-шах (1072-1092 гг.) решил расширить свои владения и в 1086 году снова осадил Гянджу, вышедшую из повиновения, где теперь правил шаддадид Фазлун III. Население героически обороняло город, однако, сделав подкоп под одну из башен крепости, захватчики ворвались в Гянджу, разграбили ее

Сын Шамсудина Эльдегеца — Мухаммад Джахан Пехлеван (1174-1186 гг.) главным городом сделал Хамадан и управление западной части Ирана передал младшему брату Кызыл-Арслану, который, захватив в 1174 г. Тебриз, превратил его в свою резиденцию. При Кызыл-Арслане территория государства атабеков простиралась южнее Ширвана до Исфагана [2].

Хотя Багдад в 1055 г. захватили сельджуки, в последующем зависимость багдадского Халифата не только была номинальной, сам халиф оказывал влияние на сельджукских султанов, вмешиваясь во внутренние дела султаната. З.Буниятов в этом отношении приводит очень показательную выдержку из работы ал-Хусейни: "Атабек Джахан-Пехлеван постоянно направлял послов к "Высокому жилищу" (Дар-ал-Азиза) Халифа с изъявлениями благочестия, подчинения и должной покорности" [3].

Осенью 1191 г. Кызыл-Арслан был убит исмаилитами, атабеком становится его брат Абу Бекр (1191-1210 гг.). В это время снова начались междоусобные войны, в которых принимали участие вдова Джахан Пехлеван Инандж-Хатун, сыновья Джахана Кутлуг. Инанджа-Махмуд, Амир Амиран Умар и султан Торгул III. В ходе этих войн был убит султан Тогрул III (1194 г.). По этому случаю ал-Хусейн приводит следующие слова: "Когда был убит султан Тогрул III — последний сельджукский государь, от раскаленных угольков рода сельджуков осталась одна зола, которую развеял ветер" [4].

Последний из династии Эльдегезов — брат Абу-Бекра Узбек (1210-1225 гг.). В начале его правления государство подверглось вторжению войск иберийской царицы Тамары и государство стало распадаться на составные части.

Фактически сельджукские племена за время вторжения в Иран и другие государства Ближнего Востока в Албании захватили область, связанную с Гянджой, которая некоторое время находилось во власти сельджуков. Остальные области Кавказской Албании были свободны от сельджуков или подвергались лишь единичным набегам [2,5].

5.2. ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

В начале XIII в. в Центральной Азии образовалось государство монголов во главе с Темучином. После целого ряда его побед над соседними племенами, особенно татарами, курултай (собрание) монгольской знати в 1206 г. провозгласило его всемонгольским ханом и дало имя Чингис-хан [6].

Используя феодальную раздробленность сопредельных стран, Чингис-хан предпринял ряд захватнических походов. В 1211 г. монголы вторглись в Северный Китай и в 1215 г. вступили в Пекин.

Чингис-хан за короткое время взял цветущие города Средней Азии — Отрар, Бухару, Самарканд и превратил их в развалины. Хорезмшах Мухаммед не смог оказать сопротивление и бежал. В погоню за ним Чингис-хан послал 30 тыс. всадников во главе с полководцами Джебе и Субутаем.

Осенью 1220 г. монголы вторглись в пределы Ирана, дошли до Тебриза, где в то время находился атабек Узбек. Последний заключил с монголами мир, обязавшись внести деньги, платья и вьючных животных.

Затем "они дошли до Ардебиля и овладели им произвели в нем большую резню и разрушили большую часть его" [7]. О последствиях взятия Ардебиля татарами-монголами современник монгольского нашествия Иакут-Хамави пишет: "Между татарами и но (Ардебиля) жителями произошло не только сражений, и жители защищались как нельзя лучше и дважды отбрасывали их от города. Однако в третий раз ... захватили город силой,

набросились на мусульмов и перебили их, не оставив в живых никого, кто был ими замечен. Спаслись лишь те, кто сумел спрятаться от них. Разрушив основательно город, татары ушли из него, и он долго оставался в ужасном разрушенном виде и безлюдным" [8].

Потом они ушли, — пишет Ибн ал-Асир, — к городу Сераву, ограбив его, и убили всех, кто был в нем, а затем направились к Байлакану в Арране (Албании), который и осадили..., а затем силой взяли город в 1221 г. и заработали мечами так, что не оставили в нем никого — ни молодого, ни старого, ни женщин... Ограбив и опустошив все окрестности его (Байлакана), татары направились к городу Гянджа, главному городу Аррана... Послали к его жителям требовать деньги и одежды, и те понесли им то, что они потребовали от них, и они ушли от них" [7].

И далее Ибн ал-Асир повествует: "Покончив с мусульманскими странами в Иране и в Восточном Закавказье частью путем захвата, а частью миром, татары двинулись в страну курджов (грузин)... опустошили ее и поступили с ней так, как они привыкли поступать" [7].

И наконец, "по возвращении из страны курджов, татары направились к Ширвану, осадили город Шемаху и сразились с его жителями, но те выдержали осаду. Однако татары поднялись на его стену по лестницам, а по словам других, они собрали верблюдов, коров, мелкий скот и т.д., а также трупы убитых как своих, так и чужих и, положив один на другой, образовали нечто вроде холма, поднявшись на который, они заняли господствующее над городом положение и вступили с его жителями в бой. В течение трех дней жители выдержали самый сильный бой, когда однажды чуть было не были взяты, они сказали: "От меча все равно не уйдешь, так лучше нам твердо стоять, по крайней мере умрем с честью"; и они твердо стояли ту ночь, и так как трупы разложились и опали, то татары уже не господствовали над городом и не могли воевать. Однако они снова придвинулись к стене города и возобновили сражение. Это изнурило жителей, и так как они страшно устали и ослабели, то ... татары взяли город, истребили в нем много народу, разграбили его и совершили всякие насилия" [7].

Дальнейший путь и действия татаро-монголов прослеживаются из изложения крупнейшего историка и политического деятеля Рашид Ад-Дина (1247-1318 гг.) в "Джами ат-таварих" (Сборник летописей): "Они (монголы) направились к Дербенту Ширванскому... Так как пройти через Дербент было невозможно, они прислали ширванша-ху сказать: "Ты пришел несколько человек, чтобы мы заключили мир!" Он прислал 10 человек из вельмож (акабир) своего народа; одного из них монголы убили, а другим сказали: "Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем! Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли" [7].

Монголы в своем движении на север избрали иной путь, мимо Дербента, по горам. Горцы также выступили против завоевателей [9]. Монголы жестоко расправились и с горцами: "Они ограбили и убили много лакзов (лезгин) — мусульман и неверных и произвели резню встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов" [7].

Конница Джебе и Субутая, разбив алан и кипчаков, напала на Крым. В 1223 г. на реке Калке монголы одержали победу над русско-кипчакскими дружинами. В Поволжье завоеватели потерпели поражение от булгар, после чего с добычей ушли в Монголию [2].

Описывая дальнейшие события, проф. А.Шихсаидов, ссылаясь на Ибн ал-Асир, отмечает: "Кипчаки, разбитые монголами в северо-кавказских степях, пришли к владельцу "Дербента-Ширвана" с просьбой получить убежище, чтобы расположиться в их стране.

"Мы твои рабы и мы тебе завоюем области, и ты наш султан." Все это было только показное, в действительности же кипчаки, со слов Ибн ал-Асира, задумали хитростью

захватить город Дербент, но Рашид уже был об этом тайно осведомлен. Правитель вышел из крепости через тайные ворота и бежал в Ширван, а кипчаки завладели крепостью. Затем кипчаки осадили Кабалу, ограбили область Кабалы и подошли к окрестности Гянджи. Так как кипчаки совершали нападения, грабили местное население, то мусульмане из местных жителей восстали против них, сражались с ними и перебили большое число из них. Испугавшись, кипчаки ушли по направлению к Ширвану, а потом перешли в страну Лакз. Однако мусульмане, курджи (грузины), лакзы и другие почувствовали смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен, так что кипчакский раб (мамлюк) продавался в Дербенте-Ширване по самой низкой цене" [7,9].

Первый поход монголов принес Албании (Лезгистану) большие бедствия. Феодалная раздробленность страны не давала возможности организовать совместный отпор врагу. Исходя из корыстных интересов, заботясь прежде всего о спасении своей жизни и имущества, часть албано-лезгинских феодалов не думала о защите родной земли от монголов и спешила укрыться в неприступных замках и крепостях. Но враг всюду встречал ожесточенное сопротивление народных масс. Особенно упорно сражались горожане и население горных долин.

Весь путь захватчиков по земле лезгин и других народов был отмечен развалинами городов и сел, огнем пожаров, кровью мужчин, женщин и детей. Рассказывая об ужасах монгольского нашествия, современник этих событий Ибн ал-Асир горестно восклицал: "О, пусть бы моя мать никогда не производила меня на свет! Пусть бы я умер до этого..." [7].

После смерти Чингис-хана (1227 г.) подвластные земли были разделены между его сыновьями и внуками. Одним из важнейших монгольских владений стал улус Джучи, известный по русским источникам под именем Золотой Орды. Территория, находившаяся под властью Золотой Орды, включала в основном Северо-Восточный Кавказ и Поволжье. Албания, Армения и Иберия некоторое время также входили в улус Золотая Орда.

Во главе Золотой Орды стоял хан Батый, внук Чингиз-хана, сын Джучи, образовавший династию Джучидов. Столица Золотой Орды была недалеко от Астрахани и называлась Сарай-Бату.

Не оправившись после столь жестоких походов татаро-монголов и кипчаков, албанское население опять стало жертвой — теперь уже войск Джамал-ут-Дина, сына хорезм-шаха Мухаммада, бежавшего сюда от монголов. В 1222 году Джамал-ут-Дин захватил Гянджу и превратил ее в свою резиденцию. Отсюда он совершал частые набеги на Армению и Грузию, разорил города Тифлис и Двин. Ширван-шах спас свою страну от разорения путем выплаты Джамал-ут-Дину 100 тыс. динаров [10].

В 1231 году в Гяндже вспыхнуло восстание под предводительством ремесленника Бандара [10]. Из-за того, что силы были неравными, Джамал-ут-Дину удалось расправиться с восставшими. Руководителей казнили, а Бандара четвертовали.

В этом же, 1231, году начался второй поход монгольских войск на Кавказ. Они разграбили Марату и захватили Тебриз. Преследуемый монголами Джамал-ут-Дин скрылся в Курдистане, где и погиб близ города Диарбекира [10]. В 1235 году монголы осадили Гянджу. Жители ее отказались сдаться и героически защищали город. При помощи стенобитных орудий нападавшие разрушили стены и город. Когда это удалось монголам, на улицах завязались кровопролитные бои. Население сжигало свои дома, имущество, чтобы не достались врагу. Монголы разгромили город и перебили большинство жителей. Оставшиеся в живых обращены в рабство. На протяжении четырех лет Гянджа представляла собой руины [2].

Один за другим после героической обороны пали и были разрушены Ани, Каре, Тифлис, Шемаха. В 1239 году такая же участь постигла и Дербент. При штурме было разрушено много башен и бойниц вдоль крепостной стены. В самом городе завоеватели разрушили замечательные памятники древнего искусства лезгиноязычных народов.

Дербент превратился в стоянку монгольских войск. Отсюда они вторглись в горные районы Восточного Кавказа. "Путь монгольских войск из Дербента в Кумух, — пишет проф. А.Шихсаидов, — лежал через лезгинские районы по маршруту: Дербент-Табасаран-Касумкент-Хив (или Курах)-Рича-Чираг-Кумух" [9].

В 1239 году монголы дотла разрушили -агульское селение Рича. В селе сохранилась надпись на камне об упорных боях местного населения против завоевателей: "...Истинно, войска проклятых татар, — да лишит их поддержки Аллах, — пришли в Ба-бал-Кист Рича, когда оставалось десять дней до конца месяца раби'аль-авваль. И сражались с ними жители Рича до середины месяца раби'ал-ахир в шестьсот тридцать седьмом. Затем приказал Сабаджи ибн Сулейман построить эту крепость в месяце зуль-хиджа, один из месяцев шестьсот тридцать восьмого года" [9].

Таким образом, жители сел. Рича примерно в течение 25 дней, а именно с 20 октября до 14 ноября 1239 года, сражались с монгольскими завоевателями. Разъяренные монголы разрушили не только мечеть, но и селение до основания" [9].

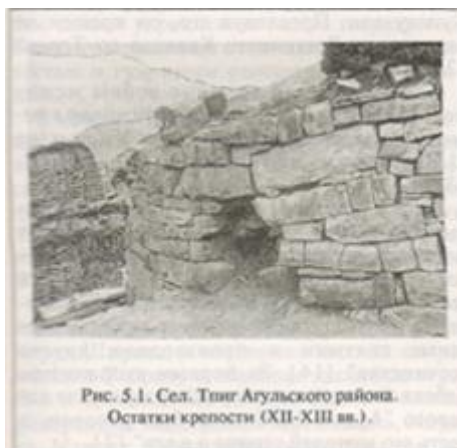

Рис. 5.1. Сел. Тшиг Агульского района.
Остатки крепости (XII-XIII вв.).

Перевод текста на рис. 5.2.:

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах! Аллах! Аллах!
- (2) Пришло войско татар, — да не будет им от Аллаха большего предела!
- (3) в Баб ал-Кист Риджу, когда оставалось от месяца
- (4) раби ал-аввал десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи.
- (5) до середины раби ал-ахира года тридцать семь

(6) и шестьсот (т. е. шестьсот тридцать седьмого). Потом построить эту крепость приказал Сабадж.

(7) б. Сулайман в месяце зи-л-хиджжа, (одном) из месяцев года.

(8) шестьсот тридцать восьмого.

В ряде населенных пунктов, — пишет проф. А.Шихсаидов, — по которым пролегал путь монгольских войск из лезгинских районов через Рича в Кумух, сохранились предания о мужественной борьбе местных жителей против монгольского нашествия. В 6 км к северу от современного селения Чираг, рассказывают старожилы, было расположено селение, которое также называлось Чираг. Когда пришли монголы, жители укрепились в мечети и не желали допустить завоевателей. Мечеть была разрушена, как и селение, а жители вынуждены переселиться и построить селение на новом месте. Через несколько лет монголы разрушили и это селение, после чего оставшиеся в живых поселились на новом месте и построили селение на месте современного Чирага. На месте первого селения сохранились могилы, которые местные жители называют могилами "шахидов" [9].

"Пребывание монгольских войск во внутренних районах Восточного Кавказа было, очевидно, — пишет проф. А.Шихсаидов, — кратковременным. По сообщению "Тарих-и Дагестан", вскоре после описанных выше событий, монгольские войска вернулись в Дербент. Правитель Рича принял ряд мер, рассчитанных на то, чтобы не допустить повторного нападения со стороны монгольских войск. Этим объясняется строительство крепости Сабаджем ибн Сулейманом летом 1241 года, т.е. через полтора года после монгольского нашествия. В 1250 году, согласно надписи из сел. Рича, была восстановлена ричинская мечеть [9]. Власть монголов в горах не утвердилась и в последующее время. Об этом свидетельствуют не только указанные выше надписи (о восстановлении мечети), но также сообщение Рубрука, относящееся к 1253 году, о том, что аланы и черкесы борются против татар и что "некие сарацины, именуемые ластами (имеются в виду лезгины), равным образом не подчинены татарам" [10]. Таким образом, к 1256 году, т.е. к началу образования государства ильханов (хулагидов), под властью Золотой Орды находилась только узкая прибрежная полоса вместе с Дербентом и его районом. Основная же часть Восточного Кавказа оставалась независимой.

В 1223 году верховный монгольский хаган Мункэ направил огромную армию для дальнейших завоеваний в Передней Азии. Во главе похода стоял его брат Хулагу-хан. В 1256 году войска Хулагу перешли Аму-Дарью, и в 1257 году они подчинили себе Иран. "В феврале 1258 г. Хулагу и его полководец Багу приступом взяли Багдад. 40 дней продолжалась резня: валы, башни, ворота города халифа были разрушены; великолепнейшие здания и научные коллекции преданы огню" [12]. При захвате Багдада убит последний халиф — Мустасим. Абба-сидскому халифату, существовавшему более 500 лет, был положен конец.

Албания оказалась северной окраиной ху-лагидских владений. Ширваншах Ферибурз III сохранил свой престол, лишь признав вассальную зависимость от Хулагидов. Права его были сильно урезаны, и деятельность контролировалась чиновниками эльхана.

В 1256 году в особый улус выделилась территория, в состав которой вошли земли по Аму-Дарье, Иран, ближневосточные области до Евфрата, Закавказье. Улус этот известен как государство Хулагидов. Правитель Хулагидов носил титул эльхан (владыка народа). Столицей эльханов стала Марага, а затем Тебриз. Граница Золотой Орды и государства Хулагидов с 1258 года проходила по Дербенту, лезгинские земли оказались под властью Хулагидов.

Территории государств лезгиноязычных народов Ширвана и Лакза на длительное время стали ареной столкновений двух сильных и жестоких правителей Золотой Орды и эльханов. Внутренние силы Лезгистана не давали никакой возможности оказать ощутимое

сопротивление захватчикам. Кровавые распри между монгольскими ханами начались сразу после образования государства Хулагидов, когда золотоордынские ханы попытались отобрать у Хулагидов Восточный Кавказ, особенно Лезгистан. Целью этой борьбы было овладение плодородными землями Албании — Лезгистана, большими городами с их развитым ремесленным производством и доходной торговлей, транзитными караванными путями.

В 1262 году большая армия преемника Ба-ту-хана Берке напала с севера на Ширван. В 1265 году Берке вновь попытался захватить Ширван, но безуспешно. Он умер во время этого похода, а его войско было разбито Хулагидами и отступило на Северный Кавказ. Затем Дербент захватили войска Золотой Орды во главе с ханом Ногаем [13]. В 1282 году из Шемахи выступил против Ногай Хулагу-хан. Преследуя его, он прошел по территории Восточного Кавказа до Терека [2,5].

Следующие две крупные войны между Золотой Ордой и эльханами произошли в период правления золотоордынца Узбек-хана (1312-1343 г.г.) и эльхана Абу Сайда (1317-1335 г.г.).

В 1318 году Узбек-хан с крупными военными силами двинулся через Дербент в Албанию — Лезгистан. "Войска Узбека беспощадно опустошили и разрушили города и селения; на занятой ими территории грабили мирное население, оскверняли религиозные святыни и производили другие бесчинства" [14]. За первым вторжением Узбека последовало второе, в результате которого "Арран (Албания) был разорен, а часть его жителей угнана в плен" [2].

Кратковременный успех в войне с эльханами за Албанию имел золотоордынский хан Джанибек. В 1356 году он дошел до Тебриза. Однако удержаться там он не смог.

В 1383 году в Ширване вспыхнуло восстание против крупных феодалов и монгольских династий. Был убит ширваншах Хушенг [10]. Воспользовавшись этим событием, оппозиционная аристократия возвела на ширванский престол одного из дальних отпрысков ширваншахов Ибрагима, воспитанного на лезгинских традициях в Шеки.

Ибрагим происходил из знатной, но обедневшей фамилии и был мелким землевладельцем в районе Шеки. Предки его имели отношение к правителям Дербента. Поэтому новая династия, основанная им, стала называться Дербенди (1382-1517 гг.). По преданию, "весть о провозглашении его ширваншахом пришла в нему в тот момент, когда он, уставший от ходьбы за плугом в жаркий день, прилег отдохнуть под деревом в поле" [2].

Ибрагим I был видным государственным деятелем и искусным дипломатом. Он стремился уберечь Ширван от разорения иноземными захватчиками и обеспечить его независимость. Трезво учитывая внешнеполитическое положение и реальное соотношение сил, он избегал вооруженных столкновений со своими более мощными врагами. В то же время Ибрагим часто использовал одних завоевателей в борьбе против других. Даже вынужденный признать власть того или иного захватчика, он добивался сохранения самостоятельности внутреннего управления Ширваном, содействуя тем самым укреплению своего государства. Годы его правления отличаются справедливостью и гуманным отношением к подданным.

В конце XIV в. на Лезгистан с огромными силами обрушились два враждующих между собой завоевателя — золотоордынский хан Тохтамыш и правитель крупного феодального государства в Северной Азии Тимур (1370-1405 гг.), известный на Востоке под именем Тимурленг, т.е. хромой Тимур.

В начале 1386 г. Тохтамыш с 90-тысячным войском вторгся в Закавказье. Пройдя через Ширван и опустошив его, он направился к Тебризу и обманом захватил, ограбил и

произвел бесчинства. Далее большим разорением подверглись Нахичевань, Марага, Маранд, Султанйе и ряд других городов Ирана. Количество уведенных в рабство доходило до 200 тыс. [2]. Только появление войск Тимура из Средней Азии вынудило Тохтамыш отступить из Закавказья. Тимур захватил Тебриз, подверг разграблению и насилию.

Захват Тимуром Ирана создал серьезную угрозу для Ширвана, который не мог противостоять полчищам этого завоевателя. Судьба Ширвана зависела от мудрости ширваншаха. "Нужно сказать, — пишет проф. А.Шихсаидов, — что первый ширваншах новой династии Ибрагим Дербенди оказался на высоте положения, проявил себя как гибкий политик, сумел удачно использовать противоречия своих противников" [15,16]. Заботясь о безопасности Ширвана, Ибрагим Дербенди явился в лагерь к Тимуру. За это он получил богатые подарки и сохранил титул ширваншаха. На него, как на вассала, Тимур возложил охрану от Золотой Орды Дербентского прохода [13].

Покорив Закавказье в 1395 году, Тимур двинул свою армию на север. В битве на берегу Терека он разбил Тохтамыша.

Разгромив Золотую Орду, Тимур в 1396 году все свои силы направил на покорение горских народов Восточного Кавказа. Там, где проходили полчища Тимура, все было залито кровью. Он потребовал от горцев не только обычной покорности, но и отказа от своей веры и принятия ислама [13]. Полчища Тимура прошли, жестоко расправляясь с местным населением, с севера на юг, начиная от Чечни. Всюду Тимур встречал упорное сопротивление народов. Никогда еще, даже после арабского и татаро-монгольского завоеваний, горские народы Восточного Кавказа не переносили таких несчастий и разрушений, как при нашествии Тимура. Его войны были непродолжительны, но отличались исключительными зверствами и кровопролитием [13].

После смерти Тимура огромная империя распалась. Среди его наследников началась борьба за власть.

В Тебризе, Карабахе, Шеки, Мараге и других местах после смерти Тимура произошли народные восстания.

К этому времени Ибрагим I добился самостоятельности Ширвана. Антитимуровские выступления широких масс дали возможность Ибрагиму I присоединить к Ширвану Гянджу и большую часть Карабаха. Началось восстание в Грузии. Грузинский царь заключил союз с ширваншахом.

Войны между золотоордынцами и эльханами, а затем с Тимуридами продолжались более ста лет. В ходе отмеченных здесь крупных военных действий и опущенных нами мелких военных стычек между Золотой Ордой и эльханами на территории Албано-Лезгистана, как справедливо подчеркивает А.Ализаде, "местные жители либо истреблялись, либо в некоторых случаях обращались в пленников-рабов и угонялись из страны" [17].

5.3 ВТОРЖЕНИЕ КАРА-КОЮНЛУ И АК-КОЮНЛУ

При Хулагидах из Средней Азии в Иран пришли племена Кара-коюнлу и Ак-коюнлу, получившие свое название от черного и белого барана, изображенного на их знаменах. После смерти Тимура указанные племена, одержав победу над Тимуридами, положили начало новым государственным образованиям Кара-коюнлу (1410-1468 гг.) и Ак-коюнлу (1468-1500гг.) [5].

Основателем династии Кара-коюнлу был Байрам Ходжа. При Кара Юсуфе, который добился наибольших успехов, в состав государства Кара-коюнлу вошли западная часть Ирана до Куры, часть Армении, Курдистана и Ирана Арабского. Столицей государства был Тебриз [2].

Кара Юсуф стремился подчинить себе и Ширван. В связи с нависшей угрозой нападения со стороны Кара-коюнлу произошло сближение между царем Кахетии Константином, ширваншахом Ибрагимом и текинским правителем Сиди Ахмедом. Их объединенные войска выступили против Кара Юсуфа. Битва произошла в конце 1412 года на берегу Куры. Победу одержал Кара-коюнлу. Ширван был опустошен. Ширван-шах Ибрагим I с семьей и свитой и кахетинский царь Константин попали в плен [2]. Ширваншаху удалось откупиться и продолжать править Ширваном, признав себя вассалом Кара Юсуфа, хотя эта зависимость носила номинальный характер [2].

Борьба Ширвана за свою самостоятельность не прекращалась. После смерти Кара Юсуфа (1420 г.) преемник Ибрагим I — Халилулла I (1417-1462 г.г.) перестал признавать даже номинальную зависимость Ширвана от Кара-коюнлу [2]. В этот период Ширван значительно окреп, а в государстве Кара-коюнлу усилились междоусобицы. Сын Кара Юсуфа Искендер трижды (в 1427, 1430 и 1434 гг.) пытался покорить Ширван, но безуспешно [2].

В 60-х годах XV в. внутреннее положение в государстве Кара-коюнлу ухудшилось: росло недовольство среди крестьян, ремесленников и городской бедноты. Воспользовавшись этим, предводитель племен Ак-коюнлу Узун-Гасан в 1467 году нанес поражение Кара-коюнлу. После этого возникло государственное образование Ак-коюнлу со столицей в Тебризе. Оно охватывало обширную территорию от берегов Куры до Хорасана [2].

Во второй половине XV в. возросло значение Ардебильского феодального владения. Им управляла династия Сефевидов, которая вела свое происхождение от шейха Сефи ад-Дина, жившего в 1254-1334 гг. Для укрепления своих позиций сефевиды стремились сделать учение шиизма государственной религией в суннитском государственном образовании Ак-коюнлу.

С середины XV в. сефевиды активизировали свою политику, стараясь подчинить соседние Албанские земли. Сефевидский шейх Джунейд (1447-1456 г.г.) заключил союз и породнился с Узун-Хасаном. Этот союз был направлен против Кара-коюнлу. Джунейд попытался захватить Ширван и земли Самурской долины. В 1456 году на берегу реки Самур произошло сражение между войсками Джунейда и лезгинами. Джунейд потерпел поражение и был убит.

После смерти Джунейда во главе шиитов стал его сын — шейх Хайдар. Хайдар продолжал завоевательскую политику своего отца. Он тоже породнился с Узун-Хасаном, взяв его дочь в жены. При Хайдаре его приверженцы начали носить на голове чалму с двенадцатью красными полосками в честь двенадцати шиитских имамов. И тогда же шиитские мюриды и приверженцы Хайдара стали называться кызылбашами, т.е. красноголовыми.

Хайдар страстно хотел отомстить за смерть отца. Поэтому, собрав большое войско, он вскоре двинулся на север.

Первый неудачный поход на Ширван он совершил в 1483 году. В 1487 году поход оказался более удачным: в Ардебиль Хайдар привез награбленные богатства и большое количество пленников. Третий поход на север он предпринял в 1488 году. Переправившись через Куру, он быстрым маршем, разрушая встречные города и села, форсировал Самур и остановился у стен Дербента. Сопrotивление дербентцев вынудило Хайдара отступить в Табасаран. В июле 1488 года здесь произошло кровопролитное сражение между кызылбашами, с одной стороны, табасаранцами и лезгинами — с другой. В этом сражении шейх Хайдар был убит. Так бесславно закончил и этот кызылбашский шейх.

В государстве Ак-коюнлу лишь при правлении одного из сыновей Узун-Хасана — султана Иакуба (1478-1490 гг.) жизнь протекала относительно спокойно [5]. В дальнейшем началась полоса междоусобных войн за власть между различными группами кочевой знати. Всего два года смог удержаться у власти в Тебризе сын Иакуба Бай-сунгур (1490-1492 гг.). В мае 1492 года на престол в Тебризе сел один из внуков основателя государства Ак-коюнлу Кара-Иулу-ка-Рустамбек (1492-1497 гг.). Однако он был разбит Геде-Ахмедом, а последний погиб в борьбе с мятежниками в 1497 г. После его гибели началась борьба за власть между сыновьями султана Иакуба — Мурадом, Альвендом и Мухаммедом, приведшая к развалу государственного образования Ак-коюнлу.

5.4. ГРАБИТЕЛЬСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ТЮРКОВ И ТАТАРО-МОНГОЛОВ

Тюркское и татаро-монгольское иго надолго задержало развитие производительных сил Лезгистана. Города и села, разрушенные завоевателями, длительное время представляли собой руины. Сельское хозяйство, ремесло и торговля пришли в упадок. Только на рубеже XIII — XIV вв. наметилось некоторое оживление экономики страны.

Главными органами управления при Хулагидах были центральные ведомства — диваны, которыми руководили визири. Территория государства делилась на военно-административные округа, называемые туменами или нахаиями.

Правящую верхушку державы Хулагидов составили четыре основные группы: эльханы я члены династии, военно-кочевая знать высшее мусульманское духовенство и местные феодальные владетели [2].

Монгольская верхушка захватила большое количество земельных угодий Лезгистана (Албании). Помимо угодий дивана, в собственность хулагидского государства, эльханов и

их родственников перешла и значительная часть пашен, пастбищ и садов, принадлежащая местным феодалам.

В XIII — XIV вв. на завоеванных землях активно использовался институт икта. Пожалованием этих земель эльханы вознаграждали своих военачальников и должностных лиц. Много иктадаров было в районах низменного Карабаха, муганской степи, Ширвана [2].

Часть земель оставалась у крестьянской общины (джамаат). Время от времени она производила переделы пахотных участков. Пользование пастбищами было совместным. В XIII — XV вв. отмечается дальнейшее усиление феодальной зависимости крестьян-общинников.

Монголы уничтожили в Лезгистане оросительные системы и многие плодородные пашни превратили в пастбища.

Горные районы Восточного Кавказа не так страдали от опустошительных нашествий завоевателей, но и здесь хозяйства терпели большие убытки. В период монгольских завоеваний горское крестьянство было лишено возможности свободно общаться с равнинными районами и пасти свой скот на зимних пастбищах плоскости.

Поземельный налог харадж взимался натурой. По данным историка начала XIV в. Вассафа [2], при первых Хулагидах харадж равнялся 70 проц. урожая хлебов и надбавка к налогу (фар) — 10 процентам.

Подушный налог оседлым населением вносился деньгами — от 1 до 7 динаров [2]. Жители облагались специальным налогом для содержания монгольских войск — тагаром [2]. Налагались еще дополнительные налоги — налоги фруктовых садов, посемейная подать, на содержание монгольских царевичей, ханских жен, чиновников и др.

Монголы взимали налоги с исключительной жестокостью. За недоимки пытали, продавали в рабство, доводили до самоубийства. "У тех, кто не мог заплатить, отнимали сыновей и дочерей. Так они (монголы) опустошали и разоряли страну", — пишет летописец XIII в. гянджинец Киракос [2].

Многим крестьянам и ремесленникам, которые не в состоянии были внести налоги, приходилось бросать свои жилища и бежать. Эльханы принимали меры для насильственного возвращения беглых. За ними посылались вооруженные отряды. Если сборщики налогов не находили беглецов, то хватали их жен, подвешивали вниз головой и жестоко избивали.

В интересах феодалов Газан-хан в 1303 году издал ярлык (указ) о прикреплении крестьян к земле, чтобы положить конец массовым побегам. Крестьян, которые в течение предыдущих 30 лет бежали от своих иктадаров, следовало в принудительном порядке возвращать на прежнее местожительство. При этом землевладелец не имел права принимать и укрывать у себя беглых. Крестьянам запрещались переходы с одного места в другое [2].

При монголах также широко использовался рабский труд. Крайне тяжелы для крестьян и ремесленников были отработочные повинности на строительстве дворцов, крепостей, казенных зданий и т.д.

Бесчинства монголов, непосильное налоговое бремя и тяжелая феодальная эксплуатация обусловили глубокий упадок сельского хозяйства и ремесла в Албании. По словам Рашид ад-Дина, летописца XIII в., в начале 90-х годов XIII в. в стране 9/10 земельной площади не обрабатывалось. В городах из каждых 10 домов 9 стояли необитаемыми [2].

Монгольское завоевание затормозило историческое развитие Лезгистана и на некоторое время даже отбросило страну назад. Монгольское иго явилось одной из причин последующей социально-экономической отсталости Лезгистана и других стран Востока.

По уровню своего экономического и культурного развития тюркские племена и монголо-татары стояли значительно ниже албано-лезгинского и других покоренных народов. Вот почему завоеватели постепенно подпадали под влияние культуры этих народов. Тюрко-монгольские племена, поселившиеся в Лезгистане, в дальнейшем ассимилировались с коренным населением, утратив свои прежние особенности [5]. Как пишет Ф.Энгельс", ... при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому хозяйственному положению завоеванной страны Б том виде, каким оно оказывается после завоевания ..." [18].

5.5. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛЕЗГИСТАНА В XII — XV ВВ.

Национальное развитие лезгиноязычных народов в это время происходило в исключительно экстремальных условиях. Гнет восточных поработителей, разорительные войны на территории Лезгистана не способствовали консолидации нации и затормозили начавшийся уже при арабах процесс экономического и культурного развития.

Албания (Лезгистан) в этот период оставалась страной, расчлененной на отдельные княжества — Ширван, Дербент, Лакз, союзы сельских общин в глубине гор и др. Национальной консолидации не способствовали и феодальные междоусобицы. Однако даже в тяжелейших условиях оккупации Лезгистана татарами лезгины сохраняли единство и взаимопонимание во многих областях жизнедеятельности. Этому способствовало и то, что Ширвану в это время удалось сохранить относительную самостоятельность от захватчиков, что давало ему возможность значительно влиять на другие лезгинские регионы в различных аспектах, особенно в культурном.

При сельджуках Ширван и Лакз подверглись единичным набегам, поэтому практически были вне влияния захватчиков. Анализ исторических событий этого периода показывает, что сельджуки в основном осели в северо-западной части Ирана, называемой Атропатеной.

Следует указать и на то, что когда Ширван подвергался нападениям завоевателей, часть его культурных и политических сил входила убежище в горах Лезгистана. Один такой случай описывает А.Шепотьев: "Тюрки появились на Кавказе в середине средних веков (с эпохи сельджуков, 1048-1092 гг.), заняв низовья Куры и Аракса и Карабахские горы, оттеснив местные племена лезгинского происхождения в горные долины Дагестана..." [19].

Профессор А.Шихсаидов указывает на ряд фактов, позволяющих проследить единство лезгинского народа на обширных территориях Восточного Кавказа. В частности, он пишет: "Из сообщения курдского автора XII века Мас'уда сына Намдара видно, что Ширван в конце XI — начале XII века имел довольно большие мирные связи с некоторыми лезгинскими селениями, оказывая на них влияние и через них поддерживая связи мухцами" [20].

И далее: "В конце XI века Ширваншах обращается к жителям некоторых областей Лакза с письмом: "... что касается того, что помянули вы относительно жителей Гуми-ка,... мы уже послали к ним посла и ответите им как можно хорошо, и мы предлагаем вам. чтобы вы взяли решительно за это дело ... и чтобы отряд из них отправился в Куга, и чтобы они заключили с вами договор на верность и поклялись, чтобы тогда мы послали сына

эмира Адуда в одеянии чести, по-яцков, почестей и редкостей, и чтобы мы вернули им залог их... Нет (у нас) ни жажды к хараджу их, ни надежды на помощь их... Пошлите к ним послов, обратитесь с ними весьма любезно, обещайте им от нас всякого рода выгод (удач), великой славы..." [20]. "Письмо это, — пишет А.Шихсаидов, — отразило один из моментов, когда в исламизации лакских районов Ширван играл активную роль и привлекал к этому делу принявшие ислам лезгинские селения" [9].

Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Ширваншах обращается к лезгинам с письмом. Это говорит о том, что среди лезгин было много грамотных людей, и общались они между собой, по-видимому, используя арабскую графику. Изложенное также свидетельствует, что при татаро-монголах продолжается, даже ускоряется процесс исламизации Восточного Кавказа, а лезгины играют в этом деле активную роль. В XIII — XV вв. фактически в подавляющем большинстве населенных пунктов Лезгистана функционируют мечети. Одной из старинных мечетей Ширвана (части Лезгистана) оставалась мечеть, носящая название "Лезги мечеть" [5], построенная в 1162 году в Баку.

О том, как переплелись в это время история и судьбы Ширвана, Лакза, Дербента и горных селений, говорится и в сочинении Мухаммада Хиналугского (XV в.), представителя лезгиноязычных народов. Сочинение Хиналугского, — пишет проф. А.Шихсаидов, — без названия приведено во II томе АКАК [22]. В конце сочинения Хиналугский оставил интересную запись о том, как оно создавалось: "Перенес все это из древнего родословного дерева, верного, которое находилось в руках Касим-бека, сына Махмуд-бека, сына Афросим-бека... в крепости Ахир Докузпара... Я, низжайший, уповающий на милость бога всевышнего Мухаммад Хиналугский, — да простит меня господь — в году 861 пророческого перехода (1456 г. ст р.х.), запись эта сделана в присутствии свидетелей (до 220), среди которых были "почтенные люди" из селений Куруш, Маза, Чикчик, Кураг, Рутул" [9].

"Большое место в сочинении уделено, — пишет проф. А.Шихсаидов, — деятельности некоего Султана-Кершаспа, правителя Ширвана. Это он дал убежище эмиру Эльфа, сыну уцмий кайтагского султану Мухаммад-хану. Сын же его, Мухаммад-бек по приказанию Султана-Кершаспа отправился управлять одной крепостью в округе Докузпара" [9]. Султан-Кершасп, деятельность которого столь тесно связана с лезгинскими селениями, — это шейх Ибрагим I ибн Мухаммад Дербенди, основоположник четвертой, дербентской, династии ширваншахов, правивших в 1382-1417 г.г." [21].

"Таким образом, — пишет проф. А.Шихсаидов, — сочинение Мухаммада Хиналугского проливает свет на сторону деятельности Ибрагима I Дербенди — на политические связи с дагестанскими правителями, на взаимоотношения с лезгинскими селениями. В сочинении Мухаммада Хиналугского ясно показано, что лезгинские селения и общества в районе долины реки Самур в конце XIV и в начале XV в. находились в политической зависимости от Ширвана и последний оказывал большое влияние на экономическое и культурное развитие Лезгистана в целом. При этом на обширных территориях правители "царств" и областей имели друг с другом родственные связи. Так, например, по сообщению Мухаммада Хиналугского, в Ахтах поселился внук его Хасан-бек; в Хнове — внук его Мухамуд-бек; в крепости Ахир — сын его Эльчав Ахмед-бек и т.д. Следующее поколение обосновывается в Курахе, Кюре, Табасаране" [22].

Сведения о политических связях лезгинских селений Лакза и Ширвана находят подтверждение в эпиграфических материалах, согласно которым зависимость Ахтов, например, имела место при Ширваншахе Халилуллахе I (1417-1462 г.г.) [23].

Значительные политические связи ряда лезгинских районов Лакза с Ширваном были не только при шейхе Ибрагиме I Дербенди (1382-1417 г.г.) и Халилуллахе I (1417-1462 г.г.),

но также при Фаррухе-Иассаре (1462-1500 г.г.), когда Ширван достиг наибольшего расцвета и могущества.

Рис. 5.4. Сел. Ахты Ахтынского района. Владелец крепости ширваншах Халилулах.

Как было показано выше, во время наступления завоевателей с юга часто цари и эмиры страны и областей Лезгистана свои семьи, особенно детей со свитой (обслуживающим персоналом), отправляли в горы. Если завоеватели достигали и горных долин, то отпрыски царских и эмирских семей скрывались в горах вдали от крупных населенных пунктов. Иногда на таких стоянках создавались новые населенные пункты. И.Гусейнс считает, что селение Хкем нынешнего Ахтынского района основано таким образом [24].

И.Гусейнов отмечает, что название селения Хкем произошло от слова "хаким". Кроме того, он указывает на ряд других фактов, которые позволяют согласиться с его утверждением. В частности, И.Гусейнов отмечает, что в селе существует только два тухума кьабанар и кьачхарар, один из которых произошел от шахской (эмирской) линии, а второй — от обслуживающего персонала. Кстати, в старину эти два тухума практич. ски не роднились между собой и село четко делилось и территориально: одна часть селения составляла один тухум, другая — другое тухум.

Следует указать и на такой факт: имя Хаким является старинным в селе, передается из поколения в поколение.

На этническую и культурную общность села Хкем с Албанией (Ширваном) указывает и то, что до разорения горного села путем насильственного переселения его жителей в 60-е годы советского периода в различные места по Дагестану в нем аккуратно выпел нались многие языческие обряды, связанные с огнепоклонством.

В детстве я был участником "Яран Сувар процессии вызова дождя в сухое лето ("Пешепай") и в ритуале приостановления дождя в дождливое лето. Участвовал также и в ритуале разноса подарков девушкам в "Яран Сувар" от молодых парней, причем опускали подарки через дымоходы. В доме женщины гадали, от кого подарки, и "прикидывали" женихов своей дочери. Девушка обычно знала, от кого подарки, но скрывала от родителей...

Эти и другие события, связанные со старинными народными обычаями, вызывают яркие, светлые воспоминания. Когда теперь читаю "Историю лезгин" Ризвановых, особенно "Приложения" к ней, создается впечатление, что все они были записаны со слез моей бабушки.

Подтверждением мысли И.Гусейнова о происхождении села Хкем может служить и ритуал проведения свадьбы.

Поскольку на новом месте в горах "переселенцы" не имели никаких развлечений, они пытались как-то приукрасить свою жизнь организацией увеселительных мероприятий.

Следует сказать, что Хкем является старинным селом. Об этом говорят обширные могильные холмы, расположенные в нескольких местах недалеко от села. К сожалению,

никаких археологических раскопок, ик и во многих местах Лезгистана, в селе Хкем не проводилось.

В селе жил дружный и трудолюбивый народ. Я знал его при колхозном строе. Во время войны село объединяло 60-70 хозяйств. В колхозе было около 5-6 тыс. овец, 200 дойных коров, табун лошадей, а позже организовали и птичью ферму. Выращивали превосходную пшеницу, которая славилась по всему району.

Хотя в селе был сельсовет, но делами фактически управляли 5 — 6 аксакалов.

Их коллективное решение было законом для всех. Если возникали какие-нибудь женские проблемы, то они решались уважаемыми всеми женщинами пожилого возраста. Большое почитание имели старшие.

Мечети в селе не застал, там размещался колхозный склад. В селе было несколько неофициальных" мулл, которые совершали религиозные дела.

В сельсовете и в руководстве колхоза работали инициативные и добросовестные люди. Колхозом руководил Ферзали-халу, зобрейший и честнейший человек. Хотя он был малограмотным, но дела в колхозе вел очень квалифицированно и с большим знанием дела. Если бы не он, то во время войны чанам пришлось бы очень туго. В те суровые годы в селе не было не только голода-оших, но жители во главе с председателем колхоза активно помогали фронту.

Партийной организацией села в это время: руководил мой отец — Абдуррагимов Аслан, директор школы. Естественно, отец активно помогал Ферзали-халу.

Помню, приходили из района люди, агитировавшие переселиться на чеченские земли. Упорно настаивали, проводили даже собрание жителей, но отказ был твердый: "Нам такого добра не надо, на чужую землю не пойдем". Бытовые условия в селе были иные, поэтому соблазняли таким "добром". Не поддались, решили в самом селе создать условия, благо, в селе были инициативные и деловые люди. Об этом говорит такой факт. Сразу после войны построили электростанцию, электрическую мельницу, работала и электромолотилка. Село и фермы были электрифицированы. Я видел с каким титаническим трудом сельчане подняли в горы по серпантину и бездорожью на санях бычьей тягой жернова электрической мельницы толщиной 40 см и диаметром 200 см.

В селе стали появляться приемники, строили большие социальные планы. Однако вскоре все это было порушено, начались переселенческие процессы. Наше село не хотело переселяться. Тогда совершилось "тихое насилие". Основной тягловой силой были лошади и ослы. На них наложили такой налог, что держать их стало совершенно невыгодно. Лошадей продали, а ослов пустили на волю. А что было делать? Покупать их никто не хотел. Ослы стали травить посевы. Тогда высокие чины района по указке из Махачкалы нашли "хороший" выход: пришли с автоматами и уничтожили их. Что же оставалось делать людям высоко в горах без тягловой силы? И разбежались кто-куда...

Свадьба в селе была большим событием. Фактически все в селе прекрасно знали друг друга. Поэтому образование новой семьи не представляло больших проблем. Молодые присматривали друг друга на свадьбах, коллективных мероприятиях, в поле и в самом селе, поскольку молодежь устраивала себе ким (место для сбора и обмена информацией) в тех местах, откуда просматривались дороги, по которым женщины ходили за водой с кувшинами. Хождение за водой было желанным занятием девушек. Они с удовольствием занимались этим делом, поскольку у источника можно встретить подружку, поделиться новостями, да и показать себя, свои новые наряды.

После того, как молодые люди "изберут" друг друга, где-то они умудрялись "негласно" встретиться и поделиться своими чувствами. Парень старался получить согласие девушки,

чтобы прислать сватов. Это было очень важно, поскольку сваты не пойдут к родителям девушки, пока они достоверно не будут знать о намерениях молодых и решении родителей. Считалось позорным, если пойдут на сватовство и не получают согласия родителей девушки.

Понятия калыма в селе не существовало, однако родители жениха обязаны были помочь в организации свадьбы в доме невесты. Для этого в дом невесты посылали барашка, масло, рис и другие продукты, необходимые для организации свадьбы.

Родители девушки задолго готовили приданое для девушек — это практически все, что необходимо было молодым для организации самостоятельной семьи.

Свадьба начиналась с того, что рано утром музыканты поднимались на крышу дома жениха (благо — крыши плоские) и играли "сегъерар" — специальные музыкальные народные произведения удивительной красоты и мелодичности. Продолжалось это мероприятие часа два. После чего все в селе знали, что в таком-то доме началась свадьба, и все настраивались на свадебный лад.

С 12 часов дня начинался сбор почетных гостей — человек 10-15, наиболее близких для этой семьи, присутствие которых на свадьбе от начала до конца обязательно. Все гости из других сел также считались почетными. Для приглашения почетных гостей существовал особый ритуал. Музыканты с близкими родственниками, молодежью села ходили к дому почетного гостя, играя и останавливаясь для танцев. Обычно остановки делались на различных кимах, где собираются старики для обмена информацией и коротать время.

Когда процессия подходит к дому почетного гостя, перед домом танцуют, и приглашаемый выносит свой подарок молодоженам, показывая всем. Подарком обычно был либо отрез добротного материала для платья или костюма, либо нарядный большой женский платок. Часто дарили и то, и другое. Это зависело от состоятельности семьи. Подарки привязывали к длинной палке и, как флаг, несли к дому жениха. Когда почетный гость приходил к дому жениха, его угощали шашлыком и шербетом — ароматным и сладким напитком, приготовленным по специальной технологии. Так собирали всех почетных гостей села.

Гости из других сел останавливались недалеко от села на видном месте, показывая, что они пришли. Тогда практически все село с музыкой шло встречать почетного гостя. Таким образом, первый день посвящался сбору почетных гостей. Они занимали на свадьбе особое положение. Любые их желания, естественно, исполнимые, должны быть выполнены. Для этого к ним прикрепляли 2 — 3 человека из родственников жениха, которые "опекали" почетных гостей, обслуживали их и исполняли их желания.

Вечером в день почетных гостей проходил "той", где, собравшись всем селом, танцуют до 11 — 12 часов ночи. Танцы в основном парные — мужчина и женщина, но иногда были и коллективные — танцевала преимущественно молодежь, желая показать себя и свое искусство.

"Той" был великолепным зрелищем, поскольку в селе любили танцевать и имели великолепных танцоров. Каждый старался приготовить оригинальный танец, постоянно совершенствовал свой "коронный" танец, вводя в него все новые оригинальные элементы. В селе было около 20 человек, которые "состязались" между собой в танцевальном искусстве. Поэтому некоторые оригинальные танцы получали названия их исполнителей: Шибей, Ахмад-халу и т.д. Эти танцы практически трудно было повторить другому — настолько они были оригинальны в исполнении и характеризовали танцора. Весь народ с интересом, активно участвовал в таких мероприятиях, поскольку разыгрывались в естественных условиях танцевальные спектакли. Естественно, каждый танец

сопровождался специальной музыкой. Музыканты, зная, кто будет танцевать, играли "его" музыку.

На второй день перед домом жениха на открытой площадке звучала музыка и молодежь танцевала до обеда. К этому времени выяснялось, что 2 — 3 человека из почетных гостей "обиделись" и ушли со свадьбы. Обычно они уходили из села и устраивались со своими друзьями недалеко от села. От них отправлялся к тамаде свадьбы "посол", который сообщал тамаде, кто и почему обиделся, поэтому "ушел" со свадьбы и находится там-то. При этом "обиженный" почетный гость выставляет условия, способные сгладить "обиду". Перечень этих требований, изложенных письменно (иногда и устно), передавался тамаде и родителям жениха. В доме жениха требования почетного гостя должны были точно исполнить. Одно из них — это заказ два хьунча — два подноса со сладостями: один для почетного гостя, другой для молодежи. Остальные требования зависели от фантазии "обиженного". Он мог потребовать, например, чтобы отец жениха превратился в медведя, а мать — в "пешепай". "алапехь". Кто-нибудь из ближайших родственников, одевшись соответственным образом (по указанию почетного гостя), должен был приехать к нему на ослике, сидя задом наперед и т.д. После всех приготовлений участники свадьбы, особенно молодежь, с музыкой шли к месту, где остановился почетный гость. По дороге "медведь" ("ала-пехь") "искупаются" в родничке, запачкают себя. По приходу на место они старались -поймать "обиженного" и "приласкать" его ... Подносы со сладостями (кьунча) обязательно должны быть показаны "почетному гостю", чтобы он удостоверился, что его "пожелания" исполнены. А молодежь по дороге старается растащить все, что имеется на подносах. Чтобы в сохранности доставить • кьунча", их охраняют специальные охранники с особыми полномочиями. Они могут дать тумачков "вору", если тот попадет под руку, а последний не имеет права обижаться в этом случае...

Когда процессия доходит до "обиженного" гостя, тот осматривает, все ли исполнено, а затем со "своего" подноса угощает присутствующих. Сладости с другого подноса доставались молодежи и детям. После "примирения" сторон почетный гость танцует и все возвращаются в дом жениха. На каждой свадьбе бывало 2 — 3 таких "обиженных" гостя. Пока не соберут всех почетных гостей, нельзя было идти за невестой.

Перед тем, как идти за невестой, устраивали джигитовку со стрельбой холостыми патронами. Победитель получал приз.

Джигиты являлись вестниками и о том, что идут за невестой, а когда возвращались с невестой, они опять соревновались между собой и победитель получал подарок.

За невестой от дома жениха ходили всем селом, играя и танцуя. Причем женщины пели специальные свадебные, шуточные и любовные песни, например, "Перизада? — гьай позел яр".

Придя к невесте, перед домом ее танцуют ближайшие родственники жениха и невесты, показывая тем самым, что они дружны и будут жить в согласии. После нескольких танцев под специальную музыку начинался показ приданого невесты. Специальная женщина или родственница невесты, став на высокий постамент, показывала всем придана. Обычно это продолжалось около часа, после чего игралась музыка для вывода невесты. При выводе невесты кто-нибудь из двоюродных братьев или сестер загоразживал двери, требуя выкуп, называя желаемое. Если вещи, которую просят, нет, платят соответствующую сумму денег. После этого невесту выводят из дома и сажают на красиво украшенного коня, и процессия направляется с музыкой к дому жениха. По селу в 2 — 3 местах им загоразживают дорогу, требуя свадебных подарков. По дороге женщины продолжают петь песни, а в определенных местах в селе процессия останавливалась и начинались танцы.

У дома жениха хозяином положения становится тот, кто держит уздечку коня на всем пути, и его "требования" должны были быть удовлетворены. Когда невеста слезает в коня, ее осыпают сладостями — символ того, что жизнь будет счастливой и сладкой.

Невесту сопровождают две женщины — "янгиар", обслуживая ее до прихода жениха. Вечером начинается "той", который продолжается до тех пор, пока не придут представители жениха и невесты. Их появление означает, что с молодыми все обстоит хорошо и девушка непорочна. Представители девушки и жениха должны были "показать" это совместным танцем. Вскоре после их танца (жениха представляет мужчина, а невесту — женщина) "той" кончается.

На следующий день свадьба продолжается у ближайшего родственника жениха — обычно у дяди. Там — "резиденция" жениха, где он веселится со своими друзьями весь день.

Следует сказать и о том, что с приводом невесты в дом, жених становится уязвимым. С этого момента его или его одежду можно "украсть", чтобы получить выкуп. Поэтому жениха "охраняют". В таком состоянии он находится весь следующий день. В его "резиденцию" у дяди обычно приглашают почетных гостей и ближайших родственников жениха. Они целый день веселятся, танцуют, а хозяин дома их полностью обслуживает.

Естественно, что 2 — 3 человека, особенно из друзей жениха, умудряются "украсть" жениха или что-нибудь из его вещей. Тогда "вор" уходит в другое место и требует выкуп. "Вор" по своему усмотрению может "наказать" хозяина дома и охранников жениха, организуя с их помощью увеселительное мероприятие. "Вор" заставляет их петь, танцевать, показывать свои возможности, чтобы повеселить публику.

Если "вора" охранники жениха поймают, то его тоже могут наказать, как им заблагорассудится. Основное условие "наказания" — развеселить публику, показать оригинальные номера.

Жених не может идти вечером второго дня к невесте, если кто-нибудь из "воров" остался неудовлетворенным. После разрешения всех проблем жених уходит к молодой жене, а друзья продолжают веселиться на "тое".

Вечером четвертого дня в доме жениха собираются все почетные гости, ближайшие родственники и друзья жениха, и опять устраивается веселье и угощение. В это вечер они получают подарки и сладости от невесты, давая в свою очередь невесте деньги, кто сколько сможет. Деньги идут только на нужды молодой семьи.

Фактически этим завершается свадьба. Однако невеста не может и не имеет права ходить к своим родителям, пока последние не пригласят своего зятя к себе. Это обычно происходит в течение месяца. Родители девушки приглашают зятя, его родителей и ближайших родственников и устраивают небольшую вечеринку с музыкой и танцами. Зять несет подарки своим новым родственникам, а те в свою очередь, одаривают молодых. После этого новая семья становится полноправным членом села.

Приведенные примеры с большой достоверностью доказывают, что на обширных территориях Ширвана, Дербентского эмирата и Лакза жил единый народ, представители которого, в том числе и политические деятели которых находились в родственных связях. Поэтому эти регионы оказывали друг на друга культурное влияние, а в экстремальных случаях — необходимую военную помощь, что подтверждается и исследованиями проф. Магомедова, который пишет "...Народы Дербентского княжества, Лакза чувствовали свою близость к ширванскому населению и чутко прислушивались к событиям в Ширване, оказывая помощь друг другу" [9].

5.6. НАУКА И КУЛЬТУРА ЛЕЗГИСТАНА В XI — XV ВВ.

В этот период арабский язык по-прежнему монополично господствует в рукописях и сочинениях богословского и другого содержания.

Из мусульманских стран Востока в Лезгистан поступала обширная литература на арабском языке. Она охватывала различные стороны богословия, мусульманского законоведения, основанного на Коране, а также историю, географию и точные науки. Местные алимы усердно переписывали эти книги, пользовались ими и бережно хранили в личных библиотеках. Конечно, преобладающей была литература, посвященная исламу, различным догмам ислама, законам шариата. Так, например, в XIII в. в Цахуре широкое распространение имели две книги средневековых арабских авторов: "Китаб ал-Имам аш-Шафии" ("Книга имама аш-Шафии") и "Мухтасар ал-Музани фи фурай ал-шафийиа" ("Компендий Музани по отделам шафиитского учения") [25]. Первая — многотомное сочинение имама Шафии (767 — 820 гг.), основателя одного из правоверных толков ислама — шафиитского. Книга эта о главных догматах ислама. Второе сочинение также является одним из важных пособий шафиитов и принадлежит Исмаилу ибн Яхье ал-Музани (умер в 877 — 878 гг.), одному из первых, наиболее популярных писателей шафиитского толка. Эти книги, переписанные местными алимами, хранились в их личных библиотеках.

На арабском языке создавались произведения местных авторов, в частности исторические. Особой популярностью пользовалась региональная историография. Знатоки арабского языка собирали сведения, относящиеся преимущественно к истории какого-либо населенного пункта, области. Эти хроники передавались от отца к сыну, от ученого к ученому, дополнялись фактами, принимали новую редакцию. К таким произведениям относится, как было отмечено выше, хроника древнейшего лезгинского аула Ахты — "Ахты-наме" (X в.).

Около 1106 года в Дербенте была составлена его история под названием "Тарих Бас ал-абваб". В этом сочинении рассказывается не только о Дербенте, но и о других районах Лезгистана. Имя автора до нас не дошло. Оригинал сочинения также не найден. Оно было в сокращенной форме переписано знаменитым турецким историком Ахмедом ибн-Лут-Фуллахом, прозванным Мюнеджим баши ("главный астроном"), который включил сведения о Дербенте в свой многотомный труд.

Большой популярностью на Восточном Кавказе пользовалась хроника, условно названная "История Абу Муслима". Еще до недавнего времени она ходила во многих списках в горных селах Восточного Кавказа. Списки ее обнаружены в Риче, Гельхене, Цудахаре. Автор "Истории Абу Муслима" не известен. В различных списках хроники даются две различные даты сочинения: начало XIII в., а также первая половина X в. Проф. А. Шихсаидов считает, что последняя дата более правдоподобна [9].

Приведенные данные показывают, что честные авторы интересовались не только чисто религиозной литературой и историей, но также другими науками, далекими от учения ислама. Особо важно то обстоятельство, что эти авторы живо интересовались историей своего народа.

Лезгистан дал ряд выдающихся ученых, известных за его пределами. В исторической и географической литературе сохранился о них ряд сведений. В XII в. Насир Хосроу, автор известного "Сафар-наме", пишет об Абу-у-Фадле Халифе ибн Али, который родом из Дербента как о крупном ученом-философе, жившем в Восточных странах.

Знаменитый путешественник Ибн Бутту-та (умер в 1377 г.) оставил интересные сведения о столице Золотой Орды — Сарае, где между наставниками из шафиитов есть там правовед, достойный имам Садредин Сулей-ман ал-Лакзи, один из отличнейших

людей" [27]. Иакут также рассказывает об ученом Мусе ибн Юсуф ибн Хусейн ал-Лакзи, ученом из Лакза (Лезгистана), "городка" близ Дербента [28], который жил на Арабском Востоке.

Иакут в своем "Словаре стран" сообщает также о Хакиме ал-Лакзи ад-Хунлики ад-Дербенди, жившем в середине XII в. в Бухаре [9].

Назовем еще одно имя — Авзал ад-Дин Хунеджи (1193-1248 гг.). О его научных интересах говорят названия его работ: "Алмуд-жез фи-л-мантиг" ("Очерки по логике"), Джумел фи-л-мантиг ("Фразы по логике"), Кашф ал-асрар ан гамавид ал-афкар ("Раскрытие тайн в темных местах мыслей"), "Макала фи-л-худуд ва-р-русум" ("Статья о хвалах и изобретениях"), "Шарх ма калеху ар-Раис Ибн Сина фи-и-набд" ("Разъяснения высказываний Раиса Ибн Сина о пульсе"), "Анвар ал-хамийат" ("Природа температуры") и другие [5].

В Албании (Лезгистане) при шахе Ибрагиме I Дербенди и его преемниках были известны еще ряд ученых в различных областях науки и литературы. Назовем некоторых из них: Абу-Омар из Дербента, Абу-Фази из Гянджи, Юсуф из Ширвана, Камал-уд-Дин из Ширвана, Мухаммед из Ширвана, Юсуф из Куткашека, Мелик из Кюры, Ибрагим из Мюшкюра, Факир из Мискинджи, Мухаммед из Мюшкюра, Э-к-бер-Вели из Ахцаха и другие. [10].

Выходцы из Лезгистана становились государственными деятелями в других странах. Один из них — Мехмет Шукруллах Ширван. Он был влиятельным государственным деятелем, приближенным падишаха, служил Фатихху Султан Мехмету (Турция). Умер в 1485 году в Стамбуле. Могила находится на территории мавзолея шейха Вафа [29].

В 1454 году в Баку умер Великий ученый и богослов — Яхья Ширвани. Последний был основателем и наставником организации "Халватийа" накшбендийских тарикатистов. Его произведения: "Аслар ат-талибин", "Шифа ал-асрар", "Асрар ал-вахи", "Кашф ал-кулуб", "Маратиб ал-асрар ал-калб", "Асрар ал-Вуду", "Румузат ал-Ишарат", "Маназилал-Арифин", "Шархал-асма Саманийа", "Шарх ал-суалат Гюльшан-Зар", "Атвар ал-калб", "Илм ал-лудун".

Крупным ученым математиком своего времени был Фетуллах Ширвани. Он скончался в 1453 году в Кастаману. Его произведения: "Хай-ийа-талвих", "Хашийа Мувафик", "Шарху Ашкали Тасис", "Ха-шийа-и шархи Чагмин".

Большинство албано-лезгинских поэтов и в рассматриваемое время продолжали создавать свои произведения на персидском языке. Наиболее ранним из них является Зульфугар Ширвани. Он родился в 1190 г. в г. Шемахе. Зульфугар Ширвани написал "Диван" из десяти тысяч бейтов [30], посвященных различным сторонам жизни.

В конце XIV — начале XV века жил и творил также персоязычный албано-лезгинский поэт Бадр Ширвани, родившийся в гор. Шемахе в 1387 г. Характерной чертой его творчества является изложение исторических событий своего времени, в частности, разгрома гор. Шемахи [30].

Трудно без волнения читать стихи Мелика Кюреви (1340 — 1410 гг.), который на себе испытал татаро-монгольское иго. Как отмечает Г.Гашаров [31], когда Тамерлан вторгся в Лезгистан, Куьре Мелик жил в Курхуьре. Поэт попытался организовать сопротивление татаро-монголам, немало успел в этом деле, однако враги схватили его, его товарищей и стали издеваться над ними. Мелика подвергали физическим истязаниям, обжигали его раны и глаза огнем, вследствие чего он ослеп. Когда захватчиков погнало лезгинские отряды, Мелика Кюреви нашли в темнице истерзанного и ослепленного. Произведения Мелика Кюреви в основном и ориентированы на призыв к защите Отечества.

КЪУЛ ХУЪЗ ЭКЪЕЧІ

*Эй, лезги халькъ, душман винел атана,
Къарахъ кГвачел, къул хуъз экъечІ!
Им нубатдин завал къилел атана,
Къарагъ квачел, къул хуъз экъечІ!*

*И душманар киц!ерилай пехъи я,
Къаф дагъларин рагарилай векъи я,
Им гъуцари чаз гайи гъакъ — гъакъи я.
Къарагъ кГвачел, къул хуъз экъечІ!*

*Татар ханар, магъул ханар ац/ана,
Чи дереяр кур сесери атЫна,
Шумуд лезги женгерикай хтанач.
Къарагъ к/вачел, къул хуъз экъечІ!*

*Гъар са натай япуз къвезва гъарай, гуж.
Акъудзава рикІ, лугъузва, хурай, гуж:.
Къейидан ван хквезвалда сурай, гуж:.
Къарагъ кІвачел, къул хуъз экъечІ!*

*Лезгидин тур хци я хъи чІар атІуз,
Чин уьлкведин жив хъиз лацу чар атІуз.
Душмандиз хъи къалумир куъ тІеар ажуз.
Къарагъ кІвачел, къул хуъз экъечІ!*

*Куьре Мелик кузва хъи цІай акъуна,
Къвезвай завал яргъа амаз акуна.
Вил эцигмир гъуцари гур гъахъунал.
Къарагъ кІвачел, къул хуъз экъечІ!*

ВЫХОДИТЕ СПАСАТЬ ОЧАГ!

*Эй, лезгины, на нас напал враг,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!
Это очередная беда, которая пришла к нам,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!*

*Эти враги злее, чем бешеные собаки,
Грубее скал Кафских гор.
Такую долю нам определил бог,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!*

*Татарские ханы, монгольские ханы — их
полно,
В долинах наших слышны вопли и стоны.
Много лезгин не вернулось с поля брани,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!*

*С каждой стороны слышны крики,
слухи о насилии,*

*Говорят, сердца вырывают с мясом,
о горе!
Стон заживо похороненного слышен из
могилы,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!
Меч лезгина остр — он режет волос с
первого прикосновения,
Он режет так, как китайскую бумагу,
Не показывайте себя врагу слабым,
о народ,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!*

*Кюре Мелик горит в пламени,
Он предвидел беду, когда она была
еще вдалеке.
Не жди спасенья от бога,
Вставайте, выходите спасать свой очаг!*

(Подстрочный перевод Арбена Къардаша).

Мелик Кюреви не только зовет защищать Родину, но и считает при этом необходимым быть храбрыми и никого не бояться.

*Гъамиша хъухъ викГегъ, кьегъал,
Тарланрикай хкудмир жув.
Са чГавузни жемир бейгъал,
Асланрикай хкудмир жув...*

*Душман такваз жемир аси,
Са гьунардал жемир рази.
Кьегъалвал я бубад рузи
Халкъдин виляй авудмир жув...*

*Будь всегда смелым и храбрым,
Соколом всегда оставайся.
Никогда не будь слабым и хилым,
Львом всегда оставайся...*

*Не упускай из вида врага,
Одним успехом не будь доволен,
Твое мужество — гордость отца,
Не позорься в глазах народа...*

(Подстрочный перевод Арбена Къардаша).

В другом произведении Мелик Кюреви призывает людей к добру, справедливости и говорит, что не следует стремиться к богатству, поскольку, имея богатство, человек теряет покой и сон.

.....
*Къизил авай араб халиф,
Ахвар тийиз са югъ, са йиф,
Къуразвалда рикквас циф
Вун бахтунин рекъе хъухъ*

*Тарашчияр ава шумуд,
Девлетрик кваз вири умуд.
Къизил кIватIиз жемир кубут,
Вун бахтунин рекъе хъухъ...*

*Арабский халиф, имеющий
много золота,
Не спит ни ночью, ни днем,
А сохнет с туманом в душе
(от жажды богатств),
А ты будь в пути к счастью.*

*Захватчиков много на земле,
Жаждающих богатств и благ.
Не будь глупым, собирая золото,
А будь в пути к счастью...*

(Подстрочный перевод Арбена Къардаша).

Отражение героической борьбы лезгинского народа против татаро-монгольского нашествия находим и в фольклоре. Песня Каменный мальчик" повествует о героизме мальчика-пастушка, отказавшегося указать дорогу войскам Тимура, которые заблудились и остались без воды и хлеба. Когда Тимур предложил ему золото, мальчик воскликнул:

*Падишах, мне золота не надо!
Если недруг золото предложит,
Сын родную мать продать не может,
Родину продать народ не может,*

Тимур приказал выколоть мальчику глаза и отрезать язык. Мальчик превратился в скалу, которая напоминает врагам о неподкупности, бесстрашии лезгин и их готовности пожертвовать своей жизнью за родину.

*Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты в бою погибнув, стань скалою.*

Богата чувствами любовная лирика поэтессы Миграгъ Къемер (XV век). Она родилась в богатой семье, но личная судьба ее была трагичной. В 17 лет она полюбила своего ровесника, парня из бедной семьи. Родители ее отказали в браке с бедняком. Тогда Къемер и Султали, ее избранник, решили бежать. Об этом стало известно ее отцу. Местный ковха в сговоре с отцом Къемер обвиняют Султали в воровстве и гонят из села, а Къемер отец отдает второй женой за ковха, у которого были уже взрослые дети.

О своей боли, о неразделенной любви пишет Къемер в произведениях "Кузва, лагъ, гум ахъатиз" (Скажи, горю синим пламенем), "Ишехъ, Къемер, чуьнгуьрд симер" (Плачь, Къемер, играя на чунгуре).

В XIII в. арабский язык нашел сравнительно широкое распространение в Лезгистане, даже в таких глубинных районах, как верховья Самура. Как отмечал еще Ханьков, некоторые надписи, обнаруженные здесь, указывают на философские и литературные представления в горном Лезгистане в XIII веке. Например, в Лучеке обнаружена надпись XIII в. [32] следующего содержания: "Вы воздвигаете здания, в которых вы не будете

жить. Вы копите богатства, коими вы не будете пользоваться. И вы рассчитываете на то, что Вы не найдете. Так, изнашивая платья, употреблением, можно быть уверенным, что не украсишь его. Это изобразил Лахут Али сын Гиблита" [24].

Процесс проникновения ислама в Лезгистан был неравномерным и продолжался в течение столетий. Раньше всего ислам упрочился на Восточном Кавказе в Лезгистане. Если в середине X в. "армяне, лакзы и другие неверные" выступают против мусульманского правителя Албании (Лезгистана), то в начале XIII в. среди лакзов (лезгин), как сообщает историк Ибн ал-Асир, были и мусульмане и неверующие [7]. В течение XII — XIV вв. ислам получил здесь широкое распространение, о чем свидетельствует масса памятников арабской эпиграфики, относящихся к этому времени. Как сообщает автор XIII в. Закарийа ал-Казвини, у читателей "главного города Лакзан" Цахура был "хатиб" (т.е. проповедник), который молился с ними, и кадий, который разбирал тяжбы между ними по учению имама аш-Шафии... Жители этого города все шафииты".

В селении Тпиг полукуфическая надпись XII — XIII в. сообщает о восстании жителей соседних селений; ричинские надписи XIII в. дают яркую картину борьбы местного населения против монгольских завоевателей.

В сел. Цахур хранится надпись о сражении цахурцев против турок и правителей Рутула в XV в. [9].

Особое развитие получают ремесла и прикладное искусство. Ткани, одежда, обувь, ковры, паласы, сельскохозяйственный инвентарь, кожи, глиняная посуда, украшения, предметы домашнего обихода, военное снаряжение — все изготовлялось, в основном, на месте. Каждый народ лезгинской группы: лезгины, цахурцы, рутулы, агулы, табасаранцы, хиналуги, крызы, будухи, ар-чины, хепуты производил различные изделия домашнего ремесла. Однако постепенно отдельные аулы превращаются в центры производства только определенных изделий, происходит специализация производства.

Татаро-монгольское нашествие тяжело отразилось на лезгинском ремесленном производстве. Важнейшие ремесленные центры оказались разрушенными. До нашествия монголов по всему Восточному Кавказу была распространена лезгинская бирюзовая керамика. Центр керамического искусства — Кала был разрушен завоевателями, многие ремесленники уведены в плен [13].

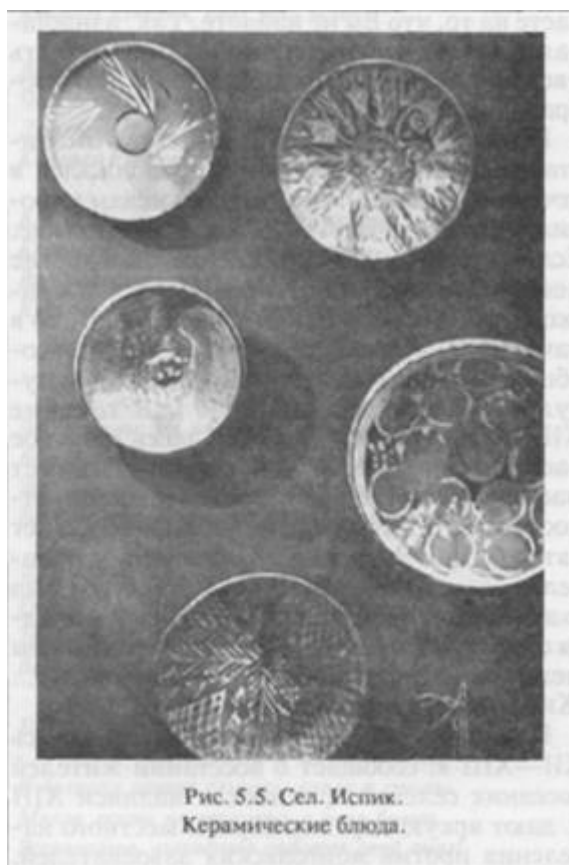

Рис. 5.5а. Мемориальная плита XII-XIII вв. из сел. Аттал Рутульского района (протирка)

Лезгинская расписная керамика с бронзовой поливой в XIII — XIV вв. достигает своего расцвета. Она называлась "испикской", потому что остатки ее в большом количестве найдены близ лезгинского селения Испик Кубинского района, в местности, где раньше располагалось селение Кала. Превосходные изделия испикских мастеров — кувшины, блюда, миски, тарелки и др. были в свое время широко известны на Восточном Кавказе и за его пределами. Образцы этой керамики найдены в нынешнем Азербайджане и во многих даргинских, лакских и аварских селах Дагестана [9].

После разгрома центра керамических изделий Лезгистана с. Кала это искусство было унаследовано и усовершенствовано на новой основе жителями сел. Испик ныне Кубинского района. Возникли новые центры гончарного производства — сел. Мюпок

Кубинского района и сел. Испик ныне С-Стальского района. Вполне возможно, что именно сюда попала часть мастеров из разрушенного монголами селения Кала.

В X — XV вв. получают расцвет различные виды художественного ремесла: резьба по дереву и камню, меднолитейное, медночеканное, ювелирное дело, производство изделий из шерсти и дерева, узорное ткачество, вязание. Широкое распространение в Лезгистане получают такие отрасли декоративного искусства, как ковроделие.

Как сообщает арабский автор XIII в. Закарий ал-Казвини, жители рутульского села Шиназ были искусны "в изготовлении оружия, панцырей и других видов вооружения" [9].

Наибольшую славу Лезгистан приобрел за его пределами своим изумительным искусством ковроделия. Наличие исходного материала для получения шерсти и естественных красителей (марены), а также ряд других обстоятельств обусловили то, что во многих селах обширной территории Лезгистана ковроткачество стало одним из основных, если не главным, занятием женской части населения.

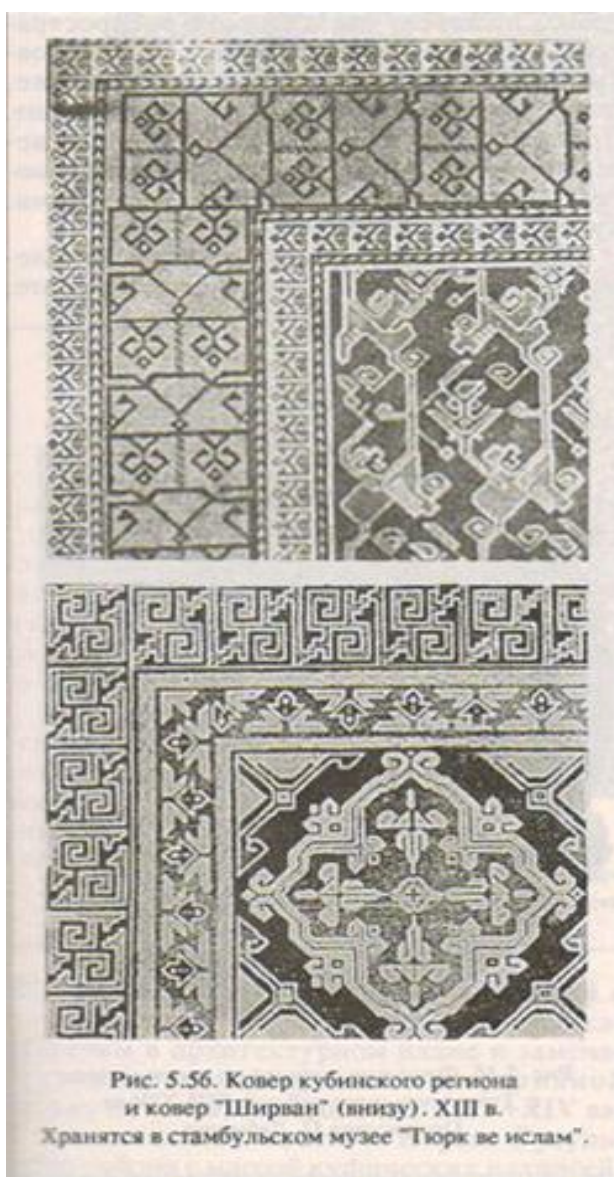
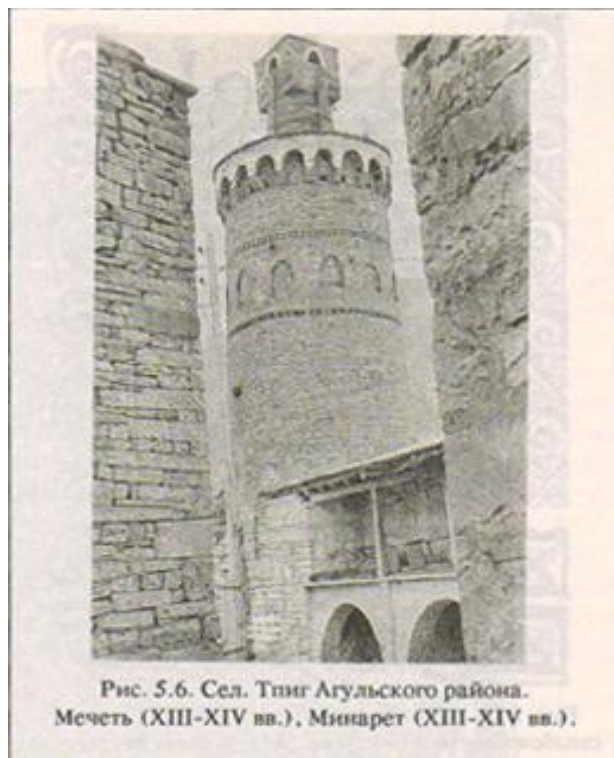

Рис. 5.56. Ковер кубинского региона и ковер "Ширван" (внизу). XIII в. Хранятся в стамбульском музее "Тюрк ве ислам".

Успехи культурной жизни хорошо прослеживаются по уровню развития строительного ремесла. Строительная техника в Лезгистане развивалась по двум линиям: строительство оборонительных сооружений (башен, крепостей) и строительство жилых, хозяйственных и общественных зданий. Местные мастера накопили богатый опыт в строительстве сложных архитектурных сооружений, удачно использовали местный строительный материал (камень, дерево, сырцовый кирпич, глина), учитывая рельеф и климатические условия.

Датировка строительства мечетей выглядит следующим образом:

- 1239 г. — Минарет в Цахуре
- 1247 г. — Мечеть в Мишлеше;
- 1250 г. — Мечеть в сел. Рича;
- 1284 г. — Мечеть в Рутуле;
- 1264-1365 гг. — Мечеть и минарет в Цахуре;
- 1300-1317 гг. — Мечеть в Кочхюре;
- 1401 г. — Минарет в Хнове;
- 1421-1422 гг. — Минарет в Мишлеше;
- 1443-1444 гг. — Мечеть в Хпедже;
- 1454 г. — Мечеть в Дербенте;
- 1474 г. — Медресе в Дербенте.

Рис. 5.6а. Орнаментальные мотивы деревянных столбов мечети XII-XIII вв., из сел. Рича Агульского района. (Полевые зарисовки П. Дебирова).

Широкое распространение в средневековом Лезгистане получила резьба по камню, достигнув высокого уровня искусства. Этот своеобразный вид искусства, отличаясь разнообразием сюжетов и технических приемов, знакомит нас с бытовыми сценами далекого прошлого, религиозными представлениями и различными сторонами социальной жизни. До нас дошли многочисленные камни с различными изображениями. Среди них встречаются сцены охоты, жертвоприношений, различных игр, изображения всадников, предметов труда и домашнего обихода, различные изображения из мира животных, культовые знаки, растительный орнамент и т.д. [33].

Замечательным памятником раннего средневекового Лезгистана явилась мечеть, построенная в сел. Кара-Кюре Ахтынского района. Об этой мечети говорилось выше. Своеобразно конструктивное решение мечети в Хиве, от которой сохранились только минарет и каменные основания. Минарет напоминает округлую башню, имеет высоту примерно в 12 метров. Сохранились также столбы различной формы. Полагают [9], что эта мечеть разрушена монголами при походе на Ричу.

Отметим еще "Лезги-мечеть" (XII в.) мечеть в сел. Катех, мечеть шейха Йусуфс (XV в.) в Хачмасском районе, где до сих пор сохраняются надписи на арабском языке. К сожалению, над "Лезги-мечетью" совершен; насилие: из-за националистических побуждений стерт с ее барельефов куфически надписи на арабском языке и название мечети, чтобы скрыть принадлежность ее лезгинскому народу.

Со строительством общественных и частных зданий связано значительное искусство художественной обработки дерева. Ей подвергались деревянные конструкции зданий: двери, окна, балконы, опорные столбы, а также мебель, предметы быта. Резьба по дереву была широко распространена во всех аулах Лезгистана. Основные типы орнамента — это плетение, геометрический и растительный орнамент. Превосходной обработке подвергались деревянные конструкции мечетей, в частности, опорные столбы (Тпиг, Хив, Рича, Курах, Хучни и др.).

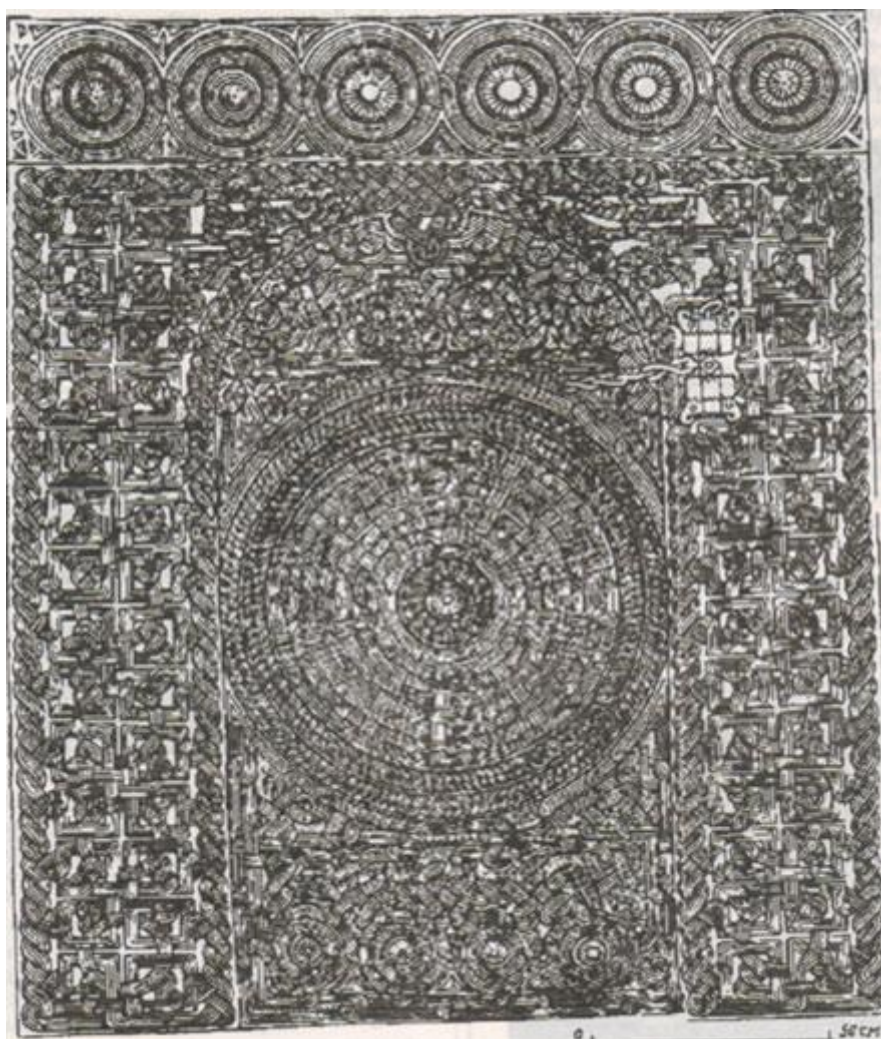

Рис. 5.6в. Общий вид правой двери мечети с. Тпиг Агульского района. XIII-XIV вв. Прорисовка П. Дебирова.

(4) Написал(и) Лукман, Зейд, Джавха: Абакар.

Перевод текста на рис. 5.9.:

- (1) Это могила нашего шейха ...
- (2) подвижника (аскета) набож- ...
- (3) ного ...
- (4) Джамал ад-Дина
- (5) Йахйа ибн Шейх Йу-
- (6) суфа — да простит их обоих
- (7) Аллах. Приказал воздвиг-
- (8) путь его шейх С. р. с. м (вар.: С. р. с. ф)
- (9) вечность (?) приказ, счастье его (?)
- (10) в месяце раби ал-а
- (11) хир года три и
- (12) восемьдесят и пятьсот.

Перевод текста на рис. 5.10.:

- (1) Во имя Аллаха милос-
- (2) тивого, милосердного,

- (3) Умер вла-
- (4) делец этой могилы
- (5) Мухаммад в семь-
- (6) сот тридцать
- (7) седьмом году.

Перевод текста на рис. 5.11.:

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
- (2) Вечность (принадлежит) Аллаху.
Это могила эмира Абакара, сына Чакука.
- (3) — да смилостивится Аллах над ним. Он был юноша красивый,
- (4) сильный, щедрый, сострадательный, краса благородных (зейн алшраф)
- (5) глава всадников (ра'с ал-фурсан), звезда войск (наджм ал-асакир)
- (6) разумный, предусмотрительный, любящий бедных
- (7) и низких [по положению] (мухиббал-т.хара, ва-с-сафала), украшение мечети и джамаата,
- (8) добывающийся благосклонности Ал-Луха и милости его, — да простит Аллах ему грехи его, —
- (9) Аллах никого не обделяет разлучением (фирак)... Раз-
- (10) лучение...
- (11)... Смерть — час. Затем — богобоязненный. Разлучитель любимого...

Только у народа, занятого издавна земледелием, может быть выработан земледельческий календарь [34], регламентирующий сроки сельскохозяйственных работ, а также зафиксировавший результаты многовекового опыта наблюдений за природой. В этом календаре времена года делятся в свою очередь на определенные, равные промежутки (по 15, а иногда по 71/2 дней), в рамках которых совершаются определенные сельскохозяйственные работы [9].

С земледельческим культом тесно связан обряд вызова дождя, широко практиковавшийся в Лезгистане, о чем упоминалось во введении. Замечательны

старинные праздники: праздник первой борозды, праздник цветов, праздник черешни и др.

Народы лезгинской группы создали богатое содержанием и разнообразное по жанрам искусство. Создавались замечательные песни, которые сопровождали лезгина в походе, в горе и радости. Многие песни не записывались, но бережно передавались из поколения в поколение.

До наших дней сохранились песни, которые своим содержанием уходят в века. Это многочисленные частушки, свадебные, трудовые, похоронные и другие обрядовые песни.

Большое место в устном народном творчестве средневекового Лезгистана занимали исторические легенды и предания. В них народ давал верную оценку историческим событиям. До сих пор сохранились предания об упорной борьбе против персов, арабов, монголов, полчищ Тимура, о христианстве и исламе в Лезгистане.

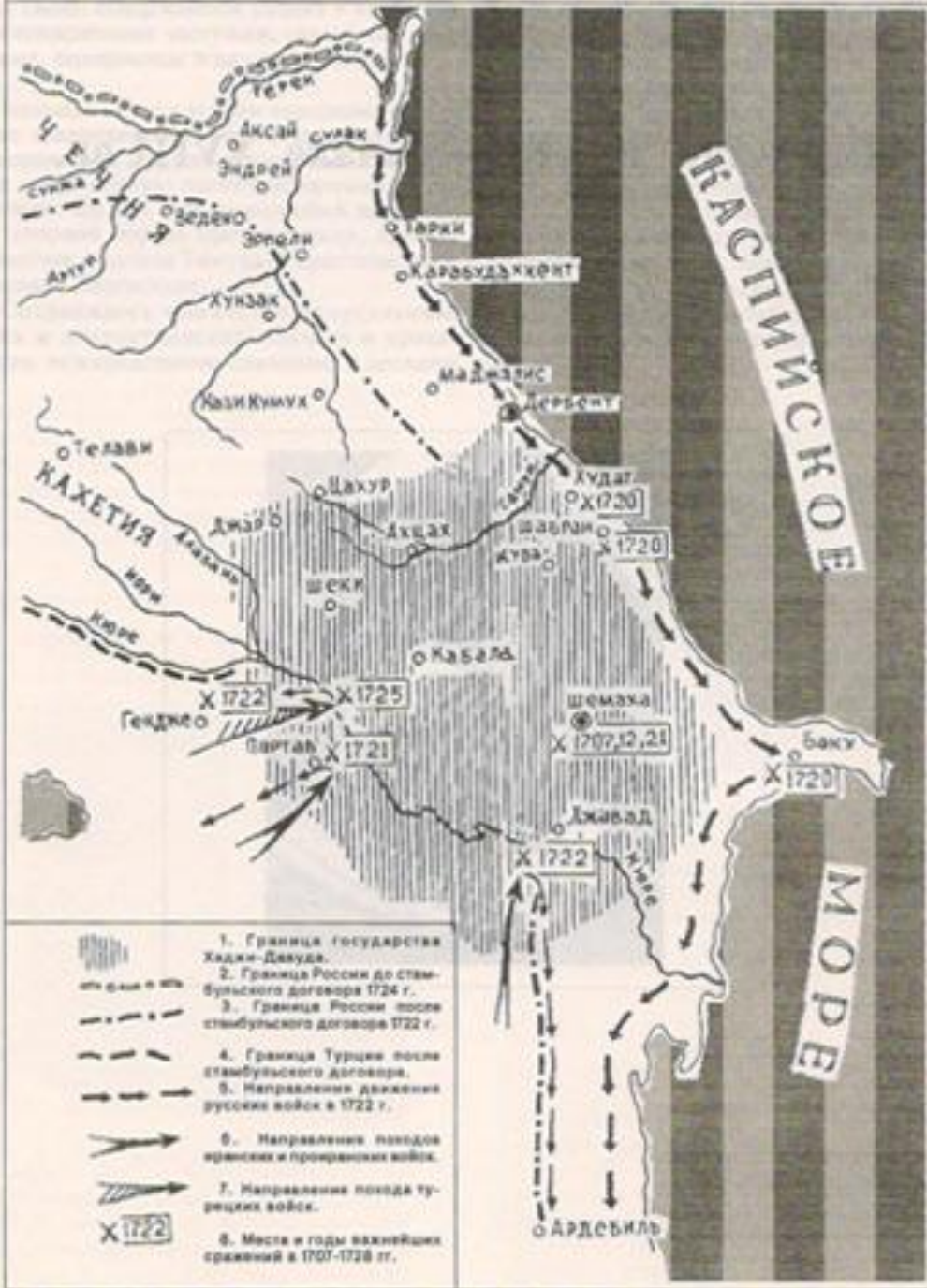
Сохранилось множество домусульманских и дохристианских обычаев и празднеств, непосредственно связанных с древним земледельческим культом. Еще в XIII в. ал-Казвини сообщает о паломничестве к мечу ал-Масламы, будто оставленному им в Таба-саране, причем паломничество к нему совершается не иначе, как в белых одеждах. Если кто-то "направится к нему в цветной одежде, наступают дожди и ветры, и едва не погибает то, что находится вокруг холма". Автор XV в. к этому прибавляет, что табасаранцы приносят "в пещеру всякого добра и подаяния, пилигримствуют к этому мечу и делают новые ножны. Когда несут ножны в пещеру, берут с собою около пуда пшеницы и, идя, бросают ее по земле, пока не вложат в новые ножны меч, и тогда возвращаются домой" [25].

Глава шестая

Лезгистан в XVI — начале XVIII вв.

ЛЕЗГИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ВОССТАНОВЛЕННОЕ ХАДЖИ-ДАВУДОМ

6.1. БОРЬБА С СЕФЕВИДАМИ И ОСМАНАМИ

XVI — XVII века — важнейший этап в истории лезгинского народа. В области поллитической — это время мужественной борьбы против иранских и турецких завоевателей и восстановления лезгинской государственности. В экономической области этот период характеризуется некоторым ускорением темпов развития отраслей хозяйства, а также дальнейшим ростом имущественной дифференциации.

В международной обстановке, сложившейся к XVI в. на Востоке и на Кавказе, одной из важнейших сторон были отношения между султанской Турцией и шахской Персией. Позже, с середины XVI в., в эти отношения включается и Россия.

В XVI веке у народов Лезгистана появился певый опасный враг в лице турок-османов. Предки османских турок — огузы вышли из Дредней Азии в XIII веке. Они основали в Малой Азии независимый султанат во главе со своим вождем Османом. По его имени и стало называться новое государство. После завоевания Константинополя и крушения Византии в 1453 году Османское султанство превратилось в крупнейшую мировую державу и повело наступление на своих соседей [1].

В конце XV века в вассальную зависимость от османской Турции попало Крымское ханство. Турки построили ряд крепостей в Крыму, в устье Дона (Азов), на анском полуострове (Тамань и Темрюк), сделались одним из грозных врагов русского государства и задумывали прибрать к своим рукам Кавказ.

На Кавказе османская Турция столкнулись с государством сефевидов. Лезгистан и ряд других стран на длительное время стали ареной ожесточенных сражений между двумя агрессивными государствами. В Лезгистан Турция пыталась проникнуть двумя путями — с севера через Крым, Азов и Северный Кавказ и с юга — непосредственно из Малой Азии.

После неудачной осады Вены (1529 г.) основное направление ударов турецких войск переносится на юго-восток Европы, на Русское государство, Закавказье, Иран [2].

В 1552 году русские вступили в Казань, а в 1556 году в состав растущего государства было включено Астраханское ханство. Таким образом, Кавказ непосредственно вошел и в орбиту внешнеполитических интересов русских царей. Усиливаются политические и экономические связи России с кавказскими государствами.

Местные правители, доведенные до отчаяния захватническими походами с юга и грабежами, один за другим ищут покровительства у северного соседа. У Ивана IV побывали послы "шевкальского" царя и некоторых других северо-кавказских правителей [3,4].

Усиление России на юге, т.е. на волжском пути и Северном Кавказе, наносило серьезный ущерб захватническим планам Турции на Кавказе.

В завоевательских войнах, в грабеже соседних стран и народов правящие круги военно-феодальной Турции видели спасение от охватившего в конце XVI века страну экономического упадка, от многочисленных крестьянских войн, которые в Турции того времени "всюду прорывались наружу, как пузыри из бурлящей воды" [5].

Своим чередом шли события и в Иране. После гибели Хайдара в захватнической войне в Табасаране во главе шиитов в Персии стал его юный сын Исмаил. Шиизм при нем оставался не только государственной религией, он активно преследовал суннитов, подвергая погромам суннитские храмы [6].

Желая привлечь на свою сторону широкие массы, сефевиды выступали под знаменем уничтожения тяжелых налогов и повинностей, не предусмотренных шариатом, а будто введенных суннитами, за что и следует покончить с господством суннитских правителей,

стоящих у власти. Вследствие резкого усиления притеснений и гнета со стороны государственных структур Ак-коюнлу шиитская идеология в конце XV века получила в народе широкое распространение, собрав вокруг сефевидов многочисленных последователей.

Набравшись сил и сколотив огромную армию, в 1499 году кызылбашское войско переправилось через Куру и вступило на территорию Ширвана. Застигнутый врасплох Фаррух-Яссар не в силах был защитить Шемаху, поэтому поспешно укрылся в крепости Гюлистан, находящейся недалеко от Шемахи. Кызылбаши заняли столицу Ширвана. Осенью 1500 г. между армиями Фар-рух-Яссара и Исмаила недалеко от Шемахи в местности Джабани произошло сражение. В этой битве ширванцы потерпели поражение. Попавшему в плен Фарруху-Яссару отсекли голову.

Спустя год Исмаил взял город Баку и жестоко расправился с его жителями. Здесь он разрушил фамильную усыпальницу ширваншахов, предал осквернению религиозные святыни суннитов [7]. После этого Исмаил вернулся в Западный Иран, расправился с внутренними врагами — отрядами Ак-коюнлу. Значительная часть военно-кочевой знати погибла или попала в плен и была казнена. В 1502 г. Исмаил вступил в Тавриз и провозгласил себя шахом (1502 — 1524 гг.).

Рис. 6.1. Баку. Комплекс Дворца Ширваншахов.

Несмотря на победу сефевидов над Ширваном, сын Фаррух-Яссара ширваншах Шейхшах (1502 — 1524 гг.) отказался от повиновения им. Поэтому в 1509 г. Исмаил I отправился снова походом в Ширван. Захватив и разрушив Шемаху, шах направился на север в сторону Дербента. Правители Дербента Яр Ахмед Ага и Мухаммед-бег отказались подчиниться. Горожане защищались упорно, но кызылбашам удалось устроить подкоп под 12 башнями, и защитники вынуждены были сдаться.

В записях Рамазана ал-Куштили, — пишет проф. Шихсаидов, — событие это зафиксировано более подробно с указанием борьбы не только жителей Дербента, но и Табасарана: "Вот пришел шах Исмаил на крепость Баб ал-абваб, воевал против на около десяти дней, и подчинились (наконец жители этой крепости). Затем шах Исмаил назначил в городе эмиром Мансура. Затем (часть) его войска сражалась против селеннг Табасарана; отряд за отрядом, день за днем и (наконец) победил он жителей этих селений и пребывал он в областях (прилегающих) Баб ал-абваб около десяти дней или месяца. Затем вернулся он в области Тавриз в девятьсот пятнадцатом году хиджры" (1509 — 1510 гг.) [8].

В целях укрепления своих позиций в Дербенте шах Исмаил переселил в город 500 семейств из Тавриза, исповедующих шиизм. Потомки их живут и поныне в магальной части г. Дербента.

Султанская Турция была весьма обеспокоена ростом могущества государства сефевидов. Турецкий Султан объявил сефевидов врагами мусульманской религии и предпринял поход под флагом "защиты ислама. Большое сражение произошло на

Чалдыраской равнине недалеко от Маку. Сефевна потерпели здесь поражение, шах Исмаил получил ранение. С остатками своих войск он отступил в глубь страны. Турки захватили Хой, Маранд, Тавриз и разграбили их. В 1515 г. было заключено перемирие межа сефевидами и Турцией.

Исмаил I вскоре опять совершил поход ка Ширван, чтобы заставить повиноваться ширваншаха Шейхшаха, который не признавал над собою власти сефевидов и не платил дани. Шейхшах оказывал сопротивление, запершись в Кале-и-Бугурде. Только после третьего похода кызылбашей на Ширван (1919 г.) Шейхшах признал себя вассалом сефевидов.

В 1517 г. кызылбаши совершили поход Грузию. Значительные разрушения произведены ими в восточных районах Грузии.

В 1524 г. шах Исмаил I умер. На престол вступил его сын Тахмасиб I (1524 — 1576 гг.). В это время центральная власть в государстве сефевидов ослабла. Ряд крупных феодалов, стремившихся к самостоятельности, перестал подчиняться шаху. В стране начались феодальные междоусобицы. В конце 1537 г. в Ширване вспыхнуло восстание против ширваншаха Шахруда (1536 — 1538 гг.). Воспользовавшись волнениями в Ширване, шах Ирана оккупировал его и сместил ширваншаха. Для управления Ширваном сефевиды назначили своих наместников-беглербеков. Ликвидация самостоятельности Ширвана облегчила завоевание сефевидами и других лезгинских земель. Поводом для появления иранских войск на северных территориях Лезгистана послужил мятеж 1546 года. Назначенный первым бег-лербеком Алкас-Мирза, используя настроение господствующих сословий Ширвана в 1547 г., получив поддержку лезгин, восстал против сефевидов. Свергнув персидского наместника в Дербенте в 1547 г., Алкас-Мирза с дружинами направился в сторону Ширвана. Однако это выступление не увенчалось успехом, поскольку силы были неравные. Владетели Аварии и Казикумуха не поддержали это выступление лезгин [4]. Потерпев поражение, Алкас-Мирза со своими приверженцами вынужден был отступить в лезгинское селение Хиналуг. Преследуемый сефевидами Алкас-Мирза переправился с помощью лезгин через Самур и укрылся там местных жителей, а затем перебрался в Турцию. Беглербеком Ширвана был назначен Исмаил-Мирза, но вскоре его сменил Абдулла-хан. При нем в Ширване несколько раз возобновлялась борьба против сефевидов. Дербент впоследствии снова был взят войсками сефевидов, и в нем было поселено еще 400 семей, привезенных из внутренних областей Ирана [1].

Захватив Дербент, сефевиды подчинили себе лезгинские земли по Самуру и в ряде мест назначили своих наместников. Чтобы упрочить свое влияние в Самурской долине, Тахмасиб I поселил в ауле Мискинджа 300 зиитских семей, выходцев из Гиляра [1].

В 1548 г. борьбу против сефевидов возглавил один из потомков ширваншахов Бурхан-Мирза, последний освободил от шахских ставленников Кубу и сосредоточил там свои отряды, пополняя их лезгинами из кубинских аулов [9]. Обеспокоенный размахом анти-грайского движения, шах направляет из Ширвана на Кубу военные отряды. В битве при Кульгане повстанцы одержали победу.

Шах снова посылает на Кубу многочисленное войско. Под натиском численно превосходящих сил противника отряды лезгин вынуждены были отступить в горы.

В 1549 г., воспользовавшись выступлением турецких войск, Бурхан-Мирза с отрядами лезгин напал на Ширван и овладел им. Расправившись со сторонниками шаха, часть отрядов вернулась в горы. Вскоре однако сефевиды снова подчинили Ширван своей власти.

Между тем, начиная с 30-х годов XVI в., борьба сефевидов с Турцией продолжалась, а в 50-х годах начинается целая полоса турецких вторжений в Албанию и на территории владетелей Восточного Кавказа. В 1554 г. войска османов под командованием Се-нан-Паши вторглись в Восточную Армению и Албанию (Лезгистан). Одновременно по приказу Султана через Северный Кавказ были направлены войска Крымского хана [9]. Заодно было отправлено обращение к восточно-кавказским владетелям оказать помощь Турции как стране той же веры. Призывы султана нашли отклик у некоторых владетелей Восточного Кавказа, они еще не понимали в то время далеко идущие захватнические планы Турции, прикрывавшейся лозунгом борьбы с шиизмом [9].

Не встретив особого сопротивления, турецко-крымское войско овладело Дербентом и оттуда начало свое наступление на сефевидов, подвергая тягчайшему разорению и истреблению мирное население. Однако этот поход турок закончился неудачей. В битве у Касс-у-Букода турецко-крымские войска были разбиты. Одновременно сефе-видский беглербек Ширвана Абдулла-хан нанес поражение близ Гулистана отрядам Касим Мирзы. Последний поспешно бежал в Табасаран [9].

Борьба между Турцией и сефевидами продолжалась до 1555 г., вплоть до заключения мирного договора, по условиям которого Западная Грузия и Западная Армения отходили к Турции, а остальная территория — к сефевидскому Ирану. Вслед за этим в Иране начались междоусобные войны, разорившие и ослабившие страну.

После смерти Тахмасиба I в 1576 г. возобновились междоусобицы в среде военно-кочевых феодалов Ирана. Острая борьба за трон разгорелась между сыновьями шаха. Победу одержали сторонники одного из них — Исмаила Мирзы, именовавшегося шахом Исмаилом II. Но его правление длилось менее двух лет. В результате дворцового переворота Исмаил II был умерщвлен и на престол вступил его старший брат слепой Мухаммед Худабенде (1578 — 1587). При Мухаммеде Худабенде государство сефевидов еще более ослабло.

Воспользовавшись недовольством народов Восточного Кавказа, Грузии шахским владычеством, турецкий султан вступил в войну с Персией. В 1578 г. османская Турция предприняла большой поход на Кавказ. Стотысячная армия турок, которую возглавлял Мустафа-паша (по прозвищу Леле-паша), вторглась в Закавказье. Началась турецко-иранская война, продолжавшаяся до 1590 года.

Захватив Гянджу, турецкие завоеватели направились в Ширван. Сефевидский наместник Арас-хан бежал, оставив народ на произвол судьбы. Османы заняли Шемаху. Вопреки обещанию, которое султан дал местным феодалам о восстановлении самостоятельности Ширвана, правителем последнего был назначен Турцией военачальник Осман-паша [6].

Вот как описывает этот период проф. А.Шихсаидов, ссылаясь на первоисточник: "Против сефевидских войск выступали турки, лезгины, татары, прибывшие из Крыма под предводительством Адил-Герее". С одной стороны турки, с другой — татары, а с третьей — лезгины, — все они вместе выступили против кызылбашей. Кызылбаши обратились в бегство, татарские и лезгинские отряды преследовали их и взяли огромную добычу" [8].

В результате военных мероприятий 1578 — 1587 гг. турецкому султану удалось захватить Дербент. Вот как описывает турок И.Рахимзада в своей работе "Зафар-нама" вступление турок в Дербент: "30 апреля 1578 г. турецкая армия выступила против сефевидского государства. Войска Лала-Мустафа-паши в краткий срок смогли захватить значительные территории, ранее находившиеся под властью сефевидской державы. Сунниты крепости Дербент истребили всех кызылбашей, находившихся в крепости, и посадили в темницу тогдашнего правителя Дербента Чирах халифа" [10]. По сообщению автора "Зафар-нама", в это время стояли сильные холода, и поэтому отряд Осман-паши сумел добраться до города лишь за 12 дней... Услышав о приближении турок, некоторые

упрямцы начали однако говорить: не сдавайте крепость! Защищайте и укрепляйте Дербент... После боя отряд Осман-паши сумел все же войти в крепость "Непокорная и непослушная часть населения была наказана. Таким образом, Дербент "очистился от всех упрямцев, и сердце Осман-паши немного успокоилось от страха, в крепости однако не было и следов одежды и питания, там не было ничего, кроме слов: "Нет"... Ежедневно 50-60 человек умирал, голоду" [10]. Как пишет А.Шихсаидов "слова И.Рахимзады приводят нас к выводу, что жители Дербента не имели намерения сменить власть сефевидов на власть османов, напротив, они стремились к независимости и только использовали для этого удобный момент — наступление турецкой армии" [8].

Как сообщает Бакиханов, в 993 (1585) гол Джафар-паша отправился из Дербента против крепости Кюра, взял ее и разгромил [11].

В это время туркам удалось распространить свое влияние на ряд предгорных районов Лезгистана. Сохранилась грамеп турецкого султана, относящаяся к 80 годам XVI в., в которой цахурский правитель Али-Кур-Кулубек признан правителем Цахура и получил право на владение землями, распложенными в юго-западных пределах Камской провинции [12].

В период военных действий турецких султанов против Персии Лезгистан подвергала жестокому разорению. По словам грузинского посла в Москве (1585 г.), "Дербент был обезлюден и опустошен турками. Дербентские жители во времена турецкого владычества должны были содержать турецкий гарнизон со всем штатом паши" [13].

Весной 1585 г. турецкие войска под командованием Осман-паши захватили Тесриз и разгромили его. В 1586 г. сефевиды вступили в переговоры с русским правительством о совместной борьбе против Турции обещав России территориальные уступки за счет районов Дербента, Баку и Шемахи. Но Россия, только что окончившая тяжелую ливонскую войну, не в состоянии была сокрыть военные действия против Турции.

В 1587 г. сефевидский престол был назначен сыном Мухаммеда Худабенде-Аббасом (1587 — 1629 гг.).

В 1590 г. шах Аббас I вынужден был заключить унижительный для сефевидов мир Турцией. По мирному договору, почти все Закавказье подпало под власть султана.

Заклучив перемирие с Ираном, турецкий султан решил создать прочную базу на Восточном Кавказе. С этой целью султан Мурад III начал расправляться с непокорными горцами. Народы Восточного Кавказа не раз поднимались с оружием в руках против турецких завоевателей. Известно выступление жителей Казикумуха [4 — 14], которое было подавлено турецкими войсками. В ответ на жестокое разорение страны и управление ею военно-феодальными изуверскими методами поднялись лезгины. В 1601 г. вместе с лезгинами против турецких завоевателей восстали табасаранцы, рутульцы, пахурцы. "В этом деле пало много кубинцев лезгин). Турки разорили их магалы и оставили гарнизон в селении Кусар" [8,11]. В 1606 г. к восставшим присоединились жители Дербента. Турки, опасаясь народного гнева, укрылись в цитадели Нарын-кала. Тогда восставшие стали расправляться со сторонниками Турции из представителей дербентской знати. "Напуганные размахом выступления, городская знать и шиитское духовенство обратились к кайтагскому уцмию с просьбой занять город [9]. Рустам-хан своим отрядом вступил в город. К этому времени подоспело подкрепление лезгин из Шемахи [9]. Не желая кровопролития, восставшие лезгины, отряд Рустам-хана предложили турку Гозер-Гасану сдаться без боя. Получив отказ, восставшие лезгины при поддержке отряда Рустам-хана начали штурм Нарын-кала. Видя свое безвыходное положение, турки вынуждены были сдаться" [9].

Ко времени прихода Аббаса I к власти в государстве сефевидов господствовала знать кызылбашских племен, в руках которой была основная военная сила. Аббас I перенес столицу сефевидов в глубь Ирана — в Исфаган. Это способствовало усилению влияния иранской знати при дворе и в государственном аппарате. Своими реформами Аббас I подорвал могущество кызылбашской знати, состоявшей в основном из тюрок из Средней Азии.

Мир 1590 г. между сефевидами и Турцией слился недолго. В 1602 году между Ираном и Турцией возобновились военные действия, которые с перерывами продолжались до 1639г. Ареной этих опустошительных войн, как и прежде, в основном была Албания (Лезгистан).

Шах Аббас I в ходе наступательных операций против Турции всячески старался привлечь правителей восточно-кавказских народов на свою сторону. Для этого шах Аббас I поощрял их деньгами из казны и дарственными грамотами на управление определенными областями. Так, после разгрома турецких войск в Дербенте шах Аббас, "воздавая должное за эту добрую службу", одарил сына Хаджи-Мухаммеда Дербентди и уцмия Кайтага подарками и пожаловал им сююргал, т.е. предоставил право взимать в свою пользу налоги, которые поступали с подвластной территории в шахскую казну. Различного рода подарки были отправлены казикумухскому шамхалу, аварскому хану, майсуму Табасарана, акушинскому Кадию и Алибеку Цахурскому [9]. Турция в этом плане не уступала Ирану.

Задаривая феодальных владетелей восточно-кавказских народов, шах Аббас вместе в тем вовсе не собирался проводить политику невмешательства в их внутренние дела. Поэтому, не надеясь на прочность тыла на Восточном Кавказе, и в целях полного подчинения народов шах Аббас разместил большое количество переселенцев из Ирана на лезгинских территориях, которые должны были нести военно-пограничную службу и подавлять вооруженные выступления лезгинского народа.

Известно, что до прибытия персидских войск в Дербент, турки, чтобы привлечь на свою сторону майсума Табасарана, передали ему управление шабранским магалом Кубинского ханства. После прихода шахских войск Ирана управление шабранским магалом было сохранено за майсумом Табасарана. Но, когда шахский наместник в Ширване, договорившись с шахом, начал строительство крепости в Шабране с целью укрепиться там, майсум Табасарана выступил против него. "Произошло сражение на стороне Астал между Зульфукар-ханом (ширванский наместник Ирана) и его войском с одной стороны, и лезгинами и табасаранцами — с другой. Погибло множество мусульман, и было отрезано много голов мусульман и рафизитов в 1610 — 1611 гг." [8].

Это событие вызвало общее недовольство восточно-кавказских правителей. Шах Аббас, боясь вооруженного выступления на Восточном Кавказе, приказал убить ширванского наместника Зульфукар-хана, отправить майсуму Табасарана и другим владетелям Восточного Кавказа письма и подарки [15].

Упорное сопротивление иранским властям оказывали и другие лезгинские районы. Наиболее тяжелой оказалась участь

Ахтов. Это селение было настолько разрушено, что только через 8 лет появилась возможность его восстановить. Надпись из Ахты рассказывает: "Разрушено это селение Юсуф-ханом, и оно осталось в том положении восемь лет, потом восстановил Хасан Али сын Амал-Мухаммеда в 1629/1630 гг. [16].

Выступления лезгин против новых завоевателей носили исключительно острый характер, чем и можно объяснить замечание автора XVII в. Эвлия Челеби: "Они, лезгины, горцы, неоднократно громили кызылбашское войско и в данный момент ведут войну с ними, ибо они ненавидят кызылбашей" [8,17].

Ирано-Турецкий мирный договор 1612 г. зафиксировал военный перевес Ирана и в основном подтвердил условия договора 1555 г. [9]. Мир длился недолго. Возобновленные в 1616-1617 гг. Турцией военные действия с особой силой разгорелись в 30-х годах. За короткое время шахские войска перехватили у османов Ереван, Гянджу, Баку, наконец, Шемаху. Чтобы избежать больших разрушений и жертв, отдельные владетели Восточного Кавказа вынуждены были заявить покорность шаху.

Мирный договор 1639 г. также закрепил условия предыдущих договоров и превосходство Ирана.

Персидский шах не хотел портить взаимоотношения с восточно-кавказскими правителями, надеясь на их помощь в случае войны против своих противников. Так, например, в 1627 г. шах Сефи, давая грамоты, цахурскому правителю Магомед-хану, предписывал ему "опустошить и разорить Грузию, ибо царь Теймураз очернил себя (враждебным отношением к шахскому владычеству в Грузии).

Подобные грамоты присылались восточно-кавказским правителям и последующими шахами Персии. Из дошедших до нас отрывочных сведений видно, что при шахе Аббасе II из шахской казны выдавалось денежное содержание шамхалам и их сыновьям, аварскому Ума-хану и другим правителям [18]. В частности, в 1642 г. в грамоте шаха на имя Халилбека Цахур-ского указывалось, что "в ознаменование царской нашей милости сыну Магомед-хану Захурскому, владение на таком же основании, как оно было во владении его отца, жалуем ему титул и 155 туманов тавризовских, производившихся его отцу, назначаем ему в жалование и повелеваем, чтобы ширванские должностные лица признавали Захурское владение его титулом и не оставляли производить ему означенное содержание" [4,12].

"К этому времени относится переселение аварцев в пограничные районы Албании (Лезгистана) и Грузии. Поводом для этого было приглашение кахетинцев, обращенное к аварцам с целью защиты своих границ от неприятелей" [9]. "В начале XVII в. аварцы при содействии Аббаса I подчинили себе энгилов (принявших ислам грузин), мугалов (мусульман-монголов) и поселились в районах селений Белокан, Джар, Мухах, Талы" [9].

К XVII в. относится переселение сефевидами из Ирана в Албанию (Лезгистан) тюркоязычных Падаров. Большая часть их была размещена в районах проживания лезгик [9], чтобы уменьшить их сопротивление иранцам и поставленным ими местным владетелям. Остатки Падаров и поныне живут в селениях Падар Дербентского района, Шаб-ран-Падар Дивичинского района, Армуд-Падар и Падар-Гюлмали Хачмасского района, Карадаглы-Падар Агдашского района, а также в Шемахинском, Нухинском и других лезгинских районах [9].

Рис. 6.2. Сел. Шахур Рутульского района.
Остатки крепости (XV-XVI вв.).

Следует сказать и о том, что перемещение населения происходило и внутри восточно-кавказских народов. Так, например, в конце XV — начале XVI в. эмир лезгинского села Маза (в то время с. Маза было крупным населенным пунктом) Чуфан захватил одну из столиц Кайтагского уцмийства — с. Башлы и стал родоначальником новой ветви местных правителей (уцмиев) [18а].

После смерти Аббаса I в 1628 г. шах Сефи (1628-1642 гг.) и особенно Аббас II постоянно вмешивались во внутренние дела восточ-но-кавказских народов. Аббас II в целях хрепления здесь своих позиций начал проводить политику насаждения в руководстве восточно-кавказских владений проирански настроенной феодальной верхушки. Так, в 1641 г. после смерти Шамхата Айдемира, когда между кумыкскими князьями разгорелась междоусобная борьба за титул шамхала, Аббас II решительно поддержал своего сторонника Сурхая Тарковского, выдал ему грамоту в его утверждении шамхалом и оказал военную юмощь против Андреевского князя [9].

В 1645 г., воспользовавшись междоусобной борьбой янгикентских и маджалисских ветвей рода уцмиев, шах Аббас II выдвинул на престол уцмийа Амирхан-Султана, который примкнул к шахским войскам, прибывшим в Кайтаг. Однако Рустем-хан нанес поражение персидским войскам. Разгневанный Аббас II послал в Кайтаг многочисленное войско, и Рустем-хан вынужден был уйти в горы. На место бежавшего Рустем-хана уцмием был поставлен Амирхан-Султан. Все это оказало известное влияние и на других владетелей Восточного Кавказа. Шаху Ирана удалось на время распространить свое влияние на Табасаран и Тарковское шам-хальство. Этим и объясняется участие ряда владетелей Восточного Кавказа в нападении шахских войск на Сунжу в 1652 — 1653 гг.

Недовольные захватнической политикой иранских шахов народы неоднократно поднимались на вооруженную борьбу. В 1659-1660 гг. в восточно-кавказских владениях вспыхнуло новое антииранское восстание.

Убедившись в том, что ему не под силу покорить Восточный Кавказ с оружием в руках, Аббас II вынужден был снова стать на позиции систематического разжигания и поддерживания феодальных междоусобиц. Политика шаха Сулеймана (1667-1694 гг.) не отличалась от политики Аббаса II. В 60-е годы XVII в. шах Сулейман выдвинул одного из

отпрысков лезгинского рода уцмиев Гу-сейн-хана, бывшего до совершеннолетия при дворе шаха в Иране, воспитанного в духе преклонения перед Ираном, правителем Кубы. В 1689г. он, заручившись поддержкой шахских наместников в Дербенте, совершил поход в Кайтаг и овладел резиденцией уцмия с. Башлы.

Гусейн-хан и его потомки управляли Кубинским ханством до покорения последнего Россией.

6.2. ХАДЖИ-ДАУД-БЕК МЮШКЮРСКИЙ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛЕЗГИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

С середины XVI века, находясь во власти то Персии, то Османов, потеряв свою самостоятельность, Ширван и другие территории бывшей Албании пришли в состояние упадка. Народ испытывал двойной гнет от иранских или турецких наместников и местных инов и беков. Тяжелое положение крестьян и ремесленников усугублялось в Лезгистане все более растущими обложениями и грабежами. Известно, что начавшийся в начале XVII века экономический упадок сефевидской монархии приобрел к началу XVIII века крайнюю остроту. Падали земледелие, ремесла, внешняя торговля, сократились почтения военной добычи и контрибуции. Все это вызвало сокращение доходов иранской государственной казны и феодальной знати.

В целях пополнения казны шахским правительством вводились новые налоги и подати [18]. "Если в 1698 — 1701 гг. было проведено очень резкое увеличение налогов и податей и уже в 1702 году они взимались во вновь назначенном размере, — пишет очевидец тех событий албанской истории Есаи Хасан Джамалян, — то не прошло и года, как шах ввел в стране (автор имеет в виду Албанию) новые налоги" [19].

При взимании налогов принимались в расчет размеры земель, количество воды, наличие садов, пастбищ, скота и "все то, что необходимо человеку" [19]. В то же время местные ханы и беки, опираясь на своих хозяев, все более усиливали эксплуатацию народа. В подтверждение этого Есаи пишет: "В стране Ширванской, в области Кабала, в селении Куткашен, в местности Карасу властвовал один магометанский род меликов. Среди них был мелик по имени Мелик Махмуд, муж даровитый и счастливый, но алчный более, чем Иуда, и жаднее, чем пиявка. Он по махтайю (по купчей) приобрел от ше-махинского хана всю Кабалинскую область. Эта область плодородна и многолюдна. В ней обитали как армянский народ, численностью превышающий даже местное население, пришедший сюда из страны Карабахской, так и коренное население (лезгины). Над всеми властвовал тот мелик, собравший с них и накопивший много сокровищ, имевший в большом количестве золота и серебра. Поэтому угнетенное население жаловалось на него, в том числе и армянское население Почеры, которое собралось ко двору хана, а потом обратилось уже к царю..." [19].

Прямым результатом таких действий иранских и местных феодалов явилось резкое обострение противоречий в сефевидской монархии. Не удивительно, что сефевидское государство было в это время охвачено восстаниями и междоусобицами [4].

Восстания особенно дали о себе знать в окраинных областях сефевидской монархии с населением неиранского происхождения, где тяжелый гнет сочетался с национальными гонениями и религиозными преследованиями. Восстания происходили в Курдистане, Туркменистане, Хорасане, Армении, Грузии, Албании (Лезгистане) и в ряде других областей [4].

Вот как описывает Есаи начало волнений в Персидской империи: "Случилось это при царе Султане Хусейне. В районах Хорасана и Кандагара обитало племя, именуемое

афганцами. Относительно этого племени, говорят, что оно происходит от обитателей Кавказа, что родом они агваны (албанцы-лезгины — Г.А.) и что они до настоящего времени носят свое наименование... Завоевавший большую часть света тиран Ланк-Тимур вывел то племя из места его обитания и поселил его в количестве 10 тыс. человек в этой стране... А потом в этих районах начались смуты и волнения. Отвратились от царства персидского область Астрабада, а также горцы — обитатели снежных вершин Кавказа и племя леков, называемых иначе лезгинами... Все эти племена, отколовшись, восстали против воли царя персидского..." [19].

В Лезгистане первыми восстали в 1707 году Джарское и Цахурское общества. Восставшие напали на резиденцию ширванского беглербека — Шемаху. Правитель Ширвана Гасан-Алихан вместе с приближенными был убит, восставшие ворвались в город и, разграбив персидский лагерь, вернулись домой [4,11]. В 1711 году жители Джарского и Цахурского обществ снова стали против персидского шаха. В 1710-1711 годах восстание охватило Табасаран, Самурские территории, Ширван и Шеки [8].

Посланец Петра I А.Вальнский, побывавший в Лезгистане в 1716-1718 гг., писал в своем путевом журнале: "...народ, именуемый лезги (прежде бывшие подданные персидские, которые живут близ Каспийского моря и города Дербент, в горах около горы именуемой Шагдаг), собравшись 8000 человек, пришел и не только деревни, но и некий городок, именуемый Акташ, разорил" [7].

Во многих местах, включая и Лезгистан, выступления народов носили организованный характер, и возглавляли их прогрессивно и патриотично настроенные князья. Это ясно прослеживается из описания события Есаи: "С одной стороны Кавказских гор, в местах, которые называются Ках и Дчар (Джар), Тала и во многих других селениях поднялись народы, именуемые лезгинами, (в этих местах жили и живут лезгиноязычные цахуры, рутульцы и лезгины — Г.А.), а во главе их стал Али-Султан (цахурец), до этого по приказу шаха управлявший страной. Все они объединились, объявили себя самостоятельными, отвратились от царя и восстали против него в 1161 г. (1712 г.). До этого они опустошили и заняли область. Инисели, Шекинскую, Пасынджуг, Мумпарак и много других селений... Своими ежегодными набегами они опустошили области на том и на этом берегу реки Куры: области Капал (Кабала — бывшая столица Албании — Лезгистана), Дасана до окрестностей города Шемаха, а на этой стороне — области Казаха, т.е. Агстева и страну Алир-Шамшадил.т.е. Закамы, а также долины четырех рек Ганджапасана, т.е., Шамхор, Ганджапасан, т.е. долину Восканапата, Кюрокпасана (долина реки Курак), и много сел в район. Партава". Когда автор говорит о нападениях и погромах, то следует иметь в виду, что это в основном осуществлялось против иранских войск и ставленников шаха.

Аналогично джарцам, местный народ и в других местах выступал организованно. В частности, в окрестностях Шемахи действовали отряды Лютф-Алибека, в районе Мюшкюра — Давуд-бек, кайтагцами руководил умций Ахмед-хан и другие. В восстание включились не только беднейшие слои населения, но, как указано выше, феодалы и представители духовенства.

Рис. 6.3. Хаджи-Давуд Мюшкюрский.

Между тем повстанцы понимали, что разгрозенными действиями врагов с родной земли не изгнать. Нужен авторитетнейший человек, не запятнавший себя неблагоприятными поступками. Таким был уроженец селения Дедели, что в Мюшкюре, Хаджи-Давуд — глава суннитского духовенства в Гезгистане [7]. Судя по имеющимся данным, он родился в семье зажиточного крестьянина. Современники неоднократно отмечали его незаурядные способности и организаторский талант. Например, русский хрицер, побывавший в Лезгистане в 1728 году, И.Гербе пишет: "... хан из бунтовщиков Давуд-бек простой породы из Мюшкюра, именем Дауд или Давид, только умом остер..." [29].

В документах содержатся сведения о том, что Давуд совершил паломничество в Мекку, получил титул "хаджи" и стал самым влиятельным духовным и светским лицом в Лезгистане. Об этом пишет в своем путевом журнале член посольства А.Валынского дворянин А.Лопухин: "Поехали мы от Низовой пристани в путь свой в первом часу пополудни до Мензиля Дадили (Дедели), до которого нам сказали 3 часа (мили), куда приехали в пятом часу пополудни, ночевали тут в деревне Хаджи-бека, о котором нам сказывали, что человек честный и знатный и сей деревни господин" [7].

Эти сведения в достаточной мере позволяют утверждать, что в то смутное время Хаджи-Давуд зарекомендовал себя как человек мужественный, мудрый, честный.

Поскольку шиизм в то время был государственной религией кызылбашского сефевидского государства и вследствие этого разрушились религиозные культурные центры суннитов, а верующие суннитского толка ислама подвергались в официальном порядке гонениям, то естественно, что одним из лозунгов восставших было объявление войны суннитов против шиитов. Большинство повстанцев-лезгин объединились под знаменем Хаджи-Давуда и развернули широкую военную кампанию против персидских гарнизонов. Ожесточенная борьба, в первую очередь, шла в предгорьях Восточного Кавказа. Хаджи-Давуд живо интересовался ходом этой борьбы, понимая, что только объединенными силами лезгин и сопредельных народов можно победить сильного, коварного врага — сефевидского шаха.

С этой целью он отправился в Кайтаг к уцмию Ахмед-хану. После недолгих, но плодотворных переговоров им удалось разработать план совместных действий против Персии. Затем Хаджи-Давуд со своими соратниками отправился в горы, в Кумух к Чо-лак-Сурхаю, которого также сумел убедить в необходимости действовать совместно и слаженно.

"Эта своего рода небольшая дипломатическая поездка Хаджи-Давуда свидетельствует не только о его целеустремленности и неиссякаемой энергии, но и об умении говорить с людьми, убеждать их" [7]. Кроме того, следует иметь в виду, что Кайтаком и Казикумухом управляли выходцы из лезгинского тухума эмира Чуфана (Чупана) из сел. Мацар (см. гл. IX, параграф 9.5).

После поездки Хаджи-Давуд получил подкрепление из Кайтага и Кумуха. Нападения на иранские гарнизоны участились, вся равнина, начиная от Дербента до Шемахи, пылала в огне восстания [7]. Но иранские власти были еще довольно сильны, везде находились их гарнизоны, и велась активная борьба против восставших.

В 1719 году Хаджи-Давуд был арестован и посажен в Дербентскую тюрьму. В тюрьме Хаджи-Давуд просидел недолго, выбраться оттуда ему помогли друзья и соратники по борьбе. Тюремный опыт и опыт первых лет борьбы с иноземными захватчиками научили его критически оценивать достигнутые успехи и еще тщательнее готовиться к военным операциям [7].

В июне 1720 года повстанцы под руководством Хаджи-Давуда осадили древний город Шабран, расположенный в исторической лезгинской области Мюшкюр. План осады и штурм Шабрана выполнен лезгинами в полном объеме [7]. Иранский гарнизон, расположенный в городе, был перебит. После Шабрана повстанцы освободили крепость Худат, которая располагалась на месте нынешнего лезгинского селения Щуру Худат в Кусарском районе. А.Бакиханов пишет: "Крепость Худат была взята, и Султан-Ахмед со своими приближенными убит мятежниками". Обеспечив себе прочный тыл, Хаджи-Давуд вновь встретился с Чолак-Сурхаем Казикумухским с целью договориться о продолжении борьбы с сефевидами вплоть до их полного изгнания. Очередным объектом для освобождения был выбран город Баку. Однако поход был недостаточно подготовлен, да и повстанцев собрали мало. Поэтому вышедший им навстречу Дергах-Кули-бек, воспользовавшись численным преимуществом и лучшим вооружением, нанес повстанцам поражение. Повстанцы отошли на исходные позиции и через некоторое время вновь стали нападать на иранские гарнизоны, расположенные в городах Куба и Дербент. Борьба шла с переменным успехом, однако некоторые военные неудачи, а также упорное сопротивление сефевидов привели к мысли о необходимости заключить союз с более сильным, чем Иран, государством.

Зная об интересах России на Кавказе, Хаджи-Давуд вознамеривался попросить военную помощь у Петра I. Связи с последним осуществлялись через астраханского воеводу И.Кикина, в переписке с которым Хаджи-Давуд состоял. Обратимся к одному из писем, написанному рукой Хаджи-Давуда, датированному 22 апреля 1721 года: "Пресветлейшему и державнейшему великого государя подручному, честнейшему и высокопочтенному и высокоородному астраханскому боярину Ивану дружелюбия и доброго здоровья желаю. Прежде нам от кызылбашей многие обиды были, и покою нам от них не стало..., они сделали обиду через силу, и за то стали мы с ними, кызылбашами, в неприязнестве и за свою кровь им отомстим. Дербент, и Шемаху, и Баку осадили... будем брать города, будет милость божья над нами будет и дело, ведает весь народ, а я нынче ради дружелюбия пресветлейшему и дрожавнейшему великому государю под руку идти, верно служить готов, и, как придут ваши войска и если понадобится построить город или иное что, я буду со всеми своими людьми великому государю служить верно... И чтоб приезжали к нам торговые люди, а мы и волоса не тронем, и сколько мочи будет, сделаю добра... ни в чем не опасаясь. А я прежде к вашей милости писал письмо, чтобы донесли великому государю, а ответа нет, и иное письмо вашей милости объявили или нет, не ведаю" [20].

Важно то, что в письме четко прослеживается, почему Давуд-бек со своими приверженцами выступает против кызылбашен ("они сделали обиду через силу, и за свою кровь им отомстим") и четко проявляет свои намерения в отношении России в военной,

торговой и других областях. Азербайджанский историк Ф.Алиев, касаясь этих вопросов, сообщает: "В апреле 1721 года Хаджи-Давуд писал И.Кикину, прося разрешить русским купцам привозить в его владение свинец и железо в обмен на шелк-сырец. В другом письме представителям Русского государства Хаджи-Давуд заявил, что он ведет войну не для властолюбия и богатства и не для чего иного, кроме того, чтобы освободить суннитов от кызылбашей" [21]. Тем временем бывший посланник, недавно назначенный губернатором Астраханской области А.Валынский, по поручению русского кабинета, обратился с письмом к Хаджи-Давуду, где спрашивал о его желании стать подданным Русского государства. После этого А.Валынский писал Петру I: "Кажется мне, Давуд-бек ни к чему не потребен: посылал и к нему отсюда поручика (как я перед сим Вашему Величеству доносил), через которого отвечает мне, что, конечно, желает служить Вашему Величеству, однако ж, чтобы Вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он, конечно, отберет города от Персии, и, которые ему удобны, те себе оставит, а прочие уступит Вашему Величеству, как по той стороне реки Куры до самого Исфохана, чего в руках никогда не будет, и того хочет, чтоб Ваш был труд, а его польза" [20].

Русское правительство не оказало помощи Хаджи-Давуду. Поэтому последнему ничего не оставалось, как рассчитывать на свои силы и действовать.

Хаджи-Давуд продолжал тщательно готовиться к решительному штурму столицы Пярвана — Шемахи. Пока Хаджи-Давуд был занят этим, Чолак-Сурхай Казикумухский готовился оказать помощь иранскому шаху Султан-Хусейну, который, испугавшись восстания афганцев, обратился за помощью и поддержкой к восточно-кавказским князьям. Однако собранное им и тарковским шамхалом Адиль-Гереем войско не достигло цели, их Хаджи-Давуд вновь склонил ветреного, отличавшегося непостоянством казикумухского хана на свою сторону [7]. Что касается войска Хаджи-Давуда, то оно неуклонно пояснялось новыми силами. Видя целеустремленность, правоту и непоколебимость Хаджи-Давуда, к нему примкнул и кайтагский уцмий. А.Гербер в своих записках, относящихся к этому времени, писал, что народы толпами приставали к восстанию".

Из Куткашена к Хаджи-Давуду прибыли местные владетели Махмуд и его брат Ахмед с сыновьями. Даже репрессивные меры, приятые против них иранским шахом, не заставили этих мужественных людей отказаться от всеобщего любимца Хаджи-Давуда [2].

Собрав достаточные силы, Хаджи-Давуд совместно с казикумухским ханом, кайтагским уцмием, цахурским султаном, куткашенским меликом и другими предводителями повстанцев начали поход на Шемаху, главный оплот Ирана в Ширване.

Осада этого сильно укрепленного города началась 10 августа 1721 года. Перед осадой устоялось кровопролитное сражение повстанцев с войском Мухаммед-хана.

Сефевиды, несмотря на трехкратное превосходство в силе, потерпели сокрушительное поражение. Отряд повстанцев численностью в 1000 человек обратил в бегство противника и буквально на его плечах проник в город. Однако узкие городские улицы были перегорожены, и поэтому конница Хаджи-Давуда не смогла продвинуться в глубь Шемахи. Из-за отсутствия пространства для маневров конный авангард повстанцев отступил назад, вышел из города, и городские ворота крепко закрылись за ними.

Тем временем к городу приблизилось остальное войско Хаджи-Давуда. Состоялась еще одна неудачная попытка штурма. Вслед за этим началась настоящая битва, продолжавшаяся восемь дней. После чего был небольшой перерыв, а затем с еще большей силой разгорелось кровопролитное сражение, длившееся двенадцать дней. Это последнее сражение и решило участь города Шемахи. Он перешел в руки повстанцев, иранский наместник Хусейн-хан был казнен, сефевиды перебиты или изгнаны [7]. При этом пострадали и русские купцы. Вот как описывает Есаи взятие Шемахи: "Как мы уже

сказали, магометане бывают двух вероисповеданий — шииты и сунниты. Жители города делились пополам, но суннитов было больше, поэтому жители района, называемого Сарытопраг, ночью открыли свою сторону и впустили внутрь города часть неприятельского войска, а на рассвете, присоединившись сами к ним, передали им в руки город. Вступив в город, лезгины пустили в ход свои мечи против магометанских кызыл-башей... Многие из войска персидского и из их начальников бежали куда попало. Имущество и дома были разгромлены, а семьи и дети были уведены в плен. Хана Хусейна схватили и, продержав его несколько дней, выдали Ибрагим-аге, брату мелика Пейкара (сын казненного иранским шахом Мелика-лезгина), который убил его в отмщение за своего отца и брата, убитых Хусейном.

Народ же армянский, христиане, как жители города, так и селений, за исключением немногих случаев, особенно не пострадали от резни, ибо милостью Христа они были пощажены. Имущество их было в значительной мере разграблено, но дети и сыновья их не были взяты в плен" [19].

По поводу разгрома, учиненного в рядах русских купцов, Петр I писал в своем манифесте: "Поноже от Рождества бога нашего Иисуса Христа 1721 года, пресветлейшего, и величайшего, и старейшего великого друга, и соседа ближнего высокостепенного государств и земель персидского шаха под ногою его бывшей лезгинской земли владелец Давуд-бек и Казикумухского уезду правитель, называемый Сурхай, которые из трех сторон, от разных народов многих возмутителей и бунтовщиков собрав, против вышеописанного шаха, нашего друга, объявили бунт поднять, его владения государство Ширванское обретающим город Шемаху штурмом и боем взять, неточию нашего друга, его шаха, многих людей побили, но от нашей высокой стороны Российских народов, которые по нашей, по древнему обычаю в вышеупомянутый город для купечества ездили, безвинно и немилостливо побив, пожитков и товаров их ценой всего около 4 миллионов рублей погребя, взяли..." [20].

В связи с изложенным возникает вопрос: было ли у русского царя Петра I основание, чтобы издать такой манифест, после которого последовали серьезные политические и военные шаги? Что же случилось с русскими купцами после захвата Шемахи повстанцами? Ответы на эти и другие вопросы дает "Журнал" консула России С.Аврамова в Персии [20]. Он пишет: "Если бы ...персияне неволею не заставили наших русских драться и ...стрелять, то б наших людей не побивали и товар не разграбили, а ныне оной пожиток на ком отискивать, кроме персиян, потому что от их неволи наши пропали" [20]. А в другом месте, в беседе с одним из рещтских купцов по имени Ага Арди, подчеркнувшего, что русские купцы "хорошо стояли и дрались, он отмечает, что персияне хотели их всех порубить, а наши русские купцы не для войска ибо ездят, но для купечества и не для чево бы им за свою волю драться" [20].

"Все это позволяет по-новому подойти к освещению данного вопроса, — пишет Мамедова. — До сих пор в исторической литературе утверждается, что повстанць лишь ради собственной наживы ограбили русских купцов. Однако вышеуказанное опровергает это мнение. Повстанцы, обещавшие не трогать русских купцов, сдержали бы свое слово, если бы последние не перешли на сторону иранских купцов [20,21] и не стреляли в повстанцев. Добавим, что хотя консул, выражая свое субъективное отношение к русскому купечеству, говорит о самообороне их от повстанцев, однако это несколько не может оправдать их поступок, поскольку повстанцы гарантировали им неприкосновенность имущества и жизнь" [20]. Кстати, и русский резидент в Турции в своем сообщении от 1722 года Петру I обвинял в случившемся только русских купцов, руководимых корыстолюбием и потому поддержавших сторону враждебного повстанцам лагеря. По его словам, "русским купцам было велено собираться в одно место со своими пожитками, и если бы они так сделали, то не потерпели бы ни малейшего вреда; но они, увлекшись

корыстолюбием, стали брать почти у всех шемахинцев дорогие вещи на сохранение, что было им именно запрещено; тогда войско (повстанцы)... узнав ...бросилось на них, побило и ограбило" [20]. Это подтверждается и другими источниками. Очевидец событий англичанин Дж. Ханвей сообщает, что "русские купцы пострадали исключительно из-за того, что прятали в своих помещениях противников лезгин. В то же время западноевропейские купцы, оказавшиеся в момент штурма в Шемахе, не понесли никакого ущерба" [7].

Вот как описывает Есаи события, происшедшие в последующем: "После взятия этого города (Шемахи) иранские правители Гянджи и Еревана известили об этом шаха, заявив протест, а сами выступили со всем войском и пришли в агванский (албанский город Партав на берегу реки Куры). Там собрались ереванский хан со всеми правителями районов, хан гянджинский со всей знатью и остальные с множеством войск до 30000 чел.

Но от царя (шаха персидского) не было войска, и никакой им помощи не пришло, ибо он был очень занят и озабочен войной в районах Кандагара. Он только устно и письменно приказывал им делать все, что возможно.

Искусные же, привыкшие к злодеяниям лезгины, от одного имени и голоса которых приходили в трепет все, кто находился поблизости, в это время, подобно опытным охотникам, пришли тихо и бесшумно, собрались на том берегу великой реки Куры и в одну ночь так же бесшумно переправились на другой берег.

А трусливый и женоподобный народ персидский, по своему обыкновению всю ночь до утра пьянствовал, пировал, к утру же впал в глубокий сон и только по восходу солнца поднялся и стал готовиться к битве.

Пока они (персы) медленно готовились, лезгины, ударив на них, разбили их, бросились за ними, погнали их до подножья Арцахских гор к реке Трду (ныне Тертерчай) и к долине реки Хачен (река в Карабахе).

Таким образом, персы были посрамлены и обманулись в своих ожиданиях, а лезгины, забрав добычу, радостные возвратились к себе. Это случилось осенью 1721 г." [19].

Далее Есаи пишет: "Когда кончилось страшное зимнее замерзание реки и приблизилось приятное дуновение весны, лезгины опять вооружились своим намерением... Они прибыли и остановились лагерем у подножной равнины Муганской, на том месте, где соединяются Кура и Араке. Один из персидских полководцев, по имени Чардахжи, также с большим войском стоял лагерем около Барку-шата (село) на берегу того же Аракса.

При одном только слухе о лезгинах этот безобидный муж бежал и исчез из своего лагеря. А воинственные лезгины, поднявшись по реке до пределов Баркушата, вступили в сторону Тизака (в Карабахе), заняв его горы и равнины"...

Лезгины обложили гор. Гянджу и держали его в осаде 12 дней, но ничего не смогли сделать: горожане оказали им сопротивление, а ранее осведомленные люди ушли в город Пепхис (Тбилиси) к иберскому царю Вахтангу и просили прийти к ним на помощь. Он обещал прийти. Горожане вступили с ним в переговоры, в ходе которых говорили: "Лезгины не пришли бы к нам в нашу страну, если бы неимели бы единомышленников в соседних с нами областях, среди окружающих нас народов. Они пришли по их наущению, как единоверны их, сунниты. И если ты друг великого шаха, который тебя любит, и ты нам друг, ты должен наказать их — опустошить и ограбить их села и взять их в плен" [19].

"За этими словами, — пишет Есаи, — крылась и другая причина: за его (Вахтанга) приход была обещана крупная сумма денег, и так как этих денег ему не дали, то и направили его на тех (на соседей). Так как уже была весна — май 1722 г., то все проживающие в палатках племена, называемые терекме (кочевые туркмены), т.е.

скотоводы, по своей исконной привычке уже поднялись в поры на яйлаги в богатые травой места. К тому же, опасаясь лезгин, они еще находились в бегстве. И вот по подстрекательству гянджгянцев и их правителя Джавад-хана Вахтанг приказал своему войску двинуться на тех, на кого ему указывали, и ограбить их.

Иберское племя миликан более безжалостное, чем кавказцы, двинулось отрядами и тот час же рассыпалось по горам и лощинам... Хотя они почти никого не убивали и не брали в плен, но все, что было доступно их оку, они все забрали: скот, даже кур, кошек и собак... совершив все сказанное, они возвратились к себе, страна же наша осталась беспризорной и без головы, а люди стали поступать, как кому вздумается.." [19].

За короткое время Хаджи-Давуду удалось очистить лезгинские земли от завоевателей. Помня об отказе Петра I в помощи и о том, что последний угрожал наказать войско Давуд-бека как "бунтовщиков шахова величества", в такой сложной обстановке Хаджи-Давуду ничего не оставалось, как обратиться за покровительством к потенциальному в тот период противнику Русского государства — Османской империи. "Получив долгожданное известие от Хаджи-Давуда, турецкий Султан пригласил его в свою столицу для переговоров, на что Хаджи-Давуд дал согласие. Переговоры лезгинской делегации с турками закончились принятием турецкой протекции, но при полной внутренней автономии Дагестана и Ширвана. Вернувшись из Турции, Хаджи-Давуд имел сложную беседу с Чолак-Сурхаем Казик-мухским, чьи отряды нередко занимались грабежом местного населения". [7]. Отношения между ними охладели, и Чолак-Сурхай удалился в горы, продолжая периодически набеги на Шеки, Гянджу и прилегающие к ним территории [7]. При этом вынашивал коварные планы устранения Хаджи-Давуда, чтобы самому стать шахом в Лезгистане.

Раскладка сил вокруг Лезгистана в это время была такова. Иран, увязший в войне с афганцами, ничего не мог предпринять против Давуд-бека. В это время афганцы во главе с Мир Махмудом продвинулись в глубь Ирана и заняли столичный город Исфаган. О полном кризисе в сефевидском государстве сообщил и русский консул С.Аврамов, который писал, что "персидское государство вконец разоряется и пропадает" [20,22].

Правительство Петра, преследующее цель занять прикаспийские области и выход к Каспийскому морю, воспользовалось этим положением сефевидского государства и не стало медлить с выступлением. Единственной противодействующей силой была Турция, которая претендовала на все Закавказье и с которой Россия опасалась столкнуться [1]. Чтобы избежать военного конфликта с ней, Русское правительство через своего резидента в Константинополе И.Неплюева старалось убедить Турцию, что оно дальше прикаспийских областей не двинется. Для убедительности приведем отрывок из письма к Неплюеву: "... Его Величество из провинций персидских, которые близ границ турецких лежат, отнюдь не желает себе присовокупить и, кроме тех, которые обретаются по Каспийскому морю, за собой удержать хочет" [20,22]. Другой причиной, усилившей беспокойство русских, как уже говорилось, было обращение шема-хинских повстанцев во главе с Хаджи-Давудом за помощью к Турции. Это хорошо видно также из указа консулу: "... оные бунтовщики просили некоторой сильной державы о протекции, которая не только с сей взятой от бунтовщиков провинций, но и зело далее на Персию намерение имеют" [20,22].

Одновременно русское правительство через консула С.Аврамова стремилось склонить персидского шаха Тахмасиба II к уступке прикаспийских областей, обещая при этом защиту от Турции и от так называемых бунтовщиков, т.е. повстанцев [20]. Именно стремление занять прикаспийские области заставило Петра I направить гонимых Чсбомасва, Пстричиса и Власова 31 октября 1721 г. к консулу С.Аврамову с требованиями [20.23]:

1. "Добиться старого или нового шаха увидеть".

2. Мотивировать, что "мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали" 1221.
3. Получить согласие на уступку прикаспийских областей и предложить помощь:

"им при сем крайнем разорении надобна помощь, то мы готовы им помогать и почистить от всех неприятелей и паки утвердить постоянное владение персичкое, сжали они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции..."

Интерес Петр I на Кавказе заключался в установлении контроля над транзитным путем из Европы в Юго-Восточную Азию главным образом в Индию. Поскольку этот путь пролегал через территорию Персии, которая к тому времени потеряла былую мощь, Петр и решил воспользоваться удобным моментом. Перед началом этого так называемого "персидского похода" русский император заручился поддержкой ряда местных феодалов, прежде всего царя Вахтанга VI, которому обещал помощь против Турции и Ирана. Не оставалась в долгу и Турция, которая тоже делала местным владетелям щедрые посулы, настраивая их против России (9).

12 августа 1722 года Петр I прибыл в Тар-ки. 23 августа русская армия без боя вступила в Дербент. Дербентский наиб Имам Кули, который поднес Петру I серебряные ключи от крепости, был произведен в чин генерала-майора с установлением соответствующего денежного оклада.

30 августа русское войско во главе с Петром I подошло к реке Рубас и заложило в непосредственной близости от табасаранской территории крепость, рассчитанную на гарнизон в 600 человек. "Власть Петра I была признана — пишет проф. А.Шихсаидов — почти всеми селениями табасаранцев и северных лезгин на плоскости. Петр I поставил в известность сенат о том, что "в сих краях твердо ногою стою" [24].

Неординарно было отношение владетелей Восточного Кавказа к вступлению русских войск в эти края. По этому поводу проф. А.Шихсаидов пишет: "Табасаранский владетель Рустам-Кади обратился к Петру I с просьбой оказать помощь в борьбе с уцмисм кайтагским, Сурхай см Казикумухским и Да-вуд-Хаджи Мюшкюрским. Эти феодалы нападали на владения Рустам-кади в отместку за то, что он не принимал участия в военных выступлениях против русских войск. В письме Рустам-Кади к Петру I от 30 августа 1722 года сообщается, что Сурхай и уцмий "неприятельским образом нападали, город мой выжгли, понежени от кого воспоможение для обороны учинено не было"[1].

Петр I, стремившийся в ходе "персидского похода" склонить на свою сторону владетелей Восточного Кавказа, решил оказать Рустам-кади всяческую помощь. 1 сентября 1722 года последовала грамота Петра I на имя Рустам-бека, в которой Петр I обещал помощь войсками, которые близ здешних краев обретаться будут" [1].

Как сообщает Гербер, "табасаранцы полатаей никаких русскому царю не платят, и повинны оные по требованию воинскую службу отправлять" (25). За преданность русскому престолу табасаранскому майсуму было определено жалование 200 руб. в год [18,25].

Шторм на Каспийском море уничтожил продовольственные и военные запасы русской армии, поэтому Петр I отказался от продолжения похода и основную часть армии возвратил в Астрахань. В крепостях Дербент и Рубас были оставлены гарнизоны русских войск. Однако они оказались в исключительно тяжелом положении в связи с активизацией антирусской деятельности некоторых местных феодалов. 27 сентября 1722 года дербентский наиб писал Петру:

"По возвращении Вашего Величества отсюда на построенную по указу вашего величества крепость на реке Дарбаге изменник уцмий напал, взял после боя... а которая

крепость на Рубасс и к той собравшись майсум через три дня приступил и бился, в которой баталии восемь человек из солдатов ранили, а неприятеля побито зело много и как мы слышали Давуд-бек собравшись многолюдством, намерен к тому городу (Дербенту) приступить" [18.26].

Петр I оправившись от первого неудачного похода на Кавказ, предпринял еще несколько попыток укрепить свои позиции здесь. В ответ на это свои войска в Ширван ввела и Турция. В июне 1723 года русские заняли Баку, после чего сальянский и тальшский владетели заявили о своей покорности России. Тем временем Турция хозяйничала почти во всем Закавказье, исключая Ширван и Кубу, которыми управлял Хаджи-Давуд.

В 1723 году Хаджн-Давуд официально был признан ханом Ширвана и Кубы, а Шемаха стала ее столичным городом, где находилась резиденция.

Противостояние России и Турции завершилось мирным договором, подписанным в 1724 году в Стамбуле, по условиям которого Закавказье фактически было разделено между Турцией и Россией. Турция признала за русским государством право на прикаспийские провинции. Русское государство вбивалось в свою очередь не противодействовать влиянию Турции в остальной части Закавказья. Исключение составил Ширван, где у власти находился Хаджи-Давуд, Стамбульский договор предоставлял Ширвану автономию. Турция не имела права держать пределах Ширвана войска. Русское правительство признало лезгинское государство Ширван как самостоятельное государство. Об этом говорит тот факт, что на очередной конференции сторон Россия и Турции, состоявшейся 23 декабря 1723 г., представители Турции возражали против предложения о переходе Ширвана к России: "Русский резидент забыл (имеется ввиду Неплюев — Г.А.), — сказал представитель Турции. — что весь Ширван был отдан Хаджи-Дауду и русскому двору, об этом неоднократно сообщено. Османское правительство только ради дружбы соглашается прибрежную часть Ширвана — Дербент и Баку — уступить России ...Россия удовлетворила эту просьбу, предлагала обеим сторонам "больше прогрессов в Персии не чинить и остаться на захваченных рубежах"[27].

Для той части Лезгистана, где был ханом Хаджи-Давуд, наступил мирный период, и он начал экономическое возрождение своих владений. Население было довольно его правлением.

Однако мир длился недолго. В 1725 году Турция нарушила договор и после захвата Гянджи вторглась в пределы Ширвана. Хаджи-Давуд дал решительный отпор турецкой армии, которая в скором времени отступила. После этого опять пришло кратковременное затишье и в стране потекла мирная жизнь.

Хаджн-Давуд, зная настроение народа, не прекращал попыток наладить контакты с русскими, к которым отошли низменные прикаспийские районы.

Русская ориентация среди народа объективно складывалась в процессе торгово-экономических взаимосвязей, а также в борьбе против иранского и турецкого владычества. Наличие русской ориентации в Лезгистане видно из высказываний тех, кто в то время побывал в Шемахе. В частности, в записях Корнеля де Брюина, побывавшего в 1709 г. в Шемахе, читаем, что "доведенные до отчаяния непомерными налогами и жестокостями люди были бы более счастливы под его, русского царя, управлением, чем под управлением своего природного государя... Они даже открыто заявляют, что защищаться не будут, сети царь придет, и молятся Магомету, чтобы это наступило" [20].

Попытки Хаджи-Давуда установить с Россией дружественные отношения и в последующем не были удачными. Даже после смерти Петра I российское правительство и

военное командование продолжали относиться к Хаджи-Давуду как к бунтовщику, возмутителю спокойствия на Кавказе и противнику российской политики в этом регионе.

Между тем иранский шах также сделал попытку привлечь Хаджи-Давуда на свою сторону. Однако Хаджи-Давуд отказался от этого предложения [7]. Хаджи-Давуд понимал, что каждая из враждующих сторон будь то Россия, Иран или Турция, рассматривают его как разменную карту, и ни одна из этих сторон не будет принимать искреннего участия в судьбе его народа. Поэтому он объявил свое государство свободным и начал проводить независимую политику.

За время правления Хаджи-Давуда в Ширване Чолак-Сурхай вел тайные переговоры с турецким султаном о передаче ему власти в Ширване всячески проявлял верноподданнические чувства и вел предательскую политику в отношении лезгинского народа. Такая политика устраивала Турцию. поэтому был задуман коварный план отстранения Хаджи-Давуда от власти.

В "Кавказском сборнике" по этому случаю написано: "Сурхай-хан различными происками успел выставить Хаджи-Давуд-бека в дурном свете перед турецким правительством, вследствие чего Давуд-бек был востребован..., а управление Шемахою поручено Чолак-Сурхаю с утверждением его в звании хана" [14].

В мае 1728 года Хаджи-Давуд, его семья, братья и приближенные сановники получили от турецкого султана предложение приехать с визитом дружбы в Гянджу, которая входила в то время в Османскую империю. Хаджи-Давуд, не подозревавший об измене, принял это предложение и поехал. Здесь его арестовали и, пока весть о трагедии не дошла до Шемахи, отправили его на остров Родос [28]. Там Хаджи-Давуд и умер. Ханом Ширвана с присвоением чина трехбунчужного паши (от слова бунчук — пунчук, — пучок из конских волос, знак различия для турецких пашей разных рангов) и жалованием в 3 тыс. руб. в пересчете на русские деньги был утвержден Турцией Чолак-Сурхай Казикумухский, который и в последующем продолжал заниматься неблагоприятными делами на подвластных ему территориях.

6.3. БОРЬБА ЛЕЗГИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ РАЗДЕЛА ЛЕЗГИСТАНА И ПРОТИВ ИНОСТРАННЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

После изгнания иранских войск с Восточного Кавказа и из Закавказья военно-политическое положение этих территорий выглядело следующим образом: под турецкой властью находилось почти все Закавказье, исключая узкую прибрежную полосу от Дербента до Гиляна, которая оставалась в сфере влияния России, а Ширван и Куба находились под властью Дауд-бека.

По Стамбульскому (Константинопольскому) договору часть Лезгистана также была поделена между Россией и Турцией. К России отошли Ахтыпаринский магал, город Дербент с улусским маголом [8]. Ахтыпаринское, Рутульское общества при разграничении земель должны были отойти к Турции [29].

С 1725 по 1727 год была сделана попытка определить пограничную линию между Россией и Турцией. Смешанная русско-турецкая комиссия пыталась разделить, как указано выше, и часть земель Лезгистана. Лезгинский народ активно боролся против раздела территории между Россией и Турцией и в конечном счете заставил отказаться от идеи совершения такого акта.

Гербер, непосредственный участник определения русско-турецкой пограничной линии, отмечает в своих заметках, что привести жителей кюринских селений к повиновению было нелегко, поскольку они выступали против границы [30]. Далее он отмечает, что

общества Самурской долины "противятся обоим государствам — России и Турции, — в подданстве, все заедино вместе стоят и хотят вольными людьми побывать, как оные всегда бывали" [29]. И наконец, "жители Ахтыпаринского общества, живущие "в крепких местах", не желавшие слышать о таком разделении, были царскими властями оставлены в покое".

Ширван и Елисуйское султанство находились в номинальной зависимости от Турции Хаджи-Давуд в Ширване проводил независимую от Турции политику, да и на других лезгинских территориях народ активно боролся против захватчиков. "Турки, — пишет Гербер, — многократно покушались привести лезгин к послушанию, однако они этому противились и знали вольность свою удержать" [29].

Народы, попавшие под власть турецких оккупантов, поднимались на борьбу за свое освобождение. Турецкие ставленники с помощью местных продажных феодальных владетелей принимали меры для подавления выступлений лезгин и других народов. В частности, коварным способом был отстранен от власти в Ширване Дауд-бек Мюшкюрский, и на его место назначен продажный Чолак-Сурхай. Были разосланы фирманы-указания местным владетелям о том, чтобы они активно подключились к борьбе против "бунтовщиков".

Из фирмана турецкого султана Мухмуда цахурскому владетелю Магомед-паше (1731 г.) выясняется, что "некоторые армянские народы, подобно сигналам, и лезгинские племена иногда вследствие беспечности правительственных властей осмеливаются производить беспорядки в государстве" [8,32]. Цахурский владетель ставился в известность о военных приготовлениях турецких войск совместно с некоторыми продажными владетелями Восточного Кавказа к борьбе против восставших жителей, от него требовали "при первом извещении гянд-жинского правителя принимать участие в усмирении восстания" [8,32]. Для усмирения восставших на лезгинских территориях было отправлено несколько турецких карательных экспедиций, которые закончились для турок безуспешно [8].

В 1733 году среди жителей Лезгистана, находящихся в подчинении России, снова начались крупные волнения, "которые были жестоко подавлены царскими войсками" [33].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что жители Лезгистана, как и другие кавказские народы, не желая мириться с иноземным игом, поднимались на решительную борьбу против царских войск и турецких поработителей [8].

Захват Турцией значительных территорий в Закавказье и в Западном Иране создавал угрозу самому существованию Иранского государства. Перед лицом серьезной опасности военное ведомство Ирана возглавил крупный военачальник Надир из племени афшаров. Ему удалось изгнать афганские войска из Ирана, а затем захватить Герат. Эти победы привели к быстрому возвышению Надира. В 1780 году он выступил против Турции и вскоре взял Хамадан, Тебриз и Ардебиль.

Надир отстранил от власти шаха Тахма-сиба II и посадил на трон его четырехмесячного сына Аббаса III. С этого момента Надир сам фактически стал управлять страной.

В октябре 1732 г. армия Надира нанесла новое поражение и турецким войскам под Багдадом. Перезимовав на берегах Аракса, Надир летом 1734 г. двинул свои войска в Ширван. Ставленник Турции Чолак-Сур-хай, узнав о приближении Надира, покинул Шемаху и бежал в Кази-Кумух [9]. Войска Надира заняли Шемаху. По его приказу этот прекрасный город был сожжен, жителей переселили на расстояние 6 километров, где возникло поселение Новая Шемаха. После этого некогда оживленная торговля Шемахи замерла. Часть жителей была переселена в местечко Агсу, где вырос новый город.

В октябре 1734 г. Надир осадил Гянджу. Войска Надира устроили перемычку в русле реки и повернули ее течение в сторону крепости. Под напором воды стены и башни

Гянджи начали рушиться, а часть города оказалась затопленной. Однако Надир и в этих условиях не смог взять Гянджу. Он решил отрезать дорогу турецкому войску, шедшему со стороны Еревана и Карса на выручку турецкому гарнизону в Гяндже. Оставив вокруг Гянджи небольшие силы, в мае 1735 г. он двинулся в сторону Армении, а 8 июня, разбив наголову турок, взял Ереван, затем Тбилиси и возвратился в Гянджу. Турецкий гарнизон не выдержал натиска войск Надира, и крепость пала.

Чтобы приостановить продвижение войск Надира, турецкие власти послали им в тыл отряды крымских татар. Получив весть о прибытии крымских татар в Дербент, Надир осенью 1735 г. предпринял наступление на этот город. Не имея поддержки со стороны местного населения, крымский хан поспешно отошел на север [9].

В январе 1725 г. умер Петр I. В России началась борьба различных дворянских группировок за власть. После непродолжительного правления Екатерины I (1725 — 1727 гг.) и Петра II (1727 — 1730 гг.) на престол вступила императрица Анна Иоановна (1730 — 1740 гг.), пришедшая к власти в результате дворцового переворота. В царствование Анны Ивановны ухудшилось внутреннее и международное положение России, были значительно ослаблены армия и флот. Опасность нападения Турции вынуждала Россию в первую очередь укрепиться на побережье Черного моря. При такой обстановке дальнейшее сохранение прикаспийских областей было для России невозможно.

Переговоры между Россией и Ираном, начатые в 1730 г., завершились заключением 21 января 1732 г. в Реште мирного договора между ними. По условиям договора прикаспийские области к югу от Куры отошли к Ирану, который обязывался не допускать Турцию к Каспийскому побережью. Договор сохранял льготные условия за русскими купцами в пределах Иранского государства. Добившись больших уступок со стороны Турции, Персия опять открыто заговорила о возврате территорий, занятых русскими войсками. Сложившаяся к 1735 году военно-политическая обстановка оказалась явно не в пользу России.

Царская Россия, не желая пойти на открытый военный конфликт, заключила с Персией 10 марта 1735 года в Гяндже договор, по которому Россия отказалась от всех завоеванных в результате похода Петра I территорий и вывела свои войска за Сулак.

Добившись юридического признания возврата ранее утерянных Персией территорий Кавказа, Надир-шах приступил к фактическому их освоению, что вызвало упорное сопротивление народов Восточного Кавказа, особенно лезгинского.

Все это ничего хорошего не сулило народу Лезгистана. Наоборот, территория его опять превратилась в проходное поле для карательных экспедиций, направляемых Надиром в северный Лезгистан и Дагестан для борьбы с непокорными горцами.

Как и следовало ожидать, выполнение условий Гянджинского договора многие народы Восточного Кавказа восприняли как акт жестокой несправедливости и угрозу их независимости. Этим и объясняется тот факт, что одновременно с выводом русских войск жители двух магалов Дербентского ханства бежали в горы, немало жителей Прикаспия бежало на Северный Кавказ [9]. Генерал русской армии Левашов летом 1735 г. писал императрице, что беженцы не вернуться к персам из-за их "безмерного грабительства и тиранства".

Разгром турок и переговоры об уходе русских войск с Восточного Кавказа привели к усилению влияния Ирана. Надир-шах заключил мир с Турцией. Прибыв в Ардебиль, Надир-шах поручил Мусе-хану Астаринскому послать своего курьера к Чолак-Сурхайю с предложением очистить Ширван [11]. Чолак-Сурхай был, как обычно, самонадеян и написал Надир-шаху: "Я завоевал территорию Ширвана со своими лезгинами-львами на войне, и по какому праву вмешиваться в то, что принадлежит мне" [34]. Это заявление

примечательно тем, что оно доказывает, кто был в войсках Чолак-Сурхай и кем отвоеван Ширван. Это были "Лезгинские львы"!

Несмотря на такое громкое заявление, Чолак-Сурхай, как только услышал, что на Ширван наступает Надир-шах, бросив все и всех, убежал в Казикумух. [35].

Захватив Ширван, Надир-шах вступил в пределы Северного Лезгистана.

Народы лезгинской группы Северного Лезгистана: лезгины, табасаранцы, агульцы, рутульцы и цахуры — оказали персидским полчищам упорное сопротивление. "На всем пути от берегов Каспия и Самура до Казикумухского ханства, — пишет профессор А.Шихсаидов, — народы лезгинской группы самоотверженно боролись с войсками Надира, шедшими к Кумуху через Курахское и Магу-деринское ущелья. После бегства Сурхай в Аварию Надир-шах вернулся тем же маршрутом в Дербент. При этом местные жители нападали на иранских захватчиков" [8].

Далее А.Шихсаидов пишет: "Персидские войска во главе с Надир-шахом приближались к селению Ахты. Жители его разрушили мост на Самуре и укрепились на горе в старой крепости Шахбани. Но шахские войска за сутки построили новый мост. Переправившись вечером по этому мосту, персидские войска расположились лагерем вблизи укрепления и приступили к штурму крепости. После многочисленных атак крепость была взята и ее защитники погибли с оружием в руках. Опустошив ущелье и горы, Надир-шах двинулся по Хачмасской дороге до Куткашеи" [11].

Когда Надир-шах находился в Закавказье, крымский хан, по указке Турции, совершил набег на Восточный Кавказ. Чолак-Сурхай принял сторону крымского хана. Узнав об этом, Надир-шах вторично совершил поход в Северный Лезгистан. Несмотря на приближающуюся зиму в горах Надир-шах двинулся со своими войсками по Алты-Агачской горе в Табасаран [8].

"По приказу Надира-шаха в табасаранском магале Дера у жителей было отобрано продовольствие. Надир-шах отправил отсюл. своего сына Ризакули-Мирзу в Шебранский магал, а сам совершил поход в магалы Етег и Хиналарик, с целью наказания восставших жителей" [8].

Другой отряд в количестве шести тысяч человек был выслан против докузпаринцев и ахтыпаринцев. Третьему отряду приказано было идти в селение Кибир. Не выдержав опустошительного нашествия, толпы людей стали уходить в горы. Для задержания их была направлена специальная команда со стороны сел. Кибир, так что большинство беженцев из Самурской долины было истреблено. Производя здесь большие разрушения, все три отряда Надира-шаха соединились в селении Гилияр. 11 ноября 1735 года Надир-шах двинулся в сторону Дербента. После взятия Дербента он велел вырвать защитникам города по одному глазу, которые захоронены под каменным столбом во дворе Джума-мечети.

Весьма тягостное впечатление производил Дербент в то время. Интересно свидетельство И.Лерха: "В Дербенте во всем караван-сараях длиною в версту, насчитывающем до 150 лавок..., не было ни одного купца. Все лавки пусты. После перехода Дербента под власть Ирана больше половины населения вынуждено было переселиться в другие места, так как у многих дома были разрушены" [9].

Надир-шах на северной стороне Дербента разбил лагерь [11]. Оставив здесь большое количество войск для продолжения борьбы с восставшими жителями, шах вернулся в Персию. Практически с этого времени началось оседание на этой земле туркмен, которые были в составе иранских войск. Позже они получили название терекмейцы, т.е. туркменцы [8]. Политика шаха Аббаса I по отношению к знатным людям и дербентскому правителю, равно как и к уцмию кайтагскому, способствовала укреплению их

владельческих прав. По рассказам Искандера Мюнши, персидский шах Аббас I в награду за активную помощь при взятии Дербента в начале XVII в. "... возвысил их (удмий) ценными почетными одеждами и дарением предметов, украшенных драгоценными камнями..." [8].

Победы 1735 г. Надир использовал для провозглашения в январе 1736 г. себя шахом Ирана. Династия сефевидов была низложена, на ее месте утвердилась династия афшаров. При этом своего брата Ибрагим-хана Надир назначил правителем завоеванных земель: Грузии, Армении, Лезгистана и других земель Восточного Кавказа.

Лезгины активно выступали против жестоких завоевателей. Во время сборов налогов с Джаро-Белокан лезгинское население восстало и перебило много иранских воинов. Ибрагим-хан решил наказать непослушных жителей Джаро-Белокан. Летом 1738 года Ибрагим-хан во главе 40-тысячного войска вступил в пределы Джаро-Белокан, где вначале персам удалось занять ряд лезгинских сел. На помощь пришло большое число горцев-лезгин. В сражении близ Джаника войска Ирана были разбиты. В битве убиты брат Надира Ибрагим-хан, Угурлу-хан Гянджинский и ряд других военачальников-персов.

Это событие в сообщении русского консула в Иране С.Арапова описывается следующим образом: "Горские, называемые чарские (джарские — Г.А.), шахова Надир-шаха брата Ибрагим-хана убили, с ним войско было близ сорока тысяч, а ни двух тысяч от того войска в собрании ушедших нет... больше тридцати тысяч персидского войска пропало..." [20].

Остатки персидских войск, предводительствуемые Мухаммед-ханом Афшаром, поспенгао ушли в Иран. Победителям достались большие трофеи.

Надир назначил на Восточном Кавказе нового правителя — Амир-Аслан-хана, которому приказал подавить восстание.

Для того, чтобы иметь опору и как-то уменьшить сопротивление лезгин, Надир в 1739 году с берегов Куры в районы Дербента и Кубы переселил часть племен сорсоров (сур-соров), от имени которых и поныне остались такие названия сел, как Сор-Сор, Сур-Сур, Сар-Сар, Сур в Геогчайском, Кубинском, Шемахинском и других районах [9].

Весной 1741 года Надир-шах опять сам вступил в пределы Лезгистана — в Шемахе разместил 150-тысячную армию. Отсюда он направлял в различные регионы Лезгистана несколько крупных отрядов войск для подавления восстаний.

Всюду войска Надир-шаха встречали упорное сопротивление повстанцев, "Шах, — писал русский консул С.Аврапов, — сколько войска против лезгинцев ни посылает, лезгины в сражениях всегда персиян рубят..." [20].

Терпя поражения, Надир-шах стал вымещать свое зло на населении и семьях повстанцев. От преследования жители лезгинских сел близ Дербента ушли в горы [36].

Совершив большие разрушения и погромы, войска Надир-шаха приблизились к Ричинской крепости. Ворвавшись в селение, войска шаха учинили разгром, разграбили имущество жителей и устроили шах-харман [8].

Опустошая все на своем пути и неся при этом большие потери, персидские войска вступили в Казикумух 12 августа 1741 года [8]. Чолак-Сурхай сдался на милость шаха. Русский резидент Калушкин 12 августа 1741 года сообщил из Кумуха, что "Сурхай, видя горских людей в крайнем несогласии и себя самого от сыновей своих оставленным, через Гани-хана изъявил покорность. Он сдался вместе со своей семьей" [35]. Об отношении борющегося населения к Чолак-Сурхаю говорит такой факт. После захвата Кумуха Надир-шах потребовал от Чолак-Сурхая снаряжение и отряд воинов, состоящий из 1000 человек. "В шахский же лагерь Чолак-Сурхай явился с отрядом в 400 человек, так как"... он более

того числа дать власти не имеет, понеже всего деревни, имея с аварским ханом сообщения, учинились ослушны, а о своих сыновьях, где они скрывались, и знать не может" [37].

После этого Надир-шах направился в Кайтаг. Кайтагский уцмий, как и Чолак-Сурхай, прекратил сопротивление и сдался, хотя подвластные ему жители продолжали борьбу.

В октябре 1741 года Надир-шах послал сильный отряд против Табасарана. В сражении шахские войска были разбиты [31].

Надир-шах организует несколько безуспешных карательных экспедиций на территорию лезгин и табасаранцев [8]. Горцы от пассивной обороны стали переходить к активным действиям против шахских войск, расположенных лагерем недалеко от Дербента. "Набеги горцев, — писал Бутков, — весьма беспокоили его (Надир-шаха) войско" [1]. Лезгины всегда нападали из-под прикрытия камыша, грабили и убивали проезжающих [31]. Очевидец событий, русский резидент при персидском дворе Калушкин, писал в конце 1741 года, что шах "от лезгинцев много потерял силы, был многократно от них разбит" [1].

В 1742 году части иранской армии направились в Кумукскую степь, Самурскую долину, Табасаран, Кайтаг, Аварию [8]. Во главе войск, отправившихся в Аварию, был сам шах [45], который потерпел здесь поражение от объединенных сил горцев. "Из тыла вражеских войск пробрались в Аварию лакцы, даргинцы, кубачинцы, лезгины, кумуки, кайтаги" [9].

Во время военных действий в Аварии в ставке Надир-шаха находился Чолак-Сурхай. "Остатки разбитой шахской армии, возвращаясь из Аварии по Самурской долине, осадили селение Тублюк [31]. Шахские войска в течение трех дней держали в осаде селение Кудиль, но они не смогли его взять, вынуждены были отступить, заключив с жителями мир" [38].

В 1742 году Надир-шах трижды во главе 30-тысячной армии вторгнулся в Табасаран с целью наказания восставших жителей и каждый раз отступал, неся большие потери. Только в одном бою с табасаранцами убито 800 шахских солдат и шах едва не лишился жизни [38]. В ноябре того же года большой отряд иранских войск был наголову разбит в верховьях реки Дербак.

После 1742 года Надир-шах не предпринимал серьезных попыток проникнуть в горы. Его армия стала таять под непрекращающимися ударами горцев, в основном лезгиноязычных народов. К тому же в его армии начались голод и болезни. Русский резидент Братишев, называя "победы шаха гнилыми, отмечал, что тот через два года на Восточном Кавказе ничего достигнуть не мог, что государство свое подорвал, народ истошал, войска растерял и остальные крайне изнурил" [39].

В начале 1743 года шах перебрался в Багдад. Отступление шаха было по существу паническим бегством.

В 1743 г. началось крупное народное восстание против шахского Ирана уже на территории Ширвана. Основной костяк восставших составляли лезгины. Во главе его стоял лезгин Сам Мирза I, выдавший себя за сына последнего шаха Хусейна. К нему примкнули и северные лезгины [40]. Они овладели городом Новая Шемаха (г. Ахсу) и превратили его в центр восстания. К весне 1743 г. к гор. Ахсу подошли регулярные части иранской армии под командованием сына Надир-шаха Насруллы Мирзы, которые разбили повстанцев, овладели гор. Ахсу, захватили и казнили Сам Мирзу I.

К концу 1743 года в Ширване появился новый самозванец Сам Мирза II, который также выдавал себя за наследника, а Сам Мирзу I назвал своим сбежавшим рабом. Вскоре он был схвачен, ему отрезали кончик носа и отпустили. Поэтому он получил прозвище — Сам Мирза Безносый.

Сам Мирза II сумел добраться до Ширвана, он обосновался в г. Ахсу при полном сочувствии и поддержке местных жителей. Силы его быстро росли в основном за счет лезгин. Повстанцам Сам Мирзы II удалось дважды разбить части иранской армии.

Надир-шаху пришлось организовать и направить против Сам Мирзы II довольно крупные силы, которые окружили г. Ахсу и смогли его взять лишь благодаря применению артиллерии. Сам Мирза II удалось спастись бегством. По дороге в Грузию его схватили люди правителя Кахетии Теймураза II, которые выдали его Надир-шаху. Измученный пытками, он вскоре умер.

В ноябре того же года Надир-шах с 15-тысячным войском совершил поход против лезгин-шекинцев, восставших под руководством Гаджи Челеби-хана, но шекинцы укрепились в крепости Гелесен-Гересен, построенной ими в глубине ущелья. Невозможность протаскать туда артиллерию, а также отважная оборона шекинцев заставили Надира, так и не добившись успеха, отступить в Барду.

В декабре Надир-шах уже с 30-тысячным войском через Шемаху и Шабран направился в Дербент, а оттуда на север. Разбив лагерь у сел. Моллакенд, он безуспешно ожидал проявления покорности горцев, и, не дождавшись, отступил к Барде.

В феврале 1745 г. он совершил второй поход в Шеки. И на этот раз никакого успеха в крепости Гелесен-Гересен не имел. В мае он оставил Шекинскую область, но осажденные были уже в тяжелом положении: сказалась продолжительная осада, и голод сделал свое дело. Челеби-хан был вынужден признать власть Надира, который не доверял ему, поэтому послал в Шеки своего ставленника Мелика Джафара для контроля действий текинского хана.

15 февраля 1743 года Надир с остатками своего войска отступил на юг. За шахом числился на Восточном Кавказе лишь город Дербент с прилегающей территорией. Лезгины и другие народы направили свои силы на очищение от завоевателей и этого района. В 1744 году были взяты и разрушены отдельные укрепления. Гарнизоны иранцев перешли на сторону повстанцев. Спустя некоторое время дербентский султан Мухаммед-Алихан, гадя неминуемую гибель если не от рук напасающих дружин, то от рук городских жителей, оставил город и направился в Иран.

С 1734 по 1743 год в Северном Лезгистане села непрерывная партизанская борьба против шахских войск. Отряды партизан героически сражались с войсками Надир-шаха.

В последние годы правления Надир-шаха его государство сильно обнищало. Надир-шах остро нуждался в средствах, в связи с чем начал издавать все новые и новые указы о дополнительных чрезвычайных налогах. Это послужило толчком к вооруженным восстаниям против существующего режима. В результате "от него отложились из-за тяжести хараджа и Гянджа, и Самух, и Эривань, и другие города и подданные Аррана" (Албании) [21]. Таким образом, еще при жизни Надира перестали подчиняться центральной власти те или иные области Албании (Лезгистана) и закладывались основы будущих независимых ханств.

В 1747 году в результате заговора своих приближенных шах Надир был убит, Персидское государство отвлечено от Лезгистана внутренней междоусобной борьбой.

Нашествие персидских захватчиков привело к разрушению производительных сил страны, нарушению внутренних торговых связей, общему сокращению населения, уничтожению материальных и культурных ценностей. Это нашествие отбросило Лезгистан на многие десятилетия назад.

6.4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕЗГИСТАНА

В XVI — XVII веках Лезгистан находился преимущественно под властью иранцев. Зремениами на эти территории вторгались и турки.

Сефевидское и султанское государства были феодально-деспотическими монархиями [9]. Главою государства являлись шах и султан, имевшие неограниченную власть. У сефевидов шах одновременно был наследственным шейхом дервишского ордена: "Сефевийе" [9]. При шахе Исмаиле I шиизм объявлен государственной религией. В 1504 году за религиозное "непослушание" только в одном Табризе казнены тысячи людей [9].

Турецкий султан в этом деле, как и в других грабительских делах, не уступал шаху. Османы также объявили в борьбе с иранцами шиитов врагами мусульман-суннитов [4].

В XVI — XVII вв. феодальные отношения в Лезгистане мало изменились по сравнению с предшествующим периодом, но феодализм достиг большой зрелости.

Преобладающей формой феодальной земельной собственности в XVI в. были государственные земли — дивани. Обширные угодья принадлежали шахской фамилии.

Крупное феодальное землевладение сочеталось с мелким крестьянским землепользованием. При этом крестьянское землепользование существовало в виде издольной аренды, которая ставила крестьян в кабальную зависимость от феодалов.

Как и раньше, особенно в горных магалах, существовала сельская община — джамаат. Община объединяла своих членов для работ по поддержанию оросительной сети и орошению земель.

В XVI в. в ремесленном производстве почти изжил себя рабский труд, широко применявшийся при арабах и монголах. Все более возрастала роль свободных ремесленников. Лезгистан представлял собою удивительную картину смещения и чередования различных физико-географических условий, от прикаспийских равнин, что ниже уровня моря, до высочайшего в Европе селения Куруш, от богатых долин плоскостных и предгорных районов — через тучные альпийские луга — до голых экзотических скал у Главного Кавказского хребта. В соответствии с этим в различных районах преобладали те или иные виды занятий. Если в плоскостной и предгорной зонах занимались преимущественно земледелием (в частности, виноградарством и садоводством), то население горных и высокогорных районов специализировалось, в основном, на скотоводстве (овцеводстве), но занималось также и земледелием. Довольно развито было пчеловодство.

Рис. 6.4. Гора "Кетин кьил".

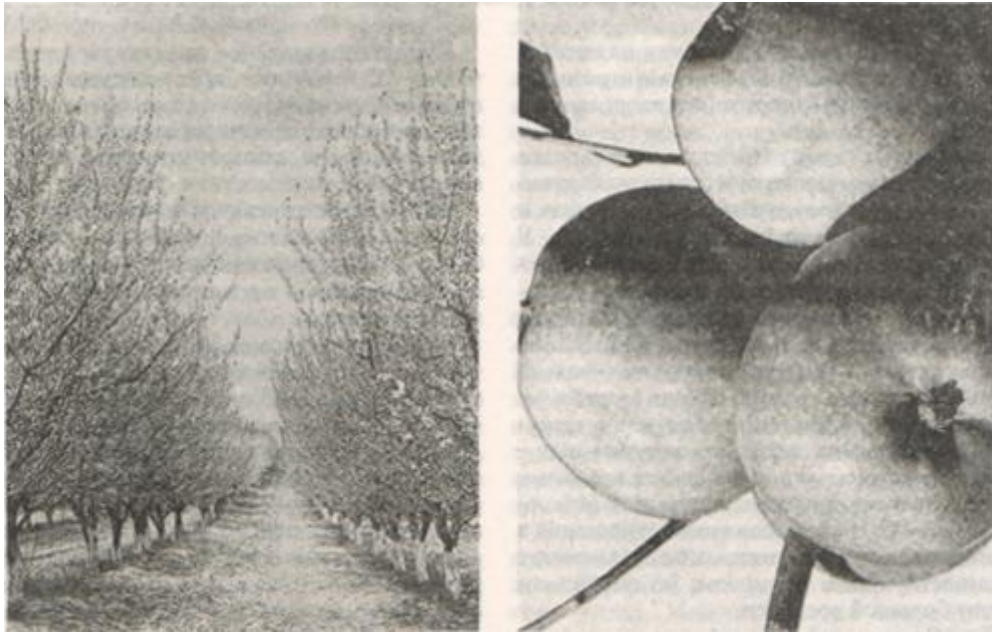

Рис. 6.5. Яблоневоый сад.

Районы Дербента, Табасарана, Кюре, Кубы, Ширвана, Шеки, Кахи и другие плоскостные и предгорные регионы были богаты пашнями; здесь прорастали пшеница, ячмень, просо, кукуруза. Выращивали также шафран, виноград, айву, смокву, гранаты, яблоки, сливы, груши, черешню и другие фрукты. Широко применялось искусственное орошение. На довольно высоком уровне стояло производство шелка, а производстве и продажа марены составляли одну из главных статей дохода. Кстати, за культивации: дикорастущей марены и создание новых сортов, позволяющих производить всю гамму; естественных красителей, лезгину во Франции поставлен памятник. Вот что написано в журнале "Советский Дагестан" (N5, 1966г.): "Были и такие растительные краски, которые славились во всем мире. Среди них одно из первых мест по праву занимал ализилин — замечательная красная краска. Его приготавливали из корней марены. Марены постоянно не хватало, она была диким растением. Не удалось "приручить" марены и жителям Авиньона (Франция), а жителю Дербента, лезгину, удалось вырастить марены... В честь Гусейна Келбетая — человека, сумевшего вырастить новые сорта марены, в французском городе Авиньон воздвигнут памятник"

К середине XVII века относятся известия: "густых лесах" по пути из Дербента в Кюре, о садах в Кюре ("у них есть свои сады"), о Табасаране, расположенном "между садами и цветниками" [17]. По данным А.Контарини, садоводство еще в XV веке было развито в районе между Дербентом и Шемахой, "где годится столько прекрасных плодов, и в особенности яблок, что, глядя на них, не веришь собственным глазам" [41].

Рис. 6.6. Виноградники.

Горные и высокогорные районы были богаты крупным и мелким рогатым скотом, особенно в Самурской долине. Преобладала отгонная система животноводства: летом скот содержался на альпийских лугах, а зимой перегоняли его через перевалы на южные предгорные склоны Кавказских гор и южные плоскостные районы — в Ширван, Кубу, Шеки, Ках, Закаталы и др. Максимальное расстояние для перегонов достигало 50 — 70 км. Поэтому поголовье баранты составляло более миллиона голов.

В скотоводческих районах были развиты и отдельные виды домашних промыслов: горцы изготовляли из шерсти различные ткани, сукна, ковры, высокого уровня достигла выделка кож, обработка дерева.

Казалось, после того как торговый путь через Россию и Лезгистан в Иран, установившийся в связи с кризисом средиземноморских связей европейцев с Востоком, потерял для европейцев прежнее значение, можно было ожидать в хозяйственной жизни Лезгистана упадка, как это наблюдалось, например, в среднеазиатских странах. Однако вышеприведенные данные о состоянии сельского хозяйства, кустарного производства и торговли в Лезгистане в XVII веке не только не позволяют говорить об упадке в хозяйственной жизни страны, наоборот, свидетельствуют о некотором его подъеме. Этим Лезгистан был обязан прежде всего благотворному влиянию русской экономики на основе роста хозяйственных и культурных связей с русским народом. Торговые связи с русскими усилились к концу XVII века, поскольку к тому времени страна оправилась от последствий разорительных нашествий Надира. Из Лезгистана вывозили скот, масло, шерсть, мед, вино, фрукты, марену и т.д. Из России привозили тонкие сукна, сахар, шелковые, бумажные и холщовые ткани, писчую бумагу, серебро, золото, олово, сталь, железо, стальные, железные и медные вещи домашнего обихода и т.д. [42]. Торговлей занимались в основном, как и в предыдущий период, феодалы и феодализирующая верхушка лезгинского общества. Внутренней торговлей занималось также и узденство [4].

Рис. 6.7. Ковер "Ширван" (слева), XVII в. Хранится в музее декоративного искусства, г. Будапешт.
Ковер "Шемаха" (справа), XVII в.

В Лезгистане города играли заметную роль в хозяйственной, политической и культурной жизни страны. Они представляли собой важные торгово-ремесленные центры. Правда, Гянджа, Барда и некоторые другие города в XVI в. потеряли свое былое значение, но выросли Шемаха, Баку.

Рис. 6.8. Слева – столб мечети сел. Друштуль Агульского района. XVI-XVII вв. (по Дебинову).
Справа – капитель столба мечети сел. Рича Агульского района. (Прорисовка Дебинова).

Шемаха насчитывала тогда около 25 тысяч жителей. Здесь имелись многочисленные шелкоткацкие и бумагопрядильные мастерские. Шемаха была главным производителем шелка и одним из крупнейших торговых центров на Востоке. Наряду с мерными купцами в Шемахе вели торговлю русские, армянские, грузинские, иранские, индийские и западноевропейские купцы.

В это время важная караванная магистраль проходила через Дербент, Шемаху, Ареш и Гянджу к Тбилиси. Из Шемахи шли дороги в русские земли, Ереван, Тебриз, в города Ирана, Сирии и других восточных стран. Связи северного (ныне Дербентского, Ахтынского, Магарамкентского, Рутульского районов) и южного (ныне Хачмасского, кубинского, Кусарского, Шекинского, Нухинского, Закатальского районов) Лезгистана все возрастали. Они носили не только политический, но и культурный, экономический характер.

В XII — XVII вв. продолжается проникновение арабских элементов в Лезгистан. Это подтверждается сохранившимися эпиграфическими надписями на сооружениях, особенно культовых. Ниже приводим некоторые из них, взятые из монографии А.Шихсаидова "Эпиграфические памятники Дагестана".

Сел. Хнов (Ахтынский район). Недалеко от селения Хнов, на окраине дороги расположен пир (святилище) — небольшое однокамерное сооружение. Внутри пира, в западной стене смонтирована каменная плита с арабской надписью в 8 строк (Рис. 6.9).

- (1) Это могила покойного, прощенного Мухаммада,
- (2) сына Асада, сына М.к.л.к.н. сына Карнайна
- (3) сына 'Араб Абакара (араб Абакара, сына Тахсмана
- (4) сына Бугала, сына Сайф ад-Дина, сына
- (5) Карнайна, а Сайф ад-Дин и М.к.л.к.н. (6) они оба сыновья Карнайна.
- (7-8) Случилась смерть его в восемьсот лтьдесят четвертом году
- (9) хиджры пророка, — да благословит
- (10) Аллах его и да приветствует.

840г.х.-14.XI1450 — 2.XI 1451 г.

Родословная Мухаммада содержит 9 имен (Мухаммад, сын Асада, сына М.к.л.к.н., сына Карнайна, сына 'Араб Абакара, сына Тахсмана, сына Бугала, сына Сайф ад-Дина, сына Карнайна). Для нас наибольший интерес представляет в этой цепи имя 'Араб Абакар (или араб Абакар) — попытка под-чернуть, что святилище связано с именем араба по происхождению.

В связи с именем Мухаммада, сына Асада... сына Араб Абакара встает также вопрос о социальном статусе лиц, над могилами которых воздвигаются культовые сооружения типа "пиров", о социальном положении лиц, становящихся "пирами" ("святыми"). Для этого привлечем несколько надписей и записей, обнаруженных в сел. Лгар.

Сел. Лгар (Пиркент) Ахтынского района.

— Переселился [т.е. скончался] шейх Джунгид, живущий в Хазри да освятит Аллах его душу — после шестьсот пятьдесят первого года. После кончины его прошло [около] тридцати лет. Переселился из мира тленного в мир рая шейх ал-Багдади, сын шейх... мана Мир Су-лайман после пророка, — да благословит Аллах его и его семью и да сохранит, да освятит Аллах душу его, — [в] шестьсот восьмидесятом году. (1253 — 1282 гг.).

Запись на этом не заканчивается. Продолжение ее связывает тематически сообщение XIII в. о событиях, имевших место через 500 с лишним лет.

И [еще] переселился Шейх Заман ибн Шейх, Ашур, ибн Исмаил [в] селение Пир-кенди после тысяча сто семьдесят первого года в ночь праздника жертвоприношения, — это было в пятничную ночь, — да смилостивится Аллах над ними всеми. Аминь!

Они из потомства повелителя правоверных и имама повелителя правоверных и имама благочестивых Али — да облагородит Аллах лик его и да будет доволен им Аллах. (1757 — 1758 гг.)

Запись рассказывает, таким образом, о трех шейхах — Шейх Джунейде, шейх Мир Сулайман (Пир Сулайман) и Шейх Заман. Наиболее почитаем в Южном Дагестане Пир Сулайман, на его могиле было воздвигнуто купольное здание, строительство которого не зафиксировано в сохранившихся надписях, но реставрационные работы проводились еще в конце XVIII., причем шейх Пир Сулайман причислен к корейшитам и потоамкам Абу Муслима.

- (1) Все в нем (этом мире) тленно.
- (2) Это мавзолей (кубба) шейха Пир Су-лаймана, а
- (3) он из рода курайшитов и шейха Абу Муслима.
- (4) Реставрировал этот мавзолей А —
- (5) шурбек ради Аллаха. У стад этого
- (6) мавзолея Курбан, сын Джигархана.

Другая надпись в стене мавзолея уточняет, что это произошло в 1200 г.х., т.е. в 1783 — 1984 гг. Эпиграфический материал подтверждает сообщение записи о Пир Сулаймане. В 1980 г. обнаружена в местности Пи: Сулайман у горы Шалбуз-даг, близ селени" Куруш Ахтынского района полукуфическая надпись (запись Т.М.Айтберова), которук можно датировать палеографически XIII в.

- (1) (Басмала)
- (2 — 4) (формула единобожия). Это егг. -янка (марса) известного Сулаймана и ее: матери Х.з.н.

Мы видим, что Сулайману посвящено двг святилища, в сел. Лгар (или Лгар-Пиркен-и близ сел. Куруш. Очевидно, деятельности Сулаймана была связана с обоими пунктами. Это обстоятельство и породило, очевидно, предание о том, что в Лгар-Пиркент; мавзолей воздвигнут на месте стоянки голубей, "транспортировавших" останки Сулаймана, а у Шалбуздага же — мавзол. возведен на месте погребения святого.

Сел. Орта-Стал (Сулейман-Стальский район). В селении имеется большое купольное здание — "Пир шейха Ибрахима", реставрированное в 1914 г. с указанием в реставрационной надписи о смерти шейх_ Ибрахима в 940 г.х., т.е. 1541-1542 г.

Сел. Ахты (Ахтынский район). На западной окраине селения расположен "Чехе пир" ("Большой пир") — невысокое прям угольное сооружение, в центре которого растет "священное" дерево. В южную стену сооружения вмонтирована каменная плита (21x25 см) с надписью (рис. 6.10).

Рис. 6.10. Сел. Ахты. Каменная плита с надписью.

- (1) Переселился
- (2) из мира тленного в мир
- (3) вечный шейх Ибрахим -ним...
- (4) в 934 г.х. (1527 — 1528 гг).

Сел. Курар (Хивский район). На могиле, известной среди местного населения как могила Шейха Халифы", надпись гласит

Владелец этой могилы Халифа.

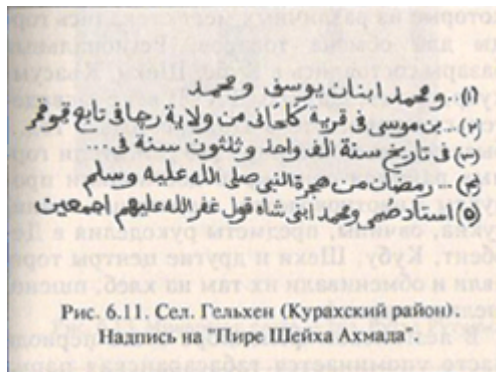
Надпись не имеет даты, но полна сходства; почерком стоящего рядом памятника, есть основание датировать памятник первой половиной XV в.

- (1) Это могила
- (2) Х.н.ан
- (3) Б.л.х.рир
- (4) год — дата
- (5) восемьсот
- (6) пятнад
- (7) цатый.

815 г.х. = 13.IV 1412 — 2.IV 1413 г.

Существует предание о том, что много сот лет тому назад из Аравии в Лезгистан прибыли проповедники: шейх Халифа — в сел. Курар (Хивский р-н), Султан Шейх Ахмад — в селение Курах и Пир Хашим — в Агульском районе, собственно в ущелье Магьудере.

Сел. Гельхен (Курахский район). В селении сохранилась гробница шейха Ахмада. Местные жители называют ее "шейх Ахмедан пир" ("пир Шейха Ахмада"). Пир шейха Ахмада почитается и поныне среди верующих, считают, что он помогает "от засух", а земля, взятая с могилы, "обладает целебными свойствами". Внутри гелхенского мавзолея расположены две могилы, одна из которых, по рассказам старожилов, принадлежит шейху Ахмаду.

- (1) [Построили, или реставрировали этот мавзолей]... и Мухаммад, два сына Йусуфа и Мухаммад.
- (2) ... сын Муса из сел, Калхани (Гелль хен) вилайата Рича, в подчинении Кумука...
- (3) в тысяча тридцать первом году в [месяце]
- (4) рамазан по хиджре пророка — да благословит его Аллах и да сохранит, —
- (5)... Устад [ы] Сумай и Мухаммад сыновья Шахкули, — да простит Аллах их всех.

Культурные связи шли по линии культурного общения: в частности, обмен сочинениями на арабском языке, передача традиций (особенно в архитектуре), переселение жителей как с юга на север, так и с севера на юг. По последнему вопросу имеется много интересных сведений. Местные традиции связывают с ширванцами происхождение ряда населенных пунктов, отдельных кварталов [8]. Так, селение Джабель "основано выходцами из Ширвана, потому иногда называется Ширванар" [43], "селение Орудж-оба также основано выходцами из Ширвана" [43]. В селении Гилияр весь тухум Шихлия считается выходцами из Ширвана [8]. В селениях Гельхен и Виттихъар имеются тухумы "къаджарар", связанные с переселением тюрков из северо-западного Ирана. В Ахтах имеется квартал "Уынахънар", свидетельствующий о том, что там жили представители лезгин из Шеки. В свою очередь в Шеки имелось много домов, в которых жили выходцы из Ахтов. Родственные и дружественные отношения между Самурской долиной и Ширваном проявились и в том, что определенный сорт черешни у лезгин называется "Ширван пини", т.е. "Ширванская черешня". По-видимому, сорт был завезен из Ширвана. Переход с южных отрогов (Шеки, Шемаха, Ках, Закаталы и др.) через горы связан со многими труднопроходимыми перевалами. Тем не менее связи Ширвана и Шеки с самурскими и кюринскими лезгинами были регулярными. В 1618 году посольство Михаила Барятинского проходило по пути Шемаха-Ширван-Дербент [8]. Путь этот функционировал постоянно, о чем свидетельствуют многочисленные караван-сарай. Это была единственная благоустроенная, удобная дорога по равнине, только Самур иногда ставил неожиданные препятствия [8]. Кратчайшим же был путь через перевалы. Очевидно, в XVIII веке Гянджу и Цахур соединяла действующая дорога, чем и объясняется сообщение Закарийи ал-Казвини о том, что "Цахур расположен в шести переходах от Гянджи" [8].

Имелись также пути местного значения, и ими пользовались регулярно. Жители рутульского магала держали связь со своими южными землями в нынешних Кахском и Закатальском районах по следующим трем путям:

1. Шиназ-Рутул-Цайлахъан-Борч-Салаватский перевал-Гюнюк-Нуха. Зимой этот путь труден, и потому маршрут менялся: Шиназ-Рутул-Ахты-Хнов-Салаватский перевал-Гюнюк-Нуха [8].
2. Шиназ-Амсар-Лучек-Кина-Гельмец-Курдул-Билакадинский перевал-Сарабали-Кахи. Большинство жителей пользовались этой дорогой.
3. Дорога, идущая через Цахур: Шиназ-Амсар-Лучек-Микик-Цахур-Мишлеш-Каль ял-Диндинский перевал-Махух-Закаталы. Эта дорога имела и имеет исключительно важное

значение в жизни цахурцев, так как по ней происходил обмен хлебом и животноводческими продуктами с Закаталами. Причем этой дорогой пользуются столетиями [8].

В 1900 году поверенные Цахурского сельского общества писали: "На водораздельном перевале из Закатальского округа в Самурский в середине почти непрерывных балок, ущелий, оврагов и пропастей есть безопасное место стоянки для проходящих путников под названием "Балдургандега". Этот караван-сарай ... построен одним цахурцем 270 лет тому назад, как гласит надпись... Этим единственным безопасным пунктом (караван-сараем) между небом и землей в горах свободно с удобствами пользовались единственно тут проходившие — цахурцы [44]. Цахурцы придавали этой дороге особо важное значение. Когда сарыбашский старшина захватил участок с караван-сараем, они отмечали в своей жалобе: "Без свободного пользования природным пунктом "Балдур-ган" нам в селении Цахур невозможно будет далее жить", — и требовали освободить перевал [44]. В XVII веке в связи с ростом торговых связей между Закавказьем, с одной стороны, Россией и странами Западной Европы, с другой, усиливается значение Волго-Каспийского пути (Москва-Казань-Астрахань-Тарки-Дербент-пристань Низа-бад-Шабиран-Шемахи) [18]. Путем Шамаха-Дербент-Астрахань часто пользовались и грузинские послы [45].

Рис. 6. 1 2. Сел. Тпиг Агульского р-на. Строи тельные знаки на стене дома. XVII в

Дербент был пунктом складирования товаров, шедших из внутренних районов Восточного Кавказа. Основная статья вывоза — марена сохраняла свое преобладающее значение и в XVII веке. В городе был расположен большой рынок. Для различных товаров существовали отдельные ряды, как это виино из сообщения путешественника: "Патрон отвел меня в табачные ряды и продал Хаджи-Байраму-Али"... [46].

Торговая связь осуществлялась не только через Дербент. Были пути и через внутренние районы Восточного Кавказа. Так, например, интенсивным был путь Нуха-пе ревал-Ахты-Курах-Усуг-Рича-Чирах и далее на Кумух. Об этом пути говорит Беккер, отмечая, что кубачинцы, цудахарцы, андийцы и др., "строго говоря, проезжают только через Ахты, направляясь в Нуху..." [47].

Значительное место занимала внутренняя торговля: внутри определенного района и региона проходили базары, на которые из различных мест стекались горцы для обмена товаров. Региональные базары состоялись в Кубе, Шеки, Къасум-хуър, Ахта, Цахуре. В XVII веке засвидетельствовано, что в Цахуре "раз в год., бывает большой базар" [16]. Жители горных районов регулярно доставляли продукты животноводства, шерстяные ткани, сукна, овчины, предметы рукоделия в Дербент, Кубу, Шеки и другие центры торговли и обменивали их там на хлеб, пшене шелк, соль, нефть.

В лезгинском фольклоре этого периода часто упоминается табасаранская парча ("къурагвай гъайи бафта"), генжинский платок (гендже ягълух) и т.д. [8].

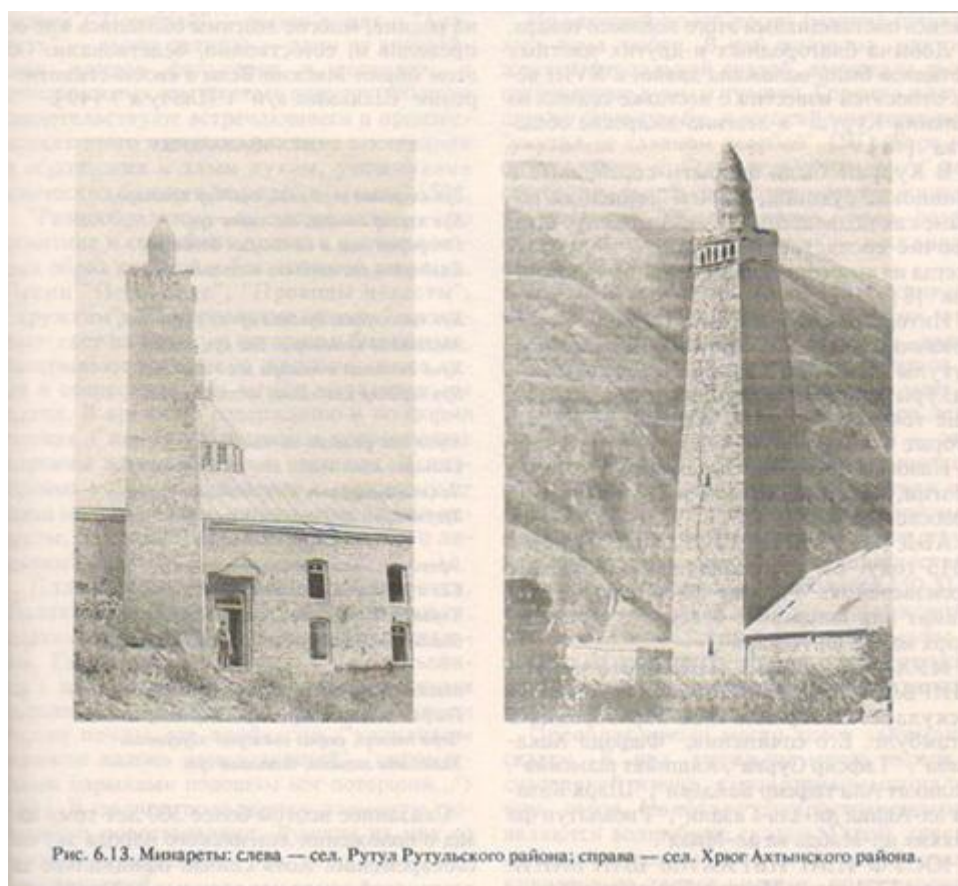
В Лезгистане обмен товарами шел бойко и имел регулярный характер, что можно заключить из твердо установившейся системы мер длины и сыпучих тел. Подробно об

этом написано в книге Ризвановых "История лезгин", где читатель сможет познакомиться с метрологией лезгин.

Обращает на себя внимание тот факт, что в торговой жизни Лезгистана значительное место занимала иранская терминология, поскольку с нею лезгины соприкасались чаще. Из персидского языка заимствованы слова: ряхъ — путь, дорога, савдагар — купец, кахраба — янтарь, туйквен — лавка, чирагъ — светильник, пул — деньги, херде пул — мелочь, куьпхана — красильня, куьпчи — красильщик, перде — занавес, гуьзгуь — стекло, зеркало, мискъал — незначительное, мизерное количество и др. [8].

В XVII веке наблюдается размах строительного дела. Начиная с XVII века в надписях на камне обычно употребляется термин "уста (мастер)". Так, например, в сел. Тпиг здание "пира" построили в 1703 году уста Шабан Арай, уста Мухаммед, сын Ибрагима, уста Молла Шабан, сын Молла Мухаммеда Исы. В Хрюге (Ахтынский район) в 1700 году построен минарет джамаатом Хрюга и уста шейх Садам, сыном Молла Халифы Мухаммеда" [8].

Частое употребление термина "уста" (редко в надписях XI — XIV вв.) говорит об усилении специализации и высоком качестве в строительном деле [8].

Вот построил этот мост джамаат Тпига в тысяча двадцать третьем году хиджры (1612 году), а написал это Газали, сын Молла Ахмеда [8]. Мост соединил два важных политических и экономических центра агулов Тпиг и Рича.

Процесс выделения и специализации ремесел отразился в наименовании кварталов селений. Так, например, один из кварталов сел. Капир (Курахский район) называется Чатун-мегъле (т.е. Кузнечный квартал), потому что там жили кузнецы.

В условиях постоянных столкновений с иноземными завоевателями и частых феодальных набегов особое значение приобретало производство оружия и предметов вооружения. Вооружение лезгин (восточно-кавказцев) состояло из стрел, лука, сабли,

кинжала, копья, брони, шлема и ружья. Несомненно, было налажено местное производство оружия и предметов вооружения, именно местные мастера-ремесленники являлись поставщиками этого ходового товара.

Добыча благородных и других цветных металлов была налажена давно, к XVIII веку относятся известия о доставке свинца из селения Куруш "в лезгино-джарские общества" [48].

В Куруше были открыты серебряные и свинцовые рудники, причем "свинец же поныне как подвластные Ших-Али-хану, так и прочие соседственные народы получают всегда из вышеописанных свинцовых рудников" [8].

Интересно само название свинца у лезгиноязычных народов. Лезгины, табасаранцы, рутулы называют свинец "къркъшум", цахуры и агулы сохранили наименование еще точнее — къуруш (селение Къуруш), вторые — къуррушум" [48].

Назовем несколько выдающихся ученых-лезгин, которые создавали свои труды на арабском языке.

АБД АР-РАХИМ ШИРВАНИ. Умер в 1615 году. Ему принадлежат следующие произведения: "Рисалат фит-Тарих", "Ха-шийат ала шарх абаб Масуди", "Хашийат шарх матам ал-Анвар".

МУХАМЕД ЭМИН ИБН САДРАДДИН ШИРВАНИ. Умер в 1624 году и похоронен в Ускударе. Завершил свое образование в Стамбуле. Его сочинения: "Фафаид Хака-нийя", "Тафсир Сурва", Хашийат шамсийа", Таликат Ала тафсир Байдави", "Шарх Кава-ид ал-Акаид ли-зль-Газали", "Рисалатун фи тахкик ал-Мабда ва ал-Миад".

ЮСУФ ИБН ИБРАХИМ ШИРВАНИ. Умер в 1721 году в Медине. Его произведения: двухтомный комментарий "Мултака", "Ха-дийат ас-сахиб фи мишкат ал-масабих".

КАРА АБУБЕК ИР ЭФЕНДИ ШИРВАНИ. Скончался в 1726 году в Стамбуле и погребен на территории мечети Сулейманийе. Его труды: "Ма лабуд ли-ль-Адиб", "Шарх та-рих вассаф".

ШЕЙХ ИСМАИЛ ШИРВАНИ ТЕДЖ-РИДИ. Прибыл в Стамбул во времена султана Баязиди II. Потом переехал в Мекку и преподавал там по книгам Байдави и Бухари. Скончался там же в 1559 году.

Из поэтов этого времени отметим Мискин Вели (XVII в.), Лезги Къадир (XVII в.), Лезги Салигь (XVII в.), Мюшкюр Магомед (XVI в.), Мюшкюр Экберан (XVI в.), Калажухвг Забит (XVII в.) и др. [49]. В своем творчестве они отражали думы и чаяния народ-борьбу его с ненавистными врагами. Вследствие военных действий и других неурядиц на родине, многие лезгины оказались вне ее пределов и, естественно, бедствовали. Ос этом пишет Мискин Вели в своем стихотворении "Шехъзава зун" ("Плачу я") [49].

ШЕХЪЗАВА ЗУН

*Зун кърбанд хъуй квез, авайбур ярагъара,
Куь язухар атана, шехъзава зун.
Гатфарин дем я билбилрин багълара.
Билбилдин сес атлаиа, шехъзава зун.*

*Куь гъахълувал, дуьзвал вучиз хъана зай,
Адалатдик кумачирни бее куь пай?
Куьн акъатай а чкайра жеч квез тай,
Куь дердияр къат/ана, шехъзава зун.*

*Авуна хъи фелекди ей чан мерез,
Сагъариз кІан хъайч яна кьел хирез,
Лашлагъи-иллалагъ лугъузвай мез
Зулумкарри атІаиа, шехъзава зун.
Эфендияр, гъажияр хъанва дустагъ,
Сел я дидейрин, вахарин вилин нагъв,
Къуларик цІай кумач, къайи я гурмагъ.
Элдихъ рикІ-жигер кана, шехъзава зун.*

*Мискин я зун гъахъеузвилер акунвай,
Гъафил хъана, хиялри перт авунвай,
Чара тежез, сефил гъижран чІугунвай,
Заманади гатана, шехъзава зун.*

Сказанное поэтом более 300 лет тому назад о положении лезгинского народа звучит своевременно. Хотя сейчас официально на лезгинской земле нет военных действий, однако часть народа гибнет в Карабахе, а другая его часть, не найдя своим возможностям приложения, уезжает за пределы родины и прозябает на чужбине.

Многовековое богатейшее устно-поэтическое творчество лезгинского народа живет и в XVI — XVII вв., отражая все перипетии этих сложных веков. В народной поэзии лезгин, как и ранее, встречаются все жанры, известные в фольклористике [50]; песни трудовые, обрядовые и календарные, героические и семейно-бытовые, сатирические и любовные, элегии и плачи, пословицы, поговорки и загадки; волшебные и социально-бытовые сказки, сказки о животных, анекдоты (каравелли) [50].

Раскрывая различные направления в лезгинском фольклоре, Г.Гашаров пишет: "Песня сопутствовала народу на протяжении всей его жизни. Календарно-обрядовая поэзия ("Пешепай" — вызов дождя и "Алапехъ" — вызов солнца) — один из древнейших жанров фольклора и восходит... к доисламскому языческому периоду. Об этом свидетельствуют встречающиеся в произведениях этого жанра магические заклинания и обращения к злым духам, упоминания языческих божеств "гъуцар" и "минар" [50].

"Разнообразны, — он пишет далее, — по тематике и свадебные песни, в центре которых образ кроткой и беззащитной девушки. Песни "Пери-заде", "Проводы невесты", "Дружкам", "Поздравление невесте" проливают свет на далекую историю и быт народа, раскрывают взгляды на женщину, на ее лицо в обществе... Не менее выразительны плачи. В ярких по содержанию и по форме плачах ("ишелар") рисуются потрясающие картины жизни народа в прошлом. Исполненные в форме обращения к умершему от лица матери, вдовы, сестры, дочери или невесты, они полны драматизма и глубоко лиричны" [50].

Плачи достигли высокой поэтичности. Оплакиваемый ярко индивидуализирован, поэтические краски довольно выразительны. Так, в плаче о пастухе ("Чабан кьейи-ла") плакальщицы несколькими меткими деталями описывают его облик, на котором лежит печать его профессии ("кизиловым посохом ладонь намозоливший", "сыромятными чарыками подошвы ног потерший...") [50]. В плачах появляются элементы сюжетного повествования. Лучшие из них со временем перешли в ряд лиро-эпических произведений.

В лезгинских легендах и преданиях, песнях и сказаниях широко распространен мотив жестокости и вероломства завоевателей, в частности, шаха Аббаса, Надир-шаха. Так, в песне "Бегство Надир-шаха" дается меткая характеристика жестокому тирану, у которого "глаза, как у бешеной собаки", "руки и голова омыты людской кровью", а он сам подобен "рогатому ослу". Центральным образом песни выступает народ, защитивший родной Лезгистан от посягательств чужеземцев [50].

Наиболее популярным жанром лезгинского фольклора были лирические песни-четверостишия (манияр). Тематика их обширна: пелось о социальной несправедливости, о тяжелом труде, о любви, отходничестве. В песнях социального протеста разоблачаются жестокие ханы и муллы, которые пытались держать народ в ярме.

Но ведущей темой песни (маани) оставалась тема любви. В ней женщина, приниженная феодальной средой, выражала свои сокровенные думы и чувства. Горянка жалуется на свою судьбу, жестокий мир, который "укутал ее саваном скорбей" [50]. Горе ее столь велико, что его "нельзя измерить", но сквозь эту скорбь проходят мотивы жизнеутверждения: "Жизнь сладка, люди, разве могу я броситься в пламя огня!" — восклицает она [50].

Большой выразительности и глубокого социального звучания достигают песни отходников, раскрывающие тяжелую долю бедняка-горца, вынужденного скитаться в поисках куска хлеба вдали от родных мест.

Широко представлены в фольклоре лезгин пословицы, поговорки и загадки — эти "сгустки разума", отражающие многовековой жизненный опыт народа. Тематика их разнообразна: говорится о социальной несправедливости, любви к родной земле, труде землепашца, дружбе и товариществе, мужской чести и воинской доблести [50,51].

Среди эпических жанров лезгинского фольклора привлекают внимание мифы о звездах Млечного Пути, в которых отражены древние представления о мироздании, явлениях природы.

Преобладающее место здесь занимают сказки. В них выражена мечта народа о счастливой жизни, справедливом социальном строе. Наиболее распространенными являются волшебные сказки. Герой, совершающий подвиг во имя счастья людей, сталкивается со злыми силами, подвергается невероятным испытаниям, но во всех ситуациях с помощью верных друзей (сказочного коня, гигантской птицы Татикум) преодолевает труднейшие препятствия. Таковы, например, герои сказок "Сын бедняка Каримхан" и др. [50].

В бытовых сказках и анекдотах (каравели) народ высмеивает богачей, осквернителей религии, торговцев, показаны положительные образы людей труда. Особой любовью народа пользуются острослов Молла Насредин, незадачливый, но смелый Кваса, которые своей находчивостью и умом противостоят угнетателям [50].

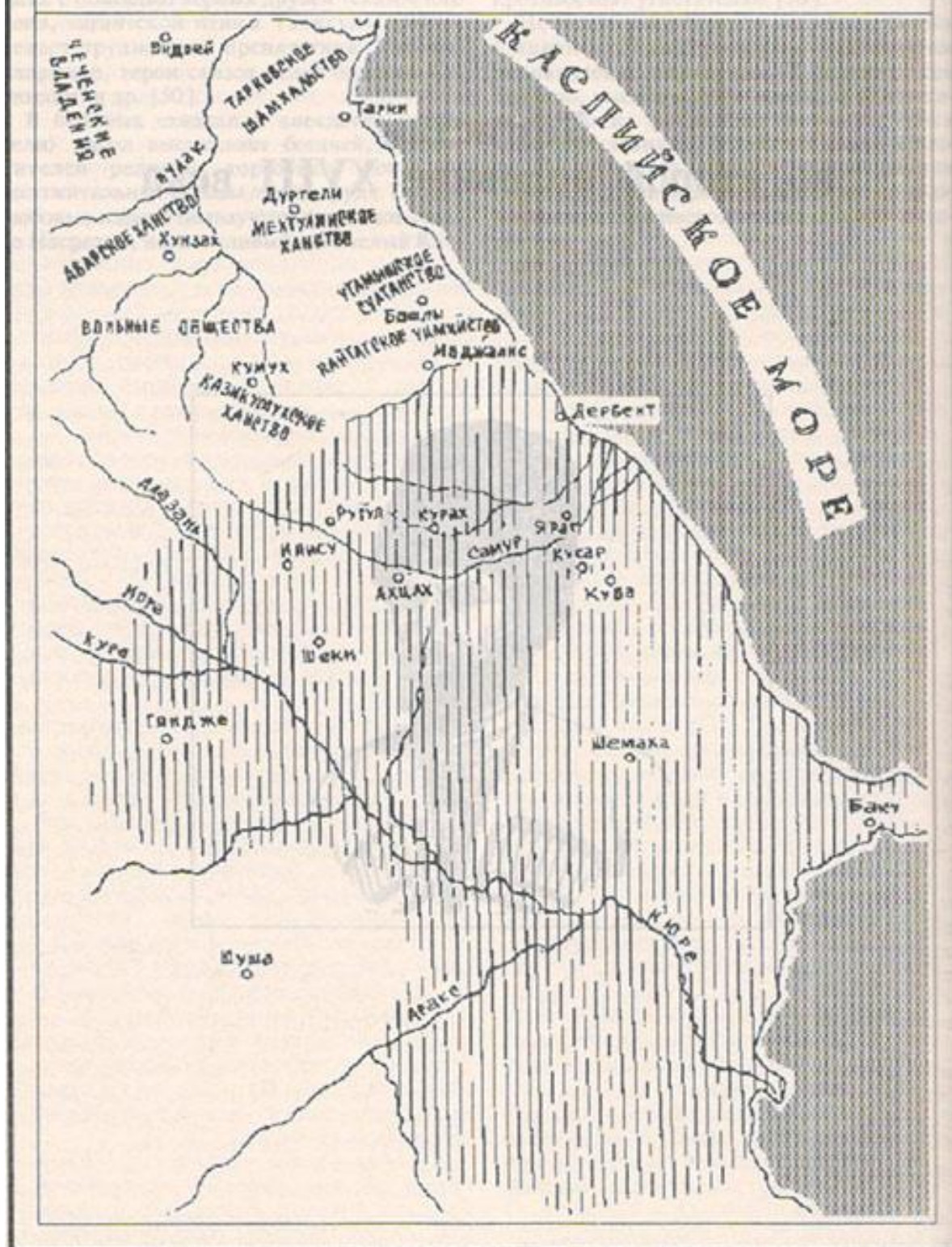
Не менее популярны в народе и сказки о животных. В их героях легко угадываются человеческие характеры. В сказках, как правило, высмеиваются пороки и недостатки жестоких феодалов, идеализируются черты крестьянина, бедняка. Сказки и песни, которые создавались на протяжении столетий, стали одним из источников формирования лезгинской национальной литературы.

Глава седьмая

Лезгистан во второй половине XVIII века

ГОСУДАРСТВО ФЕТ-АЛИ-ХАНА ЛЕЗГИНСКОГО

7.1 ХАНСТВА, "ВОЛЬНЫЕ" ОБЩЕСТВА ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ВОССОЕДИНЕНИЕ АЛБАНО-ЛЕЗГИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОД РУКОВОДСТВОМ ФЕТ-АЛИ-ХАНА ЛЕЗГИНСКОГО

Во второй половине XVIII в. Лезгистан находился в состоянии экономической разобщенности и политической раздробленности. В результате упорной освободительной борьбы народов Восточного Кавказа в 30-40 годах XVIII в. ненавистное иранское иго было свергнуто. На территории расселения лезгиноязычных народов возник ряд обособленных, небольших по территории, самостоятельных или полунезависимых феодальных государств — ханств [1]. В связи с этим А.Бакиханов пишет, что "со смертью Надир-шаха бывшие до тех пор потомственные правители, зависевшие от шахов, преобразовались в независимых правителей" [3].

В пределах бывшей Албании образовались Карабахское, Шекинское, Гянджинское, Бакинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Кюринское ханства. Наряду с ханствами существовали и более мелкие феодальные владения — Елисуйское, Куткашенское, Кабалинское султанства, а также Хаченское меликство. К северу от Еянсуйского султанства находились Джаро-Зелоканские джамааты. Султанства и меликства обычно состояли в вассальной зависимости от владетельных ханов. Так, например, куткашенский и елисуйский султаны были вассалами шекинского хана, а хаченское меликство попало в вассальную зависимость от карабахского хана [1].

К XVI — XVII вв. относится также появление в Лезгистане таких образований, как Табасаранское майсумство, Ахтыпаринское, Гекузпаринское, Алтыпаринское "вольные" общества, Рутульский магал, Цахурское владение [4].

"Вольными" обществами на Восточном Кавказе назывались объединения нескольких сельских общин и отселков в один союз во главе с более крупным и сильным сельским обществом" [5].

Принцип образования этих союзов был в основном территориальный. Объединялись сельские общества, расположенные близко друг от друга. "Вольные" общества могли объединяться в союзы "вольных" обществ. Это происходило в случае серьезной опасности внешнего нападения.

Границы "вольного" общества и распространения племенного языка не всегда совпадали. "В Гидатлинском "вольном" обществе, — пишет Х.Хашаев, — находились сельские общины, жители которых и по настоящее время говорят на разных языках и диалектах. Так, например, собственно Гидатль состоит из аулов Урада, Мачада, Гинда, Хотода, Тилиб, Тлях и ряда отселков, жители которых говорят на гиндийском диалекте аварского языка; на ахвахском языке говорят жители селений Тлянуб, Цекуб и Ратлуб, которые также входили в состав Гидатлинского общества" [5].

Фактически эти "вольные" общества представляли собой демократические единицы, а некоторые историки и этнографы называли их республиками, а их союзы — федеративными республиками [5].

Генерал Пауллуччи в рапорте военному министру Румянцеву в 1812 году называл все "вольные" общества Южного Дагестана "республиканскими обществами лезгинцев" [6]. Он насчитал в Дагестане 12 федеративных республик. Указанный генерал также считал, что Аварское ханство имеет федеративное устройство, поскольку туда входило много разноязычных народов. "Все владение аварское, — пишет он, — составлено из мелких федеративных обществ под покровительством хана аварского, который там имеет собственные поместья, а по мере личных свойств пользуются властью" [7]. Броневой считал также, что и Казикумухское ханство состоит из федеративных обществ [7].

"Доказательством того, — пишет А.Брюханов, — что "вольные общества Дагестана были демократическими республиками, может служить широко представляемое ими право убежища политическим деятелям" [8]. Примером этого является деятельность М.Ярагинского, который от царских властей скрывался сначала в Табасаране, а затем в Аварии.

В 1728 г. И.Гербер также отмечал демократический характер управления сельских общин: "В уездах их есть по старшине, которых сами выбирают, и сами старшины с кадием или духовным все ссоры прекращают. Ежели старшины им не нравятся, то они их опять низвергают..." [9].

Касаясь этих вопросов, Х.Хашаев пишет: "В действительности в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом. Сильное общество диктовало свою волю слабым союзникам. Что же касается независимости "вольных" обществ, то она была относительной. Многие "вольные" общества находились под юрисдикцией ханов и становились независимыми от них только тогда, когда ханская власть ослабевала" [5].

"Внутри сельских общин, — свидетельствует далее Х.Хашаев, — жители уже давно разделились на богатых и бедных. Решающее слово принадлежало богатым. Сохранившиеся еще формы народоправства только вуалировали власть богатых над бедными. При всем этом нельзя отрицать, что "вольные" общества в отдельные периоды выступали как независимые и самостоятельные объединения и боролись против ханских захватов. Но между отдельными сельскими обществами существовали противоречия, так как общества различались по богатству и мощи" [5].

Гянджинским ханством управлял сильный и богатый феодал Шахверди-хан, а впоследствии — его потомок Джавад-хан. Бакинским правителем был Мирза-Мухаммед, сын Дергахкули хана. В Шемахе утвердился Мухаммед-Али. В Дербенте правил Мухаммед-Хасан-бек, сын Имамкули-бека. Таким образом, территория Ширвана распалась на мелкие, постоянно враждующие между собой удельные владения.

Считается, что основателем рода шекин-ских правителей был сын христианского проповедника — удин (лезгин) Кару, принявший впоследствии мусульманство и названный Джандаром или Алишаном [11]. После него шекинский престол занял его сын Гутул, которого сменил его же сын Шакки. Затем власть переходит к некоему Хасану, уступившему Дервиш-Мухаммеду. Это был отважный человек, который всю жизнь боролся против иранского владычества. После его казни персами заместником Шеки назначен Хусейн-джан [11]. Этот персидский ставленник и его родственники в течение многих десятилетий управляли Шекинским ханством. Когда род их истощился власть в Шеки перешла к Хусейну, которого называли Мелик-Хусейн-Шакки.

В начале XVIII века управление Шекин-ской областью поручается выходцу из рода Дервиш-Мухаммеда Челеби, человеку предприимчивому, смелому и энергичному. Челеби породнился с мацарским тухумом Кази-Кумуха Мухаммед-ханом, женив своего сына Агакиши на дочери последнего. После паломничества в Мекку Челеби получил титул Хаджи, его стали называть Хаджи -Челеби.

Усиление Шекинского ханства беспокоило грузинских правителей, а также владетелей соседних ханств. В 1752 г. объединенные силы, решили захватить Гянджу. Узнав об этих планах, Хаджи-Челеби двинул под Гянджу свои войска и нанес поражение объединенным селам во главе с грузинским царем Таймура-зом Ираклия близ города Шемхора [11] После этого Хаджи-Челеби присоединил своим владениям Гянджу, Казахскую и Борчалинскую области, затем направился в Шемаху. Овладеть этим городом не мешал кубинский хан Гусейн-Али.

После смерти Хаджи-Челеби ханом стал его сын Агакиши. Последний был убит тестем Мухаммед-ханом, управлявшим некоторое время Шеки. Вскоре Мухаммед-хана отстранили от власти, ханом Шеки стал брат Хаджи-Челеби Абдулкадыр. Эти дворцовые перевороты сказывались на престиже ханства и на материальном положении населения — оно заметно ухудшилось.

Сильным было и Карабахское ханство. Во время Албанского государства население Карабаха составлял в основном лезгин язычный народ — удины, которые в то время были, как и армяне, христианами. Находясь в территориальной близости от Армении, испытывая ее большое влияние, а иногда подчиняясь армянской церкви, население Карабаха постепенно теряло свой язык и переходило на армянский язык.

С XII века в этой области оседают кочевые тюрко-туркменские племена, которые раньше не имели национального самоназвания в исторической литературе именовались то кавказскими татарами, то кавказскими тюрками [11].

В XVIII в. выдвинулся Панах-Али. Вначале он служил у Надир-шаха, но вскоре сбежал в Карабах и начал совершать набеги на владения соседних феодалов. Избегая кары шаха, он в течение двух лет скрывался у джарских цахуров [11].

После смерти Надир-шаха Панах-Али вновь вернулся в Карабах, и ему удалось установить там свою власть. Чтобы укрепить ее и получить поддержку от джарских лезгин (цахурцев), Панах-Али женился на дочери знатного цахурца. В 1748 году Панах-Али построил крепость Баят и переселил туда всю карабахскую знать [11].

Соседним Шекинскому и Шемахинскому ханствам не угодно было иметь рядом сильнее Карабахское владение. Поэтому они объединились и напали на крепость Баят. Панах-Али удалось выдержать натиск недовольных соседей. А когда шекинцы и ширванцы вернулись на исходные позиции, Панах-Али построил вторую мощную крепость неподалеку от Агдама. В 1750 году он соорудил еще одну крепость и назвал ее Панахабадом [11].

Во время иранского нашествия Зенд-хан пленил Панах-Али и держал его в плену до самой смерти. Карабахским ханством стал управлять сын Панах-Али Ибрагим-Халил, который породнился с визирем грузинского царя Ираклия. При Ибрагим-Халиле Карабахское ханство укрепилось еще больше.

Родословное кубинских ханов восходит к эмирам из известного в X — XVI вв. лезгинского города Мацар (Маза — в арабском описании) [10]. Согласно недавно опубликованным историческим сочинениям [10]: "Тарих Дагестан", "История Маза", "История переселения эмира Чупана Мазинского в Башлы", "История Гледока", "История Амиркаландара, сына султана Хайдара", "История Каракайтага", в начале XV века чайтак был покорен эмиром города Мацар из нынешнего Ахтынского района и он положил начало лезгинскую родословную кайтакских уцмиев (подробно см. в главе IX).

"Род кайтакского уцмий (после 1642 г.) газделился, — пишет Бакиханов, — на две линии. Старшая из них имела свое пребывание в Маджлисе, а младшая в Енги-Кенте. Из этих двух линий старшие и способнейшие в роде поочередно получали достоинство уцмий. Примерно в это время между ними произошел раздор, Енги-Кентская линия напала на Маджлис и истребила всю старшую, исключая малолетнего Гусейн-хана, которого спас один из его приближенных по имени Айде-бек и увез к шамхалу. Гусейн-хан по достижению совершеннолетия уехал в Персию, гостил некоторое время в сальянском Рудбаре, у тамошного казия и женился на его дочери. От нее у него родилась дочь, ставшая родоначальницей рудбарских и сальянских султанов... Через свою жену [вторую] Гусейн-хан сделался известным не только всем важным лицам Исфахана, но и самому шаху, который, испытав его храбрость и оценив большие способности при его знатном роде, назначил его кубинским и сальянским ханом [3].

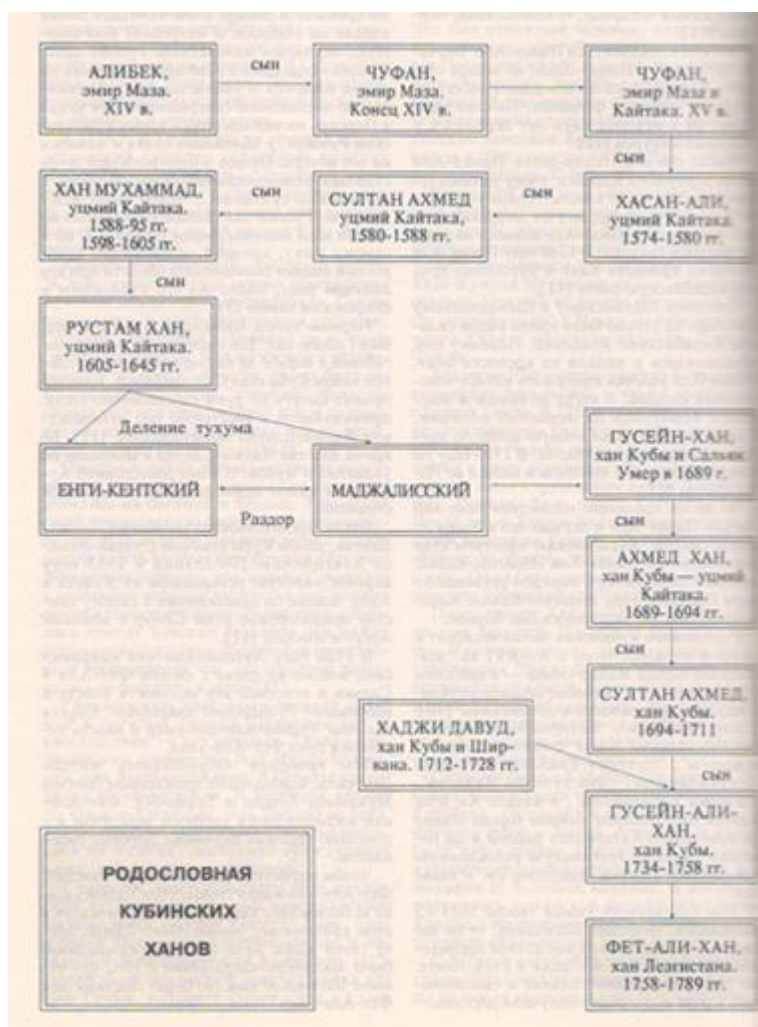
Первым ханом Кубы, как сказано выше, был Гусейн-хан. Его сменил сын Ахмед, погибший в борьбе за кайтагский престол. Затем ханом Кубы стал Султан-Ахмед, который принял смерть от руки собственного тестя, примкнувшего к восстанию под руководством Хаджи-Давуда Мюшкюрского [11]. Во время ханства Хаджи-Давуда в Ширване он управлял и Кубой. (Схема родословной Кубинских ханов приводится на следующей странице).

После предательского смещения Хаджи-Давуда, ханом Кубы стал сын Султан-Ахмеда Хусейн-Али. Последний в 1735 году перенес ханскую резиденцию из Худата в Кубу. Вскоре он присоединил к своему ханству правобережье реки Самур с землями Яргун и Шабран [11].

В 1756 году Хусейн-Али-хан направил свое войско во главе с сыном Фет-Али в Сальян и отвоевал эту местность вместе в небольшим Рудбарским владением. Спустя два года Хусейн-Али-хан умер и власть перешла в руки Фет-Али-хана.

Тем временем взбунтовались жители Дербента, недовольные правлением братьев Мухаммед-Хусейн и Тахир-бек. Фет-Али-хан воспользовался удобным моментом и с помощью горожан подчинил Дербент своей власти.

Чтобы подчинить себе Бакинское ханство, Фет-Али-хана выдал свою сестру Хаджубике за бакинского хана Мухаммеда, отказав в этом кайтагскому уцмию Амир-Хамзе, брату своей жены Тути-бике. Перед свадьбой было заключено соглашение о том, что отныне Бакинское ханство будет подчиняться Фет-Али-хану.

После Бакинского ханства наступила очередь Шемахинского, которое было сильным и богатым владением. В Новой Шемахе (Ас-ху) управлял бывший сборщик налогов На-гир-

шаха Мухаммед-Али, а в Старой Шемахе — местный феодал Мухаммед-Саид-хан. Между этими правителями шла острая меж-дусобная война. В этой борьбе победили Мухаммед-Сайд и его брат Агаси [11].

В 1767 году Фет-Али-хан совершил поход на Шемаху и занял расположенную неподалеку от города крепость Мюнджи. Увидев огромное войско кубинцев, которое состояло в основном из лезгин, многие шемахинцы-лезгины перешли на сторону Фет-Али-хана. То этой причине местные феодалы вынуждены были признать власть кубинского хана. Но это продолжалось недолго. Шемахинские владетели постоянно уклонялись от налогов, установленных Фет-Али-ханом, в связи с чем в 1768 году Фет-Али-хан вновь осадил Шемаху, при этом шекинский хан выступил на стороне кубинского. Взяв в плен Мухаммед-Сайда и Агаси, первого Фет-Али-хан велел заточить в темницу, а второго Гусейн-хан ослепил. Территорию Шемахинского ханства разделили между Кубой и Шеки [11].

Вскоре под власть Фет-Али-хана перешли Джавадское и Муганское владения. Чтобы удержать власть над завоеванными территориями, которые всячески стремились к самостоятельности, Фет-Али-хану нужен был могущественный покровитель. И он, как и многие другие владетели Восточного Кавказа, обратил взоры на Россию. Фет-Али-хан "позволял русским купцам свободно торговать на подвластных территориях, пропускал русских купцов беспошлинно на юг и обратно" [11].

Временем крепки оппозиционные силы. Возникла коалиция шекинцев и грузин, опасавшихся большого усиления Кубинского ханства. В 1774 году объединенные силы напали на Шемаху. Завязалась упорная схватка, в которой с обеих сторон погибли тысячи человек, в основном представители лезгиноязычных народов. Фет-Али-хан одержал победу. Летом того же года кайтагский уцмий Амир-Хамза со своими союзниками напал на Кубу. Битва между Фет-Али-ханом и Амир-Хамзой состоялась на обширном поле Гавдушан близ лезгинского селения Манкулихюр. В этом кровопролитном сражении победили Амир-Хамза с союзниками, а Фет-Али-хан укрылся в Сальяне.

Амир-Хамза разорил Кубу и осадил Дербент, где находилась его сестра Тути-бике — жена Фет-Али-хана. Тути-бике осталась верна мужу и не поддавалась уговорам брата сдать город без боя. Пока Тути-бике оборонялась, Фет-Али-хан собрал новые отряды из лезгин, поспешил на помощь жене. Амир-Хамзе ничего не оставалось, кроме как удалиться в свои владения [11].

После этих событий Фет-Али-хан направил в Петербург посла Мирза-бека с просьбой о помощи и выражением согласия войти в подданство России, которая решила помочь Фет-Али-хану.

В 1775 году, по велению императрицы Екатерины II, в пределы нынешнего Дагестана прибыл генерал-майор Медем с русским отрядом с целью поддержать Фет-Али-хана Кубинского и наказать уцмю за пленение академика Гмелина [12]. Захват Кюры описывается так: "Фет-Али-хан превосходно воспользовался помощью: он успел уменьшить значение уцмю, разбитого русскими войсками около сел. Башлы, и в то время, когда генерал Медем занял Дербент, он двинулся в Кюру, разбил Магомед-хана Казикумухского и заставил его уйти в Кази-Кумух. А чтобы обеспечить на будущее время за собою владение Кюрой, он воспользовался ссорой Магомед-хана со старшим сыном его Ших-Марданом. Причиной этой ссоры были следующие обстоятельства [12]: "От первой жены у Магомед-хана было два сына, Ших-Мардан и Аслан-Гусейн, а от второй жены — сын Сурхай и другие. Сурхай еще ребенком в запальчивости убил Аслан-Гусейна, за что Ших-Мардан питал к нему кровную вражду. Поскольку Сурхай был любимым сыном Магомед-хана, то он, не видя возможности отомстить ему по обычаю за смерть брата, уехал из Кази-Кумуха и обратился к помощи Фет-Али-хана. Фет-Али-хан, отделив от Дербента всю северную часть Кюры до Кабира и от Кубы весь Гюнейский магал, отдал их в управление Ших-Мардану на ханских правах. Вскоре Ших-Мардан успел присоединить Курахский магал и образовать особое Кюринское владение" [12].

"В 1784 году, — пишет Аббас-Кули-Ага Бакиханов, Фет-Али-хан овладел Ардаби-лем и шахсеванские ханы покорились ему. Тогда-то окончательно утвердилась власть и влияние Фет-Али-хана в восточной части Кавказа. Ему давно уже были преданы Гасан-хан Муганский, Мир-Мустафа-хан, сын Карахана, содержавшийся некоторое время в Кубе и возведенный им в достоинство талышского хана, и Гидаят-хан, утвердившийся с его помощью в Гиляне. Шамхал, уцмю и хан Казикумухский находился под его влиянием. Аварский хан и мехтулинский владетель принуждены были поддерживать с ним мирные отношения. Масум и казий табасаранские зависели от него. Все казии и почетные лица вольных дагестанских обществ объявили ему преданность. Сверх наследственного своего удела Кубы, Сальяна и Дербенда он полностью овладел Ширваном. Несовершеннолетний его племянник хан бакинский находился под его опекой. Только Ибрагим-хан Карабагский, надеясь на сильные укрепления, не хотел подчиняться его влиянию, за что Фет-Али-хан совершенно опустошил всю южную часть его ханства... Фет-Али-хан — замечательный человек в истории Кавказа, возвысился благодаря своим благоразумию, щедрости и предприимчивому характеру. По достижении власти в нем обнаружили качества умного и деятельного правителя и особенный дар привязывать к себе всех окружающих, усыплять врагов и выпутываться из самых затруднительных обстоятельств".

Таким образом, Фет-Али-хану удалось объединить все ханства и вольные общества лезгиноязычных народов и восстановить государственность в пределах Кавказской Албании.

После смерти Фет-Али-хана наследником стал сын его Ахмед-хан, при котором центробежные силы усилились.

В 1789 году умер и Магомед-хан Казикумухский. На место его был избран ханом сын Сурхай, несмотря на то, что он был чанка т.е. мать его не происходила из ханской фамилии.

Ших-Мардан-бек, управлявший Кюрою, умер незадолго до смерти Фет-Али-хана. У него остались пять сыновей: Таир-бек, Омар бек, Аслан-бек, Гасан-ага и Фет-Али-хана. Двое старших были чанки, и потому управление владением должно было перейти к Аслан-беку, но Сурхай-хан, воспользовавшись смертью Фет-Али-хана, овладел Кюрою присоединил ее к Кази-Кумуху. Аслан-бек, не имея средств возвратить ханство, поехал сначала в Персию, а потом в Турцию — искать помощи и защиты. Но, не найдя ее, жил некоторое время в Мингрелии и Тифлисе, а по прибытии русских войск в Закавказье в 1802 году возвратился и жил у уцмю Рустем-хана и его преемника Ати-хана [12]. Вот как

описывается в "Кавказском вестнике" проникновение Сурхай-хана в Лезгистан: "Завладев Кюрою Сурхай-хан обратил свое внимание на общества долины Самура, до сих пор упорно сохранявшие свою независимость от соседних ханов. Скоро ему представился удобный случай вмешаться в их дела. Селения Ялахъ, Кака и Луткун, входившие в обществ: Рутульское, притесняемые поборами жителей главного селения — Рутула, обратились к Сурхай-хану с просьбою о защите. Он принял их сначала под свое покровительство, потом присоединил к своему ханству и, наконец, поселил в Каке своих братьев Шуаиб-бека и Иса-бека [12]. С этого времени им присоединены к Кази-Кумуху несколько селений, находящихся в Ихрекском ущелье, и агульских селение Боркихан, которое он отдал в управление брату своему Сеид-беку" [12]. Так, притесняя друг друга, а затем обращаясь к дальним отпрыскам мазинских эмиров, многие лезгинские селения попали под власть Кази-Кумухских ханов.

Одним из старых султанств являлось Ца-хурское. Цахуры занимают территорию в верховьях Самура, западнее рутульцев, а также сопредельные территории нынешнего Северного Азербайджана. О Цахуре сообщает знаменитый турецкий географ и путешественник XVII века Эвлия Челеби в своей Книге путешествий ("Сийахат-наме"): Мы прибыли в село Захур. В этой местности имеется до 150 селений. Местность подчиняется эмиру Юсуф-беку, она несколько раз переходила в руки Ирана" [13].

Хронологическая таблица цахурских правителей, согласно неполным данным фирманов, выглядит следующим образом [14]:

1. Ади Куркулу-бек — 1562, 1593 [15].
2. Али Султан Цахурский — 1607, 1616 [15].
3. Мамедхан-бек Цахурский — 1632, 1635 [15].
4. Халил-бек, сын Мамед-хана Цахурского — 1642 [14].
5. Эмир Юсуф-бек [13].
6. Али-Султан-Цахурский — 1695, 1701 [15].
7. Ахмед-хан Цахурский — 1747 [15].

"Список этот, — пишет А.Шихсаидов, — неполный. Нет возможности установить начало и конец правления того или иного правителя. Поэтому указывается лишь год, под которым встречается в фирмане имя правителя. Неизвестно, был ли какой-либо правитель между Ади Куркулу-беком (1562) и Али Султаном Цахурским (1607, 1616) между Али Султаном Цахурским II (1695,1701) и Ахмед-ханом Цахурским" [14].

И далее: "Невозможно также установить, была ли власть цахурского правителя наследованной. Только в одном случае встречаемся с фактом наследственной власти: Мамедхана Цахурского сменяет его сын Халил-бек Цахурский. В остальных случаях родственные связи правителей не отмечаются, что затрудняет возможность делать какие-либо выводы. Устанавливается также, что Ади Куркулу-бек правил сравнительно долгое время, более тридцати лет" [14].

В XVI — XVII веках Цахур совместно с Элису входит в Ширван в качестве улька [16].

Фирманы зафиксировали зависимость Цахурского султанства от иранских правителей. Иранский шах Тахмаси I (1524-1576) в фирмане от 1562 г. сообщает о "Захурском владетеле Ади Куркул-беке": "Сей владетель сотоит в числе преданнейших нам слуг" [14]. Шах Аббас (1587-1629) фирманом от 1616 на имя Али Султана Цахурского повелевает ему при прибытии "в ту сторону ширванского беглербека Юсуф-хана продолжать службу нашему двору с подобающим усердием". Шах Сефи (1629-1642) дважды (1632,1642) предлагает цахурским владетелям совершить набег на Грузию и Кахетию. Шах Аббас II (1642-1669) жалуется Халил-беку "Цахур в тиуль как отцу его" [14].

Как известно, с 1514 по 1639 гг. шла почти непрерывная война между Ираном и Турцией. Упомянутые фирманы позволяют предположить, что Цахурское владение также попало под власть турок. Али Султан Цахурский получает фирман от турецкого султана, которым султан жалует Али Султану Цахурскому "в наследственное владение" деревни Мешebaши, Ках, Зернэ, Кум, Лэкэти, Алагез [15].

Судя по фирманам, персидское государство выступает верховным владельцем всех подвластных земель. Земли и селения отдаются в правление местным владельцам. Владелец Цахурского султанства по отношению к персидскому шаху выступает в качестве вассала.

О рутульском обществе-ханстве также имеются интересные сведения. О нем в 1597 году Шамхал сообщает русскому царю Федору Иоановичу как о своих союзниках наряду с такими областями, как Табасаран, Казии-Кумух и т.д. [14]. Еще в 1873 году со-словно-поземельная комиссия сообщала о наличии родословной таблицы рутульских беков, начинающейся с Казибекa. Согласно этой родословной, рутульские беки живут в сел. Рутул с 1574 г. [17,18].

Достоверность этого сообщения в части, относящейся к Казибеку и времени его правления, "находит подтверждение в более надежном источнике — фирмане персидского шаха на имя рутульского правителя Газибека и "рутульских общин" в 1583 г. [19].

Имя этого бека упоминается еще несколько раз: в 1588 г. турецкий султан Мурад III направляет Газибеку грамоту о пожаловании ему ханства. Лет через десять уже персидский шах Аббас предлагает Газибеку оказать помощь цахурскому правителю Махмедбеку. В 1606 г. шах Аббас жалует Газибеку селение Нудгуши. И, наконец, в 1626 г. турецкий султан Мурад IV указывает Ибрагим-хану рутульскому помочь турецким войскам, а в 1635 г. пожаловал ему селения Надим и Лойткам [14].

"По всей вероятности, — пишет А.Шихсаидов, — власти рутульских беков подчинялись такие населенные пункты, как Шиназ, Кана, Амсар, Уна, которые впоследствии вошли в состав Рутульского магала" [14].

В XVI — XVII вв. Табасаран неоднократно упоминается в источниках, относящихся к этому времени: сообщается о героическом сопротивлении жителей Табасарана персидским завоевателям, о "табасаранском князе" и т.д. Как о самостоятельном владельце о нем сообщает турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби.

Сведения о феодальных правителях Табасарана крайне отрывочны, поэтому пока еще нет никакой возможности составить хронологию этих правителей. О трех из них имеем относительно точные данные, а именно [14]:

1. Князь Кадит, Зихраров сын — 1593 [14].
2. Ак-Мавсум-хан Табасаранский — между 1587 и 1626гг.
3. Хусен-хан Мавсум — 1630-1631 гг. [14].

Что касается термина "кади", то в достоверных источниках он появляется только в начале XVII века, но сообщаемые здесь сведения дают основание отнести появление этого термина к более раннему времени [14].

А.Шихсаидов считает, что "установить наличие наследственной власти майсума в Табасаране до XVI века включительно невозможно, но наличие такой власти в XVII веке не подлежит сомнению" [14].

Далее А.Шихсаидов пишет: "Очевидно, к XVII веку относится разделение власти майсума и кадия, вернее, возвеличение кадия и превращение его в самостоятельного правителя. Это видно, например, из показаний которые дал в 1870 году юнкер Мустафа-

бег Карчагский сословно-поземельной комиссии: "Между беками из майсумовского рода разгорелась междоусобная война, в котором принял участие и народ, во время этой войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и переселиться в Джерах, но между собия между беками продолжались до тот когда все почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок майсума. Этим случаем воспользовались кадии табасаранские и подчинили своему влиянию северных Табасаран. По надписям на могилах в Джерахе видно, что они перешли туда около 300 лет тому назад" [20].

Таким образом, с освобождением из-под власти Ирана в истории Восточного Кавказа открывается период независимых и полунезависимых ханств. "Между ними постоянно шли войны за сферу влияния и расширение подвластных территорий. Военная мощь определяла судьбу ханства. Только наличие боеспособной армии обеспечивало хану возможность отстоять свою независимость в борьбе с многочисленными врагами. Малочисленность же войск приводила к потере независимости ханств, их захвату более сильными соседями" [21].

7.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОИ ХАНСТВ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

В условиях роста производительных сил Лезгистана в XVIII веке происходили соответствующие изменения и в его общественно-политическом строе. Как и в предыдущий период, в более развитых в экономическом отношении районах страны продолжалось развитие феодальных отношений.

Во второй половине XVIII в. феодальные отношения и раздробленность страны в еще большей степени, чем раньше, сковывали развитие производительных сил Лезгистана. Экономическая разобщенность ханств, господство натурального хозяйства, все еще низкий уровень разделения труда, огромная продуктовая рента в пользу феодалов — все это препятствовало развитию товарного производства и переходу к его более высоким формам.

При общем застое производительных сил Лезгистана положение сельского хозяйства продолжало оставаться тяжелым. Для обработки почвы использовались примитивные орудия. Оросительная система была разрешена. Площадь поливных и обрабатываемых земель значительно сократилась. Намног: уменьшилось поголовье скота. Урожайность оставалась крайне низкой. Крестьянское хозяйство было разорено.

В ханствах Лезгистана основными видами занятий населения по-прежнему являлись земледелие и скотоводство. Почти во всех ханствах Лезгистана население занималось такими важными отраслями, как садоводство, огородничество и пчеловодство, а в Дербентском, Кубинском — и возделыванием марены, шафрана. Шеки и Ширван продолжали оставаться основными поставщиками шелка.

В ханствах дальнейшее развитие получили формы феодальной земельной собственности, существовавшие испокон веков. Некоторые формы феодального землевладения (мюльн, вакф и др.) оставались такими же, какими они были в XVI — XVII вв..

Все земли считались собственностью ханов. Значительная часть угодий находилась непосредственно в руках феодалов на правах условного владения — тиюля. Тиюль, как и прежде, предоставлялся феодалам за несение службы. При пожаловании тиюля хан выдавал особую грамоту.

Ханы были неограниченными правителями в своих ханствах, распоряжались даже крестьянами, которые находились в личной зависимости от них. Так, например, фирман

Фет-Али-хана Кубинского, изданный 5 декабря 1774 г., гласил: "Высокий указ последовал... мелику Хаджи-беку; мы соблаговолили пожаловать ему селения Садан, Кушчи, Чирак, Ухах и Чалган, дабы они, пребывая под его правлением, служили бы ему и все, что им надлежит уплачивать из десятины... и целиком, вносили бы они упомянутому... Крестьяне и жители упомянутых селений должны считать означенное высокочтимое лицо своим тиюльдаром, обязаны не уклоняться от его речей и достойных внимания советов" [22].

Как видно из фирмана, тиюльдару были пожалованы не только право взимания ренты и других сборов с селений, но и самые селения. При этом крестьяне ставились в полную зависимость от тиюльдара и обязывались отправлять ему службу.

Служилая знать в ханствах всячески добивалась передачи тиюлей по наследству, хотя это и не признавалось законом. Однако на деле наследственная передача тиюлей нередко закреплялась самими указами ханов. В этом отношении весьма характерны фирманы кубинских ханов. Например, указом Фет-Али-хана Кубинского, изданным в 1761 г., сельская община (джамаат) Дедели (родины Давуд-бека) со всем населением после смерти тиюльдара Муртуза Али-бека переданы его сыну [1].

В отличие от тиюльдаров владельцы мюльков не обязаны были нести службу хану, но в большинстве случаев должны были часть полученных доходов сдавать в виде налога в ханскую казну. Лишь немногие мюлькадары не платили этого налога.

Мюльк являлся распространенной формой феодальной земельной собственности в ханствах. Решениями шариатского суда, а иногда указаниями ханов и другими документами оформлялись многочисленные факты купли — продажи мюльков. В XVIII в. крестьянские мюльки широко скупались беками, торговцами и ростовщиками [1].

В XVIII веке имел место также насильственный захват земель джамаатов чиновниками и знатными людьми, сборщиками налогов, ростовщиками, купцами. В результате размер общинных угодий, а также земель, составляющих собственность отдельных крестьян, все более сокращался.

В ханствах имелось много вакуфов, находившихся в собственности мечетей, монастырей и других религиозных организаций.

Крестьяне находились в полной зависимости от феодалов. В указах кубинских ханов за 1772, 1775, 1790 гг. часто приводятся факты передачи многих крестьянских семей в личную собственность феодалов. В одном из фирманов говорится о "пожаловании и даровании целиком и полностью" жителей всего селения, в другом — красноречивый факт — предписание регистрировать в "тетради рабской покорности" людей, отдаваемых в личную зависимость [1].

Каждое ханство производило для себя в различных количествах почти все продукты земледелия и скотоводства, что свидетельствовало о господстве натурального хозяйства. Местные феодалы — ханы, султаны, медики, беки, — заботясь только о собственной независимости, были заинтересованы в сохранении феодальной раздробленности и всячески препятствовали объединению страны и созданию централизованной власти.

Феодальная раздробленность и междоусобицы, многочисленные таможенные пошлины, наличие в каждом ханстве своих монетных систем, мер длины, веса и т.д. отрицательно сказывались на состоянии ремесла и торговли, как и в целом — на экономике ханств. Сбор налогов и пошлин часто сдавался ханами в откуп. Откупщики взимали с населения в два — три раза больше той суммы, которая уплачивалась в ханскую казну. При сборе налогов применяли насилие и вымогательство.

Из-за частых разбойничьих набегов феодалов крестьяне, ремесленники и торговцы жили в постоянной тревоге. "Постоянные войны и разбои поставили жителей в необходимость держать себя почти всегда вооруженными. Даже крестьяне ведут соху, сеют, жнут, имея кинжал на боку и поблизости оружие" [23].

В руках ханов сосредоточивались огромные земельные площади, большое движимое и недвижимое имущество. "Помню, — писал личный секретарь карабахского хана Мирза Джамал, — как-то однажды, при подсчете оказалось, что у хана столько скота и плугов, сколько у всего населения Карабаха, вместе взятого, и даже на две пары больше, чем у него..." [24].

Расходы ханов на содержание двора, чиновничьего аппарата, войска и на другие нужды требовали огромных поступлений, главная тяжесть которых ложилась на плечи крестьян. Крестьяне натурой платили от 1/10 до 1/3 урожая, кроме того, отбывали натуральные повинности. Многочисленные подати, сборы и повинности поглощали большую часть дохода крестьян.

Крайне тяжелым оказалось положение многочисленных малоземельных и безземельных крестьян, арендовавших земли дивана и феодалов. Условия аренды были кабальными. Вносимая землевладельцу доля урожая колебалась от 1/2 до 3/5, а временами доходила до 2/3 [1].

Ханы, беки, султаны, наибы наживали огромные состояния за счет подчиненных народов.

Доведенные до отчаяния крестьяне нередко убивали феодалов, поджигали их усадьбы. Временами крестьяне организовывали вооруженные отряды и вели длительную борьбу против землевладельцев и ханской власти. С объединением лезгинских земель под руководством Фет-Али-хана значительное развитие получило сельское хозяйство и ремесленное производство.

7.3. НАУКА И КУЛЬТУРА ЛЕЗГИСТАНА

В условиях господства натурального хозяйства большую роль в экономической жизни Лезгистана играло ремесло. В городах и селениях находилось множество ремесленных мастерских, которые изготавливали орудия труда, оружие, ткани, кожевенные изделия, предметы домашнего обихода.

Одним из распространенных видов ремесла в Ширванском ханстве было производство медной утвари и оружия. Центром этой отрасли ремесла в числе других являлось селение Логич. Оружейники Логича изготавливали кинжалы, шашки и кремневые ружья [1].

В городах Лезгистана отмечалось засилье владельцев мастерских, которые сосредоточивали в своих руках значительное количество торговых заведений. Часть жителей Шуши, Нухи, Кубы и других городов не была свободна от денежных и натуральных повинностей в пользу беков.

Наибольшее развитие в Лезгистане в XVIII в. получила художественная обработка шерсти, камня, дерева, кости, глины и всевозможных металлов.

Резьба по камню и дереву была распространена почти повсеместно. Тем не менее выделялся ряд центров камнерезного искусства: Баку, Гянджа, Дербент [25].

В селениях Испик, Мюгюч и др. изготавливались оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины и другие предметы поливной

подглазурной керамики, украшенные ангобной росписью и лепными узорами. Полива в изделиях конца XVIII в. отличалась насыщенностью и разнообразием по цвету.

Почти во всех районах Лезгистана было распространено богатое по орнаменту и многообразное по цветовому решению узорное вязание.

В XVIII веке в Лезгистане значительное развития достигло златошвейное искусство. Золотое шитье применялось чаще всего для украшения различных сумочек, подушек, игольниц, женских головных уборов, женской одежды особых видов, джураб и других изделий. Предметами, расшитыми золоте пользовалось в основном состоятельное с словие.

Оригинальностью форм, расцветок и высокими художественными достоинствами отличались ковры, сумахи, паласы, а также переметные сумы, вьючные мешки и др.

В XVIII в. в связи с дальнейшим упрочением ислама в Лезгистане по сравнению с предыдущим периодом намного увеличивается число мусульманских школ-мектебов и медресе. Уже в это время не было ни одно селения без примечетской школы. В резиденциях феодальных владетелей и центрах союзов сельских общин существовало даже по несколько мусульманских школ. Примечетские школы, для открытия которых не требовалось никаких разрешений, содержались в основном за счет средств родителей учащихся или из пожертвований верующих — закята. В этих школах обучали арабской грамоте, заучивали тексты Корана. Лишь незначительная часть учеников путем упорных трудов и лишений, переходя от одного учителя к другому, изучала восточные языки (арабский, турецкий, персидский), богословие, мусульманское право, философию, историю, географию, астрономию и другие науки. Эти люди — алимы — пользовались большим уважением.

В XVIII в. в Лезгистане была окончательно завершена основанная на арабской графике аджамская система письма для лезгинского языка.

Из исторических трудов XVIII века до нас дошла "Хроника войн Джара в XVIII столетии" [21]. Рукопись кратко излагает события, прошедшие в горной части Джар Лезгистана в период войны с Надир-шахом.

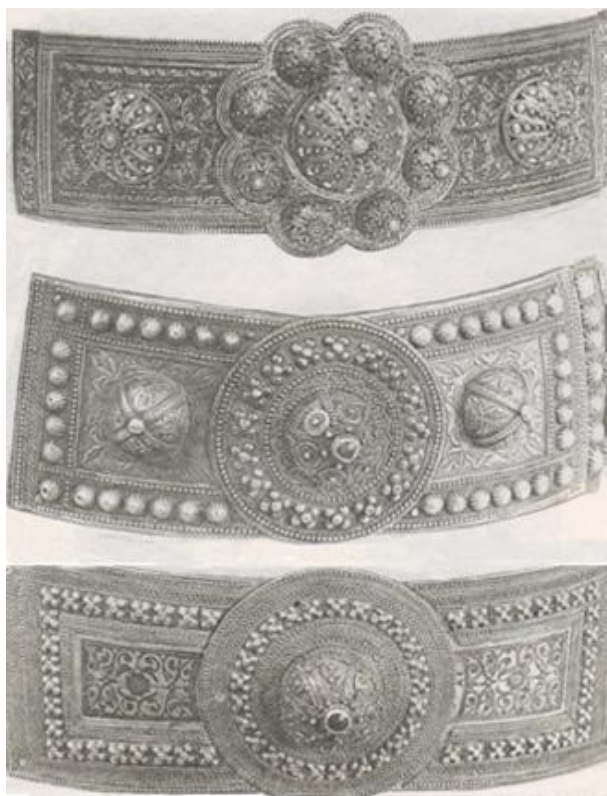

Рис. 7.1. Женские пояса: серебро, чернь, филифань, позолота, цветное стекло.

Рис. 7.2. Пряжки для женских поясов: серебро, филифань, цветное стекло.

Рис. 7.3. Некоторые образцы орнаментов на керамических блюдах.

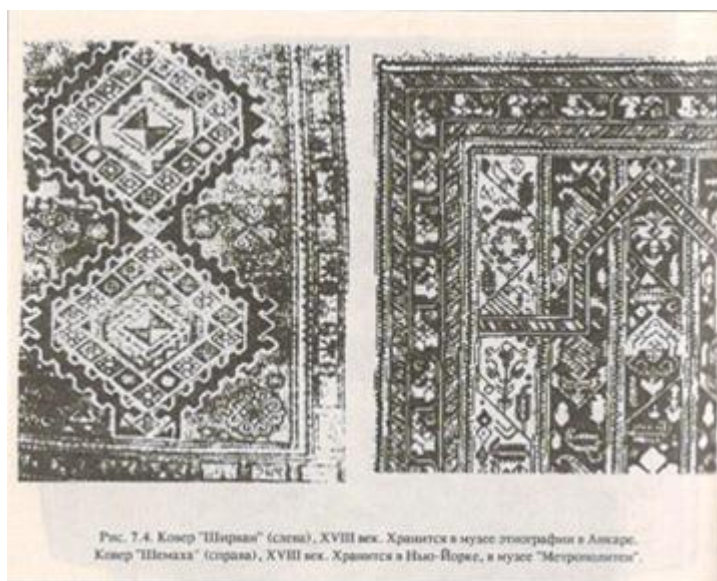

Рис. 7.4. Ковер "Ширван" (слева), XVIII век. Хранится в музее этнографии в Анкаре.
Ковер "Шемаха" (справа), XVIII век. Хранится в Нью-Йорке, в музее "Метрополитен".

XVIII век характерен для Лезгистана появлением плеяды выдающихся деятелей науки и культуры: это Исмаил Шиназский (один из крупных астрономов Восточного Кавказа), Али ибн Садык Дагестани (шема-хинец, преподавал в Дамаске, умер в 1784 году), Али ибн Ибрагим Дагестани (из Лезгистана переехал в Медину и там умер; его сочинения: "Мухиммат ал-маариф", "Далил аз-Заирин ва Анис ал-манасик", "Акс ал-ма-талиб", "Машари ал-Бирр ва ал-ихсан фи манакиб Али Усман"), Али Акбар ибн Мус-тафа (шемахинец, автор сочинения "Ал-мавруд фи ал-Масаил ал-Мантикийя маа ал-адживибат ал-шафийя"), Халис Мехмед Эфенди Ширвани (совершенствовал знания в Стамбуле, жил в Дар-уш Шафаке; его сочинения: "Талхису-нахв", "Мизан ал-Изхан фи ал-Мантик", "Илм Калм", "Усул Ака-ид"), Ибрагим Эфенди (в 1748 году переехал в Турцию, преподавал в медресе Фатих, занимал должности кадия в Алеппо, Сирии и Мекке), Рахман Кули-Ага из Ахтов, Мухаммед Эмин из Ерси, Сайд Хачмасский, Омар из Худата (был главой шариатского суда в Турции, главой меджлиса), Али Магомед из Дербента (преподаватель астрономии), Режеб из Ихрека, Эмин Ялцугский, Лезги Ахмед, Сайд Кочхюрский, Ахцех

Абдулхаликъ (Закир), Ахцех Магарам, Ашук Шаида, Ахцех Мирзе Али, Бакри Эфенди из Мишлеша, Молла Курбан из Кюры и др.

Творчество каждого из названных ученых и поэтов заслуживает специального изучения и пропаганды, однако моя задача другая, да и работа такая — задача специалистов. Поэтому отмечаю лишь отдельные моменты творчества некоторых из них.

Одним из известных поэтов XVIII века был Режеб из Ихрека. В народе бытует множество преданий о нем. Режеб представлен как заступник обездоленных, не боявшийся говорить правду о деспотах, о жестоких феодальных отношениях. Родной аул поэта Ихрек входил в Елисуйское ханство. Отношения неравенства и эксплуатации доводили народ до вооруженных выступлений [26].

Сохранившиеся стихотворения Режеба разнообразны по тематике. В стихах-раздумьях поэт разоблачает тогдашнюю действительность, в которой одним принадлежит все, другие же бедствуют:

*Есть люди без гроша на руках,
Есть люди, утопающие в деньгах [27].*

К стихам-раздумьям примыкают эпиграммы, в которых поэт создает сатирические образы ханов и беков, стихи-поучения, отражающие многовековую народную мораль. В стихотворении "Не служи" Режеб говорит: "Если ты верен отчизне, врагу не служи, будь близок к народу. Ради собственного желудка ты и хану не служи" [27].

Многие стихи Режеба посвящены любви, в них воспевается возвышенная и неразделенная любовь. С добрыми чувствами поэт творит о бесправной и униженной шариатом женщине. Причину бесправия горянки Режеб видит в феодальной действительности. Особенно остро выражается это в таких стихах, как "Севдигюм", "Не обменяю", "Мне", "Богатство бедняка" и др. А стихотворение "Две родинки" — образец философского проникновения в жизнь [27].

Современник Режеба — поэт Эмин, сын полулкерима (1698-1777). Родился он в селе Ялцуг бывшего Самурского округа. Эмин был образованным человеком, познавшим премудрости восточных наук. Об этом он говорит в одном из своих стихотворений: "Кто стремится к знаниям, тот подстигает науку; природа каждого наделяет чем-нибудь, и я немного пристрастился учению, мне ведомы фонетика и вюрфология" [27].

Эмин в своих стихотворениях, как и его современник Режеб, выражал недовольство существующими порядками, когда "одни живут за счет других". Мотивами гениального неустройства пронизано стихотворение "Скорбное сердце", в котором поэт говорит:

*Одних нужда гнетет, других — изобилия груз,
Одни немощны, другие обрюзгли от жира.
Одни процветают, другие разоряются.
Печальное сердце мое не знало радости, как быть?*

В стихотворениях "Юноша", "Телли", "Будь подальше" Эмин воспевает чистую, возвышенную любовь, отвергающую житейский расчет, клеймит тех, кто препятствует влюбленным. Яркими поэтическими образами, внутренней рифмой, придающей произведению певучесть и особую выразительность, выделяется стихотворение "Дилбер" [27]:

*Из мыслей соткал я образ твой,
Видя лик твой, Эмин сам не свой,
Тоскуя по тебе, иссох я душой,
И опять молюсь на тебя я, Дилбер.*

К XVIII в. относится творчество и Лезги Ахмеда. Из его богатого творческого наследия до нас дошло несколько стихотворений — это в основном поэтическое состязание с известным поэтом XVIII в. Хесте Касумом [28]. В творчестве Лезги Ахмеда, как и в поэзии Режеба и Эмина, ведущими являются темы любви и социального неравенства. В стихотворении "Поссорились" поэт недвусмысленно заявляет, что причиной его разрыва с возлюбленной стала бедность: "Мне кажется, появился богатый жених. А мой карман пуст, в руках нет ничего" [29]. Лезги Ахмед в своих произведениях выражает мысли тех, кто гнет спину на богачей. "В стихотворении "Дружище", обращаясь к другу, поэт гневно предупреждает: властители будут в ответе перед народом:

*Ханская власть — не вечное вознаграждение,
Пусть не думают, что обойдутся без смуты...
Возмездие будет гостем, дружище.*

Поэт призывает своих соотечественников быть подальше от ханов, которым и "правдивое слово кажется наветом".

Наиболее яркой поэтической фигурой конца XVIII — начала XIX века является поэт Сайд из Кочхюра (1767-1812 гг.). Он жил в эпоху, когда в Кюринской долине господствовал казикумухский хан Сурхай II, в годы правления которого усиливается феодальный гнет и народ подвергается жестокой эксплуатации [12].

Дорогой ценой оплачены былые иллюзии. Гнев, тоска, возмущение, отчаяние и горе, многократно усиленные тем, что хан надругался над молодостью его и талантом, звучат в его песнях. Боль поруганной души выливается у Сайда в песню о бедах и ранах родины.

ЗЛОДЕЙ

*О камень огненный, тебе
Что надо от людей? Злодей!
Твой почерк — не в одной судьбе —
Как черный знак скорбей, злодей.*

*В крови твоей тонет вилайат,
Тебя клянет и стар и млад.
Ты в мире никаких услад
Не знал среди бичей, злодей.*

*От дюжины, Сурхай, ты жен
Да будешь смертью разделен.
Пусть бросит по миру сквозь стон
Судьба твоих детей, злодей.*

*И пусть огонь небесный в прах
Сотрет твой терем на кострах.
Услышь меня, о мой Аллах!
Проклятье! Сгинь скорей, злодей!*

*Вокруг исчезли соловьи,
Вороны каркают твои.
В твоей предательской крови
Нет совести лучей, злодей.*

*Ты, наподобие осла,
Не отличишь добро от зла.
Просить, чтоб жалость снизошла,
Не буду, хоть убей, злодей!
Перевод А.Кардаша.*

Ашуг обрушивает проклятия на экономическую основу всевластия пустоголового ублюдка-палача "Лакская папаха святым колом торчит на черном пути". Кочью: родина ашуга, подпала под власть лакскогг хана Сурхая. И Сайд удручен разорени, обнищанием родного края.

Н.Гребнев, переводя его стихотворен; подменяет понятие "страны" понятием "сад".

*Давно не слышно в саду (стране) соловья,
Давно в саду (стране) черно от воронья.
Песен не слышно за шумом их вранья,
Поругано все то, что было свято.*

*Пусть грянет гром, пусть превратится в прах
Все, что в твоих домах и закромах.
Да будет страх в твоих пустых глазах
И все твое добро огнем объято.*

*И пусть тебе все десять жен твоих
Родят детей увечных и больных,
И пусть на всей земле среди живых
Не будет друга у тебя и брата [30,31].*

Творчество Сайда проникнуто ненавистью к ханам и бекам, любовью к простым людям. Это определило любовь к нему народа.

О ЛЮДИ!

*Добро творите — жизни суть
Сокрыта в этом, знайте люди!
Стезя добра — вернейший путь,
Лишь по нему ступайте, люди.*

*Невежество откиньте вы,
И взором мир окиньте вы.
В врага копье да киньте вы,
Дух силой окрыляйте, люди!*

Цените разума вы глас.

*Поймите стих мой — он для вас.
Для родины свободы час
Всем миром приближайте, люди!*

*Сайда сердце, как очаг,
Горит, чтоб дух ваш не зачах.
Вам лозы в моих стихах
Дарую — принимайте, люди!*

Перевод А. Кардаша.

Смелые по своему социальному звучанию, реалистические стихи поэта приводили в бешенство ханов. Навязанный народу завоевателями правитель Сурхай-хан решит расправиться с сочинителем "дерзких песен". Он пригласил его на вечеринку в "семейном кругу", попросил Сайда "усладить" его и приближенных "сладостными песнями". Хан, отметив, что Сайд — мастер петь, но дерзко смотрит на всех, а здесь присутствуют и ханские жены" (в народе говорят, что одна из них благосклонно относилась к Саиду, и они тайком обменялись благодарными взглядами, что стало известно Сурхай-хану), приказал своим нукерам-извергам выколоть глаза Саиду...

В это же время ищет убежища от ханской "милости" в родном Ихреке и слепой Режеб. "О причинах этих злодеяний, — пишет Ф.Вагабова, — много версий в преданиях. Не станем задумываться, которая из них ближе к истине. А истина сама по себе ясна: кавказские феодалы оказались не более изобретательны, чем другие деспоты средневековья, когда вставал вопрос, как избавиться от силы, противостоящей их благоденствию. Ашуги разделяли участь лучших представителей человечества, жертв мрачной тиражи" [30].

Лезги Ахмед откликается на злодеяние против Сайда Кочхюрского:

*Ах, злосчастный, как нес ты эту весть,
Кровь бросилась в голову, язык покрылся волдырями;
О жестокий хан, хвастаешь силой своей:
Какую беду, какую обиду ашуг тебе причинил?*

*Что сердце отца истает, знаю я,
Что грудь свою истерзает мать, знаю я,
Что косы растерзает любимая, знаю я,
Бога забыл ты, злодей.*

*Услышав, горные индейки онемели,
На алван-цветке родинка зачернела,
Зеленая трава бурьяном засохла.
К Ахмеду жестокая зима пришла среди лета [30].*

(Подстрочный перевод Ф.Вагабовой).

"Отклик Лезги Ахмеда оценивает ослепление Сайда не только как семейное, личное горе. Нет. Злая весть потрясла горы — онемели птицы, почернели безупречно яркие цветы, засохла трава. А это уже аллегория общенародной скорби. История лезгин стихом обильно насыщена кровью, чтобы одним лишь преступлением можно было потрясти горы" [29].

Расправа хана облекла Сайда венцом народного страдальца, сделала его особо популярным не только в среде своего народа. На основе этой трагедии тюркские ашуги СЛОЖИЛИ дастан "Саиди вэ Саадат" [29].

Учиненную над поэтом расправу народ и его певцы, а раньше всех сам Сайд, верно оценили как акт социального насилия, произвол хана-чужака, предавшего лезгинскую землю огню и мечу.

"Территорию расселения лезгинской группы народностей, — пишет Ф.Вагабова, — составляли владения табасаранских майсума и кадия, кубинских, дербентских, казикумухских ханов, елисуйских султанов, а также союзов сельских обществ. В ряде случаев владельческими хозяевами лезгинских земель оказывались инонациональные феодалы, покровители и захватчики, угрожавшие национальной независимости... Идея антифеодального протеста сливалась в сознании горцев с антиколониальными устремлениями" [30].

М.Гаджиев отмечает [32], что лезгинские тексты песен Сайда несут в себе имя и другого не знавшего предела своим злодеяниям деспота — пришедшего позже к власти и управлявшего Аварией Нуцал-хана Кюра-Казикумухского (1836 г.). Народная лезгинская традиция знает его как Мурсал-хана [30,32]. Последователь отличался небольшим великодушием, чем Сурхай-хан. "Одинаково ненавистные эти две исторические личности, — пишет Ф.Вагабова, — слились в представлении лезгин в одну грозную фигуру бесчестного и разнузданного феодала. Замена имени, произведенная народом уже после смерти и автора песни, и его кровного врага, лишь переадресовала песню и заставила служить ее многим поколениям лезгин. Образ врага народа, созданный методом фольклора, — отталкивающе безобразный, писанный только черными красками — стал обобщающим образом тирана"[30].

Крупнейшим ученым и поэтом своего времени был Мирза Али ал-Ахты (1771-1858 гг.). Получив образование сначала в Ахтах, а затем в Аракане, он быстро добился признания в ученном мире. Из возглавляемого им учебного заведения вышло много талантливых ученых и поэтов, одним из которых был Гасан Алкадари, который отмечал, что Мирза Али "был истинным ученым и искусным поэтом, у которого много стихотворений на арабском, персидском и тюркском языках" [33].

На смерть Мирзы Али Гасан Алкадари сложил элегию, в которой говорится о горечи утраты:

*А сердце мое болит от рыданий о нем,
Скончался чтимый ахтынский мой шейх,
Мой духовный отец, человек прекрасных качеств.
О горе! Как жаль бесподобного воспитателя.*

Перевод А.Гасанова.

Мирза Али имел богатую библиотеку, которая, к сожалению, не сохранилась. Под руководством коммунистов Дагестана местные власти уничтожили ее: часть книг сожгли, часть, собрав в мешки, выбросили в реку [34]. Из сохранившегося в частных библиотеках встречаются касыды, элегии, стихотворения, отражающие реальную действительность. Об этом свидетельствуют его стихи "Как быть", "Выходит из дворца", "Ничтожество" и другие [27]. В первом из названных произведений Мирза Али говорит о том, что людей надо ценить по уму и поступкам, призывает к заботе о благе народа [27].

*Когда человек может людям приносить пользу,
Но не делает этого, как тут быть?
Хоть с виду напоминает он луну,
Но не излучает свет, как тут быть?*

Как обычно, завистливые и посредственные поэты не могли простить Мирзе Али активную и плодотворную деятельность в науке и на поэтической стезе. Так, один из

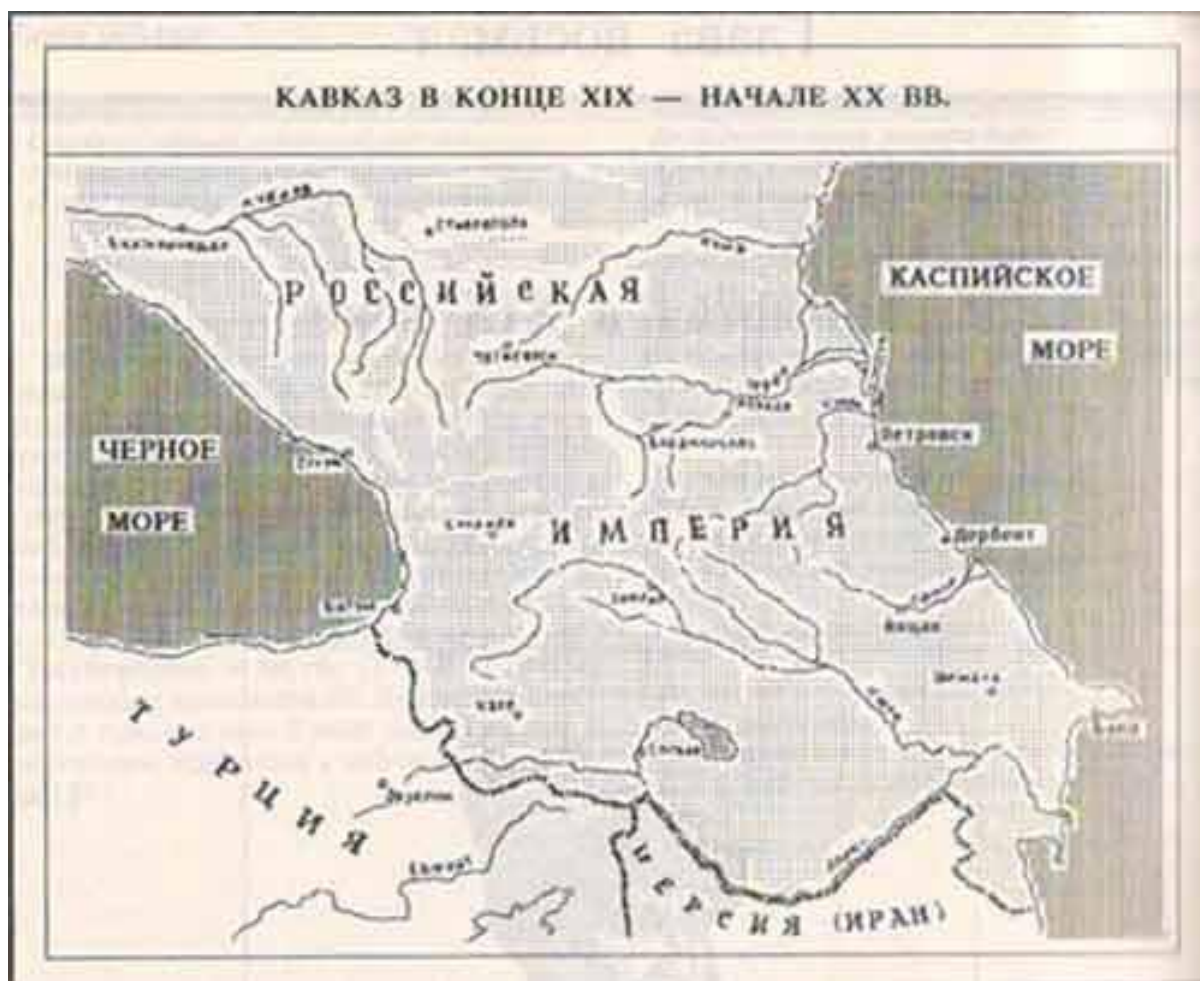
ортодоксальных мусульманских поэтов Рухун Али, обращаясь к Мирзе Али, с издевкой писал [27]:

*Эй, муж науки, послушай-ка, слушай,
Тебе на пользу слова мои:
Ты ушел с пути истины,
как же будет работать кровь твоя?!
Мирза Али ему ответил:
Эй, ленивый раб, дающий советы,
Лживы мысли твои.
Познай науки, твои мозги покрыты пеленой мрака
Ведь не видел ты ни одного ученого человека!*

Глава восьмая

Лезгистан в XIX веке

8.1. ЛЕЗГИСТАН В СОСТАВЕ РОССИИ

Феодальная раздробленность и непрекращающиеся междоусобицы подрывали производительные силы ханств Восточного Кавказа, ослабляли сопротивление иноземным завоевателям, усугубляя угрозу порабощения кавказских народов отсталыми государствами Востока. Только в результате вторжения в 1795 г. в Закавказье полчищ кровавого деспота Ага-Мухаммед-хана Кад-жара были истреблены и уведены в плен десятки тысяч мирных жителей, ограблены и разорены многие города и села. После этого нашествия в Карабахском ханстве, например, "не было зернового хлеба... его вовсе не сеяли; скот был истреблен; питались падалью, кореньями, желудями. Невмоготу было выносить многим такую несчастную долю. Народ умирал сотнями от голода и моровой язвы и бежал, кто только в состоянии был, бежал куда глаза глядели" [1].

В конце XVIII — начале XIX вв. лезгинские и другие ханства Восточного Кавказа сказались перед угрозой опять попасть в кабалу к переживавшим в то время хозяйственно-политический и культурный застой и упадок Ирану и Турции. В этих условиях многие деятели Кавказа обращали свои взоры к России, просили ее о покровительстве и помощи в защите от притязаний Ирана и Турции.

В зависимости от соотношения внутренних сил в ханствах и наличия непосредственной угрозы извне определялся и характер вхождения ханств в состав России. Во многих случаях этот переход осуществлялся мирным путем (Карабахское, Шекинское, Ширванское ханства), что не исключало элементов принуждения со стороны намного

превосходивших военных сил России. В других случаях присоединение к России встречало сильное сопротивление ханств и осуществлялось военными методами (Гянджинское, отчасти Бакинское и Кубинское ханства, Джаро-Белоканские джамааты).

Массовое присоединение кавказских земель к России началось в 1801 г. Вместе с присоединенным к России по манифесту Александра I от 12 сентября 1801 г. Картлийско-Кахетинским царством в ее состав вошли Казахское и Шамшадильское султанства [2]. В 1803 г. русские войска подавили сопротивление Джаро-Белоканских джамаатов, большинство населения которых составляли лезгиноязычные народы: 12 апреля 1803 г. их представители подписали в Тифлисе так называемое мирное условие, которое предусматривало вступление джамаатов в подданство России с уплатой дани в 220 пудов шелка в год, выдачу заложников в знак верности, размещение русских войск на своей территории. Соглашение особо оговаривало обязанность джарцев не принимать врагов России, а также невмешательство русских властей в дела их внутреннего управления [3,4]. Вместе с Джаро-Белоканскими джамаатами в подданство России вступило соседнее Елисуйское общество [3], населенное цахурцами, рутульцами, лезгинами и другими лезгиноязычными народами.

Вхождение в состав России Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств юридически закреплялось трактатами, заключенными в 1805 г. между главнокомандующим в Грузии, как официальным представителем России, и соответствующими ханами [5]. В 1806 г. русские войска заняли Дербент, Кубу и Баку. Кубинский хан Шейх-Али всячески сопротивлялся действиям русских, но в 1808 году войско генерала Гурьева рассеяло отряды Шейх-Али, после чего управление Кубинским ханством было поручено капитану Рябчикову.

Присоединению ханств Закавказья к России пытались помешать Иран и Турция, а также подстрекавшие и поддерживавшие их Англия и Франция [6]. В 1804 г. началась первая русско-иранская война из-за Закавказья. С 1806 г. вместе с Ираном против России воевала Турция. Последняя, потерпев поражение, в мае 1812 г. заключила в Бухаресте мир с Россией [6], которая одержала победу и над Ираном. 12 октября 1813 г. в сел. Гюлистан в Карабахе был подписан мирный договор между Россией и Ираном [7].

Гюлистанский договор основан на принципе закрепления за сторонами тех границ, которые установились к моменту подписания договора. Иран признал вхождение Закавказья в состав России [6].

В феврале 1811 г. подтверждено и документально оформлено вступление вольных магалов — Ахтынского, Алтыпаринского, Докузпаринского, Мискинджинского и других — в подданство России на следующих условиях: 1) вольные общества признают над собой только власть России, находящейся в Кубе; 2) царская администрация гарантирует сохранность поголовья на зимних пастбищах в Кубе, Шеки и других местах, за что общества обязуются отдавать "с каждой сотни баранов одного в казну" [8].

В 1812 году царское правительство официально признало Кюринское ханство, в которое вошли вся Кюринская плоскость, территория Курахского, Кошанского, Агульского и Ричинского союзов сельских обществ [9,10]. Правителем ханства был назначен Асланбек.

23 января 1812 года царское правительство подписало с кюринским ханом дополнительные условия, по которым в сел. Курах располагался гарнизон царских войск из двух батальонов пехоты и сотни казаков "для защиты кюринского владения" и хан обязывался "всеми мерами стараться привести в покорность России соседние вольные общества" [9].

Сурхай-хан, хотя и дал присягу на подданство России, все же ориентировался на Персию, ездил туда дважды, держал связь с Шейх-Али-ханом и несколько раз пытался

захватить Кюринское ханство. 12 июля 1820 г. генерал Мадатов разбил отряды Сурхай-хана в Чирахе, а 15 июня того же года занял Кумух, жители которого не только дали присягу на верность России, но и не пустили в Кумух Сурхай-хана, который вынужден был бежать в Аварию, где и умер в 1826 г. [8].

Жители Дербента, узнав о продвижении русских войск, "возмущаясь беспорядочными действиями Шейх-Али-хана... изгнали его из Дербента и, избрав своим правителем Али-Пехан-бека, отправили навстречу русским войскам выбранную депутацию для изъявления своей покорности России" [8]. 21 июля русские войска вошли в Дербент. "При сем добровольном покорении, — читаем в документе, — жители дербентские сами выгнали Шейх-Али-хана, на другой день были приведены к присяге на вечную верность и подданство России" [8]. За проявленную верность русское правительств объявило гражданам Дербента благодарность и освободило их "от повинности давать подводы для войск" [8]. Ханство Дербентское в августе 1808 г. было передано в управление Мехти-Шамхалу Таркинскому.

В 1809 г. для управления Кубинской провинцией было учреждено так называемое Кубинское правление в составе четырех влиятельных беков во главе с Мирза Мамелханом (отцом известного историка А.А.Бакиханова, табасаранца по национальности Волнения в Кубинской провинции осень-1810 г. против российских властей ослабили значение кубинского правления и его главного наиба, вскоре оно было упразднено, к введено военное управление. Управление провинцией стал осуществлять единолично военный комендант. Ломка ханской и султанской системы управления и замена ее новым, главным образом военным управлением, заняла значительный отрезок времени.

Этот курс осуществлялся не только отстранением ханов от управления и введением русской администрации, но и теми мероприятиями, которые в ряде случаев задолго до этого частично закреплялись соответствующими правовыми актами. Существенные ограничения ханской власти предусматривались уже в трактатах о вхождении ханств в состав России. Во всех трактатах указывалось, что ханы лишаются права на внешние сношения. Так, например, в ст. 4-й трактата, подписанного 14 мая 1805 г. Ибрагим-Халилханом Карабахским говорится: "...обещаю без предварительна — соглашения главноуправляющего Грузиею не иметь сношения с окрестными владетелями, а когда от них приедут посланцы или присланы будут письма, то большую важность в себе заключающие отсылать к главноуправляющему и требовать от него разрешения..." [11].

Отнималась у ханов также власть главнокомандующих войсками. Это вытекало, в частности, из ст. 5-й упомянутого трактата, в которой говорилось, что для сохранения особы его высокостепенства, его дома, так же как и всех его владений, поставить в Шушинскую крепость Всероссийского войска с пушками 500 человек с их штабом и оберофицерами, а на случай большой обороны главноуправляющий Грузиею обязан будет, смотря по обстоятельствам и по нужде, усиливать отряд тот и военною рукою оборонять владение его высокостепенства, яко Всероссийской Империи принадлежащее" [11].

Формально в трактатах указывалось на сохранение за ханом самостоятельности во внутреннем управлении, однако на деле и в этой сфере устанавливались существенные ограничения, поскольку они были подчинены "присмотру начальников русских гарнизонов, находящихся в каждом владении будто бы для защиты земли от соседей" [3].

Кроме того, ханы строго предупреждались о том, что "несоблюдение ими условий трактата неминуемо повлечет отстранение их от управления бывшими владениями" [3].

Юрисдикция ханов подверглась таким ограничениям, что их власть стала носить номинальный характер, а ханы заняли положение чиновников российского централизованного государственного аппарата. Это обстоятельство еще более

подчеркивалось тем, что вслед за заключением трактатов специальными указами царского правительства ханам присваивались воинские звания и назначалось содержание за счет казны [1].

Конкретное решение вопроса о системе административного управления в каждом из ханств после их присоединения к России принималось с учетом многочисленных факторов, главными из которых были отношения хана к России, искренность его сотрудничества с царскими властями, возможность и необходимость использования слияния среди местного населения. До тех пор, пока ханы в какой-либо мере могли быть полезны самодержавию в осуществлении ею внутренней и внешней политики, они сохранялись во главе администрации с сильно ограниченной властью и под надзором командиров русских воинских частей. Но стоило хану проявить колебания в отношении к России, как он отстранялся от управления, которое передавалось в большинстве случаев в руки русских офицеров, именовавшихся комендантами.

12 июня 1820 года Казикумухское ханство было присоединено к Кюринскому. Аслан-хан сделался правителем Кюра-Казикумухского ханства. В связи с этим в начале декабря 1820 года был заключен с Аслан-ханом новый договор, сущность которого сводилась к следующему:

1. Аслан-хан утверждает во владении ханством Казикумухским и к прежнему достоинству хана Кюринского присоединяется звание Казикумухского.
2. Хан обязан охранять свои границы и идти с войсками, куда прикажут.
3. При постройке укреплений и прокладке дорог в его владении обязан помогать зависящими от него средствами.
4. В Кюринском и Казикумухском ханствах содержать постоянно 160 человек конных нукеров для употребления в караулы и разъезды, по усмотрению начальства.
5. Хану предоставляется право разбирать по закону и обычаям все дела, кроме уголовных, которые должны быть разбираемы русским военным судом, для чего преступников отправлять к начальству.
6. Предоставляется Аслан-хану в Кюринском ханстве право назначить наибом сына своего или кого заблагорассудится, но отнюдь не соединять обоих ханств, а каждым управлять особо" [9].

Таким образом, договор 1820 года еще жестче регламентировал обязанности хана. Основная забота царского правительства заключалась в том, чтобы добиться от хана и его подвластных покорности, оказания всемерного содействия достижению стратегических целей правительства, прежде всего в покорности горцев [9].

После смерти Исмаил-хана Шекинского (24 июля 1819 г.) и бегства за границу Мустафа-хана Ширванского (19 августа 1820 г.) и Мехтикули-хана Карабахского (21 ноября 1822 г.) Шекинское, Ширванское и Карабахское ханства были официально переименованы в провинции.

Провинции объединялись в два округа. Первый, так называемый мусульманский, включал Ширванскую, Шекинскую, Карабахскую и Талышскую, а второй, Дагестанский округ, — Бакинскую, Кубинскую и Дербентскую провинции. Округа возглавлялись военноокружными начальниками. Должность военно-окружного начальника мусульманского округа была учреждена в 1824 г. с резиденцией в г.Шуше [12]. Резиденцией дагестанского военно-окружного начальника был г.Дербент [6].

В 1835 году умер Аслан-хан, Кюра-Казикумухским ханством менее года управлял сын Аслан-хана Нуцал-хан, а с 1836 по 1838 год — Магомед-Мирза, после смерти которого в 1839 году Кюра-Казикумухское ханство было вновь разделено на два самостоятельных ханства (Кюринское и Казикумухское). При этом царское правительство назначило

управляющим Кюринским ханством Гарун-бека, который недолго правил ханством, с 1839 по 1842 год, а с 1842 года на его место назначен его брат майор Юсуф-бек [8].

В 1813 году верхний и нижний Табасаран разделялся на частные владения и управлялся кадием и майсумом. Карчагское владение управлялось "своими" беками. По данным Неверовского, в 40-х годах XIX века во владениях бека карчагского было приблизительно 5 тыс. человек [9,13].

В 1831 году П.Колоколов составил описание Табасарана, согласно которому Табасаран делился на верхний и нижний. Он простирался от востока к западу на 90, а от севера к югу на 50 верст и заключал в себе до 4500 квадратных верст [14].

Верхний Табасаран делился на 9 магалов, из которых семь признавали себя независимыми, а остальные входили в состав Кюринского ханства.

Нижний Табасаран делился на семь магалов: один принадлежал Аслан-хану Кюринскому, два — наследнику майсумов Ибрагим-беку Карчагскому, а последними четырьмя владели беки из фамилии Муртазали-кади.

Независимыми считались магалы Верхнего Табасарана: Корчан, Куркул, Хираг, Харагшилли, Суак, Нитриг и Дыре [34].

В феодальных владениях и независимых магалах Табасарана было 5379 семейств. Из них в магалах, не входивших в феодальные владения, проживало около 2323 семейств; в магалах, входивших во владение Аслан-хана — до 555 семейств; в магалах, принадлежавших Ибрагим-беку Карчагскому — 846 семейств; в магалах, принадлежавших бекам из фамилии Муртузали-кади — 1775 семейств.

Наследники майсума управляли до 1814 года магалами Хираг-Шилли, Агмергу, Агул-дере и Этек. В 1820 году магал Кошан-дере был присоединен к владениям Аслан-хана [14]. В 1826 году магалы Хараг-Шилли, Корчан, Суак, Дыре и Нитриг признали себя независимыми и объединялись с магалами Куркул и Хираг [14]. В 1831 году три магала вошли в состав Кюринского ханства. Два магала находились под управлением Ибрагим-бека Карчагского и три магала под властью беков из фамилии Муртузали-кадия.

Управление в семи магалах, не входивших в состав феодальных владений, отличалось некоторыми особенностями: для решение общих вопросов, касавшихся магала в целом, два или три раза в году собирались магальные сходы, которые назывались "Джаагань" и "Дыгорь" и собирались обычно весной.

Жители магалов, вышедших из-под власти майсума и его наследников, перестали платить им подати. Жители остальных магалов несли подати Ибрагим-беку, Аслан-хану и бекам из фамилии Муртузали-кадия [14].

В магалах, не входивших в феодальные владения, по данным Колоколова, можно было собрать войско до 3 тысяч человек, в том числе конных — 300. Табасаранцы сами не нападали на соседние народы, но если нападали на них, то храбро защищали. Обычно в таких случаях подавался сигнал ружейным выстрелом [14].

В 1815 году генерал Хатунцев арестовал табасаранского кадия. Управление Табасараном было возложено Ермоловым на дербентского коменданта. Однако через некоторое время управление Табасараном снова осуществляли майсум и кадий.

Царское правительство утвердило в звании майсума Кирхляр-кули-бека и предоставило ему полную власть над подвластными жителями.

В 1825 году Кирхляр-кули-бек был лишен звания майсума и владения и выслан в Астрахань. Принадлежавшие ему деревни были отданы Ибрагим-беку Карчагскому. После окончания русско-персидской войны Кирхляр-кули-бек возвращен из Астрахани. В 1829

году он снова выступил против царских войск. Его разбили, он явился с повинной, и вторично отправлен в Астрахань, где и умер [9].

После Кирхляр-кули-бека южным Табасараном управляли беки из рода майсумов, в том числе полковник Ибрагим-бек [15]. В 1839 году он умер и на его место был назначен Султан-Ахмед-бек. До 1845 года северным Табасараном управлял Шахмар-дан-Кадий. С 1845 по 1851 год кадием северного Табасарана являлся поручик Исмаил-бек Марагинский. В 1851 году он был отстранен от управления по старости и вместо него кадием утвержден капитан Айдибек-Рустам.

Феодальные владетели Табасарана и беки осуществляли управление на основании адатов, шариата и собственного разумения [16].

Внутреннее управление в обществах Самурекой долины до 30-х годов XIX века оставалось таким, каким оно было до присоединения к России.

По данным генерал-майора Зраббе (1820-е годы), в Докузпаринском магале (центр Мискинджи) было 10 селений, в которых жило примерно 960 семейств. Ахтынское общество включало в себя 15 селений (1500 семейств). В самом селении Ахты было до 800 семейств. В состав Рутульского общества входило 18 селений, в которых насчитывалось до 1600 семейств.

Главнокомандующий Кавказской армией генерал Головин в 1839 году образовал здесь из всех обществ один Самурский округ [9]. Положение об управлении Самурским округом утверждено 28 июня 1839 года. Оно вверялось окружному начальнику — из царских офицеров. Округ состоял из трех магалов: Ахтынского, Докузпаринского и Алтыпаринского. В каждом магале был свой кадий, в селениях — мулы, старшины и десятники, по одному или по два. В случае надобности означались помощники старшин. В помощь начальнику округа назначались главный духовный кадий и диванные члены, по одному от каждого магала. Они составляли диван округа.

Начальник округа должен был охранять общественное спокойствие, порядок и добиваться от жителей "должного властям повиновения", наблюдать за тем, чтобы никто из жителей не имел сношений с восставшими горцами, "усмирять всякие действия" против официальных властей, содействовать войскам, передвигавшимся по территории округа, строго следить за исполнением жителями "своих обязанностей правительству", своевременно взыскивать налоги и подати, а также принуждать жителей к погашению недоимок [9].

Начальнику округа предоставлялась судебная власть. Уголовное преступление, "всякое насилие и самоуправство" начальник округа разбирал сам и определял меру наказания. Лишь "важных" преступников он представлял вышестоящим властям.

Судебные дела начальник округа решал, принимая в соображение общие законы, руководствуясь во всех действиях своим собственным благоразумием" и учитывая "понятия и обычаи народа" [9]. Главный кадий и диванные члены по представлению начальника округа утверждались высшей военной администрацией. В случае "неблагонадежности" кадия и диванных членов начальник округа делал представление вышестоящим властям о назначении других лиц. Обязанности кадия и диванных членов заключались в разборе возникающих между жителями споров, "исключая уголовных и сопряженных с казенным интересом" [9]. Магальные кадии назначались и утверждались начальником округа, их обязанности были те же, что и у главного кадия. Начальник округа разбирал жалобы на решения Самурского дивана и кадиев, наблюдая за своевременным разрешением споров диваном, главным и магальным кадиями.

Сельские старшины избирались жителями на прежних основаниях. Но начальник округа мог не утверждать избранного старшину, если его поведение было не угодно царским властям [9].

Все должностные лица за "ослушание и неповиновение" окружному начальнику и антиправительственные проступки подвергались наказанию.

Таким образом, общества Самурской долины были всецело поставлены под контроль царских властей, и с их относительной независимостью было покончено. Все органы сельского и магального управления превращены в низовые органы царского административного аппарата. Начальник Самурского округа сосредоточил в своих руках полноту всей власти. Для того, чтобы держать жителей Самурской долины в повиновении, были построены две крепости, одна из них в Ахтах. Коменданты обеих крепостей и их гарнизоны находились в подчинении начальнику Самурского округа.

Однако комендантскую систему управления в Табасаране, Кайтаге, Кюринском ханстве не удалось ввести из-за сопротивления местных жителей, хотя Самурский округ и был включен в состав Кубинского уезда.

В Ахтах и в Кюре с древних времен существовала феодальная знать, она пользовалась всеми привилегиями земельных собственников и, прикрываясь адатами, эксплуатировала местное население. Но феодалы здесь еще не окрепли, чему мешали частые вторжения иноземных захватчиков. Перед постоянной угрозой внешней опасности уздени сплачивались между собою, в джамаатах вновь оживала деятельность старых общинных органов [17].

Лезгинские тухумы отличались друг от друга своей численностью и уровнем благосостояния. Тухумы, накопившие в своем распоряжении богатства и земли, занимали более привилегированное положение. Из их среды выделялась общинная знать, а в некоторых местах тухумы по наследству передавали и власть старейшин — кевху. Вплоть до нашествия Надир-шаха из древнего Курах-ского тухума Мирчиар продолжали избирать главного курахского кевху [17]. В джамаате Хутарг должность кевхи постоянно занимали представители тухума Байбут. В Верхнем и Среднем Стале тухум Перер издавна считался происходившим из святых и получал грамоты иранских шахов и турецких султанов. В Хиве должность кевхи являлась наследственной в тухуме Сейдар [17].

По данным посемейных списков Самурского округа за 1850 год, в округе было 5632 хозяйства, душ мужского пола 14867 (вместе с Рутульским магалом). Всего в округ входило 53 селения и 4 магала. Ахтыпаринский магал состоял из 19 селений (2243 хоз.), Алтыпаринский — из 6 (1114 хоз.), Докузпаринский — из 10 (1082 хоз.) и Рутульский — из 18 (1193 хоз.).

Цахурцы составляли значительную часть Елисуйского султанства. В это султанство в 30-х годах XIX века входили нагорная часть и низменная между горами и рекой Алазанью [9]. Летним центром султанства было селение Цахур. Султаны Сари-Алибек, Али-бек, Мамед-хан, Али-Куркулу-бек имели и там резиденции.

В 1806 году Ахмед-хан, сын Ахаза, вооруженным путем сверг своего престарелого дядю Хан-бабу и сделался султаном. Он получил от царя чин полковника [19], правил с 1806 по 1830 год. От царского правительства Ахмед-хан ежегодно получал пенсию в размере 1200 рублей серебром. После его смерти управление султанством передано его сыну Мусе-Аге, который умер в конце 1830 года, затем управление султанством поручено Даниял-беку, племяннику Аслан-хана. С конца 1830 по 1844 год Елисуйским султаном был Даниял-бек. Елисуйские султаны так же, как и другие Восточнокавказские владетели, выделялись своей жестокостью [9].

В 1839 году Рутульский магал был присоединен к Елисуйскому султанству, а в 1844 году Даниял-бек перешел на сторону Шамиля. В связи с этим управление бывшим Елисуйским султанством и Рутульским магалом временно поручено джаро-белоканскому военно-окружному начальнику [9].

Бывшие Елисуйское султанство и Рутульский магал были объединены в один округ под названием Елисуйского. Этот округ был разделен на три магала: Елисуйский, Рутульский и Ингелойский. Округом управлял русский офицер, находившийся в непосредственном подчинении джаро-белоканского военноокружного начальника. Магалами управляли наибы, назначаемые джаро-белоканским военноокружным начальником. В каждом магале было по одному кадию, который ведал духовенством и разбираал шариатские дела. Магальные кадии подчинялись окружному кадию, назначенному царскими властями. Жители Елисуйского округа, за исключением "высшего сословия, чиновников и духовенства, которых значение определяется общими наставлениями", были приравнены к государственным крестьянам на общем основании, принятом в Каспийской области [20].

Царская администрация практиковала раздачу деревень угодным царизму феодалам и царским чиновникам и офицерам армии. Конфискацию и пожалование земель царские чиновники использовали в качестве меры, призванной обеспечить зависимость местных феодалов от царизма.

В 1840 году была проведена административно-судебная реформа Кавказа. "Учреждение для управления Закавказским краем" ввело новую систему административно-территориального устройства, включающую три звена: губернию (область), уезд (округ и участок). В Дербентский уезд входила Дербентская, Табасаранская и Кайтагская провинции, в Кубинский уезд — Кубинская провинция с Самурским округом.

В указанном административно-территориальном делении края царские власти умышленно игнорировали принципы этнического единства и территориальной целостности народов, населяющих этот регион.

Со времени вхождения Кавказа в Россию на территории Восточного Кавказского хребта и Прикаспия был образован ряд областей и уездов, причем лезгинские территории входили в разное время в различные административные образования. В частности, в 1840 году Бакинская, Дербентская и Кубинская провинции переименованы в уезды и вошли в состав вновь образованной Каспийской области. Из них Дербентский и Кубинский уезды находились в ведении Дербентского военноокружного начальника. В 1846 году Бакинский уезд вошел в состав Шемахинской губернии, а из Дербентского и Кубинского уездов и владений Кюринского и Казикумухского образована губерния Дербентская. Чаще всего Самурский округ входил в Дербентский или Кубинский уезды.

В 1860 году была ликвидирована политическая власть ханов и беков и образована Дагестанская область. В 1856 году царю представлено несколько проектов по управлению покоренными народами Кавказа. Одобрение царя получил проект будущего наместника на Кавказе А.И.Барятинского. По этому проекту Кавказ делился на большие военные отделы без учета национальных образований, начальникам которых предоставлялись широкие права и большая самостоятельность.

В Дагестане действовало специальное Положение, утвержденное в 1860 г. под названием "Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом". В Дагестанскую область входил бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда и весь горный Дагестан. Область разбита на четыре военных отдела (Северный Дагестан, Средний Дагестан, Южный Дагестан и Верхний Дагестан). Южный Дагестан делился на три управления: 1) Кайтаго-Табасаранский округ; 2) Ханство Кюринское; 3) Самурский округ, включавший горные магалы, т.е. верховья Самура.

"Царизм, вводя эти положения, — пишет Магомедов, — стремился не столько к распространению среди горцев гражданских принципов управления, сколько к удержанию вновь покоренного населения в повиновении. Система управления строилась так, чтобы в случае надобности быстро и решительно подавлять новой властью. Наиболее удовлетворяла этим требованиям военная администрация" [17].

Во главе военных отделов стояли военные начальники, обладавшие всеми военными и гражданскими правами управления и располагавшие своими войсками.

Округа делились на наибства. Наибы получали от казны содержание, имели письмоводителя и охрану из всадников Дагестанского конного полка, обладали распорядительной и судебной властью.

Во главе всего управления Дагестаном стоял начальник Дагестанской области, действовавший на правах генерал-губернатора. Он же являлся главнокомандующим расквартированными в Дагестане войсками. В его подчинении находились дербентское градоначальство и управление портовым городом Петровском [17].

Эту систему управления официально именовали "военно-народным управлением". В военно-народном управлении особенно рельефно проявился военно-феодальный характер колониальной политики царизма. Эта система управления была создана для подавления и угнетения покоренных народов. Царизм поддерживал права и привилегии имущих сословий, и, как это признавал начальник Дагестанской области генерал А.Меликов, "ханскую власть, использовал институт наибов, старейшин и кадиев" [17].

Военное и административное деление Восточного Кавказа, в частности Дагестана, подвергалось изменениям. Например, в конце XIX века вместо военных отделов было создано девять округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кюринский, Самурский, Темир-хан-Шуринский (Хасавюртовский округ входил в состав Терской области) [17].

С 1860 года руководство так называемым военно-народным управлением в Дагестане осуществлялось непосредственно из главного штаба Кавказской армии при наместнике Кавказа. В 1883 году оно подчинялось канцелярии Главноначальствующего гражданской части Кавказа. По существу положение от этого не изменилось. Военным по духу своему управление оставалось до конца века, — прежний начальник Дагестанской области стал именоваться военным губернатором.

8.2. ПРОИЗВОЛ ЦАРСКИХ ЧИНОВНИКОВ И МЕСТНЫХ ФЕОДАЛОВ

Вступив на территорию Восточного Кавказа, царизм стал всецело опираться на ханов и беков и через посредство их проводить жесткую политику.

Царские генералы, пользуясь услугами местной аристократии, принуждали горцев выполнять работы, связанные со строительством крепостей и других военных объектов. Кроме того, по первому требованию царских властей горцы обязаны были выставлять подводы и лошадей для перевозки различных грузов. "Этот вид повинностей, чрезвычайно отягощавший народ, стал источником дохода для ханов и беков. То небольшое вознаграждение, которое население должно было получить за свой труд и транспорт от правительства, присваивалось ханами и беками" [8].

"Подати и повинности, отбываемые жителями, — говорится в официальном документе, — были чрезвычайно разнообразны, и к тому же эти повинности неслись жителями так различно, что приведение их к общей цифре и деление их подымно приведет к ошибочности относительно налогов на каждое селение отдельно" [21].

"Местные аристократы, чувствуя свои руки совершенно свободными, действовали очертя голову, руководствуясь единственно кровожадным деспотизмом, животными побуждениями и неутомимую жаждою к стяжанию богатств. Всякого рода насилия, взятки и поборы, а в случае сопротивления открытый грабеж, нередко сопровождавшийся убийством, составляли ежедневные заботы восточно-кавказских владетелей; похищение отличавшихся красотой девушек, хотя бы они и были объявленные невесты; похищение их из родительских домов, иногда из дома мужа, еще не успевшего увидеться со своею молодой женой; наконец увод их в ханские гаремы открытою силою было дело самым обыкновенным" [22].

Характеризуя деятельность карабахского военнокругового начальника князя Мадатова, ревизовавшие Закавказье в конце 20-х — начале 30-х годов сенаторы П.Кутайсов и Е.Мечников писали, что он "употреблял во зло сделанную ему правительством доверенность, отбирая для себя самовольно чужую собственность, употребляя жителей в собственные услуги без платы, составлял от имени других фальшивые бумаги и был мстителен до степени разрушения могильных памятников" [4].

Для содержания разбухшего военного аппарата были введены в Прикаспийском крае чрезвычайно большие подати, которые тяжким бременем ложились на плечи горцев. Так, например, по всему Прикаспийскому краю сумма податей на 1841 год составляла вместе с недоимками 1.061.630 руб. серебром [23].

Подати с населения собирались не только деньгами, но и натурой (хлеб, ячмень, сено, масло, яйца). Зная о таком беззаконии, правительство не только не принимало мер к прекращению произвола, но само позаботилось о его усугублении. Так, например, министр финансов предписал: "Все сборы по завоеванным областям и городам, как те, кои уже известны и введены в общий счет по расписанию о доходах, так и те, кои сверх того открыты, управители могут, равно как и самые остатки сих сборов от прежних лет, с казенной экспедицией хранящиеся, причислить к общим своим доходам" [23].

В лезгинских джамаатах незыблемой новой общественных отношений являлась частная собственность на землю и скот. Это отразилось в адатах южнодагестанских обществ. "Кто подожжет... дом, саманник хлебные скирды, сено и т.д. или вырубит деревья в чужом саду, — говорится в адатах — тот должен заплатить убытки, нанесенные хозяйству. За воровство вещей и другого имущества, как-то: лошадей, коров и т.д. — из дома или с поля с виновного взыскивается вдвое против стоимости украденной вещи и муштулук — деньги, употребленные хозяином уворованной вещи на разыскивание ее [17].

"Колониальные порядки, установившиеся царской администрацией, вызывали отпор среди горцев. На это царизм отвечал карательными мерами. Жестокости по отношению к местному населению были доведены до крайней степени при главнокомандующем русской армией на Кавказе генерала А.Ермолове, назначенном в 1816 году. Где бы ни проходил Ермолов со своими войсками, он чинил кровавую расправу, разрушал или предавал огню целые аулы" [17].

Народ волновался и отказывался платить непосильные налоги, но царское командование в целях устрашения местных жителей организовало карательные экспедиции в горы [8].

В письме Карцева к Барятинскому о Юсуп-хане Кюринском говорится: "Кюринский хан жестокостями своими, непростительным корыстолюбием и разного рода несправедливостями довел народ почти до открытого восстания против себя. Начиная с 1860 года поступали на него к начальнику Южного Дагестана и к самому К.Н.Меликову беспрестанные частные жалобы. Наконец, в прошедшую осень народ открыто и единодушно отказался ему повиноваться, не прибегая еще к оружию, кюринцы выбрали до 200 человек поверенных и отправили в Шуру с жалобой, которая была выражена

такими словами: "... за что же нас, никогда не враждовавших против русских, отдали вместо пастухов злому волку, который нас грабит"

Скрытно, — говорится в другом документе, — они ропщут на притеснения и несправедливости шамхала и ропщут на правительство русское, допускающее утеснять народ повинностями, которые и без того же уже отягощали" [24]. "Из сказанного следует, что причины возникновения движения горцев надо искать в социально-политической обстановке, сложившейся на Восточном Кавказе в 20-х годах XIX века" [8].

С борьбой горцев за независимость тесно переплетается вопрос о мюридизме, который получил широкое распространение на Восточном Кавказе. Мусульманский аскетизм оформляется организованно в дервишских орденах. Учение одного из этих орденов, широко известное в Средней Азии, распространилось под названием накшбандийского тариката. Слово "тарикат" в узком смысле значит "искатель правильного пути", а в смысле общем — "ученик, желающий учиться" [8]. Последователи тариката — "мюриды" должны были беспрекословно повиноваться воле своего учителя. Последнее получило в русской литературе название мюридизм.

Накшбандийский тарикат — это постоянное занятие особенно значительными мотивами, т.е. воспоминанием Аллаха. Накшбанд отвергал показную набожность и обрядность, сорокодневные посты, бродяжничество, нищенство, публичные радения (сама') с музыкой, пением и танцами, громкий (джахр) зикр...

Вступающий в него обязан был прежде всего беспрекословно повиноваться Корану и последовать пророку Мухаммеду, укрепить свои убеждения, согласно с мнением последователей Пророка, искренне раскаиваться в грехах, потом удовлетворить все обиды, просить прощения у обиженных, строго исполнять шариатские постановления, стараться удалить от себя от всего противного Аллаху и от всех дурных и низких поступков, происходящих от искушений эгоизма, считать все, что делает, для себя обязательным и не оставлять ничего без важной к тому причины, укрощаться хорошими и похвальными нравами, отказаться от лишней еды, от лишнего сна и разговора, не есть ничего непозволительного, постоянно нуждаться в Аллахе, быть довольным судьбою! Кто усвоит себе эти качества, тот дойдет до места присутствия Аллаха [25].

Основной частью практики накшбандийа является тихий зикр (хафи), т.е. мысленное (сердцем) понимание имени Аллаха, в отличие от громкого (джахр, джали,) произносимого вслух. Тихому зикру отдается предпочтение в подавляющем большинстве братств. Традиция накшбандийа считает, что тихому зикру пророк Мухаммед обучил Абу Бакра во время их пребывания в пещере. Громкий же зикр пророк открыл Али, поэтому в ряде общин накшбандийа допускается этот зикр. Другой составной частью обучения накшбандийа является сухба — интимное общение — разговор между наставником и учеником, совершаемое на самом высоком духовном уровне.

Наконец, тесная связь между учителем и учеником раскрывается в практике тавадж-жух — концентрации помыслов каждого из двух партнеров на мысленном образе друг друга, что в начале создает духовный контакт, а затем духовное единство учителя и ученика. Метод психо-физических тренировок накшбандийа был сосредоточен на духовном очищении и полировке-воспитания сердца.

Накшбандийа отрицает аскетизм, все "братья" являются мирянами, которые совершенно необязательно должны быть в обители.

Инициация происходит после прохождения трехмесячного периода искуса — проверки, во время которого мюрид постоянно работает, исполняя самую грязную работу. В день посвящения он, совершив ритуальный обряд омовения, дает клятву верности шейху, покровителю братства и пророку Мухаммеду, после чего получает разъяснение тихого

зикра братства, формулу своего личного тихого зикра, набор молитв в определенном порядке для чтения и устраивает угощение для всех присутствующих.

Тарикат, как сказано выше, восходит к пророку Мухаммеду, а его разновидность — накшбанд получил развитие от крупнейшего представителя среднеазиатского суфизма XIV в. Баха ад-дина б. Бурхан ад-дин Мухаммеда ал-Бухари (1318 — 1389).

Начиная с XV в. накшбандийа постепенно превратилась в самое распространенное духовное братство (после ал-кадирийа), функционировавшее на огромной территории от Каира до Суматра и от Поволжья и Северного Кавказа до юга Индии.

"Золотая цепь" накшбандийских шейхов, одна из ветвей которой ведет к Дагестану, насчитывает около 40 крупнейших тарика-тистов, силсила которых восходит к пророку Мухаммеду. Среди них четыре лезгина: Убайдаллах Ахрар (1404 — 1490), Исмаил из Кюрдемира, Хас-Магомед из Ширвана и Магомед-Эфенди из Ярага.

Убайдуллах Ахрар активно и умело вмешивался в междуусобицы Тимуридов и в течение сорока лет был фактически правителем всего Среднеазиатского региона [25].

Магомед-Эфенди подготовил и благословил крупного тарикатиста Джемалетдина из Кумуха, на котором силсила накшбандийского тариката в Дагестане обрывается. Магомед-Эфенди, как увидим ниже, имел прямое отношение и к подготовке Хас-Магомеда из Ширвана.

Известно, что восточнокавказские мюриды разделялись на два разряда: мюридов наибских и мюридов по тарикату. Первые, как порождение газавата, исчезли вместе с газаватом и званием имама. Но мюриды по тарикату существовали и в дальнейшем.

Мюридом по тарикату и мюридом наибским мог сделаться всякий желающий, без различия возраста (с 15 лет) и материального состояния. Желающий получить это звание должен был явиться к известному преподавателем тариката муршиду. Объявив ему желание "искать правильную дорогу", получал указание, какие книги следует читать и на какие места в них нужно обращать особое внимание. Сверх того ему давалось наставление, как должен держать себя человек, желающий идти по стопам пророка и удостоиться блаженства в будущей жизни, отказавшись от приманок настоящей.

Затем будущий мюрид отправлялся домой или же оставался в том селении, где проживал избранный им наставник. С этой минуты он принимал название мюрида и предавался изучению тариката, устраняя от себя всякие житейские заботы.

Мюриды по тарикату пользовались большим уважением среди населения. Причем "учение тариката отнюдь не было опасно для спокойствия народов, оно скорее было способно сохранить мир, нежели возбудить войну, потому что последователи этого учения являлись более монахами, чем воинами. Доказательством этого служат его требования, во всем сходные с монашеским обетом: как можно меньше говорить, ушам и глазам воли не давать, как можно меньше есть и спать и как можно больше молиться богу" [8].

Достигнув "совершенства", человек освобождается от всех уз, соединяющих его с миром. Поэтому в тарикате ни одного слова не говорится про газават. Напротив, он строго предписывает своим последователям удаляться от всего, что напоминает войну; так что мусульманин, выразивший желание принять учение тариката, тем самым заявлял о своем отвращении к войне.

Совсем другого рода человеком был наибский мюрид. Все познания его в книжной мудрости ограничивались чтением Корана, все его достоинства заключались в отсутствии физических недостатков, препятствующих владению оружием. За всю службу при наibe мюрид получал от него все необходимое для существования и участия в войне. Иногда наibe содержали и семью мюрида. У самого Шамиля это было правилом [8]. Наibeские

мюриды появились при Шамиле — при прежних имамах их не было. Создать этот институт Шамиля побудила необходимость иметь в своем распоряжении верных людей для безотлагательного выполнения мероприятий, связанных с исключительным его положением [8].

В одном из официальных документов царской России точно определена причина беспорядков в покоренных ханствах: "Беспорядки обнаружались не вследствие проповедей Курали-Магомеда (Магомеда Ярагинского), а благодаря грабительствам Аслан-хана Казикумухского и всякого рода жестокостям, которыми он угнетал народ... Не столько тарикат побудил имамов призвать соотечественников к оружию, сколько деспотизм ханов и беков" [8, 22].

8.3. ПРИЗЫВ К СВОБОДЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

"В местной печати, — пишет проф. А.Агаев, — уже несколько раз промелькнуло сообщение о том, что приступивший в Махачкале к работе Исламский институт назван именем Магомед-Эфенди Ярагинского. Между тем мало кто знает его жизнь и деятельность, его мировоззрение и то, почему он удостоен такой чести создателями названного института. Некоторые из наших историков могут привести кое-какие сведения о нем, но в исторических трудах, посвященных прошлому, его имя только упоминается" [26].

Между тем в архивах, рукописных фондах научных институтов, старых газетах и журналах можно отыскать немало материалов о нем. В рукописном фонде ИИЯЛ хранится объемистая, чуть ли не в 40 страниц си штабс-капитана Прушанского о его жизни и деятельности, написанная еще в 1841 году. На первой же странице о Магомед-Эфенди сказано: "По обширному уму он считался в числе дагестанских алимов, а по званию главного кадия имел возможность приобрести большое состояние". Записка ценна тем, что в ней воспроизводятся многочисленные отрывки из его проповеднических речей, писем и воззваний, по которым можно судить, что за человек и мыслитель он был, какова его роль на начальном этапе движения горцев [26].

В начале XX века Гасану Алкадари (внуку М.Ярагинского по дочерней линии) удалось собрать некоторые труды из философского наследия деда и два из них опубликовать в 1910 году в типографии М.-М.Мавраева. Сравнительный анализ опубликованных произведений и рукописных оригиналов, находящихся у Галиба Садыки, свидетельствует о том, что эти труды изданы в сокращении. Одно из произведений под названием "Большая касыда" написанная М.Ярагинским в классическом жанре, будучи первой дагестанской поэмой на арабском языке, явилось, по существу, программным трудом, теоретическим обоснованием необходимости начала газавата, предопределившего в последующем длительный этап национально-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни.

И, наконец, — пишет А.Агаев, — Саид Габиев в 1925 году в газете "Красный Дагестан" посвятил Магомед-Эфенди значительную часть своей статьи "Мюридизм в Дагестане", а русский писатель П.Павленко в 1942 году в повести "Шамиль" на основе записки Прушанского и других источников создал художественный образ Ярагинского, назвав его "светилом тариката". В повести он изображен под именем Курали-Магомеда. "Курали" — псевдоним Магомеда, которым пользовался он сам, порой и другие дагестанцы прибегали к этому псевдониму. В основе псевдонима лежит название южнодагестанских предгорий, известных среди жителей как "Кюре", а "ли" означает не что иное, как "житель" [6].

Сегодня, к сожалению, приходится говорить о необходимости возрождения в Лезгистане исламских традиций, которыми некогда славился наш край. Именно отсюда происходили признанные религиозные авторитеты, ученые-арабисты, поэты.

Рис. 8.1. Титульный лист книги М. Ярагинского "Большая и малая касыды".

До Октябрьского переворота в Кюринском округе было 194 (II место после Гунибского округа), а в Самурской — 102 мечети. Во многих из них были медресе, в которых получали соответствующее образование. Отказ от атеистической диктатуры поставил, наконец, на повестку дня вопрос о соблюдении прав верующих, возвращении духовного и культурного пласта, связанного с исламом. Стоит ли напоминать, что забвение общечеловеческих ценностей, заложенных в религии, привело в конечном счете к бездуховности, потере нравственных ориентиров. Ведь вся наша культурная программа в значительной мере в прошлом была связана с исламом. Ислам — не только религия, но и правила жизни, обычаи и традиции, по которым веками строился мир горцев. Все это разрушено в Лезгистане до основания. Заставляя забыть обычаи предков, горцам ничего не дали взамен. По этому поводу Р.Ризванов пишет: "Если честно признаться, то не всегда и не всем хватало стойкости перед лицом распоясавшегося зла: ведь заставляли же нас сжигать священные книги, в том числе и рукописные научные труды, принуждали разрушать мечети и превращать их в клубы и колхозные склады, приказывали с разных трибун поносить Аллаха, отлучать детей от веры. А вместо имени Бога вложили в наши уста имя Сталина и имена других "вождей", запятнавших себя гнуснейшими преступлениями против собственного народа" [27].

"Не верующий ни в Бога, ни в черта способен только к разрушению. Созидательного начала в нем нет. У него только одно стремление — брать и потреблять. Он в своей слепоте не думает о потомстве. А если и есть у него какая-либо забота, то только о личном... Ведь именно вера в Аллаха способствует честной инициативе, а не рвачеству,

достойной коммерции, а не спекуляции, созидательному труду, а не разрушительному..." [27].

Магомед Ярагинский был не только выдающимся религиозным деятелем Восточного Кавказа, но и крупным ученым, носителем идей добра, справедливости, чести, равенства народов и людей. Поэтому такие личности, как Магомед Ярагинский, любимы в народе, им верили, за ними шли. Поскольку о нашем знаменитом земляке ничего практически не знаем, привожу часть статьи проф. А.Агаева в "Дагестанской правде" от 14 апреля 1992 г., фрагментом из которой начат этот параграф [26].

Магомед Ярагинский родился в 1761 году в селе Яраг нынешнего Магарамкентского района. "О родителях и семье М.Ярагинского пишет Гасан Алкадари в известной книге "Асари Дагестан". Отцом Магомеда-Эфенди Ярагинского был Молла-Исмаил, духовный наставник, имевший свое медресе в родном ауле, а женой была дочь моего земляка Магарам-эфенди Ахтынского. По мнению Гасана, Магарам относился к "числу больших ученых, преподававших физику и философию". В свое время Магарам, занимаясь учительскими делами, поселился в соседнем с Юхари-Ярагом ауле Махмудкент. Общие их интересы и занятия сблизили семьи, что и дало жизнь Магомеду, который с детства проявил тягу к общественным делам.

Источники сообщают, что будущий духовный предводитель движения горцев, "закончив полностью курс наук в Кюринском округе и в других культурных центрах Дагестана, стал во времена Аслан-хана преподавателем в своем селении и просветителем". Известность его медресе все более ширилась, о чем говорит приезд в Яраги юношей как из других лезгинских аулов, так и из Дербента, Бухары, Ширвана. Из учеников его дальнейшей судьбе некоторые сыграли значительную роль. В первую очередь уроженец Ширвана Хасмагомед. Он почти семь лет проучился в ярагинском медресе, а затем вернулся домой, по одним источникам в Кюрдамир, по другим чуть ли не в Бухару, но через год-другой вернулся. Хасмагомед пригласил Магомеда-эфенди в Кюрдамир к известному шейху Исмаилу-эфенди, и тот обучил ярагинца тарикату. Исмаил-эфенди говорил ему и другим гостям, которые приехали к нему вместе с Магомедом-эфенди Ярагинским, что "мусульманская вера ко-леблется, что мусульмане предались греху, — пьянство и разврат сделались им знакомы, что, наконец, мусульмане не ведают шариата и, будучи подвластны неверным, не могут возвыситься до постижения великой науки тариката".

Магомед-Эфенди согласился "приступить к доброму делу, навести мусульман на путь истины", а Гаджи-Исмаил провозгласил его "старшим мюршидом", то есть главой последователей нового толкования ислама в Дагестане.

Эти события происходили в начале 20-х годов XIX века, когда царская армия, силой вводя российские порядки во вновь завоеванных и укрепленных Гюлистанским договором с Ираном землях, совершала карательные экспедиции вглубь дагестанских гор. Командовавший ими Ермолов еще в 1820 году откровенно писал императору: "Я не отступлю от предпринимаемой мною системы стеснения злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и поэтому добиваюсь я иметь пути к долинам, не могут они обрабатывать землю и пасти свои стада".

В 1823 году Ермолов с многочисленной армией вторгся в Кюре, наводя страх на мирных жителей не только истреблением непокорных, но и обложением непомерно большой данью. Ее размер определялся в три тысячи рублей серебром.

В этой ситуации из Кюрдамира в родной аул возвратился Магомед Ярагинский и, собрав аульчан, сказал им: "Народ! Мы сегодня не мусульмане, не христиане и не идолопоклонники. Истинный магометанский закон состоит вот в чем. Мусульмане не могут быть под властью неверных". Переведя дух, он вновь заговорил: "Мусульманин не может быть ничьим рабом или

поданным, и никому не должен платить подати, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство".

Немецкий ученый и писатель Фридрих Баденштедт в 1855 году издал в Берлине книгу "Народы Кавказа и их освободительные войны против русских" [28]. Особое место в книге исследователь отводит шейху Магомеду-Эфенди Ярагинскому, которого он называет Мулла-Мухаммедом. "Мужчины Ярага и все, собравшиеся вокруг меня, — взывает идеолог газавата на Кавказе, — идите и освободите свои души от духа рабства, который сковывает вас, идите в мечети и упадите перед лицом Всевышнего, молитесь о покаянии, не думайте ни о сне, ни о пище, и Аллах явит вам свою милость. Он поведет вас праведным путем и наделит вас силой великого дела, которое вы призваны совершить. Аллах подаст мне сигнал, а я объявлю его Вам. Будьте готовы проявить мужество, когда настанет час битвы" [28].

Магомед-Эфенди поначалу ставил вопросы о достижении свободы и равенства горцев в мирных формах. Он пытался добиваться чисто духовного самоутверждения свободы и равенства. Ему мыслилось, что стоит угнетенному корить угнетателей про себя, отрешиться от тягот жизни, мыслями слиться с богом — боль угнетения можно заглушить. Иначе говоря, он звал окружающих к моральному неприятию растущего национального и социального насилия.

Рис. 8.2. Штурм Ахцах русскими войсками. Фрагмент картины Бабаева П.И. (1813-1870 гг.).

Было бы неправильно считать, что, когда Магомед-эфенди говорит о "неверных", он ведет речь о неверных только в религиозном плане: "верные" мусульмане, а "неверные" все остальные, христиане в первую очередь. В приведенной выше его речи сказано, что мусульманин как человек "не может быть ничьим рабом", он "не должен платить подати и мусульманину", то есть своему, по религии "родному" правителю или любому лицу. Так что "неверными" в его мыслях и устах являются все те, кто не верен идеалам свободы и равенства, будь они приверженцы христианства или ислама. Термины "верные" и "неверные" используются им и в гражданском плане: в соответствии со степенью верности жителей Дагестана родной земле или ее захватчикам. Размышляя таким образом, Магомед-Эфенди убедился, что сам тоже находится в долгу у своего народа, в какой-то степени причастен к нарушителям прав мусульман на свободу и равенство. И он вновь выступает перед аульчанами в мечети, говоря им: "Я самый грешный человек перед богом и пророком. До сих пор я не ведал, что бог нам повелел. Теперь только постиг эту высокую истину. Все мои дела до сих пор лежат грехом на моей душе".

Рис. 8.3. Магомед-Эфенди Ярагинский 1761-1838гг.

Аульчане никогда не слышали таких признаний Эфенди, а он продолжал, утоляя их любопытство: "Мною взятый зекат (десятина) муллам не следует брать, а потому я сделал большое преступление. Я сознаюсь, простите меня, а если хотите, позволяю, возьмите все мое имущество и разделите между собой".

Ярагинцы простили ему, но с того дня он перестал взимать зекат, хотя тот большей частью шел на помощь беднякам.

Чтобы дать понять, что одинаково отвратительна несправедливая власть, которая исходит от людей, исповедующих любую религию, он в той же речи отмечает: "Будучи под властью неверных или чьей бы то ни было, все наши намазы, уроки, все странствования в Мекку, ваш нынешний законный брак и все ваши дети незаконны".

Рис. 8.4. Ученики М.Ярагинского: Джемалетдин, Гази-Мулла, Шамшь.

"Весть о Магомед-Эфенди и его учениках — пишет Ф.Баденштедт, — со скоростью молнии облетела весь Дагестан; со всех сторон приходили паломники в аул Яраг, чтобы увидеть алима и услышать его слова. Все, кто восхищался им, учился у него или кого он благословлял, становились мюридами. Из дня в день росло число сторонников нового учения: многие священники (муллы) и верующие целыми месяцами жили в ауле Яраг, чтобы поближе познакомиться с образом жизни Магомеда-Эфенди. Он проводил время исключительно за чтением Корана, соблюдая пост и молясь: видя его набожность и в словах и в делах, все почитали его как святого" [28].

Вскоре к нему на учебу поступил из Кази-Кумуха Джемалетдин, служивший мирзой (секретарем) в канцелярии Кумухского ханства. Проучившись ряд лет в Яраге, он

вернулся к себе, чтобы распространять среди населения тарикатское учение своего наставника. Весть о ярагинском медресе и наставнике дошла и до более отдаленных аулов Дагестана. В Гимрах об этом узнали два молодых горца — Гази-Мулла и Шамиль. Гази-Мулла имел медресе, преподавал религию и шариат, был уже в летах, а Шамиль, еще холостой, проявлял больше интерес к наукам и знаниям.

Через посредство Джемалетдина, с которым они были знакомы еще прежде, Гази-Мулла и Шамиль оказались в Яраге. Неизвестно, как долго они здесь пробыли, но оба приняли тарикат, хотя каждый по-своему. К этому времени Магомед-эфенди и сам изменился во взглядах на мир и свое учение. От идей отшельничества, отречения от земных благ и сосредоточения своих дум исключительно на молитвах, чтобы таким путем обрести свободу и постигнуть истину, он все более переходил к пониманию необходимости решительных действий против насилия, исходящего от правителей всех типов. Он стал создавать отряды из местных жителей, которые шли из аула в аул, как бы проводя боевые учения.

Мюриды из аула Яраг, — пишет Ф.Баденштедт, — обращаясь лицом к востоку, громко кричали: "Мусульмане! Война против неверных! Ненависть и уничтожение гяурам!" Такие крики можно было слышать весь день на всех улицах, во всех общественных местах, везде, где появлялись мюриды. Как пожар из аула в аул распространилось это учение, — далее пишет Ф.Баденштедт, — вскоре весь Кюринский округ находился в состоянии возбуждения и смущения, которые обычно предшествуют всенародному восстанию. Даже на севере Дагестана, где в это время находился Ермолов со своими войсками, можно было услышать угрозы мюридов в адрес неверных" [28].

Узнав о "кюринских беспорядках", Ермолов потребовал от местного правителя Асланхана прекратить их, а возмутителя отправить к нему в Кубу, где находился штаб. Асланхан приехал в Касумкент, вызвал Эфенди и в присутствии алимов многих аулов оскорбил его. Опомившись, на второй день он попросил у него извинения, но настоял однако на запрете пропаганды газавата в своих владениях, а Ермолову доложил о наведении в ханстве ожидаемого порядка. Но Магомед-Эфенди не отступал от своих убеждений. Пригласил в Яраг авторитетных наставников из разных мест, причем людей разных ханств и национальностей, чтобы посоветоваться с ними о контрмерах. Из Аварии приехали Гази-Мулла и Ших-Шабан, из Кумуха — Джемалетдин, из Даргогубденска — Гаджи-Юсуф, из Табасарана — Хан-Магомед и другие. Участники совещания пришли к мысли: надо оказать вооруженное сопротивление растущему с каждым днем насилию. В завершение Магомед-Эфенди заявил: "Ступайте на свою родину, забирайте народ. Вооружайтесь и идите на газават... Один мусульманин должен идти против десяти неверных".

Алимы разъехались по своим горам, и почти все дружно взялись претворять в жизнь наставления. Особое усердие проявил Гази-Мулла. На сельском сходе он сказал аульчанам: "Есть христиане, есть евреи, много народов на свете есть, у всех есть закон, которым они следуют. Только мы, мусульмане, живем без веры. У христиан — евангелие, у евреев — талмуд, у мусульман — коран и шариат, но мы, мусульмане, действуем не по евангелию, не по талмуду и не знаем, что такое шариат. Все дагестанцы, а с ними вы преданы пьянству, воровству, разбою. Вы убиваете, один у другого забираете имущество, проливаете кровь мусульманскую".

Как видно, не только Магомед-Эфенди, но и его воспитанники и соратники ставили вопрос о свободе, равенстве и справедливости скорее в политико-правовом и нравственном плане, чем в узко религиозном. Да будь дагестанцы по вероучению христианами, и то бы они выступили против жестокостей царизма, как выступали против единоверных персов, турок и арабов, когда те приходили отнимать у них веками завоеванную свободу и равенство. Духовных наставников тяготило и начавшееся

распространение среди горцев греховных деяний — воровства, пьянства и разврата, которые несла в горы новая социально-политическая обстановка.

Наши историки односторонне подчеркивают идею, что движение горцев было "национально-освободительным" или "народно-освободительным". Между тем оно началось и развивалось в первую очередь, как общедемократическое. Ни Магомед-Эфенди из Ярага, ни Джемалетдин из Кумуха, ни Гази-Мулла, как впоследствии и Шамиль, не сводили его цели лишь к национальному или народному освобождению. Последнее не давало еще освобождения каждому угнетенному человеку, поскольку свобода народа еще не означала свободы каждого из образующих его людей, и равенство народов не равнялось равенству людей. В этом отношении духовные предводители движения горцев ставили национальные интересы в тесную связь с интересами человека, личности. Поэтому и движение обрело столь массовый и взрывной характер.

Эту особенность движения поняли даже царские генералы. Главнокомандующий Закавказским краем Розен, к примеру, в 1837 году писал: "Ограждаясь неприступностью мест, при воинствующем духе и неограниченной любви к независимости, горцы готовы сильно действовать против всякого принуждения". Другой генерал, Воронцов, видел выход в том, чтобы "аристократическим началом побороть то направление демократическое, которое развивалось и так глубоко пустило корни в Дагестане и против которого доселе, кроме оружия, никакого оплота не было противопоставлено".

А известная часть русских офицеров, служивших в Дагестане, еще более решительно осуждала политику властей. В частности, А.Бестужев-Марлинский во время притеснения в Кюре местных жителей и открытого преследования Магомеда-Эфенди за свободолюбивые идеи писал, что "Паскевич довел Кавказ до полного расстройтва"; другой офицер, Н.Лорер, утверждал: "Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право вносить свои порядки к людям, которые довольствуются своей свободой и собственностью?"

Вскоре между вторым тарикатистом в Дагестане Джемалетдином и Гази-Муллой возникли серьезные трения из-за газавата. Джемалетдин написал последнему два письма с требованием немедленного прекращения войны. О дальнейших событиях П.Павленко пишет [29]: "Ничего не ответив Джемалетдину, Гази-Мулла пожаловался на него Курали-Магоме (М.Ярагинскому), говоря, — что кумухский проповедник стесняет его своими запрещениями и отвлекает народ проповедями от священной войны..."

Узел этих сложных противоречий мог бы развязать только один Курали-Магома, старейший тарикатист во всем Дагестане. Но он — единственный, кто мог разрешить все споры и восстановить мир среди своих представителей и, глядя на происходящее, как дальновидный политик по-иному направил события, положив начало новому устремлению народной веры.

В те же дни, — пишет П.Павленко, — когда вражда между Джемалетдином и Гази-Муллой достигла крайней остроты, Курали Магома написал Джемалетдину, что как бы не были убедительны их увещевания или угрозы, на Гази-Муллу они не подействуют, не такой он человек. Следует ожидать, что газават окажет влияние на дагестанских ханов и хоть несколько ослабит их тиранию. Газават, по всей вероятности, проложит дорогу и тарикату. А потому, посылая Гази-Муллу разрешение на газават, он рекомендовал Джемалетдину заботиться только о себе и не удерживать Гази-Муллу в его намерениях, хотя бы потому, что отшельников — мюршидов можно найти много, хорошие же военачальники и имамы редки.

Вскоре до Джемалетдина дошли слухи что молодой Шамиль, единственная надежда тарикатистов, теперь тоже оказался вместе с Курали-Магомой.

Умный Курали-Магома, — пишет далее П.Павленко, — впоследствии примерил Джемалетдина с газаватом, убедив, что мучения его послужили очистительной жертвой, которую непременно требует всякое святое и правое дело. Джемалетдин, по-видимому, согласился с этим, потому что написал извинительное письмо Гази-Мулле, которое должен был вручить молодому имаму Шамиль" [29].

К началу 30-х годов Дагестан уже пылал огнем демократического движения под лозунгами свободы и равенства мусульман как между собой, так и с приверженцами других религий. Гази-Мулла, ставший первым имамом, собрал разрозненные движения в одно. С большим ополчением он прошел по многим горам, спустился на равнину, добрались до Южного Дагестана. В ответ новый главнокомандующий царских войск на Кавказе Паскевич распорядился, чтобы Аслан-хан во что бы то ни стало арестовал бунтаря и доставил его в Тифлис.

Магомеду-Эфенди пришлось с семьей скрыться в горных чащобах Табасарана. В это время, местные жители послали письмо продвигающемуся на юг Гази-Мулле: "Мы приняли учение тариката, святой ислам свято исполняем, признаем нашим мюршидом Магомед-Эфенди Ярагинского... Не устояли против нас ни русские солдаты, ни мамсуйские всадники, на горе Каргул, где был разбит Надир-шах, мы разбили и гяуров. Мюршид благословил тебя на газават. Табасаран, Кайтаг и все тамошние народы ждут тебя, иди же к нам на газават".

Гази-Мулла горячо откликнулся на призыв. По прибытии в Табасаран он радостно встретился с Магомедом-Эфенди, который принял его любезно как единомышленника. Его появлению в здешних краях, где Магомед-Эфенди скрывался от ареста, обрадовались его сыновья Гаджи-Исмаил и Исхак дочь Хавсат. Гази-Мулла знал их по годам своей учебы в Яраге. Особенно обрадовался он тому, что Хавсат, которая ему приглянулась еще в то время, незамужем.

Как говорят верующие, что суждено, тому сбыться. Сбылось и сокровенное намерение Гази-Муллы. Несмотря на непрекращающиеся военные сражения, он просил у Магомед-Эфенди руки его дочери Хавсат, тот благословил брак. Свадьба состоялась в одном из табасаранских аулов. А когда Гази-Мулле надо было возвращаться к ополчению, выяснилось, что оставлять здесь тестя с женой и двух сыновей вовсе небезопасно. И без того за ним была организована погоня, власти не могли забыть и того, что в Курахе, куда его доставили нукеры хана, местные жители помогли ему бежать из зиндана, дали лошадей, переправили из Яраги темными ночами его семью в безопасное место.

Вместе с зятем Гази-Муллой и семьей Магомед-Эфенди через лакские горы двинулся в Аварию и поселился на его родине. Гимринцы и ученые многих аварских аулов приняли его с почестями. В местном медресе он приступил к занятиям по разным наукам и исламу, наставлял жителей на путь газавата и шариата. Теперь к нему в Гимры стали ездить молодые люди из многих аварских, дарганских аулов, даже из Южного Дагестана. Одним из них был алкадарец Гаджи-Абдулла. Он учился у Магомед-Эфенди еще в Яраге, затем у Гази-Муллы, теперь вновь прибыл сюда, чтобы пройти высший курс наук и знаний у своего первого учителя.

Но недолго засиживался Магомед-эфенди в тиши медресе. Он то и дело отправлялся с Гази-Муллой в боевые походы, принимал участие в массовых молитвах и сражениях. Его присутствие придавало силы восставшим за свободу и равенство, против насилия и голода. Причем авторитет его был столь высок, что многие важные вопросы решались с его разрешения или от его имени. Когда Гази-Мулле необходимо было склонить "арковского шамхала на свою сторону, он послал ему письмо, начав словами: "От уповающего на всевышнего бога Магомед-Эфенди Ярагинского".

В 1832 году Магомед-эфенди потерял своего зятя Гази-Муллу, который был убит в Гимрах. Вот как описывает П.Павленко гибель Гази-Муллы в книге "Шамиль" [29]: Русские могут попасть в Гимры только в виле дождя, — говорили горцы. Но пехота Клюки фон Клюгенау проникла в ущелье и ворвалась в аул. Началась рукопашная.

Поджидая свежие силы с Гамзат — беком, Гази — мулла оказывал героическое сопротивление русским. Шли дни, а Гамзат-бека все не было. Наконец, лазутчики донесли, что он появился и стал лагерем вблизи Гимров, пока не ввязываясь в сражение.

А из сотни мюридов, окружавших имама, осталось в живых уже только пятнадцать человек. Вместе с имамом и Шамилем они заперлись в башне на краю аула, поклявшись умереть, но не сдаваться... Одна надежда была на Гамзата: он должен был обязательно начать сражение, — и в башне дрались с невиданным презрением к смерти. К концу дня осталось в живых четверо — Гази-мулла, Шамиль и с ними двое мюридов.

Не раз прислушивались они к шуму боя — не начал ли уже Гамзат-бек. Но его отряды спокойно держались на отдаленных холмах, и видно было, что они не готовились к бою.

Так мы погибнем без всякой пользы, — сказал тогда Гази-мулла. — Бросимся лучше на неверных и нанесем им как можно больше вреда.

Он понял, что помощи не будет и что великое дело, начатое им, закончится сейчас со смертью. Он шел ей навстречу, как безумец.

Надвинув на глаза папаху, он первым выскочил из башни с шашкой в руке. Камень, брошенный с соседней крыши, свалил его. Двое солдат, стороживших выход из башни, воткнули в него штыки. Стрельба прекратилась. В эту минуту Шамиль гигантским прыжком перемахнул через солдат, склонившихся над телом имама. Они обернулись — он зарубил их. Третий, спешивший на помощь, пустился бежать. Шамиль зарубил и его. Но четвертый, оказавшийся возле, воткнул ему да отказа штык в грудь..." [29]. И даже после этого Шамилю удалось уйти и выздороветь!..

Магомед-Эфенди узнал, при каких обстоятельствах погиб его зять имам Гази-Мулла. Ясно было, что Гамзат хочет стать имамом Аварии любым способом. Несмотря на то, что Магомед-Эфенди мог и не назначить имамом Гамзата и не должен был совершить этот акт, но Магомед-Эфенди принимает мудрое решение. После похорон Гази-муллы, как сообщает штабс-капитан Прушанский, Магомед-Эфенди "отправился к Гамзат-беку в Ирганай благославлять его преемником Газы-Муллы". Оказывается, Магомед-Эфенди видел далеко... Вскоре Гамзат-бек был убит родственниками Хунзахского хана, мстя за кровь молодых ханов, пагибших по вине Гамзат-бека...

Еще шесть лет Магомеду-Эфенди довелось жить в Аварии. Это были годы стремительного возвышения Шамиля, который относился к нему с уважением. Магомед-Эфенди радовался успехам нового имама, да и сам помогал ему словом и наставлениями, проводя много времени среди ополченцев, которым приходилось в родных горах спасать себя от деспотизма местных и царских властей.

Личный секретарь Шамиля Магомед-Тахир в своих дневниковых записях "Три имама" рассказывает об участии ярагинского наставника в сражениях под Чиркеем и о том, как при виде бессмысленного кровопролития с обеих сторон тот добился прекращения огня, с чем согласились противники.

О борьбе горцев под руководством Шамиля написано очень много, особенно в последнее время, поэтому в этой работе не останавливаюсь на этих событиях. Однако следует сказать о том, что во всех работах роль Магомеда-эфенди Ярагинского недостаточно раскрыта. Кавказская война не достигла бы такого накала, может быть, даже не возникла бы, если бы не Магомед-эфенди Ярагинский и его учение.

Все три имама: Гази-Мулла, Гамзат-бек и Шамиль были исполнителями воли Магомед-Эфенди Ярагинского. Заслуга Шамиля заключается в том, что он, из трех имамов полной мере сумел использовать могучие силы, заложенные в мюидизме. Не будь этого движения в Дагестане, не было бы и такого мощнейшего сопротивления "гяурам", поэтому, воздавая почести Шамилю, мы должны, обязаны не в меньшей мере воздать должное и Магомед-Эфенди Ярагинскому.

Умер Магомед-эфенди в 1838 году, нашел вечный покой на кладбище Согратля. Его мавзолей и по сию пору стоит на краю старого кладбища как призыв к свободе совести и человеческого духа.

8.4. НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ

На протяжении первой трети XIX века на Восточном Кавказе, в горах и на плоскости происходили одно за другим восстания горцев. Выступления горцев явились реакцией на гнет, произвол и несправедливость, которые им приходилось испытывать со стороны местных феодалов и знати. Восставали горцы одновременно в рамках одного аула или группой сельских обществ. Разрозненные восстания легко подавлялись, но через определенное время они вспыхивали вновь [17].

Стихийные выступления горцев принимали все более крупные размеры. Царские войска стали открыто помогать феодалам. На выступления толкал и колониальный режим, установленный кавказским начальством на вновь покоренной территории. В управлении Восточным Кавказом не учитывались особенности и нужды населения, частыми были злоупотребления и расправы.

Л.Н.Толстой, глубоко изучивший все, что относилось к горцам, писал в набросках к "Хаджи Мурату", что "в те времена одна малая часть горцев покорилась русским, другая жила в горах свободно, не признавая ничьей власти, а третья часть то притворно покорялась русским, то опять возмущалась и воевала с ними" [17].

"В развертывании борьбы горцев определенную роль играли, — пишет Р.Магомедов, — феодальные междоусобицы. Когда одна из феодальных групп встречала поддержку у царизма, враждебные этой группе феодалы становились в оппозицию и к своим противникам, и к русскому начальству. Среди дагестанских феодалов было немало таких ханов и беков, которые с приходом царских войск были ущемлены в своих политических правах и потеряли известные материальные выгоды. Они бунтовали против русской военной администрации и натравливали на нее население своих владений. Царизм, руководствуясь политикой "разделяй и властвуй", поддерживал одних феодалов против других. Те, кого царизм поддерживал, становились опорой его колониальной политики. Русскую ориентацию приняли шамхал Тарковский, ханша Баху-бике Аварская, султан Елисуйский, Аслан-хан Кюринский, дербентские феодалы и другие. Все это шло вразрез с интересами горцев, поскольку насаждение колониального режима вело к еще большему усилению феодальной эксплуатации" [17].

Широко известный во всех лезгинских аулах поэт и ашуг Сайд из Кочхюра пел:

*Исчезли и соловьи, и красота, и розы,
И только вороны каркают в моей стране...*

Южнодагестанские крестьяне вели непрерывную борьбу против феодальной эксплуатации. Они нападали на имения ханов и беков, угоняли ханский скот, отказывались от несения повинностей. Хань отвечали на крестьянские выступления новыми жестокостями.

Рис. 8.5. КАРТА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Крупным антиколониальным выступлением в первой половине XIX в. явилось восстание крестьян Кубинской провинции в 1837 г., вызванное тяжелым гнетом царских властей и крупных феодалов. А.Бакиханов отмечал, что к числу причин, вызвавших недовольствие населения Кубинской провинции, относились "...медленное течение дел и непомерные повинности и налоги..." [30]. Гнет и злоупотребления царских и магаловых набов переполнили чашу терпения крестьян.

В такой обстановке в начале 1837 г. было объявлено о наборе всадников для службы в конно-мусульманском полку, который находился в Варшаве. Это требование царских властей и послужило поводом к выступлению крестьян Кубинской провинции. Их возмущение связано не с нежеланием служить в армии, а с тем обстоятельством, что набор всадников превратился в новый источник грабежа крестьян. Вследствие злоупотреблений местных чиновников экипировка каждого всадника в Кубинской провинции обходилась в 350 руб., тогда как в других провинциях она стоила всего 130 — 150 руб. [4].

Выступление началось в апреле 1837 года. Руководил им старшина лезгинского селения Хулуг Гаджи Магомед, его помощником был крестьянин Яр Али, пользовавшийся значительным влиянием среди крестьян.

Крестьяне требовали уменьшения ряда феодальных повинностей, удаления полковника Гимбута, являвшегося комендантом провинции, который свирепствовал в своих поборах и

притеснениях. Царские власти были вынуждены снять Гимбута и двух магальных наибов, наиболее рьяно служивших ему, благодаря чему временно удалось уговорить крестьян разойтись по домам.

На ход восстания определенное влияние оказала борьба горцев под руководством Шамиля. Кубинцы поддерживали связь с ним. Когда кубинцы обратились к Шамилю с письмом и сообщили ему, что власти обещают удовлетворить их требования, в своем ответе Шамиль призвал крестьян не верить царским чиновникам.

В августе 1837 г. борьба крестьян Кубинской провинции разгорелась с новой силой и вылилась в вооруженное восстание. К сентябрю численность восставших достигла уже 12 тысяч. Гаджи Магомед повстанцы избрали ханом, что свидетельствовало о его большом влиянии на восставших.

Многие беки, недовольные политикой царизма, примкнули к восстанию. Несколько беков были назначены Гаджи Магомедом магальными наибями.

Вскоре восставшие двинулись к Кубе и осадили ее. Зная о наличии артиллерии у кубинского гарнизона, повстанцы решили атаковать город в ночь с 4 на 5 сентября. В то время как два отряда должны были штурмовать Кубу с востока и запада, третьему отряду поручалось горной тропой скрытно проникнуть в город и ударить по противнику с тыла. Во главе этого отряда стоял Яр Али.

В назначенное время начался штурм. Первые два отряда, встреченные артиллерийским и ружейным огнем, не смогли взобраться на стены города. Но 1000 человек из отряда Яр Али проникли к центру. Здесь они мужественно, с большим упорством отражали атаки царских войск. Каждый дом, занятый повстанцами, превращался в маленькую крепость, и солдатам приходилось брать его с боем [4].

В ходе боя к восставшим присоединилось до 4 тысяч кубинцев. Как впоследствии заявил Гаджи Магомед, "жители города во всем нам пособляли: женщины давали хлеб, топоры для прорубливания стен и плетней, горожане заряжали ружья и даже сами стреляли" [4]. Но взять крепость восставшим не удалось. Безуспешной оказалась и новая попытка штурма, предпринятая в сентябре.

Против восставших были двинуты не только царские войска, но и конные отряды ширванских беков, кюринского и казику-мухского ханов [4]. Повстанцам пришлось отступить от Кубы.

Однако и после этого ряд горных магалов Кубинской провинции продолжал сопротивление царским властям и уклонялся от уплаты податей. Главнокомандующий генерал Головин в отчете о положении на Кавказе в 1838 г. сообщал: "После возмущения в году Кубинской провинции, усмиренного только в окрестностях самой Кубы, верхние магалы оной были в открытом неповиновении" [4].

В 1838 г. царские войска предприняли две военные экспедиции в горные магалы. В июне близ местечка Аджахур произошло сражение с вооруженными отрядами повстанцев. Восставшие потерпели поражение, были вынуждены принести присягу в верности России и обязались платить дань казне. Однако значительная часть их во главе с Ага-беком Рутульским укрылась в горах [4].

Кубинское восстание было жестоко подавлено. Гаджи Магомед и ряд руководителей арестованы и казнены, а Яр Али бежал в горы. Власти расправились и с другими активными участниками выступлений.

Одновременно с кубинским восстанием и после него происходил ряд других крестьянских выступлений. В 1838 г. произошло выступление в Шекинской провинции. По признанию царских чиновников, ни в одной провинции не сохранилось "такого

множества податей под различными наименованиями, как в Шекинской" [4]. В одной из жалоб, подписанной 150 нухинцами, говорилось, что жители города терпят от коменданта такие притеснения, что... остается только взять свои семейства и убежать из Нухи..." [4].

В конце августа 1877 г. отряд Ага-бека Рутульского численностью до 5 тыс. человек вступил в Шекинскую провинцию. В составе отряда было немало шекинцев, бежавших в горы из-за преследований властей. К ним присоединились и многие жители Хачмасского магала Шекинской провинции [4].

Восставшие пользовались сочувствием населения и других магалов. Наиб Куткашенского магала доносил, что он не может собрать отряд для борьбы с восставшими, так как на благонамеренность жителей нельзя положиться. В Шекинском магале вместо тысячи человек, требуемых комендантом, было собрано лишь 200 человек. Направленные в селение Варташен, они не оказали восставшим никакого сопротивления. Пользуясь поддержкой населения, отряд Ага-бека Рутульского приблизился к Нухе [4].

В предместьях города произошло сражение между гарнизоном и восставшими. В самой Нухе к восставшим примкнула городская беднота. В донесении главнокомандующего генерала Головина Николаю I отмечалось, что к повстанцам пристали "бедные и праздничатающиеся" [4].

Восставшим удалось захватить почти весь город, за исключением крепости, где укрылась часть гарнизона, царские чиновники и семьи богачей. Другая часть гарнизона укрепились на возвышенности неподалеку от крепости. В течение нескольких дней в Нухе и ее предместьях происходили столкновения, которые не принесли решительной победы ни одной из сторон.

В первых числах сентября к Нухе стали прибывать подкрепления царских войск из других провинций. Утром 3 сентября восставшие покинули город и отступили. Войска преследовали их и несколькими столкновениями рассеяли их [4].

В 1861 году в Андийском округе попытка поднять восстание Кази-Магома — двоюродный брат наиба Шамиля Кибит-Магомы. В Южном Дагестане выступили табасаранцы. 5 июня 1863 года крестьянское восстание вспыхнуло в Закаталах. В этом же году восстали и гумбетовцы. В Кюринском округе крестьяне захватили бекские земли Джафар-бека [17]. В августе 1866 года начались волнения среди крестьян северного Табасарана.

Разрозненные выступления крестьян против колониального режима и местных феодалов продолжались в течение восемнадцати лет и завершились событиями 1877 года — самым крупным антиколониальным восстанием на Кавказе второй половины XIX века.

Русско-турецкая война была объявлена 12 апреля 1877 года, и в тот же год в Чечне Алибек Хаджи был провозглашен имамом. 16 апреля в Ичкерии вспыхнуло восстание, которое месяц спустя перекинулось в пограничные Гумбет и Салаватию [17].

В Дагестане всеобщее восстание началось 29 августа нападением гергебильцев на мастеровых и захватом Георгиевского моста. В этот же день сограждане провозгласили "газават" и объявили имамом Гаджи Магомедом [17]. На рассвете 31 августа горцы угнали из Верхнего Гуниба казенный скот и блокировали крепость.

8 сентября восстали жители Казикумухского округа. Гарнизон Кумухской крепости был разгромлен. Казикумухским ханом провозглашен отставной майор Джафар-бек.

В Левашах восстание возглавил Бахма-Гаджи Баганд, в Урахи — Алхас Албуриев, а Акуше — Чарак. Мехти-бека провозгласили кайтагским уцмием.

12 сентября восстание распространилось на Кюринский округ. Окружное управление было разгромлено, кюринским ханом провозглашен кураец поручик Магомед-Али-бек. Во главе восстания стояли в Табасаране — Умалат-бек, Рустам-кадий и Аслан-бек, в Каякенте — Агай, в Яраге — Эфенди Исма-илов. Ахтынцы провозгласили самурским ханом капитана Кази-Ахмеда. Из Южного Дагестана восстание перекинулось в Кубинский уезд. Здесь ханом был объявлен поручик Гасан-бек [17].

Таким образом, за короткое время восстание охватило почти весь Восточный Кавказ. Царские войска находились в разных местах и не были готовы к решительным действиям [17].

В первых числах сентября самурские, кюринские и кубинские лезгины штурмуют штаб-квартиру в г.Кусары, восставшие дагестанцы также активно наступают по всем направлениям [17].

Для подавления восстания царское правительство в срочном порядке перебросило в Дагестан крупные военные силы. Сюда были стянуты войска из Терской области, Баку, Краснодарска и внутренних губерний России [17].

Восстание 1877 года длилось четыре месяца, охватив свыше 400 аулов. При подавлении восстания дагестанцы понесли большие жертвы. Сотни аулов были сожжены или разрушены. Тысячи горцев погибли в схватках с царскими войсками. После кровавой

расправы над восставшими продолжалось выселение горцев, под предлогом покрытия убытков, причиненных восстанием, их облагали налогами и разного рода поборами. Земли казненных и выселенных горцев конфисковались и раздавались местной знати принимавшей участие в подавлении восстания. Власти ожесточились, беки своевольничали [17]. Царские наместники приступили к расправе. Наиболее активные участители восстания преданы военно-полевому суду в Дербенте и Гунибе [8]. Согласно приговору, имам Гаджи-Магомед Согратлинский кадий Цудахарский, Кази-Ахмед и Абдул Казикумухские и др., всего около 300 человек, казнены. Из 8 округов Дагестана около 5000 человек, независимо от возраста, пола, степени вины, были высланы. Многие из них от тяжелых лишений и непривычных климатических условий погибли [31].

Почти все крестьянские хозяйства Дагестана были обложены трехрублевым сбором ягабы для покрытия убытков, причиненных восстанием. Около 370 тысяч десятин земли репрессированных жителей изъяты в казну [8].

Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич оправдывал эти жесткие меры тем, что "наказание одних главнейших зачинщиков далеко не всегда может служить спасительным примером и предупреждением для остального населения" [31]. Поэтому в порядке "предупреждения" возможного в будущем неповиновения были наказаны многие невинные горцы [8].

Хронология описанных восстаний на Восточном Кавказе против царской России показывает, что сопротивление народов этого региона завоевателям было непрерывным. Немалую роль играла и Турция, претендовавшая на Кавказ. Говоря об этом, Ф.Вагабова пишет: "Как известно, очагом восстания был аварский аул Согратль. Мы располагаем стихотворением — призывом Мухаммед-бека из Гергебиля, направленным к знатным кварцам, подняться на новый газават, продолжить и довести до победного конца дело, не завершённое Шамилем. Не было ли здесь и расчета на поддержку со стороны единоверной Турции? Во всяком случае искра разгорелась в пламя, стремительно захватившее всю страну от Чечни до Лезгистана. По числу участников оно в два раза превзошло Кавказскую войну. Однако уже четыре месяца спустя движение горцев было жестоко подавлено. Волна репрессий обрушилась на участников. Главари восстания были казнены. В числе сосланных в Сибирь оказались и те поэты, произведения которых воскрешают для нас исторические события грозного лета 1877 года" [32]. Одним из них был выдающийся лезгинский ученый и просветитель, сосланный за активное участие в восстании 1877 года, Гасан Алкадари. На смерть товарища, сосланного в Тамбовскую губернию, он пишет:

*Пусть враги не злорадствуют по поводу такой
твоей смерти, Ибо и их не пощадит эта судьба.
Не говори, что твоя могила одиноко затеряется
в глуши:
Быть может, и нам суждена могила там же.
К твоей могиле присоединятся многие могилы
единоверцев,
Изгнанников многих черкесских и татарских...
[30].*

Далее Ф.Вагабова пишет: "Несмотря на явную субъективность, значение исторических документов обретает сейчас послание Гасана Алкадари к сыну Абу-Муслиму, находившемуся в то время в Петербурге на службе при Его Величестве императоре в собственном конвое [32, 33] и большое стихотворение Гасана Гузунова "Из-за чего и как вспыхнуло восстание 1877 года в Дагестане" [32, 34]. В первом — намеком, во втором — с полной откровенностью признается, что восстание было приурочено к началу русско-турецкой войны:

*Из рода имама Шамиля
Кази Магомед Паша (сын Шамиля)
Кавалерийским старшиной
В Каре на войну пришел.
Он стал рассуждать о том, что, когда
Кавказ к Турции отойдет,
В Дагестан имамом
Он сам придет*

.....
*Этим хабарам не верили
Дагестанские ученые,
За ложью ложь выставляя.
Их всех обманули*

(Подстрочный перевод Ханова).

Боясь полицейской цензуры, Алкадари избегает серьезного тона и поэтому иронизирует в своем послании к сыну: "Осленок вздумал львом зажить". Ирония эта так же характерна, как и попытка самооправдания, которая пронизывает все суждения, авторы которых пытаются представить восстание итогом обмана. Иронией едва удастся прикрыть горькие сожаления о свободе, теперь уже потерянной навсегда [32].

Но ни жестокие репрессии, ни бедствия, которые пришлось претерпеть горцам, не сломили их сопротивление царским властям и бекам. Полоса крестьянских возмущений и открытых выступлений против беков и колониальной политики царизма нарастала.

8.5. НАРОДНЫЙ МСТИТЕЛЬ И ЗАЩИТНИК

В период борьбы с завоевателями и угнетателями лезгинский народ выдвинул из своей среды немало храбрых полководцев и народных мстителей-абреков. Одним из талантливых и храбрых абреков был Кири-Буба.

В газете "Комсомолец Дагестана (22.02.94.) профессор М. Вагабов пишет: "Он не был революционером в обычном понимании этого слова, но его отважные поступки оставили глубокий след в памяти многих поколений. Не будет преувеличением, если скажу, что в истории лезгинского народа вряд ли сохранилось о ком-либо столько героических и трагических песен, рассказов и легенд, сколько о Кири-Буба и его дружине. О любви народа к своему герою повествуется в многочисленных песнях, посвященных ему. Они до сих пор звучат, как гимн доблести и отваге, во время свадебных торжествах в селах Южного Дагестана... Дербентские и бакинские богачи расценивали его действия, как открытый бандитизм, а его самого возводили в ранг разбойника. И, наоборот, трудовой народ к оценке его деятельности подходил с объективных позиций, находя ее вполне справедливой, направленной против злоупотреблений власть имущих и в защиту интересов бедноты".

При Советской власти образ и дела Кири-Буба находились под запретом, хотя благодарный народ, как обычно, продолжал творить свое устное творчество, посвящая ему бесчисленное множество четверостиший, более ста из которых собраны К. Казиевым и Э. Наврубеквым.

Из Рапорта начальника Кюринского округа подполковника Б. Кушелева Военному губернатору Дагестанской области [АКАК. ф.2, оп.4, д.3, л. 2-6]: "Считаю служебным своим долгом доложить Вашему Превосходительству о настоящем положении вверенного мне Кюринского округа нижеследующее: за последнее время шайка разбойников, из коих

главнейшая, наиболее опасная и дерзкая икринца Бубы доходит до двадцати с лишним человек, становятся с каждым днем все более и более нахальными и дерзкими. Буба со своей шайкой свободно разгуливает по почтовым дорогам, останавливает проезжающих, обирает тех из них, кого пожелает, открыто нападает на селения и спокойно уезжает. Теперь Буба даже и не скрывается, потому что он настолько силен, что ему даже и некого бояться. За последнее время команды Дагестанского конного полка имели две перестрелки с шайкой Бубы, обе безрезультатные, хотя и было выпущено по несколько сот патронов в каждый. Если до сих пор не было еще случаев ограбления почт, то потому только, что Буба щадит их, не считает это для себя выгодным, удобным. Очевидно, что не только охрана из двух всадников милиции не может гарантировать безопасность почты, но если бы даже всадников назначить для сопровождения почт десяти и более человек, то и тогда они не смогли бы противостоять прекрасно организованной и вооруженной шайке Бубы, да еще и более вопрос, пожелали бы всадники дагестанской милиции стрелять и вообще сопротивляться разбойникам. Точно также Буба щадит и проезжающих служебных лиц. Были случаи, что он их останавливал опрашивал и затем отпускал. Население округа, видя полное бессилие власти, изуверилося в помощи начальства и верит только в полную свою безопасность через преступников-разбойников. Люди неблагонадежные охотно теперь пристаю к шайке разбойников, умножая и усиливая их до нескольких десятков человек, а главари шайки имеют в запасе оружие и патроны для вооружения их. Люди состоятельные ищут покровительства шайки, становясь таким образом поневоле укрывателями и соучастниками разбойников. Положение властей в округе самое приниженное и унижительное. Мы все прекрасно сознаем, что разбойники, не трогая нас, делают нам одолжение; положение чинов администрации, разъезжающих по делам службы безвыходное... А между тем каждый из нас прекрасно сознает, что если шайка разбойников смело вступает в перестрелку с командой конного полка, прекрасно вооруженного, то что значит для таких разбойников наш конвой из милиционеров, которые и сопротивляться не могут. При таком положении никакое правильное и серьезное отправление службы немыслимо. Мы, между тем, чувствуем свою полную незащищенность.

Я считаю своей обязанностью доложить Вашему Превосходительству сущую правду как она есть. В последнее время до меня начали доходить упорные слухи, что Буба со своей шайкой в отместку за поставленную в его родное селение Икра экскуцию хочет напасть на окружное управление, выпустить арестованных и разгромить управление. Я не допускаю этого только потому, что верю в ум и благоразумие Бубы, но отлично сознаю, что ни риска, ни неуспеха в этом предприятии для него нет...

Ввиду этих слухов, я потребовал от начальника конного полка, расположенного в Касумкенте, чтобы в Управление на ночь назначался караул, который и ночует в помещении канцелярии Окружного Управления. Всадники дагестанской милиции, как я уже неоднократно докладывал, для каких-либо активных действий против разбойников негодны. Они служат для почт и для нас, служащих, охраной только в том смысле, что разбойники, не желая подвергать риску и ответственности своих земляков — милиционеров, не желая враждебным отношением к всадникам (милиции) восстановить против себя население округа, шадят сопровождаемую милиционерами почту и нас, служащих. Но, конечно, это такие мотивы пощады, которые и слишком не прочны, и вряд ли не унижительны для власти. Были случаи, что разбойники при встрече с всадниками первый залп давали не в них, а вверх, как бы предупреждая всадников уходить, и всадники, действительно, не стреляли, а незаметно ускользали от разбойников. Конный полк не только не приносит пользы, но еще и подрывает в населении веру в силу и авторитет власти, так как народ воочию видит, что вооруженная правительственная сила не может справиться с шайками разбойников, что разбойники не боятся ее, и это дает разбойникам нахальства и дерзости, возвышает их в глазах населения и способствует приумножению шаек. Буба со своей шайкой теперь уже не простой разбойник. Он открыто вступает в борьбу с властями, он, не стесняясь, объявляет народу, что не признает и не боится никакой власти, начиная от начальника Округа и кончая Наместником (Кавказа). Он всюду говорит, что бедных он не обижает, а берет и наказывает только богатых, которые притесняют народ. Он уже вмешивается во внутреннюю жизнь народа: осенью он не допустил женщин идти на обычные зимние заработки в Дербент (одарив их деньгами), недавно он вернул с дороги невесту к ее любимому, которую выдавали за нелюбимого человека.

Он действует очень искусно, он очень щедр, а своими успехами настолько уже отуманил население, что в любую минуту может довести свою шайку до сотни людей. Он обладает значительными денежными средствами, оружием и патронами, которые ему доставляются из городов, а сам по себе он настолько умен, что сумел сплотить, вооружить и организовать весь сброд, который к нему идет. Теперь уже он настолько силен, настолько покорило воображение населения, что все его боятся и ему покоряются. А что же будет, если ему дать еще усилиться?

В настоящее время вверенный мне Кюринский округ находится в таком положении, что только одна вооруженная сила может водворить в ней спокойствие и порядок. Никакие денежные отпуски на лазутчиков, на подкуп для организации захвата и поимку разбойников без вооруженной силы не помогут, так как разбойники очень сильны, а народ отвратился от власти. Необходимо теперь и немедленно командировать в Округ несколько сот казаков, разделить Округ на районы, подчинить эти районы постоянному наблюдению казаков. Если даже не сумеем уничтожить, расселенных и отдыхающих в селениях в холодные зимние ночи, то, по крайней мере, разогнать шайку. Если не сделать это теперь же, то к весне потребуются несравненно большие вооруженные силы, поскольку в то время будут функционировать рыбные промыслы и шайка разбойников настолько размножится, что прервет всякую промышленную и торговую жизнь округа, а администрация округа лишена будет возможности отправлять свои обязанности. Во всяком случае, округ ни теперь без значительно усиленных войсковых частей, ни тем более под весну ни на одну минуту оставлять нельзя".

Такова исповедь в одном из рапортов начальника Кюринского Округа подполковника Б. Кушелева военному губернатору Дагестанской области.

Теперь посмотрим, как действия Кири-Буба оценивал в своем устном творчестве сам народ. (Ниже привожу только малую часть).

*Яру балкIан, къизил пурар,
Пурарин чIул атIуз тахъуи.
Вач, жегъилар, куьнни рукваз,
КIири Буба ялгъуз тахъуй!*

*КIири Буба атаналда
Вад къегъелдин арадаваз.
ХупI агъвазда начаникар
КичIе хъана къве гъил зурзаз*

*Йифен къулар — Буба къведа,
Бирданкади туп ванн ийиз.
Агъа кимел Буба ала,
Гъакимдн хъиз дуван ийиз.*

*Дербент агъвал, чар булахар,
Чар булахар яд алаз хъуй.
Шири Буба чаз даях я,
Ахытин хваяр люд аваз хъуй.*

*Ам са гъахытин иблис туша,
Самарикай цIай ийидай.
Ам гъа игит Буба я чи,
Лауу пулар пай ийидай.*

Хуьруьн юкьва мехъер ава
Зуьрне-далдам ягъда лугъуз.
Мад кесибрин вилер ала
Бубади пул пайда лугъуз.

Начаникди приказ гана
Кири Буба яхъ лагъана.
Кири Буба акурлнхъди
Казахар гъар патахъ катна.

Сал арадай атай къушун
Чи саларай агъуз фена.
Бубад ягъай са гавурдин
Гъарайдин ван цавуз фена.

Бубад къуьне патрундашар,
Патрундашир пас къунава.
Кири Буба къена лугъуз
Лезгистанди яс къунава
Я сад Аллагъ, рагъ квай балхун
Яратмиша дагъдин кылел.
Буба галаз рази я зун
Гъа вуна гай киле гъуьрел

Виняй агъуз Буба къведа,
Ширин-ширин баяд лугъуз.
Чи кесибар рекъел къведа,
Бубади пул паят I лугъуз.

На лошади гнедой скакал Буба;
В седле, расшитом золотом, сидел.
"Лезгины! Помогите мне, друзья!
Свершить хочу я много славных дел".

Кири-Буба с пятью джигитами
Как ураган пронесся в городе.
Страшатся комендант со свитой,
Трясутся жидкие их бороды.

Как вестник ночи, появляется
Кири-Буба с ружьем безжалостным.
Простые люди собираются
И суд Буба вершит, как староста.

Дербент с красивыми фонтанами
Джигита ждал как избавителя.
Дербент с закрытыми магалыми
Любил Бубу как победителя.

Кири-Буба не дьявол, не шайтан:
Полей с зерном Буба не поджигал.
О нем слагает песни Лезгистан,

Как беднякам он деньги раздавал.

*В ауле горном свадьба началась,
Зурне и барабану там звучать.
Все ждут Бубу, и ждут заветный час,
Когда придет он деньги раздавать.*

*Отдал такой приказ большой Хаким:
Кири-Буба брать только лишь живым.
Но вот, столкнувшись с "львом" — Кири-Бубой,
Вернулись казаки ни с чем домой.*

*Казачье войско в ночь отправилось
Бубу неувимого поймать.
Но только тем в ту ночь прославилось,
Что может мимо цели пострелять.*

*Ружье его, и саблю, и кинжал
Похоронили с ним в одной земле.
Он жил сражаясь, он геройски пал,
И Лезгистан грустит о нем теперь.*

*Аллах единый, на вершинах гор
Устрой женнет сладчайший для Бубы.
Пусть будет для души его простор,
Пусть отдых он найдет после борьбы.*

*Толкуют бедняки на площадях:
Кири-Буба еще вернется к нам.
С отрядом, на красивых лошадях,
Еще придет сказать нам свой "салом"
(Подстрочный перевод Заиры Аминовой).*

КРАТКАЯ СПРАВКА

Кири Буба родился в селении Икра Кюринского округа Дагестанской области в конце 70-х годов XIX века. Уже юношей он отличался от своих сверстников крупным и статным телосложением, могучей энергией, добрым нравом и смекалкой. Вырос он в бедной семье. Вскоре полюбил прекрасную девушку по имени Шагъа (Шага). Вот как народ воспел это:

*Руш туш зи яр, ом рагъ я
Сивни шербет, хур чирахъ я.
Экуь вилер, ачух къамат,
Вич са дигай къени багъ я.*

*Моя любовь, Шага-красавица,
Сравнима лишь с зарею утренней.
Я так хочу тебе понравиться,
Огонь меня сжигает внутренний!*

(Подстрочный перевод Заиры Аминовой).

Чтобы иметь возможность жениться на своей возлюбленной, Кири-Буба едет в Баку на заработки. Подростку не просто найти работу. Наконец он нанимается на работу к

лавочнику-старьевщику. Для последнего группа ребят собирала по всему городу старую утварь, посуду и т.д. Естественно, ребята приносили своему хозяину все, что попадало под руку. Хозяин был скупым человеком, ребятам давал гроши. Кири Буба часто заступался за своих товарищей. Кроме Кири Бубы никто из них не мог и слова сказать лавочнику, который был человеком крупного телосложения и часто пускал в ход кулаки. Как-то при очередной сдаче "товаров" лавочник обидел Кири-Бубу. Дело дошло до потасовки. Кири-Буба ударом кулака в темень свалил хозяина. Тот, не приходя в себя, умирает, и Кири-Буба попадает в тюрьму.

Кири-Буба не ожидал и не хотел такого исхода: он отрешен и расстроен. Он пишет письмо своей возлюбленной, их переживания народ также отразил в своем творчестве:

*Ярдин т!варцел кхъиз туна
Рекъе тур чар басма я жал?
Я к!ани руш тагъай Буба,
Ви дерт гъакъван зурба ят!а?*

*Гардан шувше, беден агъдин,
Ч!умал буйдив ажеб къада.
РикТиз икъван к!ани Шагъа —
Бес мад ом заз мус ахквада?!*

*Зарлу тфенг къуна гъиле,
К!ири-Буба таъсир вуч я?!
Къазаматра чан кт!извай
Бес зи ярдин тахсир вуч я?*

*А заз к!ани игит Буба
Пинид багъда ахварзава.
Зун Бубадиз шагай диде,
Дуъньяда вуч хабар ава?*

*Письмо к возлюбленной красавице
Джигитом молодым отправлено.
Темнее ночи жизнь покажется,
Когда надежды не оставлено.*

*Ах, сероглазая любимая!
Шелк кос прекрасных черных ты не прячь.
Мной до небес перевозносимая,
Прошу тебя, Шага моя, не плачь.*

*Держа в руках ружье богатое,
Кири-Буба орлом был наших гор.
А нынче он, в темнице спрятанный,
Лишь ждет несправедливый приговор.*

*Игит любимый, несравненный мой,
В саду вишневом ты мне грезисься.
Зачем судьба нас развела с тобой?
За что, Аллах, на меня сердисься?*

(Подстрочный перевод Заиры Аминовой).

Сельчане, работавшие в Баку, друзья не оставляют Кири-Бубу в беде. Они систематически навещают его в тюрьме, собирают деньги для его освобождения. Вскоре им удается выволочь Кири-Бубу из тюрьмы. На воле он узнает, что к его любимой сватается другой. Кири-Буба встречается со своим соперником в Баку и просит отказаться от этой затеи. Соперник неумолим. По дороге домой в село Икра соперники стали выяснять отношения с помощью кинжалов, соперник гибнет. Кири-Бубу ссылают в Сибирь.

Начальник тюрьмы, где находился Кири-Буба, любил лошадей. Пытаясь приручить несколько молодых лошадей, он, как к кавказцу, обращается к Кири-Буба за помощью. Самую норовистую лошадь последний приручает за несколько часов. Позже Кири-Буба оказывает начальнику тюрьмы другие услуги, и он его отпускает. Кири-Буба возвращается домой.

В один из дней после джума-намаза, Кири-Буба обращается к кюринцам с исповедью о том, что он понес заслуженное наказание, теперь не будет заниматься преступным делом и просит простить его. Народ прощает ему. Однако при участии аульского начальства и с прямого ведома начальника Кюринского округа снова ссылают его в Сибирь. Не было для Бубы места среди людей. Все пути были отрезаны. Теперь он видел единственный выход — путь абрека. Вскоре, расправившись с двумя охранниками в тюрьме, вооружившись, убегает из нее. Теперь Кири-Буба объявляет открытую войну царской администрации, ее местным холоумам, облагает данью всех богатеев-притеснителей народа в Дербенте, Баку, рыбопромышленников Каспийского побережья... Районом его действий стала обширная территория — от Баку до Берекейских нефтепромыслов, Кюринский, Самурский, Табасаранский округа Дагестанской области. С оружием в руках он наводил ужас на местную знать, а собранные деньги, как правило, раздавал беднякам. Щедрость его была бесконечна... Вот некоторые эпизоды из его жизни и деятельности.

В Баку на нефтепромыслах многие рабочие жили в общежитиях — бараках. В основном это были люди, приехавшие со всего Кавказа на заработки. Жизнь их была тяжелой и нищенской. Кири-Буба неоднократно целыми чемоданами приносил деньги и раздавал всем, кто жил в бараках. Причем эти суммы были немалые — на каждого приходилось по сто и более рублей. Никто из них не мог заработать такие деньги даже за несколько лет! Бакинская милиция боялась Кири-Бубу и только делала вид, что пытается поймать его и его сподвижников.

Однажды Кири-Буба наказывает инженера, который ведал рыбными промыслами на Восточном Кавказе. Тот обкрадывал горцев на крупные суммы. Кири-Буба берет в заложники сына инженера и заставляет произвести полный расчет с рыбаками-отходниками. Народ реагировал на это событие следующим образом:

*Инженердин агъзур манат
Кири-Бубад пай авуна.
Инженердин ивидикай
Кири-Бубад чай авуна*

*Но был наказан поделом скупец:
Все золото его Буба отнял:
И, точно сыновьям родной отец,
Он рыбакам богатства все раздал.*

(Подстрочный перевод Заиры Аминовой).

Как следует из Рапорта начальника Кюринского округа, власти поставили в родное село Кири-Бубы Икра "экскуцию" — расположили более двадцати казаков, причем расселили их по отдельным семьям. За счет последних и жили казаки. Это было серьезным бременем

для сельчан и сделано было с целью, чтобы таким способом вызвать у населения неприязнь к Кири-Бубе. Власти придумывали и множество других "экскуций" против населения, чтобы как-то вызвать недовольство против Кири-Бубы, но тщетно!

Чувствуя, в каких условиях живут его земляки — сельчане, Кири-Буба пытается вывести казаков из села и расправиться. Он назначает с ними встречу за селом, однако казаки не идут на это. Тогда Кири-Буба назначает им встречу сам один, "мол, ловите меня".

Наконец, казаки решаются встретиться с Кири-Бубой. Когда казаки приблизились к назначенному месту, кто-то из их "свиты" стреляет по кустам, полагая, что там прячутся друзья народного героя. В это время впереди на коне появляется Кири-Буба. Начинается стрельба. Команда казаков разбегается, думая, что где-то недалеко спряталась дружина Кири-Бубы. Кири-Буба преследовал их до села, но в село не въезжает, боясь, что среди жителей будут жертвы.

Увидев, что таким способом ему не "выкурить" казаков из села, Кири-Буба предъявляет ультиматум начальнику Округа, чтобы поледний в течение суток убрал казаков из села, иначе он атакует штаб Округа.

Начальник Кюринского Округа вынужден подчиниться по вышеописанным в рапорте причинам и выводит казаков из села Икра.

Местные власти округов Юго-Восточного Кавказа серьезно обеспокоены верховенством Кири-Бубы над всей этой территорией. Об этом докладывают и Царю. Последний приказывает поймать Кири-Бубу и доставить его в Санкт-Петербург живым или мерным. Царь назначил за голову Кири-Бубы десять тысяч рублей золотом. Против отрядов Кири-Бубы брошены значительные военные силы. Чтобы выведать планы последних, Кири-Буба идет на дерзкий шаг. Он распространяет слух, будто в Дербент приезжает специальный представитель от наместника Кавказа из Тифлиса. Через некоторое время Кири-Буба является к военному коменданту Дербента и представляется представителем Наместника Кавказа в чине полковника, грузина по национальности. Три дня живет Кири-Буба в семье коменданта, выведывает все секреты, веселится, играет в карты... Выигрывает у коменданта и его подопечных огромную сумму денег (сам комендант и его подопечные подыгрывали Кири-Бубе, чтобы угодить ревизору"). Узнав все, что ему хотелось узнать, Кири-Буба возвращается к своим. При этом он посылает своего кунака, дербентского еврея, к коменданту города сообщить, кто же гостил у него. Кунак-еврей вначале отказывался идти к военному коменданту города, боясь, что он догадается о его связях с Кири-Бубой и накажет его. Тогда Кири-Буба дает приемлемый совет: "Сообщи коменданту, что Кири-Буба ограбил тебя, забрал коня и уехал в горы..." Таков был Кири-Буба!

Более десяти лет он был "некоронованным королем" на территории Юго-Восточного Кавказа. Его "резиденции" располагались в Баку, Дербенте, в нескольких местах Кюринского округа и в Самурской долине.

Погиб Кири-Буба из-за огромной любви к своей возлюбленной. Когда он был сослан в Сибирь, его любимую выдали замуж за другого. После возвращения из Сибири, он неоднократно предлагает мужу Шага развестись с ней. Кири-Буба хотел этот вопрос решить дружелюбно, однако муж Шага не соглашался. При последней встрече между ними произошла ссора, муж Шага в состоянии нервного аффекта, выстрелом в спину, убил Кири-Бубу. Так завершилась жизнь этого выдающегося Человека и Абрека.

Из-за запретов идеологов Советов, деятельность Кири-Бубы стала изучаться только в последнее время. В 1990 году в журнале Литературадин Дагъустан (NN 2-4,1990) К. Казиевым опубликована документальная повесть "Кири-Буба". Однако многое о Кири-

Бубе и его деятельности мы не знаем. Об этом говорит и такой факт. Недавно я узнал, что одним из центров, где месяцами жил Кири-Буба, было селение Лк1ар (Куллар) нынешнего Дербентского района. Дядя моей жены — Гаджи Агададашев рассказал мне, что его дед — Буба Агададашев был женат не то на сестре, не то на тете Кири-Бубы. Звали ее Герек, последняя родила двух сыновей — Гаджи и Агададаша. Отец моей жены — Ибрагим — сын Гаджи Агададашева...

Профессор М. Вагабов пишет, что Кири-Буба был "незаурядным народным героем, исторической личностью, который своими поступками и отвагой не уступал таким известным на Кавказе именам, как Залимхан, абрек Заур, Дато Гуташихия". А мне думается (факты подтверждают), что Кири-Буба по некоторым своим человеческим качествам и подвигам превосходил последних.

8.6. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕЗГИСТАНА

Вхождение лезгинских земель в Россию в начале XIX в. благоприятствовало экономическому и культурному развитию нашего народа и избавлению его от турецкого и иранского ига. В 30-х годах XIX в. было начато строительство стратегических дорог в горах силами войсковых частей и местного населения. Ахтынская военная дорога, проведенная в 40-х годах XIX в., соединяла Южный Дагестан с Закавказьем. Житель с. Хнов Али Халафат в 1847 г. награжден золотой медалью за трехлетнюю усердную работу на Ахтынской дороге. Известны старинные дороги, связывающие Южный Дагестан с Закавказьем. В частности, такие, как Ахты-Нуха-Баку, Дербент-Ахты-Нуха, Ах-ты-Кубастарая Шамаха-Баку, Касумкент-Куба-Баку и т.д.

В связи с окончанием Кавказской войны в 1864 году наместник Кавказа обратился к народам Дагестана, указывая, что "население Дагестана освобождается от поставки рекрут, земля и леса являются собственностью населения, за населением признается право заниматься ремеслом и торговлей, для чего открыты дороги в Грузию, Джаро-Белоканы, Шеку, Ширван, Кубу, Дербент и прочие земли..." [8].

Дербент гораздо ранее являлся в то время крупным центром обрабатывающей промышленности Южного Дагестана. В рапорте генерала Савельева от 11 мая 1796 года на имя главнокомандующего Персидской экспедицией генерала Зубова говорится, что в Дербенте было 30 шелкоткацких и 115 бумагопрядильных фабрик. Город имел восемь мукомольных водяных мельниц. Здесь было 420 лавок, принадлежащих 80 торговцам, три караван-сарая. Хождение имели голландские червонцы, русские серебряные рубли, мелкие медные деньги и ассигнации, а также ширванские и кубинские абасы. Наряду с Дербентом задолго до XIX в. в Юждаге выделились ремесленные и кустарные центры, в которых ремесленники и кустари работали не только и не столько для собственных нужд, сколько на рынок. Во многих отраслях кустарной промышленности лезгины достигли совершенства и приобрели широкую известность. Изделия лезгинских кустарей отличались прочностью и тщательной отделкой. Широко было развито производство ковров, паласов, джурабов, изготовление одежды обуви, головных уборов, необходимого сельскохозяйственного инвентаря, предметов домашнего обихода, холодного оружия.

Рис. 3.8. Ковры кубинской группы. XIX в. Хранятся в Санкт-Петербурге в музее этнографии.

Ковровое ремесло было развито во всех регионах Лезгистана. Тонкие и плотные лезгинские ковры Кубинского уезда отличались чрезвычайной оригинальностью и красивым рисунком. Производство сумахов как в нынешнем Азербайджане, так и в Дагестане встречалось в основном у лезгин и лезгиноязычных народов, в остальных районах Азербайджана и Дагестана сумахи почти не производились [35].

Центрами коврового производства в Южном Дагестане являлись селения Микрах Теки-Пиркент, Ахты, Рутул, Гильяр, Мага-рамкент, Курах, Кабир, Зизик, Куркент, Кара-Кюре, Джаба, Каладжух, Икра, Хкем, Штул, Кинцик, Хучни, Архит, Халач, Межгюль и другие. Можно с уверенностью сказать, что в Южном Дагестане не было ни одного селения, где бы женщины не изготавливали каких-нибудь предметов из шерсти, начиная от высококачественных ковров, сумахов, джурабов и кончая шерстяными веревками.

Лезгинские ворсовые ковры и сумахи не раз демонстрировались на международных выставках в Париже, Брюсселе и других местах и были удостоены золотых медалей [35].

Широкое развитие у лезгин в XIX в. получило металлообрабатывающее производство: кузнечное и оружейное дело, а также художественная обработка металла.

Техника обработки металла была известна лезгинам с глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические находки раскопок Макинского грунтового могильника (б. Докузпаринский р-н), относящегося к VI — IV вв. до н.э. Судя по этим материалам, в указанное время наряду с железными и бронзовыми украшениями широко употреблялись различные украшения из сплава свинца с оловом, не имеющие аналогий с другими памятниками Кавказа. В дальнейшем, в эпоху средневековья и позже, с возникновением серебряного дела одновременно развиваются художественные и технические приемы украшения и орнаментальные формы металлических изделий.

Литейное производство существовало в Куруше, Микрахе, Хлюте и некоторых других лезгинских селениях.

Кузнецы имелись в каждом лезгинском селении. Они занимались производством сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода. Изделиями кузнечного производства являлись топоры, серпы, косы, мотыги, ножи, подковы для лошадей, болты и крючки, а также щипцы для очага, щипчики для сахара, маленькие лопаточки для скобления теста, ножи для разных форм и назначений и т.д.

В конце XVIII — начале XIX вв. в металлообрабатывающем производстве выделяются оружейное дело и художественная обработка металла.

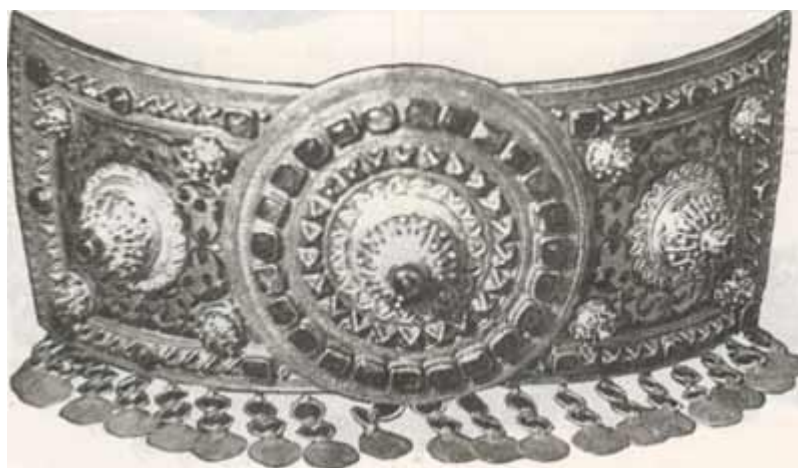

Рис. 8.11. Пряжка женского пояса: серебро, позолота, филигрань, паста, штамп, цветное стекло.

Вокруг оружейного дела развивались разнообразные художественные и ювелирные производства, связанные с отделкой оружия серебром под чернь, слоновой костью, золотыми инкрустациями и т.д. Крупными центрами кустарного производства серебряных ювелирных изделий, где насчитывалось значительное число кустарей, считалось селения Кюснет, г. Кусары Кубинского уезда, Ахты, Кака, Цахур Самурского округа, Икра, Рича, Койсун, Кучхюр Кюринского округа.

В "Асари-Дагестан" упоминается, что в Кюринском округе в сел. Койсун был искусный оружейных и золотых дел мастер по имени Гаджи-Магомед-Али. Ружье, сделанное этим мастером, нельзя было отличить от ружья известного мастера Гаджи-Мустафы, жившего в Крыму [33].

Рис. 8.12. Фрагмент женского пояса: серебро, позолота, паста, цветное стекло.

Рис. 8.13. Браслет незамкнутый: серебро, позолота, литые, паста, цветное стекло.

Рис. 8.14. Женский пояс: серебро, позолота, филигрань, серебристая фольга.

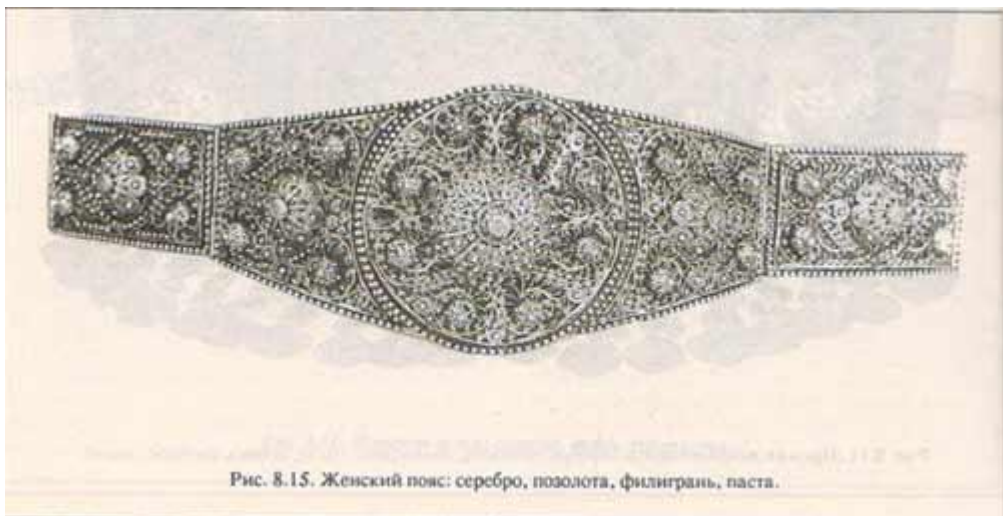

Рис. 8.15. Женский пояс: серебро, позолота, филигрань, паста.

Рис. 8.16. Пояс, пряжка с подвесками, браслеты:
серебро, позолота, филигрань, паста, штамп, цветное стекло.

Обработка металлов и минералов была развита в Кубе, Кусарах, Шеки, Нухе, Гянже, Ахта, Ашага-Стале, Койсуне, Гоа, Икре, Риче, Кучхюре, Курахе, Буши-Махи, Арките, Цилинге, Макхери, Целяке, Цнале, Куштилле, Куге, Куярике, Харадже, Ашага-Маки и т.д. Холодное оружие изготовлялось в с.Икра Кюринского округа. В отчете дербентского губернатора за 1850 г. говорится: "После марены (естественного красителя шерсти) замечательна выделка азиатского оружия в Дербентском уезде и в Кюринском ханстве" [36].

Рис. 8.17. Головное украшение: серебро, позолота,
филигрань, паста, штамп, цветное стекло.

Рис. 8.18. Нагрудные украшения: серебро, позолота,
филигрань, паста, штамп, цветное стекло.

Рис. 8.19. Традиционная одежда лезгин XIX в.: 1 - ахтынец (Гаджю-Гамза-Бег) в повседневной зимней одежде; 2 - ахтынка; 3 - рутулка; 4 - табсаранка; 5 - агулка; 6 - узюнка.

Выделкой овчин и кожи для местного потребления жители Южного Дагестана занимались издавна. Шубы, шапки, тулупы, чувяки, башмаки, различного рода сумки, ремни, пояса и т.д. делались из овчин, кож, которые искусно обрабатывались повсеместно.

Со второй половины XIX в. в селениях Ах-ты, Микрах, Кара-Кюре, Касумкент, Гиль, Хазри и др. получила распространение вышивка золотыми нитками, гладью, бисером или простой узорной строчкой. Лезгинки любили делать и тканую тесьму из золотистых и серебряных ниток типа "буфта", "сарма", которые изготовляли специальные мастерицы почти во всех лезгинских селениях.

Гончарное производство древнего Кала продолжили селения Испик, Мюгюг, Еникент Кубинского уезда, Сальян, Гезергент, Испик Кюринского округа, Кахул Самурского округа. Многие предметы лезгинского прикладного искусства были представлены на

первой областной сельскохозяйственной и кустарной выставке, организованной в Темирхан-Шуре в апреле 1912 г. [35].

В Южном Дагестане жили искусные каменщики, которые оставили после себя великолепные памятники в виде крепостей, жилых строений, мечетей, мостов и т.д. Искусны были и мастера по резьбе по дереву.

Рис. 8.20. Ахцах. Мастерская Абдулгамида Гаджиева по производству тканей.

Рис. 8.21. Ахцах. Мастерская Абдулгамида Гаджиева по производству ковров.

Другим важным и древним занятием жителей Южного Дагестана было животноводство, особенно овцеводство. В 1899 году количество домашнего скота в Кюринском округе составило 177967 голов, а в Самурском 330005; это 35% от всего числа домашнего скота в Дагестане.

Из отчета податного инспектора Кюринского участка, в состав которого входили Кюринский и Самурский округа, видно, что в 1907 году в этих округах было 400 тысяч овец, от которых получено 60 тысяч пудов шерсти. В частности, отдельные селения Самурского округа овец и коз имели (в тысячах): Фий — 155, Куруш — 90, Их-рек — 30, Рутул — 22,5, Сумугуль и Ши-наз — 20 [36].

В 1913 — 1915 годах в Самурском округе было 552020 овец, коз и крупного рогатого скота. Самурский округ (70900 жителей) по наличию скота прочно занимал первое место в Дагестане. Для сравнения укажем, что вторым был Гунибский округ (70000 жителей), в нем содержалось 371000 овец, коз и крупного рогатого скота [36].

Развитию овцеводства в Самурском округе способствовали прекрасные пастбища на склонах гор Базардюзи, Шалбуздаг, Шахдаг и на других отрогах восточной части Кавказского хребта. На северных склонах скот содержался летом, на южных — зимой. Скотопрогоны через горные перевалы составляли всего 50-70 км. Однако в 50-е годы XX в. этот скотоводческий комплекс был безжалостно разрушен возведением между единым народом высокой "берлинской стены" в виде границы между Дагестаном и Азербайджаном.

Лезгинские народы с незапамятных времен занимались сельским хозяйством. Горцы обрабатывали пахотные земли с большой тщательностью, хотя техника земледелия была примитивна (пахали деревянной сохой с железным лемехом). Как в горах, так и на плоскости земледелие часто сочеталось с садоводством, особенно у жителей речных долин, где климатические условия наиболее благоприятствовали садоводству, а для ряда населенных пунктов Южного Дагестана садоводство было главнейшей доходной статьей населения.

Рис. 8.22. Товары артелей Самурского округа на выставке в Темир-Хан-Шуре. На полках: паласы, килимы, кувшины, чаши для омовения, шкатулки металлические, кумганы, подносы, медно-чеканная утварь, горшки керамические, светильники, обувь вязаная (хитилы, джурабы), парчовые ткани, женский костюм (платье, жилетка, верхняя одежда, головной убор).

Продукты садоводства и виноградарства в большинстве селений плоскостного и горного Южного Дагестана использовались не только для личного потребления, но и для продажи.

Обобщая состояние социально-экономического развития Лезгистана за период покорения Кавказа Россией до Октябрьской революции следует отметить, что за этот период происходило развитие значительными темпами земледелия, садоводства, животноводства, кустарной промышленности и промыслов.

Рис. 8.23. Товары артелей Самурского округа на выставке в Темир-Хан-Шуре. На полках: паласы, хурджуны, кинжал серебряный в оправе, сабля комбинированная с костяной ручкой, пороховница серебряная, кольчуга стальная, попонки на лошадей, женская одежда.

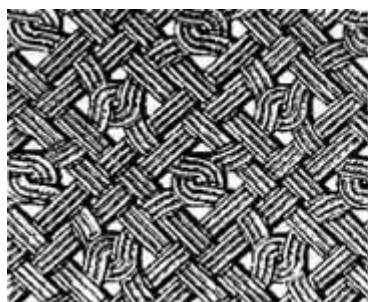

Рис. 8.24. Орнаменты ларей из с. Ханаг Табасаранского района (XIX в.). Прорисовки П.Дебирова.

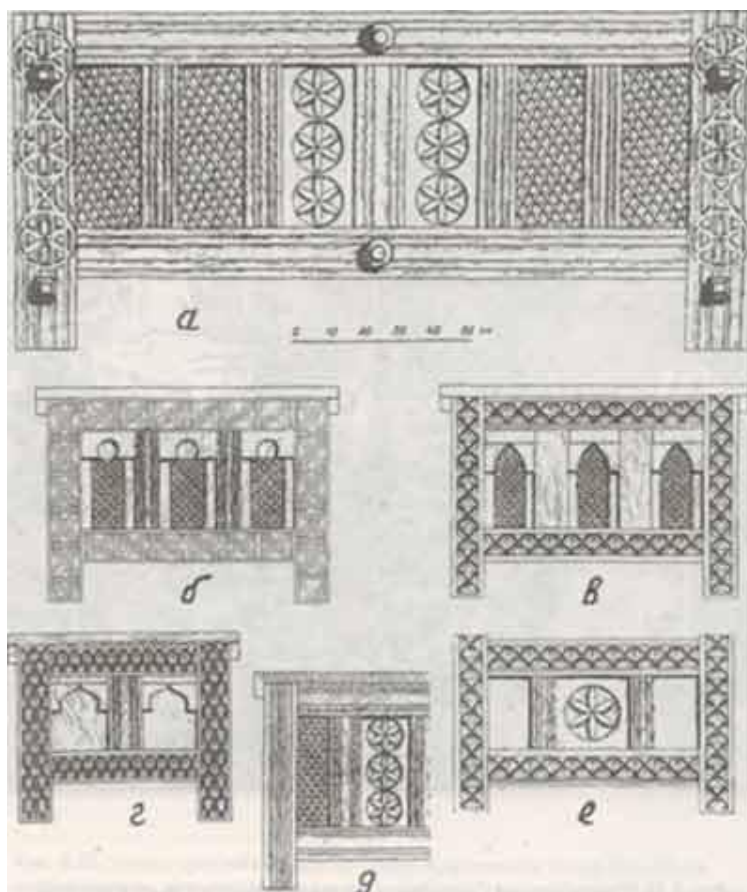

Рис. 8.25. Лари и сундуки из с. Лучек Рутульского района (XIX в.). Прорисовки П.Дебирова.

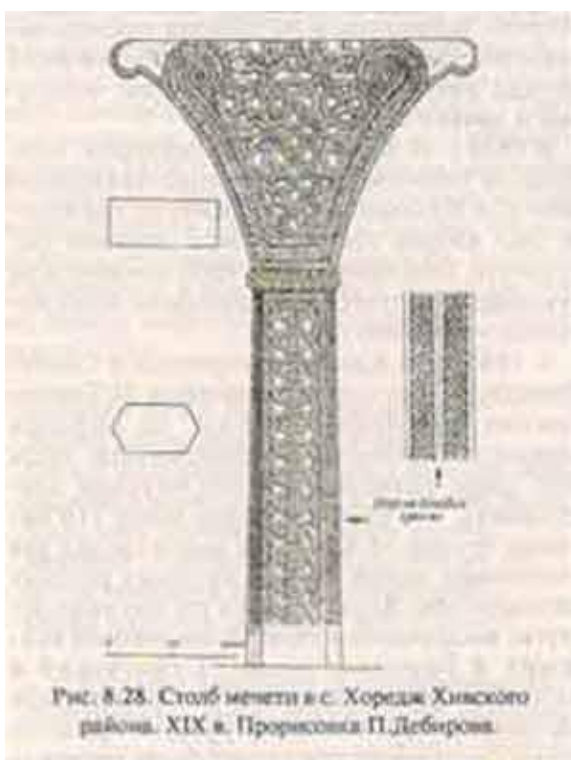
Рис. 8.26. Мечеть в с. Урва Кустарского района. XIX в.

Установление прочных экономических, политических и культурных связей с Россией положило начало культурному подъему народов Лезгистана, хотя этот процесс шел очень медленно в условиях колониальной политики царизма.

В XIX в. лезгинская культура сохранила и приумножила лучшие культурные традиции и достижения средневекового Лезгистана. Характерным для культурного развития страны в этот период было появление школ нового типа — русских школ, создание научных трудов

по истории, философии, филологии, этике, педагогике, возникновение новых жанров литературного творчества.

Конец XVIII столетия и XIX век в Лезгистане ознаменованы появлением плеяды выдающихся ученых и поэтов — просветителей из числа высокообразованных лезгин, владевших не только языками Востока, но и русским, западными языками: Гасан Алкадари, Етим Эмин, Мирза Казем-бек, Гаджи Зей-налабдин Ширвани, Рухун Али, Мирзе Га-сан, Тагьиржалви Эмиралли, Мазали Али, Эмираслан Гьенидин, Молла Нури, Миграгь Мардали, Ахцегь Гьажи, Чилихь Абдулгья-мид, Бакри Эфенди из Мишлеша, Молла Курбан из Кюры и др. Здесь хочу отметить и крупнейшего ученого Аббаскули Ага Бакиханова, по происхождению табасаранца.

Крупным ученым-лингвистом и востоковедом был Мирза Казембек. Он родился в 1802 г. в Дербенте, в семье духовного лица. Обладая прекрасными способностями, Казембек за короткое время изучил в совершенстве тюркский, фарсидский и арабский языки, ознакомился с риторикой, логикой и философией Востока, глубоко овладел основами законовещения восточных стран. Уже в 17-летнем возрасте написал свой первый научный труд "Сокращенная грамматика арабского языка". В 1820 г. отец М.Казембека был выслан из Дербента в Астрахань. Сюда же в следующем году приехал и молодой Мирза. Занимаясь в Астрахани преподаванием восточных языков, он систематически изучал английский, французский, немецкий и другие языки [4].

Рис. 8.29. Мирза Казембек. 1802-1870 гг.

В 1826 г. М.Казембек стал лектором "персидской словесности и турецко-татарского языка" в Казанском университете, где вскоре был избран профессором и деканом факультета. Одновременно с преподаванием он руководил подготовкой персидско-арабско-турецко-русского словаря.

В 1845 г. М.Казембек переехал в Санкт-Петербург, где стал преемником М.Топчибашева, уроженца Гянджи, на кафедре персидской словесности университета. Здесь еще шире развернулась его научная деятельность. Им было написано более 110 научных трудов. М.Казембек много сделал для подготовки целой плеяды крупных русских востоковедов. Характеризуя его научные заслуги, выдающийся ученый-востоковед академик В.Бартольд писал: "Сенковский и Казембек своими лекциями создали русское востоковедение: почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих ученых или учениками их учеников".

Научные труды принесли М.Казембеку славу среди русских и зарубежных ученых-ориенталистов. М.Казембек был трижды награжден Демидовской премией.

Большинство трудов М.Казембека переведено на английский, французский, немецкий и другие языки. М.Казембек был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, членом Общества Королевского Великобританского и Ирландского в Лондоне, общества Королевского северных антиквариетов в Копенгагене и др. В 1869 г. его избрали почетным доктором Санкт-Петербургского университета.

Умер М.Казембек в 1870 г. в Санкт-Петербурге. Многочисленные труды М.Казембека посвящены истории Востока, общественно-политических и философских течений на Востоке.

Большое значение имела работа М.Казембека "Мухтасар-уль-Викайят" (Краткое законодательство), написанная на арабском языке и выдержавшая три издания. В ней автор показал себя непревзойденным знатоком мусульманского законовещения.

Учеником Мирзы Али ал-Ахты являлся известный лезгинский философ и общественный деятель, просветитель и педагог, историк и поэт Гасан Алкадари (1834 — 1910), автор книг: "Джараб ал-Мамнун" — Темир-хан-Шура, 1912 (на арабском языке), "Диван ал-Мамнун" — Темир-хан-Шура, 1913 (на арабском языке), "Асари-Дагестан" — Махачкала, 1929 (на русском языке, перевод с тюркского). К сожалению, первые две крупные работы (900 и 400 стр.) не переведены на русский язык и не доступны современному читателю [37].

Детские годы Г.Алкадари прошли в ауле Алкадар бывшего Кюринского округа. Он получил хорошее по тому времени образование, знал русский и несколько восточных языков. Он, как и Мирза Али, был человеком прогрессивных взглядов, сторонником российской ориентации, европеизации жизни, страстным поборником просвещения. Личность Г.Алкадари была многогранной, интересы отличались широтой и разнообразием. И не случайно его деятельность высоко оценена выдающимися востоковедами В.Бартольд и И.Крачковским [38]. Общественно-политические воззрения Г.Алкадари на протяжении его долгой жизни развивались, эволюционировали [38]. Особенно заметны перемены после пребывания в России (за причастность к событиям 1877 г. Г.Алкадари был сослан в Спасск бывшей Тамбовской губернии, где пробыл более пяти лет). Здесь поэт имел возможность близко познакомиться с русской жизнью, культурой и наукой. Изменения во взглядах поэта хорошо отражаются в его поэтическом сборнике "Диван ал-Мамнун", носящем во многом автобиографический характер. В этот главный труд вошли стихи, написанные на протяжении всей его жизни. И.Крачковский справедливо отмечал: "По этой книге мы имеем возможность судить о развитии поэтического творчества крупного арабо-кавказского поэта за всю его жизнь"[39].

В книге "Диван ал-Мамнун" и других произведениях П.Алкадари, продолжая бичевать отсталость и невежество, призывая горцев к просвещению, вместе с тем подвергает резкой критике феодальных правителей, не думающих о благе народа, прогрессе общества, а занимающихся прожиганием жизни [38].

*Прозябают беки от безделья,
О делах мирских совершенно не думая,
То с соколом пропадают на охоте,
То днями заняты игрой в шашки.
Разве им есть дело до знаний,
До обучения детей грамоте?!*

Эта же мысль выражена и в книге "Асари Дагестан" (1891): "В Дагестанской области чаще всего в прошлом преобладали насилие и зло, а справедливость и милосердие не применялись. Правители и старейшины, взяв за правило хищения, грабеж, убийство и арест, не делали различия между запретным и дозволенным... Здесь со стороны правителей не было особой заботы о науке, школах..." [33].

Будучи гуманистом, он говорил о необходимости ценить людей не по внешнему виду, по богатству, а по уму и человеческим качествам:

*Не смотри на одежду, ты познай человека,
Бедность не пятнает мудреца,
Как тучи не заслоняют солнце.*

Перевод М. Садыки.

Г.Алкадари уделял большое внимание и вопросам назначения поэта, роли поэта в обществе. Он выступал против отвлеченных схоластических стихотворений и считал необходимым поставить художественное слово на службу народу. Эту сторону деятельности поэта отмечает исследователь З.Геюшев: "Г.Алкадари принимал активное участие в дискуссиях, проводимых газетой "Экинчи" ("Пахарь", Баку). В частности, он выступил со статьей, защищающей поэзию Гаджи Мамед-Садыха, который резко критиковал глупых поэтов, сочиняющих бессодержательные, пустые, оскорбляющие друг друга пасквили. Алкадари защищал идею создания стихотворений содержательных, общественно полезных, призывающих народ к прогрессу" [40].

Сторонник просвещения и культурного развития своего народа, Алкадари постепенно начинает понимать прогрессивную роль присоединения Лезгистана к России. Он становится сторонником европейско-русского образования. Свои взгляды и мысли по этому поводу выразил в стихотворении "Дошел черед" [29].

*Восславим Аллаха, дошел до России черед,
Дыхание правды познал впервые народ.
Для нас, дагестанцев, открылась к познанию дверь-
Мы можем трудиться, учиться мы можем теперь.
Проснитесь, лезгины! Иные пришли времена,
Но братья — лезгины никак не очнутся от сна,
Пуускай обучаются грамоте горские дети!...
Кругом оглядятся, подумают сами о многом.*

*...имя человека пристанет ли раболепствующим,
не рассчитывай, сынок, легко и просто заслужить
звание человека.*

*Если, как в старых сказках, дэвы устремятся на
тебя,*

*Жертвуй жизнью, сынок, мгновенно, не колеблясь.
Будет ли сыто сердце счастьем собственного
лишь сына,
Когда несчастлив народ, обойден свободой
и правдой...*

Вспомним здесь и завещание Г.Алкадари: "Верю: угнетенный мой народ в один из дней свободен станет," — так напиши на надгробии Мемнуна (литературный псевдоним Г.Алкадари) — уважь могилу мою".

Давая оценку творчества Г.Алкадари, проф.М.Абдуллаев пишет: "Гасан Алкадарский был одним из первых историков Дагестана. Его труды "Асари-Дагестан" и "Диван ал-Мамнун" представляют большую ценность для изучающих историю народов Дагестана и Северного Кавказа... в них много новых сведений. История родного края для него — это летопись непрерывной, мужественной и кровопролитной борьбы горцев с иноземными захватчиками. Советские историки, в том числе такие известные востоковеды, как В.В.Бартольд, И.Ю.Крачковский и другие, ссылаются на Г.Алкадарского как на видного прогрессивного историка" [41].

Другим крупным ученым и общественным деятелем был Аббаскули Ага Бакиханов. А.Бакиханов родился в 1794 г. в табасаранской семье. В 1802 году семья его переселилась в Кубу. В течение многих лет А.Бакиханов изучал французский и арабский языки, литературу и философию Востока. В 1819 г. приглашен генералом А.Ермоловым в Тифлис и назначен на должность переводчика восточных языков. Находясь на российской военной и дипломатической службе, А.Бакиханов в 1826-1829 гг. участвовал в войнах России с Ираном и Турцией и в русско-иранских мирных переговорах в Туркменчае. В этот период А.Бакиханов был тесно связан с А.Грибоедовым. За участие в военных действиях и дипломатических переговорах А.Бакиханов неоднократно награждался орденами, а со временем получил чин полковника.

В 1833 г. А.Бакиханов предпринял путешествие по России. Он посетил Москву и Санкт-Петербург, побывал в Латвии, Литве, Польше, на Украине, встречался с видными учеными, поэтами и писателями, деятелями искусства. Эти встречи, как писал сам А.Бакиханов, обогащали его опыт и знания. Особенно большое впечатление произвели встречи с А.Пушкиным, с которым был знаком еще по Кавказу.

Более шести месяцев прожил А.Бакиханов в Варшаве, где встречался с находившимся там другим лезгиноязычным писателем Исмаилбеком Куткашенским, грузинским драматургом Г.Эристави. Вернувшись на родину в 1834 г., он вскоре ушел в отставку и поселился в Кубе.

К этому периоду относятся происшедшие во взглядах А.Бакиханова изменения, связанные с произволом царских чиновников. Вскоре после начала восстания в Кубинской провинции в 1837 г. он был вызван из Кубы в Тифлис. Как говорилось в донесении военного министра графа Чернышева Николаю I.

Рис. 8.31. Аббаскули Ага Бакиханов. 1794-1847 гг.

А. Бакиханов "гласно заявлял свое недовольство местным начальством и порицал действия его в отношении Кубинского происшествия" [4]. Он отказался от содействия в выявлении и наказании зачинщиков и активных участников выступления. Недовольство его вызвали и реформы начала 40-х годов, в которых он видел ущемление сословных прав ханов, беков. Царские власти стали смотреть на А.Бакиханова как на человека, оппозиционно настроенного к правительству.

В 1848 г. А.Бакиханов совершил путешествие в Мекку. На обратном пути заболел и скончался в феврале 1849 г. в местности Ва-ди-Фатиме (между Меккой и Мединой), где и похоронен.

Свое крупное произведение "Гюлистан-Ирам" ("Райский цветник"), представляющее обзор истории Восточного Кавказа с древнейших времен до 1813г., А. Бакиханов завершил в 1841 г. Книга написана на фарсидском языке, а затем автором переведена на русский.

В "Гюлистан-Ирам" собраны богатые исторические сведения о Кавказской Албании и ее государственности, о господстве сасанидских, арабских, татаро-монгольских завоевателей, показано, как тяжело отражалось на развитии Лезгистана и в целом Восточного Кавказа нашествие иноземных завоевателей. Он с возмущением пишет, что грабительские войны между Ираном и Турцией и захват Восточнокавказских земель приводили к опустошению Лезгистана, мешали развитию его культуры.

К реалистическому направлению в литературе принадлежал также Исмаилбек Куткашенский (1806 — 1861 гг.), происходивший из среды лезгинской феодальной знати. С 1822 г. он находился на российской военной службе; в начале 40-х годов получил чин полковника, а затем — генерал-майора артиллерии, в совершенстве овладел русским и французским языками, глубоко изучил классическую русскую и западноевропейскую литературу. В 1852 г. Куткашенский совершил путешествие в Мекку, а после возвращения жил в родном Куткашене и Шемахе.

Перу И.Куткашенского принадлежит повесть "Рашид-бек и Саадат-Ханум", написанная на французском языке и опубликованная в 1835 г. В ней нашли отражение некоторые демократические идеи, новые отношения в семье. Автор критикует бесправное положение восточной женщины, патриархальные устои семейной жизни на Востоке. Повесть И.Куткашенского пропагандирует взаимную любовь как основу счастливой семейной жизни, ярко отражает быт и обычаи лезги-ноязычных народов. Повесть проникнута чувством патриотизма.

Рис. 8.32. Балакиши Араблинский. 1828-1902 гг.

После присоединения Кавказа к Российскому государству среди выходцев из восточно-кавказских народов было немало людей, занимавшихся военным делом. Многие из них, как и И.Куткашенский, дослужились до высоких чинов — генералов. Балакиши Алибекович Араблинский (Алибеков) (1828 — 1902 гг.) — еще один лезгин, удостоившийся звания генерал-лейтенанта.

Полвека отдал отважный генерал военной службе. "Балакиши бег проявил себя не только храбрым и мудрым командиром, но и чутким военачальником, понимающим нужды простого солдата", — пишет газета "Лезги хабарар" (№ 1, 1993 г.), выпускаемая в Москве. Он служил в абхазском, затем в ширванском, позднее в самурском полках, прошел все ступени военной карьеры. И вполне заслуженно получил должность командира дивизии... Участвовал в двух русско-турецких войнах. За проявленный в боях героизм бесстрашный генерал был награжден орденами, медалями, удостоен также ленты с шашкой и других почестей".

Умер талантливый военачальник 3 января 1902 года. "Балакиши бег Алибеков, — писала бакинская газета "Каспий" 20 января 1902 года, — ушел от нас, и неожиданная весть ранила сердца тех, кто знал его... Славный сын лезгинского народа, Алибегов-Араблинский от подпоручика поднялся до генерал-лейтенанта".

"В эпоху национального возрождения языков и культур народов гор кормчим лезгинской литературы история поставила Етима Эмина (1838-1884), — пишет Ф.Вагабова. — Чтобы справиться с гигантской задачей, возложенной на него, Етим Эмин должен был воплотить в себе передовые общеисторические и историко-культурные тенденции века. Художник и поныне непревзойденный в искусстве проникновения в глубины человеческих душ и в тайны родного слова, Етим Эмин блестяще справился со стоящими перед ним задачами" [32].

Поэтическое творчество Етима Эмина многогранно. Предметом его раздумий становятся и возвышенная человеческая любовь, и будничная жизнь лезгинского аула со всеми ее противоречиями, и события антиколониального восстания 1877 года, и "бренный мир" с его социальными контрастами, и все, что волновало передовых людей того времени [38].

"Етим Эмин воплотил в себе все прогрессивные тенденции века. Личность, одаренная могучим талантом, он пришел в литературу как раз вовремя, чтобы успеть занять предопределенное ему место... Являясь представителем лезгинской интеллигенции, художник явился и выразителем духа своего сложного и противоречивого века, выразителем настроений широких народных масс. Настоящее имя поэта — Мухаммед Эмин сын Севзихана из Цилинга. Отец поэта, доведившийся правнуком Бука Цилинскому, поэту-воину, возглавлявшему в пору борьбы с Надир-шахом отряд народных ополченцев, служил кадием в ауле Ялджух, где и родился будущий поэт. Получив среднее мусульманское образование, Мухаммед Эмин после смерти отца наследовал и его пост. Таким образом, по происхождению, воспитанию и образованию Етим Эмин принадлежал к среднезажиточному сословию горного общества" [32].

Творчество Етима Эмина проникнуто глубокой философичностью. "Рост политического и философского мировоззрения художника, — пишет Ф.Вагабова, — наглядно демонстрируют его произведения — раздумья. Немало среди них таких, в которых целиком и полностью отражаются философские мотивы, широко распространенные во всей восточной классике... "Фена дуьнья" — "Преходящий мир", "Дуьньядиз" — "Миру". "Дуьнья гьей!" — "О мир!" и т.д. — это разделившийся мир хижин и дворцов. Аллегорический образ караван-сараяв повторяет давно рожденное представление о преходящем характере, бренности мира (фена дуьнья), где люди — лишь минутные гости. Ни сам халиф Давуд, ни Намруд (библейский Нимрод или Немврод, основатель Вавилона не обрели в нем вечности. Из этой суетной жизни каждый унесет с собой лишь пять аршинов бязи (на саван). Так стоит ли брать на душу столько грехов, злоупотребляя милостью Аллаха и пророка его?" [32].

Етим Эмин — певец земной любви. Стихи его "Эфриз", "Красавица Тамум", "Любимая" воспевают женскую красоту. Для каждой красавицы он находит особые краски, слова, образы. Эмину подвластна передача тонких нюансов человеческой души. Примером может служить стихотворение "Красавица Тамум" [38].

*Прекрасная Тамум,
Опасная ханум,
Ты в плоть вливаешь пламень,
Блаженно кружишь ум...
...Не очень возносишь,
Грозит паденьем высь,
В гордыне стерегись
Все делать наобум.
Красотка юных лет,
Терзать меня не след,*

*Не то покину свет
Я по твоей вине.*

Перевод Я.Козловского.

Рис. 8.34. Етим Эмин (слева сверху — третий) среди поэтов и мыслителей Востока.

"Шел 1877 год. Кровавые события захлестнули родину поэта. Это был даже не полный год, а всего лишь лето-осень тысяча восемьсот семьдесят седьмого. Короткое лето бурных потрясений, надежд и короткая осень жестоких разочарований, смертельной усталости. Не рискуя впасть в ошибку, скажем, — пишет Ф.Вагабова, — этот год решил и вопрос бессмертия Етима Эмина.

1877 год научил Етима Эмина тому, чему не научили все предыдущие. Как далек он от прежних иллюзий! — пишет Ф.Вагабова. — Революция, либо переворот (инкылаб), так недавно резко осуждавшаяся (из-за больших жертв неповинных людей- Г.А.), теперь становится возжеленной мечтой поэта. "Что смерть? Разве так уж она страшна? Убийственно бездействие — вот несчастная доля!" Но "придет день расплаты, когда народ сбросит тяжкий гнет царизма!" [32].

"Есть много оснований полагать, что разорение, обнищание и трагическое одиночество поэта были следствием событий 1877 года, а вернее всего, расплатой за высокий гражданский, революционный накал его творчества. Обнажая свою политическую мысль, настаивая на необходимости активного протеста против колониального режима и национального угнетения, Эмин приходит к утверждению идеала человека, готового жертвовать жизнью во имя освобождения Родины:

*Кътикъ са затI туш хъи акъван, —
Адалат чаз хъана масан
Смерть ведь ничего, —
Свобода — наша возжеленная мечта
[32].*

Трудно читать без волнения стихотворение Мазали Али (1850 — 1890) — выходца из села Маза бывшего Самурского округа, который испытал на себе "прелести" жизни на чужбине. В годы скитаний поэт побывал во многих местах Восточного Кавказа, пережитое передал в произведениях "Родина моя", "Скупому злодею", "Просьба к молодежи", "Хану" и др. [38]. Стихотворение "Родина моя" свидетельствует о неистребимой любви к родному очагу, могилам предков, аулу, в котором каждая сакля, каждый камень дороги и близки сердцу [38]:

*Лежа на постели, вижу дальний путь.
По тебе тоскую, Родина моя!*

*На чужбине горе тяжело ранит грудь.
Кровь — не слезы — лью я, Родина моя!*

Перевод Ю.Нейман.

"Творчество Мазали Али, — пишет Г.Гашаров, — созвучна поэзии Молла Нури (1835-1913). Он родился в селении Ахты, учился в медресе. Оказавшись без средств к существованию в результате несправедливого судебного разбирательства, Молла Нури вынужден был уехать на чужбину. Этот период жизни поэт описал в стихотворении "Чужбина": "Не совершив никакого преступления, я, как убийца, был на четыре года выслан на чужбину, в Сибирь" [38].

Будучи вдали от родных мест, М.Нури не терял связи с любимым аулом, друзьями. Об этом свидетельствует статья лезгинского просветителя и демократа Раджаба Амирханова (1887-1914 гг.) "Смерть поэта", появившаяся в 1913 году в газете "Заря Дагестана" в связи с кончиной Молла Нури. В ней писалось: "После непродолжительной болезни в преклонном возрасте в селении Ахты скончался народный поэт Молла Нури, известный ахтынцам по его стихотворениям на родном языке, которые в рукописях ходили по рукам и читывались всеми... Его сердце билось любовью к родному народу" [38].

Аналогична судьба и другого поэта — Гаджи Ахтынского. В стихотворениях "Тайгун", "Твой сын", "Гюлемет", "Суна" и др. говорится о безрадостной доле человека труда, высмеиваются отсталость и невежество людей, мимо которых проходит быстротечная жизнь [38].

*Игрою в карты увлечен,
Он ставит и штаны на кон,
Помалу превратился он
В дерьма кусок, скажу открыто.*

Перевод Д.Бродского.

В другом стихотворении "Гюлемет" поэт с горькой иронией рисует сатирический образ самодовольного, самовлюбленного пустомели, занятого только своей внешностью:

*Офицерская осанка у тебя,
Судьба наделила и могучими плечами,
Теперь иди же за чинами
К начальнику, Гюлемет...
В настоящее время в Ахтах
Ты ведь как истинный "шах".*

Великолепно его стихотворение "Книга по арифметике для малышей". Запомнишь его — будешь знать таблицу умножения:

*Если ты дважды два возьмешь, Гюльзада,
У тебя в руках сразу окажется четыре.
Если дважды три возьмешь, Махмуд,
Несомненно, ты возьмешь ровно шесть.
Если в каждую руку возьмешь по четыре, эй Меджид,
Держи покрепче, ты держишь уже восемь.
Возьмешь десятку, если умножишь пять на два,
Если дважды шесть умножишь, будет двенадцать.*

*Если семь раз девятку ты возьмешь, Мавлуд,
Соберешь в кармане ровно шестьдесят три.
Восемь раз восемь наберешь — уже шестьдесят*

*четыре года,
И жизнь пойдет уже с посохом в руке.
Восьмью девять — семьдесят два, так и знай,
И под старость купи себе поющую куропатку.
А девять раз возьмешь девятку, будет восемьдесят
один,
Повтори наизусть, пусть Молла Хаджи обрадуется.*

Подстрочный перевод А. Кардаша.

В те же годы наряду с Гаджи Ахтынским создавала свои произведения поэтесса Саяд из Стала (1880 — 1900 гг.). Родилась она в селении Ашага-Сталь бывшего Кюринского округа в крестьянской семье. Росла гордой и смелой. С детства Саяд любила мудрое и острое слово, сказки и песни родного народа [38].

Вскоре одаренная девушка и сама стала слагать песни о том, что ее волновало. Когда Саяд достигла совершеннолетия, она полюбила своего сверстника Шихрагима — сына Мирза-Магомеда, бедняка. Но жестокие обычаи того времени разлучили влюбленных, о чем Саяд писала [38]:

*На весь мир воскликнула я:
"Не суждено было сбыться нашим мечтам!"
Тайну сердца раскрыла я,
Но никто не внял голосу моему.*

Рис. 8.35. Саяд Стал. 1880-1900 гг.

Вопреки воле Саяд, ее выдали за богатого. Умерла она молодой.

По дошедшим до нас стихотворениям видно, что Саяд выступала против уродливых обычаев своего времени, клеймила тогдашнюю действительность [38].

*Пусть этот мир перевернется,
Не сочувствовавший моим страданиям.
Как же не проливать слезы,
Когда никто не помог моему горю!*

Саяд из Стала прокликает старшин, нерадивых мулл, которые держат людей в цепях рабства и угнетения, и, обращаясь к ним, с гордостью говорит: "Хоть из-за скорби сила покинула меня, но голову перед вами никогда не склоню! [38].

8.7. ПАНТУРАНИЗМ И ПАНТЮРКИЗМ

Чтобы понять излагаемый ниже материал и те процессы, которые шли в Восточном Кавказе и Закавказье за последние 100 лет, нам не обойтись без выяснения содержания понятий "пантуранизм" и "пантюркизм". Для этого обратимся к книге "Турция и пантуранизм" Зареванда, изданного в Париже в 1930 году [42].

Эта работа предваряется введением Андрея Николаевича Мандельштама, доктора международного права С.Петербургского Университета, Члена Института Международного Права. А.Мандельштам автор многих трудов по международному праву, прошел большую часть своей дипломатической службы в российском Посольстве в Константинополе (1898-1914), дойдя до поста Первого Драгомана. В 1917 году Временным Правительством он был назначен на пост Директора Правового Департамента Министерства иностранных дел.

О книге Зареванда "Турция и Пантуранизм" А.Мандельштам пишет: "Книга господина Зареванда выдержана в совершенно объективных тонах. Автор не нападает на пантуранизм, не осуждает его, а только дает картину его возникновения и развития, на основании, главным образом, пантуранистских источников. Господин Зареванд просто задается целью развернуть перед читателем разы недавно только зародившегося и еще мало известного пантуранистского движения. Он не судит, а констатирует".

Зареванд пишет: "Туран — географическое название стран, лежащих между Каспийским морем, Иранской и Акмолинской возвышенностями и истоками рек Сыр — Дарья и Иртыш. Из Турана вышли полчища Атиллы, Чингизхана, Тамерлана, Эртогула и других и наводнили, одно время, Россию, весь Ближний Восток и часть Европы. Потомки этих племен, рассеянные в Азии и в Европе, известны под общим названием туранских народов. К ним в настоящее время относятся: турки Константинополя и Малой Азии, татары южной России и Кавказа, тюркмены и тюрки Персии и Средней Азии, узбеки, киргизы, монголы, тунгузы и тачики, туземцы Сибири, а также финны, болгары и венгры.

С захватом Турана турко — татарами к этим последним перешло название "туранское", которое стало синонимом названия турко — татарское". Пантуранизмом называется то политическое течение, которое ставит своей целью национальное и государственное объединение туранских народов. Пантуранизм, являющейся в настоящее время господствующей в Турции политической доктриной, возник не в Константинополе и не в Ангоре (Анкаре), а в соседней с Турцией России, среди волжских и крымских татар. Основателями пантуранизма и распространителями его идей среди анатолийских турок были российские мусульмане.

В этом нет ничего странного, — пишет Зареванд. Национальное чувство и, в особенности, его разновидность — национализм возникает и развивается раньше всего в народе, лишенном политической самостоятельности. Пантуранизм, как своего рода крайняя национальная доктрина, естественно должен был скорее и прежде всего зародиться среди подвластных царю — "гяуру" российских мусульман, а не среди живущих самостоятельной политической жизнью анатолийских турок.

Пантуранистское движение в начальной стадии своего возникновения мало чем отличалось от обычного национального движения мелких, подвластных народов. Национальное пробуждение российских мусульман началось с противопоставления — в

целях самозащиты — своих бытовых и культурных особенностей наступающей культуры господствующей нации. И так как в то время религиозный момент еще преобладал в сознании мусульман, то и тюрко — татарские патриоты начали свою деятельность с выставления лозунга защиты шариата и мусульманской религии от опасности, грозившей ей со стороны православия, как религии господствующей нации. В этой борьбе взоры образованных руководителей российских мусульман были, естественным образом, обращены на Константинополь, где восседал религиозный глава всех правоверных. Таким образом, на первых порах своего возникновения национальное движение тюрко — татар носило панисламистский характер.

Во главе этого движения стал известный татарский публицист Исмаил Гаспринский. Он еще в 1879 г. начал издавать в Бахчи — Сарае газету "Терджиман", которая считается первым серьезным печатным органом, посвященным защите национально — религиозных интересов российских мусульман. На Кавказе аналогичную работу вел в то время Мирза Фет Али Ахундов. Центром пантуранизма и татского национального движения был город Баку. Там при материальной поддержке известного миллионера Зейнала Тагиева издавалась ежедневная газета "Каспий". Во главе "Каспий" стояли такие видные представители пантуранизма, как Гусейнзаде Али, Ахмед Агаев, Али Мардан Топчибашев.

И в Закавказье татарское национальное движение носило в начале панисламистский характер. Подойти к крестьянину, в котором еще не было развито национальное самосознание, с идеями чистого туранизма было бы очень трудно. Вот почему и в этой среде пропаганда велась на религиозной почве. И тут взоры были обращены на Константинополь, как на центр ислама. Вот от него и придет освобождение татарскому народу.

Позже религиозный мотив и тут уступает свое место национальному принципу. Анатолийский турок, говорили азербайджанские пантуранисты, того же туранского корня, что и азербайджанский татарин. Оба они имеют общий язык и общую культуру. И так как из всех туранских народов только турки сохранили свою независимость, то на турецкого султана и падает высокая честь освобождения тюрко — татарских народов от чужого ига и объединения их в одно могучее государство. В числе этих народов получают свое освобождение в первую очередь азербайджанцы, потому что они ближе всех находятся к Турции...

В отношении территорий, считавшими туранскими, между ними не было единогласия. Чтобы дать общее представление об этих претензиях, — пишет Зареванд, — укажем границы Турана, начертанная Ахмедом Агаевым и Качензаде.

"Туранский мир" Агаева начинается от Балканского хребта и доходит до Манджурии, включая в себя: Балканы, Малую Азию, Крым, Кавказ, Дагестан, Астрахань, Поволжье, Саратов, Самару, Казань, Уфа, Оренбург, Сибирь, Монголию, китайский и русский Туркестан, Бухару, Хиву, Хорасан, южное побережье Каспийского моря и два (русский и персидский) Азербайджана [43].

Качензаде требует, чтобы в туранское или тюрко — татаро — монгольское объединение вошли: Малая Азия с Константинополем, Месопотамия с Моссулом, Азербайджан с Баку. Далее в нее должны войти собственный Туран, т.е. пространство от Крыма до Закаспия, находящиеся между Волгой и Уралом Оренбургская и Уфимская губернии, Киргизские степи, находящиеся между Аралом и Байкалом Туркестан, возвышенность от Алтая до Памира и пространство от Монгольских гор до Сибирских степей, вплоть до Иркутска и берегов Амура. В эту "федерацию", говорит Качензаде, должны войти все более или менее крупные группы тюркского населения, оставшиеся со времен средневековых нашествий.

Одним словом, туркам должно принадлежать все, где ступала когда-либо нога тюрка... [44]

Еще более решительно настроенные пантуранисты включали в пределы Турана и другие пограничные и мусульманские станы — в особенности, если царствующая там династия была туранского происхождения, как, например, Персия при Каджарах, Афганистан и т.д. Мы не говорили об аппетитах Энвера паши и ему подобных, — пишет Зареванд, — потому что пантуранизм Энвера, в особенности в начале, носил панисламистский отпечаток. Энвер стремился создать Арабскую Империю и сделать ее вассалом Турции, другими словами, хотел "использовать Коран для Турана". Границы Энверовской Империи начинались в Марокко и кончались... Кореей.

Наконец, претендующая на "научность" часть пантуранистов ограничивалась лишь территорией, населенной тюркской группой туранских народов.

Урало — Алтайская или Туранская семья. — далее пишет Зареванд, — как известно делится на пять групп: угро — финская, самоедская, тунгузская, монгольская и тюркская.

В последнюю тюркскую группу входят: тюрки Сибири (якуты), тюрки Центральной Азии (казахи, узбеки, киргизы, туркмены и др.), тюрки Поволжья (кипчаки, татары, башкиры), тюрки Черноморья (татары Крыма и Кавказа) и тюрки Запада (Ирана и Оттоманской Империи). К объединению всех этих тюрков и стремилась умеренная группа пантуранистов. Исходя из этого, они и движение свое предпочитают называть не пантуранизмом, а пантюркизмом; всех, принадлежащих к пятой группе народов (татары, узбеки, киргизы, башкиры, якуты и др.) они считают тюрками [42]...

В своей знаменитой статье: "Три политические системы", напечатанной в Каирской газете "Тюрок" 1913 г., Акчура впервые дает ясную и исчерпывающую формулировку пантуранизма. Акчура говорит, что оттоманизм, являющийся главной целью младотурецкой политики и стремящийся из разноплеменных народностей Турции создать одну нацию, как это было сделано в Америке — неосуществимо по следующим причинам [45]:

- 1) оттоманизм идет в разрез с желаниями и устремлениями турок, ибо, провозглашая равенство всех народов в Турции, он этим самым лишает турок положения господствующей нации и равняет их с "райями" — христианами;
- 2) он идет в разрез с учением Магомета, ибо ставит на одну доску правоверных и неверных;
- 3) он идет против желаний и самих подвластных народов, которые стремятся к независимости и не желают жить совместно с своими завоевателями;
- 4) оттоманизм идет в разрез с панславянскими и завоевательными программами России, претендующей на Константинополь и на роль защиты восточных христиан;
- 5) наконец, он не согласуется с общественным мнением Европы, требующей изгнания "варваров" — турок из Европы и освобождение христиан от их ига.

Что же касается панисламизма, продолжает Акчура, то он, с одной стороны сталкивается с все более и более усиливающимся национальным чувством во всех мусульманских странах, а с другой — с интересами гольших и маленьких колониальных держав. Таким образом панисламизм не может считаться реальным фактором возрождения и усиления Оттоманской империи.

Остается, таким образом, — пишет Акчура, — третья политическая система — пантуранизм. В Оттоманской империи, с точки зрения интересов государства, единственным верным элементом являются турки. Лишь на них базируясь, государство может идти по пути возрождения и усиления своей мощи. Будущее и, вместе с тем,

спасение Османской империи стало искать в тюркских народах, к национальному и государственному объединению которых, говорит Акчура, должны быть направлены все наши усилия.

Путь пантуранизма свободен от всех тех препятствий, на которые наталкиваются панисламизм и османизм. Пантуранизм, — пишет Акчура, — направлен преимущественно против России, которая хотя и велика, но не непобедима. Акчура думает, что европейские державы, ввиду противоположности их интересов на Востоке, не только не окажут сопротивления, но и будут всячески способствовать осуществлению Турцией пантуранистических планов...

Зия Гек Альп, основоположник пантюркизма, намечает в своей известной книге Основы тюркизма (1923 г) три ступени осуществления своего идеала [42]:

1. Тюркизм в самой Турции, что означает ассимиляцию или, в случае отказа от нее, удаление всех нетурецких элементов; параллельно с этим — очищение турецкого языка от арабских примесей и приближение его к туранским корням, а также создание турецкой национальной культуры. В то же время тюркизм пытается повернуть турка "от Мекки к Алтаю" (стр. 100).
2. Второй ступенью является так называемый огузианизм, т.е. объединения стран, населенных потомками Огуза-Турции и двух Азербайджанов: персидского и русского (стр.92).
3. Наконец, что касается других тюркских народностей (татар, киргизов, башкир, якутов, алтайских турок), то Гек Альп допускает, что они могут стремиться к созданию собственных культур. Но все же и они, в конце концов, должны войти в общую туранскую федерацию (стр. 92).

Тюркизм, — пишет Зареванд, — является основным и предварительным условием к осуществлению турецкого варианта пантуранизма. "Турция только для турок, — вот лозунг и вместе с тем и программы тюркизма" [42].

Для освобождения своих единомышленников и объединения их в одно государственное целое, Турция должна обладать прежде всего достаточной моральной и материальной силой... Причина бессилия Турции, — пишут тюркисты, — кроется в составе ее народонаселения, и именно в том факте, что оно не исключительно тюркское... Христиане ли эти меньшинства или мусульмане, — дело не меняет. Раз они имеют особую от турок культуру, особую историю и противоположные интересы, то смешно и даже опасно ждать от них проявления государственного патриотизма. Они (национальные меньшинства), рассуждали тюркисты, не могут идти в ногу с нами, усвоить наши идеалы и служить нашим целям. И в качестве выхода тюркисты указывали на одно единственное средство: Турция должна быть прежде всего отуречена.

Турецкая интеллигенция, говорили они, должна отуречить свой народ. Она должна к природному и инстинктивному национальному чувству привить сознательный и подлинный тюркизм. А для этого она должна создать прежде всего национальную культуру.

Правительство же Турции обязано отуречить страну. Оно должно сделать решительный поворот в своей политике, прекратить игру в османизм, перестать смешивать мусульманина с турком. Оно должно опираться исключительно на турецкий элемент и только его поддерживать. Остальные народности не должны существовать, как особые нации, они, как таковые, не должны иметь никаких прав. Перед ними должна стать альтернатива: либо сделаться турками, либо уйти из Турции. Нет нации османов, а есть и впредь в Турции может быть только одна единственная нация — турецкая.

Учиненную в 1915 г. ужасную резню армян несомненно нужно рассматривать, — пишет Зареванд, — как одно из подготовительных действий к осуществлению пантуранской программы; нужно было уничтожить инородный клин, вонзившийся между Турцией и Азербайджаном...

Военные цели Турции, — пишет Зареванд — ясно определились задолго до вступления ее в первую мировую войну. "Мы не должны забывать, говорится в циркуляре всеильного в Турции Младотурецкого Центрального Комитета, разосланный всем отделом партии по случаю вступления Турции в войну, что целью нашего участия в мировой войне для нас является не одно только спасение нашей страны от угрожающей ей гибели. Нет, мы преследуем и более непосредственную цель - осуществления нашего национального идеала, который требует, чтобы мы, разбив нашего московского врага, довели нашу Империю до ее естественных границ, которые охватили бы и объединили все наши соплеменные народы".

Однако война принесла, — пишет Зареванд, — для них неудачный оборот. "Кагарман мемедчик (так называли турки своих солдат) отступал перед русскими "чудо-богатырями", и анатолийские области одна за другой, переходили в руки "москотов". Турки вместо того, чтобы приближаться к Турану, все более и более отдалились от него. Пантуранистские мечты развеялись и турок охватило отчаяние.

Но... свершилось чудо: в России вспыхнула революция и все события пошли по иному.

"Большевики совершили революцию, захватили власть и стали танцевать в церквях", такова была реакция официальной турецкой телеграммы, — пишет Зареванд, — сообщавшей об октябрьском перевороте в России. Да, Россия с ума сошла и передала власть над страной одержимым людям, — иначе не могли объяснить турки смысл происшедших и происходивших там событий. Но туркам это "беснование" "москотов" пришлось как раз кстати.

После октябрьского переворота, — пишет Зареванд, — победоносная русская армия, державшая в своих руках 1/3 территорию Турции, покинула эти области и направилась домой. Кавказский фронт был оголен и перед турками открылись широкие и заманчивые перспективы. В продолжение короткого времени они вернули себе все завоеванные области и подошли вплотную к русским границам на Кавказе.

Заклученный затем в Брест-Литовске с "танцующими в церквях" большевиками мир возвратил им занятые Россией в 1879 г. Карскую, Ардаганскую и Батумскую области. Турция получила, — пишет Зареванд, — больше, чем она могла бы рассчитывать и, казалось, что ее игра на кавказском фронте должна быть кончена, тем более, что на других фронтах (Мессопотамский и Сирийский) дела ее шли очень скверно.

Но турки, вопреки настойчивым требованиям главного германского штаба — прекратить военные действия на Кавказе и перебросить восточную армию против англичан, — продолжали свои продвижения вглубь Закавказья, усиливая свою армию новыми галлиполийскими дивизиями.

Чем объясняется такое, противоречащее логике вещей, поведение турок? — Теми целями, которые поставили себе турки, вступая в войну. А главной из этих целей, как мы видели, — пишет Зареванд, — было освобождение тюрко-татарского населения России и объединение его с Турцией. Перед этой основной целью отступили все другие задачи и разные стратегические расчеты, и турки, даже ценой разрыва с Германией продолжали свои военные действия на Кавказе...

С момента начавшегося отхода разложившейся кавказской армии России вся деятельность азербайджанских татар была строго сообразована с военными задачами турецкой армии, направленными, как мы указали, — пишет Зареванд, — к захвату, в

первую очередь, Закавказья. Комбинированные действия турок и татар были направлены против армян и армянских военных сил, ставших на смену русских частей... Самым интересным в поведении закавказских татар, — пишет Зареванд, — было то, что они руководились стремлением не к независимости от России. Этого они добились очень быстро, сломив сопротивление армян и пользуясь нейтралитетом грузин. Зимой 1918 г., когда уже русских войск больше не было в Закавказье (за исключением Баку), Азербайджан стал турецкой провинцией. Такой он остался и после формального провозглашения в мае того же года своей независимости.

"Азербайджан наконец достиг своей цели, — говорил в елизаветпольской мечети глава азербайджанского правительства Хан-Хойский, обратившись к главнокомандующему турецкой армией Нури-паша, — и наконец осуществился вековой идеал всех турок — объединения их под знаменем султана. И с трепетом сердца ждут теперь турецкую армию, несущую им освобождение, горцы Кавказа, татары Поволжья, сарты Закаспия, узбеки и киргизы, хивинцы и бухарцы Центральной Азии. Эту знаменитую речь Хан Хойский кончает возгласом: "Да здравствует турецкая армия, да здравствует объединение всех тюрок!"

И на завершении дела объединения всех турок шла армия Нури-паши. В начале сентября она "освободила" Баку, вырезав 30 тысяч мирного армянского населения, а в конце того же месяца уже дралось под Петровском, идя на "освобождение" горцев Кавказа. С действительным трепетом сердечным ее ждали пантуранисты Туркестана и Поволжья, куда и направлял свою армию Энвер-паша, как вдруг случилось второе чудо, разрушившее на этот раз уже планы самих пантуранистов: война кончилась поражением союзников Турции и добравшись до преддверия Турана ее армия должна была отказаться от своей дальнейшей миссии и повернуть свое лицо обратно к Анатолии, к своим прежним государственным границам... Так кончилась на полпути одна из наиболее ярких фаз пантуранистского движения"... [42].

Для того, чтобы понять, что происходит сейчас в Дагестане, Азербайджан, да и на всем Кавказе, обратимся к материалу последней главы книги Зареванд, которая называется "Пантуранизм в наши дни". Там, конечно описывается события 20-х годов XX века.

Зареванд пишет: "Жива ли идея пантуранизма в современной Турции, или же она, сыграв свою роль в жизни турок, отошла в область истории, другими словами, каково отношение Ангоры к пантюркизму?"

Ангора в настоящее время находится в дружбе и братстве с Россией. С другой стороны, как мы видели, против этой же России направленно пантуранистское движение, осуществление конечной цели которого — создание объединенной и независимой Турании — связано с распадом и развалом российского государства.

Это обстоятельство, — пишет Зареванд — создает весьма деликатное положение для сторонников пантуранизма в Турции и в особенности для тех из них, которые занимают высшие государственные посты...

Вот почему Мустафа Кемаль-паша, вслед за заключением русско-турецкого договора, вынужден был официально осудить с кафедры Великого Национального Собрания пантуранизм, смешав его почемуто с панисламизмом [42].

Одной из причин наших нынешних бедствий, сказал он, являются неосуществимые программы и планы наших бывших руководителей. Они захотели создать обширную империю, объединив в ней все мусульманские и туранские племена. Отсюда и возник панисламизм и пантуранизм. Вот именно эти мечты и толкнули партию "Единение и Прогресс" к участию в великой войне. Но эти идеалы слишком эфемерны. Будем же мы в нашей политике более скромны и реалистичны!... Эти слова успокоили бы многих,

тревожащихся за мир на Ближнем Востоке, являясь лучшим доказательством происшедшей в умах турецких государственных деятелей перемены, — пишет Зареванд, — если бы они были искренны.

Но, к сожалению, дипломатические заявления, как говорит архи-дипломат Бисмарк, предназначены для того, чтобы скрыть, а не выразить мысли и намерения их автора. Таковы и заявления Мустафы Кемаль-паши. И это понятно, потому что когда глава турецкого национального движения делал эти свои заявления, Турция вела еще борьбу за свое существование и в этой борьбе единственную помощь она получила от Советской России.

Национальная Турция была убеждена, что эта новая политика принесет ей больше пользы, чем старомодный панисламизм. И в доказательство искренности этого своего убеждения, она отказалась от прерогатив религиозного верховенства, упразднив в 1924 г. халифат. Этим своим актом Турция выиграла многое, ничего не потеряв... Вопрос о халифате в продолжении ряда столетий отравлял арабо-турецкие отношения. В глазах арабов турки были узурпаторами, ибо они не имели никакого права называться преемниками Пророка, когда в Аравии существовали шерифы — в чьих жилах текла Курейшская кровь.

И практические пантуранисты во имя своих племенно-национальных целей отказались от яблока раздора, чем и приобрели дружественный нейтралитет арабов.

Что касается пантуранизма, то нет никакого сомнения в том, что идея объединения всех тюрко-татарских народов и в настоящее время является национальным идеалом турок, — пишет Зареванд. И правительство Кемаль-паши не только разрешает открытую и свободную пропаганду этой идеи у себя в стране, но и оказывает ей всякое покровительство, а иногда и само навязывает ее населению силою своего авторитета...

И Кемаль-паша, действительно, претворил в жизнь то, что многим казалось лишь мечтой. Все его дела — как военного, так и мирного времени, — носят неизгладимую печать символа веры пантюркизма. Все его столь прославленные реформы являются осуществлением пункт за пунктом программы пантуранистов, сформированной ими еще задолго до появления на политической сцене Турции Кемалья.

Возьмем самую основную из этих реформ преобразование турецкого государства по признаку однородности его населения. Как об этом мы уже упоминали выше, — пишет Зареванд, — Кемаль-паша в этом отношении был лишь продолжателем дела младотурок, которые во время войны, придя к убеждению в правильности этого требования тюркистов, взялись за его осуществление, вырезав поголовно одного из национальных меньшинств — армян. Кемаль-паша продолжая это жестокое и варварское дело, успел покончить с другим меньшинством — с греками. В настоящее время, как мы опять таки указывали, он занят вычищением курдов, применяя к ним те же методы, что были применены к армянам и грекам. И, наконец, в отличие от младотурок и в полном соответствии с программными требованиями тюркистов, Кемаль-паша решил не щадить и те меньшинства, которые до сих пор, будучи связаны вероисповедными узами с турками, были всегда верны турецкой государственности. Таковы, например, черкезы, лазы, те же курды и др. Кемаль не доверяет им. Взявшись за последовательное осуществление лозунга тюркизма: "Турция — только для турок", кемалистское правительство издало ряд законов и административных распоряжений, целью которых является расплытие и рассеяние по Турции этих меньшинственных обществ и облегчение, таким образом, их быстрой ассимиляции. Перед всеми меньшинствами Турции поставлена правительством Кемалья грозная альтернатива: или ассимилироваться, стать турками — или уйти из Турции".

Таковы и остальные реформы, — пишет Зареванд. Реформа турецкого языка: очищение его от иностранных элементов (главным образом арабских и персидских) и уничтожение

арабского шрифта; обращенность к народу и западной цивилизации; борьбы против халифата, как естественный вывод противопоставления пантуранизма панисламизму; преследование старых турок носителей идей оттоманизма и т.д. — все это является отнюдь не плодом гения Кемалья. а программными пунктами пантюркизма...

Пантуранистская пропаганда, — пишет Зареванд, — и сейчас ведется среди российских тюрко-татар и ведется с большим успехом. Турция является подлинной политической меккой для них всех, а Мустафа Кемаль — истинным Пророком. Его портреты висят в каждом тюркском доме... Вереницами идут в Турцию разные делегации от тюрко-татар Поволжья, Средней Азии и даже Китайского Туркестана. Все больше и больше растет число тех молодых людей, которые едут из СССР в Константинополь для получения "высшего образования". Не мало учеников из России и в лицах Ангоры Смирны, Трапезунда и других городов.

С другой стороны сотни турецких учителей являются преподавателями в советско-турецких школах Азербайджана, Дагестана Туркестана, Поволжья, Крыма и т.д. причем преподавание ведется не только на турецком языке, но и по турецким учебникам, напечатанном в Константинополе. Тюрко-татарская молодежь России питается турецкой литературой, проникнутой явно пантюр-кистскими идеями... Географию, литературу, обществоведение, даже чуть ли не математику, ребятам преподносят под совершенно особым углом зрения.

География превращается в науку о Турции, и только о Турции. Из всей мировой литературы достойны внимания оказываются исключительно турецкие писатели. Турция расцветивается на разнообразные лады и преподносится, как некая страна чудес, страна — сказка.

Советская власть, будучи в дружбе и братстве с Турцией, до сих пор считала неудобным говорить о том, как этот друг и брат подготавливает внутренний взрыв СССР. Но в последнее время, видно чаша терпений даже у большевиков переполнилась и они стали печатать статьи с разоблачениями происков пантуранистов. В прошлом году (1928 г.) напечатал об этом длинную статью в "Правде" секретарь Азербайджанской компартии Караев. В начале этого года (1929 г. мы находим любопытную корреспонденцию в "Комсомольской правде", где между прочим рассказано следующее: "Выводы произведенного в Туркестанской республике в 1928 году школьного образования прямо констатируют: основной кадр учительства в туркменских школах состоит из более или менее явных пантюркистов и среди них немало турок".

Все это очень любопытно, но еще больше любопытного рассказали бы нам большевики, — пишет Зареванд, — если бы опубликовали данные, добытые военными штабами Красной Армии, Кавказской, Туркестанской и др...

В отличие от своих предшественников — Гусеинзаде, Акчура и др., новое поколение пантуранистов занимается в Турции не столько пропагандой своих идей — в нем современная Турция больше не нуждается — сколько обсуждением совместно с турецкими братьями, тех практических вопросов, которые связаны с будущим устройством единого и объединенного Туранского государства. К числу таких вопросов принадлежит, например, вопрос о форме объединения западных и восточных турок и в частности вопрос о том, должна ли эта связь носить форму федеративного или простого объединения.

Среди деятелей восточных турок (азербайджанских) преобладает точка зрения федеративного объединения с Турцией, между тем большинство турецких деятелей настаивает на том, чтобы объединение по крайней мере с огузинами было без всяких условий и оговорок ("Илтihak била кейд у шарт").

"В эти дни, — пишет из руководителей пантюркистской партии Азербайджана "Мусоават" Расул Заде, — когда мы видим, как то там, то тут так сильно бьет ключом тюркская национальная жизнь, мы все больше убеждаемся, что несмотря ни на какие временные препятствия, придет естественным ходом истории день, когда все эти ручьи, слившись, составят одну могучую реку тюркскую федерацию [45]. Тюркский мир, чтобы достичь этого счастливого идеала, должен пройти много этапов. Вот одним из этих этапов и является объединение кавказских народов против русского владычества.

По хитроумному плану Расул Заде, — пишет Зареванд, прежде чем приступить к объединению, надо сперва выступить с лозунгом независимости. Этот лозунг, где так мало сказано о Турции, — пишет Зареванд, — и так много — против России, даст возможность объединить все Кавказские народы в борьбе против русского господства. Когда эта борьба будет благополучно окончена и русские будут изгнаны с Кавказа, тогда и "Мусават" перейдет к второму пункту своей программы, т.е. к федерации и ее толкованию. Этот пункт программы "Мусават", после вышеприведенных удивительных объяснений Расул Заде, означает, — пишет Зареванд, — не только федерацию между Кавказскими народами, но и этих последних с Турцией. Опираясь на это последнее толкование "Мусават" еще раз попросит Турцию прийти на Кавказ и "федерировать" его весь с собою. Вот сущность плана Расул Заде" [42].

Здесь от себя добавим, что для турок свершилось третье чудо: неоккоммунисты России в 1991 году развалили СССР, дав пантурунистам более реальные надежды на создание Великого Турана...

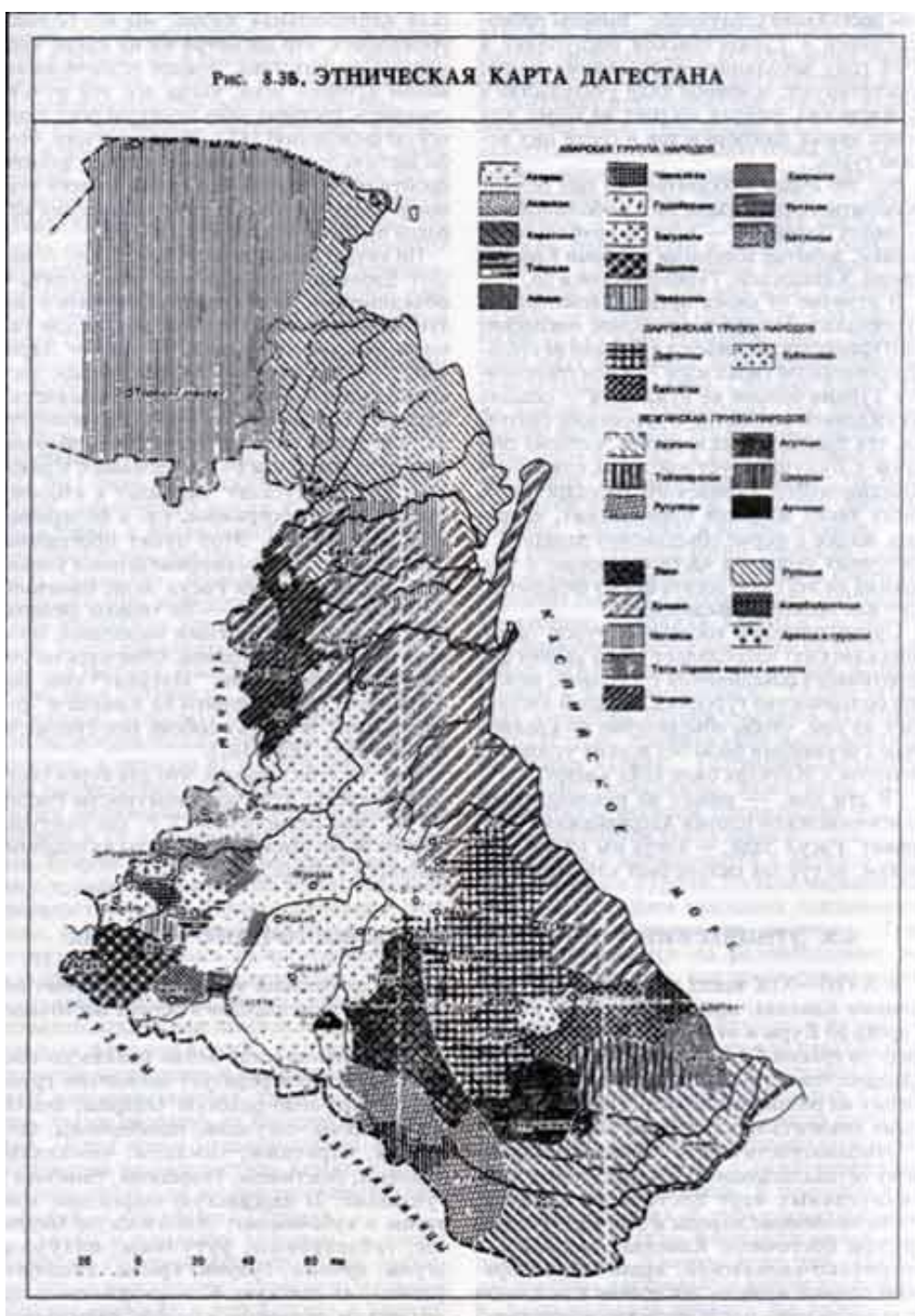
8.8. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

В XVIII — XIX веках на территории Восточного Кавказа, простирающейся к югу от Терека до Куры и от Каспийского моря к западу до границ Грузии, проживало более 40 народностей и этнографических групп, говорящих на различных языках с многочисленными диалектами и говорами [48].

Этнолингвистическая пестрота по-прежнему оставалась одной из характерных и отличительных черт Восточного Кавказа. Многочисленные народы и этнографические группы Восточного Кавказа относились к иберийско-кавказской, иранской и тюркской семьям языков, последние в основном появились здесь после иранских и тюрко-турецких завоеваний вследствие массовых переселений этих народов в регион Восточного Кавказа.

Дагестано-нахская ветвь кавказско-иберийских языков образует несколько групп [48]: аваро-андо-цезскую (аварцы, андийцы, ахвахцы, багулалы, годоберинцы, ботлихцы, каратины, тиндалы, чамалалы, дидойцы, бежтинцы, хваршины, гинихцы и гунзебцы); 2) даргинскую (даргинцы, кайтагцы и кубачинцы); 3) лезгинскую (лезгины, табасаранцы, рутульцы, цахурцы, агулы, арчины, будухи, крызы, хиналуги, удины); 4) лакскую. К тюркоязычным народностям относятся кумыки, тюрки-азер-байджанцы и ногайцы. К ираноязычным — таты и горские евреи.

Рис. 8.35. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА ДАГЕСТАНА

На рис. 8.36 приведена этническая карта Дагестана, составленная Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук бывшего СССР [48]. В целом она правильно характеризует этническое распределение по Дагестану до 1960 года, пока не начались искусственные переселенческие процессы, подспудно организованные определенными кругами некоторых народностей Дагестана с целью расширения своих территорий.

В течение всего советского периода в Азербайджане также шел процесс насильственной ассимиляции лезгин, тальшей, татов, армян, курдов и других малочисленных народов и захват их исконных территорий тюрками.

На рис. 8.37 приведена этническая карта общего вида Восточного Кавказа, составленная Гербером, который несколько лет занимался этническим распределением народов этого региона в 1723 — 1728 годах, во время российских военных походов на Кавказ. На карте в общем виде отмечены страны: Грузия, Дагестан, Лезгистан, Карабах и т.д. [49].

"Обширную территорию Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, от Терека до Башлинской речки, населяли кумыки. На этой же территории от устья р.Сулак до р.Тюркали кочевали ногайцы. На левобережье Терека проживали терско-гребенские казаки. В первой четверти XVIII в., со строительством крепости Святого Креста, терские и донские казаки основали вблизи крепости три станицы — Каменку, Прорву и Кузьминку. Вблизи крепости, по разрешению Петра I, по рекам Тереку, Сулаку и Аграхани, расселились армяне и грузины, прибывшие после 1724 г. с царем Вахтангом в Россию. Во второй половине XVIII в., в притеречных районах число переселенцев — донских казаков, армян и грузин — значительно увеличилось [48].

В Дербенте жило местное население: лезгины, табасаранцы, а также привезенные иранскими шахами таты с IV в., тюрки — с XVII — XVIII вв. Южнее Дербента местные жители — лезгины жили вперемешку с татами.

Всю Самурскую долину занимали лезгино-язычные народы — лезгины, рутульцы и цахуры, последние жили в верховьях Самура.

Центральную часть Дагестана, от восточного склона ТурчиДага, граничащего с Аварией, до пределов Дюлти-Дага, т.е. долину Казикумухского Койсу, населяли лаки [48]. Юго-восточнее аварцев и лаков, в горной зоне среднего Дагестана до низменности, занимаемой кумыками, жили даргинцы [48]. Юго-западнее даргинцев, в горной и предгорной частях Дагестана, непосредственно примыкающей к южной части Прикаспийской низменности, жили табасаранцы, в верховьях Чирахского и Курахского ущельев — агульцы.

Территорию западного берега Каспия от Баку до Хачмаса и Кубы занимали лезгины и таты, последние завезены иранцами; территории северо-западнее Шемахи — это нынешние Кусарский, Кубинский, Исмаи-линский, Куткашенский, Геогчайский, Агдашский, Варташенский, Шекинский и Кахский районы — лезгины и лезгино-язычные народы (цахурцы, рутульцы). В указанных районах жили переселенные или проникшие сюда армяне, таты, тюркские племена, последних называли тюркскими татарами.

По административному делению царской России 1860 года военные отделы на Кавказе были созданы по территориальному принципу, при этом игнорировались многовековой уклад народов, их быт, культура. По указанному делению Закатальский округ, населенный лезгинами и другими дагестанцами, южные отроги Шалбуздага, Шахдага и Базардюзи и Кубинский уезд, населенные народами лезгинской группы, оказывались за пределами впервые созданной Дагестанской области. Хотя и сегодня лезгины проживают на своей исконной территории, и, как много веков назад, по указанию свыше, как по злему року, они оказались разделенными на своей исконной территории надвое под условным названием "северных" и "южных" лезгин. "Южные" лезгины проживали и проживают, как сказано выше, в Хачмасском, Кубинском, Кусарском, Кахском, Шекинском, Варташенском, Куткашенском, Йсмаилинском, Закатальском, Белоканском и в некоторых других районах, находятся в составе Азербайджана. "Северные" лезгины (и лезгиноязычные народы) населяли и населяют нынешние Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Ахтынский, Курахский, Хивский, Дербентский, Агульский, Рутульский, Табасаранский районы Дагестана Между "северными" и "южными" лезгинами нет каких-либо иных этнических групп, что, возможно, и послужило бы "оправданием" подобного разделения, хотя никакие политические, экономические и другие причины не могут оправдать разделение единого народа, единой семьи.

Сказанное подтверждает и известный историк профессор Х.Хашаев в монографии "Общественный строй Дагестана в XIX веке": "Весь Южный Дагестан от плоскостной до альпийской зоны занимают лезгины, агулы, рутулы и цахуры. Селения их расположены в долинах рек Самура, Гюл-Геричая и Ахтычая, а также на склонах гор Самурского хребта, юго-восточнее главного гребня Кавказского хребта, на склонах Базар-дюзи и по обоим скатам Шахдага... Большое число лезгин живет на правом берегу р.Самур, в пределах Кубинского и Кусарского районов Аз.ССР. Селения рутульцев, цахурцев расположены на территории Закатальского; Кахского и Белоканского района Аз.ССР. Описанное нами размещение коренного населения Дагестана, за незначительные, исключением, действительно и для раннего периода истории Дагестана"... [36]. На рис. 8.38 приведена карта расселения лезгин и лезгиноязычных народов в настоящее время в Азербайджане составленная на основе научно-исторических и современных статистических данных. В некоторых районах Азербайджана многие лезгинские села из-за ассимиляторской политики националистов, полностью перешли на азербайджано-тюркский язык. В частности около двадцати лезгинских сел в Кубинском районе за последние 30 лет полностью перешло на азербайджано-тюркский язык. А это не значит, что они не являются лезгинами.

Как известно, лезгины играли исключительно большую роль во всех исторических процессах, которые протекали на Кавказе, поэтому они были известны иранцам, армянам и иберам (грузинам) с начала нашей эры. Тюрки и турки столкнулись с лезгинами в XII — XIV вв. Русские активно соприкасались с местным населением и с XVI в. устанавливали связи, которые активизировались с петровской эпохи. Персы, арабы, тюрки, а затем татаро-монголы в завоевательских походах встречались прежде всего с лезгинскими землями и народами.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА НА 1886 г.

НАРОДНОСТИ	ЧИСЛО ДОМОВ	МУЖЧИН	ЖЕНЩИН	ВСЕГО	% КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ
ЛЕЗГИНЫ	27017	55482	52205	108687	18,38
ТАБАСАРАНЦЫ	4506	14463	13204	27667	4,66
РУТУЛЬЦЫ	2259	6296	5689	11985	2,02
ЦАХУРЦЫ	912	2706	2459	5165	0,87
АГУЛЫ	1266	3582	3249	6830	1,15
АРЧИНЫ	203	308	415	604	0,14
АВАРЦЫ	29005	59924	59767	119711	20,20
КАРАТИНЦЫ	1897	3616	3601	7217	1,22
АНДИЙЦЫ	1964	3800	3775	7575	1,27
ДИДОЙЦЫ	1124	2507	2337	4844	0,82
АХВАХЦЫ	838	1743	1842	3585	0,61
БОТЛИХЦЫ	345	676	707	1383	0,24
ЧАМАЛИНЦЫ	1024	2000	1889	3889	0,66
ТИНДИНЦЫ	774	1616	1644	3262	0,55
ХВАРШИНЦЫ	338	728	678	1406	0,24
ГУНЗЕБЦЫ	171	423	370	793	0,13
КАПУЧИНЫ	484	1190	1140	2330	0,39
КАЗИКУМУХЦЫ (ЛАКЦЫ)	9723	23746	24570	48316	8,15
КАЙТАГЦЫ	3040	7329	6957	14286	2,42
КУБАЧИНЦЫ	507	1183	1049	2232	0,37
ДАРГИНЦЫ	24670	54370	52796	107166	18,08
КАВКАЗСКИЕ ТАТАРЫ	576	2921	2281	5202	0,83
КУМЫКИ	13763	32056	28780	60836	10,26
ТУРКИ	176	796	723	1519	0,26
НОГАЙЦЫ	497	1408	1148	2556	0,43
ТЕРКМЕЙЦЫ	343	3035	2817	5852	0,58
ЕВРЕИ	1156	4836	4374	9210	1,55
ТАТЫ	666	1833	1776	3609	0,61
ЧЕЧЕНЦЫ	189	475	435	910	0,15
РУССКИЕ	49	3276	2145	5421	0,92
ПОЛЯКИ	9	105	61	166	0,03
НЕМЦЫ	5	23	13	36	0,01
ПЕРСЫ	502	1856	2893	4749	0,8
АРМЯНЕ	2	547	458	1054	0,18
ГРУЗИНЫ	1	62	31	94	0,02

Армяне, иберы, иранцы раньше всех узнали лезгин, поскольку были непосредственными соседями. Поэтому вполне естественно, что все завоеватели многих народов Восточного Кавказа, особенно соседствующих с лезгинами, называли их лезгами, леками. Некоторые русские путешественники и историки также называли в прошлом дагестанские народы лезгинами. Другие народности нынешнего Дагестана в далекие времена были менее известны. Поэтому название народа — лезгины в первую очередь относилось к лезгинам и лезгино-язычным народам, а на другие народы это название перенесено ошибочно из-за отсутствия полной информации о них. "До сих пор, — пишет М.Ихилев, — грузины и армяне называют дагестанцев, и в особенности лезгин, "леками", персы и арабы — "лакзами", "лекзами". Для народностей Северо-Западного Дагестана они употребляют этнонимы "дидо", "анди", "дурдзуки", "авары" и др. Характерно и то, что лезгиноязычные народности испокон веков известны под именем лезгин, в то время как другие народы Дагестана в разные времена выявляли себя под различными названиями. Аваро-андо-дидойские народности раньше были известны под названием маḡларула-маḡларулал — горцы (маḡлар — гора). Кумыки и ныне называют всех горцев, за исключением лезгин, "тавлулар" — "горцы" (тау — гора). Интересно, что под термином

"тавлу" многие годы бытовали и горцы Северного Дагестана и другие северо-кавказские народы. В частности, еще в X в. известен этноним кабардинцев — "тавли". Отсюда можно заключить, что термины "лек", "леки", как "mag1арул", "тавлу" означают понятие "горец", "горцы", однако термины "лек" и "леги" распространены были для обозначения собственно лезгин и лезгинской группы народностей" [50].

"Леки — это, несомненно, — свидетельствует далее Ихиллов М., — нынешние лезгины, с глубокой древности живущие на территории, занимаемой ими в настоящее время. Частое употребление в Грузии терминов "лек", "лекеби", а в Азербайджане — "лезгияр", послужило причиной того, что под лезгинами стали подразумевать всех жителей горного Дагестана. Между тем с термином "лезгин" надо увязать, собственно, самих лезгин и народности близкой к ним языковой группы" [50].

Следует указать и на то, что народы Дагестана называли друг друга всегда правильно и точно. Кумыки, например, а за ними и русские жителей нагорного Дагестана именовали тавлинцами (т.е. горцами). Сами себя аварцы и народы андо-цезской группы, как правило, называли по имени общества, к которому принадлежали (андалалцы, гигатлинцы и т.д.), или по названию главного селения: андийцы, ботлихцы, картины, ахвахи, тиндинцы, бежтинцы, хваршины. Одновременно имелось и более общее название маарулал (горцы "от меэр" — гора); для обществ же Аварии, живущих в ущельях, где находились фруктовые сады, — хиндалал. Соседние народы Дагестана называли аварцев яруса (лаки) и каракан (даргинцы).

Лаки сами себя называли лак, а свою территорию — Лакрал-Кану [32]. Аварцы называли лаков — тумау, даргинцы — вулугуни, вулегуни, вуллеко. Но нередко лаков в Дагестане и за его пределами называли также казикумухцами по имени их административного центра.

Даргинская группа народностей именовала себя чаще всего по имени главного селения общества — акушинцы, цудахарцы, урахинцы. Соседи также называли даргинцев по имени их главных селений. Только лаки всех даргинцев нагорного Дагестана называли общим именем бартхи, а кумыки предгорных и нагорных даргинцев — дарги-ляр. Даргинцы же называли кумыков дирка-ланти, аварцы — тляралял, лаки — арниллса [32]. Все эти названия означали жителей равнин, степей [32]. О численности населения Дагестана в целом и отдельных его народов в XVIII в. не имеется сколько-нибудь достоверных статистических материалов. Феодалы владетели Восточного Кавказа, как известно, никогда не производили учета народонаселения. Имеющиеся в местных источниках данные говорят только о селениях и обществах, входящих в то или иное политическое объединение.

Сведения о численности народонаселения Дагестана и его отдельных народов впервые стали появляться в русских источниках. Но русские документы первой половины XVIII в., как правило, ограничиваются перечислением народностей, описанием их расселения и общим указанием на малочисленность или многочисленность населения того или иного владения. В лучшем случае в них имеются данные о числе дворов в селениях. Относительно достоверные сведения, позволяющие судить о народонаселении Дагестана, собрали русские путешественники и военные обозреватели в конце XVIII в.

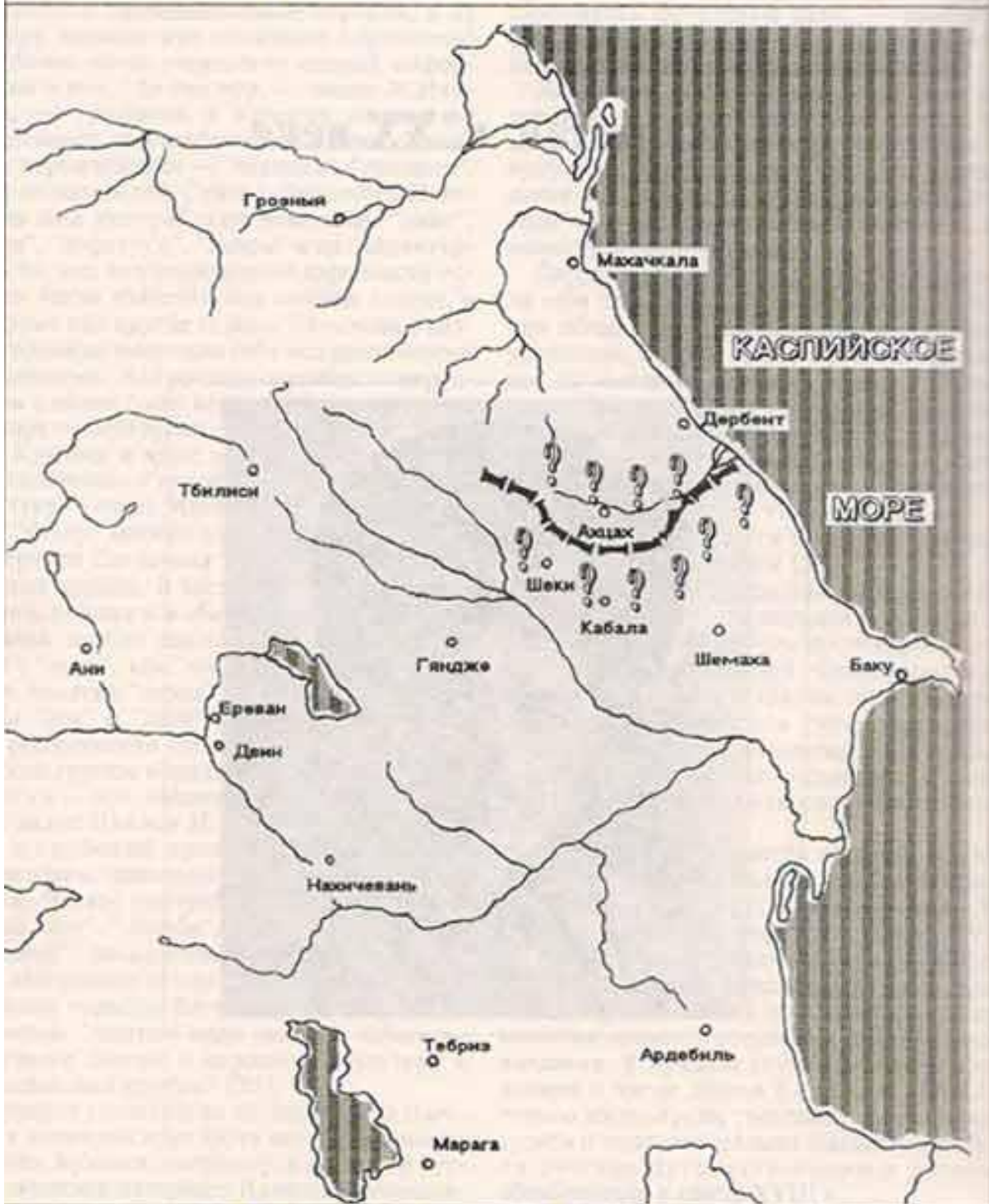
Нормальному росту народонаселения Восточного Кавказа мешали междоусобицы и особенно опустошительные нашествия иноземных захватчиков, в результате которых гибла масса людей. Выше приводится таблица численности народов Дагестана XIX века, она характеризовала соотношение численности этих народов и в XVIII в.

Глава девятая

Лезгистан в XX веке

КАВКАЗ В XX В.

9.1. В ПОИСКАХ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО

Самое крупное событие начала XX в. — это революция в России. С нею связан весь период радикальных перемен, начавшийся задолго до октябрьского переворота 1917 г. и продолжившийся после него. В контекст революционных потрясений вошло и то, что происходило на Восточном Кавказе.

Анализируя состояние социально-экономического развития многих районов Кавказа за период от покорения его Россией до Октябрьской революции, следует отметить, что здесь значительными темпами развивалась земледелие, садоводство, животноводство, кустарная промышленность и промыслы. Установление прочных экономических, политических и культурных связей с Россией положило начало восстановлению и подъему культуры многих народов Восточного Кавказа, хотя в условиях колониальной политики царизма этот процесс шел очень медленно.

Более 130 лет назад русский историк Н. Глиноецкий писал: "Лезгин серьезен, положителен, постоянно занят возможно лучшим устройством своего быта; во всех делах лезгин как будто бы сознает, что он должен трудиться не только на себя, но и для потомства.

Взгляните на дома лезгин, на их сады; везде видно, что они заботятся о том, чтобы все это было прочно и долговечно. Это поразительная черта их характера как-то не ладится с известной их воинственностью...

Лезгины воинственны, эта правда, что вполне понятно, вследствие сурового характера их Родины (не только из-за постоянной борьбы с внешним врагом), но о них нельзя сказать, чтобы они были войнолюбивыми. Войнолюбивый и хищнический народ не станет заботиться об устройстве своего благосостояния, как это делает лезгин.

В Закавказье лезгины считаются самыми лучшими, самыми смышленными работниками" [1].

Таким сложился национальный характер и быт лезгин до окончательного утверждения России на Кавказе.

С покорением Кавказа Россией лезгины, как и многие народы этого региона, потеряли не только государственность, но и всякую самостоятельность. Более того, во время очередной Российской административной реформы на Кавказе в 1860 году лезгинский народ был расчленен: часть лезгинского народа оказалась на территории впервые созданной Дагестанской области, а другая — была поделена между административными единицами, созданными севернее реки Куры в Закавказье. Доктрина "разделяй и властвуй" была всецело использована в отношении лезгинского народа.

Во второй половине XIX в. в Восточном Кавказе возникли и стали развиваться капиталистические отношения. Как известно, г. Баку был одним из индустриальных центров России на Кавказе. "Почти вся нефть добывается в Бакинской губернии, — писал В.И. Ленин в работе "Развитие капитализма в России", — и город Баку из ничтожного города сделался первоклассным в России промышленным центром... Число занятых в горной промышленности Кавказа рабочих возрастало также чрезвычайно быстро [2].

В поисках заработка в Баку со всего Кавказа, Поволжья, Иранского Азербайджана, Турции направлялись бедняки, батраки, разорившиеся кустари и крестьяне. Массовому переходу тюрков из Иранского Азербайджана, Турции способствовало и то обстоятельство, что Россия оказалась более демократическим государством, чем Иран и Турция с их чрезвычайно деспотическими режимами. С 80-х годов XIX века сотни тысяч татар (так в то время называли тюрков в Закавказье) ежегодно переходили из Иранского Азербайджана в Баку. Сказанное подтверждается азербайджанскими научными

источниками. В частности М. Исмаилов, в монографии "Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма", пишет: "Отходничество из Северо-Западного Ирана в Россию, принявшее с 80-х годов XIX в. массовый характер, к 1905 г. достигло не менее 300 тыс. человек в год. Большая часть указанных отходников оставалась в Бакинской и Елизаветпольской губерниях" [3]. Согласно последнего источника, население г. Баку в 1843 г. составляло 6198 человек, а к 1904 году выросло до 177000 человек. Население Елизаветполя (Гянджи) за указанное время выросло в 13 раз!

За Северо-Западной частью Ирана исторически закрепилось название Атропата-кан-Азербайджан. При тюрко-татарских завоевательских походах из Средней Азии здесь в основном осело тюркское население. На рубеже XV и XVI вв. в Азербайджане сложилось государство Сефевидов, основанное кызылбашскими (тюркскими) племенами. Столицей этого государства был г. Тавриз. С конца XVI в. азербайджанская знать (в основном турки) потеряла первенствующее положение в Сефевидском государстве; главной опорой сефевидов стали иранская бюрократия и землевладельцы.

За тюрками, перешедшими из Иранского Азербайджана в Закавказье, закрепился этноним "азербайджанцы". Такое обращение в то время было общепринятым: людей выделяли не по национальности, а по месту их происхождения. Например, выходцев из Шеки называли шекинцами, из Кубы — кубинцами, из Самурской долины — самурцами и.т.д., хотя все последние в основном составляли лезгины.

К началу XX века на нефтепромыслах Баку работали лезгины, талыши, таты, татары (азербайджанцы), турки, русские, армяне, грузины и т.д. Баку превратился в интернациональный город. До нефтеразработок Баку, как показано выше, был небольшим городом и основное население его составляли лезгины, таты, талыши. В то время русские, армяне и татары (азербайджанцы) составляли в нем небольшой процент.

Положение рабочего человека на нефтепромыслах было тяжелым. Вот как описывает жизнь рабочих в Баку Кази-Магомед Агасиев: "Жить без чистого воздуха, без ясного неба, без чистой воды, жить полуголодным, работать круглый год с утра до вечера без просвета... — это была картина рабства" [4]. Еще более мрачную картину описывает М. Горький: "В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 году. Нефтяные промыслы остались а памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада... Я не шучу. Впечатление было ошеломляющее. Весь день, с утра до ночи, я ходил по промыслу в состоянии умопомрачения. Было неестественно душно, одолевал кашель, я чувствовал себя отравленным... И земля, и все на ней, люди — обрызганы, пропитаны темным жиром, всюду зеленоватые лужи напоминали о гниении. Песок под ногами не скрипел, а чмокал" (4).

Лезгины, составляя почти третью часть рабочих на предприятиях Баку и более половины — в Дербенте, внесли существенный вклад в защиту интересов беднейших слоев населения.

К.-М. Агасиев, М. Айдунбеков, А. Османов и другие лидеры лезгинского народа в 1904 году создают социал-демократическую организацию "Фарух" (Поборник справедливости"), которая активно защищала интересы рабочего человека. В том же году создается организация "Гуммет" ("Энергия"), которая также стояла на социал-демократических позициях. Возглавляли ее М. Азизбеков, А. Джапаридзе, Х. Сафаралиев, М. Мамедьяров.

В 1911 году возникла организация Мусават ("Равенство"), которая с самого начала стояла на националистических, пантюркистских позициях. Возглавлял эту организацию известный пантюркист Мамед-Эмин Расулзаде — русский татарин, получивший образование в Константинополе (Стамбуле). В качестве всемусульманского деятеля он

работал в Персии, Турции и России. Кроме М.-Э. Расулзаде в работе "Мусават" участвовали также видные пантюркисты как М. Гаджинский, А. Топчибашев, Ф. Хойский.

26 октября 1917 г. пало Временное правительство. Керенский бежал из столицы. В Баку усилилась борьба за власть. Партия "Мусават" призвала мусульман на религиозную войну с иноверцами. Прежде всего с армянами, русскими и грузинами.

Накануне Нового года страшная по жестокости резня произошла в поезде, шедшем из Баку в Тифлис. Мусаватисты ворвались в вагоны с пассажирами и вырезали десятки лиц армянской и русской национальностей: женщин, стариков и детей. Жертвами стали даже солдаты, возвращавшиеся домой с турецкого фронта [5].

Лезгины решили предотвратить дальнейшее обострение межнациональных взаимоотношений. К.-М.Агасиев, Н.Самурский и другие члены организации "Фарух" пошли в массы для разъяснительной работы. Рабочие дружины по ночам патрулировали жилые поселки окраин. "Под особой защитой находились армянские и русские семьи, которые, спасаясь от мусаватистов, покидали дома, оставляя все имущество" [5].

Рис. 9.1. Агасиев Казим-Магомед.

15 января 1918 года при участии Н.Самурского, Н.Зевина, Б.Сардарова, М.Айдунбекова, К.-М.Агасиев провел интернациональное собрание рабочих-уроженцев Бакинской, Елизаветпольской и Тифлисской губерний, Дагестанской и Терской областей. Съехались свыше 80 человек, из них 26 из Дагестана. С докладом выступил К.-М.Агасиев. Идею укрепления братского единства рабочих всех национальностей поддержали русские, чеченцы, армяне, грузины, татары.

Несмотря на усилия погасить националистический пожар, этих настроений держались крепко. Они распространялись и среди солдат, которые сформировались в группы по национальному признаку.

10 февраля 1918 года организация "Фарух" провела новое собрание в Сабунчи. С докладом выступил лезгин Али-Мирза Османов. "Фарух" обратилась к партиям, входившим в состав Совета рабочих и солдатских депутатов, с предложением немедленно разоружить бесчинствующих солдат, организовать интернациональную гвардию. В заключении воззвания говорилось: "Свободолюбивая лезгинская беднота будет бороться до последней капли крови против националистов и контрреволюционеров" [5].

Рис. 9.2. Абдуррахман Мухаммадов.

В марте 1918 г. в Баку партия "Мусават" с целью захвата власти подняла мятеж, который был подавлен бакинскими рабочими под руководством демократических организаций.

28 мая 1918 года было объявлено об образовании Демократической Республики Азербайджан. В июне 1918 г. в Гяндже мусаватисты сформировали протурецкое правительство.

В сентябре 1918 г. турки захватывают Закавказье и власть в республике Азербайджан передают пантюркистам. При этом турки и пантюркисты ликвидировали организацию "Фарух", физически уничтожив ее руководителей. Кроме коммунистических опусов, касающихся "Фарух", из которых ничего невозможно извлечь, мы ничего о ней не знаем. Мы не знаем, сколько тогда людей подверглись физической расправе, поэтому оставляем траурную символическую СТРАНИЦУ, чтобы в будущем описать эту трагедию. Это было трагедией не только членов организации "Фарух" и ее руководителей, но и всего лезгинского народа, поскольку турки, захватив в 1918 году Баку и Лезгистан в целом, привели к власти турок и пантюркистов.

Последнее подтверждается и турецкими источниками. В частности, в книге "Воспоминания о Кавказе" ("Записки турецкого разведчика") Мустафы Бутбая сказано: "Во время первой мировой войны Россия потерпела ряд поражений. Турецкое правительство, потеряв на Востоке свои владения, решало восполнить их землями на побережье Черного моря. С этой целью Турция воспользовалась состоянием России и задумала расширить свои земли за счет захвата Батумского округа. На будущее Турция решила создать на Северном Кавказе Мусульманское государство, которое представляло бы своего рода стену и препятствие между ней и Россией. С этой же целью Турция создала в Баку азербайджанское правительство. Одна турецкая дивизия под командованием Мет Иззет-паши продвинулась далеко на север. Этим самым Турция хотела показать горцам свои намерения в оказании помощи создаваемому горскому правительству. Для того, чтобы действовать в этом направлении, было создано Северо-Кавказское политическое общество. Оно получило материальную помощь от правительства Иттихадистов. После перемирия название этого общества изменилось на Благотворительное общество Северо-Кавказских эмигрантов... Общество себя особенно не афишировало и его члены имели связь только с теми членами партии Иттихад, на которых они могли положиться... Оно полностью было во власти Энвер-паши и Тала-ат-

паши" (6). Так, лезгины и другие коренные народы Кавказской Албании-Лезгистана попали под власть турок и татар (азербайджанцев). С этого времени началась целенаправленная и жесткая тюркизация Кавказской Албании-Лезгистана. Хотя в 1920 году Советская Россия освободила Закавказье от турок, руководство в республике Азербайджан осталось за тюрками, поскольку во время турецкой оккупации лезгинские национальные лидеры были физически уничтожены, а Советская Россия в это время вела протурецкую политику. Об этом говорят факты. Так, например, в греко-турецкой войне 1919-1922 гг. Турция получила огромную помощь от Советской России деньгами (10 млн. руб. золотом), оружием, боеприпасами...

При Советской власти многим народам Кавказа удалось восстановить свою государственность в той или иной форме. Однако лезгинскому народу вследствие захвата Лезгистана турками и осуществленного последними геноцида в отношении лезгин в 1918-1920 годах выполнить эту задачу не удалось.

Поскольку была разрушена цельность народа и его государственность, то очень трудно написать что-то о лезгинском народе в целом. Поэтому попытаемся показать, что сделали и что стало с лезгинским народом через судьбы его некоторых представителей.

Рис. 9.3. Казим Рамазанов.

Рамазанов Казим Рамазанович (1879-1919 гг.). Родился в сел. Уллугатаг Кюринского округа (ныне Сулейман-Стальского района) Дагестана. Учился в Темир-Хан-Шурином реальном училище, затем в Бакинском и Московской офицерских школах. К. Рамазанов — активный участник первой мировой войны. За ратные подвиги имел российские награды. В конце войны попал в плен к немцам, а последние передали его своему союзнику-Турции. Отважного горца турки решили использовать в военных мероприятиях по захвату Кавказа. В 1918 году К. Рамазана вместе с войсками Турции прибыл в Баку. Здесь он

встречается с членами организации "Фарух" и присоединяется к патриотам. Для организации сопротивления туркам "Фарух" направляет К. Рамазанова на север Лезгистана — в Дербент. И здесь К. Рамазанов оказывается в трудной ситуации. С одной стороны турецкие войска, с другой — так называемые белая армия Деникина, с третьей — партизанские отряды горцев. В среду последних турки внедрили своих агентов и вели огромную работу для настроя их против русских. Казиму Рамазанову за короткий срок удалось сформировать из мелких партизанских групп дисциплинированные и организованные боевые отряды. Своей умелой работой, смелостью и отвагой Казим Рамазанов снискал любовь и доверие партизан, он воодушевлял бойцов, поднимая их на дерзкие атаки против врагов. Он разоблачал турецких офицеров и лазутчиков, их коварные замыслы закрепиться военным путем на Восточном Кавказе. Турки начали против Казима Рамазанова настоящую охоту. Во время штурма Дербента, по указу командира экспедиционных турецких войск Казимбея, К. Рамазанов из-за угла был убит.

Рис. 9.4. Мовсес Силиков.

Силиков Мовсес (1862-1937 гг.). удин (представитель лезгиноязычного народа), военный деятель, генерал-майор русской армии. Окончил Московскую военную гимназию, Александровское военное училище, офицерскую стрелковую школу. С 1884 г. служил в русской армии, пройдя путь адъютанта до командира дивизии. Накануне первой мировой войны 1914-18 гг. являлся помощником коменданта Еревана. В годы первой мировой войны участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте. Командуя полком, а затем Венской группой войск полковник М. Силиков отличился при взятии Муша, Битлиса, при штурме Эрзрума, после взятия которого был назначен его комендантом. За боевые заслуги был награжден многими орденами, Георгиевским оружием и произведен в генерал-майоры.

После развала Кавказского фронта и ухода русских войск, М. Силиков вышел в отставку. Однако в январе 1918 г. был назначен командиром первой Армянской стрелковой дивизии. За короткий срок М. Силиков создал боеспособные регулярные части. Вскоре М. Силиков был назначен командующим Ереванской группой войск. В мае 1918 г., когда турецкие войска, заняв Александрополь, начали наступление на Ереван, М. Силиков принял общее командование регулярными войсками и ополченцами. Армяне сознавали, что от исхода сражения зависит судьба народа, решается вопрос — быть или не быть Армении. В сражениях при Сардарапате и при Баш-Апаране турецким войскам было нанесено поражение, в результате которого была устранена нависшая над Араратской долиной угроза вторжения турецких захватчиков. В этих сражениях проявился незаурядный полководческий талант М. Силикова. Участник Сардарапатского сражения,

будущий Маршал Советского Союза И. Баграмян впоследствии отмечал, что М. Силиков был "наиболее одаренным военачальником из всех генералов того времени"...

Благодаря одержанной в Сардарпатском сражении победе, значительная часть Восточной Армении была спасена от захвата турками, были созданы условия для восстановления армянской государственности. 28 мая 1918 года была провозглашена республика Армения.

Осенью 1920 г. М. Силиков командовал войсками на Карско-Александропольском фронте, стремясь сдержать продвижение во много раз превосходящих сил противника...

После увольнения из армии М. Силиков работал в ряде советских учреждений. В 1937 г. был репрессирован, реабилитирован посмертно.

Нажмудин Эфендиев (Самурский). Родился в 1882 г. До оккупации Закавказья турками работал в Баку, активно участвовал в "Фарухе". После оккупации Закавказья турками, переехал в Астрахань, включился в работу в XI Армии Советов, надеясь, по-видимому, с ее помощью освободить Лезгистан от тюркской оккупации. Активно работает в XI Армии, став вскоре начальником политотдела. Знакомится с Лениным, Сталиным, Кировым, Орджоникидзе. С двумя последними находился в дружественных отношениях.

В 1920 году приезжает в Дагестан.

В 1921 году его избирают председателем ЦИК Дагестана. Фактический основатель Дагестанской республики.

Профессор А. Агаев пишет: "С приходом Н. Самурского состоялось заседание Дагревкома, на котором его избирают заместителем председателя ревкома Дагестана. "С первых же дней, — пишет А.Агаев, — Самурский произвел огромное отрадное впечатление на работников ревкома своими личными качествами. Собран, деловит, откровенен, прямодушен. Обладает тонким политическим чутьем. Образован в военном, политическом и техническом деле [5].

Остро стоял в это время в Дагестане вопрос с продовольствием. Положение осложнялось тем, что подразделения XI армии практически реквизируют мясо, масло, сыр, хлеб у населения по твердым ценам, установленным наркомом продовольствия РСФСР по законам военного времени. "Проанализировав фактическое положение дел, Н.Самурский встретился с Лавровым — начальником продотряда XI армии. Состоялся нелестный разговор..." [5].

Сообщая об этих фактах Орджоникидзе, Н.Самурский обрисовал в письме катастрофическую нужду горцев в хлебе, предметах первой необходимости. "Население горных округов буквально раздето. В Даргинском и Андийском округах изданы приказы, чтобы до 12 часов дня мужчины не выходили из домов, дабы дать возможность нагим женщинам сходить за водой и управиться по хозяйству". И далее: "Для похорон мусульман нет саванов. Для того, чтобы похоронить мертвеца, замазывают его глиной или ближайший родственник снимает с себя последнюю одежду". Для того, чтобы одеть свои голые семьи, горцы продают последний скот и имущество.

Спекуляция на этой почве развилась до гиперболических размеров" [5].

"Мольбы, ходатайства, убедительная просьба о помощи голодному и раздетому Дагестану не оставались без внимания. Уже весной 1920 года Дагестан получил денежную помощь. С лета она увеличилась во много раз. Железной дорогой и морем поступали в область пшеница, кукуруза, керосин, соль, сахар, мануфактура" [5].

Казалось бы, вопрос решен. Но нет. Бедствующий народ находится в сотнях верст от станций и городов. Государственного транспорта нет, кругом бездорожье... Решение и

этой проблемы пало на Самурского как на заведующего транспортным отделом ревкома Дагестана. Самурский организует частный транспорт по твердым ценам да перевозки всего необходимого в горные села...

Рис. 9.5. Нажмудин Самурский

"Не пришел Самурский в восторг, — пишет профессор А.Агаев, — увидев, как относятся к различным ходокам, просителям, жалобщикам в отделах областного ревкома. Вчерашние лихие командиры партизанских отрядов, заняв руководящие должности в органах Советской власти, очень быстро переродились в волокитчиков, бездушных и черствых чиновников" [5]. 31 мая Самурский подписал жесткий приказ N21. В нем говорилось: "Власти грубо обращаются с просителями и жалобщиками... Они не спешат выслушать их просьбы и жалобы, не вникают в письменные заявления, задерживают жалобщиков по несколько дней... Такое отношение к делу и народу является отрицающим всякие основы Советской власти... Товарищи, стоящие у власти, должны быть самым широким образом доступны народу, должны иметь дежурных переводчиков, которые переводили бы жалобы или излагали заявления безвозмездно. Обращение с жалобщиками и просителями должно быть не только приветливым, но и ласковым, теплым, братским" [5].

В конце приказа Н.Самурский счел необходимым еще раз напомнить работникам органов Советской власти: "Народ запуган и измучен старым режимом, но не знаком еще с новым строительством, он неграмотен, при отсутствии путей сообщения он делает большие расходы, чтобы дойти до властей, неся бремя своей жалобы. Он должен войти в советский дом, как в свое родное убежище, и выйти из него, оставив там тяжесть, вполне удовлетворенным и с проясненным сознанием. Обращение с народом есть та же агитация, то же строительство Советской власти" [5].

К концу мая относятся первые поездки Самурского по городам, чаще по окружным и сельским ревкомам. Он побывал в Кадаре, Буглене, Дженгутае, добрался до Левашей,

проник в Цудахар и, перевалив через гору, — в Сергокалу. На обратном пути ознакомился с жизнью и обстановкой в Губдене, Карабудахкенте и через горы, минуя Порт-Петровск, возвратился в Темир-Хан-Шуру. Привез массу впечатлений и идей.

Жители аулов часто жаловались Самурскому на несправедливые аресты. Он воспринимал подобные аресты как провокацию, настрой населения против Советской власти.

К.Н.Самурскому поступило заявление — от жителей Ботлиха о примирении кровников. Трагедия произошла прозаически: "Магома Курбан был убит своим односельчанином Саидовым ночью, во время похищения воды у Курбана, за пять минут до окончания срока пользования общественным водопроводом, орошающим земли Ботлиха" [5]. Н. Самурскому удалось предотвратить дальнейшее обострение отношений между тухумами, кровники примирились. В Нагорном Дагестане Самурскому открылся сложный социально-этнический и культурный мир.

Н.Самурский постоянно находится в гуще людей, проводит встречи, конференции, съезды. По прибытии Самурского со съезда бедноты в Гунибе обком партии сразу же предложил ему съездить в Тифлис. "Предстояло решить некоторые принципиальные вопросы, касающиеся взаимоотношений Дагестана и Грузии, обсудить вопросы, касающиеся грузин и дагестанцев, расселенных вдоль границы. Важно было добиться, чтобы аварские, дидойские и андийские барано-воды-кочевники могли беспрепятственно перегонять скот на зимние пастбища, расположенные на грузинской территории.

Руководители Грузии, как позже писал Самурский, встретили его "очень хорошо и охотно пошли навстречу всем нуждам Дагестана. Было, кроме того, закуплено товаров на 120 миллионов рублей. В том числе хлеба, риса, кишмиша, мануфактуры. Приобрел типографию иностранного производства для областных газет. Среди закупок много сельскохозяйственной техники (плуги, бороны и др.)" [5].

Вскоре после возвращения из Грузии Самурский опять совершает большую поездку по Дагестану для знакомства с положением дел на местах и жизнью народов Дагестана. "Объездил все округа, — пишет профессор А.Агаев, — невзирая на летнюю жару и суховеи, бездорожье, малярию, вспышки тифа, проказы, чесотки и грабежи, осуществляемые бандитами на проездных дорогах" [5].

Основное содержание выступлений Самурского перед населением округов — о текущем моменте; о наборе добровольцев в ряды дагестанской бригады; о продовольственном налоге; о мероприятиях по улучшению экономической и культурной жизни народа и т.д.

Поездку начал с Ботлиха. 30 июля 1921 года выступил перед населением округа. Далее маршрут его был таким: 2 августа — Гуниб, 6 августа — Кумух, 8 августа — Леваша, 8 сентября — Маджалис. С участием Самурского прошли съезды еще жителей в Дербенте, Ка-сумкенте, Ахта и Хасавюрте.

Как результат поездки по округам появился обстоятельный документ, названный Самурским "Докладом". Он был направлен руководству обкома партии и ревкома. Главное в "Докладе" — беспокойство за состояние работы в округах: "Переходя теперь к суровой жизни самого дагестанца, приходится констатировать, что власть на местах до сих пор не подошла близко к народу, не сроднилась с ним, не сумела подойти к бедняку, а последний не видит в ней свою защитницу. Слишком много было обещано властью, и слишком мало дано. Конечно, тут немалую роль сыграла гражданская война, но тем не менее факт, что власть на местах в большинстве случаев не начала созидать, а ведет интригу, которая и мешает мирному налаживанию жизни" [5].

1-7 декабря 1921 г. состоялся Учредительный Вседагестанский съезд Советов. Он завершал процесс перехода политической власти от ревкомов к выборным органам

Советской власти и учреждению автономной государственности. По докладу Д.Коркмасова, съезд обсудил и принял первую Конституцию ДАССР. Затем состоялись выборы Дагестанского Центрального Исполнительного Комитета в составе 56 человек. Председателем президиума ЦИКа избран Н.Самурский, а Д.Коркмасов был утвержден председателем Совнаркома республики.

Н.Самурский, став главой республики Дагестан, в первую очередь, поднимает вопрос о реальной самостоятельности республики, поскольку последняя в это время подчинялась Юго-Восточному бюро, находившемуся в Ростове-на-Дону. Поэтому никакие вопросы дагестанское руководство не могло решить самостоятельно, а шаблонное руководство из Ростова приводило к отрицательным результатам. В связи с этим в "Докладной записке", направленной в Политбюро ЦК ВКБ(б) Н.Самурский отмечал: "Пятимесячный опыт показал, что Юго-Восточное бюро осуществляет руководство без учета местных особенностей, направляет на места уполномоченных, не считающихся со своеобразием нашего быта, культуры. Результатом их непродуманных действий является отстранение от работы целого ряда проверенных товарищей. По настоянию уполномоченного ЮВБ В.Нанейшвили, три наркома Дагестана были отданы под трибунал. А последний их оправдал" [5].

На основе конкретных примеров Самурский делает вывод: "Подчинение Дагестана Ростову является в рамках новой экономической политики явным тормозом хозяйственного развития Дагестана. Поэтому представляется целесообразным и насущно необходимым выделить ДАССР в самостоятельную хозяйственную единицу и подчинить ее непосредственно Совету Труда и Обороне" [5].

Прошел весь 1922 год — Центр не отреагировал положительно на сигнал Самурского. Не принес перемен и 1923 год. Край стал открыто препятствовать прямому подчинению Дагестана Москве.

Несмотря на отчаянное сопротивление Ростова, Самурский и возглавляемый им ДагЦИК, продолжали настаивать на реальной автономии. Борьба за самостоятельность Дагестана продолжалась еще полгода. Лишь 1 апреля 1925 г. Самурский в докладе IV Вседагестанскому съезду Советов доложил "Первый вопрос — о выделении Дагестана из Юго-Восточного края и установлении непосредственной связи с Москвой. Здесь дагестанское правительство с гордостью може-заявить, что решение третьего съезда, имеющее чрезвычайное значение для нашей республики в смысле поднятия как хозяйства, так и культурной жизни, выполнено вполне..." [5].

Реальная автономия Дагестана, как ее мыслил Самурский, не могла существовать без своего бюджета, самофинансирования и хозяйственной самостоятельности. Отсюда следовало, что все предприятия, действующие на территории республики, должны подчиняться ее правительству и приносить ему доход.

Между тем именно в этом вопросе разошлись интересы Дагестана и Центра. Камнем преткновения стали рыбные промыслы и рыбная промышленность, дававшие значительную товарную продукцию, шедшую на экспорт, и приносящую немало средств в казну РСФСР. Споры по этой статье тянулись без малого три года. В конце концов они увенчались победой Дагреспублики во главе с Н.Самурским [5].

В 1926 году борьба развернулась вокруг нефтяных месторождений ДАССР. Этой проблемой Самурский занимался еще с 1920 года. "Надо ли здесь говорить, — пояснял он, — что от своевременной эксплуатации нефтяных залежей нашей республики во многом зависит быстрый темп индустриализации Дагестана, а следовательно, вовлечение в производство горской бедноты, приобщение ее к культуре" [5].

После долгих препирательств Самурскому удастся вернуть нефтяные районы Дагестана, которые до этого были в ведении Нефтетреста, находящегося в Грозном.

Перед осенней сессией 1921 года Самурский занимался вопросом законодательное замены продразверстки продналогом. По поступившим из центра документам на территории всей страны вводился единый продналог Каждое крестьянское хозяйство должно было 15 процентов произведенного продукта (в виде хлеба, мяса, масла, шерсти и др.) отдавать государству. Хотя закон не подлежал обсуждению и должен был повсеместно выполняться в одинаковой мере, Самурский счел закон обременительным для дагестанского крестьянства. Тем более, что крестьяне Дагестана, исповедующие ислам, испокон веков ежегодно 10 процентов своего урожая и иных произведенных продуктов отдавали мечети в виде заката, в фонд помощи бедным. Итого 25% должно было уходить из хозяйства. Многовато. К тому же, если учесть, что в Дагестане сами по себе урожаи и надои невелики.

Не успев распутать этот вопрос, Самурский по делам выезжает в Ботлих. У подножия горы машина попала под камнепад, Самурский получил рану, да столь серьезную, — ему грозила гангрена, — что пришлось срочно ехать в Сухуми, где работали искусные хирурги — травматологи.

Пока Самурский находился на лечении дагестанские крестьяне стали проявлять недовольство. Особенно бедные, которым нечего было отдавать государству, поскольку сами еле-еле сводили концы с концами.

Больному Самурскому стали поступать сообщения о затруднительном положении крестьян и о том, что никто в Дагестане не хочет их понять. Писал, в частности, председатель Аварского окрисполкома М.Эльдаров: "Шлю Вам сердечный привет, желаю поправиться и скорее приехать в бедный, несчастный без Вас Дагестан. Не думайте, что Вас хвалю здесь. Скажу только от себя, что без Вас нет выхода и не знаешь куда и к кому обратиться со своими слезами, поделиться горем в связи с беднейшим положением округа. Работаю как дьявол, но нигде этого незаметно. На нас никто не обращает внимание, вас и покойного Хизроева цена нам, аварцам, теперь — четыре копейки" [5].

Как только позволило здоровье, Самурский выехал из Сухуми в Тбилиси, в Союзный комитет Закавказской Федерации, за продовольственной помощью. 6 августа 1922 года газета "Красный Дагестан" сообщила: "Самурский вернулся из отпуска по поводу лечения болезни и приступил к работе", а уже в номере за 11 сентября поместила информацию "Щедрая помощь": "По инициативе и представлением т. Самурского, Союзный Совет объединенных Закавказских республик пожертвовал ДАССР десять вагонов хлеба. Великое спасибо жертвователям и т. Самурскому, так плодотворно использовавшему предоставленное для его лечения время. Дагестан не забудет оказанной ему услуги" [5].

Приехав в Дагестан, взяв ответственность на себя, Самурский существенно изменил размеры продналога, установленные центральными законодательными органами, и утвердил их на сессии ДагЦИКа. Хозяйства, имеющие посевов менее четверти десятины, в хлеву-менее двух голов крупного рогатого скота и не более 12 овец и коз, вообще освобождались от налога. А таких в республике оказалось свыше 80 процентов. В информации о сессии, опубликованной в "Красном Дагестане" 16 октября 1922 г. отмечено: "Тов. Герасимов обращает внимание, что Верховное наблюдение за работой по продналогу началась в Дагестане лишь с приездом т. Самурского, который чутко прислушивается к голосу дагестанской бедноты и защищает ее интересы. При т.Самурском прошла вся работа по видоизменению декрета о едином продналоге применительно к местным условиям" [5].

Между тем голод, начавшийся в Дагестане в 1920 году, продолжался и в последующие годы. Голодали Украина и Поволжье. Всемирный католический центр также оказывал

помощь голодающей России. Руководил этой организацией известный норвежский исследователь Арктики — Ф.Нансен. Самурский непосредственно обратился к нему, и Нансен обещал сделать все возможное, чтобы помочь Дагестану.

Особенно тяжелым оказался 1923 г. В конце июня Самурский находился в Москве, когда А.Тахо-Годи прислал ему тревожную телеграмму: "На горные округа обрушились ливни и крупный град" [5].

"Самурский, — как пишет профессор А.Агаев, — обратился за помощью в самые высокие общесоюзные государственные инстанции, в первую очередь к председателю Совета Труда и Оборона Л.Каменеву и получил помощь деньгами, строительными материалами, мануфактурой" [5].

Вернувшись в Махачкалу утром 24 июня, Самурский объездил близлежащие аулы, где свирепствовал голод. Корреспонденту "Красного Дагестана" он сказал: "... над Дагестаном тяготеет какой-то рок. Эпизоотией истреблено до 70 процентов скота... Путем невероятных усилий и жертв нам удалось приостановить хозяйственную разруху. Мы отремонтировали каналы, обсеяли поля, подправили виноградники, сады. Но вот появилась саранча. Только одолели саранчу — выползли тысячи грызунов, и в довершение — яростный циклон, невиданные по силе ливни и ужасный, уничтожающий на своем пути все живое град..." [5].

Собрав необходимый материал, 27 июня 1923 г. Самурский пустился в обратную дорогу в Москву. Самурский повез не только предложения о помощи, но и ряд других рекомендаций: по мелиорированию земель между Сулаком и Каспийским морем, восстановлению и развитию кустарной промышленности, постройке новых промышленных предприятий. В то время он уже руководил строительством заводов "Дагдизель", "Дагестанские Огни".

Ввиду недостатка влаги район Порт-Петровска был лишен многолетних насаждений. Поэтому по инициативе Самурского дагестанское правительство решило построить канал по доставке воды из р. Сулак. Разработка канала бала поручена ахтынцу Видади Эмирову. В октябре 1921 года газета "Советский Дагестан" писал: "Один из известнейших инженеров России всей душой предан интересам трудящихся... Он мозг дела. На нем лежит вся тяжесть технического руководства, вся ответственность за математическую сторону и обоснование дела. Честь и слова таким редким и преданным спецам".

Около двух лет строили канал. Дагестанские народы проявили чудеса трудолюбия, что было отмечено правительством России — Дагестан был за этот подвиг награжден первым орденом. Орденом Трудового Красного знамени были награждены Н. Самурский, В.Эмиров, Д. Коркмасов.

В 1923 году на сессии Всероссийского ЦИКа Самурский в первый раз официально поставил вопрос об электрификации Дагестана. "Нам надо использовать, — говорил он, — горные потоки и водопады для получения даровой энергии. Вопрос этот имеет не только экономическое, но и политическое значение" [5].

"Красный Дагестан" 2 августа 1926 г. сообщил: "Долго ждавший своего разрешения вопрос об электрификации наконец вступил на путь своего практического разрешения. 28 июля 1926 года — интересная и знаменательная дата в истории нашей молодой республики: заключен договор на постройку двух гидроэлектрических станций на реке Кара-Койсу возле селения Гергебиль в 4000 лошадиных сил и в селении Ахты в 600л. с [5].

Исключительно остро в то время стоял вопрос о дорожном строительстве. "Я не ошибусь, если скажу, — говорил Самурский, — что восстановление дорог и проведение новых не только является вопросом приобщения отсталых и далеких округов к культурной

жизни, но без улучшения и проведения дорог не может быть и речи об улучшении хозяйственной жизни горца-бедняка".

Большую роль в строительстве дорог в Дагестане сыграл Гаджимет Алиматович Сафаралиев, который с 1932 года возглавлял Дортранс. Успехи у дорожников были настолько внушительны, что республика была дважды удостоена переходящего Красного знамени по РСФСР, а Г. Сафаралиев награжден орденом Красного Знамени. Это о нем написал в 1934 году Н. Тихонов очерк "Бог дорог", где особо подчеркнул выдающийся личный вклад Гаджимета в дорожном строительстве Дагестана. Однако вскоре он стал жертвой произвола: в 1937 году Гаджимет Алиматович был обвинен в принадлежности к буржуазно-националистической группе Дагестана и осужден. На допросах в ходе "следствия" подсудимый подвергался физическим истязаниям: он был искалечен, потерял слух, значительно повреждено зрение...

Немало заслуг перед Дагестаном и у брата Алимета — Нурмета — секретаря Обкома комсомола Дагестана тех лет. В 1936 году Нурмет был командирован в Ленинград для строительства первого винного завода за пределами Дагестана. Через год была пущена 1 линия завода на берегах Невы.

С началом войны Нурмет добровольно уходит на фронт: был ранен, получил военные награды. После войны вернулся на родной завод и возглавлял его до 1957 года Эстафету руководства заводом принял старший сын Нурмета — Сергей Сафаралиев, при котором завод стал одним из крупнейших в бывшем СССР, а марочные изделия завода пользуются заслуженным признание не только в России...

И еще об одном. В эти годы имело место стихийное переселение крестьян на плоскость. Чтобы оказать им помощь в переселении на земли орошаемые, каналом им. Октябрьской революции, Самурский добился в Совнарком РСФСР на эти цели 3.117500 рублей золотом [5]. Вместе с тем на VI съезде Советов ДАССР Самурский высказался против сплошного массового переселения крестьян с гор: "Ингушетия переселила всех горцев на плоскость, забросила горы, не использует прекрасные природные возможности в горах. Возможен ли, приемлем ли такой подход к переселению? Абсолютно невозможен. Мы знаем богатства Нагорного Дагестана, мы знаем его природные условия. Перед нами стоят задачи полного использования богатств наших гор. В этом отношении установка должна быть такая: теперь же наметить пути развития горного Дагестана в сельскохозяйственном отношении. Исследование покажет, можно ли там развести альпийское или молочное хозяйство, маслоделие или сыроделие. Мы убеждены, что там необходимо отказаться от кочевого образа жизни, и перейти к оседлому. Может быть, там можно будет производить травосеяние, тем самым обеспечить мелкий рогатый скот кормом на зиму. Если же нам удастся организовать в нагорных округах молочное хозяйство, мы тогда имели бы возможность снабжать молочными продуктами также рабочие центры, как Баку, Грозный и другие, и этим поднять благосостояние нашего населения. Я лично верю в эту перспективу, так как изучал этот вопрос" [5].

Самурский находится в постоянном непосредственном общении с народом в различных регионах Дагестана. "Практика показала, — писал Самурский, — что поездки представителей центральной власти на места, сопровождающиеся созывом беспартийных крестьянских конференций и съездов, инструктированием местных органов власти, являются лучшим методом живой связи правительства с населением. Поэтому поездки эти должны быть введены в систему... В последнюю нашу поездку были созваны четыре беспартийные крестьянские конференции и тридцать с лишним сходов, причем на этих конференциях и сходах правительство отчитывалось о своей работе, знакомило население с советским строительством, указывало дальнейшие перспективы. На них выявлялись вопросы, принимались соответствующие постановления" [5].

В печати можно найти отзывы участников подобных мероприятий. Ш.Микаилов (Гунибский округ) в заметке "Лицом к деревне" [3] отметил: "Много пользы населению принесли беспартийные конференции, устроенные председателем ДагЦИКа т. Самурским в самых глухих аулах нагорных округов.

Эти конференции, помимо поднятия авторитета Советской власти среди крестьянских масс, знакомили последних с действиями правительства, а практическим органам они давали возможность непосредственно изучать нужды бедноты" [3].

По итогам обследования Самурским горных округов Президиум ДагЦИКа, Совнарком и ряд наркоматов приняли свыше 60 решений. А в октябре 1926 года Самурский выступил с докладом "О культурно-экономических мероприятиях" на пленуме Обкома партии. Для осуществления этих решений требовалось не менее трех миллионов рублей дополнительных бюджетных ассигнований. Где их взять? Опять обращаться за помощью к Москве? Дагестан и так уже стал иждивенцем. Еще в 1923 году, получив в очередной раз бюджетную помощь Советского правительства, Самурский на сессии ДагЦИКа отмечал: "Это благоприятное обстоятельство не дает нам права и дальше надеяться на столь щедрую поддержку Центра. Нужно напрячь все силы, чтобы увеличить наши доходы"... [5]. А в 1925 году, после того как Самурский добился в Москве ассигнований на дорожное строительство, он говорил: "Но мы должны твердо знать, что Союзное правительство не может тратить миллионы на это дело, поэтому мы должны привлекать к дорожному строительству само население и отпускать средства из местного бюджета..." [5]. Вскоре на пленуме Обкома, Самурский отметил, что "неудобно вновь запрашивать помощь Москвы на неотложные хозяйственные мероприятия. Вы меня, конечно, не можете подозревать в том, что я не хочу просить денег. Обо мне говорят, что я самый большой мешочник... Еще раз повторяю, что, если мы получим три миллиона рублей, я буду очень рад... Если мы получим указанную сумму, я потанцую вам лезгинку" [5]. Но в то же время Самурский считал, что Дагестан должен стоять на своих ногах.

Огромна заслуга Н.Самурского в культурно-национальном строительстве в Дагестане. В этот период в решении весьма непростых проблем в полной мере учитывались своеобразие конкретных условий и заинтересованность каждого из дагестанских народов в развитии своей национальной культуры и задачи совокупного художественного прогресса в рамках исторически сложившегося многонационального региона.

2 июня 1920 г. Н.Самурский и секция охраны памятников искусств и старины обратились с воззванием, напечатанным в периодической печати, в котором говорилось: "Каждый гражданин-горец обязан хранить и не допускать продажу и вывоз за пределы Дагестана находящихся у него произведений искусства: старинных предметов вооружения горских народов, кремневых ружей, пистолетов художественной работы, шлемов, кольчуг, мечей, щитов, пороховниц и пр., художественных картин, рисунков, портретов исторических и современных деятелей и народных героев, старинных предметов домашнего обихода художественной работы, книг, пергаментов, грамот и пр." [7].

Самурский уделял большое внимание народному творчеству. В начале 1922 г. было принято решение приступить к собранию образцов национального фольклора, в частности местных былин и песен для издания их Дагиздатом [8].

Задачам культурного возрождения Дагестана, развитию литературы и искусства во многом способствовали успехи в изучении истории и культуры его народов. Интенсивно работал Институт дагестанской культуры, созданный в 1924 г. при активном участии Н.Самурского. В 1925-1927 гг. вышли три выпуска "Дагестанских сборников" с материалами по истории и фольклору народов Дагестана, подготовленных сотрудниками Института. В 1929 г. Институт издал на русском языке труд выдающегося лезгинского ученого XIX в. Гасана Алкадари "Асари Дагестан".

Дагестану очень нужны были квалифицированные музыкальные кадры. В апреле 1926 г. в Буйнакске был открыт Дагестанский музыкальный техникум (ныне Махачкалинское музыкальное училище им. Г.Гасанова). Огромную роль его организации сыграли представители лезгинского народа — Н.Самурский, Г.Гасанов, Х.-Б. Аскар-Сарыджа. Техникум явился первым специальным музыкальным учебным заведением на всем Северном Кавказе. С самого начала своего существования он стал не только центром подготовки профессиональных музыкантов, но и важным очагом музыкальной культуры в целом. Организатор и первый директор Дагмузтехникума Готфрид Алиевич Гасанов (1890-1965) считал главной задачей нового учебного заведения воспитание музыкально одаренной дагестанской молодежи, подготовку национальных творческих кадров. Решение этой задачи виделось не только в том, чтобы дать горцам профессиональное европейское музыкальное образование, но и в том, чтобы существенно обогатить их знания элементами национальной культуры.

Воплощению этой идеи в жизнь служила организация отделения национальной музыки, целью которого стало воспитание образованных музыкантов в среде коренных горцев [9]. Здесь осуществлялось преподавание народной манеры пения, ашугской импровизации, национальной формы хорового исполнительства, игры на дагестанских инструментах.

С древнейших времен Дагестан (особенно южные районы) славился и кустарными промыслами. Однако гражданская война и разруха больно ударили по кустарям. Важной мерой, способствовавшей возрождению кустарных промыслов и ремесел, было постановление Президиума ЦИК ДАССР "О налоговых льготах кустарям, принятого 10 апреля 1925 г. по инициативе Самурского. Постановление освобождало кустарей от обязательного приобретения патента и от налогового обложения. Они могли свободно заниматься промыслом, продавать свои изделия на рынках [10].

По вопросу восстановления кустарной кооперации в Дагестане Самурский обращается к председателю Совнаркома СССР А. Рыкову. 30 июня 1925 г. газета "Красный Дагестан" поместила информацию о встрече их в Москве и поместила текст резолюции Рыкова на ходатайство Самурского: "Председателю кустосоюза СССР Галанину. Очень прошу выяснить вместе с т.Самурским возможности помощи кустарям Дагестана. Эта помощь нужна не только потому, что горцы Дагестана чрезмерно разорены, но и потому, что развитие кооперации через них и подъем кустарной промышленности имеет большое политическое значение для всего Кавказа" [11]. В результате переговоров получена ссуда в размере 263 тыс. рублей!

В 1926-1927 г. усиливается концентрация власти в партийных организациях, вследствие чего между председателем ДагЦИКа Н.Самурским и секретарем Обкома М.Грановским возникают трения. В сентябре 1928 года ЦК обсудил положение дел в Дагестане. В принятом им решении отмечалось "усиление руководящей роли областной партийной организации". Вместе с тем отмечались "трения в руководящей верхушке", в частности, заявление Самурского о том, что Обком слишком вмешивается в советскую работу, даже по мелочам" [5]. Вследствие этого и Н.Самурский, и М.Грановский переведены в Москву. В Москве Н.Самурский работает в Экономическом совете Российской Федерации в качестве председателя экспертного совещания. Оно занималось экспертизой закупаемых из-за рубежа и поставляемых на внешний рынок изделий промышленности РСФСР.

Работу в Москве Самурский совмещал с учебой в заочной аспирантуре Историко-восточного института красной профессуры.

По предложению директора Института М.Покровского, Н.Самурскому поручили исследовать тюркологическую проблему, в частности, развития Турции от полуколонии к национальной независимости.

В разработке темы ему значительно помог накопленный опыт научных исследований, работа над книгами "Дагестан" (1925 г.), "Из истории гражданской войны в Дагестане" (1923 г.), "Наши достижения и перспективы" (1926), "Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане" (1927 г.) и др).

13 июля 1933 г. Н.Самурский успешно защитил диссертацию по теме "Турция от полуколонии к национальной независимости" на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Ранней весной 1934 г. Самурский возвращается в Дагестан на должность первого секретаря Обкома партии. Такое решение было принято неспроста. Народное хозяйство было в упадке. В 1933 году стеклозавод "Огни" план выполнил только на 59,6%, кожевенный завод — на 67,3%, шерстопрядильная фабрика — на 74,4%, ремонтно-механический завод — на 79,3%. Четыре консервных завода выполнили годовой план лишь на 61%. Начатое при Н.Самурском строительство Гергебильской ГЭС было законсервировано. Число рабочих коренных национальностей с 55,7% в 1929 году сократилось до 30,9% к началу 1934 года. Площадь садов сократилась с 10,0 тыс. га до 4,5 тыс., а виноградников — почти вдвое. Резко уменьшилось поголовье овец и коз [5].

Самурский возобновил формы и методы работы, которые проверял на эффективность, работая в Дагестане председателем ЦИКа с 1921 по 1928 год.

Как и раньше, Н.Самурский непосредственно знакомится с жизнью народов Дагестана на местах, для оказания практической помощи и решения назревших вопросов. "В конце апреля на неделю выехал в Южный Дагестан для знакомства с состоянием промышленности, МТС, рыбных промыслов, колхозов и совхозов, школ, техникумов, лечебных учреждений. Побывал на рыбозаводах, в Манасской МТС, на заводе "Огни", в колхозе "Казбек" аула Падар, в Джемикенте, ковровом техникуме в Дербенте, на Белиджинском МТС, в Касумкенте. Встречался с активом, знакомился с рабочими, колхозниками, выяснял настроение" [5]. Сохранились дневниковые записи Самурского о посещении трудовых коллективов, характеризующие стиль его работы. Они очень поучительны. Вот одна из них. "Ковровый техникум. Прекрасное впечатление производят учащиеся-горянки. Но к ним нет внимания, никто не интересуется их бытом, девушкам не выдают ни масла, ни молока, и они буквально голодают..., заставляют работать, а теоретическим дисциплинам не учат... Нет клуба. Культурная работа среди учащихся практически не ведется... Нет у них ни обуви, ни белья, ходят оборванные... Необходимо к Первому мая выдать обувь, белье, а в Москве приобрести для них шали и прочее. Необходимо добиться в центре, чтобы Всекоопромсовет включил расходы на содержание техникума в план финансирования Севкавпромсовета" [5].

Из этой поездки Самурский сделал для себя немало выводов. Главное — надо перестроить работу обкома партии, правительства. Следует отучить людей от созыва бесполезных совещаний и принятия многочисленных решений. Изюм в день работать непосредственно в гуще масс. В его выступлениях на местах и в центре, в Махачкале, все острее звучала мысль: "Недостаточно только издавать декреты. Необходимо, чтобы они воплощались в дело. Мы отстали от соседей... Нужно агитировать и стараться, чтобы беднота выявила свое собственное лицо..." [5].

Первого мая Самурский вместе с председателем ДагЦИКа М.Далгатом, председателем СНК К.Мамедбековым и другими руководителями республики принимал участие в демонстрации трудящихся в Махачкале. Товарищи по работе после демонстрации разошлись по домам, к своим семьям, а Самурский, как сообщала "Дагестанская правда", "в три часа тридцать минут отправился в горы" [5]. К вечеру он уже был в Гунибе. Наступила ночь, когда в райкоме партии собрался актив. Далее маршрут: Леваша — Коркмаскала — Урахи — Мекеги... "Мы отстали, товарищи, — говорил он на всех

активах. — Мы не поспеваем в ногу с передовыми областями Советского Союза, даже в ногу с теми, впереди которых раньше шли в социалистическом строительстве" [5].

Газета опубликовала материал о поездке по районам под заголовком "Покажем такие же чудеса и на социалистической стройке, какие мы совершали в гражданскую войну". Эти слова, произнесенные Самурским на собрании партизан горного Дагестана, стали как бы девизом для перестройки работы, для активного преобразования края. Н.Самурский, восторженно и радостно встречаемый после пятилетнего отсутствия в Дагестане, повсюду, где он появлялся, активно вторгался в жизнь, вел за собой людей. Вскоре наметились сдвиги в восстановлении и развитии промышленного и сельского хозяйства, культуры народов Дагестана. Документы тех лет показывают, что в республике осуществлялась целенаправленная линия на всемирное развитие литератур народностей Дагестана, создание на родных языках театральных коллективов, усиление работы по подготовке кадров местной творческой интеллигенции, в частности в театрально-музыкальном техникуме" [5].

В октябре 1934 г. бюро обкома партии обсудило вопрос об организации центрального национально-этнографического музыкально-хорового ансамбля с привлечением лучших местных кадров в его состав [12], а в декабре был создан Совет по делам театров народностей Дагестана, на который возложили руководство театральным строительством. На основании этого решения, наряду с существовавшими уже Лезгинским и Кумыкским театрами были организованы аварский, лакский, татский театры. Вслед за этим был создан первый вокально-хореографический коллектив — Национальный Государственный музыкально-этнографический ансамбль (ныне Государственный ансамбль песни и танца Дагестана), первым художественным руководителем которого был Г.Гасанов. Был организован также оркестр народных инструментов. Это был первый опыт соединения национальных культур, который в последующем сыграл большую роль в формировании общедагестанских художественных коллективов, как профессиональных, так и самодеятельных.

В 1936 г. в Дербенте был создан второй Дагестанский этнографический ансамбль имени народного поэта С.Стальского. По свидетельству всесоюзного журнала "Народное творчество", "первые концерты ансамбля в Дербенте и окрестных аулах имели огромный успех" [13].

Отметим еще, что заботясь о повышении идейно-художественного уровня изобразительного искусства республики, под руководством Самурского бюро Дагестанского обкома ВКП (б) приняло постановление, направленное на дальнейшее развитие этого вида искусства [14]. В постановлении намечалось открытие к 15-й годовщине автономии Дагестана художественной выставки, участниками которой могли быть не только дагестанские художники, но и все те, кто работал по дагестанской тематике.

В соответствии с постановлением Обкома ВКП(б) Совет Народных Комиссаров ДАССР от 16 апреля 1936 г. учреждает оргкомитет Союза Художников Дагестана под председательством М.А.Джемала. В состав оргкомитета Союза вошли Х.-Б.Аскар-Сарыджа, Ю.Моллаев, Д.Капаницын, М.К.Юнусилау.

Принятые меры способствовали успешному участию художников Дагестана на Первой Северо-Кавказской краевой-художественной выставке в Пятигорске [15]. Наряду с Х.-Б.Аскар-Сарыджой, М.А.Джемалом в ней участвовали М.К.Юнусилау, Ю.Моллаев, Д.Капаницын, Н.Лаков и молодой Б.Смирнов.

В целях лучшей организации и роста творческих коллективов художественной самодеятельности Дагестана в 1936 г. принимается постановление "Об организации Вседагестанского Дома народного творчества", призванного осуществлять руководство

всеми видами народного творчества на территории республики [16]. Проведение в 1936 г. Вседагестанской олимпиады художественной самодеятельности дало возможность выявить людей, одаренных от природы. Наиболее плодотворной была деятельность молодой Детской изостудии при Доме художественного воспитания детей (ДХВД) Махачкалы. Примечательно, что ее воспитанники участвовали в двух всемирных выставках — в Париже и Нью-Йорке, получили 10 всесоюзных премий на конкурсах детского рисунка [17].

С возвращением Н. Самурского в Дагестан в качестве первого секретаря обкома в 1934 г. народные промыслы Дагестана получают существенную поддержку, Большое значение имело специальное постановление СНК СССР от 8 августа 1934 г. "О развитии коврового промысла в ДАССР". В нем говорилось о необходимости улучшения художественного уровня южно-дагестанских ковров, усилении кооперирования промыслов. Для строительства ковровых мастерских дополнительно выделялось 100 тыс. руб. В целях стимулирования труда ковровщиц Комитету заготовок СССР было предложено обеспечить ковровщиц продовольственными товарами [18].

В 1934-1936 гг. проводится значительная работа по улучшению художественных качеств ковров. В ковровых артелях в 1934 г. вводятся должности старших мастериц, призванных направлять работу надомниц. Одновременно учреждается штат инструкторов производственного обучения.

Традиционное ковроделие Юждага в прошлом основывалось на применении растительных красителей. Корни марены, травы, цветы, листья, кора различных деревьев и кустарников служили основой для их пол-учения. Народные способы крашения позволяли получать насыщенные и мягкие тона, придающие ковровому узору выразительность и изящество оттенков.

В эти годы в селе Ортасталь создается питомник для искусственного выращивания марены, а в селе Микрах открывается красительная мастерская.

В 1934 г. 30 лучших работниц Ортастальской и Архитской артелей были отмечены премиями Экспортного совещания при СНК ДАССР.

Эти и другие меры позволяли значительно увеличить выпуск художественных ковров в артелях. Так, если в 1932 г. в них было изготовлено 1400 м ковров, то в 1934-м уже 2100 м². Выросли и объемы экспортных поставок из Дагестана. Только в 1934 г. около 9 тыс. м² ковровых изделий было отправлено в Германию, Данию, Англию, США.

Выросло число художественных артелей. Всего к началу 1941 г. в Дагестане насчитывалось 15 артелей по художественному ковроделию, объединявших более 3500 мастериц. Организация новых и расширение старых артелей позволили значительно увеличить производство высокохудожественных ковров. Только в 1940 г. было произведено 3700 м. ковров — в 2 раза больше, чем в 1938 г. [19].

Драматически складывалась судьба куба-чинского промысла. Артель в с. Кубачи в 1931 году практически распалась [11]. Мастера-златокузнецы оказались в очень трудном положении из-за отсутствия должной поддержки со стороны государства. С именем Н. Самурского связана энергичная помощь народным умельцам. "По инициативе Н. Самурского кубачинские промыслы были обследованы специальной комиссией Северо-Кавказского совета промкооперации" [20]. Работа комиссии, ее выводы привлекли внимание соответствующих организаций и широкой общественности, в частности, Всесоюзного кооперативного промсовета и Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР. При содействии Н. Самурского кубачинская артель получила крупные заказы от центральных торгующих организаций, что позволило наладить ее планомерную работу.

Если в 1935 г. артель выработала продукции на сумму 47 тыс. руб., то в 1936 — на 484 тыс. р. [21].

В кубачинской артели в этот период работало более 90 человек. В их числе были известные гравировщики А.Ахмедов, братья Кишевы, А.Магомедов (Караев), Г.Курбанов, А.Мацаев, А.Алмасов, филигранщики У.Иммаев, С.Шахшаев, мастера по эмали братья Тубчиевы и др. [11].

В рассматриваемый период произошел значительный сдвиг и в развитии промыслов по художественной керамике. Большая заслуга в этом деле принадлежит Х.-Б.Аскар-Сарыдже.

В 1934 г. Х.-Б.Аскар-Сарыджа едет в селение Балхар, создает 27 новых образцов керамики и помогает мастерам, в частности, мастерице Амирхановой, в практическом осуществлении его замыслов. После этого значительно улучшились ассортимент и формы керамической посуды, выпускаемой в артели села Балхар [11].

Налаживание массового изготовления художественных изделий в артелях, организованных в известных центрах народного декоративно-прикладного искусства, было важной задачей, решение которой позволило предоставить работу сотням и тысячам народных мастеров, начать движение за сохранение, развитие и возрождение народных традиций. Большое значение и решение последней задачи имело создание условий для творчества наиболее талантливых мастеров. Этой цели служила практика подготовки экспонатов на различные конкурсы, смотры, выставки. В 1937-1940 гг. мастера художественных артелей республики приняли участие в двух крупных всемирных выставках (Париж, 1937 и Нью-Йорк, 1939). К сожалению, в материалах прессы, архивных фондах почти не отражена работа по подготовке к этим выставкам, в музеях слабо представлена коллекция экспонатов этих выставок. В особенности это касается ковровых изделий [11]. Более того, о коллекции ковров, экспонировавшихся на Парижской выставке, ничего не известно. О коллекции ковров, демонстрировавшихся на Нью-Йоркской выставке, также известно очень мало. В частности, известно [22], что ковер Ш.Рамазановой из Микрахской артели ковровых изделий был создан на базе традиционных мотивов лезгинского ковроделия: на темно-синем фоне центральной части ковра размещались три композиции с голубыми медальонами в центре и желтыми гребешками на концах. Ведущая кайма на красном фоне состоит из синих, голубых, зеленых розеток [22].

Лезгинские и табасаранские мастера ковроделия принимали участие во Всесоюзном конкурсе ковровых изделий в 1938 г., на котором были высоко оценены работы ковровщиц Микрахской и Хучнинской артелей, а также в выставке, приуроченной к открытию Всесоюзного совещания работников ковровых промыслов в 1939 г. в Баку.

В 1939 году в республике состоялся конкурс ковровых экспонатов для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Он также активизировал творческие поиски ковровщиц, о чем свидетельствовали работы К.Кадыровой (Ортастальская артель) и М. Магомедовой (Хучнинская артель), отмеченные дипломами первой степени [23]. В 1940 г. ковровщицы Южного Дагестана приняли участие в республиканской выставке, посвященной 20-летию провозглашения автономии ДАССР. Среди экспонатов выставки был и ковер А.Карабековой из селения Ахты с портретным изображением В.И.Ленина. Эта работа свидетельствовала о новых решениях в художественном ковроделии.

Как известно, лезгины и кумыки были административно разделены в 1860 году царской Россией при создании Дагестанской области. В 1920 году Дагревком добился передачи в состав Дагестана Хасавюртовского округа, входившего в то время в Терскую область. В архивах содержится переписка Н.Самурского, Д.Коркмасова с Г.Орджоникидзе. В одной

из телеграмм Н.Самурского (17 июля 1920 г.) на имя последнего говорится: "Прошу подтвердить Ваш приказ о присоединении Хасавюртовского округа к Дагестану" [5].

Вопрос о воссоединении лезгинских земель стоял не менее остро. Об этом говорят архивные документы. В частности, 19 августа 1925 года состоялось общее собрание жителей С. Куруш, на котором присутствовал председатель ДагЦИК — Н. Самурский. На нем говорилось, что жители Куруша живут только кочевым скотоводством, в силу этого пастбища имеют для них исключительное значение. До революции курушцы были в достаточной степени обеспечены пастбищами.

На южных склонах Шахдага и в Кубинском уезде курушцы имели более 50 яйлагов, большая часть из них принадлежали им, остальные брали в аренду. Курушцы жалуются, что им не только не предоставляют яйлаги в аренду, но и отняли у них принадлежавшие им. В связи с этим просят правительство срочно выяснить вопрос о границах и вернуть Дагестану территории, раньше принадлежавшие им; просят закрепить за ними все яйлаги, которыми они пользовались [24].

В связи с изложенным возникает вопрос, почему Н. Самурский не сумел решить лезгинскую проблему, хотя у него была достаточная власть в Дагестане и знакомства в высших эшелонах Советской власти в Москве?

Партия большевиков и ее руководители захватившие власть в России в 1917 году, не обладали ни опытом работы в государственных структурах власти, ни в области международных отношений. До 30-х годов Россия пребывала в хаосе, которым активно воспользовалась Турция. Последняя в 1918 году создала не только протурецкую республику Азербайджан, но активно повлияла на те процессы, которые шли на Кавказе и в Средней Азии.

В 1922 году создается Совет Закавказских Советских Республик и во главе его оказывается турок Нариман Нариманов. Вслед за этим последний становится одним из сопредседателей ЦИК СССР. До 30-х годов Советская власть и ее руководители оказывали Турции активную помощь в ее становлении, особенно в военном деле. Благодаря Советской власти, Турция стала самостоятельным государством. В этих условиях, конечно, Н.Самурскому не просто было решать проблему воссоединения лезгин. Как увидим ниже, ему все же удалось зафиксировать в официальных документах Дагестана (в решениях Съезда народов Дагестана и в Конституции Дагестана) проблему разделения лезгинского народа и необходимости его решения.

История теперь повторяется. На разломе СССР на Восточном Кавказе идут все те же процессы, что и в первые годы Советской власти — открытое проникновение Турции на Кавказ. Фактически Дагестан, особенно, Южный Дагестан, где проживают лезгиноязычные народы, оккупирован эмиссарами Турции в лице так называемых азербайджанцев. Как и в 20-е годы, они здесь проводят разрушительную работу: грабят грабят экономику, развращают молодежь наркотиками, сажают последних в тюрьмы за малейшие провинности, убивают неугодных им людей...

Нынешние руководители Дагестана, ставя перед собой узконационалистические задачи, фактически отдали Дагестан пантюркистам: во главе правительства Республики стоит турок, да и многие структуры власти, особенно определяющие политику республики, напичканы тюрками, пантюркистами. Возьмем, например, министерство юстиции. Министр и его основной заместитель — тюрки (кумык и азербайджанец). Последний был назначен на место лезгина!

Тюрками напичканы не только важные структуры власти Дагестана, но и России. Азербайджанские тюрки захватили не только торговые рынки России, извлекая из них колоссальные дивиденды, развращая россиян подкупами и другими неблагоприятными

делами, но внедрились во многие структуры власти. Тюрки неплохо сидят в МИДе России, в министерстве юстиции и в структурах власти, определяющих национальные и межнациональные отношения. Интересно было бы знать, чьи интересы они там блюдут: России или Турции?

Представители некоторых народов Дагестана в высоких структурах власти ошибаются, думая, что на антилезгинской волне, подавив последних, они создадут для себя широкое поле деятельности, сумеют расширить свои территории... Это глубокое заблуждение. Турки, поглотив лезгинские земли, не остановятся на этом... Да, вообще, какому народу турки принесли свободу? Около миллиона дагестанцев и более трех-четырёх миллионов кавказцев живут в Турции. Что они там имеют? Имеют ли кавказцы автономию или другие национальные структуры, чтобы сохранить себя? Ничего подобного! В Турции шли и идут полномасштабные ассимиляторские процессы и кавказский дух там дышит на ладан.

Об этом мы знаем, об этом открыто пишут. Так, например, редакция журнала "Наш Дагестан" [25], чтобы обратить особое внимание на положение эмигрантов-переселенцев дагестанцев в Турции, с эпиграфом "Не нужен мне берег турецкий" — северокавказские эмигранты хотели бы вернуться на родину", опубликовал статью "Возвращение на родину. Судьбу северокавказской эмиграции". Автор статьи турок-дагестанец Яшар Баг. Как видим, у третьего-четвертого поколения дагестанцев в Турции даже фамилия пишется по-турецки. Автор пишет: "Кто ломал голову над тем, как избежать ассимиляции, чтоб не исчезнуть бесследно с лица земли, кто вчера и сегодня пытался и пытается найти выход из этого положения, страдая от безысходности и ностальгии, для них пока все остается по-прежнему. Невозможно что-либо изменить на данном этапе, не из-за недостатка желающих, а скорее из-за "сложности, трудности проблемы".

В том же номере журнала "Наш Дагестан" Загир Арухов пишет: "Туркам удастся создавать впечатление, что их страна по национальному составу почти однородна. Это давало и ныне дает Турции возможность без шума и внешнего вмешательства ассимилировать проживающие там народы, составляющие около треть всего населения страны. Создавшееся о Турции представление, будто она является страной сравнительно однородной по национальному составу, ошибочно. Это представление связано с тем, что в официальных источниках, в том числе и в материалах переписи, национальные меньшинства не выделяются. В Турции кроме турок, проживают курды, арабы, туркмены, греки, евреи, ингуши, татары, гагаузы, армяне, лезгины, аварцы, кумыки, даргинцы, лакцы, черкесы, грузины, адыгейцы, кабардинцы, убыхи, чеченцы, абазинцы, сербы, албанцы, айсоры, цыгане, итальянцы и французы. Жизнь двенадцати миллионов курдов, лишенных здесь самых элементарных прав, является свидетельством того, за кем идти не следует" [25].

Такого мнения и известный ученый Али Каяев, который еще в 1917 году в статье "Две разные ориентации", писал: "До русской революции в нашем крае существовали две разные ориентации. Одна — на приобщении Дагестана к русской культуре, другая — к тюркоязычной культуре.

Самодержавное правительство открыло в крупных дагестанских аулах начальные и средние школы. Окончившие эти школы получали хорошие должности в правительственных учреждениях. Они, естественно, пропагандировали русскую культуру, за что, в свою очередь, оказывались обласканными властями. Постепенно они отрывались от родной культуры и приобщались к культуре русской.

Сторонники другой ориентации, в основном выходцы из Южного Кавказа, хотели тюркизировать дагестанские народы, ввести здесь турецкий язык, ввести делопроизводство на этом языке. Но до революции они не могли открыто проводить свою

линию. После революции, которая изменила существующий строй и дала возможность народам свободно избирать язык и культуру, пантюркисты открыто ведут свою пропаганду на Кавказе. Они утверждают, что кавказские мусульмане должны изучать турецкий язык, вести на нем обучение во всех школах. Они считают, что в Дагестане наиболее подходящим языком общения и делопроизводства является турецкий язык, так как он считается наиболее распространенным языком на Кавказе. На вопрос: "Почему турецкий, а не арабский?" — отвечает, что арабский язык трудный, что он имеет значение лишь в сфере религии. На вопрос: Почему не русский? — отвечают, что это язык гяуров, неверных. А языки Дагестана в силу своей многочисленности, якобы, не могут стать языками межнационального общения. Следовательно, делают вывод пантюркисты, наиболее подходящим остается турецкий язык.

На эту удочку попало много людей из Дагестана и других мест, они искренне считают, что только турецкий язык способен спасти положение. Они согласны объявить турецкий язык языком обучения и общения и уже ввели его в Самурском, Кайтакском и Табасаранском округах. Некоторые лакцы также согласились с идеей пантюркистов. Они не заметили за красивыми словами коварный замысел пантюркистов: умертвить родные дагестанские языки, тюркизировать дагестанские народы, превратить дагестанцев в потомков Чингиз-Хана и его последователей, которые в свое время разрушали мусульманскую культуру. Пантюркизм прямо направлен против арабской культуры.

Рис. 9.6. Турецкие центры на западной территории бывшего СССР

Многие говорят, что цель пантюркистов не является поглощение Дагестана Турцией. Они, якобы, пекутся лишь о процветании и просвещении горцев... Азербайджанский богач Тагиев пожертвовал 1000 рублей на подготовку учителей турецкого языка для Дагестана. Попробуй пойти к нему и выпросить сотую долю этих средств для школ на родном языке, он тебя прогонит. Тагиев знал, что до сих пор в Дагестане были арабы-язычные медресе и знал, что и мударристы, и муталлимы нуждаются в средствах. Разве слышал кто-либо из дагестанцев, что Тагиев пожертвовал копейку на развитие дагестанских школ? Кази-Кумухцы несколько лет тому назад хотели открыть в селе

медресе с обучением на арабском языке. Они выделили человека, которому поручили собирать пожертвование с богатых людей Кавказа. Он побывал в крупных городах, в том числе в Баку, у Тагиева. Никто из них не захотел помочь. Но сказали: "Если поставите обучение на турецком языке, то средства дадим". Пусть умные люди сделают вывод, почему они поступили так. Если бы богатые пантюркисты хотели бы бескорыстно способствовать просвещению горцев, то не придали бы значение языку обучения. А ведь они раньше восклицали, что обучение детей в начальных школах на русском языке является угнетением дагестанцев, что они ведут русификаторскую политику. Но когда дагестанцы захотели открыть нерусские школы, предприняли попытку ввести турецкий язык" [26]. Как далеко смотрел этот лакец Каев! К сожалению, история повторяется. В Дагестане теперь эйфория относительно Турции и турецкого языка: открываются университеты, колледжи, другие учебные заведения на турецком языке, созданы и создаются кружки и группы для изучения последнего. Турками наводнен Дагестан. Последние не скрывают своих целей и задач. На рис. 9.6 приведена схема, срисованная с обложки учебника турецкого языка, имеющего широкое хождение в Дагестане. На нем четко отмечены, где включены "турецкие национальные прожекторы" на территории бывшего СССР. Скоро такой прожектор зажгут и в Дагестане!

В связи с изложенным хочу спросить, кому же в пасть мы толкаем Дагестан и дагестанцев? Почему забыты прошлые уроки истории и мы теперь действуем вразнобой? Почему лезгинские земли отданы туркам на разграбление и там осуществляется полный произвол во всех сферах жизнедеятельности человека.

Хочу с самого начала сказать, что лезгины ничего другого не хотят, кроме как спокойно и с достоинством жить и работать на собственной земле. Это неотъемлемое право каждого народа и оно отнято у нас!

Лезгинская проблема — ключевая не только для Дагестана, Кавказа, но и для России, поскольку только лезгинские территории от Каспийского моря до Грузии, Армении отделяют турок от других, тюркских народов Дагестана, Северного Кавказа и Поволжья. Сейчас турки очень близки к заветной мечте — созданию Великого Турана!

Оценивая деятельность Н. Самурского, не могу назвать ее положительной, поскольку он практически мало что сделал для своего народа. Хотя в начале он был против объявления республика Дагестан в 1920 г., затем, став ее руководителем, недостаточно сделал для воссоединения лезгинского народа, положение которого теперь стало катастрофическим.

Можно поставить и другой вопрос: оценивают ли положительно деятельность Н. Самурского представители других дагестанских народов, для которых, как показано выше, он сделал очень много во всех сферах жизнедеятельности человека, особенно в социально-экономическом и культурном областях? С сожалением приходится констатировать, что все хорошее забыто, уже на щит поднимают те промахи, которые он допускал в своей работе.

Годы, когда Н. Самурский работал первым лицом в Дагестане, были исключительно тяжелыми и острыми во всем бывшем Советском Союзе, наиболее страшными страницами тех лет были репрессии. Жертвой произвола стал и Н. Самурский. Он был арестован и расстрелян в 1937 году, реабилитирован посмертно.

Хас-Булат Аскар-Сарыджа. Описывая деятельность Н. Самурского мы в значительной мере ознакомились с парадной стороной советской действительности. О второй стороне последней мы в какой-то мере узнаем, если коснемся деятельности выдающегося художника Х.-Б. Аскара-Сарыджи.

Успешно окончив в 1927 г. ВХУТЕИИ, молодой скульптор вскоре был откомандирован в Италию для продолжения учебы, где изучал памятники классического европейского искусства, работал в мастерской известного болгарского скульптора Н. Николаева. После возвращения из Италии Х.-Б. Аскар-Сарыджа активно включается в работу по созданию монументальных произведений в Дагестане. "Дагестан, — пишут авторы "Очерков истории советского искусства Дагестана (1927-1941), — не имевший ранее станковой скульптуры как вида изобразительного искусства, в лице Х.-Б. Аскар-Сарыджи обрел родоначальника национального ваяния. Его работы отличались удивительной точностью в отборе типажей, национальной характерностью, конкретностью в обрисовке облика моделей. Вместе с тем, они несут на себе и печать выразительной монументальности" [11].

Представляя читателям скульптурный портрет Магомеда Ярагинского, газета "Зов предков" (N2, 1992) пишет: "Таким вот представлял себе ваятель проповедника мюридизма на Кавказе, духовного вождя тариката накшбанди в Дагестане и Чечне шейха Мухаммада-эфенди ал-Яраги.

И впервые образ проповедника был воплощен в жизнь художником Х.-Б. Аскар-Сарыджой. Скульптура была создана в годы "Свободного" волеизъявления народов, когда повсюду свирепствовал беспощадный ленинский приговор: "Религия — опиум для народа". Этим все и сказано. По той же причине десятки лет образ "Муллы" находился под негласным арестом.

Мы смело можем констатировать тот факт, что Х.-Б. Аскар-Сарыджа стоял на голову выше многих именитых художников того периода. Он был личностью. Одаренный самой природой, ваятель творческий путь начал с создания таких исторических произведений, как "Ахульгинки". "Голова мюрида", портреты из композиции "Последний защитник Гуниба", "Мулла", "Мой отец", в которых были воплощены образы легендарных личностей из героического прошлого Дагестана. Но скульптор был бессилён

противостоять разрушительной мощи тоталитарного режима. На месте таких героических образов, как "Ахульго", он скрипя сердце вынужден был "выдавать на гора" искусственные образы людей из "бывшей отсталой окраины царской России". Он вынужден был зарабатывать на хлеб насущный с помощью типичных трафаретных образов того периода таких, как шахтер, чабан, доярка... Выполнял он и заказы на оформление фасадов домов и административных зданий.

Что я этим хочу сказать. При жизни ему не дали возможности проявить свой талант, истинный дар природы ваятеля.

Кто во всем этом виноват? Виновных много... и ни одного... Такова наша история.

Рис. 9.8. Скульптор Х.-Б.Аскар-Сарыджа. Шейх Мухаммед ал-Яраги.

И наконец, скульптурный портрет, изображающий известного алима, учителя и сподвижника трех имамов Мухаммада-эфенди ал-Яраги, который по негласному указанию "сверху" на долгие годы был заточен в каземат советского музея. Слава Аллаху, что не уничтожили совсем... И вот теперь скульптура Мухаммада Яраги, которую ее создатель мечтал превратить в прекрасный бронзовый памятник устазу, получила долгожданную реабилитацию.

И будем надеяться, что в скором времени известная лишь узкому кругу специалистов работа Х.-Б. Аскар-Сарыджи займет свое достойное место среди экспонатов Музея искусства Дагестана.

Умер у стаз там же в Согратле, где он и похоронен...

Так или иначе первый художественный образ Мухаммада Яраги, созданный первым профессиональным скульптором Дагестана, большим патриотом своего края Х.-Б. Аскар-Сарыджой, должен найти себе достойное место на нашей земле. Ибо слишком долго ждал и надеялся художник этого дня... Уж слишком долго оставался шейх в забвении. Пора, наконец восторжествовать правде забытого имени великого проповедника и ученого, философа и поэта".

В связи с изложенным возникают и ряд других вопросов. Кто возьмет под свою опеку огромное его наследие, которое уже теряется и разрушается. Кто предоставит помещение, чтобы открыть музей Х.-Б. Аскара-Сарыджи, чтобы нынешняя молодежь и потомки могли ознакомиться с произведениями этого выдающегося мастера?

Когда у тебя отняли Родину, когда в ней хозяйничают другие, иноплеменники, так и получается: разламываются семьи, теряются таланты. Об этом говорят судьбы братьев и сестер Х.-Б. Аскар-Сарыджи. Асланбей многие годы был кинооператором Мосфильма. Бейбулат стал кинорежиссером, директором азербайджанской студии кинохроники. Саят стала артисткой. Другая сестра Сафият рано посвятила себя киноискусству. В 1926 г. Она сыграла роль второй жены Ивана Грозного-Марии Темрюковны в фильме "Крылья холопа"...

Не менее неизвестна судьба другой лезгинки — Аллы Джалиловой. Недавно Дагестанская правда" писала о ней: "А. Джалилова родилась в 1908 г. В сел. Ахты Ахтынского района. Человек богатого дарования, она всю свою жизнь посвятила служению большому искусству".

Рис. 9.9. Сафият Аскарова в кинофильме "Крылья холопа". 1923 г.

В 1927 г. после окончания Московского хореографического училища она была принята в балетную группу Большого театра СССР. На сцене прославленного театра раскрылся яркий, самобытный талант артистки. Здесь она становится солисткой балета. Лучшими партиями, исполненными А.Джалиловой, стали Мерседес в "Дон Кихоте", Айя в "Баядерке," Цага в "Половецких плясках" ("Князь Игорь"), танцовщица со змеей в "Золушке". Великолепно исполняла танцы: цыганский ("Русалка" и "Травиата"), испанский и восточный ("Лебединое озеро и "Щелкунчик") венгерский ("Раймонда"), индусский ("Лакме") и др...

Оставив в 1951 г. сцену Большого театра, А.Джалилова долгие годы преподавала народно-характерный танец в Московском хореографическом училище, театральном училище им. Б.В.Щукина. При ее непосредственном участии было подготовлено несколько групп

артистической молодежи для Дагестана и республик Северного Кавказа..." Готфрид Гасанов — отец дагестанской музыки. 22 июня 1923 г. в Махачкале состоялся концерт, посвященный творчеству Ф.Шопена. Исполнителем был А.Гасанов, "выступление которого стало выдающимся явлением в музыкальной жизни дагестанской столицы" [11]. Газета "Красный Дагестан" откликнулась на концерт обстоятельной рецензией, в которой указывалось, что "молодой музыкант — один из первых представителей новой, советской национальной художественной интеллигенции" [27]. "Говоря о программе концерта, мы не можем не сказать несколько слов о самом концертанте, — пишет рецензент — Пианист Г.Гасанов представляет собой такую музыкальную величину, которая достойна всякого внимания и которым смело может гордиться Дагестан, как своим единственным музыкальным детищем. Прекрасная техника составляет далеко не всю ценность его таланта, проявляющегося, главным образом, в глубоком понимании и изумительной передаче исполняемого. Вдохновенная, серьезная и вдумчивая игра еще очень молодого пианиста производит сильное, незабываемое впечатление" [28].

Рис. 9.10. Готфрид Гасанов.

Огромен вклад Г. Гасанова в становление музыкальной культуры аварцев, кумыков, лакцев и другие народы Дагестана. Первая музыкально-художественная экспедиция по сбору народной музыки, возглавляемая Г. Гасановым, отправилась из Буйнакса по маршруту Аракань — Кудугль — Гергебиль — Могох — Хунзах — Чох — Согратль и собрала интересный материал: 120 поэтических текстов и 100 народных мелодий, записанных на фонографические валики [29]. "Поездка с фонографом имела сама по себе характер сплошного триумфа, — писал Гасанов в отчете об экспедиции. Жители селений битком наполняли помещения, в которых производились записи, в свою очередь сопровождавшиеся нескончаемыми выражениями удовольствия и изумления. В Могохе мы получили совершенно искренние комплименты по адресу Советской власти, интересующейся творчеством крестьянства" [30].

"Результатом экспедиции явилось также исследование Г.Гасанова "Песни аварцев", законченное в 1927 г." [31]. Представляя собой по форме отчет о поездке, оно, в сущности, подвело итог знакомству с музыкой аварцев в 1921-1927 гг. и подводило научные основы исследования музыкальной культуры аварцев. "Содержание работы отмечается большой широтой, смелостью и насыщенностью обобщений. В первой части приведено

обстоятельное описание наиболее распространенных аварских музыкальных инструментов: кумуза (тамура), чаганы, лалу, зурны, их устройства, настройки, техники исполнения, технологии их изготовления, народно-музыкальной терминологии и т.п. Второй раздел труда Г.Гасанова раскрывает музыкальную структуру аварской песни, общую классификацию аварского песенного фольклора" [11].

Публикация Г.Гасанова получила высокую оценку: зачитанная как доклад на заседании этнографической секции Государственного Института Музыкальной науки в Москве в августе 1927 г., она принесла автору признание научной общественности. Ему была присвоена степень члена-корреспондента ГИМНа. В "Песнях аварцев" Г.Гасанов заложил основы методики научного исследования народного творчества и значительно обогатил аварскую музыкальную фольклористику внесением в нее элементов лезгино-дагестанских мелодий. "Идеи этого исследования интересны и в наши дни" [11].

В том же году был напечатан сборник "Мотивы дагестанского танца: 12 лезгинок, исполняемых зурнами", составленным Г.Гасановым, М.Джамаловым. Это первое издание лезгино-дагестанских мелодий, а также первый и до настоящего времени единственный сборник народной танцевальной инструментальной музыки. "Мы считаем, что издаваемые двенадцать танцевальных мотивов являются неоспоримым музыкальным богатством, требующим фиксации во избежание исчезновения, тем более что некоторые из них уже не играют вовсе" — писали составители в предисловии к сборнику [32].

Им удалось отобрать художественно совершенные и разнохарактерные образцы национальных плясов, наигрышей под лезгинку. Указанный сборник определил важнейшие принципы и формы собирания, нотирования и публикаций Восточно-Кавказской народной музыки, ставшие направляющими для развития фольклористики; отбор наиболее привлекательных образцов, "обобщающие" приемы нотной записи, условная запись переменной метроритмической структуры, отсутствие сопровождающих, "аккомпанирующих" инструментов (в данном случае — ударных) и т.д." [11].

Как отмечено выше, под руководством Г. Гасанова в 1926 году был открыт музыкальный техникум.

"Важнейшее значение Г.Гасанов придавал разработке методики работы с учащимися-горцами по музыкально-теоритическим предметам, а также созданию специального дидактического материала и художественно-педагогического репертуара на фольклорной основе. Выдвинутая им идея "изучения музыкальной теории на основе изучения родных мотивов была новаторским явлением в музыкальной педагогике тех лет" [9]. Уже в 1927 г. музыкальным техникумом был издан сборник фортепианных пьес Е.Юдиной "Дагестанским детям". В предисловии к сборнику Г.Гасанов писал: Нетрудно также понять, почему мы избрали народные песни в качестве материала для педагогической работы: во-первых, нашим ученикам-горцам эти мотивы уже знакомы и вполне вяжутся с культурным миром той среды, которая создала этих детей; следовательно, ознакомление их с приемами гармонизации (с точки зрения развития вкуса) гораздо лучше построить на знакомом и близком материале, чем на мотиве придуманном, а порой и национально чуждом; во-вторых, выпуском настоящего сборника дагестанский мотив выдвигается из народных гуш к эстраде, хотя бы ученической, что, безусловно, имеет немалое культурное значение в направлении развития и обогащения местной музыки" [33].

К работе в техникуме Г.Гасанову удалось привлечь не только наиболее опытных местных педагогов, но и выпускников музыкальных вузов Москвы и Ленинграда. Классы фортепиано вели Д.Далгат, Е.Юдина, О.Тимушева, скрипки — И.Сафанов, В.Клин, сольного пения — М.Андреева — Петровская, В.Зайцева, духовых инструментов — А.Клейзмер. Наличие довольно большого числа специалистов — музыкантов высокой квалификации обеспечивало высокий уровень преподавания и позволило развернуть

интересную концертную просветительную деятельность. В программах концертов Дагмузтехникума звучало много произведений музыкальной классики-сочинения И.С.Баха, Л.Бетховена, Ф.Шуберта, Н.Метнера, М.Равеля, фортепианные концерты Р.Шумана, П.Чайковского, С.Рахманинова. Здесь же исполнялись сочинения на дагестанские темы Г.Гасанова, Д.Далгат, Е. Юдиной и И.Сафанова.

Г. Гасанов подготовил таких выдающихся музыкантов, как С. Агабабов, М. Кажлаев, Ш. Чалаев и др.

Г.Гасановым написаны детский балет "Карачач", опера "Хочбар", песни для пьес "Айгази", "Любовь Асият" и др., прочно укрепившиеся в репертуаре Кумыкского театра. Его концерт для фортепиано с оркестром часто и в настоящее время исполняется оркестрами России и в других странах зарубежья. Творчество Г.Гасанова высоко оценило правительство СССР. Он дважды удостоен звания лауреата Государственной премии, имеет почетные звания заслуженного деятеля искусств РСФСР и ДАССР.

К сожалению, и Г. Гасанов предан сейчас забвению, его музыкальное наследство варварски используют представители других народов, даже не ссылаясь на его опубликованные произведения...

Не менее трагична сложилась судьба музыкального творчества другого выдающегося композитора — Зейнала Гаджиева, уроженца селения Куруш Ахтынского района. Он окончил Казахскую государственную консерваторию, после чего работал в знаменитом ансамбле Моисеева в Москве...

"Мне посчастливилось работать с Зейналом Гаджиевым, — говорит И.Матаев. — З.Гаджиев был композитором, яркий талант которого внес большой вклад в развитие музыкальной культуры Дагестана. Его прекрасные произведения "Мой Дагестан", "Самур-Дивичи-Канал", "Лезгинская колыбельная", сотни музыкальных произведений, написанных им для ансамбля "Лезгинка", снискали большую любовь дагестанских народов. Каждое его музыкальное произведение пронизано любовью к своему народу, выражает думы и чаяния простого человека"...

Рис. 9.11. Зейнал Гаджиев.

"Зейнал Микаилович, — говорит далее Иосиф Матаев, — в своих произведениях старался отразить самое сокровенное и поэтому каждое его произведение воспринималось

как событие музыкальной культуры. Он был демократическим композитором, будь ли это песня или аратория, или музыкальная сценка — в его произведениях превалировал мелодизм. От малого до велика пели его песни. Можно сказать, что он основатель современной хореографической музыкальной культуры Дагестана"...

В 1957 году З. Гаджиев переехал в Махачкалу, сперва работал в ансамбле "Песни и танцы Дагестана", а с созданием Хореографического ансамбля "Лезгинка" — в последней. В "Лезгинке" З. Гаджиев работал до последних своих дней (умер в 1971 г.).

В 1959 году, через два года после переезда в Махачкалу, З. Гаджиев выпускает книгу лезгинских народных песенных и танцевальных мелодий. К сожалению, мне ее не удалось найти. Как пишет Н. Ибрагимов в "Лезги газет" (04.09.93.), в книге были собраны такие народные шедевры, как: "Шагьсенем", "Суначан", "Алагуззли", "Загьадурзагьа", "Магьидилбер чан", "Ай, Дилбер", Вацран эк-вер", "Жанисат," Колхозчи рушаз", "Кьасумхуьр", "Ст1алар", Усугьчай", "Тала", "Абас", "Телефонар", "Хинер", "Яхлар", "Рипе кьуьл", "Кьуба кьенфетар" и др.

В первые годы создания "Лезгинки" в ней значительное место занимали танцы лезгиноязычных народов, а музыкальное оформление было основано, в основном, на лезгинских танцевальных мелодиях.

По словам народного артиста России, лауреата Государственной премии России и Дагестана, художественного руководителя "Лезгинки" Иосифа Матаева, 90% музыки при постановке всех танцев "Лезгинки", будь это татский или аварский танец или танец другого дагестанского народа, написаны заслуженным деятелем искусств Дагестана Зейналом Гаджиевым.

Основой "Лезгинки" были и остаются такие танцы, как "Зегьметчияр" ("Труженики"), "Дагьларин таватар" ("Горские мелодии"), "Мехьер" ("Свадьба"), "Атлуйрин чамарар" ("Атлуйские конные состязания"), "Пуд паюникай ибарат Египетрин кьуьл" ("Египетский танец"), "Кьайтагьы" ("Кайтаки"), "Унцукулвияр" ("Унцукуль-цы"), "Партизанар" (Партизаны), "Гичинар гвайбурун кьуьл" ("Танец с кувшинами"), "Кьвепаяюникай ибарат ас-керин кьуьл" ("Танец воинов"), Рутулрин Масха" ("Рутульский Масха"), "Дарго" ("Даргинцы"), "Дагьдин хуьре — сувар" ("Сельская свадьба"), Ногьайрин "Айлоний" (Ногайский танец "Айлоний"), рушарин кьуьл "Гатфар" (девичий лирический танец "Весна") и т.д.

И сегодня основой практически всех мелодий "Лезгинки" является танцевальная музыка З. Гаджиева, однако об этом нигде уже не упоминается. Передо мной последний проспект

"Лезгинки", изданный на русском и английском языках, однако в нем ни слова не найдешь о музыкальном основателе ее — Зейнале Гаджиеве!

3. Гаджиев написал музыку для более десяти спектаклей лезгинского театра, функционирующего в г. Дербенте, среди которых "Фундугь-бег", "Саяд", "Чам гваз катна", "Етим Эмин", Муьгьуббатдикай риваят" и т.д.

С изданием "Лезгинских песен и танцевальных мелодий" прошло 35 лет, за это время ни одно произведение З. Гаджиева более не издавалось!

Иосиф Матаев с теплотой и восхищением вспоминает и о другом выдающемся лезгинском музыканте — Урудже Абубакарове — заслуженном артисте РСФСР и народном артисте Дагестана, который возглавлял исполнения музыкальных произведений. Рассказывая об Урудже Абубакарове, И. Матаев вспоминает такой факт. На одном из конкурсных концертов в Москве художественный руководитель национального оркестра Армении снял свой номер, поскольку посчитал, что после выступления коллектива, возглавляемого Уруджем Абубакаровым, неудобно выступать. Настолько высоко было исполнительское мастерство Уруджа Абубакарова! Последний великолепно играл почти на всех национальных инструментах Дагестана...

На далеком севере работает Тарланов Замир Курбанович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, декан филологического факультета Петрозаводского государственного университета, заслуженный деятель науки Карелии.

3. Тарланов один из тех патриотов, который хотел бы передать свои знания и опыт родному народу. Он успешно работает над изучением языка и культуры агульцев, добился в этом деле больших успехов. Но труды лежат на полке личной библиотеки...

Его жена, Лидия Владимировна Тарланова, также доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Карелии, заведующая кафедрой русского языка Петрозаводского педагогического института. Лидия Тарланова является прямой наследницей А.С. Пушкина (в шестом колене). К сожалению, для этих замечательных людей нет места среди своего народа...

В Баку лезгины живут со дня его основания. Об этом говорит и тот факт, что в Баку до недавнего времени функционировала "Лезги мечеть", построенная в 1169 году. Теперь турки-азербайджанцы пытаются скрыть этот и другие исторические факты, чтобы поставить лезгин в Баку в положение пришельцев со стороны. Имеет место и другое: все, что создавалось в Азербайджане лезгинами, будухцами, хиналугами, цахурами, рутульцами, удинами, кризами, татами, тальшами, армянами, курдами, русскими, приписывается туркам, назвав всех перечисленных народов азербайджанцами, народу, которого не было и нет. О последнем говорят сами турки — азербайджанцы.

Теймур Яхьяев, азербайджанский политолог в "Российской газете" (19.8.93) пишет: "Перед Г.Алиевым по сути стоит задача мессианского свойства. Ведь еще немного, и может распасться не только государство, но и сам этнос. Так, не закончивший формирование азербайджанский этнос, может вновь распасться на народности и племена, уйти в небытие. Такой полураспад нации хорошо виден в Баку..."

Вот что пишут сами турки-азербайджанцы в редких публикациях, касающихся лезгин. Э.Ахундова (ЛТ, 23.12.92): "Тысячи лезгин — народа бесконечно трудолюбивого — ... работают на нефтяных промыслах Апшерона. Они и сейчас составляют большой отряд азербайджанских нефтяников. Лезгины же одними из первых откликнулись на призыв построить близ Баку индустриальный спутник — Сумгаит. Ныне в этой печально знаменитой мертвой зоне на экологически вредных металлургических и нефтехимических производствах наряду с азербайджанцами трудится около ста тысяч лезгин".

То, что при Советской власти стало называться азербайджанской культурой, по существу, является культурой не одних тюрков, но и всех местных аборигенных народов. В этом легко убедиться при сопоставлении, например, музыкальной культуры "азербайджанцев" и лезгин.

В Среднюю Азию тюркские племена пришли в первом веке нашей эры, а в Турцию (ранее Византию) — в XII — XIII вв. [34]. Если носителями нынешней "азербайджанской музыки" были тюрки, то она была бы очень близка к туркменской и турецкой музыке. Однако мы наблюдаем разительное различие между азербайджанской музыкальной, с одной стороны, турецкой и туркменской — с другой. В этих условиях возникает другой вопрос, откуда она, на какой базе она создана?

Сравним теперь лезгинскую и азербайджанскую музыку. Здесь мы находим практически полное совпадение. Те нюансы, которые можно наблюдать между лезгинской и "азербайджанской" музыкой, то они появились после обработки основополагающей музыки — музыки лезгино-язычных народов. Музыка лезгиноязычных народов практически до сих пор осталась в своей колыбели — ее обрабатывали в основном самодеятельные композиторы, а в Азербайджане это было поставлено на широкую профессиональную основу, поэтому лезгинская музыка в Азербайджане звучит более богато.

Сравним теперь азербайджанскую и армянскую музыку. Порой ряд мелодий армянской и азербайджанской музыки не отличишь.

Общеизвестно, что армянская музыка имеет тысячелетнюю историю, она существовала до появления тюрков на Кавказе. Откуда же тогда такое сходство?

Территория нынешнего Азербайджана до появления тюрков была заселена лезгиноязычными народами. Живя по соседству, лезгины, армяне, грузины, конечно, повлияли друг на друга во всех сферах — в музыке, танцах (лезгинка), культуре, письменности и т.д. Например, уже указывалось, что албано-лекский алфавит в 415 году был усовершенствован армянским ученым Месропом Маштоцем, танец лезгинка стал любимым танцем кавказцев.

Как видим, основой азербайджанской музыки является классическая музыкальная культура лезгинского народа, а не наоборот, как это приходится нередко слышать. Да и создавалась музыка в Азербайджане в основном лезгинами. Назову хотя бы несколько имен, тех, кто является не только авторами крупных произведений музыкальной культуры Азербайджана, но и основателями профессиональной музыки.

Эльза Ибрагимова. Энвер Гулиев, заслуженный работник культуры Азербайджана, пишет в статье "Не отрекись от любви земной" ("Дагестанская правда", 02.04.94.): "Незабвенный Рашид Бейбутов, заливаясь соловьиной трелью, поет песню композитора Эльзы Ибрагимовой "Эй Ветен" ("Родина моя").

В комнате, кроме меня и Чингиза, никого. Оба, затаив дыхание, слушаем. Такое ощущение, что песня "Эй Ветен" в исполнении Рашида Бейбутова звучит для нас впервые.

Вдруг неожиданно для меня:

- Это песня моей сестры.
- Как? Эльза-ханум — Ваша сестра?
- Да.

Действительно. Ведь и Чингиз по фамилии Ибрагимов.

Хоть мы и сотрудники с ним, друзья, то, что он брат композитора Эльзы Ибрагимовой, я услышал впервые.

Рис. 9.13. Эльза Ибрагимова.

Чингиз мне рассказал случай, связанный: песней "Эй Ветен".

1976 год... Рашид Бейбутов прослушал концерт из произведений Эльзы Ибрагимовой и по окончании его позвонил автору, поинтересовался ее творческими делами, высказал свое мнение об услышанных песнях, которые ему очень понравились и запали в душу. Эльза-ханум только завершила работу над песней "Эй Ветен". Благодетель и "импресарио" композитора брат Чингиз, взяв с собой новую песню, а также клавиры нескольких лирических песен, передал их в тот же вечер Рашиду Бейбутову. И с того времени песни "Эй Ваетен" заняла достойное место и репертуаре Рашида Бейбутова, став лейтмотивом его творчества, сопровождала его во всех гастрольных поездках по странам и континентам.

На протяжении четверти века лирико-романтические, пронизанные духом патриотизма, песни Эльзы-ханум я слушаю с большой теплотой и радостью, всегда с нетерпением жду новых произведений любимого композитора.

Первая ее песня прозвучала 16 апреля 1969 г. в исполнении знаменитой Шовкет Алекперовой. Это была "Ялан ха деил" (на слова народного поэта Азербайджана Мамеда Рагима). В исполнении народной артистки Азербайджана Флоры Керимовой прозвучали также песни "Гедже булаг башында" (на слова народного поэта Азербайджана Бахтияра Вагабаде) и "Сен бир нагме, мен бир нагме" (на слова Энвера Алибейли), заслуженной артисткой Азербайджана Ильгамой Кулиевой исполнена песня "Билмездим" на слова Октяя Шамиля), а заслуженным артистом Азербайджана Акифом Исламзаде — песня Турбан верердим" (на слова Рафика Зека) — они до сих пор на слуху у народа, да и можно ли остаться к этим песням равнодушным?

Недавнее присвоение Эльзе Ибрагимовой звания "Заслуженный деятель искусств "Азербайджана" было встречено поклонниками ее творчества с большой радостью, ведь она одна из любимых композиторов Азербайджана, умеющая передать в своей музыке думы и чувства народа.

Еще в годы учебы Эльзы Ибрагимовой в Азербайджанской государственной консерватории имени Узеира Гаджибекова, великого композитора, основоположника национальной оперы, ее самообытной талант и творческие способности были высоко оценены выдающимися композиторами современности: Тихоном Хренниковым, Кара

Караевым, Георгием Свиридовым, Джевджетом Гаджиевым, Отаром Тактакишвили, Мурадом Кажлаевым и др. Бахтияр Вагабзаде сказал, что Эльза-ханум — мастер песенного жанра. Она как художник, сотворяющий не только внешний, но и внутренний мир, может тонко передать все наши переживания и чувства. Сплетенный ею песенный узор всегда великолепен. Мы не можем следовать за ее таинственными звуками, которые порхают перед нами, как бабочки, в ее песнях невидимые музыкальные звуки превращаются в образы, а те — в мечты и чувства. Это истинная сила и таинство искусства!

Нет такой песни у Эльзы Ибрагимовой, которая не заставила бы думать, переживать, пробуждать сердца, волноваться, мечтать и любить — вот истинное волшебство прекрасной музыки.

Песни Эльзы-ханум — это мир искренних, душевных бесед со слушателем. В этой беседе стороны верят друг другу. И поэтому каждая ее песня оставляет в нашей памяти неизгладимый след. Когда я слушаю песню "Гедже булаг башында", вспоминаю с трепетом те годы, когда мною были созданы эти стихи, и меня вновь обуревают переживания тех далеких лет. Глубоко прочувствовав мои стихи. Эльза-ханум воплотила чувства в тонком языке музыки.

Эльзой Ибрагимовой созданы произведения различного жанра: прелюдии, сонатины, квартеты, концерт для фортепиано с оркестром, симфоническая поэма, оратория и более тысячи песен на азербайджанском, лезгинском и русском языках.

Эльза-ханум по национальности лезгинка. Она родилась в районном центре Аджикабул Азербайджанской Республики в семье железнодорожников Имамедни и Соны Ибрагимовых. С детства была большим любителем народной музыки и в особенности мугамов.

Первая женщина — композитор Эльза Ибрагимова в своем творчестве уделяет большое место лезгинским песенным мелодиям, и это не удивительно. Удивляет то, что в Дагестане ее творчество не пропагандируется должным образом. В Махачкале ни разу не был проведен ее авторский вечер, не было официального приглашения.

А как сложились ее творческие дела в Азербайджане, в Баку? Созданные ею произведения могли бы стать украшением авторского концерта в филармонии им. Муслима Магомаева и в других концертных залах республики. Ее песни известны во многих странах мира, однако, как ни странно, ее имени нет и в числе деятелей музыкальной культуры Азербайджана, представляющих искусство республики за рубежом.

Эльза Ибрагимова — автор не только лирических песен. Увы, на протяжении долгих лет ее старались преподнести слушателям только как композитора песенника. Но она работала и в других жанрах. По мотивам трагедии "Афет" драматурга Гусейна Джавида ею была создана одноименная опера, которая до сих пор не нашла сценического воплощения. Вслед за первой композитор пишет оперу "Горящие колыбели" (автор либретто Рамиз Гейдар), выразившую боль Карабахской трагедии.

Без малого 30 лет Эльза-ханум пишет музыку, которая вдохновляет слушателей. Недавно в государственной филармонии на авторском вечере народного артиста Азербайджана Чингиза Садыхова певица Флора Керимова с большим мастерством исполнила песню Э. Ибрагимовой "Где же ты, судьба моя?" на слова Омара Гочулу. Долго не смолкали аплодисменты. Мы еще раз убедились, что прекрасный и любимый композитор Эльза-ханум не ищет легкой жизни, смело идет навстречу трудностям и тяготам и создает прекрасную музыку".

Узеир Гаджибеков. Из "Истории Азербайджана": "У.Гаджибеков написал первую азербайджанскую оперу "Лейли и Межнун", что явилось крупным событием в культурной жизни Азербайджана и положило начало существованию азербайджанского оперного театра... В период 1880-1915 гг. У.Гаджибеков создал ряд новых опер — "Шейх сеган", "Рустам и Зохраб", "Эсли и Керим", "Шах Аббас и Хуршуд Бану", "Га-рун и Лейла" [35].

И далее: "У.Гаджибеков положил начало также азербайджанской музыкальной комедии. В 1909 г. была осуществлена постановка написанной им первой азербайджанской оперетты "Муж и жена". В том же году композитор создал новую оперетту "Не та, так эта" или "Мешади Ибад", а в 1913 г. знаменитую комедию "Аршин мол алан"... Титаническая творческая и просветительская деятельность У.Гаджибекова проложила путь к подъему музыкального профессионального творчества, выращиванию национальных кадров музыкантов и актеров" [35].

Ниязи Гаджибеков. Когда я обратился к лезгинам, жившим в Азербайджане, особенно к тем, кто недавно приехал в Дагестан из-за преследований на националистической основе и по политическим мотивам, с просьбой чтобы они мне назвали фамилии тех, кого они знают из тех, кто внес весомый вклад в экономику и культуру Азербайджана, то в первую очередь назывались имена Узеир Гаджибеков и Ниязи. Как я ни старался узнать фамилию Ниязи, ничего не выходило. Все знали его как Ниязи. Действительно, последнего во всем мире знают только как Ниязи!

Рис. 9.14. Узеир Гаджибеков.

Получилось так, что у меня не было времени копаться в литературе (подспудно думал, что пока не узнаю фамилию Ниязи мне трудно будет о нем что-нибудь найти в каталогах литературы), но я не забывал с нем. При очередной встрече с кладезью знаний — профессором Ахедом Гаджимурадовичем Агаевым, я спросил его о Ниязи. Ахел Гаджимурадович тоже не знал фамилию Ниязи, но сказал, что это нетрудно установить, поскольку его бывшая жена живет в Махачкале — это всеми нами уважаемая народная артистка СССР Барият Мурадова...

Я не замедлил пойти к ней. Позвонил и стою у двери квартиры. Было тихо, никакого снижения в коридоре квартиры. Я подумал, что дома никого нет. Собрался было уходить,

но открывается дверь и в ней появляется Барият Солтанмеджидовна. Я представился, меня пригласили в квартиру. Барият Солтанмеджидовна извинилась, указав на постель, что она себя чувствует не совсем хорошо. После небольшого вступительного разговора, когда Барият Солтанмеджидовна сказала, что она в состоянии поговорить со мной, я изложил цель своего прихода. Здесь завязался интересный разговор (имеется запись разговора).

Для меня неожиданными были два момента: что Ниязи родной племянник Узеира Гаджибекова, и, что он носил две фамилии: Таги-Заде и Гаджибеков. В начале я даже подумал, не путает ли что-то с фамилиями, наша уважаемая Барият.

Далее я попросил Барият Солтанмеджидовну рассказать, где они познакомились и почему не сложилась у них совместная жизнь. Барият Солтанмеджидовна рассказала, что познакомились они здесь в Махачкале, когда Ниязи работал (1931-1933 гг) заведующим сектором науки, литературы и искусства в Обкоме партии. Вышла за него замуж. В 1933 году вместе с ними уехала в Баку.

— Ниязи, — говорит Барият Мурадова, — никак не хотел, чтобы я посвятила себя сценической деятельности, стала актрисой. А я не могла жить без театральной сцены. На этой почве отношения не сложились и мы разошлись. — В конце 1933 года Барият Мурадова вернулась в Махачкалу.

Меня, конечно, интересовало, откуда родом Гаджибековы. Барият Солтанмеджидовна сперва ответила, что они выходцы из Дагестана. После этого ответа я попросил ее сказать более конкретно. Тогда Барият Солтанмеджидовна ответила, что Гаджибековы родом из лезгинского селения, расположенного недалеко от Дербента. К сожалению, название селения она вспомнить не могла.

Я знал, что Узеир Гаджибеков, когда жил в Баку, имел тесную связь с моими земляками, в частности, со знаменитой фамилией Гаджиевых. Об этом рассказывала наша замечательная певица, народная артистка России и Дагестана Рагимат Гаджиева. Последняя об этом говорит и в телевизионной передаче (запись имеется на телевидении Дагестана в Махачкале), посвященной ее творчеству.

Рис. 9.15. Рагимат Гаджиева.

Раджаб и Абдулмуталиб Гаджиевы жили, работали в Баку и имели тесную дружественную связь с семьей Узеира Гаджибекова. Эта дружба закреплялась и тем, что племянница Узеира Гаджибекова — Махбаба Пашаева и дочь Абдулмуталиба Гаджиева — Рагимат вместе учились на учительских курсах, были неразлучными подружками. Самое главное обе подружки любили петь, особенно старинные народные песни.

В те суровые 20-годы Узеир Гаджибеков активно помогал творческой молодежи. Фактически Рагимат и Махбуба ежедневно бывали в доме Гаджибековых и по мере своих возможностей помогали в творческих исканиях Узеира Гаджибекова пением старинных лезгинских народных песен, которых Рагимат знала множество. Именно Узеир Гаджибеков пророчил большое будущее Рагимат и помог на начальном этапе становления Рагимат как певицы.

Отец Узеира Абдулгусейн Гаджибеков родом из знаменитой семьи Гаджибековых из Ахтов. Кстати, это редкое имя - Узеир до сих пор в ходу в ахтынском тухуме Гаджибековых.

По-видимому, семья Абдулгусейна Гаджибекова сначала переехала в приморскую часть Лезгистана и жили недалеко от Дербента, а затем перебралась в Шушу. В XIX веке и ранее такие переселения на территории нынешнего Азербайджана и Южного Дагестана были обычным явлением, поскольку на этой территории их объединяло языковое и культурное родство...

Теперь вернемся к Ниязи. Читаем в Музыкальной энциклопедии (М., 1976): Ниязи (настоящее фамилия имя — Таги-Заде — Гаджибеков Ниязи Зульфугарович, родился 7(20) VII 1912 г. в Тбилиси) Сын композитора Зульфигара Гаджибекова.

В 1926-31 учился в музыкальном техникуме им Гнесиных (Москва), Ленинградском центральном музыкальном техникуме, Ереванской консерватории. В 1933-34 занимался в Бакинской консерватории под руководством Л.Рудольфа и С.Штрассера. На развитие дирижерского искусства Ниязи оказали влияние А.Павлов — Арбенин, Л.Штейнберг, а также Н.Голованов, А.Гаук, О.Фрид и др. С 1938 по 1959 годы (с перерывами) — художественный руководитель и главный дирижер Азербайджанского симфонического оркестра им. У.Гаджибекова, с 1961-65 — директор, художественный руководитель и главный дирижер Азербайджанского театра оперы и балета им. М.Ахундова. В 1961 г. главный дирижер Ленинградского театра оперы и балета. Талантливый интерпретатор лучших образцов русских, зарубежных и советских классиков.

Автор музыкальных произведений различных жанров, наиболее известны: лирико-романтическая опера "Хосров и Ширин", балет "Читра", симфонический мугам "Раст".

В 1931-33 годах Ниязи работал заведующим сектором науки, литературы и искусства НКП Дагестана. В эти годы Ниязи систематически переписывается с Узеиром Гаджибековым, прислушивается к его советам по творческим и организационным вопросам. В этой связи весьма примечательно письмо Узеира Гаджибекова, датированное 28 февраля 1933 г., в котором он пишет [36]: "Дорогой Ниязи!.. Почему ты не закончил и не выслал мне начатую тобой партитуру... Твоя партитура меня очень интересует. Постарайся завершить ее и выслать мне, потом займешься записью дагестанских песен. Я сейчас экстренным образом оркеструю первый акт оперы "Кероглы". Театр меня очень торопит. Желательно, чтобы ты приехал и послушал первый акт "Кероглы"... Помни мои наставления. Целую твой дядя Узеир".

Напомним, что в то время, когда Ниязи жил в Махачкале, было время взлета творческой и музыкально-педагогической деятельности другого выдающегося лезгинского музыканта Готфрида Гасанова... Недаром вслед за этим Ниязи пишет музыкальные произведения для оркестра: "Закатальская сюита" (1934), танцевальную пьесу "Лезгинка" (1939).

Ниязи — "Герой социалистического труда, народный артист Азербайджанской ССР (1955), СССР (1962), Армянской ССР (1962), Лауреат Всесоюзного смотра дирижеров (1946); Лауреат Государственных премий СССР (1951, 1952), лауреат Государственной премии Азерб. ССР им. Узеира Гаджибекова (1968), лауреат Международной премии им. Д.Неру (1974).

Он награжден орденами: Ленина (1976 Трудового Красного Знамени (1968), Октябрьской революции (1979). Среди зарубежных наград Ниязи — орден "Кирилла и Мефодия" (Болгария), медаль им. Бела Бартока (Венгрия), медаль города — Карл-Маркс — Штадт и т.д.

Многранное творчество Ниязи снискало широкое признание в нашей стране и далеко за ее пределами. В этой связи весьма примечательны высказывания о Ниязи выдающихся российских и зарубежных музыкантов:

— Можно смело утверждать, что один из музыкантов, которым азербайджанская музыка обязана своим всемирным признанием, — это талантливый дирижер и композитор Ниязи.

Дмитрий Шостакович

— На протяжении всей своей музыкальной жизни я слежу за интенсивной деятельностью этого ярчайшего представителя советского искусства, которому музыка Азербайджана обязана своим звучанием на различных меридианах планеты.

Тихон Хренников.

— Тонкое понимание авторского замысла, правдивость и искренность чувствований — вот характерные черты исполнительского искусства этого выдающегося советского художника, принадлежащего к числу лучших дирижеров — участников международных фестивалей в Праге.

Вацлав Доблаш Чехословакия

— Самой высокой оценки заслуживает искусство Ниязи — у него необыкновенные руки, большая воля, и сильный характер.

Карло Цекки, Италия

— Я высоко ценю редкий талант этого замечательного мастера, отношу Ниязи к дирижерской элите современности. .

Аднан Сайгун, Турция

— Под управлением маэстро Ниязи великолепный оркестр "Гранд-Опера" звучат так, как может звучать только под руководством большого мастера.

Пьер Берлиоз. Франция

— По моему мнению, Ниязи — один из наиболее выдающихся дирижеров мира.

Филипп Боноски (США).

— Мне, как композитору, часто приходилось слышать первое исполнение моих наиболее крупных произведений под управлением Ниязи. Могу без преувеличения заявить, что лучшего исполнения мне во всех случаях не оставалось желать.

Кара Караев

Такими были лезгины Узеир и Ниязи Гаджибековы, лезгинка Эльза Ибрагимова чьи гениальные произведения, плоды творческой деятельности стали достоянием тюрко-азербайджанского народа. Теперь музыкальную культуру лезгин да и саму лезгинскую музыку во всем мире знают как музыкальную культуру и музыку тюрко-азербайджанскую! Какая ирония судьбы!

На семье Гаджибековых ярко прослеживается один из путей ассимиляторских процессов: переход от лезгинской фамилии Гаджибековых к тюрко-азербайджанской фамилии — Таги-Заде. Это не частный или единичный случай...

Несколько лет назад я впервые оказался на кладбище г. Кусары Кусарского района Азербайджана. Здесь живут только лезгины, их процент составляет более 95%. Увидев панораму кладбища г. Кусары я был поражен, ошарашен... сплошь и рядом на надмогильных камнях были записи на тюрко-азербайджанский лад с добавлением к фамилии, имени и отчеству слово "оглы". Выходило, что эта кладбище тюрко-азербайджанского народа. Практически ничего не было, говорящего о том, что здесь похоронены лезгины. — Я спрашивал тогда у товарищей, что, в городе живут так много тюрков-азербайджанцев? — Отвечают — нет! Их очень и очень мало!.. — Вот так, даже после смерти, лезгины в Азербайджане становятся тюрко-азербайджанцами. Такого положение с этим фактом во всех лезгинских районах Азербайджана! Вот где прямое доказательство произвола и ассимиляторских процессов...

Тогда же я спрашивал товарищей, вы хотя бы представляете, что произойдет через 50-100 лет с вашими потомками? Ведь их погонят из г. Кусаров и Кусарского района как "пришельцев, оккупантов" опираясь на те вещественные доказательства", которые вы создали и создаете на кладбищах повсеместно?..

Тогда же товарищи (здесь не привожу фамилии их, чтобы о них не создать ложное представление; они-то как раз и являются настоящими патриотами) рассказали и о том, что из музея, с великим трудом созданного в Кусарах во главе с уважаемым Забитом Ризвановым, бакинские националисты забрали, якобы для изучения, тысячелетней давности надмогильные камни лезгин, а затем они исчезли.. О последнем писали и в периодической печати... Вот как тюрки-азербайджанцы осваивали и осваивают земли лезгин и других аборигенных народов Азербайджана. Стоит ли удивляться после

вышесказанного, если известный лезгинский генерал Махмуд Авиллов или пролажившаяся своим долголетием лезгинская коворткачиха Зибейда Шейдаева, или же герой итальянского сопротивления Шахбуба Меджидов и многие участники французского и греческого сопротивлений по желанию официальных властей Азербайджана превращаются в азербайджанцев. Это, так сказать, в порядке вещей...

Много сделали лезгины и в других сферах культуры Азербайджана. Первая научная грамматика тюркского языка написана лезгино-азербайджанским ученым С. Джафаровым. В последнее время стали известны и некоторые имена ученых организаторов науки — А. Ибрагимов, М. Гаджиев, И. Мустафаев, К. Полчаева — Адизизалова, К. Керимов, Н. Габибов, Э. Ахмедов...

Рис. 9.17: Генерал Авиллов.

Немало заслуг представителей лезгин в развитии спорта в Азербайджане. Назову, ставшие известными в последнее время: Карман Магомедов — обладатель кубка мира по самбо, мастер спорта международного класса, Казим Гусейнов — олимпийский чемпион по дзюдо...

Из-за националистической политики руководства Азербайджана и Дагестана почти одна треть наиболее активной части лезгинского народа оказалась за пределами Лезгистана. Крупные поселения лезгин имеются в Поволжье, в Ставропольском крае, в Астраханской и Тюменской областях, в государствах Средней Азии, в крупных городах России, Украины, особенно в Москве, Ленинграде, Волгограде, Саратове, Харькове и т.д.

Контр-адмирал Г.А.Гасанов — главный конструктор атомных двигателей-реакторов морских кораблей. Долгие годы работал с бывшим президентом АН СССР А.П.Александровым. На одном из юбилеев Г.Гасанова А.Александров сказал: "Многие годы совместной работы мы знали Г.Гасанова как крупного конструктора. Недаром мы его называем "железным Генрихом". По работам последних лет должны мы его называть "полиметаллический Генрих; он заслуживает это имя своими выдающимися открытиями, исключительно оригинальными и с новыми принципами построения атомных котлов. Мы шли за ним и достигли больших успехов"... За выдающиеся заслуги перед страной Г.Гасанову были присуждены самые высокие премии: в 1942 г. — Государственная, а в 1958 — Ленинская. В 1970 году Г.Гасанов стал Героем Социалистического труда. Он дважды кавалер Ордена Ленина. Трудового Красного знамени и других орденов и медалей.

Г.Гасанов — брат знаменитого музыканта Готфрида Гасанова, они сыновья Али Гасанова — сына Гасана Алкадари, выдающегося ученого и просветителя XIX века. Генрих Гасанов неоднократно приезжал на свою родину — в родное село Алкадари...

Лезгинцевы. На заре Советской власти имя Михаила Лезгинцева (Магомед Гусейнова), генерала армии, часто встречаем в постановлениях Совмаркома России, в которых на М.Лезгинцева возлагаются ответственные задания, как главного военного финансиста страны" [37].

В эти годы М.Лезгинцев проявил себя как талантливый организатор, подлинный реформатор. "Разработанные им в годы гражданской войны важнейшие принципы финансирования и снабжения войск, по признанию видных советских военных специалистов в этой области, сыграли свою роль и в годы Великой Отечественной войны" [37].

По инициативе М.Лезгинцева были созданы первые военно-финансовые учебные заведения в стране. К числу их относятся Военно-хозяйственная Академия, Высшая военная и морская финансово-хозяйственная школа. В последней он был начальником, вел основные курсы...

Апрельской ночью 1937г. М.Лезгинцев был арестован и осужден на 5 лет по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности и сослан на Крайний Север, на Колыму, где и скончался в марте 1941года. Ему было тогда всего 47 лет.

Георгий Лезгинцев, доктор технических наук, адмирал Военно-морского флота бывшего СССР. Закончив в 1937 году Ленинградский горный институт, Г.Лезгинцев 20 лет проработал на рудниках и приисках золотодобывающей промышленности, как сын репрессированного врага народа. Однако наступили иные времена, талант Г.Лезгинцева пробил себе дорогу – более 25 лет возглавлял институт "Гипрозолотоцветметпроект", проявив себя как крупный организатор проектно-конструкторских и научно-исследовательских работ в горной промышленности.

Под руководством Г.Лезгинцева были осуществлены крупнейшие проекты строек аламазодобывающей промышленности страны: трубок "Мир" и "Удачная" (Якутия), запущен Зодский ЭРК (Армения), проведены реконструкция ЗДК "Балейзолото", освоены ильменитовые месторождения Ирша (Украина), Карамкенская (Магаданская обл.) и Кочкарская ЗИФ (Южный урал), оловодобывающий комбинат Тик-Тук (Вьетнам), вольфрамовый предприятия Грынчарица (Болгария), рудник им. Джамбула (Казахстан), фабрика Советская (Красноярский край) и др.

Долгие годы Г.Лезгинцев был научным руководителем тематики Государственного Комитета по науке и технике по проблеме освоения минеральных ресурсов Мирового океана.

Г.Лезгинцев — автор более 70 изобретений, пять из которых были запатентованы за рубежом — в Англии, США, Канаде, Японии и в других странах.

Г. Лезгинцев был всесторонне талантливым человеком. При громадной загруженности производственной и научной работой он находил время для литературной деятельности, создав ряд крупных художественных произведений. — "В таежной стороне", "Инженер Северцев", "Рудознатцы", "Человек с гор". Его произведения переведены и изданы на языках народов бывшего СССР и за рубежом.

Г.Лезгинцев неоднократно становился лауреатом конкурсов по науке и литературе, деятельность его отмечена правительственными наградами.

Не менее интересна судьба младшего сына М.Лезгинцева — Михаила Лезгинцева. Вот что пишет Мубариз Мурсалов в "Лезги хабарар" [38]: Шел 1980 год... В Афганистане, куда брежневское руководство опрометчиво бросило советские войска, разгорелась война. Противостояние двух сверхдержав — США и СССР — нарастало. Это чувствовалось и на суше, и на море. В океанской пучине ракетно-ядерные субмарины в буквальном смысле охотились друг за другом, а создатели и испытатели вооружения и у них, и у нас спешно "выдавали на-гора" одну новинку за другой...

По известным причинам я не могу назвать подводную лодку и ее вооружение, но о человеке, внесшем большой вклад в их испытания, рассказать могу.

Подводный корабль совершал испытательный поход. Это была головная лодка новой серии советских субмарин. Как в авиации рядовой пилот садится за штурвал только после летчика-испытателя, так и на флоте специалисты-испытатели должны всесторонне проверить новинку во всех режимах и условиях плавания. Только после этого ее вручат "обычным" капитанам и штатному экипажу: семь футов под килем!

Старшим, или по-флотски флагманским, специалистом-испытателем на Черноморском флоте был тогда Михаил Лезгинцев.

Рис. 9.21. Адмирал Михаил Лезгинцев.

Не многим было известно, что направленный после окончания Ленинградской военноморской академии в главную базу Черноморского флота капитан первого ранга Михаил Магомедович Лезгинцев и есть тот самый паренек, о котором в свое время органы НКВД на запросы командования сообщили: "Считаем необходимым проинформировать, что Лезгинцев М.М. является младшим сыном Магомеда Гусейнова — Михаила Лезгинцева, раннерепрессированного за контрреволюционную деятельность".

Младшему сыну Михаила Васильевича Лезгинцева наши хваленые сверхбдительные органы тоже пытались сломать жизнь, но не вышло: время уже было другое, да и спартанский характер горца сказался... Трудное детство выпало ему, но все равно это было счастливое время. Потому что Михаил верил в отца, верил, что будет доказана его невиновность. Того же мнения были и земляки, родные и близкие. И настало время, когда на самом высоком уровне было сказано: "Не виновен!"

...Есть на флоте знак высокого доверия: "Наш батя!" — с уважением говорят моряки, когда уважают командира. Так звали своего капитана подводники. И не одна мать военного моряка писала сыну в письме: "Передай мое материнское спасибо своему командиру"...

Перед очередным выходом в море на испытание капитана первого ранга пригласили к командующему флотом, где Михаила Магомедовича поздравили с присвоением высокого воинского звания контр-адмирала.

Принимая поздравления командующего и сослуживцев, Михаил мысленно представил, как бы обрадовался отец, узнав о его успехах в службе, о высоком звании, которое говорило, что горец навсегда отдал сердце морю.

К несчастью, погоны адмиральские недолго довелось носить сыну горца. На центральном посту новейшей субмарины он вдруг почувствовал острую боль в сердце... Он умер на боевом посту: — так умирают горные орлы — на лету.

Есть в Севастополе кладбище военных моряков. М.Лезгинцев похоронен здесь... Но эта фамилия не вычеркнута из списков офицеров флота. Бороздит океан на Дальнем Востоке подводная лодка, на которой служит Михаил Михайлович Лезгинцев — сын контр-адмирала и внук Магомеда Лезгинцева...

Назовем еще одну знаменитую фамилию — это Шайдаевы. Они выходцы из сел. Цмур Сулейман-Стальского района. Из этой семьи вышли известные военные и ученые.

У Гаджи-балы и Бесханум Шайдаевых был девять детей: 7 сыновей и 2 дочери. Старший сын Магомед-Ганифа в 1939 году окончил физико-математический факультет Дагестанского пединститута. Перед войной работал заместителем начальника Управления трудовых резервов Дагестана. Имея бронь, в 1942 году добровольно ушел на войну. Вот что пишет генерал-полковник М.Х.Калашник в своей книге "Испытание огнем" о Магомед-Ганифе [39]: "260-й стрелковой дивизии предстояло наступать на главном направлении, вести бои непосредственно за овладение Ковелем. Военному Совету было очень важно знать настроение личного состава ее частей, степень подготовленности их к боям. Поэтому генерал И.Г.Королев сказал мне:

— Поезжайте, Михаил Харитонович, в двести десятую. С ее командиром Василием Ивановичем Булгаковым вы хорошо знакомы. Все обязательно проверьте, потом доложите по телефону свои впечатления и соображения либо мне, либо командующему.

И вот я вместе с начдивом полковником А.И.Колуновым еду в двести десятую. В пути договариваемся с А.И.Колуновым сразу же по приезду накоротке побеседовать с политработниками частей, поставить перед ними практические задачи в связи с наступлением, а где будет возможность, провести солдатские митинги...

Первый митинг состоялся в 783 - м артиллерийском полку. Открыл его заместитель командира полка майор Магомед-Ганифа Гаджиевич Шайдаев. Он произнес короткую, но очень яркую речь. Говорил по-солдатски лаконично, четко. Закончил призывом сражаться с врагом так, чтобы заслужить похвалу Верховного Главкомандования.

— Майор Шайдаев — прекрасный командир, — негромко сказал мне комдив полковник В.И.Булгаков.

Вслед за М.-Г.Шайдаевым выступил командир дивизии. Потом произносили речи солдаты, сержанты, младшие офицеры. Тон, заданный митингу майором М.-Г.Шайдаевым, была выдержан до конца. Все говорили, что называется, с огоньком. В заключение несколько слов сказал я...

После митинга мы с майором Шайдаевым побывали на огневых позициях артиллерийских батарей, беседовали с бойцами орудийных расчетов. Я убедился, что в полку проведена большая воспитательная работа.

Рис. 9.22. Генерал-майор Магомед Шайдаев.

К тому времени, о котором я веду речь, М.-Г.Шайдаев был уже заправским артиллеристом... Видно, не случайно комдив упомянул о его трудолюбии и настойчивости. Находясь вместе с Шайдаевым на огневых позициях батарей, я видел, с каким уважением относились к нему бойцы и командиры"...

Рис. 9.23. Генерал-майор Гаджи Шайдаев.

После окончания войны М.-Г.Шайдаев был оставлен работать в Германии, поскольку Магомед-Ганифа Гаджиевич свободно владел немецким, арабским, турецким языками.

В 1947 году М.-Г.Шайдаев переведен в Тбилиси заместителем начальника политотдела артиллерийского училища. С 1950 г. М.-Г.Шайдаев — начальник политотдела бригады в Махачкале, уже имеет чин полковника. В 1953 г. поступает в адъюнктуру при Ленинградском военном институте им. М.Калинина. За год подготовил и защитил кандидатскую диссертацию. За выдающиеся успехи на научном поприще М.-Г.Шайдаев оставлен в институте преподавателем. В 1960 году защитил докторскую диссертацию. В 1974 г. его переводят начальником кафедры артиллерии в военную Академию им. Дзержинского, где он работает до сих пор. В 1980 году получил звание генерала-майора. За время работы подготовил более 50 кандидатов и 18 докторов наук. Им опубликовано более 200 научных работ, из них 15 — монографии.

В годы войны имел 18 орденов и более 20 медалей, был представлен к званию героя Советского Союза, но по непонятным причинам не получил это высокое звание.

Брат — М.-Г.Шайдаева Гаджи — Курбан Шайдаев имеет звание генерал-майора, кандидат исторических наук. С 1950 года работал заместителем министра МВД Дагестана, в 1970 году был переведен в Москву, где работал начальником Военного института повышения квалификации руководящих работников МВД бывшего СССР и содружества социалистических стран. В настоящее время продолжает работать в военной Академии МВД России и является постоянным Представителем Дагестана при президенте России.

Еще два брата — Магомед и Ханмурад имеют воинские звания майоров. Магомед Гаджиевич, кроме того, доктор исторических наук, профессор.

Младшее поколение также пошло по стопам отцов — более десяти человек имеют воинские звания от лейтенанта до полковника, от кандидата до доктора наук...

Не дошла "Звезда Героя" и до другого замечательного нашего земляка — Мустафы Агаевича Набиева. Вот что пишет Д.Бутовецкий в статье "Ночной бой у Шпратау" ("Советское Полесье", 16.5.84): "Был теплый по-летнему сентябрьский день Группа ветеранов 6-й гвардейской дивизии, приглашенная на празднование 40-летия освобождения Шостки, расположилась на берегу Десны. С утра были выступления, встречи, поездки по местам боев, и теперь можно было расслабиться, снять усталость, подставив лицо и грудь мягким прикосновениям солнца.

Бывший командир дивизии генерал-майор Георгий Васильевич Иванов о чем-то оживленно беседовал со стройным седовласым человеком, в котором легко было признать горца. Китель офицера-артиллериста украшали боевые награды: ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды.

— Знакомьтесь, подполковник Мустафа Агаевич Набиев, один из храбрейших наших гвардейцев, — сказал комдив. — Человек интересной судьбы. Мы встретились через сорок лет, и оказалось, что представление на звание Героя Советского Союза, которое я лично подписал в феврале 1945 года, не было видимо, утверждено. А, может, бумаги не нашли в архиве? Так или иначе, но требуется поиск...

Рис. 9.24. Подполковник Мустафа Набиев.

Мустафа Агаевич рассказывал о бое у села Шпратау. Увлечшись, чертил прutom на песке схему расположения наших батарей и местонахождения фашистских танков. Генерал-майор кивал головой, подтверждая его рассказ, и все невольно перенеслись мыслями в победный сорок пятый год.

...Двенадцатого января 1945 года войска 1-го Украинского фронта начали Висло-Одерскую наступательную операцию. Войскам предстояло пройти от Вислы до Одера на глубину до пятисот километров, преодолев смесь оборонительных полос, заблаговременно подготовленных противником. Проходили эти преграды по берегам рек Нида, Полица, Варта, Одер.

13-я армия генерал-полковник Пухова, в состав которой входила 6-я гвардейская дивизия, прорвала главную полосу обороны противника. Темпы наступления были столь стремительны, что отстали тылы как дивизии, так и приданного ей 1076 истребительного противотанкового артиллерийского полка. В нем-то и служил 28-летний капитан Набиев, являясь помощником начальника штаба по разведке.

За его плечами были три года войны. Как в дымке, виделся ему иногда родимый аул Ашага-Мака.

Морозным февральским днем сорок пятого года 42 бойца с двенадцатью пушками и штабная машина с разведчиками переправилась на западный берег реки и заняла оборону восточнее села Шпратау, неподалеку от города Герлиц. Возле ветряной мельницы установили наблюдательный пункт. Огонь фашистских орудий отрезал их группу от оставшихся на левом берегу Одера частей. Прямым попаданием снаряда был разрушен пункт связи штаба полка, связь прервалась. Между тем бойцы услышали рокот моторов. К селу приближались танки.

Наши или вражеские? Верную смерть или помощь несут они? Выяснить это взялся Набиев. Взяв собой автоматчика, он тут же растворился во тьме... Взлетала в небо ракета, осветив на миг черные кресты на броне танков и самоходных орудий.

— Огонь... огонь по танкам!

Это — команда Набиева. Гремит выстрел, вихрем пронеслись осколки, застучав по броне, едва не пронзив разведчика. Младший лейтенант Леонид Ондруцкий произвел выстрел осколочным снарядом. Это ошибка могла дорого обойтись батареям.

— Бронебойным, бронебойным бей! Кричит надрывно Набиев:

На этот раз лейтенант точен. Танк загорелся, второй "тигр" стал разворачиваться, но и его достал снаряд. Здесь и там запылали фашистские "тигры" и "фердинанды" в стане врага — паника. Снова и снова слышится голос Набиева:

— Огонь бронебойным!

Схватка идет в ночной тьме. Ошеломленные, поднимают руки гитлеровские солдаты.

Утром поле боя осматривали прибывшие сюда комдив 6-й гвардейской дивизии генерал-майор Иванов и командующий артиллерией дивизии гвардии полковник Аршовский. Они насчитали одиннадцать разбитых, обгорелых машин. Шесть таков и два самоходных орудия были взяты исправными, 36 солдат и офицеров пленены. Победа была полной, гвардейцы дрались по-суворовски. И никаких потерь, даже никого не ранило.

— Молодцы, артиллеристы! — похвалил комдив батарейцев. И, повернувшись к Набиеву, добавил: — Подвиг ваш не будет забыт. Вы будете представлены к высшей правительственной награде.

Войну капитан Набиев закончил в Праге. А когда вернулся домой, услышал печальную весть: умер отец, погиб брат Наби. Но уже на другой день Мустафа Агаевич, военком Дербента, впрягся в работу. Дел было хоть отбавляй, и коммунист Набиев радовался тому, что не слышно больше грома пушек над головой.

Прошли годы, много лет. Встречаясь с молодежью, рассказывал Набиев о ратных подвигах артиллеристов, вспомнил и о ночном бое под Шпратау, но мучило ветерана то, что некому было подтвердить его рассказ.

3 апреля 1982 года Мустафа Агаевич смотрел передачу по телевидению. И вдруг вскочил:

— Да это же наш комдив, Георгий Васильевич, генерал Иванов! Такой же, каким был когда-то. Постарел только...

На другой день Набиев выехал в Москву, встретился с комдивом, вместе с ним осенью посетил Шостку. А под новый, 1984 год, генерал-майор приехал в Дербент. Выступая во Дворце культуры стекольного завода, а затем в городском комитете партии, Георгий Васильевич рассказывал о доблести гвардейцев, о подвиге коммуниста, сына Дагестана Мустафы Набиева.

В "Дагестанской правде" (20 ноября 1964 г) перепечатана из "Магаданской правды" статья Г.Колтовского "Разведчик золотых кладов". Статья посвящена нашему знаменитому земляку Азизу Алискерову. Г.Колтовский пишет: "Начав работу на крайнем Северо-Востоке рядовым геологом А.Х.Алискеров вскоре был назначен начальником Оротуканского районного геологоразведочного управления, а затем начальником геологоразведочных работ горнопромышленного управления Далстроа. Вся его кипучая энергия была направлена на выявление новых россыпей месторождений золота и организации наиболее эффективной методики его добычи. Под руководством А.Алискерова и при его непосредственном участии разработан и осуществлен генеральный проект разведки реки Берелых, давший, как известно, блестящие результаты.

Рис. 9.25. Азиз Алискеров.

В последние годы своей работы А.Алискеров многое сделал для успешной организации разведочных работ в долине реки Анюй и на Чукотке. Можно смело сказать, что в теперешних успехах магаданских геологов есть и его большая доля труда.

Азиз Алискеров обладал редкой способностью исключительно чутко и справедливо относиться к нуждам и запросам своих подчиненных, всегда находил для этого время. Характерной чертой его была большая любовь к детям, для которых он старался сделать все, что было возможно.

Азиз Хаджиевич Алискеров умер 4 июля 1956 года в возрасте 42 года в полном расцвете сил... Недавно на приисках, в рабочих поселках области прошли собрания и вечера, посвященных 70-летию со дня рождения А.Алискерова. Ветераны Колымы и Чукотки делились своими воспоминаниями об этом замечательном человеке.

Блестящая работа А.Алискерова высоко оценена нашим правительством: он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями".

Дмитрий Трунов в "Дагестанской правде" (30 декабря 1972 г) пишет: "Несколько лет тому назад мне довелось встретиться с прославленными золотоискателями Дальнего Востока. Один из них показал мне золотую медаль лауреата Ленинской премии и сказал:

— Этим я обязан вашему земляку Азизу Алискерову.

Позже мне стала ясна эта не длинная, но много говорящая фраза... О нем даже написаны стихи. Мне прислали из Магадана. Приведу только два четверостишия:

*Волны мертвые камня серого,
В буйной зелени горный кряж,
Здесь оно и стоит, Алискерово,
Заполярный поселок наш.
Алискерово — имя звучное...
А ведь я его знал живым
И просился к нему в подручные
По тайге поскитаться с ним...*

Его именем назван не только поселок золотоискателей, но и прииск золотодобытчиков.

Назовем еще три имени, ставшие известными в последнее время. Это Герои Социалистического труда Мирзаханов Мирзахан, нефтяник, лауреат Государственной премии СССР (работает в Туркменистане), Алимирзоев Алимирзе — Герой Социалистического труда (Узбекистан), Имамат Ибрагимова — также Герой Социалистического труда. Вот что пишет Ш. Дагов в газете "Правда жизни" (№1, 1992, Махачкала) об Имамат: "Мое знакомство с этой славной женщиной произошло, пожалуй, не совсем обычно. Все на чалось с газетной строки. В газете "Советская торговля" от 6 марта 1982 года под рубрикой "В семье единой" было опубликовано интересное выступление заведующей секцией универсама рыбокооп совхоза "Алма-Атинский". Она рассказала о своих товарищах по работе, о дружбе и сплоченности людей совхоза, в котором живут и трудятся представители тридцати одной национальности. Каково же было мое удивление, когда дошел до строк: "Я коротко перечислю тех, кто работает у нас в универмаге. Я — лезгинка, есть уйгурки, казашки, гречанка, болгарка..."

"Лезгинка!" Наша землячка!" — удивился я. Откуда же она родом? Решил написать письмо. Захотелось узнать об этой женщине — героине.

Прошло много дней, а ответа все не было. Я уже перестал надеяться и почти забыл об этом, как однажды, вернувшись с работы, застал у себя дома двух незнакомых женщин, оживленно беседующих с моей женой. На груди одной, рядом со звездой Героя, сверкают ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и другие высокие награды.

— Здравствуйте, Имамат, с приездом! — почему-то я сразу узнал ее.

— Я получила ваше письмо, — улыбнулась она, — но отвечать уже не стала, вы меня извините, а решила приехать. Давно не была в родных краях. И свадьба моей родной племянницы Гюльнары обязывала. Да вот и мать ее, моя сестра. Знакомьтесь, Салимат

— Поворачается она к сестре. — Она живет в селении Куйсун Магарамкентского района, работает медсестрой в детском саду.

— Казахстан стал моей второй родиной, — говорит Имамат. — С того дня, когда отец мой Асали вместе с семьей был выслан туда в 1940 году как кулак, имевший трех коров и трех быков...

Имя Асали Велиметова — знатного табаководы — хорошо было известно в Казахстане. Добросовестный труд бывшего "кулака" был отмечен орденом Трудового Красного Знамени и другими наградами. Трудились на совхозных полях и мать Имамат, Гюзельхан, и остальные члены большой семьи.

Пришло время и Имамат встать на табачные ряды. Это было в год начала войны, Великой Отечественной войны.

В 1949 году при плане 25 центнеров звено Ибрагимовй Имамат собрало с каждого гектара закрепленной за ним площади по 324 центнера сухого табака. Такого результата никому не удавалось добиться. В числе других табаководов — рекорсменов республики Казахстан ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением золотой медали "Серп и Молот" и ордена Ленина. В это время ей шел двадцать первый год. Она стала одним из первых Героев Соцтруда среди дагестанцев. И вот в следующем, 1950 году, за выдающиеся успехи в труде Имамат Ибрагимова была награждена вторым орденом Ленина, а затем в 1951 году — орденом Трудового Красного Знамени. Но имя ее никогда не упоминалось, да и теперь не упоминается в Дагестане. Может потому, что дочь "кулака"? А может, кое-кому не подходил пункт пятый ее анкеты?

Так и работала бы она, шагая к новым трудовым высотам, если бы судьба не распорядилась по-своему. Имамат тяжело заболела, а врачи категорически потребовали:

"Меняй работу!:" А как сменить то, что годами упорным трудом и сердцем прочно вошло в жизнь? Да и перед людьми неудобно: только что Героя получила и тут же подыскивать легкую работу? А к легкому труду она не была приучена.

— Иди в магазин — посоветовал Петр Федорович, директор совхоза.

— Там тоже нелегко, но все же не табачное поле. И помни: не место красит человека"...

Способность к военному и трудовому героизму в крови лезгинского народа. Это доказывает и наша молодежь. В ноябре 1990 г. высокое звание Героя присвоено Абасу Исафиловичу Исафилову, погибшему на Афганской войне. Ему было всего 20 лет. Он шел в своему подвигу открыто, мужественно. За один год службы в Афганистане он имел награды: орден Красного Знамени, медали "За отвагу", "От благодарного афганского народа", Грамоту Президиума Верховного Совета СССР, "Воину-интернационалисту.

28 августа 1993 г. газета "Северный Кавказ (N35 (138) написала: "Парламент Калмыкии учредил звание Герой республики Калмыков. Первым героем стал овцевод Ханбаба Мирзаметов. Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов вручил ему орден, украшенной золотом, платиной, бриллиантами и рубинами (общая стоимость — 10 млн.руб) и новенькую "Волгу".

40 лет назад приехал юный лезгин из Дагестана в Калмыкскую степь и остался здесь. Кстати, Х.Мирзаметов награжден двумя орденами Ленина и имеет звание "Заслуженный животновод Калмыкской АССР".

В статье "Из жизни не исчезнет след" [40] Багавудин Алиев пишет: "Будучи в качестве дипломата на Ближнем Востоке, мне удалось собрать любопытные сведения о дагестанской диаспоре. Одним из выдающихся ее представителей является известный в Сирии военачальник дагестанского происхождения Талеб Дагестани.

Талеб Мухаммед Дагестани — потомок дагестанца Мухаммеда Челеби, выпускника каирского университета Аль-Азхар, лезгина из Рутульского района. Согласно семейным документам, в 1825 году во главе дагестанской делегации Мухаммед Челеби, тогдашний муфтий Шеки и Ширвана, имамом Дагестана был направлен в Константинополь (ныне Стамбул) для ведения переговоров с турецким султаном о поставках оружия. После, казалось бы, удачных переговоров с султаном и прибытия в приграничный Каре, старый Мухаммед Челеби вместе со всеми членами делегации был арестован турками и сослан в Сирию, тогдашний вилайет Османской империи. Там, вопреки своему желанию, он обосновался навсегда. А в Дагестане остались молодая жена, дети от первой (покойной) жены и другие родственники. В семье правнука старого Мухаммеда Челеби (его тоже звали Мухаммедом Челеби) в 1914 году в Дамаске родился Талеб Дагестани.

Завершив учебу в аристократической средней школе "Фрейр" в Дамаске, Талеб поступил в престижное военное училище, предназначенное для детей из семей высокопоставленных государственных чиновников и военачальников. Будучи весьма способным и физически крепким юношей, Талеб блестяще закончил училище и, получив звание лейтенанта, стал адъютантом президента Сирии Таджежина Хасани. При таком высоком назначении, безусловно, учли дагестанское происхождение молодого офицера. В странах Ближнего и Среднего Востока дагестанцы, черкесы и чеченцы пользовались большим уважением за мужество, храбрость и преданность.

Когда Сирия получила независимость, судьба свела Талеба Дагестани с новым президентом страны Шукри Куватли. Впоследствии это знакомство переросло в дружбу. Ее и по сей день поддерживают потомки этих знаменитых людей — сыновья, внуки, правнуки. Именно Шукри Куватли назначил Талеба главнокомандующим пограничными войсками молодой страны. Первый парад этих войск Талеб Дагестани принимал в 1946 году.

Во время первой арабо-израильской войны Талеб Дагестани командовал ливанским фронтом.

Скоро ситуация в Сирии изменилась. В результате государственного переворота к власти пришло правое крыло национальной буржуазии с Хусни Займом. Свергнутый президент Шукри Куватли эмигрировал в Египет, а Талеб Дагестани был направлен военным атташе в Багдад и Тегеран по совместительству. Фактически Талеб считался личностью опальной и новое назначение расценивалось чуть ли не ссылкой.

Прошло несколько лет. В 1954 году в результате очередного переворота президентом Сирии стал старый друг и сослуживец Талеба Адиб Шишакли. Президент пригласил Талеба Дагестани в столицу страны, присвоил ему звание генерала и назначил командующим Юго-Западным фронтом (на границе с Израилем).

1955 год. И вновь государственный переворот. К власти пришел Хашем Аттаси. За близость к прежнему президенту Талеба Дагестани опять направляют за границу военным атташе, но уже в Анкару.

В 1956 году в Сирии свободные президентские выборы, в результате которых президентом стал эмигрированный в Египет, любимец сирийского народа Шукри Куватли. Последний не замедлил призвать в страну и Талеба Дагестани. Он назначается генеральным инспектором вооруженных сил Сирии с присвоением только что введенного в стране звания дивизионного генерала.

Спустя два года в Сирии произошел так называемый "тихий" переворот и президентом стал Аффиш Бизри, который вынудил Талеба Дагестани подать в отставку. Уставший от бесконечных политических интриг в высших эшелонах власти, Талеб Дагестани принимает решение навсегда уйти из большой политики и заняться семейными делами. Однако дружбу с экс-президентом Шукри Куватли и его семьей он продолжал поддерживать. Пережитое тяжелое сказалось на здоровье мужественного дагестанца.

В один из дней 1975 года Талеб Дагестани, как обычно, за рулем своей машины возвращался домой и вдруг острая боль, поразила сердце. А вокруг — ни души. На улице Багдадской, что в центре Дамаска, расположены старое кладбище и Пантеон Славы. Там и похоронен генерал.

Несколько слов о супруге Талеба Дагестани. Эльхам Кендлж Юсуф Пашазаде, курдиянка, в настоящее время проживает в Дамаске. Высоко отзывается о родине покойного мужа — Дагестане.

Не только Талеб Дагестани, но и некоторые его родственники оставили заметный след в общественной жизни Сирии. Значителен вклад дяди Талеба — Казема Дагестани в философию и социологию. Выпускник факультета права Дамасского университета, Казем Дагестани закончил аспирантуру Сорбонны и впервые в Сирии блестяще защитил докторскую диссертацию по социологии. Он автор десятков фундаментальных трудов по философии и социологии. В 1940-42 годах работал начальником канцелярии премьер-министра, а затем канцелярии президента Сирии. В 1946 году назначен представителем Сирии в Лиге арабских стран. Умер 1985 году в возрасте 85 лет.

Известная современная писательница Эльфат Эдельби (род. 1912 г.) является двоюродной сестрой Талеба Дагестани. Ее перу принадлежит более 20 крупных литературных произведений. Некоторые из них переведены и на русский язык. Книга Рассказы моего деда" посвящена жизни ее прадеда Мухаммеда Челеби. В рассказе "Господь великодушен" Эльфат Эдельби пишет об одном из эпизодов патриотической деятельности своего дяди Закарьи Дагестани, бывшего заместителя начальника тюрьмы Дамаска, тайно освободившего заключенных сирийских патриотов во время французской оккупации Сирии.

Сын Талеба Дагестани Шамиль (род. 1943 г) работает в Дамаске генеральным директором комплекса стадионов столицы. Более 15 лет является бизнесменом, капитаном сборной команды Сирии по баскетболу.

Не могу не назвать еще одну фамилию из Далекого Зарубежья — это Тамараханум Керим. Эта замечательная женщина родом из Курахского района. Работает она в США и является президентом трансконтинентальной корпорации по экспорту и импорту одежды.

И в наши дни сотни лезгин на контрактной основе работает за рубежом. Один из них — Загидин Магомедович Рамазанов. Родился он в Белиджи, окончил биологический факультет Дагестанского государственного педагогического института.

В 1981 году З.Рамазанов поступил в аспирантуру при Академии сельскохозяйственных наук им. Тимирязева, а в 1983 году досрочно защитил кандидатскую диссертацию по теме "Механизм регуляции углеродного питания". 27-летнего ученого оставили работать в Академии. Его работа "Молекулярная биология углеродного и азотного метаболизма" стала новым словом в мировой науке.

З.Рамазанов разработал методы увеличения сельскохозяйственной продукции с использованием молекулярной биологии без минеральных удобрений. К сожалению, в России, Дагестане не нашлось места для открытия нашего земляка. Зато его работой заинтересовались зарубежные ученые, бизнесмены. В 1989 году его пригласили в Королевскую Академию Швеции. Два года читал он лекции по микробиологии в университетах городов Умеа и Упсала, занимался научными исследованиями.

Работал он в Швеции с удовольствием и плодотворно и вскоре выучил и шведский язык. Там же Загидин получил приглашение из министерства развития и образования Испании. В Испании наш земляк успешно читал лекции по молекулярной биологии в Кордовском университете.

Сейчас З.Рамазанов работает в США, преподает курс микробиологии в Луизианском университете. Он член секретариата Европейского общества биологов. Член Американского общества биологов. Загидин уже имеет на руках новый контракт. Пять лет будет работать в биотехническом Центре по молекулярной биотехнологии на Канарских островах.

Ученый с мировым именем свободно владеет английским, шведским, испанским языками, плодотворно работает со своими аспирантами из США, Испании, Швеции, Кении, Танзании и других стран.

За последние три года Загидином опубликовано более 100 работ, большинство из них — за рубежом. Недавно в Голландии вышла его книга о молекулярной биологии. Она сразу же разошлась, теперь он работает над второй монографией.

В далеких странах З.Рамазанов получил признание, добился успехов в научно-педагогической деятельности. Я не думаю, что он не хотел бы работать у себя на Родине — Лезгистане. Но как?!.. До сих пор в Лезгистане нет ни одного государственного высшего учебного заведения или промышленных предприятий! Поэтому "утекают умы и руки", — как говорил профессор М.Аджиев, — из Лезгистана.

Трудно мне сейчас сказать, сколько у нас генералов, адмиралов, героев Советского Союза, героев труда, крупнейших ученых, выдающихся тружеников. О многих из них мы ничего не знаем, поскольку о них не писали или писали как о "дагестанцах" и "азербайджанцах" без конкретного национального адреса. Поэтому и здесь оставляю символическую страницу, чтобы в будущем восполнить этот пробел.

В связи с сказанным я вспоминаю спор об обсуждении одной статьи, появившейся года 4-5 назад в "Дагестанской правде". Статья была посвящена генералу М.Кахриманову. Это

было время, когда в разгаре была Афганская война. Генерал Кахриманов служил тогда в Среднеазиатском военном округе. В статье говорилось, какую большую работу проводит М.Кахриманов в налаживании работы военного округа и как помогает он нашим дагестанцам. Однако в статье ни слова не было сказано, где он родился, откуда родом. Мы все гадали на кафедре: лезгин ли он или лакец...

Рис. 9,27. Генерал-майор Мутудин Кахриманов.

Вот так в Дагестане и в Азербайджане было наложено "табу" на слово "лезгин". Приводимые здесь материалы были опубликованы в основном в так называемых независимых газетах, появившихся в последние 3-4 года.

Что же получается из изложенного? Путем геноцида против лезгинских лидеров на Восточном Кавказе турки лишили наш народ возможности восстановления государственности. Из-за разрушения старых производств, не строительства новых промышленных предприятий при советской власти, особенно за последние пятьдесят лет, наиболее активная часть лезгинского народа оказалась за пределами Лезгистана. Лезгинский народ жил и живет сам по себе со своими заботами и хлопотами, а его интеллигенция — сама для себя, отделенная от него сотнями и тысячами километров в Махачкале, Москве, С.-Петербурге, Новосибирске, Киеве, Саратове, Волгограде..., в Средней Азии, Сибири, Поволжье, Ставропольском крае и т.д. Поэтому нечему удивляться, что лезгинский народ сейчас находится в таком исключительно трудном и плачевном состоянии. Положение его преднамеренно усугубляли еще тем, что ему десятилетиями внушали, что он — малочисленный народ, без рода и племени, без собственной экономики и культуры!

Давайте посмотрим на конкретных примерах, какими варварскими методами довели лезгинский народ до такого нищенского (и духовно и материально) состояния руководители Дагестана и Азербайджана.

9.2. СОВЕТСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕЗГИСТАНА И ПРОИЗВОЛ ПРОТИВ НАРОДА

Проехав и походив немало километров по Лезгистану в 1990г, изучив нынешнее состояние лезгинского народа во всех областях жизни, профессор М. Аджиев пишет [41]: "Еще задолго до нашей эры, тогда Самур назывался Албаном, было государство Кавказская Албания. Его жители отличались воинственностью и удивительной смелостью. Не случайно же до сих пор в Грузии так пугают непослушных детей: " Придет леки, заберет тебя". Лезги уводили отсюда невольников и продавали их. В Дагестане, например, вплоть до XIX века был невольничий рынок. Такова еще одна древняя традиция лезги, дошедшая до нас по книгам того времени: народ-воин. К слову сказать, за исключительную порядочность, бесстрашие и высокое воинское искусство лучших из лучших лезгин в XIX веке приглашали в Санкт-Петербург в Собственный Его Величества конвой Государя Императора.

Для историков и археологов районы Лезгистана вполне могли бы стать кладом, полным неожиданных открытий. Тем более что серьезных раскопок ни в земле, ни во времени здесь никто, похоже, не проводил — подчеркиваю, серьезных.

От Кусаров дорога идет до Самура, сады и пашни окружают её. На пашнях то здесь, то там ореховые деревья. Могучие, с пышной кроной. Всюду ни пяди брошенной земли, все на учете, все в деле. Довольно часты селения. Дома, как правило, добротные, двухэтажные... И конечно, сады, сады вокруг домов, богатые, ухоженные сады. Действительно, на зависть!

Здесь — плоскогорье. Дикая природа кое-как заметна, пожалуй, вблизи рек, ручьев и на неудобьях. Там заросли. Да и то они сохранились, насколько возможно им было сохраниться в этом рукотворном крае. — У нас всегда было так, — сказал Рамиз-малим, мой добрый попугчик.

Он взялся показать мне тот, прежний, а не современный Лезгистан, чтобы я смог увидеть, понять, как здорово изменилась жизнь советских лезгин. Ведь в любом путешествии важна точка отсчета пути. Этой точкой для меня должен был стать Тагирджал, старинный аул, куда мы и ехали.

— Там очень трудно живут люди. Сам увидишь, — не раз повторял мой внимательный знакомый.

Рамиз-малим — местный, он из Гиля, а в Кусарах живет, потому что на ответственной работе. И не узнал бы я эту сторону его биографии, если бы на дороге не оказался сам Гиль. Типичное лезгинское селение...

Вот вдали на горе показались домики с плоскими крышами, один словно поддерживал другой, чтобы тот не сорвался с обрыва. Правда, каждый второй дом был полуразрушенным.

Переехал мост. Я попросил шофера остановить машину. Вышел. Весь склон до самого верха занимало кладбище. Тысячи и тысячи безмолвных памятников подходили к самому небу. Я подошел к одному памятнику, потрогал на нем высеченные слова, похожие на кружева. То была не арабская вязь. Чей язык?

Уже потом уважаемый Икрам Дувлетханов (он работает в школе, а в свободное время со слов аксакалов записывает историю селения в толстой амбарной книге) рассказал, что когда был обвал и часть кладбища сползла в реку, люди увидели подземное кладбище. Трехэтажное.

— Какое-какое? — переспросил я. Оказывается, обвал открыл то, что прятало время: под верхними могилами были нижние. Три яруса могил.

Когда появились первые захоронения, никто конечно, не помнит. И не может помнить! — Они метров на восемь-десять от поверхности, людей тогда хоронили в глиняных сосудах, стоя... Ни один археолог, как мне сказали, и пальцем не коснулся здешних глиняных сосудов, которые порой обнажает река.

Выходит, в Тагирджале жили задолго до нашей эры. А не здесь ли вообще одно из первых поселений в Лезгистане?

"Сейчас пастбища заброшены. Молодые почти все уехали из аула, а у стариков уже руки не те — устали... Да, бросили дети гор, как выражалось начальство", неперспективные горы", переехали на перспективную равнину. А что не переехать? Раз у Советской власти не нашлось ни одного гвоздя, ни одного кирпича, чтобы за все время хоть что-то построить для Тагирджала. Ничего!

"Глухой только наполовину жизнь понимает", — учит пословица. Сегодняшние заботы сделаны именно глухими, прежними руководителями. В результате опустошен Тагирджал, разорен Судур, брошены другие древние аулы... Даже после Тимура, Надир-шаха в Лезгистане все-таки было иначе: никто не рубил корни дерева — завоеватели лишь обирали его плоды.

И чтобы утвердиться с 30-х годов и вплоть до 60-х, наместники народной власти заставляли лезги платить так называемый налог за оседлость, его платили в республике лица некоренной национальности, то есть не азербайджанцы (не азербайджанские турки — Г. А.). За проживание на родной земле с лезги брали деньги! Лишь одно спасало лезги от уплаты этого унижительного налога — записывай себя азербайджанцем, тогда в Баку открывались, например, двери "бесплатного" образования. (Разве честь теперь что-нибудь стоит?)

Так национальная политика готовила себе национальные кадры. Кадры, которые никому и не были нужны. Зачем они, если нет рабочих мест?

Семьдесят лет кряду из страны лезги "утекают" мозги и руки. Здесь нет ни научных учреждений, ни современной промышленности. Зато есть талантливые ученые, квалифицированные инженеры и рабочие, которые нашли свою судьбу на стороне. Парни из Тагирджала, например, работают в химических цехах Сумгаита, на промыслах Тюмени и Баку. Правда, только второстепенная работа, как правило, достается им. Но даже не в этом мне видится беда. Главное — растворяется гордый народ гор по имени лезги. Вот что, на мой взгляд, самое страшное, самое невосполнимое.

Мы ходили по Тагирджалу, разговаривали с его редкими жителями. Время когда-то замерло здесь, а остановившись, перевернулось и потекло назад. Хочешь потрогать историю — пожалуйста...

На ночь меня приютил Ярахмедов Ярахмед, седеющий горец с чуть притухшими черными, очень выразительными глазами... Ярахмед вспомнил, каким был еще недавно их аул, как он славился остроусловами — шутники на весь Кавказ были".

"Приехал как-то секретарь райкома, толстый, важный, в шляпе и с портфелем в руке. Ходит по Тагирджалу и кричит на всех. Видит, мальчик лет пятнадцати ведет ишака и курит. Секретарь кричит:

— Эй, такой маленький и куришь. Тогда дай сигарету и ишаку.

— Мой ишак представитель райкома, ему "Казбек" нужен, — спокойно сказал мальчик. И пошел дальше.

А самой большой шуткой, и самой глупой, лет сто назад была бы такая: "Скоро не будет лезгинских праздников". Честное слово, засмеяли бы, никто бы тогда не поверил, что

внуки выбросят папахи, бурки, черкески своих дедов (Горячие горцы не догадывались о близком будущем). И уж в чем можно быть абсолютно уверенным — никому бы и в голову не пришло сказать, что в аулах замолкнут песни, что народ, давший миру лезгинку, разучится её танцевать (С остывшей кровью разве танцуют настоящую лезгинку? Пей-не пей водку, а кровь разогревает не она...)

— В Тагирджал, — вспоминал дальше Ярахмед, — люди приходили и по делу, и просто так, послушать, посмеяться, души отвести...

Утром меня ждала новая дорога — Ярахмед обещал проводить в Судур, еще одно древнее лезгинское село... Ехать недолго — километров десять-пятнадцать. Но долго. По тропе и верхом. Другой дороги из Тагирджала нет. Когда-то эта дорога была вполне приличной, но и она заросла без людей: нам приходилось пригибаться, чтобы ветки не поранили лицо. Кустарники кое-где уже сомкнулись над тропой.

К обеду и доехали. Тогда я вдруг почувствовал смертельную усталость. Высокогорье! Но зато какие впечатления... я все думал, ведь за впечатления в цивилизованном мире платят, причем твердой валютой. Но в Лезгистане о доходе от туризма, похоже, не слышали, иначе наверняка пару-тройку седел сделали бы...

Поездку по Азербайджану мне прервали выборы, очередные выборы Советской власти. Проходили они здесь в 1990 году, как известно, при режиме военного положения, и приказам подчинялись все, даже не избиратели. Словом, не по своей воле я оказался в соседнем Дагестане... Там живет народ, который тоже называется лезги. И дело, конечно, не в том, что едва ли не все говорят по-русски почти без акцента. Там дух иной! Горами не пахнет, пахнет российским селом...

Не хочу много рассказывать о дагестанских лезгинах: лишь две-три светлые минуты за всю поездку. Простите, земляки, но было именно так. И одну из этих светлых минут подарил Руслан Керимханов из селения Гиляяр. Если бы не он и не его замечательные друзья, честное слово, подумал бы, что в Дагестане уже перевелись лезги. Этот парень собрал в брошенных домах старинную посуду и хранит её на чердаке. Говорит, для музея! Честное слово, какой-то несовременный лезги живет в Гиляяре. Зачем-то учится рисовать. Зачем-то записывает народные предания и обычаи. Хочет восстановить мечеть... Слышал и о подарке археологам: в 1957 году в Гиляяре нашли кувшин с обуглившимися зернами пшеницы, позже находку датировали третьим тысячелетием до нашей эры...

В поселке Белиджи на новые дома все вешают пучок колючей травы или прибавляют бараньи рога — от сглаза... Рецепты проверенные, пришли из глубины веков, ведь прежде, до V столетия, здесь была столица княжества Чога, городище умещалось в крепости и захотелось посмотреть, вот почему моя дорога завернула сюда. Однако в селении никто не знал о реликвии. Об этой лезгинской ровеснице Трои.

Опять же спасибо случаю и терпению, они свели с веселыми солдатами, которые знают о крепости все. Короче говоря, в лесу сохранилась Торпах-кала. Но к ней просто так не подступиться. Что-то, видимо, там берегут для наших новых мирных инициатив.

Это они солдаты, нашли в земле Торпах-кала битую и целую посуду, изделия из меди: кольца, украшения. Несколько раз находили золото. Это они, солдаты, знают, где, в каких местах, под землей пустота. Это они говорят, что около свалки есть плита, загораживающая подземный ход. Ребята не раз пытались подцепить плиту бульдозером, "не поддалась, гадина, так и бросили".

Интересуются, выходит, наши современники крепостью...

Остальные свои встречи в Дагестане я стараюсь забыть: тяжелый сон. Несчастливая страна. Обездоленная. Там трудно с хлебом, бензином и со всем другим. Там бессилие и

безнадежность, а это — самое страшное. Ибо, как сказано в Коране, самое большое на свете несчастье — безнадежность.

Не знаю, забуду ли встречи с потерянными аксакалами, хочу забыть их пустые глаза... С опущенными глазами, чтобы не смотреть, я пытался было сказать аксакалам о великих лезги начала века, о которых они, похоже, даже не слышали. Например, о Бейбалабеке Султанове, крупнейшем враче, вернее естествоиспытателе, преподававшем в Сорбонне. Или об Али Гасанове, который поражал собеседников "эрудицией и силой мысли, разбиравшийся во всех тонкостях философии Спинозы и Лейбница, Канта, Гегеля и других" (так писали о нем современники), причем излагал он свои мысли и на турецком, и на фарси, и на арабском, не считая, конечно, европейских языков.

Пустые мои хлопоты! И я вдруг с ужасом понял, что целые поколения у нас всю свою жизнь только крушили, чтобы "до основания, а затем...". Их устраивают легенды о прежней отсталости и дикости лезги. Будто не было Салаха, Лезги Кадыра, Мирзы ал-Ахты, и других мыслителей XVII века, забыты Раджаб Амирханов, Мулла Нури, Мирзали Али... Сколько их, великих умов Лезгистана, вычеркнуто из истории!... Великанов низвергли, а на постамент подняли карликов.

Руку пожму лишь Сулейману Ханмаго-медову, который хорошо рассказал мне о празднике яран сувар. Даже глаза заблестели у аксакала.

Тогда, в его детстве, всю ночь горели факелы и костры на крышах домов, люди до утра веселились, ходили в гости, а мальчишки опускали в дымоходы сумки на веревках, куда положено было класть подарки: орехи, яблоки, всякую мелочь. Все-таки Новый год, который на Кавказе начинался прежде весной, обычно в конце марта. В новогоднюю ночь за ужином в семье пускали по кругу "большую денежку". На счастье! А утром красили вареные яйца и катали их по траве... После праздника начинались полевые работы и кочевка в горы. И они тоже были как праздник!

Много радостных дней детства вспоминал уважаемый Сулейман-ага. И на каждом — музыка, скачки, танцы. А долгими зимними вечерами собирались по очереди друг у друга, рассказывали сказки, спорили о жизни, женщины сучили шерсть... "Водка, "пьянки" — такого не знали". Куда все ушло?...

Оказывается, в 30-х годах XX века в высоких кабинетах не боги, а возомнившие себя богами" сотворили "народы СССР. Новые нации пекли, как лепешки на базаре. Из проживавших в Азербайджане сделали азербайджанцев. Из народов Грузии — грузин. С тех пор и в обиход вошло нелепейшее словосочетание "лица кавказской национальности".

Лезгины, которых я видел в поездке, — творение тех лет. Сразу десять народов — лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры, арчинцы, удины, крызы, будухцы, хеналькцы — стали советскими лезгинами, все на одно лицо, вернее, без одного — некими "лицами кавказской национальности", прочими среди прочих. Правда, в 1946 году хозяева высоких кабинетов спохватились. Правителей напугала многочисленность лезгин. Тогда, как от куска мяса, от "новой" нации отрезали табасаранцев, рутульцев, (агулов, цахурцев — Г.А.), чтобы теперь лезгины не перевешивали в торговле за власть... Нет народа — нет проблем. Маленький народ — маленькие проблемы.

Но историю, как и этнографию, не переиначишь даже в самом высоком кабинете. Нынешние конфликты на национальной почве, как мне думается, и есть расплата за те этнографические творения, о которых теперь стыдливо умалчивают... Вот она, настоящая цена за угодничество в науке" [41].

Таков рассказ об увиденном в Лезгистане профессора М. Аджиева.

Лезгин делили и делят якобы для ускоренного развития экономики и культуры табасаранцев, агулов, рутульцев, цахурцев и других лезгиноязычных народов. Теперь по происшествии более 40 лет после этого процесса рассмотрим, получили ли малочисленные народности лезгиноязычной группы обещанные блага? Вот что пишет Мурад Аджиев по этому поводу в статье "Молчаливые табасаранцы" [42]: "... Нам зарплату не платят. Даже соли купить не можем... Каждый второй мужчина в селениях Табасарана рождается безработным и умирает безработным... Табасаранцы на 5-6 месяцев ездят в Ставропольский край, а то и в Казахстан, сезонничать. Им доставались самые тяжелые, трудные работы — то, за что местные жители отказывались браться. Стричь камыш, выгребать навоз... Не год, не два — всю жизнь тысячи людей радовались своей единственной возможности прокормить семью. Сейчас и этот источник дохода табасаранцев начал иссякать. Хозрасчет ударил по сезонникам — их сокращают первыми. И печально известные события в Узени тоже задели табасаранцев. Словом, из Казахстана приезжают беженцы, а им нужна работа, крыша и еще многое, чего здесь нет. Десятилетиями в Табасаране не поощрялось строительство. Даже частный дом, за свои собственные деньги, поставить было проблемой. Не разрешали. Не давали. Запрещали... Государственное строительство ведется по прежнему ни шатко, ни валко.

О школах тоже много не расскажешь. Почти все одинаково запущенные. Едва ли не каждая четвертая в аварийном состоянии. Ни о каких компьютерах, лингфонных кабинетах, конечно же, не знают. Нет простейших наглядных пособий...

Очень непростая социальная обстановка в районе: в Табасаране, в котором едва ли не самая высокая рождаемость в Российской Федерации, лишь недавно построили родильный дом.

Табасаран даже с ближневосточными или африканскими странами, бывшими колониями, уже не сравнишь... Почему в таком бедственном положении оказался древний Табасаранский народ?

Мне трудно согласиться с первым секретарем, что в районе отсутствуют национальные проблемы. Есть они. А суть их точно, на мой взгляд, выразил житель далекого селения, старик, с которым мы вспоминали традиции Дагестана. Прошлые и современные. — Был даргинский Дагестан, теперь аварский. — Так думает не только этот старик...

Оказывается, табасаранцы никогда не держали штурвал власти в республике, они не были той национальностью, которая вдруг присваивает себе право говорить от имени всего Дагестана. Поэтому-то и сидели они все семьдесят лет на голодном пайке. Не случайно Табасаран едва ли самый отсталый район Дагестана. Вот где я увидел корень национальной проблемы и района и республики... Случайностей в судьбе народов не бывает! Эта судьба второго по численности лезгиноязычных народностей! "Положение рутульцев, агульцев, цахурцев и других лезгиноязычных народностей не лучше. Вот где классический пример применения принципа: разделяй и властвуй".

Трагедия нашего народа проистекала не только из-за того, что его разделили на многие части со всеми вытекающими из этого последствиями, но и в том, что тотальная фальсификация всей общественной жизни общества в советский период в наибольшее степени прошла по нашему незащищенному народу. Наши лидеры, как и наш народ не сумели приспособиться, скорее всего не хотели приспособиться, к тотальной лжи и фальсификаций, они подверглись в наиболее жестокой форме произвола, давлению и репрессиям.

В то время произвол становился нравственным, если он "служил" утопическим целям, "классовой борьбе", причем последняя границ не имела — и произвол постепенно стал безграничным. Ускоренному развитию произвола способствовало введение строгих иерархических структур управления и составления номенклатуры должностных лиц, не

зависимых от управляемых им народов. Побочным результатом произвола стала некомпетентность. Некомпетентные люди стали руководить обществом, наукой, культурой, литературой, искусством и т. д. В этих условиях одни смирились и замолкли, другие становились "жалобщиками", "клеветниками", даже "диссидентами", третьи принимали диктуемые условия, потихоньку попивали, продавали интересы народа и аплодировали маньякам...

Послевоенный советский период подготовил целую плеяду местных князьков, произвол которых во многих случаях превзошел произвол центра. Многие малочисленные народы были поглощены более крупными, некоторые из них подверглись притеснениям, экономическому коллапсу (уничтожению), духовному обнищанию.

Более семидесятилетний советский период лжи, обмана и произвола обернулся для нашего народа новой трагедией: народ приобрел мало, но потерял очень много.

Лезгины — один из крупных народов, который оказался и остался за годы советской власти поделенным по разным республикам. Главное в этом положении — растущие трудности социально-экономического и культурного развития народа. Правительства России (соответственно Дагестана) и Азербайджана не позаботились о совместном решении проблем, возникших из-за разделенности народа.

В социально-экономическом плане лезгинские территории за советский период не только не получили должного развития, но многие промыслы, ремесла и т.д., сложившиеся тысячелетиями, были потеряны или уничтожены (Подробно см. в приложении IV)

Районы, где проживают лезгиноязычные народы в Дагестане, являются наиболее ущемленными в экономическом и социальном развитии. Поданным Госплана Дагестана из более 100 филиалов и цехов, построенных в сельской местности от различных бывших союзных промышленных предприятий менее 10 % находятся в лезгиноязычных районах. Это в то время, когда в Юждаге проживает около 25% сельского населения Дагестана. Причем эти предприятия маломощные.

Дагестанские заводы и фабрики также не баловали Юждаг. Из 28 филиалов Дагестанского промышленно-торгового швейного объединения только два цеха (в селах Хучни и Гули Табасаранского района) функционируют в сельской местности Юждага, что составляет 6%.

Из запланированных построить 35 филиалов экологических чистых, перспективных цехов от дагестанского полупроводникового завода "Эльтав", в северных районах уже действуют с десятков. Для Юждага спланировали несколько цехов, да и они не строятся. Чтобы начали строить цех в Касумкенте, руководители района, народные депутаты неоднократно обращались к руководству Дагестана. Только после депутатских запросов пообещали начать строительство с 1993 года. Тогда я писал, что к тому времени либо "осел умрет, либо хозяин". Так и случилось. Теперь об этом даже не вспоминают!

В Юждаге не только практически не строятся новые производства, но и разрушаются старые. На грани закрытия находится фабрика "Дагюн", которая обеспечивала почти весь Дагестан пряжей. Она не реконструируется. Вместо нее строится мощное аналогичное предприятие за пределами Юждага, около Махачкалы, с использованием валюты, заработанной табасаранскими и лезгинскими ковровщицами. В будущем здесь будет сконцентрирована переработка шерсти, кожи, мехового сырья и т.д. Конечно, все это окажется в руках представителей других народов. Опять властные структуры будут использованы против Юждага. Об этом говорит и постановление СМ Дагестана, опубликованное в Вестнике СМ Дагестана (№3 1991г.), где сказано: "Возложить осуществление функций закупки кожевенного, овчинно-мехового сырья, пушницы,

шерсти и отгрузку их за пределы республики на Дагпотребсоюз". Так что, дорогие лезгины, выращивайте ценное сырье и сдавайте это богатство за бесценок дагестанским божкам, чтобы они могли жить райской жизнью, купаясь в роскоши, в том числе и в валюте.

Фактически в лезгинских районах сведено на "нет" производство ковров, ковровых и джурабных изделий в общественном и частном секторе. Сейчас во всем Ахтынском районе, где производилось десятки тысяч м² ковров, ничего не производится из-за нехватки пряжи.

В Юждаге производится более 50% фруктов и овощей, однако только 20% из них перерабатывается на месте. Продукция за бесценок, посредством так называемых государственных поставок, вывозилась за пределы Юждага. Из-за этого население Юждага несло и несет убытки на десятки миллионов рублей (все денежные цифры даются в старом исчислении).

Известно, что хозяйства Дагестана получали и продолжают получать огромные денежные дотации из России. От сотни миллионов рублей на эти цели в Юждаг попадали порядка 10-15%, т.е. сельские районы Юждага ежегодно недополучали около 25 млн. руб. Аналогично обстояло дело с капитальными вложениями в сельские районы Юждага агропромом Дагестана, финансируемых за счет бюджетных ассигнований. Здесь доля Юждага находилась в пределах 5-8 % от выделяемых сумм по Дагестану.

50-60 млн. руб. в старом исчислении Дагестан ежегодно расходовал на мелиорацию сельхозугодий, из них только 5% попадали в хозяйства Юждага. Колхозы и совхозы Юждага в 2-3 раза хуже обеспечивались тракторами, комбайнами, транспортными средствами, чем другие районы Дагестана.

Приведем еще пример. Объем производства продукции сельского хозяйства Магарамкентского района в 1989 году равнялся производству валовой продукции пяти районов: Тляртинского, Унцукульского, Цунтинского, Цумадинского, Чародинского вместе взятых, однако капиталовложения в Магарамкентский район по всем направлениям хозяйствования и оснащения его техникой находились почти на уровне одного из этих отдельно взятых районов.

Четко прослеживается и другая линия — это планомерное разрушение природы, среды проживания лезгин. Разве попытки создания государственной границы между Дагестаном и Азербайджаном внутри единого народа, единой среды обитания лезгин не говорят об этом?

До 50-х годов советского периода северные районы нынешнего Азербайджана и южные районы Дагестана составляли единую экономическую зону — скотоводческий комплекс, где содержалось более миллиона голов скота. Жители южных районов нынешнего Дагестана имели зимние кишлаки в Кубинском, Хачмасском, Кусарском и других лезгинских районах нынешнего Азербайджана, а жители Кубинского, Хачмасского, Кусарского и других районов имели летние яйлаги на альпийских лугах Юждага. Скотопргоны между летними яйлагами и зимними кишлаками имели максимальное расстояние всего 50-70 км.

В частности постановлением СНК СССР в 1938 г. за хозяйствами Южного Дагестана в пределах Азербайджана было закреплено 96744 га земель: за Рутульским районом — 30,9 тыс.га, Ахтынским — 27,0 тыс.га и Докузпаринским — 38,8 тыс.га. По постановлению СНК СССР от 24 мая 1945 года N 1162, кроме яйлагов в Кусарском, Кубинском районах, пользовались яйлагами в Кахском районе — 2777 га, Халданском — 23468 га, Геокчайском — 3686 га, Кюрдамирском — 20599 га, Агдашском — 8450 га, Зардобском

— 3648 га, Казимагомедовском — 30000 га и Уржарском — 4117 га. Хозяйствам Азербайджана в пределах Рутульского района было выделено 38882 га летних пастбищ.

Поголовье скота в это время в Южных районах Дагестана интенсивно росло. Так например, в селе Хкем Ахтынского района с 1945 по 1950 год поголовье скота удвоилось. Так же шел рост поголовья скота в других хозяйствах — Докузпаринского, Ахтынского и Рутульского районов. В одном селе Куруш Ахтынского района в то время было три скотоводческих колхоза и поголовье составляло более 120 тыс. голов.

В 1950 году, в нарушение Постановления СНК СССР от 24 мая 1945 года, ликвидируются зимние пастбища Докузпаринского, Ахтынского и Рутульского районов в Азербайджане. Им выделяются земли в Астраханской области (ныне Калмыцкая республика). Хозяйства указанных районов отказываются от выполнения этого несправедливого решения и несут огромные убытки, численность поголовья резко уменьшается.

Из справки" О понесенном ущербе колхозами Докузпаринского района в связи с откреплением зимних пастбищ в Азербайджанской ССР ", составленной председателем Исполкома Докузпаринского райсовета народных депутатов Т. Асваровым и исполняющим обязанности заведующего райсельхозотделом А.Шахмардановым: "В своей докладной записке Исполком и Райкоу ВКП (б) Докузпаринского района от 5 марта 1951 года, адресованной председателю Совета министров ДАССР тов. Айдунбековч, секретарю Обкома ВКП (б) тов. Даниялову и министру сельского хозяйства ДАССР тов. Магомедову подробно изложили глубокий анализ финансово-экономического состояния кочевых животноводческих колхозов района и ущерб, понесенный ими в результате открепления зимних пастбищ в Азербайджанской ССР, занимавшихся животноводцами нашего района с неизвестных и давних времен.

Кроме тех колоссальных потерь и падежа скота, имевших место в зимние месяцы 1948-1949 годов, когда в создавшихся суровых условиях зимовки (такой зимы не помнят последние 60 лет) в Азербайджане пало 848 голов лошадей 2261 голов крупного рогатого скота и 66301 голов овец и коз, колхозы района понесли громадный ущерб с переходом на вновь временно отведенные зимние пастбища в Бабаюртовском районе ДАССР.

Рис. 9.28. Салам Айдунбеков

В 1950 году (до 15 августа 1950 года) на заготовку кормов, сенокошения, ремонт и строительство помещений, подвозки и транспортировки кормов, на покупку материалов, горючего и на использование сельхозмашин произведены затраты в следующих суммах: на кутанах в Азербайджане было скошено 3029 гектар сенокосной площади и заготовлено грубых кормов в переводе на сено 6920 тонн; на проведение этих мероприятий истрачено 47.114 трудодней, стоимость которых составляет 485.449 рублей. На выполнение вышеуказанных работ затрачены продукты питания на сумму 369.360 рублей и денежные средства 383.463 рубля. На строительство и ремонт зимних скотопомещений, жилых, хозяйственных и других построек израсходованы денежные средства: 244.050 рублей. Для этих целей колхозы района получили большую помощь от государства в виде краткосрочных и долгосрочных кредитов.

По состоянию на 1 января 1951 года за колхозами района числилась задолженность государству по кредитным средствам в размере 2.092.000 (в том числе 812 тыс. рублей краткосрочного кредита) и недовзносы в неделимые фонды колхозов в 1.245.000 рублей.

Указанные выше потери и денежно-материальные затраты в сильной степени повлияли на хозяйственно-экономическое положение колхозов, а также отразились на экономическом положении колхозников. Еще более серьезные трудности встретились в работе колхозов в связи с подготовкой и проведением зимовки скота на территории Бабаюртовского района: пришлось перегонять поголовье скота по совершенно неизведанному маршруту на расстояние более 500 км, построить заново зимние помещения для многотысячного поголовья овец и коз, крупного рогатого скота и лошадей; жилье для чабанов, складские помещения и другие помещения, заготовить стройматериалов, грубые и концентрированные корма, подвозить их к местам зимовки и т.д., на что истрачены в большом размере денежные средства, продукты питания и другое.

Семь колхозов района (до укрупнения их было 11) только на переброс из Азербайджана в Бабаюртовский район сельхозмашин, инвентаря и другого оборудования израсходовали 530.260 рублей, а на мероприятия, связанные с подготовкой и проведением зимовки скота на новых пастбищах — 1.358.850 рублей.

Эти дополнительные расходы в Бабаюртовском районе значительно ослабили финансово-экономическое состояние всех кочующих колхозов, особенно трех крупных животноводческих колхозов аула Куруш, не имеющих никакого другого источника дохода, кроме как животноводство.

Балансовая стоимость всех видов помещений, находившихся в Азербайджане, составляла 1.958.173 рублей, а при передаче местным колхозам комиссия оценила их на сумму 484.800 рублей, т.е. на 1.523.373 рублей меньше, чем балансовая стоимость. Колхозы района продали также и сено на сумму 680.905 рублей, однако эти деньги за проданные корма и переданные помещения до сих пор полностью не поступили на счета колхозов.

В общей сложности колхозы района за 1950-51 годы понесли ущерб на сумму 4.317.961 рублей.

По состоянию на 1 июля 1951 года за колхозами района числится задолженность государству по краткосрочным ссудам 899 тыс. рублей, которые подлежат погашению в III и IV кварталах 1951 г, а по долгосрочным ссудам 1.271.300 рублей, в том числе 128 тыс. рублей подлежат погашению в 1951 году. Без изменения остается задолженность по недовнесенным средствам в неделимые фонды колхозов. Кроме того колхозы все еще не могли рассчитываться с государством за прошлый год и на первое июля 1951 года за ними числится большая задолженность по налогам и сборам. Задолженность по подоходному налогу колхозов составляет 790 тыс. рублей.

Предстоящая откочевка скота на зимние пастбища в Астраханскую область, расположенные от нашего района более чем на 1000 км требует громадные денежные и материальные затраты и если нашему району не будут оказаны соответствующие льготы и реальная помощь, то колхозное животноводство района может иметь весьма серьезные последствия".

Совет министров отреагировал на вышеприведенную справку и в обращении, направленном в Обком отмечает: "В начале июля месяца 1951 года на пленуме Дакузпаринского РК ВКП(б) в присутствии тов. Федорова представители колхозов сел. Куруш (им. К. Маркса, им. Ф. Энгельса и им. Э. Тельмана) категорически возражали против перегона скота на "Черные земли". Это не единичный случай выступления руководителей колхозов. Аналогичное положение имело место и на сессии райсовета Ахтын-ского района 27 июня 1951 г, где все председатели колхозов до единого, по требованию колхозников, также отказались перегонять свой скот в Астраханскую область.

Все это происходило лишь потому, что руководству Обкома ВКП (б) подходит упрощенно к разрешению проблем. Такие районы, как Буйнакский, обеспеченный зимними пастбищами внутри республики на 117%, Ботлихский — 140%, Гунибский — 116%, Чародинский — 151 %, находясь ближе к " Черным землям ", чем Ахтынский, Рутульский и Докузпаринский районы, имеют зимние пастбища между городами Дербент и Махачкала. Таким образом, скот северных районов кочует на территории Южного Дагестана, а южным районам отведены пастбища в Астрахани — на крайнем севере Кавказа.

В 1949 и 1950 годы специалисты — животноводы Министерства сельского хозяйства Дагестана внесли свои предложения об обеспечении указанных трех районов пастбищами внутри республики за счет уплотнения, правильной организации, рационального использования пастбищных угодий и соответственного перемещения колхозов Северного Дагестана на север, чтобы обеспечить хотя бы видимую пропорцию в расстоянии между летними и зимними пастбищами районов Дагестана.

Какие могут быть нежелательные последствия при нынешнем недифференцированном распределении пастбищ?

Все три пограничные районы с Азербайджаном по скотопрогонной дороге находятся от "Черных земель " на расстоянии приблизительно 750 км. Для организации нормального перегона скота (мелкого) со скоростью 10-15 км в сутки к конечному пункту скот прибудет через 60-70 дней в один конец, тем более, по дорогам, где нет ни стоянок, ни промежуточных пастбищ.

Перегон, начатый 15-20 сентября, завершится 15 ноября, т.е. в период возможных холодов и снегопадов. Овцы, которые совершат почти 800-километровый переход, известно, будучи находятся в весьма посредственном теле.

Согласно государственному плану с 15 сентября по 15 октября должны проводиться искусственное осеменение овец, а с 15 октября — вольная случка.

При таких условиях утомленное в пути поголовье плохо будет идти на случку, а окот начнется не раньше 15 марта. А чтобы прибыть в районы на летние пастбища не позднее 15 мая, надо сняться с зимних пастбищ не позднее 15 марта и как следствие, окот начнется в пути следования и приведет к большой яловости, потерям маточного поголовья и молодняка.

Приведенные аргументы говорят бесспорно о том, что экономике крупных животноводческих районов будет нанесен чувствительный ущерб, не говоря о том, что поголовье мелкого рогатого скота в этих районах по сравнению с 1949 г. (последний год зимовки в Азербайджане) резко сократилось (см. таблицу).

№ п/п	Районы	Сокращение скота, тыс. голов		
		1990 г	1951 г	% сокращения
1	Ахтынский	106,0	66,0	35
2	Докузпаринский	117,0	61,0	48
3	Рутульский	116,0	83,0	30

Долгосрочная ссуда сельхозбанка составляет более трех миллионов рублей, что подлежит погашению в текущем году. Вследствие произведенных огромных расходов, крайне расстроено финансовое хозяйство колхозов. Как уже говорилось, недозволены в неделимые фонды достигают четырех с лишним млн. руб. Дебиторская задолженность увеличилась на 542 тыс. рублей и на 1 января 1951 года составляет 6.812.000 руб., а кредиторская немногим больше 7 млн. рублей... Колхозам необходимо ежегодно три раза создавать и направлять в район "Черных земель" комплексные бригады... Расходы, связанные только с проездом колхозников, будут превышать один миллион рублей.

Пастбища под названием "Черные земли" не покрыты почвенным покровом, подвижные пески и буруны лишены сплошного растительного покрова, в радиусе 150-200 км нет лесов. Питьевая вода доставляется из дальних точек в железнодорожных цистернах...

Несмотря на продолжительную и холодную зиму, чабанскому составу и колхозникам нет возможности добыть топлива, необходимого для использования в быту.

Частые, но вынужденные непроизводительные расходы, связанные с переходом из Азербайджана в Дагестан, Грозненскую область и, наконец, в Астраханские степи, сильно подорвали финансовую мощь колхозов, мешают созданию мощных неделимых фондов, необходимых для дальнейшего расширения и воспроизводства всех отраслей артельного хозяйства. Во многих колхозах расходы стали превосходить доходные статьи.

При финансовом анализе балансов данных районов установлено, что для ликвидации всех имеющихся долгов по ссудам, налогам, взносам в неделимые фонды и кредиторских долгов по расчету с колхозниками недостаточна будет балансовая стоимость 50% поголовья мелкого рогатого скота трех районов.

Данное положение свидетельствует о том, что при решении судьбы оставшихся без пастбищ трех районов отдельные руководители и бюро Обкома ВКП (б) подошли формально и без всестороннего анализа настоящего положения и не заглядывая в будущее".

Таковы документальные свидетельства произвола, совершенного Дагобкомом КПСС в отношении трех скотоводческих районов Южного Дагестана. Изложенная выше позиция С. Айдунбекова обошлась ему лишением должности председателя СМ ДАССР.

В 1955 году хозяйства Докузпаринского и Ахтынского районов получили новый удар — их лишают зимних пастбищ на Северо-Восточном Кавказе и направляют в Муганские степи Азербайджана за "три девять земель".

Произошло это следующим образом. Сталин обратился к руководству Дагестана о предоставлении зимних пастбищ в Дагестане Грузинской ССР, поскольку скотоводческие хозяйства последней несли большие убытки в Муганских степях Азербайджана. Таким образом баранта Ахтынского и Докузпаринского районов оказались в Мугани. Вот так решались вопросы в прошлом — лезгин погнало туда, где грузинские хозяйства несли большие убытки! А Докузпаринский район вскоре был вообще ликвидирован.

Грузины уходят с дагестанских зимних пастбищ. Казалось, хотя бы теперь восстановят справедливость — возвратят хозяйствам Ахтынского района зимние пастбища на дагестанской земле. С таким предложением к съезду народных депутатов Дагестана в 1991

году обратились народные депутаты Гаджиев Н. Г., Субханов С. Н., Сулейманов С. Н., Эмирбеков Э. З. Однако руководство Дагестана не услышало эти голоса. А депутаты написали и, как говорится, с плеч долой...

Летом 1992 года руководители совхозов и колхозов Ахтынского района приехали в Махачкалу для решения вопроса о зимних пастбищах. Дело в том, что сложна и небезопасна стала жизнь чабанов в Мугани: непомерные поборы местных властей, грабежи поставили чабанов в исключительное положение.

Их принял первый заместитель председателя СМ Дагестана Н. Магомедов. Я присутствовал на этой встрече как председатель "Садвал". Руководители хозяйств Ахтынского района рассказали о том, что только при перегоне скота из Мугани с железнодорожных платформ (вагонов) было разграблено 8 тыс. овец. Они рассказали и о том, что из-за грабежей и насилия уже невозможно держать скот на зимних пастбищах в Мугани и потребовали предоставить им земли в рамках Дагестана.

Н. Магомедов обещал оперативно рассмотреть вопрос с зимними пастбищами... И опять ничего не было сделано. Отправили в Азербайджан несколько делегаций, а руководство последнего, как обычно, пообещало всякую помощь и защиту. Однако положение чабанов в Мугани не изменилось, обещания о защите руководствами Азербайджана и Дагестана оказались эфемерными, грабежи и насилия продолжаются...

Теперь Ахтынский и Докузпаринский (восстановлен в 1993 году) районы вовсе остались без зимних пастбищ: зимние кутаны указанных районов заняты беженцами азербайджанцами вследствие активизации Карабахской войны. Овцы Ахтынского и Докузпаринского районов брошены на произвол судьбы: часть из них отправлены в Мугань на разграбление, часть гибнет от холодов и бескормицы на дорогах в неизвестность...

Я перелистал прессу Дагестана, чтобы посмотреть на реакцию этой трагедии официальных властей Дагестана и руководства Ахтынского района. Ни слова! Вот так, скрывая от общественности вопиющие факты произвола и ущемления интересов лезгинского народа, с помощью продажных местных руководителей фактически поработили народ материально!

Недавно я был в Ахтах и по воле случая оказался в кабинете нового "наместника" Ахтынского района М.-С. Самедова, привезенного и назначенного руководителем местной администрации самим председателем СМ Дагестана А. Мирзабековым.

Ахтынцы активно бунтовали против этого назначения. А. Мирзабеков вскоре уехал в Махачкалу и прислал целую команду коллаборационистов-лезгин и она уговорила общественность Ахтов принять М.-С. Самедова...

М.-С. Самедов практически не жил в Ахтах, о проблемах района понятия не имеет... А. Мирзабекову мало было присвоений тех небольших централизованных средств, направленных якобы для развития района, другим его ставленником — М. Алимовым, предыдущим администратором Ахтынского района...

Возвращаясь к сказанному выше, отметим, что скотоводство в южных трех районах Дагестана (Ахтынского, Докузпаринского, Рутульского) сведено к нулю. А совсем недавно, в 1949г. было: в Ахтынском — 490 тыс. голов, в Докузпаринском — 370 тыс. голов, в Рутульском — 660 тыс. голов. Это следует из таблицы, приведенной выше поскольку в ней даются численные потери скота и их процент от общего числа.

Отметим и то, что зимние пастбища Ахтынского и Рутульского районов в северных сопредельных районах Азербайджана ликвидированы в 1949 году, а летние пастбища для азербайджанской стороны не только сохранены в горах Юждага, но и расширены.

Азербайджан пользуется на территории Рутульского и Ахтынского районов более 50 тыс. га. И вдобавок, насильно переселив с. Куруш в Хасавюртовский район, в 1956 году огромная территория Курушцев передав Азербайджану (см. карту). Теперь они ими пользуются как своими. Как можно назвать это, если не дискриминацией, преднамеренным нанесением огромного материального ущерба хозяйствам южных районов Дагестана?

Огромный урон нашему народу нанесло переселение на равнину. Горцев уговорами, а порой насильственно, разместили на плоскости, в непривычные условия, без соответствующей подготовки, вследствие чего на переселенческий народ напал мор. Особенно гибли дети. Горцев оторвали от привычного производства, которым они занимались тысячелетиями. Причем ряд сел перебросили на территории других народов. Так, например, с. Куруш оказалось в Хасавюртовском районе, а несколько лезгинских сел — в Кизлярском. Оторвали их от своего народа. Все это делалось будто для облегчения жизни, для улучшения социально-экономического и культурного развития горцев. Однако переселение горцев на равнину имело и подспудные цели — захват чужих земель. Иначе как можно объяснить то обстоятельство, что вслед за переселением горцев — лезгин равнину скотоводческие кутаны переселенных хозяйств передали совхозам и колхозам других районов. В настоящее время в горах Южного Дагестана расположены кутаны даргинцев, лакцев, аварцев следующих районов и хозяйств:

1. В Рутульском районе — 21 совхоз и колхоз из Левашинского, Акушинского, Дахадаевского и Лакского районов.
2. В Курахском районе — совхоз "Ираганский" Дахадаевского района.
3. В Агульском районе — 6 совхозов из Дахадаевского района.
4. В Ахтынском районе — из Левашинского района совхоз Параульский, из Хунзахского района — баранта опытно-показательного хозяйства.

Мы знаем, чем кончилось создание припутанных хозяйств горных районов Дагестана на Кумыкской равнине. Не ожидает ли на то же самое? Не превратятся ли кутаны, находящиеся в настоящее время в наших горах, в настоящие населенные пункты, управление над которыми уже не будет зависеть от нас. Более того, нашу землю превратили в предмет купли-продажи. Так, в 1992 году руководство Дахадаевского района, без согласования с Рутульским райсоветом, передало земли, арендованные колхозом им. Мирзабекова, колхозу им. Г. Саидова Кулинского района якобы в обмен на грубые корма. Об этом знает руководство Минсельхозпрода Дагестана, однако оно ничего не предприняло.

КАРТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ ДАГЕСТАН-АЗЕРБАЙДЖАН

Рис. 9.29. Территория, переданная Дагестаном Азербайджану в 1956 г

Имеются многочисленные предложения представителей лезгинского народа о возвращении им их земель в горах, однако руководство Дагестана оставляет эти предложения и требования без внимания. Оно все более и более транжирует наши земли и отдает их в руки представителей других народов.

Не могу не привести другой пример целенаправленного и планомерного разрушения среды обитания лезгин — это долина Самур и Самурский лес. Десятки лет общественность республики бьет набат о судьбе гибнущего Самурского леса, этого уникального уголка природы с лиановым лесом, самым северным в нашей стране, — житнице лезгин. Разрушительные процессы начались с заключения в 1967 году кабального договора между Россией (Дагестаном) и Азербайджаном о распределении воды реки Самур, по которому 75% воды забирает Азербайджан, причем ответственность за выполнение договора было возложено на Минводхоз Азербайджана, т.е. сохранение баранты возложили на волка. К чему это привело? Минводхоз Азербайджана бесконтрольно пользовался Самурской водой, в нарушение договора забирали до 90% воды. Об этом говорят документы. По данным "Каспводнадзора" водозабор Азербайджана из реки Самур превышал установленные нормы для республики на 130-160 млн. куб. м. ежегодно. Указанный дополнительный водозабор осуществлен в ущерб экологии дельты реки и народного хозяйства Юждага. За последние 50 лет, как был построен Самур-Дивичи канал, площадь Самурского леса сократилась в три раза. Нанесенный ущерб Самурскому лесу, животному миру, рыбному хозяйству, экологии р.Самур превысил десятки миллиардов рублей (в старом исчислении). Руководителям Азербайджана эти издевательства над природой долины р.Самур показались недостаточными: построили двухтрубный водопровод Самур-Баку, диаметром по 2 метра каждый. Ниже моста, в акватории дельты реки и леса вырыты более 100 колодцев, глубиной до 50 метров и насосами откачивают питьевую воду в г.Баку. За счет этого деградация леса сильно усилилась, исчезают родники.

Руководству Дагестана и этого показалось мало, запроектировали и ввели в действие аналогичный водопровод Самур-Дербент с проектной мощностью 70 тыс. куб. м/сут. Первая очередь этого водопровода несколько лет назад введена в действие. Из 33 скважин, пробуренных в центральной части реликтового Самурского леса, первой категории мощными насосами вода подается в г.Дербент.

Рис. 9.30. Трагедия Самурского леса.

Из множества увещаний, требований, рекомендаций, направленных обществом охраны природы и другими общественными организациями в адрес руководителей республики, приведу небольшой абзац из обращения бывшего зам. председателя ВС Дагестана т.Магомедова М-А.М., председателя СМ Дагестана т.Мирзабекова А.М.: "Президиум Даг. Совета охраны природы ознакомился с состоянием вопроса о строительстве водовода для снабжения г.Дербента и прилегающих территорий. Проект составлен без экологических обоснований. Забор воды в размере 81 тыс. куб. м. в сутки предлагается производить из приамурского месторождения подземных вод с площади, на которой расположены Самурские лиановые леса. Реализация этого проекта приведет к окончательной гибели этого уникального уголка природы. Беспокоит нас и то, что в перспективе предполагается дополнительно изъять из этого месторождения еще 51 тыс.куб.м. воды в сутки. Один из авторов этого проекта, — пишет т. Коршунов, — на вопрос: что будет с лесом после строительства водовода, ответил: либо город, либо лес.

Этот ответ яснее многих томов проектов. Проектировщики задумали погубить Самурский лес. Это преступление. Оно должно быть оставлено". Таково мнение многих социалистов, природоохранительных органов и общественности Дагестана, однако у руководства Дагестана в отношении Самурского леса свои планы — беспощадно эксплуатировать его ради своей личной выгоды.

Под предлогом санитарных рубок и сейчас идет целенаправленное уничтожение леса, заготавливаются тысячи кубометров леса ценнейших, невозполнимых пород деревьев. Лес заготавливается не только на дагестанские нужды, но и для других регионов страны...

Еще об одном. Всем известно, что за 20-30 лет огромные средства направлялись для развития плоскостных районов среднего Дагестана. Все это делалось в ущерб развития районов Юждага и крайнего северного Дагестана. Конечно, теперь для развития определенных районов Дагестана открыто большие средства направить не могут, поскольку появились некоторые некомфортные условия для руководства Дагестана —

пробудились народы и многие вопросы они требуют решать гласно. И в этих условиях руководство Дагестана нашло великолепный выход — создали социально-экономическую программу развития горных районов Дагестана ("Горы"), которую запустили в "производство" несколько лет назад. Все основные руководители программы (общее руководство, банк, строительная база) представлены представителями одной национальности. И они полным ходом осуществляют эту программу в "своих горах". Более того, значительные суммы из этой программы запущены в коммерцию, [43] вследствие чего обогащаются за счет государства определенные лица из руководства программы "Горы", их родственники и соотечественники.

Вследствие указанных выше причин в Юждаге самый большой процент (порядка 70% работоспособного населения) безработных. Только в одном селе Ахты по официальным данным (по неофициальным данным эти цифры в 2 раза больше) имеется более двух тысяч безработных, столько же, сколько в Ботлихском, Гумбетовском, Казбековском районах вместе взятых.

В связи с изложенным возникает вопрос, как и на какие средства живет сельский житель Юждага? Подавляющее большинство из них живет в нищете на крохи, получаемые с приусадебных участков. Конечно этих честно заработанных денег на содержание семьи не хватает. В этих условиях сельский житель вынужден либо уехать в Россию, либо идти воровать или грабить. Таким образом, сельский житель, особенно молодежь поставлены в экстремальные условия, разрушается психология людей, они теряют человеческое достоинство.

В 1812 году для усмирения и закабаления лезгин от Аслан-хана царские генералы в категоричной форме потребовали "ни под каким видом не позволять продажу жителям всей Самурской долины всяких жизненных потребностей, так как сие средства есть важнейшие к обузданию народов" [44]. Такой же тактике следует и нынешнее руководство Дагестана, преднамеренно поставив Юждаг на голодный паек. Подтверждением этому служит положение южно-дагестанской межрайбазы Дагпотребсоюза, которая обеспечивала и старается обеспечить и теперь всем необходимым сельские районы Юждага. Однако все склады длительное время пусты. Спрашиваем у руководителя, в чем дело? — Нет средств для покупки товаров, кредитов практически не выделяют. Те крохи (порядка 50 млн. руб. в нынешнем исчислении), выделяемые поквартально доходят до них очень поздно из-за бюрократических рогаток, и через 20-30 дней приходится их возвращать. Это в то время, когда отдельным частным коммерческим организациям, образованным, в частности, и в структуре Дагпотребсоюза, выделяются сотни миллионов рублей.

Десятки миллиардов рублей, выделяемых Дагестану из России в качестве дотации и безвозмездной помощи бесконтрольно распределяются высшим руководством Дагестана по своему усмотрению, и они попадают в руки мафиозных групп, связанных только с ними. Поскольку в руководстве Дагестана нет людей, которые болели бы за положение лезгинского народа, то в Юждаг из этих огромных средств ничего не поступает.

Чтобы меня не упрекнули в тенденциозности, приведу небольшой абзац из статьи ученого М.-Р. Магомедова "Всякий ли народ достоин свободы и независимости" (Исламские новости, № 5, 1993 г.): "... Политика нашего руководства, которая использует Россию как дойную корову, получает от нее миллиардные субсидии и не предпринимая ничего для становления республики как экономически сильного и самостоятельного государства, приведет к естественному обнищанию народных масс. Ибо деньги, выделяемые центром, не доходят до народа, а попадают различными путями в карман правительственных чиновников. А бедствующий народ озлоблен и ищет виновников своих бед".

Социальные нужды районов, где проживают лезгиноязычные народы в Дагестане также обеспечивались и обеспечиваются значительно хуже, чем другие районы. Так, например, по данным Госплана Дагестана в Юждаге в среднем на одного жителя приходится 11,1 кв.м., что на 6,5 кв.м. меньше, чем в среднем приходится жилья на 1 жителя по Дагестану. Однако по государственным капвложениям на постройку жилья в расчете на 10 тыс. жителей Юждаг был обделен более чем в два раза, чем в среднем по Дагестану. В Юждаге построено в 2 раза меньше типовых школ, чем в среднем по Дагестану за счет бюджета и они оснащены значительно хуже по сравнению со школами в других районах. Так, например, в школах Юждага столько же компьютерных классов, сколько в одном Ботлихском районе.

Удельный вес школьников, занимающихся во вторую смену в Юждаге выше в 2 раза, чем в среднем по Дагестану. Плохо обеспечены больничными койками в расчете на 10 тыс. жителей Дербентский, Магарамкентский, С-Стальский, Хивский районы.

В плачевном состоянии находятся дороги Юждага. Вот уже более 30 лет асфальтируют дорогу между Магарамкентом и Ахтами. Имеется внушительная разница между состоянием дорог сельских районов Юждага и дорог в аналогичных местах других районов Дагестана.

Одним словом, любая область жизнедеятельности человека в Южном Дагестане, обеспечивалась и обеспечивается в 2-3 раза хуже, чем в других регионах Дагестана.

Резюмируя, можно сказать, что ежегодно порядка 200 млн. руб. в старом исчислении Юждаг недополучал для развития экономики, культуры, образования, соцкультбыта, медицинского обслуживания и т.д. Теперь финансирование за счет госбюджета социально-культурных нужд региона практически прекратилось, а мизерные средства, выделяемые Юждагу, попадают в руки мафиозных кланов и грабителей.

В экономическом и социально-культурном плане лезгины в северных районах Азербайджана находятся тоже в незавидном положении. Вот что писала республиканская газета Азербайджана "Вышка" о социально-экономическом развитии одного из самых крупных лезгинских районов Азербайджана — Кусарского: " Кусарский — из тех районов республики, где в прошлом накопилось много социальных проблем, десятилетиями игнорировались нужды и запросы людей. Кусары в числе тех многих районов республики, где наиболее высоки показатели детской смертности. Здравоохранение сильно отстает. Во многих населенных пунктах отсутствуют медицинские объекты. Большинство (из имеющихся) размещены в непригодных, неприспособленных помещениях ... отсутствуют современное оборудование и лекарства ... в каждом из 12 сел района с населением более 1000 человек нет ни одного объекта бытового обслуживания (меньшие селения даже не берутся в расчет). Объем бытовых услуг на душу населения составляет в год лишь 7 руб., что в несколько раз ниже среднего республиканского уровня; только в 6 селениях есть детсады; из-за недостатка классных комнат учащиеся 1 -3 классов занимаются во вторую смену"...

В Конституции Азербайджана принятой в 1936 году государственным языком народов, населяющих эту республику, был утвержден азербайджанский язык, который отныне становился " родным " языком не только для тюркоязычных племен, но и для лезгин, крызов, будухов, хиналугцев, цахур, рутульцев, удин. Таким образом, названи республики становилось этнонимом не только тюркоязычных племен, которые раньше записывались тюрками, но и для других народностей республики. В связи с этим начался массовый обмен паспортов. При этом максимально постарались записать все народности азербайджанцами. В результате этой операции тюркоязычные племена республики полностью записались азербайджанцами, более 60-70% ираноязычных народностей также приняли новое этническое название.

Чтобы " узаконить " тюркский язык в лезгинских районах республики Азербайджан, в Кусарах был организован фарс — собран актив специально подобранных людей, которых заставляли отказываться от родного языка. По этому поводу Нуредин Шерифов написал стихотворение, в котором клеймит позором предателей народа, отказавшихся от родного языка, культуры и истории.

ГЪАЙИФ

*Мад вуч лугъун за ваз Актив
Дидедин чIал къабулдачир.
Дидед гайи нек ваз гъайиф
ЧидайтIа вун икI гъыч хачир.*

*ЧидайтIа квез халкъар вира
Вилик финиз себеб жерп,
Дидед чIалал кIелун эхир.
Патан са чIан вуна къачир.*

*Партиядин язва эмир —
Дидед чIалал кIелун эхир.
Гида маса багъна гъшир
Лугъуз " завай алакъначир ".*

*Алай гъилел зегъметд къабар
Элдикай хинайтIа хабар.
Маса чIалал кхъей чарар
Гана гъиле, мятел тачир.
1936-йис.*

КАК ЖАЛЬ!

*Что мне сказать тебе, актив,
Который не признает родного языка.
Жаль материнского молока, что вы пили,
Если бы матери знали, что вы такие, они бы вас
не родили.*

*Если бы вы знали первопричину
Развития всех народов —
Родной язык и учение на нем,
Вы бы не приняли бы чужого языка.*

*Это указ партии все-таки —
Учиться на родном языке.
А теперь, когда все по-другому,
Не ищите оправданий, говоря " иначе не смогли ".*

*Если бы вы знали о народе,
На чьих руках трудовые мозоли,
Вы б ему не дали письменна на чужом языке
И не ставили бы его в неловкое положение.
1936 г.*

(Подстрочный перевод А.Кардаша).

В Азербайджане и сейчас лезгинский язык поставлен вне закона: он не преподается в школах или только делается вид, что преподается.

Вот что недавно писала Рахима Курбанова из Кусарского района, где из 67 тыс. жителей — 60 тыс. лезгины, в газете "Строитель" (31.12.89 г.), издаваемой в Азербайджане: "Дети — наше будущее. Какими мы воспитаем наших детей, как научим их любить свою Родину, свою землю, таким и будет наше будущее. С этой целью проводим специальные занятия... На уроках они учатся азербайджанскому языку, читают детские стихи азербайджанских поэтов, сказки. Мы хотим, чтобы став большими, они могли на родном (!) языке читать Низами, Физули, С. Вургуна, учиться у них любви к Отчизне...".

Другой пример. На вопрос Сафиевой Л., — сколько у нас (в Азербайджане) школ и на каких языках ведется в них обучение, "Бакинский рабочий" от 12.05.89 г. отвечает: "Три тысячи пятьсот девяносто три школы с обучением на азербайджанском языке, сто шестьдесят три школы на русском и сто восемьдесят одна школа — на армянском языке". И все! Более миллионный лезгинский народ, проживающий на исконных своих землях в Азербайджане отлучен от родного языка! И перспектив обучения лезгинских детей на родном языке нет. Бахтияр Вагабзаде (газета "Вышка", 10.11.88 г.) пишет: "Еще раз обращаю внимание на необходимость овладения азербайджанским языком представителями других национальностей. Потому что разговоры об этом не прекращаются и пока положение не исправится, они не прекратятся. Мы должны добиться двуязычия (азербайджано-русского — Г.А.). Обязательно! Только таким путем мы сумеем достойно исполнить стоящие перед нами грандиозные задачи...". Теперь и русский язык сворачивается в республике.

Дискриминацией все это, разумеется, никто назвать не может. Наоборот, — это-де триумф национальной политики, "интернационализм" в действии, приведший к значительной организованной, насильственной ассимиляции лезгинского народа. Путей для ассимиляции было придумано множество. Это игнорирование национальной культуры, ущемление прав и интересов лезгиноязычных народов при приеме на работу и поступлении на учебу, при выдвижении по службе... Прекратил существование национальный лезгинский театр в г. Баку, функционировавший с 1903 г. Газеты на лезгинском языке нет, передач по телевидению и радио также нет. Народ не упоминается в учебниках по истории Азербайджана, его культурное наследие либо разрушается, либо приписывается азербайджанскому народу. По сути дела происходило и происходит методическое разрушение основ лезгинского сообщества как нации. Разве нормально, когда дед разговаривает с внуком через переводчика, где один из братьев пишется азербайджанцем, другой — лезгином, где у родителей-лезгинов "рождаются дети азербайджанские"... Более миллиона лезгин переписано азербайджанцами.

Из-за запрета, наложенного на родной язык, за последние 30 лет 16 лезгинских сел в одном Кубинском районе полностью перешли на тюркский язык, родной язык помнят только старики.

Следует сказать и о том, когда мы ставим перед руководством Азербайджана вопросы об удовлетворении культурных и других потребностей народа, то нам отвечают, что не хватает средств, мол ищите их сами. Это касается и издания газет на родном языке, и восстановления национального театра, и передач по телевидению и радио, и создания других культурных очагов народа. Дело представляют таким образом, будто мы находимся на иждивении у других народов республики, что лезгинский народ не вносит свою долю в национальный доход республики. Мы можем на конкретных фактах доказать, что рабочий класс из лезгин составляет непропорционально больший процент, чем из других народов Азербайджана, и они работают на наиболее трудных и вредных работах.

Кроме того, все, что производится в лезгинских районах в Азербайджане за бесценок вывозится централизованными поборами.

Лезгинский народ в Азербайджане доведен до отчаянного состояния во всех областях жизни: политической, социально-экономической и культурной. Это даже вынуждены признать сами азербайджанцы в тех немногих статьях, опубликованных в России. Вот что пишет журналистка Э. Ахундова ("Второй Карабах на берегах Самура?", ЛГ, 23.12.92):... в 1936 году школы стали постепенно сворачиваться, а перед войной и вовсе перестали преподавать лезгинский язык в качестве самостоятельного предмета. Вдобавок в 1952 году в республике был принят нелепый закон, по которому жители некоторых национальностей (лезгины в первую очередь — Г.А) Азербайджана должны были платить за право учиться в высших учебных заведениях... Северные районы Азербайджана — Куба, Хачмас, Кусары, где компактно проживают лезгины — места, хорошо знакомые мне с детства. Здесь на Худатском взморье расположены многочисленные зоны отдыха и здравницы, куда в прежние, благополучные времена летом устремлялся поток туристов со всего Союза. К сожалению, уникальная зона, которая нелегко эксплуатировалась, не приносила ни копейки в бюджет этих районов...".

Э. Ахундова не сказала о том, что до сих пор нет передач на лезгинском языке по радио и телевидению, не выпускаются ни учебников, ни художественной литературы, о нашем народе не упоминается научной, ни в исторической литературе, наше культурное наследие либо разрушается, либо приписывается азербайджанскому народу. У народа отняли его национальную память, он нещадно эксплуатируется во всех областях жизни! Как объяснить следующий парадокс: иметь, как заметила Э.Ахундова, "народа бесконечно трудолюбивого" и жить в "исключительно богатой природой уникальной зоне" и жить бедно?!

Обращаясь к ассимиляторским процессам в Азербайджане Г.Мамедов, в статье "Почему некоторые талыши отрицают свою национальную принадлежность? Или процесс тюркизации в Азербайджане и его трагические результаты" в газете "Талышстан" (N1, 1991), пишет: "Из истории хорошо известно что завоевание Азербайджана (Кавказской Албании) тюрко-монгольскими племенами XI — XII веков стало причиной резкого изменения общественно-политической и демографической структур, характерных для этой территории. В результате варварских действий, оскорблений и уничтожений в отношении местных народов со стороны племен, которые на протяжении веков вели дикий и кочевой образ жизни, начался процесс ассимиляции местных аборигенных народов.

Культура, созданная народами, — пишет далее Г.Мамедов, — которые на протяжении тысячелетий вели оседлый образ жизни, была присвоена пришельцами, дикими и кочевыми племенами. Эти племена не могли отказаться от присущих им традиционных методов: путем политического и морального террора "уменьшить" местные народы и растворить их в своей среде. Таким образом, сформировался ставший "большим" за счет ассимиляции местных народов тюркский народ и ставшие "малыми" аборигенные народы (лезгины, талыши, таты, удины и т.д.)

Прокомментируем некоторые исторические сведения, — пишет далее Г.Мамедов, — касающиеся процессов ассимиляции аборигенных народов за последние 100-150 лет. Н.Зейдлиц в 1870 году писал: "В общем тюркское население Бакинской губернии продолжает ассимилировать и растворять в своей среде не приспособленных в данный момент, особенно представителей иранских народов. Их влиянию наибольшее сопротивление оказывают такие сильные выносливые от рождения горские народы, как кюринцы (лезгины) (Здесь имеется в виду лезгины, проживавшие в долине реки Кюры

— отсюда и название кюринцы, а не нынешние лезгины С.Стальского района, которые тоже носят название "кюринцы". Нынешние жители С.Стальского района название получили "кюринцы", поскольку часть из них — беженцы и переселенцы из долины реки Кюры под натиском тюрко — татарских полчищ — Г.А.). Вероятно, что отдельные особенности горных и других условий позволили сохранить свою национальную принадлежность татам, живущим в предгорьях Кавказа и родственным им талышам, проживающим в горах Ленкоранского уезда" (Кавказский календарь на 1871 год. Тифлис, 1870, стр. 53)

Как будто сегодня написаны, — пишет Г.Мамедов, — эти 120 лет назад сказанные слова.

В отличие от татов и талышей, сохранивших сегодня исторически присущие им предельную простоту, спокойствие, склонность к компромиссам, лезгины на протяжении истории отличающиеся смелостью, непобедимостью, твердостью характера, бескомпромиссностью — качества, которые и сегодня присущи им — в большой степени сохранили свое национальное достоинство и национальное самосознание. Кстати, по мнению Д.Ильина термин талыш образовался от арабского слова "талые", что значит — простой, наивный (газета "Кавказ", №61, 7.8. 1886).

Проведенные нами социологические опросы показывают, — пишет Г.Мамедов, — что если в столице Азербайджана и в других городах, проживающие в тесной близости с тюрками, талыши отрицают свою национальную принадлежность из каждых 10 — 6-7 человек, таты 9-10 человек, то лезгины 0,1 человек отрицают свое национальное происхождение. В связи с этим обратимся еще к некоторым историческим сведениям. Л.Лопатинский 1894 году писал: "...Кавказский календарь 1894 года указывает на их (талышей — ред.) численность больше 88.449 человек. Я думаю, что разночтение в указании численности талышей и вообще иранского населения получилось в результате того, что местные власти (административные органы) перепутали мусульман-иранцев с мусульманами татарами. Последние (т.е. татары — ред.), называя свой язык мусульманским и выступая в роли представителей мусульманской религии, оставили в тени аборигенов зоны. Иранцы (талыши, таты) всюду страдали из-за своего происхождения и очень часто скрывали свой язык и по этой причине достаточно затрудняется сбор статистических данных" (СМОМК, т. XX, 1894, с. 22 — 23).

Другой пример. Выдающийся исследователь талышской истории и языка Б.Миллер (1877 — 1956) в 1926 году писал: На основании переписи (1921 года — ред.) число талышей составляет 66.683 человека. Многократно убеждался, что к этой переписи доверия мало; село Борядигях указано тюркским в то время как я там зафиксировал у мальчиков школьного возраста талышские тексты. Очень часто села, расположенные у хороших дорог, могут создавать впечатление тюркских: тюркский язык господствовал на базарах и большинство населения — особенно занятое торговлей, тюрки — однако вблизи можно заметить достаточное число талышей, которые называют себя тюрками, потом выясняется, что у себя дома, в семейном кругу они говорят по-талышски. (Известия общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1926, №1, с. 27).

Возникает вопрос, — далее пишет Г.Мамедов, — какие исторические причины заставляют представителя народа, ведущего на протяжении тысячелетий оседлый образ жизни, внесшего в мировую культуру достойный вклад — стыдиться своего национального происхождения, скрывать его? Выскажем свои соображения по этому поводу.

Как отмечено выше, проникшие в Азербайджан (Кавказскую Албанию) тюркско-монгольские племена учинили беспощадное насилие над местными аборигенами

народами, оскорбили их национальное достоинство, уничтожали или присваивали себя созданную ими тысячелетиями национально — историческую культуру.

Гатран Табризи (1012 — 1088), которому принадлежат слова "Эй турок, — откуда ты свалился на Гянжу — скажи", писал:

*Эй турок, нет у тебя совести, справедливости,
Ты любишь не справедливости, а жестокость.
От вреда жестокости спастись невозможно,
Будь справедливым, не будь жестоким наконец,*

(АКК, т.Н, Баку, 1989, с. 93)

Или Абдурахман Джами (1414 — 1492) в поэме "Бахарисан" (Баку, 1964, с. 63) пишет:

*Знаешь ли, один турок, услышав похвалу раю.
Вмиг спросил ваиза возбужденно, о грабить можно там?
Тот ответил: — нет. Сказал тогда турок:
Можно ли оставаться там, где нет грабежа?*

Таких примеров, — пишет Г.Мамедов, — можно привести очень много. И продолжает: "Естественно, подвергшись этому немыслимому варварству тюрко-монгольских племен, мирные аборигены вынуждены были так или иначе тюркизироваться, сознательно скрывали свое национальное происхождение или теряли его."

Русский ученый — путешественник А.Заводский, — пишет далее Г.Мамедов, — который в 1902 году побывал в Талышстане, писал: "Говоря вначале о воздействии татар (азерб. тюрк — ред.) на талышей, я не сказал об одном интересном случае, а именно: названия сел с талышским населением переименовываются в соответствии с татарским языком. Вообще, как я упомянул ранее, воздействие тюрк очень большое (и не только на талышей, но даже на русских) в высшей степени вызывает сожаление: там, где живут татары, древние географические и другие названия уничтожены и заменены татарскими... Насколько неприятную татарскую культуру можно назвать присвоенной культурой (Журн. "Ест. и геог"., 1903, N3).

Кстати, достаточно отметить, что в Талышстане за последние два века более 400 названий сел, поселков и городов были переделаны на тюркский лад или же искажены.

В деле духовного потрясения, — далее пишет Г.Мамедов, — аборигенных народов немалы "заслуги" реакционной политики пантюркизма, основы которой заложены в конце прошлого века. В результате "заслуги" этих сил, которые "славно" продолжают в открытом или скрытом виде политику предшественников "крути тата, бей тэта" ("чивир таты, вур таты"), численность татов и талышей, которые составляли еще в конце прошлого века соответственно 300 тысяч татов и 100 тысяч талышей, то уже к концу 1989 года их численность была "доведена" искусственно или естественно до 10 тысяч татов и 21 тысяч талышей. Отметим и то, — продолжает Г.Мамедов — что даже в годы культа личности, когда талыши подверглись жестоким репрессиям и лишились своего национального имени — по переписи 1939 года численность талышей составляло 87.510, то в период наибольшего "расцвета" социалистического режима по переписи 1970 года их численность показано "0".

Этой блестящей победе и Азербайджанская и Советская энциклопедии дали одинаковую оценку: "В СССР, можно сказать, талыши слились с азербайджанцами, так как у них духовная и материальная культура очень близки и поэтому в переписи 1970 года они отдельно не учтены (БЭС, т. 1976, с. 237).

Бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев (ныне президент указанной республики — Г. А.), — пишет далее Г.Мамедов, — так изобразил картину

"отеческой заботы", проявленной в 70-е годы в Азербайджане к "меньшим" (точнее "уменьшенным") народам, т.е. "славное" вхождение талышей в ряды "азербайджанцев (т.е. тюрков). Именно по этой причине "как будто на руководящие должности ни талыш, ни лезгин, ни курд, ни тат не попали. Это такая наглая ложь, что я даже не знаю, что сказать. На руководящих должностях все они были. Возьмем состав Верховного Совета, там и талыш, и лезгин, и курд, и тат. Но чтобы вам было известно, в Азербайджане эти народы составляют незначительную часть, а талыши даже сами не считают себя нацией" (Нашедело, N4, 1990).

Нет никакого сомнения в том, — пишет Г.Мамедов, — что если сегодня в паспорте у личности указана национальность "талыш" (если это возможно), то ему в республике возвыситься до уровня министра (или заместителя) будет невозможно. Указанные выше Г.Алиевым депутаты и "должностные талыши" во всех официальных документах записали свою национальность как азербайджанец. Недавно заместитель прокурора республики, талыш по национальности, выдающийся специалист в области "национального языка и права" М.Джафаркулиев, который является первым должностным талышом в высшем меджлисе парламента республики за последние 50 лет, выступая там, смело сказал: "Я талыш, но тотчас же добавил — "мы азербайджанцы". Это яркий пример сказанному выше.

Далее Г.Мамедов пишет: "Как было отмечено выше, реакционная политика пантюркизма, основы которой были заложены в конце прошлого — в начале XX века, приняла острейший характер. Так в результате этой жестокой политики на передний план выдвинулся вопрос "Быть или не быть"? для нетюркских народов, живущих в Азербайджане. Лживая, фальшивая и реакционная политика Мамеда Эмина Расулзаде — тата по происхождению — на самом деле верно служила шовинистическим позициям правителей "Ататуркии". Без сомнения, Азербайджанская Демократическая Республика, созданная под руководством М.Расулзаде, который оставил заметный след в истории Азербайджана, была бы одной из будущих колоний правителей Турции, стремящихся восстановить турецкую империю. В истории было немало таких личностей как Расулзаде, которые ради "большой политики" посвящали свою жизнь служению не своему народу, а какому-то другому...

Отметим, — далее пишет Г.Мамедов, — что немалую роль в духовном потрясении данных народов сыграло и то, что в последние годы в создаваемых художественных произведениях, на сценах театров, в средствах массовой информации и т.д. в той или иной форме подвергалось оскорблению национальное достоинство аборигенных народов. Кроме того, в средствах массовой информации Азербайджана, в литературе, искусстве и т.д. в произвольной форме беззастенчиво искажается история "древнего", "аборигенного" тюркского народа Азербайджана, пытаюсь тем самым создать у представителей, ставшего "великим", тюркского народа "национальный дух".

В то же время в тех же средствах крайне трудно вымолвить хотя бы словечко о жизни миллионного талышского народа.

Утвердившаяся в Азербайджане с 28 апреля 1920 года политика большевизма имела страшные последствия... Сегодня, — пишет Г.Мамедов, — когда советская империя и ее большевистская политика потерпела крах, появившееся в Азербайджане новое пантюркистское движение потерпит крах и Азербайджанская Турецкая империя разрушится и аборигенные народы, находящиеся под игом агрессивной политики (в первую очередь лезгины и талыши) добьются своей независимости! История доказывает, что империя гегемонствующего народа рано или поздно разрушается, и национально — освободительные движения поработенных народов побеждают".

Таковы некоторые свидетельские показания произвола, творимого тюркскими националистами в Азербайджане, приводимые Г.Мамедовым в указанной выше газете.

Возвращаясь к лезгинам, отметим, что руководство Дагестана и Азербайджана планомерно и целенаправленно разрушили лезгинскую культуру, его исторически сложившиеся производства и промыслы. Куда делись наши керамические и ювелирные производства, имеющие тысячелетнюю историю, от которых остались отдельные экспонаты в музеях. В лезгинских районах за последние несколько десятков лет подорвано и производство ворсовых ковров и паласов, шерстяных джурабов. Если раньше почти в каждом доме лезгина стоял станок по изготовлению ворсовых ковров, то сейчас это стало редкостью. Цеха по производству ковров также сократились в десятки раз. На 1 февраля 1990 года в лезгинских районах Дагестана остались четыре филиала от Дербентского и Хасавюртовского коврово-производственных объединений — это в Орта-Стале, Кабире, Микрахе, Куруше. Идет переброска исконных лезгинских производств с наших районов в северные районы Дагестана, теперь перебрасывается производство и ковровых изделий. Осуществлялось это очень просто: лезгинские районы не обеспечивались сырьем для их производства, цеха закрывались, а в других районах открывались новые производства, кадры готовятся с использованием нашего опыта и мастеров.

Из-за развала СССР, разрыва связей между предприятиями, многие заводы оказались в очень трудном материальном положении: пошли сокращения рабочих. В первую очередь оказались на улице лезгины... Когда начались процессы приватизации и акционирования предприятий, то уволенные рабочие оказались ни с чем, хотя по закону они должны были получить свою долю акций. Хотя лезгиноязычные народы в Махачкале составляют более 15% от численности населения, а в рабочей среде более 25%, в процессе приватизации и акционирования доля их составила менее десятой доли процента. В процессе приватизации лезгины потеряли и те несколько торговых точек, которыми они располагали: их раскупили на аукционах представители других народов. Такие же процессы идут в Дербенте. Чувствуя свое шаткое положение, правящая местная азербайджанская верхушка при попустительстве руководства Дагестана осуществляет полный произвол. В феврале 1993 года среди бела дня осуществлен настоящий разбой: окружив коньячный завод Дербента вооруженными бандитами, заставили директора завода написать заявление об отказе от должности...

Население Дербента, естественно, в шоке. Протесты не помогли, правители Дагестана скрыли этот и другие аналогичные факты беззакония от общественности. Почувствовав, что эта вопиющая акция прошла безнаказанно, теперь полным ходом идет захват города Дербента и северной части Дербентского района далеких от этих мест людьми. Последние на корню скупают предприятия, магазины, дома, дачи и т.д. Из города выдавливают пока русское и еврейское население. Недавно завод марочных вин Дербента также покорен пришельцами. Спрашивается, откуда у представителей некоторых народов Дагестана такие средства? Только за 5 месяцев 1993 года Дагестан получил в качестве дотаций и безвозмездной помощи более 40 млрд. рублей, а до конца года получают еще 80 млрд. рублей. Для каких целей? Ведь эти деньги, выделяемые центром, не доходят до народа, а" попадают различными путями в карманы правительственных чиновников". Все эти бросовые деньги, за которые никто не отвечает и никто за них не спрашивает, оседают в коммерческих и других частных структурах, созданных представителями некоторых народов в верхних эшелонах власти, а другим приходится вымалывать копейки, да и их не дают.

Чтобы понять, как огромные суммы попадают в определенные частные руки, приведу цифры бюджета республики Дагестан на 1993 год. В нем предусмотрены доходы в сумме около 44 млрд. руб., расходы — немногим более 52 млрд.руб. с размером субвенций (дотаций) — из бюджета Российской Федерации в сумме около 43,5 млрд. рублей и своих

собственных поступлений в доход бюджета около 470 млн. руб., т.е. всего 1 %. Обратите внимание на последнюю цифру. Неужели Дагестан имеет от продажи десятков тысяч тонн шерсти, сотнями тонн икры, миллионами декалитров коньяков, вин и т.д. дохода только в 470 млн. руб. Можно подумать, что Дагестан — это пустыня и в нем ничего не производится. Куда деваются десятки миллиардов, зарабатываемых трудом тружеников дагестанских народов? А 120 миллиардные вливания "в бюджет Дагестана" из России? Ведь эти средства почти в 3 раза больше, чем предусмотрено в бюджете республики по расходам. Вот откуда средства, посредством которых создаются "новые мурсалханы", которые уже диктуют нам, лезгинам, свои условия жизни.

Этот произвол не смогла даже скрыть правительственная газета — "Дагестанская правда" (14.9.93), в которой под сочным названием "Право на произвол" (автор Г.Ахмедов), автор пишет: "... не просто червоточина подтачивает наше общество, а новоявленные мутанты рушат и топчут его". Не надо быть ясновидцем, чтобы сказать: идет неприкрытое, наглое разграбление страны. Тот, кто не ворует, выглядит белой вороной. Чиновник, отвергающий взятку, вызывает у просителя недоверие.... Вспомним постановление Президиума Верховного Совета республики Дагестан по результатам проверки соблюдения законности в процессе приватизации государственного и муниципального имущества. Страшные цифры и факты приведены в нем. Оказывается, законностью и не пахнет в процессе приватизации. Все продается и покупается, а власть имущие подкупаются.

Постановление Президиума ВС — это своего рода вердикт состояния коррупции в республике. Но тщетно старался я обнаружить в нем слово "коррупция". Его там попросту нет. Позже заместитель прокурора РД А.Казиллов выступил в "Дагестанской правде" со статьей с красноречивым названием "Прихватизация" Казалось бы, юрист, имеющий в руках полную информацию, назовет вещи своими именами. Но, похоже, понятие "коррупция" и ему знакомо. А между тем, судя по ценам, ни одно предприятие, магазин, транспортная единица, мастерская не приватизируются без того, чтобы не дать "на лапу".... Не могу не коснуться и российских кредитов Дагестану. Говорят, их уже получено, более 100 миллиардов рублей. Спасибо, конечно, России. Но знает ли Россия, куда уходят эти миллиарды? Трудящиеся республики во всяком случае не чувствуют от них никакого улучшения своей жизни, чиновники — может быть. И получение очередной дозы кредитов многие наши руководители выставляют как очередную свою победу, тем временем на российских кредитах (и не только на кредитах Г.А.) пышным цветом цветом дагестанская мафия. Совсем недавно по телеканалу "Россия" показывали очередную банковскую аферу, в которой главную роль играл один из дагестанских банков. По фальшивым авизо должно было "уплыть" 1,5 миллиарда рублей. Всем памятливы и прошлогодние аферы в банках...

...А кто у нас наказан за банковские аферы? Кого конкретно из чиновников Махачкалинского горисполкома наказал Совмин, обсудивший плачевное положение дел в столице на своем президиуме? Почему бездействует прокуратура? Где карающий меч МБ и МВД? Кстати, начальник отдела по борьбе с контрабандой и коррупцией МД РД полковник М.Гаджиев в своем интервью "Дагестанской правде" (19 августа 1993 года) пространно рассказал о борьбе с браконьерством и контрабандой, а вот взять за жабры коррупцию, похоже, и он не может. Потому что на вопрос: как выполняется Указ Президента РФ о борьбе с коррупцией, запрещающей заниматься предпринимательской деятельностью госслужащим, — заявляет следующее: "...у нас, конечно, есть информация, кто нарушает данный Указ. Передали ее в Совмин РД. Однако из-за отсутствия четкого механизма реализации Указа нет положительных результатов".

Кто же у нас в объятиях у коррупции? Людей не устраивает стереотипный, странно убаюкивающий ответ: а кто не в объятиях? ...У нас привыкли говорить о коррупционерах

абстрактно, без персонажей. В Москве, например, начали действовать по-другому. Там уже расстались с должностями многие высокопоставленные лица, замешанные в коррупции. А когда же это сделают в Дагестане?"

На этом завершается статья. Удивительно наивный человек автор этой статьи? Да кто теперь возьмется за это дело? Думаю, никто, поскольку это не безопасно, потому что за коррупционерами стоят российские войска, ОМОН и собственные дружины!

Недавно (июнь 1993г) "дербентский ОМОН" провел свою операцию — репетицию: без разбору стали ловить людей в Нарын-кале и на улицах Дербента, среди бела дня стали издеваться над ними. Некоторые из беспричинно арестованных получили травмы (и телесные, и душевные). Народ в страхе. Аналогичный беспредел осуществлен в пос. Белиджи. Вот как описывает А. Хафизов в заметке "ОМОН в чайхане", в газете "Факт" дербентского университета (17 июня 1993 г):" После громких " побед ", достигнутых в древнем городе Дербенте над коммерсантами, водителями-автолюбителями и просто посетителями известного ресторана в подвале железнодорожного клуба, наш славный ОМОН одержал очередную грандиозную "победу" в поселке Белиджи: он без боя взял... чайхану, где после работы в половине шестого вечера отдыхали рабочая молодежь и "убивали" время безработные. Вот с этой блестящей победой я и поздравляю господина командира ОМОН.

Правда, главная цель так и не была достигнута: у подвергшихся обыску граждан (а среди них был и один ветеран Великой Отечественной войны — не стыдно ли вам, господа молодые — резиновыми дубинками бить уважаемых стариков) ни наркотиков, ни оружия не оказалось, как тщательно не шарились карманы чаевничающих. В чем я искренне сочувствую тому же господину. Ведь операция так тонко была задумана, а вышло совсем наоборот!

Но ОМОН есть ОМОН, там горячие парни, а порой безумно храбрые, особенно в случаях, когда конфликты возникают с безоружными, и не любят они не оставлять своих следов. Не обязательно кровавые, как это было в Литве, а самые обычные: побои ни в чем не повинных людей, оскорбления и унижения попавших под горячую руку, применение без надобности газовых баллончиков, ну и конечно же, стрельба из автоматов.

Таких следов в пос. Белиджи оставлено уйма. Да некому разобраться... Есть граждане, обратившиеся за первой помощью к врачам.

Но, пожалуй, самый глубокий и заметный след они оставили в сердцах белиджинцев. Их действия вызвали у местного населения неприязнь, недоверие к правоохранительным органам.

Несколькими днями позже в Белиджах состоялось общее собрание жителей поселка. В его обширной повестке дня нашел место и вопрос "О незаконных действиях 26 мая 1993 г. ОМОНа на территории пос. Белиджи". В работе собрания приняли участие руководители поссовета, депутатский корпус, представители правоохранительных органов района и поселка. Собрание дало резкую отрицательную оценку действиям ОМОНа в поселке и приняло решение о создании дееспособной народной дружины, которая обеспечила бы соответствующий общественный порядок в поселке".

Вслед за выступлением "Дагестанской правды" газета "Новое дело" (27.11.92 г.) опубликовала статью: "Как украсть миллиард?" В вводной части к статье говорится: "О нашумевшем деле о 7 миллиардах рублей и банковских операциях по фальшивым авизо "Новое дело" уже сообщало своим читателям. Но эти грубейшие финансовые, нарушения не являются единичным случаем"...

За последние несколько лет коррумпированными силами Дагестана присвоено более двух триллионов рублей из казны России!

Хочется поставить перед руководством России вопрос: Как все это понять? Почему огромные средства и внушительные военные силы бесконтрольно оказались в руках мафиозных групп и националистов, которые используют их не по назначению... Такого не было даже при царской России во все времена захватов чужих земель! Если на них не действуют российские законы и Указы Президента, то давайте применим к ним международные законы. В "негуманных государствах" — странах западного мира с коррупционерами поступают довольно жестоко. Вот некоторые положения из резолюции VIII Конгресса ООН ("Практические меры борьбы с коррупцией", МН, N 9, 1993 г.):

— Коррупция может свести на нет потенциальную эффективность всех видов правительственных программ...

— Наказанию подлежат не только физические кражи, но и неправомерное использование времени и труда государственных служащих, государственных помещений и оборудования...

— Злоупотребление служебным положением для получения неоправданных преимуществ, заключающееся в необоснованном использовании официального статуса...

— Неоправданное обогащение должностного лица должно подлежать санкции, даже если при этом не наносится неоправданный ущерб государству... Неоправданные преимущества, получаемые должностным лицом к его собственной выгоде, наносят ущерб состоянию морали в государстве и подрывают доверие граждан к правительству...

— Санкции за непредоставление информации должны быть приблизительно такими же, как и санкции за коррупцию..."

Однако у нас полный ажур! Грабь, присваивай..., только в крупных размерах. Да и утаивай все и вся, никто не сумеет и не смеет подступиться к тебе! Вот нынешние девизы у босов Дагестана! Если кто-нибудь будет настырным в выяснении истины или покритикует из "неприкасаемых", то над ним насилие обеспечено! Первый из этой серии — убийство народного депутата Дагестана Сулейманова, а за ним и других...

Картина произвола будет не полной, если не остановимся на новых вариантах "дагестанских демократических выборов". Если при коммунистическом режиме в высших органы власти из лезгин отбирали "рядовых" в строгом соответствии с предназначенной ролью — самых послушных, всегда готовых проголосовать "как надо", то теперь те же коммунистические руководители, рядившись в демократов, решили этот вопрос совершенно оригинально: зачем вообще представителям некоторых народов, в том числе от лезгин, сидеть в депутатских креслах России. Спокойнее будет без них. Решили — сделали!

Приблизительно за месяц до недавних выборов (12 декабря 1993 года) общественность узнает, что для Дагестана выделены 4 места (по два места в Государственную Думу и в Совет Федерации) и уже утверждены избирательные округа. Узнаем также, что почему-то территория Южного Дагестана оказалось в избирательном округе, находящемся севернее Махачкалы — в городе Буйнакске. Смысл этого хода выяснился сразу: для лезгин возможность провести своего кандидата в депутаты России свели к нулю по всем избирательным округам!

В таком же положении оказался другой многочисленный народ Дагестана — кумыки.

Расчеты показали следующую раскладку возможного набора голосов по наиболее многочисленным народам Дагестана (остальные народы вообще не имели никаких шансов!). По Буйнакскому округу N10 в Государственную Думу (число избирателей — 545106): аварцы и даргинцы могли набрать по 150 тыс. голосов, лезгины — порядка 100 тыс. голосов, кумыки — 50 тыс. голосов: по Махачкалинскому округу N11 в

Государственную Думу (число избирателей — 547032 аварцы — порядка 100 тыс. голосов, кумыки — 60 тыс. голосов, даргинцы и лезгины — по 50 тыс. голосов; в Совет Федерации по обще дагестанскому округу, расположенному в Махачкале (два места): здесь ясно было, что победят представители аварцев и даргинцев. Тем более это было ясно, поскольку они доминируют во властных структурах Дагестана, и не упустят этот шанс.

Таким образом, по предварительным прикидкам выходило, что в высшие органы власти пройдут представители наиболее многочисленных народов Дагестана — аварцев и даргинцев. Соотношение между первыми и вторыми могло быть следующим: либо 2:2, либо 3:1.

Естественно, в этих условиях каждому народу Дагестана (по Конституции Дагестана их-14) Надо было определиться: выразить свое отношение к предстоящим выборам.

Мы собрались в Верховном Совете у Багаудина Ахмедова. У всех собравшихся было единое мнение — шансов у лезгин пройти в высшие органы власти России практически нет. Первое предложение было — бойкотировать выборы. С этим предложением большинство не согласилось, мотивируя тем, что таким способом мы противопоставим себя другим народам — все остальные будут участвовать в выборах. Тогда было предложено, чтобы руководство Дагестана распределило выделенные 4 места между наиболее крупными народами — аварцами, лезгинами, даргинцами и кумыками. Тогда же было предложено, что руководство Дагестана запросило бы еще 2 места (из-за многонациональности Дагестана) для табасаранцев и лакцев. Эти предложения были приняты. Проработать их в руководстве Дагестана было поручено первому заместителю ВС Дагестана Ахмедову Б.Г.

Вслед за этим по Махачкале прошел слух, что руководство Дагестана прорабатывает предложение по распределению мест в высшие органы власти России по наиболее многочисленным народам Дагестана, чтобы разумно провести выборы, избежать национального противостояния народов. К сожалению, это не случилось. В процессе предвыборных межнациональных вакханалий погибло 7 человек, один — пропал.

Наиболее предпочтительные шансы лезгины имели по Буйнакскому избирательному округу N10. Здесь от лезгин был выдвинут кандидатом Магомедов Гамидуллах Исмаилович, кандидат наук, директор научно-исследовательского института школ, депутата нынешнего ВС Дагестана, известного своей порядочностью, компетентностью и принципиальностью.

Расчеты показывали, что без конкретной договоренности с представителями другой многочисленной народности, чтобы обменяться голосами, нам не победить. Такая договоренность было достигнута с представителями аварцев, подтверждение тому — поездка министра просвещения Дагестана с Гамидуллахом Магомедовым по аварским районам. В обмен наши должны были проголосовать за аварца, в частности, за Алиева М.Г.

По Буйнакскому избирательному округу аварцы не выдвинули серьезного кандидата, тем самым он был отдан даргинцам, поскольку аварцы и даргинцы имели здесь наибольшие шансы провести своего представителя. Как и ожидалось, в этом округе победил даргинец Гамидов Гамид Мустафаевич. Последний потратил сотни миллионов рублей на избирательную кампанию. В частности, мулле селения Хнов Ахтынского района был отдан один миллион рублей за несколько дней до выборов, якобы для восстановления мечети. Таких случаев обработки религиозных "деятелей" и влиятельных людей в районах было очень много и об этом был поставлен в известность центрризберком...

Думаю, что небезынтересно узнать, как голосовали наиболее крупные народы за своих и других кандидатов в депутаты России.

Аварцы отдали голоса за Магомедова Гамидуллаха — 4,5% от проголосовавших, а даргинцы — 0,8 %. Лезгины отдали голоса за Гамидова Гамида (даргинца) — 12,5%. (Здесь и далее для определения количества голосов, поданных за какого-либо кандидата от народов, были выбраны чистые национальные районы лезгин, аварцев, даргинцев, кумыков, и лакцев).

По Махачкалинскому избирательному округу N5 (в Государственную Думу) наибольшие шансы имели аварцы, поэтому их представитель — Толбоев Магомед Омарович — легко и победил.

Наиболее драматично проходили выборы в Совет Федерации РФ по общедагестанскому избирательному округу N5. Здесь два кандидата в депутаты были убиты — кумык Гаджиев Багаудин Устаевич (в ходе предвыборной компании, после его критического выступления по дагестанскому телевидению), лезгин Байрамов Арсен Байрамович (вслед за завершением выборов). Кроме них по этому избирательному округу баллотировались представитель ВС Дагестана Магомедов Магомедали Магомедович, заместитель председателя ВС Дагестана Алиев Муху Гимбатович, бывший председатель Совета Национальностей ВС России Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович... Каждый из них располагал своими рычагами воздействия на избирателей...

Во время предвыборной кампании председатель ВС Дагестана, например, собрал всех глав администраций городов и районов и сказал им, что "если хотите и дальше работать в этих должностях, то поработайте на меня". Кроме того была создана группа из коллаборационистов других народов Дагестана, якобы для контроля за ходом предвыборной кампании, но их главная задача была — настроить людей проголосовать "как надо" за представителей нынешнего руководства Дагестана. Группа создавалась из должностных лиц (министров, руководителей предприятий и организаций), зависимых от высокого начальства, и последние очень старались.

Здесь были и неожиданности. Во время перестрелки в ресторане "Лезгинка" погибли три человека (один из них — лезгин), а еще один лезгин, которого до сих пор не могут найти, исчез. Вечер был организован сторонниками Р.Абдулатипова.

Другой неожиданностью было — участие в выборной компании Арсена Байрамова. Он быстро стал завоевать сердца и думы дагестанцев своей непосредственностью, честностью, компетентностью и деловыми качествами. Судите сами.

Из агитационного плаката:

Байрамов Арсен Байрамович 1964 г. рождения, сын агронома и сельской учительницы из Ахтов. По образованию инженер-строитель. К 27 годам прошел путь от мастера до руководителя СМУ. В 29 лет организовал и возглавил в Каспийске крупную строительную фирму акционерное общество "Арси". Женат, воспитывает двух детей.

Конкретно:

— к концу 1993 года фирма "Арси" введет строй 14000 кв. метров жилья. Она уже построила 2 асфальтных завода, универсальный магазин, собственную производственную базу, 5 километров асфальтных дорог;

— сегодня "Арси" строит пять 409-квартирных домов, 36 — 107 — квартирные дома, семейное общежитие на 300 человек.

— средний заработок рабочих фирмы сегодня составляет около 120 тыс. рублей. Все работники "Арси" в течение двух лет будут обеспечены квартирами, которые через 7 лет перейдут в их собственность.

— в то время, когда в стране растет безработица, президент "Арси" создал 700 новых рабочих мест;

— только в этом году фирма выделила 5 млн. рублей на благотворительные цели;

— в планах Арсена Байрамова — создание филиалов фирмы в других регионах Дагестана.

Из предвыборной платформы кандидата:

— прежде всего сформировать правительство народного доверия, свободного от политиканства, групповых и партийных интересов,

— восстановить законность, остановить развал экономики, инфляцию, безработицу, разгул преступности;

— пресечь расхищение народного достояния. Природные богатства, ресурсы России, Дагестана должны служить своему народу, а не иностранному капиталу;

— Я — за многоукладность экономики. Но при этом за приоритет товаропроизводителя в налоговой и кредитной политике. Нельзя одинаково оценивать труд производственника и перекупщика;

— хочу максимально содействовать решению проблем своей республики, укреплению ее экономики, развитию социальной базы, созданию равных условий жизни для всех населяющих Дагестана народов, в том числе русского;

— решительно отвергаю саму идею о торговле и спекуляции в Дагестане землей.

И, наконец, девиз кандидата: "Мы работаем для людей и уже сегодня строим новую Россию. Депутатский мандат умножит мои возможности делать добро для своей Республики".

Таким был Арсен Байрамов. Он как яркая звезда взвился на небосклоне Дагестана во время предвыборной компании. Это не понравилось кое-кому. Пошли сперва предложения чтобы он снял свою кандидатуру кандидата в депутаты Совета Федерации РФ, потом угрозы, а затем и исполнение угроз.

Голоса между основными кандидатами распределились следующим образом (тыс. изб.): Магомедов М.М. — 334122, Абдулатипов Р.Г. — 289494, Алиев М.Г. — 263252, Байрамов А.Б. — 152627.

Аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки и лакцы за кандидатов проголосовали следующим образом (см. таблицы)

Как видим из таблицы, лезгины были наиболее лояльны по отношению к представителям других народов. У лакцев такое же соотношение, так как они не выставляли своего кандидата.

Да, А.Байрамов не набрал тогда нужное количество голосов, чтобы стать депутатом Федерального Собрания РФ, поскольку он не мог должным образом провести агитационную работу. Из-за угроз он не имел возможности выступить во многих районах, а последнюю неделю его вынуждены были спрятать. Такова демократия в Дагестане! Но те, которые соприкоснулись с ними, все отдали голоса за него. Арсен Байрамов был честным, неподкупным, обаятельным и обязательным человеком. О доброте его ходят легенды. Особенно любили его жители Каспийска, где он жил и работал...

№ п/п	Кандидаты	Народы				
		Аварцы, %	Даргинцы, %	Лезгины, %	Кумыки, %	Лакцы, %
1	Абдулатипов Р. Г.	90	19	16	7,8	49
2	Алиев М.Г.	52	33,5	38	3	50,5
3	Байрамов А.Б.	3	8	90	10	8
4	Магомедов М.М.	20	96	55	21	67

Таким образом, все бывшие и нынешние руководители Азербайджана и Дагестана вели и ведут явно выраженную дискриминационную, националистическую политику, вследствие чего лезгиноязычные народы оказались в тяжелом экономическом положении, духовно задавлены, вынуждены бежать со своей исконной земли, бросать свою родину.

Движение населения характеризуется миграцией со всей этнической территории в Дагестане и Азербайджане преимущественно за пределы республики — в Казахстан, Туркмению, Россию, Украину и другие регионы. Соответственно оно сокращается в границах своей этнической территории. Сокращение численности коренного населения за 1979-1989 годы в местах исконного расселения видно из следующей таблицы (по Дагестану):

1. Агульский район — на 24,5%
2. Ахтынский — на 5,8 %
3. Курахский — на 26,2%
4. Сулейман-Стальский — на 11,2%
5. Рутульский — на 15,4%
6. Табасаранский — на 1 %
7. Хивский — на 15%

Основной причиной миграции лезгиноязычного населения за пределы традиционного расселения в Дагестане и Азербайджане являются низкий уровень жизни, потеря естественных источников дохода (народных промыслов, ремесел, скотоводства и т.д.), отсутствие на этнической территории городов и трудоемких производств, несправедливое, тенденциозное отношение к ним со стороны руководства обеих республик.

9.3. НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЛЕЗГИНСКОГО НАРОДА ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Советская власть в двадцатые годы, пока она не была погублена собственными внутренними пороками, пыталась приостановить негативные явления, происходившие в Российской империи в социально-экономической, культурной сферах и в межнациональных отношениях. Укажем хотя бы на то, что сразу после революции была принята программа ускоренного развития бывших окраин России. Эта программа выполнялась на протяжении десятилетий. Пытались решить и национальный вопрос. Об этом говорит образование многих союзных и автономных республик в рамках СССР в довоенный период: Аз.ССР (1920), ДАССР (1920), Бурят-Монгольская АССР (1923), Тюркменская ССР (1924), Чувашская АССР (1925), Таджикская ССР (1929), Мордовская АССР (1934), Калмыцкая АССР (1936), Марийская АССР (1936) и т.д. Однако следует указать, что самоопределение народов происходило бессистемно, имели место валютаризм и произвол. В основу не были положены объективные критерии (численность населения, компактность проживания, исконность территории и т.д.). Так, например, лезгины, имеющие свои государственные традиции (Кавказская Албания в древности, государственное образование Лакз, Ширван, в средние века, ханства и вольные

самоуправляемые общества в XVII — XIX вв.), компактно проживающие на своих исконных землях, имеющие богатое культурное наследие, занимающие и сейчас по численности населения 25 место в бывшем СССР (около 700 тыс. чел. по статистике, а фактически цифра намного больше), не получили своей государственности ни в какой форме. В бывшем Союзе было 53 государственных образования, а лезгины в этот список не попали, хотя вопрос о воссоединении народа и создании государственности не снимался с повестки дня за весь период Советской власти. Об этом говорят документы и факты. Вот некоторые из них:

1. Обращение (опубликовано 24 мая 1917 года) Дагестанского просветительно-агитационного бюро к населению о задачах, стоящих перед Дагестаном, и целях бюро [43]. Читаем из документа: "Наши братья кумыки и кюринцы (лезгины) были отторгнуты от нас и отнесены к разным административным центрам... И думается, что наши лозунги соответствуют нашим целям. Вот они:
 1. Демократическая Федеративная Российская республика:
 2. Выделение горцев Северного Кавказа, дагестанцев, лезгин Кубинского уезда и горцев Закатальского округа в особую федеративную единицу...".
2. Из постановления ВЦИК об образовании ДАССР от 20 января 1921 года: "Всероссийский Центральный исполнительный Комитет постановляет: 1. Образовать ДАССР как часть РСФСР, в состав коей включить территорию всей Дагестанской области в прежних ее административных границах, состоящую из округов: Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Кази-Кумухского, Кайтаго-Табасарайского, Кюринского, Самурского, Темир-Хан-Шуринского и Хасавюртовского.

Примечание 2. Точное разграничение ДАССР с независимой Аз.ССР, с Автономной Горской ССР и заинтересованными областями РСФСР в спорных территориях определяется специально назначенной Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета комиссией из представителей этих республик и областей РСФСР. Постановление подписано Председателем Президиума ВЦИК Калининым [43].

3. Из Конституции ДАССР, принятой на I Учредительном Съезде Советов Дагестана 5 декабря 1921 года [44]: "Территория ДАССР объединяет бывшую Дагестанскую область и Хасавюртовский округ Терской области и состоит из округов: Аварского, Андийского, Буйнакского, Гунибского, Даргинского, Казикумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского и Хасавюртовского и из Каспийского побережья Дагестана, с рыболовным его районом, с городами Махачкала и Дербент с их районами".

Примечание: Точное разграничение автономной ДАССР с независимой Аз. ССР, с ССР Грузии, с автономной Горской ССР и заинтересованными областями РСФСР в спорных территориях определяется специально назначенной Президиумом ВЦИК комиссией из представителей этих республик и областей РСФСР".

4. Из Резолюции съезда о принятии конституции ДАССР от 5 декабря 1921 года: "Заслушав доклад председателя Дагестанского Ревкома т. Кормасова о проекте Конституции ДАССР, Вседагестанский учредительный съезд Советов утверждает проект Конституции целиком без изменений. Вместе с тем Вседагестанский съезд предлагает будущему ЦИК ускорить разрешение вопроса о границах с Азербайджаном, Грузией, Горской республикой и пограничными областями РСФСР, дабы присоединить к ДАССР спорные территории, входившие до покорения Кавказа в состав Дагестана и тесно с ним связанные экономическими условиями, бытовыми, этнографическими и другими признаками, и тем облегчить испытываемые беднотой пограничных округов затруднения" [43].

Эти документы были отправлены в Москву. Вскоре земли кумыков, входившие в Терскую область, были присоединены к Дагестану, а воссоединению лезгин воспрепятствовал Нариманов, работавший в те годы сперва председателем Закавказской Федерации, затем сопредседателем ЦИК СССР.

К сожалению, под давлением националистов — руководителей бывшего СССР и Азербайджана — судьбоносная для лезгинского народа резолюция 1 Учредительного съезда Советов Дагестана и Постановление ВЦИК по воссоединению лезгинских земель не были выполнены. Более того, при провозглашении автономии Дагестана на Чрезвычайном съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 года делегации из Самурского и Кюринского округов на съезде отсутствовали. Из этих округов должны были прибыть делегации в количестве более 20 человек. В архивных данных нет сведений о приезде в Темир-Хан-Шуру, где состоялся Чрезвычайный съезд народов Дагестана, делегации из Ахтов и Касумкента. На съезде выступили: Сталин от имени правительства РСФСР, Нахибашев — от аварского народа, Сулейманов — от даргинского народа, Габиев — от лакского народа, Коркмасов — от кумыкского народа, К.Мамедбеков — от имени партийно-советских органов. Не было выступлений от лезгинского, табасаранского, цахурского, рутульского и агульского народов.

Н.Самурский в это время находился в Гунибе. Поскольку ряд районов Аварского, Андийского и Гунибского округов не могли делегировать своих представителей на Чрезвычайный Съезд народов Дагестана из-за военных действий против Гоцинского, Н.Самурский 18 ноября 1920 года в Хунзахе провел собрание представителей этих округов, посвященное поддержке решений Чрезвычайного съезда народов Дагестана об объявлении автономии Дагестана. Однако в архивах нет данных, указывающих на проведение аналогичных собраний в Самурском и Кюринском округах. Таким образом, фактически Автономия Дагестана была объявлена без представительства лезгиноязычных народностей и без учета их интересов.

Возникает вопрос, могут ли земли Северного Азербайджана, населенные с незапамятных времен народами лезгиноязычной группы, оказавшимися в составе нынешней республики Азербайджан после захвата Закавказья Турцией и провозглашения Мусаватистской республики в 1918 году, считаться исконными землями Азербайджана? Можно ли назвать границу между нынешним Дагестаном и Азербайджаном законной, если она также установлена по произволу в 1918 году, если она делит единый народ на две части? Можно ли назвать земли Южного Дагестана неотъемлемой частью Дагестана, если республика Дагестан в 1920 году была провозглашена без учета мнения лезгинского народа?

Проблема воссоединения и самоопределения не снималась с повестки дня за весь период Советской власти. Укажем хотя бы на движение лезгин в 50-60-е годы за восстановление и устранение дискриминации в решении вопросов, связанных с политическим устройством, социально-экономическим и культурным развитием народа.

Движение было оформлено в 1960 году как литературное объединение — "РикIин гаф" ("Сердечное слово"). Организаторами этого объединения была патриотически настроенная лезгинская интеллигенция. В организацию входило более 60 человек [45]. Активными членами организации были Забит Ризванов, Иззет Шерифов, Ядуллах Шайдаев, Байрам Салимов, Лезги Нямет, Теймур Алиханов, Эскендер Казиев, Шихзада Валадов, Мирзали Рустамов, Эмирбек Лачинов, Гажибала Кафланов, Шакир Наврузбегов, Багиш Багишев и др.

Объединение "РикГин гаф" ставило перед собой задачу воссоединения лезгин и восстановления лезгинской государственности в качестве автономной республики Лезгистан.

Для решения этих вопросов делегация неоднократно ездила в Москву (Забит Ризванов, Иззет Шерифов, Байрам Салимов, Эскендер Казиев и др.), где они принимались секретарями ЦК КПСС, в частности, Ильичевым. После этих встреч в Москву был приглашен первый секретарь ЦК КП Азербайджана Хасай Визиров, который пообещал выполнить законные требования лезгин. Однако вскоре дело повернули таким образом, что на участников движения навесили ярлыки националистов, подвергли гонениям: исключили из рядов КПСС, сняли с работы, многих выселили из родных мест.

И все же в 1963 году ЦК КП Азербайджана вынужден был издать постановление "Об удовлетворении социально-экономических и культурных потребностей лезгин в Азербайджане". Однако ни один пункт этого постановления не был выполнен.

Несмотря на репрессии и гонения, в начале 70-х годов группа студентов исторического и филологического факультетов ДГУ (Р.Ризванов, Г.Ахмедов, М.Исаков, М.-Садыков) образовала объединение "Чистые сердца" ("Михьи риклер"), где обсуждалось положение лезгин, о дискриминации лезгин в Азербайджане и Дагестане. Многие из них во время педагогической практики, в частности, в Касумкенте, вели агитацию через общения с учителями и учащимися старших классов о необходимости перевода преподавания в начальных классах лезгинских школ с русского на родной язык, об объединении лезгин, о необходимости изучения в школах истории и культуры лезгинского народа. Эти же идеи находили отклик в стихотворениях и заметках, публиковавшихся в стенной газете литературного студенческого кружка лезгин на филфаке под названием "Самур".

Студент V курса исторического факультета Г.Ахмедов написал письмо первому секретарю ЦК КП Азербайджана Г.Алиеву, где указывалось на дискриминацию лезгин в Азербайджане и необходимость преподавания лезгинского языка в школах, необходимость организации радио — и телепередач в Азербайджане на лезгинском языке для местного лезгинского населения.

Письмо из ЦК КП Азербайджана было передано в АзКГБ, оттуда переправлено в КГБ Дагестана. Работники последнего, при активной помощи АзКГБ, придали требованиям студентов одиозно националистическое истолкование.

Приказом по ДГУ ряд студентов были исключены из университета, хотя они учились на выпускном курсе.

ПРИКАЗ N 50-С
ПО ДАГЕСТАНСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ имени В.И.Ленина

от "31" марта 1976 г.

г.Махачкала

Студенты филологического факультета Ризванов Р.З. (V курс РДО) и Садыков М.С. (IV курс РДО) среди части студентов лезгинской национальности вели нездоровые разговоры, стремились к обособлению, проявляли национальную ограниченность и национальный эгоизм. Под видом "защиты" лезгин, живущих в Азербайджанской ССР, в отдельных высказываниях они допускали неправильные выражения в адрес азербайджанского и других братских народов.

Студент Ризванов Р.З., не имея на то никаких прав, пытался собирать подписи студентов для обращения в партийные и советские органы с просьбой организовать в г.Баку радиопередачи на лезгинском языке.

Студент Садыков М.С. высказывал мысль о создании в районах ячеек по разъяснению среди населения идеи автономизации лезгин. Ранее за серьезный поступок Садыков М.С.

был исключен из университета и восстановлен в число студентов по ходатайству от производства, где он проработал один год.

О действиях указанных студентов знал, больше того, их неправильные действия одобрял студент V курса истфака Ахмедов Г.Н.

Указанные студенты неправильно повели себя на комсомольском собрании курсов, посвященных обсуждению их поведения. Комсомольские собрания курсов и комитет ВЛКСМ университета исключили этих студентов из рядов ВЛКСМ.

Приказываю:

За допущение национальной ограниченности и национального эгоизма, ведение нездоровых разговоров среди части студентов, серьезные нарушения учебной дисциплины студентов: Ризванова Р.З. (V курс РДО), Садыкова М.С. (IV курс РДО) филологического факультета и студента V курса исторического факультета Ахмедова Г.Н. из университета исключить.

Ректор ДГУ им. В.И.Ленина, профессор Подпись/ А.Абилов/

В последующем они находились под негласным надзором КГБ Дагестана. Административным путем было изменено и название стенгазеты "Самур" Она была переименована "Источник" ("Чешме"), чтобы вытравить из сознания молодежи мысли о единстве народа.

Представители лезгинского народа постоянно обращались в ЦК КПСС, ЦК КП Азербайджана, в Обком КПСС Дагестана для разрешения лезгинской проблемы. Некоторые из этих обращений приведены в Приложении I в конце книги. Подтверждением и результатом многочисленных обращений лезгин в центральные органы власти стала публикация в "Известиях ЦК КПСС" писем трудящихся по вопросам совершенствования межнациональных отношений в СССР "Обзор писем, врученный участникам сентябрьского (1989 г). Пленума ЦК КПСГ [46]. В разделе "Перечень просьб, регулярно повторяющихся в почте по вопросам межнациональных отношений" сказано: "В ЦК КПСС поступают многочисленные письма граждан различных национальностей, содержащие просьбы о восстановлении или учреждении национального-государственных автономий, возвращении в места прежнего проживания, об изменении статуса, административной подчиненности и границ тех или иных территорий и по другим вопросам".

Относительно просьб и предложений лезгин написано: "Предоставить автономию лезгинам, проживающим в ряде северных районов Азербайджанской ССР, либо передать эти районы в состав Дагестанской АССР. Есть также предложения образовать отдельную Лезгинскую АССР на базе ряда районов Дагестана и Азербайджана, в которых преобладает лезгинское население [46].

И, наконец, в 1989 году была создана общественно-политическая организация лезгин "Садвал", которая зарегистрирована в Министерстве юстиции России как международная организация. Устав и Программа ЛНД "Садвал" приводятся в Приложении III.

С самого начала своей деятельности "Садвал" активно включился в оказание помощи лезгинскому народу в решении его насущных проблем. Был проведен анализ социально-экономического, культурного и политического состояния лезгинского народа. Результаты этих анализов были доложены на I — IV съездах "Садвал", опубликованы и представлены в Верховные Советы и Правительства Дагестана, Азербайджана и России [47,48]. Однако никто из руководства указанных республик не предпринял никаких шагов, чтобы решить актуальные вопросы лезгинского народа.

К сожалению, процессы в бывшем СССР шли не в сторону созидания, вследствие чего кризис системы достиг апогея в августе 1991 года. На развалинах СССР начали создаваться новые государства. Учитывая это и то, что положение лезгинского народа резко осложнилось, был проведен представительный и правомочный общенациональный съезд лезгин. Материалы этого съезда полностью приведены в Приложении II.

Проведение 28 сентября 1991 года Общенационального съезда лезгин было и остается историческим событием в судьбе лезгинского народа, поскольку на нем были приняты Декларация о восстановлении государственности и Резолюция о неотложных задачах лезгинского народа. В Декларации, в частности, говорится: исходя из убеждений, что основным условием для национально-демократического возрождения лезгинского народа является его национально-территориальное единство, руководствуясь своим Конституционным правом на самоопределение, с учетом традиций государственности лезгинского народа, прерванной в XIX веке, съезд выражает чаяния и волю лезгинского народа к воссоединению и созданию единого национально-государственного образования (Лезгистан). Съезд заявил, что единственным обладателем суверенитета на территории Республики Лезгистан является народ Лезгистана, реализующий свой суверенитет непосредственно и через уполномоченные представительные органы власти — настоящий съезд полномочных представителей лезгинского народа и избранный им лезгинский Национальный Совет.

Съезд обратился ко всем гражданам лезгинской национальности, проживающим в Дагестане, в Азербайджане, в других регионах бывшего СССР и в зарубежных странах, с призывом к консолидации и оказанию возможной моральной, финансовой и технической поддержки в святом деле воссоединения и восстановления государственности лезгинского народа.

Съезд обратился также и к братским народам Дагестана и Азербайджана, к народам России и бывшего СССР, ко всем демократическим партиям и движениям, к общественным организациям с призывом содействовать обеспечению права лезгинского народа на воссоединение и восстановление своей государственности, понимая, что "только в тесном союзе, взаимодействии народов возможно возрождение и развитие Лезгистана".

Материалы съезда были представлены в Верховные Советы бывшего СССР, Азербайджана и Дагестана для признания Лезгистана. Однако все названные выше органы власти обошли этот исторический шаг лезгинского народа молчанием.

В связи с распадом СССР возникла и новая проблема — это образование новых государственных границ. Вопросы, связанные с этой проблемой, были обсуждены на IV съезде "Садвал" (см. Приложение IV).

Поскольку острейшие вопросы лезгин не решались правительствами Дагестана, Азербайджана и России и полным ходом шла подготовка к установлению незаконной государственной границы между Россией (Дагестаном) и Азербайджаном, в февралемарте 1993 года возобновляются многотысячные митинги протеста лезгинского народа против произвола властных структур России, Дагестана и Азербайджана. Они приобретают все более острый характер: 5 марта и 21 марта мощные митинги проходят в г. Кусары и на главном таможенном посту на административной границе Дагестан — Азербайджан, где с той и с этой стороны грабят лезгинский народ таможенными поборами. На этом митинге принимают решение провести аналогичное мероприятие 3 апреля в г. Дербенте.

Руководство Дагестана обеспокоено нарастанием сопротивления лезгинского народа установлению незаконной государственной границы.

Чтобы сорвать митинг в Дербенте и в какой-то мере получить подтверждение, что "Садвал" нагнетает обстановку (вспомним выступление первого заместителя председателя Совета Министров Дагестана на совещании в г. Кубе: "Относительно тех эксцессов и провокационных выступлений, я должен сказать: это не мнение народа, это не политика правительства и парламента. Это выражение интересов отдельной группы людей, чьих-то политических амбиций...") власти Дагестана назначают на время начала митинга в Дербенте совещание руководителей районов и общественных организаций Южного Дагестана. В Приложении I приводится Постановление этого совещания, переработанного и смягченного властными структурами Дагестана. Важнейшим результатом этого совещания является то, что на нем через своих представителей — народных депутатов всех рангов, представительных органов на местах — председателей Советов районов и общественных организаций (народных движений, партий и культурных центров) Южного Дагестана народ однозначно еще раз подтвердил решимость не допустить проведение незаконной государственной границы посреди земель лезгинского и других народов Дагестана и потребовал скорейшего политического решения проблем, жизненно важных для лезгинского народа. На этом совещании рухнул тезис руководства Дагестана и Азербайджана о том, будто "Садвал" нагнетает напряженность и что только "экстремисты" из "Садвал" против установлены государственной границы между Россией и Азербайджаном.

С Протоколом и Постановлением совещания в Дербенте председатель госкомнаца Дагестана М.-С.Гусаев и председатель лезгинского Национального Совета ("Садва") М.Кахриманов выезжают в Москву и знакомят с материалами совещания руководство России, в частности, заместителя председателя Совета министров — Правительство Российской Федерации — председателя госкомнаца России С.М.Шахрая.

Сергей Николаевич Шахрай приезжал в январе 1993 года в Махачкалу для ознакомления с положением дел в области межнациональных отношений в Дагестане. Так сформулировал цель своего приезда сам Сергей Николаевич. Наравне с другими (кумыков, аварцев, чеченцев и др.). Им была принята и лезгинская делегация. На встрече присутствовали руководители республики Дагестан во главе с председателем Верховного Совета Дагестана М.-А.Магомедовым. От "Садвал" на встречу пришли Бабаев Ах-мед, Нагиев Файзудин, Салих Эфендиев, Азимов Сергей и я. Кахриманов Мугудин отсутствовал в городе. Мы между собой договорились о том, кто в основном будет

выступать от имени "Садвал" и какие вопросы поднимаем. Остановились на моей кандидатуре и решили поднять два вопроса: о тяжелом положении лезгинского народа в социально-экономической и культурной областях и проблеме границы между Дагестаном и Азербайджаном.

По первой части вопроса я сказал, что здесь присутствуют руководители республики Дагестан, они довели наш народ до нищеты и ни в чем не помогают сейчас лезгинскому народу, потому прошу проехать по лезгинским районам и ознакомиться с положением дел на местах. По второму вопросу я доложил Сергею Михайловичу, что лезгинский (да и другие народы Дагестана и Азербайджана) не приемлют государственной границы между Дагестаном и Азербайджаном. Если такой акт совершится, то наш народ погибнет физически. Это мнение не только "Садвал", но и всего народа, поэтому крайне необходимо непосредственно встретиться с народом и выслушать его. Сказанное было поддержано руководителями Магарамкентского, С.Стальского и Дербентского районов, которые присутствовали на этой встрече.

После завершения встречи я специально подошел к С.Шахраю и еще раз попросил его разобраться в этих вопросах и помочь нам. Сергей Николаевич ответил, что он ознакомился в Москве со всеми нашими заявлениями и другими материалами, что в принципе он в курсе общего положения лезгинского народа и постарается объективно разобраться и помочь.

Когда мы вышли из зала заседания, С.Шахрая встретили наши товарищи и высказали свое возмущение по поводу дискриминационного отношения со стороны руководства Дагестана к "Садвал" и к лезгинам вообще. Действительно, ни одной делегации не было сделано ограничения, только есть нашей делегации не допустили на встречу, сославшись на то, что они не числятся в списке для встречи.

С.Н.Шахрай первый из Российского правительства, кто объективно оценил положение лезгинского народа и сделал конкретные шаги, чтобы помочь ему. Думаю, что лезгинский народ достойным образом оценит это.

В апреле 1993 года С.Шахрай прилетает в Дагестан с представительной делегацией. Он вместе с руководством Дагестана едет в Магаракенский район, встречается с лезгинским населением и получает информацию по интересующим вопросам. В Махачкале он проводит совещание, протокол которого привожу ниже полностью.

ПРОТОКОЛ
СОВЕЩАНИЯ У ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
С.М.ШАХРАЯ.

20 апреля 1993 г.

г.Махачкала

*О вопросах, связанных с решением
проблем разделенного лезгинского и
других народов Дагестана*

Присутствовали:

руководители республики Дагестан, министерств и ведомств, руководители южных районов Дагестана, представители народного движения "Садвал" и др.

В результате обмена мнениями совещания решило:

1. Министерству иностранных дел Российской Федерации совместно с государственным комитетом Российской Федерации по делам Федерации и национальностей подготовить переговоры с Азербайджанской республикой по урегулированию проблем лезгинского и других народов в приграничных районах Юга Дагестана и Севера Азербайджана. Переговоры начать не позднее мая месяца 1993г.
2. Считать целесообразным включить в состав Российской делегации на переговорах, упомянутых в п.1. представителя правительства Дагестана — председателя Государственного Комитета по национальной политике и внешним связям.
3. Считать целесообразным ввести в состав посольства Российской Федерации в Азербайджанской республике представителя республики Дагестан в качестве российского дипломатического работника.
4. Министерству безопасности Российской Федерации на период переговоров по политическому урегулированию вопросов, указанных в пункте 1 настоящего Протокола, приостановить развертывание пограничных войск вдоль границы с Азербайджаном. Министерству иностранных дел Российской Федерации передать Азербайджанской республике просьбу принять на указанный период аналогичное решение.
5. МВД Российской Федерации совместно с МВД республики Дагестан принять дополнительные меры по усилению охраны правопорядка в приграничных районах и укреплению материально-технической базы органов внутренних дел республики Дагестан.
6. Министерству экономики, министерству транспорта, министерству финансов Российской Федерации в месячный срок проработать вопрос о строительстве через реку Самур двух мостов и подъездных дорог к ним для установления прямого транспортного сообщения с населенными пунктами Магарамкентского, Ахтынского и Рутульского районов.
7. Министерству внешне-экономических связей, министерству экономики, министерству финансов, государственному таможенному комитету Российской Федерации и Совету министров республики Дагестан в двухмесячный срок изучить возможность и целесообразность создания в приграничных районах республики Дагестан свободной экономической зоны и представить свои выводы в Совет министров — Правительство Российской Федерации.
8. Министерству сельского хозяйства, министерству финансов Российской Федерации с участием ассоциации крестьянских хозяйств рассмотреть возможность выделения целевого кредита в размере 1 млрд. рублей для поддержки фермерских хозяйств Южных районов республики Дагестан.
9. Рекомендовать министерству сельского хозяйства, министерству экономики Федерации в связи с избытком трудовых ресурсов и недостатком мощностей предприятий по переработке сельхозпродукции предусмотреть в 1993-95 годах строительство в крупных населенных пунктах южных районов республики Дагестан 20 предприятий перерабатывающей промышленности.
10. Федеральной миграционной службе Российской Федерации совместно с советом министров республики Дагестан рассмотреть вопрос о беженцах на территории республики Дагестан и оказании им материальной помощи.
11. Совету министров республики Дагестан в двухмесячный срок разработать и представить в Совет министров — Правительство Российской Федерации проект комплексной программы социально-экономического и культурного развития пограничных районов Юга республики Дагестан.
12. После совещания С.Шахрай вылетел в Москву, оставив представительную делегацию (5 человек) во главе с послом по особым поручениям МИД России В.Д.Быковым для дальнейшей работы над текстом Протокола, проработки намеченных на совещании вопросов и подготовки предложений для политического решения лезгинской проблемы.

21 апреля лезгинская делегация в составе профессоров Агаева А.Г., Абдурагимова Г.А., Муслимова С, председателя Лезгинского Национального Совета ("Садвал") Кахриманова М., народного депутата Дагестана Рамазанова Н.С. и Азимова С. встречается с московской делегацией в госкомнаце Дагестана и обговаривает процедуру дальнейшей работы. Пришли к тому, что каждой из делегаций отдельно готовить свои предложения по всему комплексу вопросов и на следующий день встретиться для сведения их в согласованные тексты.

Мы получили текст Протокола Совещания для уточнения формулировок пунктов и внесения изменений и дополнений, если в этом будет необходимость, и подготовили предложения по изменению формулировок пунктов и внесению дополнений:

1. МИД РФ совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами РФ, исполнительными органами РФ, Национальным Советом Лезгинского народа ("Садвал") провести в мае месяце 1993 г. Переговоры с Азербайджанской Республикой по определению и международно-правовому оформлению государственной границы между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой на основе принципа, предусматривающего национальную, политическую и социально-экономическую целостность лезгинского и других народов.
2. Министерству безопасности РФ не рассматривать вопросы, связанные с размещением и развертыванием пограничных войск вдоль границы с Азербайджаном до полного политического решения проблемы лезгинского и других разделенных народов.
3. Учитывая бедственное положение районов Юждага Минэкономике РФ совместно с другими заинтересованными министерствами и ведомствами в 2-месячный срок разработать комплексную Программу социально-экономического развития этого региона и обеспечить ее финансирование.
4. В связи с развертыванием в Республике Азербайджан широкомасштабной кампании преследования, травли и террора лезгинского населения МИД Российской Федерации выразить протест азербайджанским властям с целью прекращения противоправных действий и обратиться в ООН и СБСЕ с предложением о направлении специальной комиссии по расследованию многочисленных фактов нарушения международных Конвенций о правах человека.
5. В связи с трагической ситуацией, складывающейся в приграничных районах, Государственной Комиссии по делам национальностей организовать встречу представительной делегации лезгинского народа с Президентом РФ и Председателем ВС России.
6. В состав Российской делегации на переговорах с республикой Азербайджан включить не менее пяти представителей Лезгинского Национального Совета ("Садвал").

Были подготовлены и возможные варианты политического решения лезгинской проблемы:

1. Исполнение резолюции III общенационального съезда лезгинского народа, состоявшегося 29 сентября 1991 г. в с. Касумкент Дагестанской Республики (см. Приложение 11.).
2. Проведение Референдума с целью определения волеизъявления лезгинского народа и по вопросу воссоединения на территории компактного проживания лезгин в РФ И РА под эгидой международных организаций.
3. Создание единой свободной экономической зоны на территории компактного проживания лезгин в Российской Федерации и республике Азербайджан при условии обеспечения международных гарантий с особым режимом для народов, проживающих в этом регионе под эгидой Лезгинского национального Совета.

4. Одновременное провозглашение национально-территориальной автономии лезгин в Российской Федерации и Республике Азербайджан с общелезгинским Координационным органом.

Работа над этими предложениями не состоялась: московская делегация срочно была отправлена в Москву без объявления причин такой спешки. Наши уговоры не помогли. Прикрепленный от Госкомнаца Дагестана к московской комиссии А.Акавов (тюрок) все делал, чтобы делегация уехала. Чувствовалось, что это заранее запланированный акт по срыву процесса выработки единой платформы по решению наших проблем.

Когда в Госкомнаце не добились, чтобы московская делегация не уехала (официально она должна была оставаться еще 3 дня), мы обратились к председателю СМ Дагестана А.Мирзабекову и первому заместителю ВС Дагестана Б.Ахмедову. Первый ничего не предпринял, а второго просто не послушались. А председатель Госкомнаца Дагестана М-С.Гусаев почему-то в тот день оказался в командировке. Когда М-С.Гусаев через день приехал, мы доложили ему о случившемся, выразили свое недоумение и сказали, что со многими положениями Протокола Совещания не согласны. Когда мы показали пункты, с которыми не согласны, то выяснилось, что нам дали только вариант Протокола руководства Дагестана, с которым С.М.Шахрай не был даже знаком. А "дагестанский вариант" как будто и повторял "шахраевский", но отличался в сторону ухудшения содержания формулировок. Давайте сравним некоторые пункты этих двух вариантов Протокола Совещания в подходах решения лезгинских проблем (в скобках приведены формулировки "шахраевского варианта").

Проблема была сформулирована следующим образом: "О вопросах, связанных с решением проблем разделения лезгинского и других народов Дагестана" ("О вопросах, связанных с решением проблем разделенного лезгинского и других народов Дагестана").

1. МИД Российской Федерации (РФ) совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами РФ, исполнительными органами республики Дагестан (РД) ускорить начало переговоров с Азербайджанской республикой (АР) по определению и международно-правовому оформлению государственной границы между РФ и АР" ("МИД РФ совместно с государственным комитетом РФ по делам федерации и национальностей подготовить переговоры с АР по урегулированию проблем лезгинского и других народов в приграничных районах Юга Дагестана и Севера Азербайджана. Переговоры начать не позднее мая месяца 1993 года").
2. "Минэкономике РФ, Минтрансу, Минфину РФ проработать вопрос о строительстве через реку Самур двух мостов и подъездных дорог к ним для установления транспортного сообщения с населенными пунктами Магарамкентского, Ахтынского и Рутульского районов, дорога к которым в настоящее время пролегает по территории АР" ("Министерству экономики, министерству транспорта, министерству финансов РФ в месячный срок проработать вопрос о строительстве через реку Самур двух мостов и подъездных дорог к ним для установления прямого транспортного сообщения с населенными пунктами Магарамкентского, Ахтынского и Рутульского районов").

Как видим, есть существенная разница между указанными двумя вариантами, причем из "дагестанского варианта" явно вытекает, что разделение лезгинского народа между РФ и РА уже свершившийся факт. Тогда как же быть с Постановлением ВС Дагестана о нецелесообразности установления государственной границы между РД и РА?" Почему ВС и правительство ничего не предприняло, и не предпринимает, чтобы практически осуществить свое же Постановление? Уж совсем непонятно, почему нет у "дагестанского варианта" пункта по "разработке комплексной программы социально-экономического и культурного развития пограничных районов Юга РД". Россия готова помочь нам

экономически, а руководство Дагестана чинит препятствия, чтобы что-то в Юждаге решилось положительно, и у народа был кусок хлеба. Как все это понять?!

В соответствии с "Протоколом Шахрая" еще летом 1993 года Государственным комитетом экономики Дагестана была составлена "Программа социально-экономического развития районов Южного Дагестана на 1994-96 годы" (далее "Программа"). В целом это положительный факт и документ. В ней запланировано строительство порядка 20 перерабатывающих цехов сельскохозяйственной продукции, газификация горных районов, строительство ряда социально-бытовых объектов.

Но давайте проанализируем, что нам предлагают. Программа должна завершиться в 1996 году. Как можно такой значительный проект выполнить за 3 года?! И это при том, что Юждаг не обладает практически технической базой, поэтому выполнение Программы естественно повиснет в воздухе. Конечно, под нее в Москве возьмут соответствующие средства и их "пустят в песок". Ведь такой горький опыт мы имеем в прошлом. Вспомним сильное землетрясение с большими разрушениями, случившееся в Южном Дагестане в 1966 году. Ведь после него была составлена обширная Программа восстановления и реконструкции народного хозяйства указанного региона Дагестана. Правительством СССР были выделены огромные материальные и денежные средства для указанной цели. Однако практически из той Программы ничего не было выполнено. Материальные средства направили для развития других районов Дагестана, а денежные средства положили в карман дагестанские босы. А до населения Южного Дагестана дошли только небольшие страховые суммы от разрушенных домов. Новую Программу ожидает та же участь, что и Программа 1966 года, поскольку правительство Дагестана упорно не желает продлить сроки исполнения ее хотя бы до 2000 года и чтобы выполнение Программы находилось под общественным контролем.

О том, что лезгиноязычные народы Дагестана практически ничего не получают по вышеуказанной Программе, говорит следующий факт. Согласно "Протоколу Шахрая" в начале сентября 1993 года в Дагестан поступил исключительно льготный кредит (8%) для поддержки фермерских хозяйств Южного Дагестана. Правительство скрыло факт поступления кредита и направило его по структурам, подконтрольным ему в других регионах Дагестана. Когда мы узнали об этом и подняли шум, то правительство Дагестана из своего бюджета выделило вышеуказанную сумму и распределило между районами Южного Дагестана, но уже под 213%. Это решение правительства в районе поступило в начале ноября 1993 года (в Магарамкенте и Ахтах документы кредитования я сам видел) с указанием, что кредиты даются под 213% и что они должны быть возвращены к 25 декабря 1993 года. Спрашивается, кому нужен кредит под 213% на полтора месяца?! Естественно, что многие районы отказались от такого кредита и деньги вернулись в Махачкалу. После этого правительство Дагестана продлевает возврат кредита до декабря 1994 года! Как великолепно сработано?! Браво правительству Дагестана! Уверен, что вот так будут решаться и другие вопросы, намеченные в Программе!

Должен сказать и о том, что Программа не учитывает экономический потенциал региона и интеллектуальные возможности лезгинского народа. В Программе ничего не сказано о необходимости восстановления:

- скотоводческого комплекса Лезгистана, где производилось 30-35% мяса и других животноводческих продуктов Дагестана и Азербайджана;
- керамических центров лезгин; вместо этого в Ньютоге и Испике, где имеется высококачественная глина для производства керамических изделий, запланированы заводы по производству кирпича — это просто варварство!
- ювелирных центров лезгиноязычных народов;
- деревянных орнаментированных изделий;
- производства шелка — сырца; злато-швейных изделий;

- производства натуральных красителей на основе марены; ведь до Советской власти Юждаг обеспечивал полмира этими красками;
- ковровых и джурабных изделий;
- самурского леса и рационального использования воды реки Самур;
- рыбного хозяйства.

Самое главное в Программе не затребованы высокие интеллектуальные возможности лезгинского народа. В ней не запланировано строительство ни одного наукоемкого производства, в частности, электронной промышленности.

Важно другое. В Программе официальный орган правительства Дагестана, — Государственный комитет экономики РД, признает наличия произвола в социальноэкономическом и культурном развитии лезгиноязычного региона Дагестана. В частности, в разделе "Современное состояние социально-экономического развития", сказано: "В Южной части Дагестана расположены 10 административных районов (Агульский, Ахтынский, Дербентский, Докузпаринский, Курахский, Магарамкентский, Рутульский, С.Стальский, Табасаранский, Хивский) и 2 города (Дербент и Дагестанские Огни), включающие свыше 340 населенных пунктов с численностью более 34% всей территории республики, из них сельхозугодий — 545 тыс.га, в том числе пашни — 56 тыс. га. Приусадебный фонд населения составляет 19 тыс. га, из них пашни — 6,8, сады и другие насаждения — 4,2 тыс.га.

В отраслевой структуре ведущее место принадлежит сельскому хозяйству, на долю которого приходится более 35 процентов валового национального продукта Дагестана. Оно представлено 164 совхозами и колхозами, 816 крестьянскими хозяйствами. В 1991 году ими произведено валовой сельскохозяйственной продукции (в ценах соответствующего года) на 101 млн. рублей. Здесь производится 10 процентов мяса, 12,6 — молока, 51 — плодов и 10 процентов зерна от общереспубликанского производства.

Располагая достаточным производственным экономическим и ресурсным потенциалом, благоприятной климатической и природной средой Южная зона по уровню экономического и социального развития является отсталым, депрессивным регионом Дагестана.

За последние 15 лет на ее развитие направлено всего 401 млн. рублей государственных капитальных вложений (в ценах 1991 года). В расчете на одного жителя это составляет 1486 рублей, что в 2 раза ниже, чем в среднем по районам республики. Особенно здесь отстает социальная сфера. Состояние и протяженность дорог, мостов, средств связи, водо- и энергоснабжения не отвечает элементарным требованиям жизнедеятельности населения. За указанный период на непроизводственное строительство израсходовано лишь 52 млн. рублей (в ценах 1991 года), т.е. 193 рубля на душу населения. На одного занятого в сельском хозяйстве приходится основных фондов почти на 25 процентов меньше, чем в целом по республике. Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями составляет 10 процентов (по районам РД — 22 процентов). Удельный вес школьников, занимающихся во вторую смену составляет 23 процента (по районам РД — 18 процентов). Денежные доходы на одного жителя составляли в 1991 году 2375 рублей, что на 21% ниже, чем в среднем по районам Дагестана.

Розничный оборот, объем реализации платных и бытовых услуг на одного жителя также ниже по сравнению со средне республиканскими показателями (почти на 40-50 процентов)...

Деформированная инвестиционная политика в капитальном строительстве, значительное количество незанятого трудоспособного населения районов Южного Дагестана, не соответствие развития производительных сил его потенциалу, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, а также увеличение числа беженцев,

требует принятия принципиально новых экономических, политических и административных мер в решении накопившихся проблем".

Такова официальная точка зрения Государственного комитета экономики Дагестана. Если учесть, что уровень социально-экономического развития республики Дагестан намного ниже по сравнению со средне-российскими показателями, то ясно, насколько в критическом положении находится население Южного Дагестана.

Уже прошел год после вышеописанных событий, однако из намеченного "Протоколом Шахрая" ничего не выполнено. Более того, в нарушение "Протокола" Россия и Азербайджан, при полном содействии даргино-тюркского руководства Дагестана, строят государственную границу внутри лезгинского народа: уже и со стороны Дагестана и со стороны Азербайджана стоят пограничные войска. Идет полным ходом грабеж лезгинского народа посредством таможенных барьеров. Однако последние не стали заслоном для азербайджанских "бизнесменов", которые проводят все, что им хочется... А лезгин убаюкивают новыми протоколами...

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПОГРАНИЧНОГО И ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ.

4 мая 1994 г.

г. Махачкала

Совещание представителей федеральных органов власти Российской Федерации, руководства Верховного Совета и Совета Министров Республики Дагестан, с участием глав администраций приграничных районов юга Дагестана, а также руководителей лезгинского национального движения, обсудив вопросы, связанные с осуществлением пограничного и таможенного контроля между Россией и Азербайджаном, с учетом интересов лезгинского и других народов, населяющих приграничные районы юга Дагестана и севера Азербайджана, признало целесообразным:

1. Ускорить начало переговоров с Азербайджаном по созданию благоприятных условий для поддержания и развития традиционных этнических, родственных, культурных, хозяйственных, гуманитарных связей между жителями приграничных районов юга Дагестана и севера Азербайджана, свободы их общения.
2. Продолжить активную работу с руководством Азербайджанской Республики с целью достижения договоренности о совместных мерах по охране внешней границы СНГ на Азербайджанском участке.
3. Считать необходимым образовать Государственную делегацию Российской Федерации с участием представителей Республики Дагестан для проведения соответствующих переговоров.
4. До достижения соглашения по вышеуказанным вопросам установить пограничный и таможенный режим, максимально облегчающий условия общения этнических дагестанцев, проживающих по обе стороны реки Самур.

МИДу РФ с участием Миннаца, МВД, ФПС-Главкома, ГТК РФ рассмотреть предложения Правительства Республики Дагестан об определении порядка и условий упрощенного режима перехода границы для жителей приграничного района юга Дагестана и Азербайджанской Республики.

5. Просить Правительство Российской Федерации рассмотреть предложения руководства Республики Дагестана и принять специальное Постановление о социально-экономическом развитии районов юга Дагестана.

Председатель
Верховного Совета
Республики Дагестан
М. Магомедов.

Председатель Совета Министров-
Правительства Республики
Дагестан
А. Мирзабеков.

Директор федеральной
службы контрразведки
Российской Федерации
С. Степашин.

Заместитель Министра
иностраных дел
Российской Федерации
А. Чернышев.

Заместитель Министра
Российской Федерации
по делам национальностей
и региональной политики
К. Цаголов.

Заместитель Председателя
Государственного Таможенного
Комитета РФ
В. Драганов.

Заместитель Главнокомандующего
федеральной пограничной
службой РФ
А. Щербаков.

Все изложенное выше говорит о том, что пока мы не получим самостоятельности, ничего не добьемся, народ останется в кабале.

Таким образом, многочисленные попытки национальных лидеров лезгинского народа добиться воссоединения народа и его самоопределения не увенчались успехом и повлекли за собой беспрецедентные гонения, вылившиеся в целенаправленные геноцид.

Такое положение во многом сохраняется и сегодня, ибо провозглашенная коммунистическими Верховными Советами России, Азербайджана и Дагестана Декларации о территориальной целостности и их неделимости отрицает национальную правосубъективность народов, обрекает их в очередной раз на национальное бесправие.

Провозглашение национального суверенитета лезгинского народа, которое является закономерным процессом естественного развития, отрицательно воспринято

сторонниками мини-имперского, унитарного мышления в Азербайджане и Дагестане. Например, азербайджанская журналистика в ЛГ (ЛГ,28.1.93г.) в статье: "Второй Карабах на берегах Самура?", пишет: "В последнее время в российских средствах массовой информации ("Комсомольская правда", "Собеседник", "Независимая газета") появились статьи по лезгинскому вопросу. Почти все они вызвали в Азербайджане бурную, и как правило, негативную реакцию..." Конечно у Э.Ахундовой и лидеров Азербайджана требование о восстановлении государственности лезгин, особого восторга не вызывает. При этом ведут преднамеренную дискредитацию целей и задач лезгинского народного движения за восстановление поправленных прав лезгинского народа, идей федерации, за самоопределение. Аналогичной точки зрения придерживается руководство Дагестана и делает все, чтобы дискредитировать разумные шаги, предпринимаемые ЛНД "Садвал", чтобы лезгинский народ не получил самостоятельность и держать его в кабале.

9.4. ЛЕЗГИНСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ И РЕПРЕССИИ

Восславим Аллаха, дошел до России черед.

Дыхание правды познал впервые народ.

Для нас, дагестанцев, открылась к познанию дверь. —

Мы можем трудиться, учиться мы можем теперь.

Проснитесь, лезгины! Иные пришли времена,

Но братья-лезгины никак не очнутся от сна,

Пускай обучаются грамоте горские дети!..

Кругом оглядятся, подумают сами о многом.

Этот призыв Алкадари был услышан народом. С середины XIX в. до почти 50-х годов XX в. в Лезгистане довольно интенсивно шло развитие отраслей сельского хозяйства (производства зерна, садоводство, овощеводство, скотоводство и др.), кустарной промышленности (ковроткачество, производство джурабных изделий, бумажных и шелковых тканей, керамических изделий, оружия и ювелирных изделий, резных орнаментированных деревянных изделий), изготовление одежды, обуви, золотошвейных изделий, производство натуральных красителей на основе марены, рыбной промышленности и т.д. Самое главное — народ достиг относительно высокого духовного и интеллектуального уровня.

Наш народ не замкнулся в себе, а доброжелательно делился знаниями, опытом с другими народами, бескорыстно помогал им во всех сферах жизнедеятельности человека. Об этом говорят материалы, приведенные в предыдущих главах. Лезгины стали крупной созидательной силой на Восточном Кавказе.

Знаменательно и то, что лезгины всегда стояли на гуманистических принципах устройства жизни и активно противодействовали любым проявлениям произвола, от кого бы это не исходило. Об этом говорит и героическая борьба лезгинского народа против персов, арабов, татаро-монголов, турок (тюрок) и царских завоевателей. Этот дух проявился и при Советской власти.

К сожалению, лучшие сыны лезгинского народа (К.-М. Агасиев, М.Айдунбеков, А.Исмаилов и др.) были убиты на заре Советской власти. "Вчерашние лихие командиры партизанских отрядов, известные герои гражданской войны, заняв руководящие должности в органах Советской власти, очень быстро заражались болезнью волокиты, бездушия и черствости" [5]. В последующем диктатура одной партии, узурпация ею власти в Центре и на местах привели к измене своим же идеям, программам и лозунгам.

Если на начальном этапе лезгины поддерживали Советскую власть, веря, что она принесет народу свободу и благополучие, то вскоре они разочаровались в ней.

Показательно в этом плане крупное восстание в 1930 году, охватившее огромный регион Лезгистана.

Это был период, когда начался процесс коллективизации в сельском хозяйстве, и активной борьбы Советов с "опиумом народа" — религией и религиозными деятелями. Немалую роль в этом выступлении сыграли эмиссары Турции, которые беспрепятственно разъезжали по Восточному Кавказу и подстрекали народы региона против Советской России.

Выступления лезгин и других народов Восточного Кавказа против Советской власти практически не исследованы и не описаны. Да и мне не хочется терзать эту незаживающую рану на теле нашего народа, — уж слишком были тяжелы последствия этого акта: десятки лучших сынов погибли в борьбе с регулярными войсками Советов, брошенными для подавления восстания, а сотни семей репрессированы и высланы в Сибирь и Среднюю Азию. Приведу лишь одну строфу из фольклорных песен, чтобы показать, как народ оценивал эти события.

*Къакъан синел сач эцигна,
Сач эцигна лавашириз.
Яшамширай Гъажси-Эфенди
Большевикар явашариз!
На высокой вершине поставили сач,
Поставили сач, чтобы выпечь лаваша /лепешки/
Да здравствует Гаджи-Эфенди,
Утихомиривший /сводя на нет/ большевиков!*

(Подстрочный перевод А. Кардаша).

Гаджи-Эфенди руководил восстанием в Кюринском округе.

Репрессии против восставших в 1930 году наложились на общий фон репрессий 30-х годов по всей стране, тем самым страдания нашего народа удвоились.

Мужественные сыны лезгинского народа в это тяжелое время пытались помочь своему народу, они остро критиковали порядки, антинародные действия Советской власти и властителей дум советских людей-коммунистов. Одним из таких был истинно народный поэт, мудрец Сулейман Стальский. Подтверждением сказанного служат стихотворения, сложенные им в те годы и его активная защита жертв НКВД — ГПУ. Ниже привожу некоторые из стихотворений того периода, чтобы показать, как далеко С.Стальский видел, и как мужественно и мудро вел себя в то трагическое время [49].

ТАПАН КОММУНИСТ

*Инсанарин бязибуруз
КГанзавач писанная ийиз.
Гафар пара ширин къалуз,
Фикир туш хъсанвал ийиз.*

*Фагъумна за са бязибур.
Кепекдихъ маса гуз абур,
Бичи вич къаз лап такабур,
кГанзава уьзденвал ийиз.*

*Дамах жеда бязибуруг,
Ажуз кесиб кутаз хурук,
ГъакI кутаз масад къурхудик,*

Падишагь, султанвал ийиз.

*Чидач инсанвилин кьайда,
Уьмуьр ракьуз гьакI гьавайда.
Колхоз юлдашрин арада
ГатIунда шейтIнвал ийиз.*

*Юзуриз гагь-гагь пIузарар.
КIуф хьуьрез, экъисиз сарар,
Ажузбуруз гуз кичIерар,
Вичи гьакI уфтанвал ийиз.*

*Вич хинни яз, гьуьр хьиз акваз,
Яргьаалай фекьир хьиз акваз,
Вич са умун кьуьр хьиз акваз,
Чинеба "асланвал"ийиз.*

*Гафар пара ширин кьалуз,
Ришвет кьачуз, руфун дулуз,
Пвар вичин партийный лугьуз,
Куьгьне Мурсал-ханвал ийиз.*

*Эй, Сулейман, са-сад, са-сад,
Кьулух тамир абурукай мад.
Регьуьн тавур кьуьлуьн шагьад
Кьачуз, регьуьхьбанвал ийиз*

1934 г.

ЛЖЕКОММУНИСТ

*Иным людям не хочется
Человечность проявить.
Произносят они сладкие речи,
Но порядочность у них не в чести.*

*Раскусил я некоторых,
За грош готовы променять честь,
Надуваются своей гордыней,
Чтобы самоуправность утвердить.*

*Чванливы иные чересчур,
Давя на бедняков.
Пугая других, устрашая,
Падишахом, султаном желают быть.*

*Канона человечности не знают,
Даром проводят жизнь.
Среди колхозных товарищей
Стараются дьяволами быть.*

Иной губами шевелит,

*Ехидно улыбаясь, скалит зубы.
Наводя страх на бедняков,
Силу власти демонстрирует.*

*Мука на вид, а сам — горький хинин,
Издалека видится как бедняга.
Напоминая с виду тихого зайца,
А скрыто норовит львом стать.*

*Говоря сладкие слова,
Берет взятки, сам с обвислым пузом,
Называя себя партийным,
Старым Мурсал-ханом хочет быть.*

*Эй, Сулейман, по-одному
Разоблачай всех, не оставляй никого.
Берущим плату за немолотое зерно
Мельником иной мечтает быть.*

(Подстрочный перевод А.Кардаша и Ш.Агаевой).

Рис. 9.32. Сулейман Стальский.

Как видим, "Лжекоммунист" создавался поэтом в жанре острого политического памфлета. В нем Стальский создал сатирический, резко отрицательный образ той части членов ВКП (б), которая держала в своих руках органы власти в обществе на разных уровнях — от аульского до центрального, Памфлет в философско-аллегорической форме создает обобщенный образ коммуниста-руководителя, который "не желает человечность проявить", напротив" он утверждает властность, самодовольство, надменность, падишахство, султанство, подражает Кюринскому правителю начала XIX века Мурсал-хану [50].

С.Липкин, переводивший памфлет на русский язык, заменил политически острый заголовок "Лжекоммунист", в котором заложен идейный замысел произведения, на нейтрально-метафорический заголовок — "Сорняки" [51].

СОРНЯКИ

*Для этих — добрые дела
Посулами, словами стали.
Красиво речь их потекла,
Зато гнушаться нами стали.*

*Их грош поломанный прельстит,
Продать готовы честь и стыд.
Какой высокомерный вид, —
Как будто узденями стали!
Их одолеет ночью прыть —
Велят крестьянина будить,
За бочкой пива снарядить
Султанами, царями стали!
В прошлом у горцев — привилегированное сословие.
Ведут себя не по-людски,
Живут впустую, по-скотски,
Их презирают старики,
Они нам чужаками стали.*

*Напыжиться, уста сомкнут,
Кто похрабрел — тех согнут.
Кто потрусливей — тех пугнут, —
Подумать, господами стали.*

*Кричат: я — друг вам, друг и брат, —
Хинин предстаь мукою рад!
Казаться зайцами хотят,
А хищными волками стали.*

*Кричит: "партийцы мы!" —
Обман: Набили взятками карман!
Выдерживай их, Сулейман:
Они ведь сорняками стали.
1934 г.*

Как видим, в тексте как будто воспроизводились авторские эпитеты ("узденями стали, султанами, царями стали", "чужаками стали"), но читатель по ним не может установить адресат сатиры — о лжекоммунистах. Лишь по первой строке последнего четверостишья ("Кричат: "партийцы — мы!" (Обман!) [49]., внимательный читатель сможет сообразить, что речь идет о "членах партии". Но о членах какой партии идет речь? Много партий существует на свете. Кроме того, термин — "партийцы" применяется к любой группе единомышленников". В памфлете С.Стальского речь идет исключительно о партийцах — коммунистах, причем о тех, которые стали лжекоммунистами.

По мнению поэта они представляли собой столь грозную силу в обществе, что уподобление их в переводе "сорнякам" облегченно представляло их суть и возможность борьба с ними. Соответственно вставленный переводчиком в уста поэта надуманный призыв ("Выдерживай их Сулейман: Они ведь сорняками стали!" [50]) делал поэта наивным и легковерно-мечтательным [50].

В другом стихотворении ("Тербия", 1937 г) С.Стальский создает нарицательный образ доносчиков, любителей анонимок, компрометирующих материалов, разоблачительных

докладных записок, на основе которых в 30-е годы органы НКВД — ГПУ осуществляли массовые беззакония. Русское слово "материалы" (компрометирующие) столь широко вошло в обиходный лезгинский язык, что С.Стальский включил его в филологическую ткань своего произведения, чтобы гневно осудить это социальное зло.

ТЕРБИЯ

*Гъич нубатауз ччарадалай
Фитне авун кьведач виже, —
Эхир жув аватда виляй,
Аруш жедач ом жуван кIваче.*

*Гзаф жув жуваз бегемиш,
Хьунухъ жедач акIярамиш.
Ярхъи юкьуз гъак! асайиш,
Йиф атайла жемир гъуърче.*

*Терг ая ей ихьтин гьалар,
А ваз чидай ктIай чIалар:
Кхъиз чIуру материалар —
Гъич хъсан туш ахтин пегие.*

*Напрасно не лги о людях,
Сплетни разводить не надо.
В конце концов заслужишь презрение.
И тебя же опутают они.*

*Ты доволен салг собой —
Но жизнь такая не годится.
С утра до вечера кейфуя
В охоте ночь не проводи.*

*Откажись ты от своих манер,
От гнилых мыслей и дел.
Строчить гнилые материалы на людей —
Самый мерзкий из удел.*

(Подстрочный перевод Ш. Агаевой).

Перевод Н.Ушакова:

ПОУЧЕНИЕ

*Не лги о людях никогда.
Дурное скажешь о другом,
И та же самая беда
В твой собственный заглянет дом.*

*Другим указывая путь,
Ты о своем не забудь!
Пора бы в книги заглянуть, —
Полезно стать учеником!*

*О всех должен быть разговор!
Пусть обличье, как топор,
Звенит среди лесов и гор,
Но счетов не своди тайком...*

Фальсификация идейно-художественного содержания, подмена текста проявлялись и в переводе С.Липкина одного из последних сатирических памфлетов С.Стальского, известного на лезгинском языке под названием "Миханнат". В переводе с арабского "миханнат" означает "фарисей", "двурушник", "подлец", в общем, "злодей" [50, 51]. В нем поэт продолжает начатую в "Поучении" разработку образа клеветника — доносчика, поставляющего в органы НКВД — ГПУ "разоблачительных материалов" с мнимый фактами из жизни будущих жертв беззаконий 30-х годов. Памфлет создавался в период "разоблачительной компании" 1937 года, которая в Дагестане, как и в других регионах страны, проходила с громадными арестами и расстрелами. Переводчик же, как и в случае с "Лжекоммунистом" самовольно заменил заголовок, исказив тем самым идейный смысл произведения. "Злодей" в его переводе стал называться "Наставление" и, хотя в тексте сохранены многие содержательные детали, оно превращено в дидактическое морализаторство. А составители же "Сочинения" С.Стальского Г.Корабельников и Н.Тихонов, скрыв фактическую дату создания памфлета "Злодей" (май 1937 г), включили его в цикл стихотворений периода "великой смуты" 1917-1920 годов [50].

В те трагические годы С.Стальский не только обличает "лжекоммунистов" и "злодеев", но активно защищает людей, попавших под дамоклов меч НКВД — ГПУ. Вдова репрессированного Г.Гаджибекова З.Султанова в своих воспоминаниях, записанных поэтом Алирзой Саидовым в августе 1972 года и опубликованных на лезгинском языке в газете "Коммунист" (NN 30, 31 за 1991г) говорит, что после ареста Г. Гаджибекова С.Стальский ходил в НКВД республики и настойчиво доказывал его невиновность.

Известно также, что он посетил и камеру, куда ученый был заключен...

В 1936 г. С.Стальский создает стихотворение ("Не надо"), где он указывает, что не следует трогать людей, которые своим потом и трудом добились относительного благополучия. Он требует, чтобы их не лишали гражданских прав, и не выселяли.

ГЕРЕК ТУШ

*Кувьгьне замандин кувьне
Фитнеяр кIватIун герек туш
Фагьума, юлдашар, кувьне
Бес я акI гатIун герек туш.*

*Вичин жендек ишлемишай,
Гъекъ, гаф гьакI ракъуриз вичяй,
А инсан мал къазамишай
Адан сес атIуи герек туш.*

*Я пис тийижиз, я хъеан —
Кими жедач гьахьтин инсан,
Фагьум тийиз ужуз, масан,
Дуллух, кьимет гун герек туш...*

*Гафар — чIалар виридан сад,
Къалай къуз ни гевил я шад.*

*Садаз виши артух я майшат
Адакай рахун герек туш.*

НЕ НУЖНО

*Старых времен старые сплетни
Собирать (сегодня) не нужно.
Подумайте, товарищи, сами,
Хватит, так подходить не нужно.*

*Себя изнуряющего человека,
Истекая потом в трудах,
Заработавшего свое достояние
Его гражданских прав лишить не нужно.
Не зная, что хорошо, что плохо,
А такие люди тоже бывают,
Не обдумывая, что дорого, что дешево,
Давать плату и оценку не нужно.*

*Все единодушны до одного,
С каждым днем наше настроение веселее.
У кого-то на сотку больше участок —
О этом спорить не нужно.*

(Подстрочный перевод Ш.Агаевой).

С.Стальский, как и многие другие, разочаровался в "эксперименте" Ленина и его продолжателей. Разочаровался, когда узнал, какая идет "охота" за его соотечественниками, у которых "на одного быка" или "сотки земли" было больше, когда шла охота за его лучшими друзьями — ученым-литературоведом Г.Гаджибековым, который был объявлен "врагом народа", и поэтом А.Фата-ховым, который скончался при сомнительных обстоятельствах и похоронен неизвестно где. "Мотивы разочарования, — как пишет А.Кардаш, — встречаются во многих неопубликованных стихах С.Стальского, созданных в последние годы жизни" и приводит следующий отрывок из одного из них [52]:

*Лап шад-хуррам хъана феле,
Гъуьруьятвал къуна гъиле,
Заманадин эхир къиле
Вуч аеатла мад тийижиз...*

*Бязи иблиерин шакIуртар,
Ийиз чIуру еереурдар,
ЧIугваз к I айда еке иiуртIар,
Вичиз я къуд-вад тийижиз.*

*Шагъ жезава гъар са хахул.
Шумудаз бес чIугвада къул?
Гъейрибируз гуда акъул,
Вичиз авай над тийижиз.*

*Торжествует, радуется рабочий класс,
Взяв свободу в свои руки,
Что будет в конце (своей) эпохи*

Вовсе не зная...

*Некоторые подмастерья дьявола,
Зло помышляя,
Любят играть на счетах,
Ни четырех, ни пяти не зная.*

*Себя мнит шахом всяк сапог,
А лишь бы ставить подпись мог.
Других они учат уму-разуму,
А есть ли он у них самих, не знаю...*

(Подстрочный перевод А.Кардаша).

В последний год (1937) после октябрьского митинга, на котором С.Стальский не выполнил указание первого секретаря Обкома партии Сорокина и председателя республиканского НКВД Ломоносова о том, чтобы поэт выступил и стихами проклял "врага народа" Н.Самурского, поэт был брошен на произвол судьбы в Махачкале и отвергнут. Молодой лезгинский поэт Мемей Эфендиев был единственный человек, который, рискуя своей жизнью, проводил С.Стальского в Ашага-Сталь. После этого поэт слег. 23 ноября поэт скончался. Хоронили его в Махачкале. История сохранила фотографию: тело поэта несли Сорокин и Ломоносов — какая ирония судьбы!

В те же годы на наш народ обрушилась новая беда. В 30-е годы в Азербайджане, а в 50-е годы в Дагестане к руководству этих республик пришли явно националистические силы. После этого в указанных республиках пошли явные и неявные гонения на лезгин, планомерное уничтожение экономических и культурных ценностей нашего народа и самое страшное — выжигание его духовного и интеллектуального потенциала.

В Азербайджане эти процессы начались, как показано выше, в 30-х годах колонизацией лезгинских земель, закрытием национальных школ и театра, прекращением книгоиздательства на лезгинском языке, присвоением нашей истории и культуры; в Дагестане эти процессы начались с подрыва одного из ключевых отраслей хозяйства лезгинского народа — разрушением скотоводческого комплекса на административной границе Азербайджан-Дагестан, целенаправленной колонизацией лезгинских земель другими народами, свертыванием кустарной промышленности, делением народа на части и противопоставлением их. Как пишет профессор М.Аджиев, "правителей напугала многочисленность лезгин. Тогда, как от куска мяса, от "новой" нации отрезали табасаранцев, рутульцев, (агулов, цахурцев, удин, арчинцев, крызов, хиналугцев — Г.А), чтобы теперь лезгины не перевешивали в торголе за власть... Нет народа — нет проблем. Маленький народ — маленькие проблемы".

Недаром, ознакомившись с этим произволом, профессор М.Аджиев пишет: "Даже после Тимура, Надир-шаха в Лезгистане все-таки было иначе: никто не рубил корни дерева — завоеватели лишь обирали плоды".

Десятилетиями деятельность лезгинской интеллигенции жестко контролировалась, многие из них подверглись гонениям, необоснованным репрессиям, ибо жрецы "старой и новой" политики понимали и понимают, что сведя на нет интеллигенцию народа, можно свести на нет сам народ. Об этом свидетельствуют многие документы, в частности открытое письмо лезгинских поэтов И.Шерифова и З.Ризванова на имя бывшего первого секретаря ЦК КП Азербайджана А.-Р.Визирова: "Члены литературного объединения "Риклин гаф" ("Сердечное слово") с 1960 года с партийной и гражданской настойчивостью и последовательностью открыто говорят и сообщают в высшие партийные и советские органы страны о преступном и насильственном характере проводимой в республике ее

бывшими руководителями националистической политики в отношении нетюркских национальностей, открыто преследующей цель их денационализации..., за что были жестоко гонимы и посажены на полуголодный паек. Наши произведения не издавались, распускались слухи о нашем инакомыслии и чуть не измене фундаментальным идеям коммунизма. Любовь к родному краю, языку, литературе, культуре расценивались как национализм и стремление, направленное к сужению сферы влияния азербайджанского языка. Открыто поощрялись измена собственному этносу, языку, традициям предков, предоставлением выгодной должности и других благ. Таких лезгин, ставших по паспортам Азербайджанцами и сейчас немало среди номенклатурных работников. Прируководств: Г.А.Алиева и К.М.Багирова открыто и тщательно очищался административно — командный аппарат республики и районов от лиц лезгинской национальности. Вы, тов. А.-Р.Х.Везиров, прекрасно знаете о том, с какой полицейской жестокостью была учинена расправа над честными и принципиальным партийным работником М.Р.Мамедовым. С Вашим выступлением в должность первого секретаря ЦК КП Аз. ССР все народы республики, и в первую очередь азербайджанский народ, в памяти которого он оставил неизгладимый след, связывали надежду, что его "дело" будет расследовано, и виновники получат заслуженное наказание. К всеобщему сожалению, этого не случилось... Лезгинский поэт Лезги Нямет поплатился жизнью лишь за то, что он в своих стихах для описания горного пейзажа употребил слово "лар", что по-лезгински означает либо горное пастбище, либо вообще плоскогорье. Доносчики и специально подготовленные обвинители, какими, например, был директор школы, где работал поэт, это слово истолковали как "лезгинская автономная республика", мысль о которой считалась крамольной для лезгин. Разбору этого "политического преступления" было посвящено специальное закрытое заседание Кусарского райкома с участием высокопоставленного представителя компетентных органов Азербайджана, где поэт подвергался чудовищным оскорблениям и массивному психологическому нажиму, после которых поэт погиб".

26 апреля 1990 года. В Кусарах отмечали 30-летие лезгинской писательской группы "Риклин гаф" ("Сердечное слово"), жестоко репрессированной в 60-е годы. Выступает один из членов этой организации — поэт, сын лезгина-патриота Н.Шерифова — Иззет Шерифов. На собравшихся обрушивается боль, беспощадные свидетельства человеческой драмы. Он рассказывает, как они выпросили в ЦК Азербайджана арестованного своего товарища — Багиша Багишева. Вся вина его заключалась в том, что он попытался по газетным публикациям на лезгинском языке, издаваемом в Дагестане, воссоздать лезгинский алфавит... После многих мытарств товарищи вызволили его из застенков. Багиш Багишев весь был с синяках, ногти черны от вкалываемых иголок...

Когда в Дагестане началось ущемление и преследование лезгин на националистической почве, представительные лезгины выступили против произвола. Как было сказано выше, это стоило председателю СМ Дагестана А.С.Айдунбекову должности, а другой его сподвижник, директор рыбного треста Дагестана Г.Мурсалов, оказался при непонятных обстоятельствах под колесами поезда и погиб.

К сожалению, такие трагические судьбы не единичны у лезгин, а было массовым. Вспомним трагическую судьбу Искендера Казиева. Некоторые материалы о нем, о его деятельности опубликованы в "Лезгистандин хабар" [53]. Ниже привожу эти материалы без особых изменений, чтобы читатель сам мог судить обо всем. Во вводной части статьи написано: "Об этом человеке уже многие годы говорят по-разному. Одни утверждают, что он посвятил свою жизнь борьбе за права лезгинского народа, другие отзываются о нем, как о человеке психически больном, третьи — упорно хранят молчание, не желая признать, что когда-либо имели с ним знакомство.

Выбравший путь борьбы с тоталитарным режимом, он властной рукой был отброшен на "берег" гонений и травли. Искендер Казиев нажил себе врагов.

Публикация его писем не является исследованием его трагической судьбы, его возвеличиванием, наоборот, является желанием заглянуть в эпоху антилезгинской политики. В справочнике "Писатели Советского Дагестана", выпущенном Дагестанским книжным издательством в 1964 году, о нем написано: "Лезгинский писатель Искендер Казиев родился в 1924 году в селении Джаба Ахтынского района. Участник Великой Отечественной войны.

Первое произведение И.Казиева — детский рассказ "Гербарий" — было опубликовано в лезгинском выпуске альманаха "Дружба" в 1954 году. Известность принесла писателю повесть "Разведчики", опубликованная в 1957 году в том же альманахе, а затем на русском языке в книге "Литературный Дагестан" и в сборнике "Дагестанские повести и рассказы", выпущенном в Москве издательством "Советский писатель". Эта же повесть была переведена на аварский, даргинский, кумыкский, лакский языки.

Первый успех вдохновил писателя на написание большого романа "На земле Смоленской", посвященного также, как и повесть "Разведчики", героизму советских людей в годы Великой Отечественной войны. Он был издан на лезгинском языке в 1962 году.

Наряду с крупными произведениями писатель продолжал писать рассказы, очерки, критические статьи, которые печатались в периодической печати. Его очерки "Человек труда" и "Заза" вышли отдельными книжками.

В 1964 году опубликованы два крупных произведения Искендера Казиева: "Утренние зори" — первая книга, роман трилогия "Беспокойное положение" и повесть "Мелодии чунгура" — о жизни переселенческого колхоза".

Рис. 9.33. Искендер Казиев.

В справочниках писателей, изданных позднее, имя Искендера Казиева не значится.

Говорят, что И.Казиев позволил себе написать открытое письмо на имя бюро обкома партии Дагестана, где резко критиковал антилезгинскую линию первого секретаря обкома Даг. ССР А.Даниялова. Копию письма отправил в ЦК КПСС. Его вызвали на бюро обкома партии, объявили клеветником и исключили из рядов КПСС. В тот самый день первый секретарь обкома на бюро явился, тем самым предоставил возможность членам бюро

расправиться с неугодным писателем. Потом, по указанию сверху, И.Казиева исключили из СП ДАССР, лишив, таким образом, всех возможностей для существования. Он вынужден был покинуть Дагестан...

Редакция газеты "Лезгистандин хабарар" считает, что проблемы, которые поднял И.Казиев, актуальны и сегодня. Поэтому они представляют интерес не только для редакции, возможно, и для многих, которым не безразлична судьба лезгинского народа. Теперь пусть читатели сами скажут: кто он?

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Дорогой товарищ, секретарь ЦК КПСС по идеологическим вопросам! Неделю назад обратился я в ЦК Компартии Азербайджана, а сегодня обращаюсь к Вам, как бы тяжка ни была для меня это "писанина". Теперь, не живу, а "пишу", смущая, возмущая, а иногда даже вводя в "ярость" разбалованных судьбою господ, которых я лично, моя семья, мои родственники, мой род, мой народ спасли в Отечественной войне.

Я хочу служить Родине, а служить не позволяют, я хочу жить, и жить не позволяют! Хотел дожить дни своей неприглядной жизни больного и измученного фронтовика в среде своего народа в Азербайджане, коль Дагестан у меня отнят Вами разбалованным Расулом Гамзатовым... Когда смотришь, диву даешься, какие симпатичные, мудрые, "гуманные" люди, сколько доброты в их докладах, выступлениях, беседах, декларативных идеалах, и сколько, злобы и зла в их сердцах! Сколько ужаса в деяниях. Уничтожение не только личностей, но и целых народов, пусть не прямо, а завуалированно, не за вину, а просто обвинив! Совсем недавно уничтожен талантливый азербайджано-лезгинский поэт Келентер Келентеров за постановку вопроса о правах лезгинского народа, спровоцировав, третируя, затравив...

Прибыл я в Сумгаит по обменному (квартиры) ордеру из Донецка по предварительной договоренности всех вышестоящих партийных инстанций (обкомы, ЦК Компартий и отдел ЦК КПСС). По воле руководителей ЦК Компартии, на писательский учет я не взят, и не прописаны мы с супругой. Коль не взяли на учет, — не писатель и лишен профессии писателя: а коль не прописан, — выключен сразу из трех Субстанций: материального Бытия, жизненного Пространства и содержательного Времени истории. Чтобы не терял я расположения духа и был "при деле", ССП Азербайджана перечня мне вступить в контакт с сумгаитскими писателями и принять участие в работе хотя бы одного занятия сумгаитского литобъединения, коль я опытный наставник творческой молодежи. 17 января там же в литобъединении, по указанию сверху, было на меня совершенно покушение... Только сказочный случай спас меня от явной гибели. В чем же дело?

Дело в том, что на протяжении всей средневековой истории и особенно за последние шестьдесят лет руководство Азербайджана вело политику на устранение с исторической арены бывшего хозяина Албанистана (Кавказской Албании) лезгинского народа (Обычная ирония истории!). И ничего из этого не вышло, кроме как яростного подавления борцов за право лезгинского народа.

Хотя эти условия и принудили большую часть лезгин Азербайджана записаться в паспортах "азербайджанами", чтобы отвести от себя удар трагической судьбы ненавистных жертв дискриминации на работе, в школе, учреждении, на улице, во дворе ("Ада пошел вшивый лезгин", на задворках любой варод завшивеет!") лезгинский народ остается неизменно лезгинским: непоколебимым к воле борьбы за свои конституционные права. Моя семья тоже такая. У этой семьи единственное подспорье для ее существования — работа и зарплата супруги — и их отняли, волей паспортного режима.

В Азербайджане имеются четыре больших народа: азербайджанцы, русские, армяне и лезгины. Азербайджанцы имеют свою Азербайджанскую ССР и Нахичеванскую АССР;

армяне имеют свою Армянскую ССР и На-горно-Карабахскую АО в пределах Азербайджана, плюс — все необходимые национально-республиканские представительства в Баку и других городах; русские имеют свою РСФСР, во всех республиках, областях, краях, округах свои представительства и все организации и органы. Однако лезгины в Азербайджане не имеют никаких центрально-республиканских представительств, не говоря о национально культурных органах и организациях, без которых немислимо соблюдение суверенных конституционных прав народа. Лезгинский народ в Азербайджане сейчас подобен огромной рыбе, оказавшейся в зубах другой рыбы, намного крупной габаритами, которая удавить не может, да отпустить жалко (Ведь такой кусок!). Однако, всетаки пора отпустить! То, что вчерашние хозяева Алпанистана сегодня рабы и владельцы задворок, это воля судьбы народа: все-таки, надо отпустить рыбу в водную волю суверенности, это веление жизни планеты Земля на данном этапе исторического развития (Рушится рабство в Азии, Африке, Латинской Америке — мы сами помогаем всюду разорвать оковы этого позорного наследия дикости; проливаем слезы сострадания по поводу судьбы арабов Палестины и прилегающих к ней районов, поработанных израильскими сионистами. В то же время лезгины отданы на растоптание новым хозяевам)

Учитывая вышеизложенные и руководствуясь статьями 34-й, 26-й, 40-й, 47-й, 49-й, 50-й, 54-й, 56-й, 57-й и других статей Конституции СССР, и статьи 73-й Конституции Азербайджанской ССР (В Азербайджанской ССР на основе равноправия обеспечивается свободное употребление во всех органах и учреждениях русского языка, а также других языков населения, которым они пользуются. Какие-либо привилегии тех или иных языков не допускаются"), а также других статей данной Конституции, просим:

1. Организовать из наличных лезгинских членов Союза (писателей), лезгинских ученых-филологов, языковедов и других специалистов, имеющих непосредственное отношение к творческим проблемам, лезгинскую секцию ССП Азербайджанской ССР.
2. Разрешить публиковать на страницах журнала "Азербайджан" или в виде приложения в нему стихи, рассказы, пьесы и другие произведения членов Союза и молодых лезгинских писателей.
3. Решить мои личные вопросы: поставить на писательский учет, прописать меня и супругу; трудоустроить меня в коллективе трубопрокатного завода г. Сумгаит, чтобы я смог самоотверженно, с присущей мне энергией и энтузиазмом, служить Родине...

Казиев Искендер Алибекович. 31 января 1981 г., г. Сумгаит.

Квитанция N 304 заказного письма, направленного в Москву, в ЦК КПСС.

На копии письма имеется запись автора от руки: "Данное письмо разобрано и рассмотрено 5 марта 1981 года в Сумгайтском горкоме партии в моем присутствии". Следует подпись автора.

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ
ЦК КОМПАРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА
ТОВ. АЛИЕВУ Г.А!

Дорогой Гейдар Алиевич!

Вы, своими привычными для Вас мерами подхода к представителям лезгинского народа, по моему прибытию в Ваш край, насильно прижали меня к моему дорогому, многострадальному от азербайджанцев, народу и вновь выдвинули на положение лидера лезгинского национального движения за конституционные (Только конституционные!) права народа. Безусловно, Вы меня не признаете лидером, ни представителем лезгинского

народа, от чего ни мне, ни моим соратникам, ни моему дорогому народу ни холодно, ни жарко! Ладно, меня Вы не признаете, а мой лезгинский народ, как социалистическая нация, существующая в Вашей (бывшей нашей) республике, Вами признается?! А национальные права за нашей нацией, написанные в Конституции СССР и в Конституции Азербайджанской ССР, Вы признаете?!

С момента написания мной Вам записки, приложением списка предполагаемого состава лезгинской секции писателей при ССП Азербайджана, с просьбой дать указание ССП республики, создать эту уставную организацию, прошло достаточное время.

С 1917 года на тысячи заявлений и просьб лезгин решить их национальный вопрос, вот так и проходит без ответа неделя за неделей, год за годом...

Товарищи сообщают, что в ЦК Компартии называют меня "лезгинским националистом". Давайте разбираться в данном понятии, по принципам и законам диалектической логики марксистско — ленинской философии...

ПОСТУЛАТ N 1

Правовой тезис СССР на современном этапе:

"Все народы СССР, имеющие численность более 100 тыс. человек и свой национальный регион — Советские социалистические нации, располагающие всеми чертами и условиями для своего национального развития".

Общее правило: Лезгинский народ Азербайджана располагает численностью более 200 тысяч человек и своим национальным регионом.

ПОСТУЛАТ N 2

Тезис (Статья Конституции СССР N 36): "Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права"... Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения наций и народностей..., возможностью пользоваться родным языком... Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых и косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам... наказываются по закону".

Общее правило: Лезгины Азербайджана — граждане СССР.

Рассуждение (вывод): Лезгины Азербайджана должны иметь равные права со всеми гражданами СССР, в том числе и в Азербайджанской ССР во всех сферах, в том числе и в сфере "возможности пользоваться народным языком..." без каких-либо "прямых или косвенных ограничений..."

ПОСТУЛАТ N 3

Тезис: Азербайджанцы, русские и армяне добились воплощения своих конституционных национальных прав. В Азербайджанской ССР две нации-азербайджанцы и лезгины и два народа: русские и армяне (О малых народах в паспортах уже записавших "азербайджанцы" речь не идет). Все они имеют суверенные конституционные права.

Общее правило: Равноправие четырех больших народов Азербайджана должно гарантироваться Конституциями СССР и Азербайджанской ССР.

Рассуждение (вывод): Для лезгинского народа равноправие не гарантируется. (Тезис — антитезис). А требование равноправия — не есть национализм.

ПОСТУЛАТ N4

Тезис (Статья 58 Конституции СССР): "Граждане СССР имеют право обжаловать действия должностных лиц государственных и общественных органов..."

Общее правило: Лезгины — граждане СССР.

Рассуждение (вывод): ставя лезгинский национальный вопрос и требуя равноправия и восстановления отчужденных прав (постулат N 3), лезгины, в том числе и Искендер Казиев, действуют согласно Конституции СССР и деяния их справедливы и святы.

Стало быть, и согласно научно-философского анализа, логика обвинений Искендера Казиева в "национализме" абсурдна. "Называя" братом, душить лезгинский народ, — вот где азербайджанский национализм!

Что мне доказывать Вам и Вашему окружению, когда Вы аксиоматические вещи извращая, насилие к лезгинам выдавая за братство и интернационализм продолжаете наносить удары по статусу нации день за днем! Насилие и произвол! Национализм и садизм!

Азербайджанцев в Азербайджане и полтора миллиона нет. Все остальные "азербайджанцы" — методом прямого насилия и террора еще в середине тридцатых годов записавшиеся в "азербайджанцев" лезгины, удины, талыши (полная, без остатка) таты, крызы, и т.д. Нет такой расовой дискриминации и насильной ассимиляции не только ни в какой другой республике СССР, даже и ни в какой другой стране мира! Позор! Так зачем нам записываться "азербайджанцами", давайте Вы запишитесь "лезгинами", "удинами", "талышами" и т.д!

Мол, если вам, лезгинам дать национальные права, того же потребуют удины, талыши, таты и т.д! Какое наше дело, будут они требовать свое или нет?! Мы требуем свое и будем — до альтернативы судьбы!

Еще в середине 30-годов заставили записаться в паспортах "азербайджанцами" полмиллиона лезгин, С тех пор сколько поколений прошло? Сейчас лезгин — "азербайджанцев" может быть намного больше миллиона человек.

Ваш антилезгинский страстный национализм и ярая враждебность настолько тонко подхвачена всей интеллигенцией республики, что в средствах массовой информации не проскользывает ни за что этноним "Лезгины". Мне принес товарищ номер русского выпуска Сумгаитской городской газеты за эту неделю со статьей о многонациональном (интернациональном) составе рабочего класса Сумгаита. Там все народы названы. В Сумгаите имеются пять греков — они тоже названы. А имя целого лезгинского народа существующего в Сумгаите (более чем 20 тыс. человек) не названо. Статья некой Акимовой! Это ли не национализм, идущий прямо из ЦК Компартии и всех вышестоящих центрально-республиканских органов?! Это ли Ваша "братская", "интернациональная" любовь к лезгинскому народу?! Позор!

Ждем решения лезгинских вопросов и выравнивания лезгин в отчужденных национальных конституционных правах. Как только Вы создадите первые лезгинские национальные организации и органы, я прекращаю направлять письма и записки в республиканские и Всесоюзные органы и перехожу к творческой работе. Но если останется эта атмосфера лезгинского рабства и антилезгинский произвол и террор, то о каком творчестве может идти речь. В этом случае борьба будет продолжаться до победного конца!"

Искендер Казиев. Подпись. Письмо отправлено Г.Алиеву 24/11 — 1981 г.г.Сумгаит, по квитанции N 206 от 31.3.81.

Только из среды лезгинских поэтов и писателей по причине организованных гонений, произвола и физических расправ азербайджанских и дагестанских националистов за последние 20 лет погибли: Искендер Казиев, Буба Гаджикулиев, Лезги Нямет, поэт и певец Нусрет. Последний погиб совсем недавно — в 1992 году от жестоких побоев в Кусарах. Националисты всех мастей не могли ему простить его гражданскую позицию, его страстный призыв в песнях и к сопротивлению произволу и гонениям.

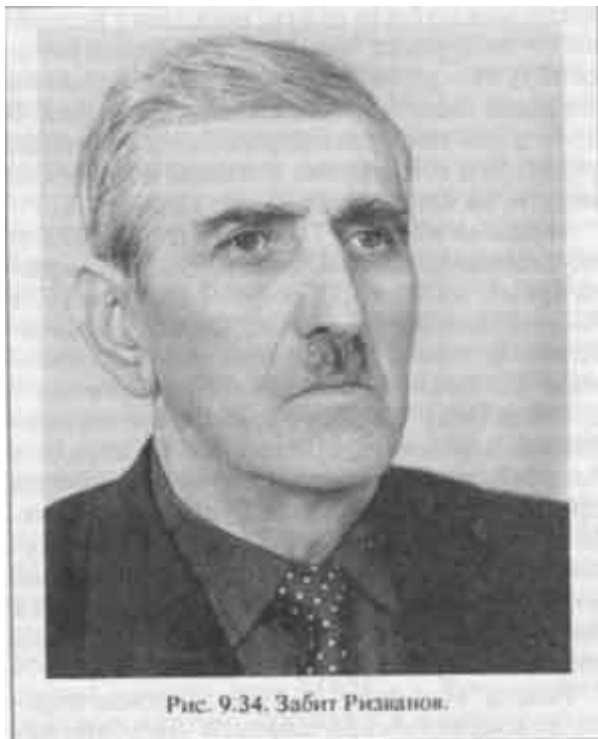

Рис. 9.34. Забит Ризванов.

К перечисленному списку можно отнести и Забита Ризванова — этого талантливого писателя, стойкого патриота нашего народа. Этот мужественный человек не вынес зловещей клеветы, прозвучавшей в его адрес по центральному телевидению: его показали крупным планом на экране как первого националиста-экстремиста лезгинского народа. После этого он слег и вскоре умер.

Это случилось в августе 1992 года, когда дагестанские и азербайджанские руководители бросили все силы, чтобы сбить накал протестов лезгинского народа против превращения административной границы Дагестан-Азербайджан в государственную...

На 8 августа в Магарамкенте был назначен общенациональный съезд лезгинского народа. Руководители Дагестана и Азербайджана прекрасно знали, что на съезде пойдет речь о крайнем обнищании народа, о проблеме границы, о гонениях и произволе властных структур указанных республик. Для того, чтобы мир не знал об этом, дагестанские националисты идут на крайние меры: за день до начала съезда (7 августа) крадут председателя ЛНД "Садвал", основного докладчика, т.е. меня, и вывозят с завязанными глазами за город и бросают в подвал дачного домика около Махачкалы. Естественно, я не мог быть 8 августа на съезде в Магарамкенте. Делегаты в недоумении. При этом "доброжелатели" и подстрекатели распространяют всевозможные домыслы и слухи. В этих условиях телевидение "делает свое дело" и оперативно показывает по ЦТ описанный выше факт. Сняла и передала этот материал Ольга Мамедова.

Следует здесь сказать и о том, что 11 августа я официально обратился к министру ВД Дагестана М.Абдуразакову с письменным заявлением с подробным описанием о случившемся. Однако не только не было возбуждено уголовное дело, даже не провели элементарное расследование. Преступников легко можно было найти, поскольку недалеко от того места (около пос. Красноармейский), где меня оставили с завязанными глазами,

было большое количество людей. В этот день шло распределение земельных участков и естественно эти люди не могли не видеть, на какой машине меня привезли...

Недавно в газете "Садвал" (№ 6, 1993 г) опубликовано соболезнование семье Амираслановых из Баку. Профессора Тарикули Амирсаланова я знал лично. Он был исключительно честным, принципиальным и порядочным человеком, активно сотрудничал с руководством "Садвал", боролся против произвола в отношении лезгинского народа в Азербайджане. Тарикули активно боролся против тех руководителей культурного центра "Самур", которые ради своего благополучия предадут интересы народа. За это его тонко и коварно травили, притесняли и на работе и в быту. Жизнь его стала адом. Тарикули умер в возрасте 47 лет от разрыва сердца.

Газета "Истиглал" [54], издаваемая социал-демократической партией Азербайджана, признала репрессии, проводимые в Азербайджане против членов Лезгинского народного движения "Садвал" и приводит список лиц, подвергшихся политическим репрессиям в Азербайджане в январе-мае 1993 г. Только в одном указанном номере газеты перечислены 10 "садвалистов": Абдуллаев Фараддин (с. Ялама), Алисманов Бекир, Алиханов Мухар (г. Кусары), Гаджибеков Ровшан, Гаджиев Агасамед (г. Хачмас), Зохранов Маздал (Кусарский район), Ира-гимов Джамал (г. Кусары), Гасымов Сурхай (с. Ялама), Рустамов Султан (с. Ялама), Шайдаев Эльхан (г. Кусары).

В послесловии написано: "Предлагаемый список, составленный Бакинской правозащитной группой не претендует на полноту. Он содержит немногим более половины из числа подвергшихся арестам и задержаниям за январь-май 1993 г. Кроме того, в тот же период в северных районах Азербайджана за антиправительственную деятельность было арестовано несколько десятков сторонников ЛНД "Садвал". Число уволенных с работы в связи с политической неблагонадежностью вообще не поддается даже приблизительной оценке".

Газета "Чубарук" (№ 6, 1993 г) опубликовала статью: "Узники. В поисках справедливости", где рассказывают о судьбе одного из узников, оказавшихся там за политическую деятельность.

Автор пишет: "Сегодня мы рассказываем об одном из арестованных — Агасамеде Гаджиеве. Активный член лезгинского народного движения, он всегда отличался прямоотой, справедливостью, объективностью, честностью. Многие помнят его выступления на съездах, собраниях, митингах, проводимых по инициативе движения..."

По-моему, честным и правдивым всегда было трудно — и при царе, и при социализме, и во время так называемой перестройки. Долго искал Агасамед справедливость. Он верил в свой непоколебимый дух, силу вали. Но верил ли, что найдет справедливость в "самом гуманном и демократичном" обществе? В последние годы, наверное, нет. Молодость, прошедшая в мытарствах, убедила его, что правды на стороне беспредельно честных, обездоленных, и слабых не может быть. Даже она, правда, хочет того, или нет служит силе и богатству. Читателям газеты "Лезгистандин хабарар" (№6, 1991 г.) запомнилась статья "Почему я отказался от советского гражданства?" за подпись А.Гаджиева. Правящая компартия, ее хачмасский райком, не без ведома которых был освобожден от занимаемой должности молодой главный инженер Худатского консервного завода, с каждым годом теряла доверие людей. Об этом прямо писал в статье Агасамед: "В партии я не состоял не потому, что не был достоин, или меня не приняли, а потому, что видел несоответствие слов и дел многих партийцев вокруг, чувствовал атмосферу угодничества и обмана в жизни, что отталкивало".

Омут, в котором оказался Агасамед, придя на Худатский консервный завод, естественно, должен был втянуть его в себя. Благодаря силе воли, он не стал подхалимничать, унижаться перед махровыми руководителями и устоял. Устоял

морально, как подобает настоящему мужчине, возвысив себя перед семьей, родственниками, народом. Мафиози добились того, чтобы он несколько раз был осужден, лишен свободы, работы. Но в конечном счете Агасамед становился более принципиальным.

Много схожего в судьбе Агасамеда и в судьбе его разделенного, угнетенного, приговоренного к неопределенности народа. Неудивительно, что причиной многих своих личных бед он считал свою национальную принадлежность. Выросшему и окончившему в Дагестане университет человеку не требовалось быть очень прозорливым, чтобы увидеть и убедиться в том, как попираются конституционные права лезгин и других малочисленных народов в Азербайджане. Ведь прямо перед его глазами происходила страшная ассимиляция. Ему пришлось лично понаблюдать, как буквально за 15-20 лет таты, крызы, курды, даже лезгины превращаются в азербайджанцев. Ведь социалистическая идеология работала в пользу так называемых больших народов, превращая остальных в некую безликую массу. Именно этот механизм назвал "этномешалкой" старейшина лезгинского народного движения И.Шарифов. Именно эта несовместимость слов и дел руководителей компартии в национальной политике вызывал гнев многих лезгин и объединял их вокруг народного движения "Садвал".

С первых же дней возникновения массового народного движения осенью 1989 года А.Гаджиев стал его активным членом. Много ездил по населенным пунктам, разъяснял, вел неутомимую организационную работу. Никакие предупреждения и угрозы со стороны правоохранительных и секретных служб Азербайджана не смогли сбить его с избранного пути. В начале 1993 года начались неприкрытые репрессии против активистов ЛНД "Садвал". Многих вызывали, допрашивали, угрожали. В этих трудных условиях в Кусарах 7 февраля была проведена встреча с лидером народного движения генералом М.Кахримановым, что вызвало сильный гнев властей. Спустя месяц, 5 марта, состоялся многотысячный митинг на площади "Садвал" того же города против принудительного участия лезгинской молодежи в карабахской войне. На митинге выступил и Агасамед, который сказал, что является заместителем председателя объединенного национального совета и правления ЛНД "Садвал" по Азербайджану. Через два дня за ним пришли. Обыскали, перевернули вверх дном квартиру. По словам родственников и знакомых, не найдя ничего криминального, зацепились за то, что он хранит и читает лезгинские независимые газеты(!)

...Сейчас Агасамед в тюрьме. Как и многие другие лезгины, арестованные режимом НФА (Народный Фронт Азербайджана), пока еще не осужден. Нам, его соратникам, неизвестно, предъявлено ему обвинение, или нет. Но верим в одно: беззаконие и беспредел против воли лезгинского народа и борцов за его воссоединение и свободу рухнут. Точно так, как рухнула эльчибеевская диктатура".

Вот что пишет А.Гаджиев о своих мытарствах в Азербайджане в газете "Лезгистандин хабарар" [55]: "В конце 1972 г. по моей просьбе я был переведен на строящийся Худатский консервный завод, который находился в стадии пусконаладочных работ. До этого работал главным технологом Управления "Азерконсерв". Перевелся потому, что хотел, работая непосредственно на производстве, заочно учиться в аспирантуре. Дело в том, что после окончания Дагестанского государственного университета с отличием, я был оставлен на кафедре младшим научным сотрудником. Потом служба в армии помешала продолжению учебы.

Завод без никаких происшествий был запущен в 1973 г. и в полном объеме выработал плановую продукцию. Специалисты на заводе все были молодыми, обслуживающий персонал подготовили сами на заводе. За хорошую работу нас хвалили. Перед началом сезона второго года (1974 г.) Хачмасский райком партии направил в министерство письмо, где рекомендовал использовать меня там, освободив меня от должности главного

инженера Худатского консервного завода. "Райком никаких претензий ко мне не имел, со мной не говорил и письмо послал тайно..."

Первое дело против меня возбудили в 1973 году. Бывший работник завода на рабочем месте провоцировал драку, оскорблял и лез драться. Потом он пошел в прокуратуру и пожаловался, что я ударил его. После проведенного расследования, когда факт не подтвердился, тот работник уволился с завода и дело прекратили.

Второй раз дело возбудили в 1975 г. На работу в Баку пришла телеграмма из Хачмасской райпрокуратуры со следующими словами: такого-то числа во столько-то часов явиться в прокуратуру, в противном случае будете доставлены в принудительном порядке. Явился в назначенное время к указанному в телеграмме старшему следователю Агаеву и представился. Тот сказал, что сейчас он занят, приходи после обеда. Пришел после обеда. Сказал, чтобы я ждал во дворе. Ждал до конца рабочего дня, тогда он вышел и сказал, чтобы я пришел завтра с утра. Тоже повторилось и назавтра. Потом он сказал, чтобы я пришел в понедельник утром. Тут я не выдержал и сказал: "Вы вызывали, а теперь у вас оказывается нет времени со мной говорить, и я даже не знаю, по какому поводу вызывали". Он спокойно снял телефонную трубку, позвонил в милицию и сказал дежурному, чтобы прислали машину забрать меня в "кпз". Мне он сказал, что теперь буду знать, куда пришел. Я думал, что он шутит. Приехали, забрали и задержали в "кпз" до понедельника. Дома три ночи не знали куда я исчез. В понедельник из "кпз" привезли в прокуратуру. Следователь сказал, что возьмет у прокурора санкцию на арест до конца следствия. Тут приехали родственники, узнали о случившемся, и обратились к прокурору. Только после этого мне объявили, по какому поводу я вызван. Оказывается, прокуратура произвела проверку Худатского консервного завода и выявила факт выпуска недоброкачественной продукции за 1973-1974 гг. и возбуждено уголовное дело...

Достали ложную справку — заключение института судебных экспертиз о том, что эти консервы, якобы, должны были выпускаться кислыми, а не слабокислыми, как мы выпустили. Неизвестно, откуда судебный эксперт взял такую нелепицу. Показывал следователю на суде ГОСТ на эти консервы, где ясно написано, что они выпускаются слабокислыми... Осудили на два года. Через два года мытарств Верховный суд отменил это решение.

После этого Агасамеда осуждали еще три раза по сфабрикованным делам. Далее он пишет: "В сентябре 1988 года новое руководство "Азерплодоовощиноградпрома" пересмотрело мое дело и отменило приказы 1983 года бывшего "Азплодоовощхоза и Худатского консервного завода, как незаконные. Вопрос о моем трудоустройстве по специальности вновь оставлен без внимания и остаюсь безработным.

Может быть на этот раз получу ответ по существу, а еще лучше, будут приняты меры по восстановлению попорченной справедливости, без чего общество не может быть процветающим, а его граждане патриотами и счастливыми". Такова исповедь Агасамеда Гаджиева.

Таких судеб, как у Искендера Казиева, Агасамеда Гаджиева, Тарикули Амирасланова... тысячи. Вспомним, к примеру, судьбу перспективного научного работника института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН бывшего СССР (ныне — Дагестанского научного центра АН России) Ф.Вагабовой. На обсуждении ее докторской диссертации по лезгинской филологии не пригласили ни одного ученого-лезгина и поиздевались над ней при "обсуждении" и отказали в рекомендации для защиты диссертации. Более того, результаты ее научной работы были присвоены некоторыми научными боссами института и позже опубликованы. Когда Ф.Вагабова стала бороться против произвола и плагиатства, то ее просто спрятали в психушке. В последующем она

была уволена с работы. Живет она теперь в нищете, покинутая всеми... Такова судьба многих научных работников-лезгин.

Показателен и такой пример. Крайне редки случаи подготовки лезгина-ученого представителями других народностей Дагестана. Однако лезгины готовили и готовят для них специалистов высшего класса по многим специальностям. А эти "новые специалисты" би-ли в последующем наших же! Такова судьба и ректора ДГУ А.Абилова. Разве его не вынудили уйти с этой должности его же ученики-иноплеменники, которых он поднял и в научном и в административном плане?!

А какова была судьба другого ректора Даггосуниверситета М.Мирзаметова? Последний пришел к руководству ДГУ в 1991 году, победив шестерых других претендентов на эту должность на самых демократических выборах. В процессе подготовки выборов на него активно давили, чтобы он отказался от участия в выборах. Печально то, что в этом деле активно участвовал и председатель ВС Дагестана М.-А.Магомедов. А коллектив университета, прекрасно зная человеческие качества и научную и педагогическую компетентность М.Мирзаметова, помогал и поддерживал его. Поэтому он победил. Однако националисты в первые же дни его ректорства подожгли его дачу и машину. Пошла травля и угрозы. М.Мирзаметову не давали спокойно жить и работать. Стрессовые состояния, создаваемые ему на работе и дома, подорвали его здоровье. Вскоре он тяжело заболел и умер.

За советский период, особенно за последние 50 лет националистического произвола в Азербайджане и Дагестане сотни лезгин-патриотов (наиболее активных, целеустремленных, несгибаемых) были безнаказанно уничтожены физически, а тысячи — морально и материально. Наиболее активная и дееспособная часть Лезгинского народа теперь находится за пределами Лезгистана. Как пишет профессор М.Аджиев, "семьдесят лет из страны лезги утекают мозги и руки... Главное — растеряется гордый народ по имени Лезги. Вот что, на мой взгляд, самое страшное, самое невосполнимое"... [41]. Кто не подчинялся требованиям националистов, то с ним расправлялись...

Несколько лет назад предательски убит майор милиции Магомед Магомедов националистом — иноплеменником Камилем Укмасовым. М.Магомедов был честным, принципиальным и бесстрашным человеком. В народе его прозвали "лезгинским Шарвили". Он работал начальником уголовного розыска РОВД города Махачкалы. Исполнял свои обязанности честно, неподкупно и самое главное — эффективно. Это не нравилось его начальнику-руководителю районной милиции г. Махачкалы К.Укмасову. Последний сперва незаслуженно уволил М.Магомедова с работы, а затем препятствовал устроиться на работу в другом месте. М.Магомедов некоторое время вынужден был работать в Хасавюрте. Естественно, вскоре М.Магомедов вернулся в Махачкалу. Однако К.Укмасов потребовал, чтобы М.Магомедов вообще уехал из Дагестана. Эти разборки происходили на виду у руководства МВД республики, однако ничего не предприняли, чтобы остановить зарвавшегося начальника районной милиции г. Махачкалы. К.Укмасов, почувствовал свою безнаказанность, вызвав в вечернее время М.Магомедова из дома, предательским выстрелом в спину, убил его. К.Укмасов уже разгуливает на свободе!

Летом 1993 года на национальной почве убит студент 4 курса физического факультета Исамудин Шахбанов.

Дело в том, что общежития некоторых вузов Махачкалы стали гнездами преступных групп определенных народов Дагестана. Используя свое численное превосходство и вооруженность огнестрельным оружием, включая автоматами (причем пользуются ими практически открыто), при попустительстве правоохранительных органов, эти группы в общежитиях стали осуществлять полный произвол: вымогательство денег и ценных вещей, групповое избивание студентов — выходцев из Южного Дагестана. Несколько

месяцев шли драки и разборки между студентами на национальной почве. Исамудин Шахбанов был один из тех, кто активно защищал свою честь, достоинство и права. Он был прекрасным и мужественным человеком, прошедший суровую школу Афганистана. Имел несколько правительственных наград за мужество и храбрость. Убили его предательски: в парке им. С.Стальского пырнули ножом в живот и ушли. Убийц до сих пор не нашли, хотя многие видели, как это произошло, и видели бандитов...

Из криминальной хроники "Дагестанской правды" от 21 декабря 1993 г.: "17 декабря в Каспийске примерно в 17 ч. 30 мин. возле здания акционерного общества "Арси" неизвестный в упор застрелил из автомата садившегося в машину президента "Арси" Арсена Байрамова, после чего преступник сел в "Жигули" бежевого цвета без номеров и скрылся. Возбуждено уголовное дело.

Как известно, А.Байрамов баллотировался кандидатом в депутаты Федерального Собрания РФ, но не набрал необходимого количества голосов. За помощь в раскрытии этого преступления лезгинское народное движение "Садвал" назначило крупное денежное вознаграждение".

Убийство Арсена Байрамова потрясло всех. Об этом говорит и грандиозный митинг, состоящего 22 декабря на центральной площади Махачкалы перед зданием ВС и СМ Дагестана. Ни у кого нет сомнения в том, что это было целенаправленное национал — политическое убийство: это выстрел в лезгинский народ, в каждого лезгина! Это не мои слова, это слова простых людей, независимо от национальности, которыми они делились между собой и на похоронах (более 40 тыс. человек проводили Арсена Байрамова в последний путь), и на митинге памяти-протесте, и в обыденных беседах. Простые люди все видят и понимают! Они видят, какие грозные и опасные националистические течения развиваются в дагестанском общежитии народов. Об этом говорит и Резолюция общедагестанского митинга, посвященного памяти А.Байрамова.

РЕЗОЛЮЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО МИТИНГА, ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ АРСЕНА БАЙРАМОВА.

В последнее время в Республике Дагестан в особо уродливой форме проявилась кампания нагнетания политической и национальной напряженности, насаждения страха. Дагестан содрогается от серии политических убийств, террора, которые остаются нераскрытыми. Насилие уносит сотни жизней. В результате сращивания представителей отдельных государственных структур с преступным миром в Республике уже по существу давно идет необъявленная гражданская война, в которой уничтожаются лучшие ее сыны...

Рис. 9.35. Митинг на площади им. Ленина г. Махачкалы, посвященный памяти Арсена Батраева.

В списке жертв оказался и 29-летний бывший кандидат в Федеральное Собрание Рк-сии А.Байрамов, заказ на убийство которого исполнен уже после выборов. Он был расстрелян на своем рабочем месте 17 декабря в г.Каспийске. Нет уверенности, что эта жертва последняя...

Под видом приватизации коррумпированные круги заняты разграблением народнодобра, распределением доходных постов и разделением Дагестана на сферы влияния, стремясь при этом нагнетанием страха и напряженности, отвлечь от всего этого внимание народов.

Все это происходит в условиях преступной бездеятельности правоохранительные органы. Постоянные демагогические утверждения о мудрой национальной политике в Дагестане, о представлении всех народностей в структурах власти и обеспечения их интересов, не находят практического подтверждения в жизни.

Республиканский митинг Постановляет:

1. Потребовать от Президиума Верховного Совета Республики создать до Нового года внеочередную сессию Верховного Совета с повесткой: "Об ответственности руководителей правоохранительных органов Республики за криминогенную ситуацию в Дагестане, массовый террор и политические убийства.
2. Выборы в Федеральное Собрание России, прошедшие в Дагестане 12 декабря, считать недействительными.
3. Учитывая сложившуюся в Республике неуправляемую обстановку, обратиться к Президенту России Б.Ельцину с просьбой издать Указ о немедленном роспуске Верховного Совета Республики, как органа, полностью себя изжившего и ставшего тормозом в дальнейшем развитии Дагестана; назначить в ближайшее время выборы в органы власти Дагестана.
4. Обратиться к Генеральному Прокурору России, Министру внутренних дел России с просьбой направить в Дагестан независимую компетентную комиссию для изучения криминогенной обстановки, комплексной проверки деятельности правоохранительных органов, проведения следствия по всем террористическим актам в Республике и из раскрытия.

5. Всем Национальным движениям Республики согласовать методы гражданского неповиновения, к которым в январе 1994 года, в случае невыполнения требований участников митинга. Резолюция принимается единогласно.

Все знают, что через полгода состоятся выборы в ВС Дагестана. Арсен не только прошел бы в ВС Дагестана, но и занял бы одно из ведущих мест в руководстве Дагестана. Вот одна из причин этого убийства. Вот таким способом обезглавлен лезгинский народ!

9 февраля 1994 года убиты еще два лезгинских парня в Махачкале — Руслан Мирзаметов (сын бывшего ректора ДГУ) и Давид Чубанов (сын преподавателя ДГПИ К.Чубанова). Кто следующий?..

Очередных жертв пришлось ждать недолго. 2 мая в 17 ч. в переулке Октябрьский, зверски убиты Наврузбек Салихов (лезгин), Омар Насуров (табасаранец) и ранены две внучки первого: Наилия (1985 г.) и Аида (1983 г. р.). О. Насуров был единственным сыном в семье, после этого варварского акта мать его сошла с ума.

В вводной части статьи "И маленькая искра может вызвать разрушительный взрыв" собственный корреспондент "Дагестанской правды" (07.05.94 г.) А. Исмаилов пишет: "Сухой информацией криминальной хроники наша газета сообщила о трагедии, разыгравшейся 2 мая в Дербенте в доме Салихова. Она взбудоражила не только город, но и все южные районы республики. Вести о ней и последовавших затем событиях прокатились по всему Дагестану, обрастая, как снежный ком, слухами. Что же, все-таки произошло?"

Далее А. Исмаилов пишет: "Днем 2 мая к дому Н. Салихова на 8-10 "иномарках" подъехали вооруженные автоматами люди, ворвались вовнутрь и учинили кровавую бойню. В результате убиты двое: хозяин дома и оказавшийся рядом с ним сосед Омар Насуров, ранены четверо, один из них находится в тяжелом состоянии. "Терминаторы" не пожалели даже детей: в числе раненых две маленькие внучки Н. Салихова.

Преступники скрылись в неизвестном направлении. Однако их заметили многочисленные свидетели преступления, поэтому их установили быстро. Этих молодчиков, разъезжающих по городу на шикарных автомобилях, которым даже милиция отдает поклон, в городе знают многие.

А что было до кровавого события, мне доподлинно не известно; опять-таки ходят разные слухи, причем взаимоисключающие. Попытался узнать официальную точку зрения, мотивы убийства у начальника горотдела милиции Гасана Гасанова и прокурора города Магомедали Мустафаева. Вразумительных ответов не дождался. Первый лишь высказался в том духе, что "мы обеспечиваем общественный порядок" (идеальный порядок — ничего не скажешь!), а прокурор отложил короткую беседу на более удобный момент. Вопросов же у меня к "обеспечивающим порядок и законность в городе" накопилось множество. Например, почему только спустя сутки после случившегося они явились на место происшествия? Почему обыск в доме у подозреваемых произвели на третьи сутки, хотя родственники жертв сразу назвали их? В Дербенте стреляют еженощно длинными очередями — трудно ли это засечь, а потом изъять смертоносное оружие?

Видя вот такое отношение правоохранительных органов города, многочисленные родственники потерпевших, родственники их родственников из городов и сел, друзья собрались перед зданием администрации города с требованиями арестовать преступников. Таким образом обычное скопление людей вылилось в стихийный митинг, на следующий день он превратился в многотысячный. Теперь митингующие требовали отставки городских властей, в том числе и руководителей правоохранительных органов.

Первым не выдержал глава администрации Эдисон Пашабеков, теперь уже окончательно потерявший контроль над ситуацией: он подал в отставку, по существующему положению временно его обязанности выполняет первый замглавы Феликс Казиахмедов.

В эти, до предела накалившие страсти, бурные дни произошел еще один инцидент: были задержаны, как толкуют в городе, "в качестве заложников" глава администрации Дербентского района С. Курбанов и начальник РОВД Шахбанов. Но после получения обещаний, что ими все будет сделано для предания суду преступников, были отпущены.

Вечером после митинга 4 мая лидеры национальных движений лезгинского, азербайджанского и табасаранского народов договорились о том, чтобы митингов, накаляющих обстановку, больше не проводить: силовые методы приведут в тупик, к непредсказуемым трагическим последствиям, диалог и переговоры — вот единственный путь выхода из любой сложной ситуации. Они же подготовили совместное Обращение ко всем дербентцам, жителям районов Южного Дагестана, к которому присоединилась и городская организация компартии Дагестана. В Обращении, в частности, говорится: "На многотысячных митингах дербентцы, жители районов Южного Дагестана, все, независимо от национальности и вероисповедания, гневно осудили гнусное преступление и потребовали от правоохранительных органов срочно найти преступников, посягнувших на жизнь безвинных людей, и строго наказать их по закону". В своем Обращении лидеры национальных движений убедительно просят дербентцев и жителей районов Южного Дагестана проявить благоразумие, выдержку и терпение не поддаваться на провокации. А сын Наврузбека Салихова, выступая на митинге, сказал: "Я никаких претензий к азербайджанскому народу, никакой обиды на него не имею. У меня очень много близких друзей среди Азербайджанцев. Единственное мое требование — преступники должны быть наказаны, кем а они ни были!"

Однако, несмотря на договоренность больше не собирать людей, на следующий день митинг организовала другая сторона т.е. азербайджанцы. Именно это событие окончательно подвело представителей разных национальностей к противостоянию. Хотя выступление ораторов были правильными: призывали к миру и согласию, наказанию преступников, но все-таки звучали и двусмысленные выражения, которые тут же возбуждали эмоции у другой стороны. К счастью, обошлось без эксцессов. А на центральной площади, говаривали, вечером соберется очередной митинг с прежними требованиями: преступников отдать под суд..."

Все же, в чем первопричина всевозрастающей напряженности в Южном Дагестане, в частности, в Дербенте? Н. Тагиров в статье "Чьи интересы пересеклись в Дербенте (Новое дело", 20.05.94 г.) пишет: "Причины нынешней ситуации следует искать не в событиях последних дней, а в контексте всей обстановки, складывавшейся в городе в течение последнего времени. Дербент явился лакомым кусочком, где безбоязненно оседали всякого рода преступные группировки, которые всеми методами стремились завоевать определенные позиции. Относительное мирное сосуществование этих формирований стало возможным благодаря тому, что их пути не пересекались. Но когда этап новления и завоевания места под дербентским небом остался позади, оказалось, что у группировок на втором этапе одна и та же цель — достижение полного господства в городе. Именно здесь и столкнулись интересы и наступил период жестокого противостояния и соперничества, основной целью которого являлась демонстрация своих возможностей и силы.

Явилась ли неожиданностью продолжающаяся оставаться напряженной ситуация? Для кого-то, вероятно, и может быть, но не для городского отдела Федеральной службы контрразведки РФ по РД. Начальник горотдела Григорий Донцов намного раньше этих событий, выступая на сессиях горсовета и в интервью местной прессе, обращал внимание общественности и властных структур на обострение криминогенной обстановки, потерю

городскими властями народного доверия. Можно предположить, что аналогичная информация о ситуации, даже более подробная, также направлялась в вышестоящие инстанции.

Как считают в горотделе ФСК, в событиях 2-7 мая явно усматривается подоплека борьбы за власть. До 5 мая в Дербенте предполагалось рассмотрение вопроса о кадрах. Как считают контрразведчики, некоторым силам необходимо было до этого срока показать, кто в городе хозяин..."

К сожалению, и А. Исмаилов, и Н. Тагиров пишут о негативных процессах, происходящих в Дагестане только намеками, безадресно. А говорить о них надо во весь голос, поскольку нас всех дагестанцев, конкретные силы в руководстве Дагестана ведут к гражданской (под национальной окраской) войне. Дело в том, что последние годы Дагестаном руководит даргино-тюркский альянс. Как пишет Н. Тагиров, "Дербент стал лакомым кусочком, где безбоязненно оседали всякого рода преступные группировки, которые всеми методами стремились завоевать определенные позиции". Начало этому процессу положил захват коньячного завода даргинской мафией... На этот процесс накладываются и претензии Азербайджана на Дербент и на Южный Дагестан в целом. В русле этой глобальной стратегии мафиозных структур Дагестана и Азербайджана протекают и все остальные процессы в этом регионе. В связи с этими процессами в Южном Дагестане серьезные проблемы возникли у лезгин, табасаранцев, татов и евреев.

К сожалению, ворота Дербента в последние годы были открыты только для представителей определенных народов: азербайджанцев, даргинцев, аварцев, кумыков. В Дербенте и Дербентском районе незаконным образом прописаны тысячи и тысячи азербайджанцев, бежавших из Азербайджана в связи с карабахской войной. Многие из них вооружены до зубов... Даргино-тюркский альянс, засевающий в руководстве Дагестана осуществляет полный произвол в Дербенте и Дербентском районе: назначают на должности только своих людей. При этом практически "не у дел" оказались коренные народы этого города и региона: лезгины, табасаранцы, та-ты, евреи, которые составляют более 80% населения региона. Чтобы не допустить лезгин и табасаранцев в город принимались даже официальные документы. Например, пункт четвертый решения Дербентского горсовета от 17 октября 1989 года гласит:

"Бюро технической инвентаризации, управлению архитектурой и градостроительством временно до 1 января 1991 года приостановить реализацию частных домовладений лицам, не проживающим и не прописанным в г. Дербенте. Реализацию частных домовладений производить с разрешения общественной жилищной комиссии". Подоплека этого решения будет ясна, если мы вспомним, что из Махачкалинского аэропорта "на специальных автобусах летом 1989 года в районы проживания лезгиноязычных народов переправили около 10 тыс. беженцев из Казахстана", бросив их на произвол судьбы. Беженцами были в основном семьи лезгин (мужья оставались в Казахстане, отстаивая свои права). "Отцов" города Дербента и Дербентского района не смущало даже то, что люди оказались в беде, что им необходима срочная помощь...

То, что случилось в Дербенте — не случайность, а запланированная акция...

Перед этим зверским побоищем в городе был пущен слух, что лезгины крадут людей, в основном еврейской национальности. Нелепость этого обвинения очевидна. Между лезгинами, евреями и татами никогда не возникали осложнения за сотни лет совместной жизни. Это я знаю не только на основе исторических документов, но из своего жизненного опыта. В 1950-1955 гг. я жил и учился в Дербенте, а в последующие годы я постоянно ездил к своим родным и родственникам, поэтому в курсе всех событий, происходивших с указанного времени в Дербенте и Дербентском районе.

В те годы я учился в школе N1 и жил в интернате. В последнем жили в основном представители лезгиноязычных народов. Поскольку во время войны многие дети не имели возможности учиться в школе, то среди нас были и переросшие ребята (19-22 лет). Жили мы очень дружно.

Бывали, конечно, и драки между "интернатовскими" и городскими ребятами. Дрались мы с магальскими ребятами, "фезеушниками", но с еврейскими и татскими ребятами никогда не возникало ссор, хотя наша школа располагалась в "еврейском районе" Дербента.

С 50-х годов до недавнего времени городом управляли в основном представители лезгин и татов (евреев). При этом, еще раз подчеркиваю, в городе не возникало никаких межнациональных осложнений. Однако, в последние годы власти Дагестана привели к руководству городом и районом представителей тюрков в лице "азербайджанцев". С этого времени началось противопоставление народов, гонения на лезгиноязычных народов, вытеснения евреев... На этой волне даргино-аварско-кумыкский руководящий альянс Дагестана стал внедрять своих представителей не только во властные структуры города, но и назначать на должности первых лиц из числа представителей своих национальностей, причем на наиболее доходные предприятия (коньячный и винные заводы и т.д.)

В последние 2-3 года, особенно в "год приватизации" в Дербент хлынули иноплемяники с севера с большими деньгами (российскими, присвоенными посредством банковских и других афер) и стали скупать все: предприятия, дома, дачи... Методично и целенаправленно стали выдавливать евреев и русских из города. Думаю, что это делалось не без ведома глав администраций г. Дербента и Дербентского района (оба азербайджанца). Из структур власти стала утекать информация о том, кто именно из евреев уезжает в Израиль. Вследствие этого пошли адресные "тихие" ограбления и вымогательства.

В связи с этим председатель Госкомната Дагестана М.-С. Гусаев был вынужден встретиться в Дербенте с еврейской общиной...

По словам председателя Госкомната Дагестана М.-С. Гусаева, некоторых из уезжающих евреев, обобранных до нитки, сажали в самолет в нижнем белье... Конечно все эти грабежи совершались и совершаются теми (и их подручными), кто имел доступ к информации и кто в состоянии был покупать или фрахтовать самолеты. Среди последних нет лезгин... Так что слухи, пущенные в адрес лезгин в Дербенте, имели многоплановое прикрытие...

Кстати, руководство "Садвал" неоднократно обращалось к руководству Дагестана и информировало о негативных процессах, происходящих в Дербенте и Дербентском районе. Подтверждением сказанному служит и статья "Дербент" (см. Приложение IV), опубликованная в 1991 году, и представленная в Верховный Совет и Совет министров Дагестана как официальный документ "Садвал".

Каждый раз, когда мы ставили перед руководством Дагестана, в частности, перед председателем Верховного Совета Дагестана вопросы о "прихватизации" предприятий, скупке нечистоплотными методами домов и дач в Дербенте представителями народов, не имеющих никакого отношения к городу, то каждый раз нам отвечали мол, "Дербент — город дагестанский и каждый волен жить там, где ему хочется"... Конечно, это так. Но хочу заметить, что не каждый народ Дагестана имеет доступ к российским деньгам и вооруженным структурам, чтобы скупить целые улицы города, и посредством боевиков захватывать предприятия и ставить в их главе людей далеких от этих мест!

Именно в русле описанных выше процессов и произошли последние события в Дербенте.

Мэр города Э. Пашабеков со своей банди-ской шайкой решил расправиться с известным и состоятельным лезгинским тухумом Салиховых. Э. Пашабеков и стоящие за ним высокопоставленные лица решили отнять магазины, которыми руководят Салиховы и пустить их по миру. Однако, прямой атакой это не получилось: Салиховы крепко стояли на ногах. Тогда в ход пошли всевозможные придирки и преследования... Вот один из таких подлых приемов.

Естественно, что любой сотрудник предприятия или учреждения, когда он едет на работу на собственной машине, припарковывает ее перед предприятием или учреждением. То же самое делали и Салиховы: ставили машины перед своим магазином. Да не только они! Однако Э. Пашабеков постлал подручных ему работников ГАИ и последние требовали убрать машины Салиховых со стоянки. Естественно, послание противились этому, и каждый раз доказывал и несостоятельность этих требований. Однако Э. Пашабеков посылал все новых и новых "гаишников", чтобы нервировать Салиховых. Пошли угрозы в адрес Салиховых, однако и это не помогло банде Э. Пашабекова, поскольку Салиховы — не из робких. Когда ничего не могли сделать, специально ударили машину Салиховых и бросили один миллион рублей под ноги Салихова (сына) со словами: "Это тебе на починку машину". Нанесено было личное оскорбление и действием и словами. И в этой ситуации Салиховы повели себя мужественно и благоразумно. Затапав брошенные деньги, Салиховы предложили выяснить отношения за городом поскольку это делать в людном месте к городу не хотелось. Назначили день и место встречи — недалеко от города на косе Каепия, на 2 мая в 17 часов. Однако команда Э. Пашабекова, вооруженная до зубов, приезжает к одному из сыновей Н. Салихова, проживающему по ул. Ленина, пытается устроить кровавый дебош (до назначенного времени) на виду у жителей 5-ти этажного дома. Салиховы опять не идут на эту провокацию и предлагают, как договорились, встретиться за городом. Последних поддерживают жители дома... Тогда команда Э. Пашабекова вместо того, чтобы выехать за город, ничего не сказав сыновьям Н. Салихова, едет к отцу-пенсионеру, который и понятия не имел о происходящих разборках, устраивают вакханалию. Бандитов было не менее 50 человек и подъехали к дому Салиховых на 14 машинах. Сперва беспричинно обстреляли дом Салиховых с улицы, а затем вошли в дом не только убили и ранили всех, кто был в доме, но и уничтожили мебель, посуду, ковры...

О большом прикрытии сверху бандитских формирований властными структурами Дагестана, говорит тот факт, что в течение суток после описанного акта вандализма, ни прокуратура, ни милиция города Дербента и Республики ничего не предприняли, чтобы поймать преступников. Более того, хотя руководство республики, правоохранные органы прекрасно знали о том, что это зверство совершено людьми Э. Пашабекова (двое из них являлись главными специалистами городского управления), последний до сих пор не арестован... Всем бандитам дали возможность выехать в Азербайджан и там укрыться.

Следует сказать и о том, что директор завода "Радиоэлемент" г. Дербента Сейран Рагимов (турок) со своими подручными ночью с 2 мая на 3 май привезли две машины автоматов и пулеметов из Азербайджана и по списку раздали формированиям азербайджанцев в Джума-мечети. Кстали, Джума-мечеть несколько лет назад захвачена шиитами-тюрьками и превращена в рассадник зла: там хранят оружие. О вышеназванных фактах знали и знают руководство Дагестана и правоохранные органы республики, однако против националистов и экстремистов ничего не было предпринято. Наоборот, последних поощряли и поощряют. Иначе, как объяснить, что ярый националист и экстремист С. Рагимов, раздавший оружие тюркскому населению, призывавший к расправе над лезгинами, разгуливает на свободе, совершая новые провокации.

Последнему не уступают служители Джума-мечети...

О том, что за происходящими процессами в Дербенте стоит иноплеменная мафия, вынуждена признать и правительственная газета — "Дагестанская правда", которая в вышеназванной статье констатирует: "Дело в том, что в результате неоднократных контактов сторон с работниками правоохранительных органов убийцы и место, где они скрываются, точно вычислены. Зачем греха таить, в городе открыто говорят об их покровителе — высокозащищенном лице. Попадись хоть один из того вооруженного преступного формирования в руки правосудия, и клубок раскрутится полностью". Газета права и в следующем утверждении: "Если же сторона, требующая возмездия, законным путем ничего не добьется и сочтет себя беспомощной перед сильными мира сего, то нетрудно себе представить, какой следующий путь она изберет и к чему это приведет. Ведь все кровавые конфликты межнационального характера на территории бывшей великой державы в принципе начинались с обычных тяжких уголовных преступлений. Что же мы приносим в жертву, укрывая уголовников от правосудия?!

И в заключение. Задумывались ли вы над тем, почему все последние годы люди часто апеллируют к национальным движениям, а не к законным властям и правоохранительным органам? Да потому, что люди в последних разуверились. Может быть, несколько рискованно говорить о мафии в открытую, но необходимо.

Что касается конфликта в Дербенте, то уверен: азербайджанцы, лезгины, табасаранцы, другие братские народы окажутся мудрее, умнее сил, толкающих их в бездну. У нас сегодня у всех есть общая беда: абсолютное большинство нищенствует, а незначительное число лиц, единицы ходят в князьях. И бороться нам надо с этой напастью сообща".

Теперь наложите на общий фон возросшей криминогенной обстановки в стране в целом, в частности, и в Лезгистане, целенаправленные убийства на национально-политической основе, гибель в непомерно большом количестве в процентном отношении лезгинских парней в Карабахской войне, то мы увидим, что, действительно, выстрелы сделаны и делают в будущее лезгинского народа. Если дело так пойдет далее, то мы останемся без молодежи. Против нашей молодежи ведется настоящая, неприкрытая охота, их убивают, сажают в тюрьмы, развращают наркотиками из Азербайджана... Самое страшное — практически сейчас вся лезгинская молодежь безработна, некуда приложить силы. Это очень опасно!

Сколько же этих лезгин, особенно молодежи, которых выкинули из жизни и теперь живут, если это можно назвать жизнью, "тихо", досадуя на жизнь, не добившись ни элементарных условий, ни справедливости. Нас кромсают, уничтожают по-одиночке! Когда же, уважаемые лезгины, мы станем объединяться против произвола и издевательств и дадим бой националистам всех мастей?! Когда же мы перестанем цепляться друг за друга по мелочам на радость врагам?! Когда же интеллектуальный потенциал нашей интеллигенции направим на созидание нашего Лезгистана, на восстановление духовных и материальных ценностей нашего народа?!

Нас часто пугают Карабахом. Разве Карабахом для нас не является сама наша жизнь? Разве нас не уничтожают физически и духовно и материально и в Дагестане и в Азербайджане? Сколько в упор расстрелянных, зарезанных, сидящих в тюрьмах за простые провинности, за которых другим не дают и 15 суток?! А сам Карабах? Там погибло больше лезгинским парней, чем в осетино — грузинской войне! Нас просто уничтожают "тихо — сапо". На днях мы похоронили в Хач-масском районе нашего родственника, замечательного парня, погибшего в Карабахе. За что он погиб? Что нам сделали карабахцы? За что сотни "садвалистов" и "несадвалистов" сейчас подвергаются в тюрьмах Азербайджана истязаниям, кто за них заступится?!

Тысячи лезгин из Азербайджана сейчас скрываются в районах Южного Дагестана от преследований по политическим мотивам. Они вынуждены скрываться и в Дагестане,

поскольку и в южных районах Дагестана свирепствуют сотрудники МВД Азербайджана на основе договора с МВД Дагестана, якобы заключенного с целью борьбы с экстремистами и насильниками. На основе этого договора они хватают всех, кто им попадают в руки в Южном Дагестане, увозят их в Азербайджан и судят их как преступников или отправляют на Карабахскую войну.

Раньше, до распада СССР, для нашей молодежи Россия была отдушиной: она уезжала туда, устраивалась на работу и жила. Теперь и в России стало неуютно жить, поскольку мы тоже вошли в число "лиц кавказской национальности".

Беженцам из Азербайджана не оказывается никакая помощь, поскольку представители власти Дагестана, в частности сотрудники Госкомнаца, не находят их на местах и составляют справки, что в Юждаге нет беженцев. Так и живут эти несчастнее собственный дом, Лезгистан стал для них чужим, не могут спокойно жить и работать. А нас еще пугают Карабахом! То, что с нама совершают, это хуже Карабаха! На войне с честью можно погибнуть за свою Родину, за свои идеалы. За что гибнет наша молодежь сейчас?! За какую Родину, за какие идеи?

Таким образом, убивают, вытесняют из Дагестана и Азербайджана лучшую часть нашей интеллигенции, наших патриоте. Из нас фактически уже сделали манкуртов. Кто знает историю нашего народа, ее культуру и выдающихся деятелей. Давайте наставим вопросы по-другому: было ли так, чтобы в Азербайджане или в Дагестане отмечали какие-либо события, связанные с жизнью нашего народа или знаменательные даты выдающихся деятелей на уровне, например, как отмечают "круглые даты" — миля, имама Гази-Мухаммеда или Расула Гамзатова? Привожу эти примеры потери что сам видел, как помпезно и пышно это делалось с использованием огромных средств из казны! Аналогично обстоит дела в Азербайджане.

А может быть у нас, у нашего народа нет таких дат или нет таких деятелей, чтобы их можно было отметить всем джамаатом Дагестана или Азербайджана, или еще шире.

Давайте, уважаемые читатели, оглянитесь назад в историю албано-лезгинского народов, сколько выдающихся дат в истории народа и сколько выдающихся личностей?! Чтобы не быть голословным перечислим некоторые из них:

— выдающиеся вехи албано-лекских государств, — Кавказской Албании, Ширвана, Лакза (Лекзистана) и хансты Давуд-бека и Фет-Али-хана;

— пять тысячи лет Дербенту, 2500 лет Ахчаху, 1400 лет нынешней Дербентской крепости; 2500 лет Кабала, 1500 лет Торпах-Кала: и т.д.;

— 1700 лет эпосу лезгинского народа Шарвили, около 1600 лет албано-лекской письменности; 1200 лет "Истории Албании" Моисея; 900 лет "Ахты-наме" и т.д.

— М.Каланкатвацви (VII в.), Ильяс Низами (XII в), Хагани Ширвани (XII в), Ибрагим ал-Лакзи (XII в.), Хиналугский (XII в), Мелик из Кюре (XV в.), Давуд-бек Мюшкюрский (на стыке XVII — XVIII вв.), Эмин из Ялцуга (1698-1777 гг.), Магомед Ярагинский (1761-1838 гг), Мирза Али ал-Ахты (1771-1858 гг), Сайд из Кочхюра (1767-1812 гг), Аббас-кули Ага Бакиханов (1794-1847 гг), Фет-Али-хан (1758-1789), Мирза Казембек (1802-1870 гг), Етим Эмин (1838-1884 гг), Гасан Алкадари (1834-1910 гг), Балакиши Араблинский (1828-1902), Узеир Гаджибеков (1885-1948), Ниязи Гад-жибеков (1912-1989), Сулейман Стальский (1869-1937) и т.д.

Нельзя сказать, что наши культурные ценности, наших выдающихся деятелей вообще не вспоминают, не отмечают их "круглые даты". Например, недавно отмечали, включая мировое сообщество, 800-летие со дня рождения Ильяса Низами. Но как? Как выдающегося деятеля культуры Востока. Даже не вспомнили название лезгинского

народа, который породил его. Более того, турки приписывают И. Низами себе, а иранцы — себе.

Есть пример и другого характера. В декабре 1993 года отмечали 100-летие со дня рождения народного поэта Дагестана Тагира Хрюгского. Ему было присвоено почетное звание народный поэт Дагестана, поскольку его творчество носит интернациональный и народный характер и очень любим народами, особенно собственным лезгинским народом... И что же? Отмечали эту знаменательную дату в питательном зале библиотеки им. А.С.Пушкина. В зале сидело порядка 50 человек. Вел "творческий вечер" Расул Гамзатов...

Такое пренебрежительное отношение к лезгинским национальным ценностям, к выдающимся деятелям лезгинского народа, видят и представители других народов Дагестана. В частности, в процессе беседы об ансамбле "Лезгинка" с ее художественным руководителем — народным артистом России Иосифом Матаевым, выяснилось, что за все время работы в ансамбле "Лезгинка" (более 30 лет) Зейнала Гаджиева ни разу не отмечались его юбилейные даты. А ведь З.Гаджиев написал почти всю музыку для "Лезгинки"! Иосиф Матаев, этот выдающийся мастер своего дела и большой души человек с горечью говорил, что из его головы не выходят следующие стихотворные слова, касающиеся Зейнала Гаджиева:

*Не пишет кантаты,
Не пишет сонаты
Для интеллигентных людей!
Всю жизнь он пишет
Простому солдату,
Где же его юбилей?*

Талантливому организатору, специалисту-лезгину в Дагестане и Азербайджане и сейчас трудно пробиться к более-менее заметной руководящей должности или получить кредит, основать свое дело, а молодому лезгину поступить в вуз или техникум. Негласно ограничено представление специалистов-лезгин к наградам, талантливого поэта, художника, артиста и т.д. к представлению к почетным званиям.

Самый старый из дагестанских театров — лезгинский до сих пор не имеет статуса музыкально-драматического, вследствие чего он значительно хуже обеспечивается всем необходимым, чем, например, кумыкский или аварский. Лезгинский театр до сих пор не имеет своего специализированного здания. Для постройки запланированного более 20 лет тому назад здания театра, до сих пор то не находят средств, то места для постройки.

А в Азербайджане лезгинский театр, действовавший с 1906 года в Баку, закрыт националистами в 30-х годах... Вот так и живем. Когда мы ставим вопросы о восстановлении справедливости, одинакового отношения ко всем народам, указываем на факты "гуманного отношения" к нам, то нас, особенно активистов "Садвал", обвиняют в противопоставлении и натравливании народов. Разве изложенные выше вопиющие факты и действия националистов являются результатом деятельности азербайджанского, аварского или другого дагестанского народа? Народы здесь непричем! Разве критика и разоблачение в неблагоприятных делах официальных лиц Дагестана или Азербайджана, будь они азербайджанцами, кумыками, даргинцами или аварцами, является натравливанием народов?!

Руководители Дагестана и Азербайджана специально преподносят критику в свой адрес как действия, натравливающие народы, поскольку так легче уйти от ответственности. Они — то и являются отравителями наших душ и натравителями народов, поскольку именно в их руках находятся все рычаги натравливания: экономика, пресса, власть. Неодинаковые подходы в решении идентичных вопросов разных народов приводят к противостоянию

последних. Вспомним, что говорил старик-табасаранец профессору М.Аджиеву — "ранее Дагестан был аварским, теперь даргинский". Вот где корень зла!

Отвечая колонистам и националистам, хочу сказать, что никакими тюрьмами, убийствами, репрессиями и другими античеловеческими действиями более вы ничего не добьетесь! Добьетесь одного — ненависти народов и развала мини-империй, как это случилось с СССР. Националистическим режимам все равно придет конец! История доказала, что для стимулирования распада империй и "один патриот в поле воин". Пример тому — Андрей Сахаров. Этот тезис подтверждает жизнь и деятельность еще одного человека, представителя нашего народа, — Вазифа Мейланова. Имя этого замечательного человека знают не только в Дагестане, России, но и за рубежом. Недавно его родители получили письмо из Канады от господина Р.Т.Хорна. Он пишет: "Дорогие друзья, мы радуемся вместе с вами раннему освобождению Вазифа Мейланова. Мы надеемся, что он получает положенную медицинскую помощь и что он нашел работу по специальности. Искренне Р.Т.Хорн".

Рис. 9.36. Вазиф Мейланов.

Вазиф Мейланов в своей книге "С первых рук" [56] пишет: "Я родился 15 мая 1940 года в Махачкале. С 1958 по 1961 год учился на физическом факультете Московского университета; в 1961 — 1964 годах служил в армии рядовым. С 1964 по 1969 учился на механико-математическом факультете Московского университета, с 1969 по 1972 — там же в аспирантуре. С 1972 по 1978 год преподавал высшую математику в Дагестанском политехническом институте.

В 1977 году написал и подписал своим именем философско-политическую работу "Заметки на полях советских газет", в которой целью провозгласил создание в страж структур свободы слова и печати, отмену статей 70 и 190-1 УК РСФСР.

В 1978 году за "противопоставление себя коллективу и нанесение ущерба коммунистическому воспитанию молодежи" не был переизбран Ученым Советом преподавателем института на новый пятилетний срок.

С 1978 по 1980 год работал бетонщиком 5-го разряда в ПМК-10 и СПМК-18.

25 января 1980 года был арестован за выход на площадь им. Ленина г. Махачкалы с плакатом, на котором было написано:

"Протестую против преследования властями А.Сахарова.

С идеями должно бороться идеями, и не милицией.

Сахаровы нужны народу — они осуществляют истинный, неформальный контроль над действиями государства.

Все беды этой страны — из-за отсутствия в ней свободы слова. Боритесь за свободу слова — это и будет Вашей борьбой за свободу".

2-го декабря 1980 года был приговорены Верховным судом ДАССР к 7 годам лагеря строгого режима и к 2-м годам ссылки — за написание и распространение работы "Заметки на полях советских газет", за выход на площадь с плакатом и за распространение книг: "Ахипелаг Гулаг" и "Бодался теленок с дубом" А.Солженицына, "Окаянные дни" И.Бунина, "Некрополь" В.Ходасевича, "Жизнь Сологодина" Д.Панина.

В колонии отказался от участия в исправительно-принудительном труде, заявив письменно, что исправляться не желает. В результате чего весь срок провел в тюрьме, и том числе более пятисот суток в карцере...

В заключении я не работал. Мне доставляло большее внутреннее удовлетворение это открытое противостояние насильникам, это неделание, которое в условиях принуждения к труду голодом оказывалось трудна любого делания. Трудно прежде всего быть психологически "я годами был под дамокловым мечом" карцера, т.е. голода и полнеч изоляции: от газет, радио, людей. Противочеловеческий строи ведь сменил тактику: раньше он уничтожал физически (это сохранилось и сейчас — Г.А.), сейчас он целью имеет душевный слом: внутренний смысл коммунизма проступил наружу.

Воистину "угрозы тяжелее исполнения" — тюремщики знали это: ведь консультировала их вся работающая на тюрьму советская психиатрия. Коммунизм рассчитывал, что я не выдержу психологического и нервного перенапряжения, усиленного к тому же многолетней пыткой постоянным недоеданием.

В 72-м году я писал: "Люблю несдавшихся!" — я часто вспоминал эти свои слова в тюрьме. Более пятисот суток я провел в одиночках ШИЗО и карцера, если добавить и месяцы, что я сидел один в ПКТ (помещение камерного типа) — не менее двух лет я сидел один. Внутренний монолог становился твоим единственным разговором. Я должен был победить и разделить свою победу со сдавшимися. Я говорил: "Все прочитанное, все передуманное испытывается, оправдывается и защищается твоим здесь "умираниям". Ты можешь, и потому ты должен. Мне помогли написанные мною в прошлом тексты, мои друзья, верившие в меня и переживавшие за меня. Я должен был победить и разделить свою победу с ними. Душевное напряжение в камерах ШИЗО достигало у меня такой силы, что я не мог читать почти ни одного стихотворения из любимых мною в прошлом авторов: их тексты не отвечали уровню моей непримиримости с миром. (В карцере не давали читать ничего, поэтому в камере я часто читал стихи наизусть". Так, у Пушкина есть стихотворение "Предчувствие".

*Снова тучи надо мною
Собрались в вышине.
Рок завистливой бедою
Угрожает снова мне.*

*Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей*

*Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

Эта вопросительность, это допущение самой возможности, что "не сохраню", были для меня невозможными. Я читал без вопроса:

*Сохраню к судьбе презренье.
Понесу навстречу ей...*

Как ни покажется парадоксальным, трудней всего стало сидеть с приходом к власти Горбачева. На самом деле парадокса здесь нет: коммунистам во что бы то ни стало надо было сокрушить людей и в заключении открыто противостоящих коммунистическому насилию, сокрушить, чтобы потом сказать: "Вот: началась перестройка, и все прежде несогласные с коммунистическим режимом теперь ничего против него не имеют, самые непримиримые политзаключенные — и те смягчили свои позиции и уже не только работают, но и норму, нами назначенную выполняют". Неизменность моей позиции выводила тюремщиков из себя. Летом 85-го года, после трех лет, проведенных в Чистопольской тюрьме, я был опять привезен в колонию ВС-389/35. 10 июля 85-го года помещен в ШИЗО — за отказ от работы. 24-го июля (за день до конца назначенного мне срока пребывания в ШИЗО) меня вызвали в комнату прапорщиков: оказывается пришла врачебная комиссия (все по закону!). Врачи — все — были молодые люди, руководила ими молодая симпатичная девушка. С любопытством оглядев меня, она спросила: "Скажите, какие жалобы на здоровье, поддающиеся объективной проверке, у Вас есть?" Я сказал: "Вы с воли, это удивительно! Я хочу сказать вам: меня вот уже пять лет морят голодом, вот и сейчас я пришел из камеры ШИЗО, но перед этим я был в больнице, поэтому первые 15 суток еще не довели меня до дистрофии, но вторые уже доведут, я ослабел, когда наклоняюсь, у меня перед глазами будто мушки мелькают, приходится двигаться медленно, плавно". Молодая предводительница насмешливо улыбнулась (так это и есть что ли тот самый Мейланов?) не больно-то грозен...): "Карцера не в нашей компетенции. Это из области Ваших взаимоотношений с администрацией колонии — а сие не наша сфера. Давление мы Вам померяем... Так... давление у Вас несколько пониженное, но это не болезнь. Другие жалобы есть?" — "Вы, может быть, неправильно меня поняли. Я не жалуюсь никогда — жалуются на меня... Я заявляю Вам, что меня держат в камере пыток, что меня морят голодом, что, я уверен, дело не ограничится пятнадцатью сутками — по окончании их дадут еще пятнадцать, я призываю Вас, в соответствии с врачебным долгом сделать достоянием гласности сообщенное мною и сейчас же, немедленно потребовать от администрации лагеря освободить меня из карцера, добиться запрета пыток голодом заключенных". Молодая предводительница коммунистических врачей (с враждебной улыбкой): "Какие еще у Вас жалобы на здоровье? (улыбка)". Врач (молодой парень): "Вот Вы говорите, что Вас морят голодом, скажите: Вас что — кормят не в соответствии с существующими нормами питания в карцере?" — "В соответствии. Эти нормы просто узаконивают пытки голодом. 15 суток я продержался, но через следующие пятнадцать суток все признаки дистрофии будут налицо, я ведь уже проходил этот цикл убеждения через желудок в 81-82годах". Молодая предводительница: "Мы не определяем условий содержания в карцерах. Мы Вас в карцер не сажали. Это Ваши с администрацией отношения, мы в них не имеем права вмешиваться". Я: "Да ведь вы считаетесь врачами! Ведь меня сейчас поведут в камеру пыток морить голодом: кормить через день по "пониженной норме", что ж, значит, итогом вашей медицинской комиссии будет: "к пытке голодом годен"? Вы понимаете, что делаете? Ведь это я так после 15 суток выгляжу, после 30-ти, после 45-ти я буду выглядеть совсем иначе. Ведь тюремщики после вашего научного разрешения меня посадят еще на 15 суток!"...

Через три месяца сидения в карцере я потерял 14 кг. веса. В бараке ШИЗО-ПКТ и баня своя, в раздевалке смотрят, как ты раздеваешься (не несешь ли что передать купающимся за тобой), я разделся и с удивлением оглядываю себя. Прапорщик понимающе смеется: "Что-много неизвестных раньше косточек появилось?!" Воистину так! В первую очередь они появляются в районе паха — начинаешь выглядеть как люди на фотографиях из семитомника материалов Нюрнбергского процесса... Так завоевывалась свобода для этой страны и для всего остального мира...

Не в силе, — говорит пословица, — правде. А какая ж правда у вас — морите, голодом?! Правда нынче у меня. А есть правда — будет и сила. Так не лучше ль не зедить, как вы любите заявлять, дела столкновения сил и пойти на "поставлен временем на повестку дня" разумные из нения в режиме содержания советского рода? — Истории надо уступать, с ней и обращаться творчески: не взламывать подбирать ключи. Ну, а что же это за творческое отношение к истории, когда мыслителя запирают за решетку и уговаривают через живот отречься от своих убеждений.

Большевики, взяв за основу понятие класса, укоренили сначала отчуждение затем и сословную (классовую) ненависть. Националисты, беря основным поняла нацию, порождают отчуждение наций друг от друга, за этим, неизбежно, придут и не висть, и кровь.

Что же спасет, что может спасти? Только идея человека, только личностный (а не класвый, а не национальный) подход к человек личности. Только создание в обществе демократических структур, безразличных к национальному признаку. Только повышение уровня души, благородства, человечности..." [56].

В этом параграфе и в книге в целом приведены факты произвола, которые стали известны нам за последние несколько лет. Здесь не описано даже и сотой доли того геноцида (открытого и скрытого) осуществленного, осуществляющегося против лезгинской интеллигенции, лезгинских лидеров и народа в целом. Нам необходимо подготовить и выпустить специальный сборник материалов с геноциде против лезгинского народа.

9.5. ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ и ДАГЕСТАНЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В предыдущих главах описаны нашествия персов, арабов, татаро-монголов, тюрок, турок и других завоевателей на земли Восточного Кавказа. Сделано это не только для того, чтобы показать, насколько они были разрушительными и истребительными, но и для того, чтобы конкретно описать время и место протекания этих событий и назвать участвовавшие в них народы. Это исключительно важно, поскольку за советский период вышло большое количество литературы, искажающей историю государств и народов Восточного Кавказа и Передней Азии в угоду националистическим интересам определенных кругов некоторых народов. В этом плане выделяются Академия наук и другие научные учреждения Азербайджана, где, утверждению академика З.Буниятова, "неграмотные и безответственные люди навязывают народу ложные идеи и ценности" [57]. Понимая опасность для азербайджанского и соседних народов политики фальсификаций исторических реалий, другой крупный азербайджанский ученый И.Алиев пишет: "Опасность измышлений (фальсификаций, подтасовок исторических фактов — Г.А.), целенаправленно проповедуемых Ю.Б.Юсифовым (один из активных фальсификаторов истории — Г.А.) и иже с ним, в том, что они оказывают весьма вредное влияние на неискушенную молодежь и на определенные круги нашей интеллигенции, что, по существу, ведет к оглуплению широкой читательской массы, которая, как это и

положено, думает, что все то, что исходит от ученых мужей, — это последнее слово науки и сущая правда. Конечно, это не так" [58].

Объекты фальсификации исторических реалий в Азербайджане и Дагестане за советский период всеобъемлющи — они касались всех сторон жизнедеятельности народов Восточного Кавказа. Националистические силы, прибрав к рукам власть и как следствие — научные центры в республиках, активно фальсифицируя прошлую и настоящую историю народов, направляли общественную мысль и деятельность официальных органов в необходимое для себя русло, извлекая для себя и своих народов материальные, духовные и иные выгоды и блага. Эти негативные процессы пошли настолько глубоко и охватили все стороны жизнедеятельности, что раскрутить и полно показать последствия этих вакханалий в небольшом разделе работы невозможно. Однако начать это разоблачение необходимо, поскольку, с одной стороны, без правды в широком смысле слова трудно жить; с другой стороны, не разоблачая фальсификаторов, мы позволяем националистам совершать все новые и новые преступления. Примеры этому Карабах, Южная Осетия, Абхазия и т.д.

Распад СССР привел к серьезным негативным явлениям, трагические последствия которого для многих народов, особенно малочисленных, непредсказуемы. Если раньше за все отвечал Центр, сегодня Центр не только не отвечает за судьбы народов, некогда доверившихся и подвластных ему, но и ведет себя как безучастный зритель в театре ужасов, сценой которого стал практически весь бывший СССР. Представители народа более сильного, многочисленного пытаются отхватить кусок земли побольше, подмять под себя малочисленные народы, судьбы которых, если ранее, до "перестроечных лет", были стабильно плачевными, то теперь стали трагичными. Этот произвол и вакханалии "обосновывают", выхватывая из прошлой и настоящей истории регионов и народов, из международных и региональных правовых актов то, что выгодно.

Сейчас на Восточном Кавказе, как домо-клов меч, над многими народами повисли тюркско-азербайджанский национализм и шовинизм. Азербайджан, претендуя на обширные территории соседей, и включая их в свои карты, словно являющиеся исконно азербайджанскими землями, нагнетает националистический психоз. Поэтому крайне необходимы исследования, которые показали бы народам Кавказа, СНГ и всего мира, насколько эти идеи не обоснованы и опасны для народов, оказавшихся в сфере их влияния.

Не менее опасны националистические процессы для малочисленных народов в Дагестане. Здесь, эксплуатируя тезис "дружбы народов Дагестана" и убаюкивая их, отдельные, более многочисленные народы проводят политику "тихой агрессии" в отношении малочисленных народов.

Для понимания тюркско-азербайджанского синдрома не обойтись без анализа вопроса этногенеза тюркско-азербайджанского народа. Рассмотрим в первую очередь точку зрения самих тюрко-азербайджанцев на этот вопрос, выявим, насколько она объективна и соответствует действительности.

Отметим, что слово "этногенез" греческого происхождения и состоит из двух компонентов: греческого слова "этнос" племя, народность плюс "генез" — происхождение, а в целом означает процесс сложения, образования той или иной этнической общности или народа.

При обсуждении этого вопроса в первую очередь рассмотрим положения, которые содержатся в основополагающей работе Академии наук Азербайджана — трехтомнике "История Азербайджана" [59] и недавно (1990) изданной работе А.Сумбатзаде "Азербайджанцы — этногенез и формирование народа" [45]. Эти работы "материально" и идейно близки или совпадают. Однако А.Сумбатзаде считает, что в первом томе "Истории

Азербайджана" недостаточно освещены вопросы этногенеза тюркско-азербайджанского народа и восполняет этот пробел в вышеназванной работе [60].

Рассмотрим сначала на основе азербайджанских "научных источников" этногенез тюркско-азербайджанского населения в Передней Азии и на Кавказе, хотя за ходом "научных доказательств" трудно проследить, потому что здесь полный разницей, поскольку нельзя сотворить что-то из ничего, а именно последним и заняты азербайджанские ученые.

Придется особо остановиться на вопросах языков и истории народов Восточного Кавказа и Передней Азии с древнейших времен до настоящего времени, поскольку эти процессы проливают свет на действительное положение дел.

В первом томе "Истории Азербайджана" [59] читаем: "Особенно благоприятные условия для формирования народности на территории Азербайджана сложились после крушения империй Ахеменидов и Александра Македонского, когда историческая область Мидии распалась на две части и возникло государство Атропатена. Хотя новое государство официально называлось Мидией, но оно получило народное наименование Мидия-Атропатена или Атропатена. В отличие от Манной, которая сильно тяготела к югу, Атропатена более тяготела к северным азербайджанским землям. Ее длительный путь самостоятельного развития был тесно связан с историей развития лежащей за Араксом Албании, близкой Атропатене и этнически, и культурно. Южная и восточная же части Мидии в этническом и культурном отношении окончательно слились с Ираном... В отличие от Мидийской державы VII — VI вв. до н.э., под властью которой находились многие немидийские племена и народности Востока, государство Атропатена включало в себя в основном территорию, занятую коренным населением страны, являющимся одним из прямых предков современных азербайджанцев... В процессе образования атропатенской народности складывается и ее язык, вероятно, тот, который впоследствии назывался азербайджанским. Он сильно отличался от персидского..." [59].

"Таким образом, — отмечается в работе, — еще задолго до начала нашей эры в Азербайджане сформировалось ядро будущей азербайджанской народности — атропатенская народность, имевшая исторически устойчивую территорию, свой язык, определенную общность культуры и слабые экономические связи. Налицо был также очень важный признак народности — ее собирательное имя "атропатены", под которым она была известна своим соседям" [59].

И далее: "Атропатена — наиболее древнее из известных науке названий Азербайджана, дошедшее до нас из греческих источников. Впоследствии оно видоизменялось, приняв у персов форму "Адербадаган", у армян — "Атер-патакан" и "Атрпатакан", у арабов — "Азербайджан" и "Азербайджан", означал "страну огня", что было связано с широкой распространением здесь огнепоклонства" [59].

По А.Сумбатзаде: "Известно, что в этническом отношении азербайджанцы восходят к древнейшим насельникам страны — маннам, атропатенам и албанам, однако в языковом отношении они, безусловно являются тюркоязычным народом, так же как туркмены, узбеки, киргизы, казахи и др." [60].

Далее он ставит вопрос: "С каких пор коренное атропатено-албанское население стало тюркоязычным?" И отвечает: "Раньше это обычно связывали с появлением сельджуков в Передней Азии (XI в.), считая, что они, оседая массами, в частности, в Азербайджане, оторочили языки аборигенного населения последнего" [60]. С таким ответом А.Сумбатзаде не согласен: "Для правильного освещения датировки начала проникновения первых тюркоязычных племен, — пишет А.Сумбатзаде, — на территорию Азербайджана следует прежде всего ясно и четко представить, где была прародина древних тюркских племен, когда они начали свои продвижения в различных направлениях... Сначала

отметим давно известную в в уке азбучную истину о том, что прародине? тюркоязычных народов являлась Центральная Азия... Именно здесь еще в XIII в. до н.э. образовалась держава гуннов... отсюда шло их продвижение в юго-западном направлении, т.е. в Среднюю Азию, в западном направлении — к Уралу, берегам Волги, к просторам северокаспийских степей и северокавказских равнин" [60]. Далее А.Сумбатзаде ставит совершенно правильный вопрос "По какому же из двух направлений гунны, а вслед за ними и другие тюркоязычные племена — савиры и хазары в период раннесредневековья могли проникнуть на территорию Азербайджана?" И далее отвечает: "Они могли проникнуть сюда либо через Иран, либо через Северное Прикаспие... по западному побережью Каспийского моря. Первый путь перед ними был закрыт вплоть до середины VII в. н.э., ибо в те века в Иране существовали довольно сильные политические образования — Парфянское царство и Сасанидское государство. Следовател оставался лишь один путь — это северный, по западному побережью Каспия" [60].

"Первым из этих кочевых народов, продвигающихся по Центральной Азии в Переднюю, а оттуда в Северное Прикаспие, — пишет А.Сумбатзаде, — были гунны... так называемые... северные "гунны" появились в Средней Азии в 93 г.", а "Отдельные группы их стали проникать в Северный Прикаспий и Нижнюю Волгу... в 155 г. н.э." Ссылаясь на работу американского ученого Голдена, А.Сумбатзаде отмечает, что "конкретные даты появления первых гуннских племен в Закавказье — 363, 370, 395 гг., что в целом соответствует принятому в советской исторической науке мнению о времени появления первых тюркоязычных племен в Азербайджане" [60].

Послушаем еще А.Сумбатзаде: "Бытовавшее ранее мнение, что государственность в Азербайджане берет свое начало от Мидии, а мидяне — это предки азербайджанцев, получило другое освещение. Стало отчетливо ясно, что еще до образования Мидийской державы на территории Южного Азербайджана существовало более раннее, притом довольно значительное государственное образование — Манна (IX — VII вв. до н.э.).

С приходом тюркоязычных племен в Азербайджане с севера в III — IV вв., естественно, началось распространение здесь тюркского языка, но широта его охвата определялась силой притока этих племен, который в разные периоды был различным. Тюркоязычие в Азербайджане долгое время оставалось языком лишь его носителей, т.е. пришлых племен, сосуществуя наряду с языками "азери", албанским, персидским и арабским. Только в XI — XIII вв. он становится преобладающим среди других народов. Тем не менее даже в эти столетия "юркоязычие в Азербайджане оставалось лишь народноразговорным языком, без письменности" [60].

Ю.Юсифов, о котором упоминалось выше, в работе "К изучению древних топонимов в изучении этнической карты Азербайджана" пишет: "В раннесредневековых иноязычных письменных источниках в течение последних десятилетий исследованиями обнаружены лексика, топонимы, этнонимы и имена собственные [61], которые можно толковать как древнеазербайджанские. Благодаря этим научным усилиям можно сказать, что в Азербайджане раннесредневекового периода, т.е. задолго до XI — XII вв., существовал азербайджаноязычный этнолингвистический фон. Все это дает возможность заключить, что древнеазербайджанский язык на общетюркской основе сложился в III — VII вв., и к VII — VIII вв. завершилось сложение азербайджанской народности" [61].

Но с этим не согласны сами азербайджанские ученые. Для убедительности приведем некоторые извлечения из недавно опубликованной статьи Иггара Алиева "Несколько слов по поводу так называемых протоазер-байджанцев и протоазербайджанском языке в древнем Азербайджане" [58]. "Идея о древности и даже автохтонности тюркского этноса на территории Азербайджана, как пишет И.Алиев, не нова. Не новы и методы "лингвистической алхимии", при помощи которых эта идея "доказывается". Однако в последние годы популярность подобного рода рассуждений, особенно среди значительной

части нашей интеллигенции, все более возрастает, что не может не насторожить. Весьма неприглядную роль в этом, по-моему глубокому убеждению, вредном деле играл и играет проф. Азербайджанского пединститута им. В.И.Ленина Ю.В.Юсифов. Продолжая по существу поход против настоящей науки, он в одной из своих последних работ требует "отречься от бездоказательных взглядов на проблемы" этнической истории азербайджанцев" и "привлечь внимание на новые направления"... Деятельность Ю.В. Юсифова в данном вопросе может быть охарактеризована как активное и наступательное невежество". Далее в работе дается обзор работ: "Гунны в Азербайджане" Ю.Джафарова, "История хазар" М.Артомонова, "Азербайджан в VII — IX вв." З.Буниятова, "О тюрках IV — VII вв. в зоне Кавказской Албании" Р.Гусейнова, "Язык гуннов, дунайских и волжских болгар" И.Бенцинга, "История азербайджанского языка" Т.И.Гаджиева, К.И.Велиева и других работ. Далее И.Алиев пишет: "Возвращаясь к вопросу о существовании задолго до XI — XII вв. азербайджанского этнолингвистического фона, я должен указать, что, за исключением тех опусов, которые далеки от науки, ни в одном из серьезных трудов, на которые ссылается Ю.В.Юсифов, ничего нет об этом фоне". И продолжает: "В связи с только что сказанным небезынтересно послушать самого Ю.В.Юсифова. Вот что он писал в одной из последних статей: "Правда, в раннесредневековых письменных источниках отсутствует понятие тюркоязычная (добавлю для ясности: азербайджанская — И.А.) народность. "Значит, отсутствует. Следовательно, ее, этой тюркоязычной азербайджанской народности в III — VII вв. не было. И уж совсем удивительна логика Ю.В.Юсифова, когда он, пытаясь как бы оправдать свою вздорную идею, пишет: "Зато (не беда, мол, что нет в источниках этой народности! — И.А.) с начала нашей эры в них (т.е. в наших источниках — И.А.) содержатся сведения о таких тюркоязычных племенах, как гунны, болгары, хазары, савиры, кангары, печенег и др." Ну и логика! Теперь все, так сказать, стало на свое место". Далее И.Алиев пишет "Из названных Ю.Юсифовым в Приложении работ можно сделать лишь один-единственный вывод: в эпоху раннего средневековья в Азербайджан (Кавказскую Албанию — Г.А.) приходили различные тюркоязычные племена, отдельные, весьма немногочисленные слова из языков которых попадали в раннесредневековые источники и сохранились в азербайджанском языке. Однако этот весьма скудный материал отнюдь не дает никаких оснований утверждать, что в Азербайджане задолго до XI — XII вв. существовал "азербайджаноязычный этнолингвистический фон" и что азербайджанский адык на общетюркской основе сложился в III — IV вв., а к VI — VII вв. завершилось сложение тюркоязычной азербайджанской народности. Основание этих положений, несмотря на оптимистические утверждения Ю.Юсифова, сделанные им неоднократно, начисто отсутствует как в упомянутых в Приложении работах, так и в самой последней статье". И.Алиев продолжает: "Все это от науки очень далеко. И в самом деле, методы, при помощи которых Ю.В. Юсифов пытается доказать аборигенность на территории Азербайджана "протоазербайджанцев" и тюркского "протоазербайджанского языка" ничем по существу не отличаются от тех, которые были в ходу у ученых так называемого донаучного периода. Методы его весьма просты и примитивны — это вседозволенность, "гадание на кофейной гуще". И впрямь, "аргументами" ему служат не научные закономерности, а гадательные поиски в различных тюркских языках сходно с древними на территории Азербайджана топонимами звучащих слов. Именно на основании звуковой и кажущейся семантической аналогии, внешней схожести между древними топонимами на территории Азербайджана, с одной стороны, и тюркскими словами, подобранными из словарей, — с другой, т.е. того, что в науке давно получило название сирены созвучия, делаются ответственные выводы этногенетического порядка..."

Все вышесказанное определенно свидетельствует о том, что всякие разговоры о "протоазербайджанцах" и "протоазербайджанском языке" в древнем Азербайджане не имеют никаких оснований, ибо несерьезны с точки зрения современной науки... При помощи тех методов, какими пользуется Ю.В.Юсифов, можно "доказать" все — найти в

Азербайджане и шумеров, и даже чукчей, и при помощи их языков "объяснить" имена не только маннейских, но и албанских и даже индийских царей" [58].

К сожалению, названные выше работы и их авторы не единичны в фальсификациях истории Восточного Кавказа и Передней Азии. Это явление в Азербайджане носило, вносит не только массовый, но и организовано — государственный характер. Одним из подтверждений последнего служит обзор аналогичных работ, сделанный академиком директором Института истории АН Азербайджана, тем же Иггаром Алиевым. Ниже привожу небольшую часть этого обзора, чтобы читатель получил информацию из первых рук.

"Наиболее резко бросающее в глаза явление, — пишет И.Алиев, — с которым приходится встречаться при просмотре литературы. — это невероятное упрощение и полное понимание многими нашими учеными блем этногенеза древних насельников нашего края. Идя на поводу у пантюрюкски настроенных ученых, ряд наших историков и филологов стал выдвигать на первые план тезис о глубокой древности и даже автохтонности тюркского элемента на территории Азербайджана. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно просмотреть некоторые брошюры и многочисленные статьи З.Ямпольского, А.Гусейнв. Н.Рзаева, М.Сеидова, Т.Мусеви, Д.Демирчиадзе, Ш.Джамшидова, Р.Гурбана и опубликованные преимущественно в газетах, научно — популярных журналах, а также в изданиях АН Азерб. ССР.

Положение у нас осложняется и тем, что в последние годы вопросы, о которых я говорил выше, стали объектом "исследований" и определенной группы не занимающихся своим делом ученых — халтурщиков, пш лей, различного рода дилетантов, околонаучных субъектов и т.д., которые прикидываясь патриотами и корча из себя патриархов в науке, развернули целенаправленную деятельность по пропаганде всевозможных вздорных и вредных идей, порочащих нашу науку. Позиции этой националистически настроенной кучки деятелей весьма крепки, а корни, пущенные ими, глубоки. "Идеи" их имеют довольно широкое хождение в республике.

В газетах ("Адабийят ве инджесенет", "Азербайджан муаллими" и др.), научно — популярных журналах ("Эльм ве хаят", "Улдуз"), литературно — художественных ("Азербайджан"), в наших вузовских и академических изданиях за последние годы появились немало статей, сборников и монографий, которые сбивают с толку читателя, внушают ему ненаучные, вредные идеи о господстве тюркского элемента на территории Азербайджана еще в глубокой древности. В трудах этих отсутствует научная основа, а авторы их, сами не понимая того, демонстрируют свое невежество. "Аргументы" их часто по преимуществу более, чем вековой давности. Многие из этих "аргументов" были подвергнуты уничтожающей критике и осмеянию еще в прошлом столетии. Итак, масштабы дилетантизма и весьма вредной халтуры, превратившись в сущий бич в нашей общественной жизни, становятся уже опасными. Против них необходимо бороться всеми силами.

Опасность этих антинаучных инсинуаций в том, что они оказывают чрезвычайно сильное влияние на неискушенную молодежь и на некоторые круги азербайджанской интеллигенции и не только гуманитарной. Когда речь идет о таких соблазнительных с точки зрения ложно понимаемого национального чувства сюжетах, как проблема тюрков в Азербайджане, многим из моих коллег изменяет здравый рассудок.

Отнюдь не собираюсь обвинить всех ученых, искавших тюрков на нашей земле в древности, однако не могу не указать на то, что утверждения о глубокой древности или даже автохтонности тюркского элемента в переднеазиатских областях, как известно, в конечном счете восходят по преимуществу к идеям тюркистов, пантюркистов и других турецких националистов. Особенно активны были в этом вопросе пантюркисты, доктрина

которых, представляя собою уродливое развитие турецкого национализма, была крайне реакционной, национал — шовинистической и агрессивной. Острые пантюркизма всегда было направлено против России, а позднее — Советского Союза. И печально, — далее пишет И.Алиев, — что эти "идеи" возрождаются у нас стараниями кучки антинаучных националистически настроенных элементов, таких как А.Мамедов, С.Алияров, М.Сеидов, Г.Гейбуллаев, Т.Гаджиев, А.Гусейни и др., которых считают "героями", и критика в адрес которых рассматривается как действие криминальное, антипатриотическое. Создается ситуация, когда наука охвачена, а настоящие служители ее обзываются фальсификаторами, агентами чужих стран, их платными слугами [62] и т.д.

Сами эти "идеи" уже не очень страшны (от них отказываются уже многие турецкие ученые). Страшно и стыдно за те методы и "аргументы", которыми пользуются у нас некоторые ученые. Ведь по этим работам будут судить об уровне азербайджанской науки в будущем.

Подавляющее большинство наших ученых в той или иной мере занимающихся этнолингвистическими проблемами края просто и не предполагает, что внешнее сходство, "похожесть" отдельно, вне системы, взятых слов при решении серьезных вопросов этнической истории, языкового родства не имеет никакой доказательной силы, ибо случайные совпадения слов, названий, формантов и т.д. в разных языках просто неизбежны, математически обязательны [63]. В силу законов теории вероятности в разных языках всегда можно обнаружить несколько десятков соответствий. Можно привести довольно большой список слов не только совершенно одинаково звучащих, но и означающих одно и то же в языках, ничего общего, однако, по своему происхождению, не имеющих. А поступающих так у нас немало. Вот почему так актуален призыв, прозвучавший на двенадцатом пленарном заседании Советского комитета тюркологов, призыв отказаться от неправомерной практики сопоставления разновременных форм на основе звуковой и кажущейся семантической аналогии [64].

Итак, — далее пишет И.Алиев, — в последние годы у нас в республике появилась довольно немалочисленная группа дилеттийрующих и профанирующих науку деятелей во имя собственной славы и в своекорыстных целях поставивших перед собою цель — при помощи всякого рода уловок доказать древность или даже автохтонность тюркоязычных элементов в областях Азербайджана. Писания этих деятелей — это, по существу, разнузданная проповедь всетюркизма. Тюрками у них оказываются насельники Атропатены, мидяне, албаны, скифы, массагеты, саки и многие другие племена и народности древности.

Возмутительна сама метода и характер преподнесения читателю различных вздорных высказываний, запугивающий тон авторов, часто поучающих специалистов, хорошо знающих свое дело. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на примеры.

Автор статьи "Название Азербайджан" и "азербайджанский язык", помещенной на страницах весьма читаемой и популярной газеты "Азербайджан муаллими" (14.VI.85), бездумно и в категорической форме утверждает, что название "Азербайджан" состоит "из четырех слов (аз, эр, бај, кан — ган)", каждое из которых является тюркским. Автору и невдомек, что в древнейшей дошедшей до нас форме названия "Азербайджан", которая закономерно восходит к Atarpatakan (a), нет никаких аз, эр, бај.

Столь же донаучна статья "Имена, упоминаемые в одной сагатской (? Судя по всему — скифской — И.Алиев) легенде" (газета "Адабиййат ве инджесенет", 20.XII.85), особенно — "Что мы знаем о саках?" (там же, 27.IX.85). Единственная цель автора последней статьи — доказать, что саки, массагеты и некоторые другие племена и народности были тюркоязычны (см. мою рецензию в Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, I, 1986).

В очень читаемом (тираж более 50 тыс. экз.) литературно — художественном журнале "Азербайджан" (№10, 1983) опубликована статья "И древние имена — история". Имена "анализируются", так сказать, как бог на душу положил. Единственная цель автора, который не без претензий, — доказать существование тюркского элемента на территории Азербайджана в глубокой древности.

Такой же кричащей безграмотностью и декларативностью утверждений отличается статья другого автора ("Книга жизни" Там же, №6, 1986).

Множество антинаучных и прямо — таки вредных статей печатается в ежемесячном научно — популярном журнале "Эльм ве хо-ят", выходящим более чем стотысячным тиражом. То же самое можно сказать о журнале "Улдуз", также имеющем огромный тираж.

Я не перестаю удивляться, — пишет И.Алиев, — безответственности некомпетентной редколлегии журнала "Эльм ве хаят", отдающей свои страницы на откуп делетантам и около научным субъект сбивающим с толку широкого читателя, внушающим ему всякий вздор.

В 1984 году издательством "Гянджлик" была выпущена в свет брошюра М.Сейдова "Судьба золотого воина". Брошюра эта, как и многие далекие от науки статьи автора о древних тюрках, написана очень тяжелым языком нарочито а la turque, чрезвычайно сумбурна по содержанию, часто аргументация логически ущербна, нередко ее заменяет твердое утверждение — "по наш мнению". Автор всеми силами старается доказать тюркское происхождение "золе воина" — сака, которого он величает "хаганом" или "текином".

В брошюре Алиса Ниджата "Нарассвете истории", изданной в 1982 году тем же "Гянджлик", имеется огромное количество различных несуразностей, ляпсусов, ошибок и т.д. Брошюра открывается модными нынче у нас шумерами. Автор утверждает, что шумеры создали первый алфавит. Но главаж "открытие" автора впереди: "Представьте что вы пять тысяч лет назад идете по улицам Ниш или Хлебопекарней в Уре, вы услышите из уст прохожих такие азербайджанские слова как арпа, саман, су, гарыш, ганун, ун, гуллаб, нага, мин (денежная единица) танры. Не забывайте, пять тысяч лет назад. Все это возмутительный обман!

В 1986 году издательством "Язычи" выпущен роман Исы Гусейнова "Идеал". Эта ячк га, претендующая на историчность, издана огромным для республики тиражом в 50 тысяч экземпляров. Содержание книги предсказать просто невозможно, но из того, что автор вещает "между сном и явью" (так называется первая глава книги), вытекает, что еще "до потопа", "за много времени до Ноя" в нашем крае изъяснялись на "одерском" (?) языке, на котором говорили и шумеры (!). Автор даже приводит придуманную им "шумерскую фразу" (!) и спрашивает: "Отличается ли этот язык от нынешнего нашего языка?" — Тут же следует ответ: — "Нет, мой дорогой!..."

Весь этот литературный вздор и галиматъя, — пишет далее И.Алиев, — преподносимые автором доверчивому читателю, стали возможны только потому, что по существу такие же идеи проповедаются у нас в науке и, что особенно страшно, — в учебных пособиях, по которым учатся целые поколения студентов.

Перед нами книга Т.Гаджиева "История азербайджанского литературного языка (Баку, 1976), рекомендованная Ученым Советом филологического факультета АГУ им. С.Кирова в качестве учебного пособия.

Автор совершенно уверен в том, что "среди племенных союзов на территории Мидии, Албании, Аррана всегда (разрядка моя — И.Алиев) наличествовали этносы тюркского происхождения" (стр.21) и тщится это доказать на более чем двадцати страницах своего

пособия. А доказывает он это методами совершенно негодными, очень далекими от современного языкознания. Автор утверждает, что тюркские этносы "всегда были на арене, участвовали в этногенетической эволюции Закавказья" (стр. 23). Ссылка на И.Сеченова в данном случае никак не может подтвердить это вздорное утверждение и бьет мимо цели. Кстати, не это ли утверждение Т.Гаджиева послужило основанием для заявления Исы Гусейнова о том, что в нашем крае еще "до потопа", "за много до Ноя" говорили на тюркском — "одерском" языке? Удивительно наивно желание автора подтвердить наличие тюркского этноса на значительной территории Передней и Средней Азии еще во времена Александра Македонского со ссылкой на... Низами (стр. 25).

Чистейшей клеветой на "древние источники", в которых каспии, идентифицируемые автором с хазарами (!), будто представлены в качестве тюрок (стр.26), является еще одно абсурдное утверждение.

Об абсолютной некомпетентности автора свидетельствует то, что он форму "ишкуз" (обозначение скифов в клинописи) уподобляет "ичогузу" — этнониму тюркоязычных огузов (стр.24). Таким образом скифы волею автора превращаются в тюркоязычные племена! О некомпетентности автора свидетельствуют также его рассуждения об этнониме "луллубей". Он и не подозревает, что в этом названии никакого тюркского "Bej" нет. Поиски Т.Гаджиева слов в шумерском и тюркских языках могут вызвать у специалистов разве только усмешку. Например, шумерское ab со значением "окно", "отдушина" (у автора — дверь) превращается в тюркское "ev" со значением (по автору) "дверь"; шумерское udun/udul со значение "очаг" в odun со значением "дрова" и т.д.

Мне не удалось, — далее пишет И.Алиев, — у И.Дьяконова, на которого ссылается Т.Гаджиев, найти "тингир"/"тингир" в качестве названия реки, которое наш автор сравнивает с тюркским "дэниз" в "тэнгиз", что, как мне думается, при всех условиях никак нельзя делать.

Слова ada — "отец", ата — "мать" являются распространенными международными "детскими" словами и незачем их сравнивать с тюркскими ата и апа.

Итак, шумерно — тюркологические "штудии" Т.Гаджиева на проверку оказались сущим блефом. Даже простое сходство звучания наблюдается не во всех сравниваемых словах.

Все рассуждения Т.Гаджиева о родстве шумерского и тюркского языков зиждется не на научных принципах, а на недоразумениях. Утверждение автора о том, что авестийский тар (атар) — слово одного корня с тюркским танры (тары) — является глубочайшим заблуждением. Вздорно утверждение о том, что тюркское имя Улубей связано с этнонимом луллубей. В книге множество таких несуразиц.

Совершенно то же самое мы видим в другом учебном пособии (для филологических факультетов) "История азербайджанского языка", изданном в 1983 году. Авторами этого пособия является тот же Т.Гаджиев и К.Велиев.

Древность тюрок — огузов на Кавказе, тюркское происхождение скифов и саков утверждается в статье М.Тахмасиба, помещенной в сборнике "Исследования по азербайджанскому устному народному творчеству" (Баку, Эльм, 1981).

Удревняются огузы в Азербайджане и в книге Ш.Джамшидова "Китаби деде Коркуд" (Баку, 1977). Автор, не знающий, что в природе не существует "шумеро-аккадского" языка, дискутирует о "шумеро-аккадско-азербайджанских" лексических связях (стр.72 — 73).

Институт языкознания АН Азерб. ССР издал в 1983 — 1984 гг. два выпуска "Вопросов азербайджанской филологии". Оба выпуска, за небольшими исключениями, пишет

И.Алиев, — это сущий позор для нашей Академии, для всей нашей науки. По этим работам будут судить об ее уровне в 80-е годы текущего столетия.

Одна из самых главных задач, которая поставлена составителями — это, опятьтаки, доказать древность тюркского элемента в областях Передней Азии. Рассуждения многих авторов, их лингвистические манипуляции ниже всякой критики. Методы, которыми пользуются они, очень далеки от принятых в науке. Особенно произвольностью отличаются статьи А.Мамедова, Т.Гаджиева, В.Гукасяна, И.Меликова, А.Гусейни, А.Рагимова, М.Сейдова, А.Тагирзаде и др. При помощи методов, коими они пользуются, можно "доказать" все — присутствие в древности в областях Передней Азии не только тюрков, но, пожалуй, и чукчей.

Полное незнание рядом авторов сборников "Вопросы азербайджанской филологии" фактического материала и огромной специальной литературы на русском и европейских языках, эксплуатация в качестве главного "аргумента" метода сопоставления одновременных форм на основе только звуковой и кажущейся семантической аналогии, отсутствие лингвистического анализа, а также, что самое главное, непонимание ими существа сложнейших процессов этнической истории, естественно, приводит к серьезным ошибкам.

Ниже всякой критики статьи, в которых ведутся поиски хатто — и хетто — тюркских параллелей, "доказывается" наличие тюрков в Мидии, "древнеазербайджанских слов" в Авесте и т.д. И в самом деле, чего, например, стоят утверждения некоего А.Гусейни [56] о том, что он нашел в Авесте, переведенной, как он утверждает, с азербайджанского на пехлеви азербайджанцем Азерпадом, древнеазербайджанские слова, которые будто из-за определенных трудностей не были переведены и остались, так сказать, в первоизданном виде. Столь же вздорно его утверждение о том, что "авестийский алфавит" — это тоже, что и "уйгурский алфавит".

Должны быть самым решительным образом отвергнуты, — пишет И.Алиев, — идентификации саспер — сабир, кангары — печенеги, тождество Баласакан — Баласагун — Баладжагун (для лингвиста должно быть ясно, что из "Баласакана" просто невозможно получить "Баладжагун"). Разговоры о печенегах в древнем Азербайджане, о бунтурках и т.п. не выдерживают критики. То же самое следует сказать о лингвистических манипуляциях вокруг панцканк и его придуманных вариантах и т.д.

Очень много произвольного, невероятного, путаного и ошибочного, типичных для М.Сейдова, содержит его статья "Заметки об этимологии топонима Карабах — Арцаг — Арцаг" [65]. Ни одному его утверждению верить нельзя, ибо они декларативны, ничем не подкреплены.

Здесь нет возможности, — пишет И.Алиев, — разбирать все статьи названных сборников и сказанного достаточно, чтобы иметь общее представление о двух выпусках "Вопросов азербайджанской филологии".

Завершая рассмотрение содержания этих сборников, с полной уверенностью можно сказать, что значительная часть статей про-зводит впечатление как несерьезно, дилетантски написанные, содержат различного рода крупные недостатки и ошибки конкретного, общеисторического и теоретического характера. Многие статьи, авторы которых не обладают идейнотеоретической, общеисторической, языковой и языковедческой подготовкой, ничего общего с наукой не имеют, уровень их чрезвычайно низок. Часть из них политически вредна. Все сказанное компрометирует нашу науку. И удивительно, что на эти два сборника появилась положительная рецензия (правда, написанная неспециалистом, вешавшим, конечно, с чудного голоса) в "Коммунисте Азербайджана" (N1, 1986) — теоретическом и политическом журнале ЦК КП Азербайджана.

Издательством "Эльм" в 1984 году выпущен в свет сборник "К проблеме этногенеза азербайджанского народа (ответственный за выпуск М.Исмаилов). Основная цель трех их пяти авторов сборника — при помощи насилия над фактами сделать нужные им выводы о тюркоязычии древнего и раннесредневекового населения Азербайджана.

Особо воинствующей выглядит статья С.Алиева [66], человека очень далекого от проблем древней истории, не понимающего специфики, многочисленных сложностей предмета и не знающего ни одна древнего языка, но в то же время полагающего себя вправе высказываться по кардинальным вопросам древней и раннесредневековой истории нашего народа.

Настораживает уже первый абзац стаи. Судя по С.Алиеву, "доминирующую роль в этнических процессах" на территории Азербайджана играл "тюркоязычный массив", к тому же "расширяющийся постоянно за счет новых инфильтраций". Итак, доминирующую роль играли не албаны и не атропатенцы, а турки, которые в III — IV веках "являлись одним из компактных массивов на этнической карте страны". Должен определенно сказать, что у автора нет никаких оснований считать тюркоязычный этнос силой, доминирующей в этнических процессах на территории Азербайджана в начальные века нашего летоисчисления. Единственное "основание" — непреодолимое внутреннее желание автора. Хочу обратить внимание и на то, что С.Алиев, отмечая прошлое происхождение ираноязычных элементов на территории Азербайджана (сказано о них всего на одной строчке, как вы между прочим: Обитали здесь и группы ираноязычных племен". Так "разделяется" автор с огромным ираноязычным массивом Южного Азербайджана), ни словом не обмолвился о том, что турки в области Азербайджана — элемент несомненно пришлый. Мало того, он всеми силами пытается внушить читателю "мысль о древности" тюркоязычного массива в областях Азербайджана.

По мнению С.Алиева, "компактный массив "тюрков в Азербайджане в начальные века нашей эры состоял преимущественно из протобулгар и кангаров, игравших важную роль в "политической истории Закавказья того времени" (стр.4)...

Мы ничего не знаем, — пишет И.Алиев, — о том, кто эти кавказские кангары, на каком языке они говорили. Уверенность в том, что эти кангары тюркоязычны, зиждется на отождествлении их с печенежскими кангарами. Но ведь хорошо известно, что печенеги выступают на исторической арене значительно позже: их история началась в VIII веке в низовьях Сыр-Дарьи и закончилась в X веке на Днестре и Дунае, причем, по сообщению Константина Порфирородного, три печенежских племени, носящих название "кангар", в его время (середина X в.) обитали на Днепре [67]. К Кавказу они никакого отношения не имели.

Бьют мимо цели и рассуждения С.Алиева о шумерско-тюркских параллелях. Он пишет: "Важно и следующее. В новейшей литературе (имеется в виду статья тюрколога, а не шумеролога А.Аманжолова — И.А) слово кенгер (кангар) упоминается также и в русле объяснения шумеро-тюркских параллелей: keger или keneг рассматривается как "собственно шумеровское название", в то время как Sumeru — искаженная аккадская передача того же названия (стр.5)..."

Все сказанное выше вполне определенно свидетельствует о том, что загадочные кангары (кангарайе) V — VI веков, о которых мы почти ничего не знаем, не могут быть привлечены в качестве компонента в этногенезе азербайджанского народа. В качестве "дополнительной" кангарам силы названы другие "ранние турки" — "бунтурки", этническая атрибуция которых, по мнению автора, не вызывает споров (стр. 5-6). Однако это глубочайшее заблуждение.

Заклучая все сказанное выше, — пишет И. Алиев, — необходимо отметить, что в статье С.Алиева не получился "этногенез "азербайджанского народа. В ней сквозит явное

желание удревнить тюрков на территории Азербайджана, и только. Автор прибегает ко всякого рода уловкам, чтобы доказать древность обитания тюрко-язычных племен в областях Азербайджана. Фальсифицируя хорошо известные факты и используя совершенно ненаучные методы, он пытается создать у доверчивого читателя иллюзию того, что Азербайджан издревле был страной тюркоязычной, что сюда еще в древности входили различные тюркоязычные племена и народы. Однако, как мы видим, все его "аргументы" шиты белыми нитками и придуманы во имя доказательства недоказуемого.

Профессиональный уровень статьи К. Алиева "Этюды о населении древнего Азербайджана" в том же сборнике настолько низок, она настолько сумбурна и алогична, что дать ее критическую оценку довольно трудно, ибо разбор потребовал бы написать столько же (если не больше) страниц, сколько занимает сама статья... Он ищет только (и только!) внешнее сходство. Характерным для "исследовательского метода" К.Алиева является то, что он часто ухватывается за случайное, непроверенное, не вникает в суть явления или факта, не анализирует их... Все сказанное — не случайность, а целая "система" порочных неполадок и т.п., имеющих давнюю историю. Главное, к чему стремится К.Алиев, — это доказать древность тюркского элемента в Азербайджане. С этой "идеей" он носится уже не один год. К.Алиев под недифференцированным понятием "кочевники", которых он ведет из Прикаспийских и Приаральских степей в Азербайджан уже в начале I тыс. до н.э., видит одних лишь тюрков (раз кочевник — значит тюрк!). Эта логика как две капли воды похожа на рассуждения ученых, так сказать, донаучного периода. Однако еще В.Миллер подверг уничтожающей критике подобного рода "аргументацию".

По мнению К.Алиева, этноним "албаны" не находит удовлетворительного объяснения на основе кавказских языков. Зато удовлетворительно этимологизируется из тюркского как "алп" (герой) плюс древний суффикс (тюркский) множественного числа "ан".

По мнению автора, после Плиния и Птолемея, упоминавших этноним "уди" (удины), в дальнейшем этноним "уди" упоминается с частичкой "гур" у раннесредневековых авторов. Отсюда появляются "утигуры", "кутригуры" и др. К этому же кругу тюркоязычных племен автор относит и гаргар, булгар, кангар, в которых он выделяет аффикс "ар" и считает на этом основании все эти этнонимы тюркскими. Между тем так называемая "частичка гур" в действительности является корнем, передающим этническое "о-гур". "Частичкой" здесь является как раз "ути". С другой стороны, названия с окончанием (корнем) "о-гур" является по существу протобулгарскими. Они говорили на языке, далеким потомком которого является чувашский. Удины же до сих пор говорят на своем родном языке кавказского типа. Что же касается гаргар, где по мнению автора, имеется аффикс "ар", то на самом деле это не аффикс, а удвоение корня. Именно это явление очень характерно для кавказских языков. Кроме того, как свидетельствуют источники, именно на гаргарском языке в Албании была создана письменность, отражающая богатство фонетики языка (52 звука), имеющего, конечно же, кавказское происхождение. Поэтому гаргары никакого отношения не имеют к булгарам, а тем более к кангарам.

Автор считает, что имя албанского царя Зобер — тюркского происхождения на том основании, что в источниках упоминается имя гуннского вождя Заберган. Это глубочайшее заблуждение, ибо Зобер и Заберган — имена иранского происхождения.

В статье Г.Гуйбулаева "К этногенезу азербайджанцев (по данным топонимии)" рассуждения автора доходят до крайнего произвола, — пишет И.Алиев. Он упоминает почти все племена и племенные группы, известные из источников по Кавказу, и впихивает их в Албанию. Бесконечные натяжки и заведомо неверное воспроизведение источников и литературы, сумбурная логика — вот далеко не весь перечень "методики" исследования этого автора. Нагромождение всевозможной информации (автор сообщает о каждом племени все, что знает), создающее у непосвященного читателя впечатление научной

статьи, информации, зачастую противоречивой и разной по качеству, переплетенной с малопонятными рассуждениями самого автора, затрудняет критический анализ. Между тем главные ошибки бросаются в глаза. Так, например, автор "пересмотрел мнение "о кавказоязычности" конкретного племени албан", объявив их тюркоязычными. Более того, он "последовательно доказывает" тюркоязычность еще целого ряда этнических групп, о которых имеются важные данные в источниках (гар-гары) или только упоминания (ижмыхи). В отношении последних автор придумал цепочку: ижмах — шамах — шемаха. Что все это означает, автор затрудняется объяснить, но что все это тюркские этнонимы — он не сомневается...

Недавно вышла в свет книга Г.Гейбулаева "Топонимы Азербайджана" (Баку, Эльм, 1986). В ней, так сказать, в концентрированном виде отразилось все отрицательные стороны автора как ученого, обсужденного выше. Более чем свободное обращение Г.Гейбулаева с источниками (которые он знает очень плохо) и литературой (с которым он знаком еще хуже) бросается в глаза чуть ли ни с первой страницы работы. Это обстоятельство заставляет следить за Г.Гейбулаевым в оба, ибо приходится проверять почти каждую строчку его книги...

В тюркоманском ключе сделана статья М.Сейдова "Об этимологии слова "Азербайджан", к стыду нашему, напечатанная в "Известиях АН Азерб. ССР, серия литература, язык, искусство (1986, №3, с 17-21). Статья это слово в слово повторяет статью автора, напечатанную в 1985 году в литературно-художественном и общественном — политическом ежемесячнике Союза писателей и ЦК ЛКСМ Азербайджана "Улдуз" (1985, №12).

Пользуясь формулой "по нашему мнению", автор утверждает, что начальной формой слова "Азербайджан" было "Азербга ган (чан)". Вот так и никак не иначе! Но ведь известно целая вереница названий — предшественница этого хоронима, причем каждая последующая форма этого названия закономерно вытекает из предшествующей. Взяв для "анализа" устраивающую его форму, автор по своему желанию делит "Азербгајчан" (ган)" на "составные" части: Аз+эр+бај+ган (чан). М.Сеидов пишет: "Первоначальный состав слова Азербайджан состоял из "Аз" — названия тюркоязычного племени, эр — киши (муж) //бай и бе (бек), аджан ган (хан, отец). Слово "Азербайджан" означает "хан бека — человека из племен "Аз". Не вздор ли это? — пишет И.Алиев.

Другой графоман, — пишет И.Алиев, — Т.Мамедов также не знающий ни одного ни древнего, ни современного (кроме русского) языка, собирается издать книгу "Колесо истории". В аннотации на нее сказано: "В книге сделана попытка найти регион обитания древних славян и тюрков (опят тюрков! — И.Алиев) в античные времена, истоки многовековой дружбы, взаимного культурного влияния этих народов. На основании "письменных источников и данных археологических поисков в районах Средней Азии и Закавказья, сравнительного анализа мифов и легенд автор утверждает, что славянская и турецкая речь звучала в Передней Азии и Восточной Европе уже во времена Гомера (?! — И.Алиев) и Геродота за тысячу лет до н.э.". Прямо так и сказано: во времена Гомера... и никак не иначе!

В заключении вышеприведенного анализа И.Алиев пишет: "Количество подобного рода работ увеличивается с каждым днем. Тезис о тюрках в древнем Азербайджане, тезис, до которого падки некоторые дилетанствующие представители нашей по преимуществу гуманитарной интеллигенции и даже отдельной группы историков и филологов, в общем довольно стар. Он принес нам немало вреда и с ним, этим болезненным наростом в нашей науке, необходимо решительно покончить. Мы должны самым решительным образом пресекать имевшие у нас широкое хождение всякого рода несерьезные дилетантские попытки возродить саму идею о древних тюрках в Азербайджане, как и методы донесенного периода и "аргументы", при помощи которых все это "доказывается". Всему

этому необходимо противопоставить квалифицированные научные исследования и научно-популярные издания, посвященные непредвзятому тщательному изучению истории племен и народов Восточного Закавказья и Западного Ирана, языковой ситуации в этом регионе в древности и в эпоху раннего средневековья".

Фальсификацией исторических реалий в Азербайджане обеспокоены не только крупные азербайджанские ученые, но и российские. Об этом говорит обращение в Академию наук и руководство Азербайджана, подписанное академиком М.Коростовцевым, докторами исторических наук В.Массоном и А.Новосельцевым, доктором филологических наук В.Лившиц и кандидатом исторических наук Э.Грантовским. В обращении под названием "О некоторых ошибках историков Азербайджана", в частности, говорится: "За послевоенный период учеными Азербайджана достигнуты определенные успехи в исследовании древней и средневековой истории. В работах А.Ализаде, И. Алиева, З.Буниятова и ряда других авторов, сотрудников АН Азербайджанской ССР и вузов республики на материалах письменных и археологических источников исследованы многие проблемы истории и истории культуры азербайджанского народа..."

Особое значение имеет концепция этногенеза азербайджанского народа, выработанная советскими историками и противостоящая вымыслам пантюркистов и пантуранистов, извращающих прошлое азербайджанцев. Согласно этой концепции, в сложении азербайджанского народа основную роль сыграли племена и народности, населявшие древние Атропатену и Кавказскую Албанию (исторические области, территории которых входят в состав Азербайджанской ССР), маннеи, кадусии, каспии, мидяне, албаны и др., говорившие на языках разных семей, в том числе на кавказских (например, албаны) и иранских (например, мидяне). На протяжении многих веков на территорию Азербайджана проникали различные племена и этнические группы (киммерийцы, скифы, гунны, хазары и др.), также сыгравшие известную роль в этногенезе азербайджанцев.

Эта концепция, опирающаяся на огромный фактический материал и акцентирующая наличие ряда общих черт в культурном наследии азербайджанцев и других народов Кавказа и Закавказья, вызывала и вызывает нападки некоторых зарубежных ученых, прежде всего турецких, которые проповедуют открыто или замаскированно — пантюркистские взгляды. Именно для националистической историографии Турции характерны попытки причислить к тюркам чуть ли не все племена и народности, обитавшие на территории Азербайджана в древности и в раннем средневековье.

Приходится, к сожалению, отметить, что в работах некоторых историков, опубликованных в Баку в последние годы, обнаружилась опасная тенденция к коренному пересмотру основных положений этногенеза азербайджанцев, тенденция смыкающаяся, по существу, с лженаучными и многократно критиковавшимися "теориями" пантюркистов.

В "Известиях" и в "Докладах" АН Азербайджанской ССР, в "Ученых записках" азербайджанского государственного университета, а также в бакинских газетах и научно — популярных журналах опубликовано значительное число статей, в которых утверждается, что тюрки составляли основу древнейшего населения Азербайджана и всей Передней Азии. В некоторых из этих работ проводится мысль о том, что к тюркам принадлежали скифы и сарматы, так что тюркским оказывается древнее население юга современных России и Украины. Для авторов таких работ характерен, как правило, отказ от общепринятых, самых элементарных норм и методов исторического и лингвистического исследований. Вместо этих методов на вооружение берутся "приемы" совершенно произвольного расчленения названий племен, народностей и местностей и сопоставления их со сходно звучащими словами (или слогами) самых различных языков, как древних, так и современных. Такие манипуляции, решительно отвергнутые и осужденные современной наукой и справедливо именуемой "лингвистической алхимией",

были на вооружении у пантюркистов Анкары и Стамбула лет 50 назад. К сожалению, именно они восприняты некоторыми бакинскими авторами.

Особую активность в искажении подлинной сложной картины этногенеза азербайджанского народа проявляет доктор исторических наук З.Ямпольский (старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР). Его работы особенно многочисленны. На протяжении многих лет (начиная с 1955 г.) З.Ямпольский пытается опровергнуть принятую в науке этимологию названий "Азербайджан" и "азербайджанцы" (они восходят в конечном счете к имени собственному Атропат) и доказать, что эти названия происходят от обозначения жрецов огня и что государство, возникшее в IV в. до н.э. на территории Азербайджана, было жреческим, теократическим. "Доказательства" Ямпольского сводятся к приемам, охарактеризованным выше: произвольное расчленение слов, составление лексики неродственных языков, наконец, грубое искажение фактов. О "методах" доказательств, которыми пользуется Ямпольский, можно судить хотя бы по такому примеру. В одной из статей он "утверждает" близкую связь латинского и азербайджанского языков на основе сближения аффикса -тр, выступающего в азербайджанских глаголах, со слогом -тер в слове Юпитер (см. [68]). К сожалению, полная невразумительность статьи нарушение элементарных норм историко-лингвистических исследований не послужили препятствием для ее публикации в научном журнале.

Тот же З.Ямпольский еще в 1965 г. обнаружил тезисы [69], в которых утверждал, что тюрки на территории современных Закавказья и Ирана проживали в XIV в. до н.э. а также позже, в период Урарту. На сейраз он утверждал, что по нормам ассирийского и урартского языков (которых, он, кстати, не знает) названия "турукки" и "турухи" встречающиеся в клинописных текстах, означали тюркские племена.

"Идеи", развиваемые З.Ямпольским, находят довольно широкую поддержку среди других азербайджанских авторов. Так, А.Гусейни пытается доказать, что в Азербайджане найдены тюркские рунические надписи (см. "Техника молодежи", 1972 г N5, стр. 50-53), причем возраст этих надписей якобы доходят до 7-10 тысячи лет. Оказывается, современная наука, утверждающая, что древнейшие виды письма возникли в Двуречье и Египте, отстала от жизни, поскольку "древние азербайджанские тюрки" умели писать еще в каменном веке! Что стоит только утверждение автора (со ссылкой на легенды) о том, что библейский Ной был астроном! Да и сами наскальные рисунки Кобустана, о которых идет речь в статье, по мнению А.Гусейни — не только образ древнеазербайджанской письменности (агтор утверждает, что он даже ее частично расшифровал), но и содержат карты созвездий! Любопытно, чем руководствовалась редакция "Техники Молодежи", издавая такс-рода сочинения?

Не жалеют сил для того, чтобы объявить тюрков в странах Передней Азии в период неолита, бронзы или, на худой конец, начале средневековья, и другие азербайджанские авторы. На этом попроще стяжа себе сомнительную славу Н.Рзаев, утверждающий, будто надписи Кавказской Албании (написанные по-видимому, на одном из кавказских языков, близком к современному удинскому) принадлежат тюркам [70]).

Сотрудник Института языкознания А.Азербайджанской ССР Р.Курбан, не довольствуясь подобного рода частными заклиниваниями, поступил еще проще, объявив, что тюрками были почти все известные нам древние племена, проживающие на территории современных Азербайджанской ССР и Западного Ирана — касситы, каспии, аланы, албаны и т.д. (см. [72]). А совсем недавно тот же Р.Курбан распространил тезисы, где утверждается, что тюрками были и скифы южно-русских степей; ученым, серьезно занимавшимся скифской проблемой, Р.Куран приклеивает ярлыки расистов; об "уровне" его тезисов свидетельствуют хотя бы такие перлы, как причисление к тюркской лексике греческих названий, о таких как Фанагория" и многих других.

Все это вызывает серьезные опасения, так как такого рода измышления не имеют ничего общего с наукой, а также потому, что они являются очевидным перепевом стародавних утверждений националистической уредкой историографии. Именно там легко обнаружить аналогии или истоки большинства "открытий" З.Ямпольского, Н.Рзаева, Р.Курбана. Турецкие историки в 20-30 гг. принимались за поиски турок в неолите (см.: П.Еремеев. Этногенез турок. М.1971, стр.31). В сочинении турецких авторов мы обнаруживаем и утверждения относительно тождества скифов и тюрок (см. [72]), они же зазывали положение о том, что Азербайджан был населен тюрками издревле (там же, стр.57)...

Все это заставляет со всей серьезностью отнестись к панотюркистским (иной термин трудно применить) взглядам некоторых историков Азербайджана. Серьезность положения усугубляется тем, что эта группа националистически настроенных лиц оказывает сильное влияние на неискушенную молодежь и на некоторые круги азербайджанской интеллигенции, не осведомленные в данной отрасли науки. Создается ситуация, когда критика по адресу З.Ямпольского, Р.Курбана и других рассматривается чуть ли не как антипатриотическая, а националистические мотивы начинают проникать даже в работы серьезных азербайджанских ченов.

Думается, что одна из причин сложившегося положения — недостаточная методологическая подготовка (в сочетании со столь же слабой профессиональной) ряда азербайджанских историков. Историческая наука Азербайджана молода, многие вопросы истории республики изучены плохо. А рядом — обширная и доступная турецкая историография (азербайджанский и турецкий языки настолько близки, что образованный азербайджанец без труда поймет турецкую книгу). Эта историография и полонила многих азербайджанских авторов различного профиля, особенно тогда, когда речь зашла о таких соблазнительных с точки зрения ложно понимаемого национального чувства сюжетах, как проблема появления тюрок в Азербайджане. Ничего подобного не случилось бы, если бы в республике больше внимания уделялось методологическому воспитанию ученых, если бы на страницах печати шире развертывалась критика в адрес зарубежной националистической историографии и прежде всего — для Азербайджана — турецкой!

За вышеизложенную позицию Играр Алиев в Азербайджане был объявлен "врагом азербайджанского народа". Ниже привожу отрывок из письма академика З.Буниятова в еженедельник "Элм" Академии Наук Азербайджана, вышедшего в свет 28 декабря 1990 года, в его защиту.

"Уважаемый редактор!

Предлагаю Вам статью, которую несколько месяцев тому назад я вручил редактору газеты "Азербайджан", где состою членом редколлегии. Несмотря на то, что прошло много времени, по неизвестным нам причинам указанная статья не была опубликована. Исходя из принципиальности и важности поднимаемых в этой статье вопросов, прошу Вас напечатать ее без изменений".

Статья написана в форме письма главному редактору газеты "Азербайджан".

"Я прочитал в Вашей газете от 17 августа 1990 года клеветническую статью "Фальшивая история — фальшивое слово", написанную неким Заманом, человеком неграмотным и безответственным. Это — третья попытка Вашей газеты запятнать имя выдающегося ученого историка И.Алиева... По мнению Замана, не имеющего ни малейшего представления об истории древнего мира, в том числе и об истории Азербайджана, утверждение И.Алиева об удилах как древнем населении Азербайджана, а также их численном превосходстве среди 26 албанских племен, якобы ошибочно. Это ложное от начала до конца мнение. Достоверно известно, и это не вызывает сомнений, что утии — отены — удины были самым крупным албанским племенем. Удины были настолько крупным племенем, что иногда даже албанцев отождествляли с ними. Один из античных

авторов сообщает, что отены на юге по реке Араке граничили с Антропатеной. По утверждению одного средневекового арабского автора, в его время население шекинской зоны составляли "уды", то есть удины. К сказанному добавим и то, что область Уты была самой обширной из всех областей Албании.

Конечно, Заману неизвестно обо всем этом. Если бы он маломальски разбирался в истории, безусловно, так бы не опростоволосился.

Заман, как невежда, утверждает, будто в древней Албании "местный народ, то есть турки, составляли большинство". Это наглая ложь, и она или применяется Заманом в целях давления на широкие читательские массы (подобное в последнее время превратилось в некую норму), или доказывает его дремучую безграмотность и безответственность.

Ни один серьезный ученый никогда не утверждал и не имел оснований утверждать, что среди 26 племен древней Албании были турки и что они составляли численное большинство...

В древнем Азербайджане, в том числе и в Албании, никаких тюрков не было. Поэтому обвинение И.Алиева "в отрицании местных тюркских (в Албании — З.Б.) племен" — необоснованное. Он же не мог этих тюрков высосать из пальца.

По мнению автора статьи, "античные ученые Геродот, Страбон, Плиний, Птоломей (как видно, Заман в именах трех античных авторов допустил ошибки, и это, безусловно, свидетельствует об уровне его образованности, а вернее, необразованности) и десятки других знали о местных (в Албании — З.Б.) тюркских племенах и писали о них". Конечно же, это явная ложь. Со всей ответственностью заявляю, что ни Геродот, ни Страбон, ни Плиний, ни Птоломей не знали в Албании "местных тюркских племен", и знать не могли, и ничего о них не писали...

Как и многие другие статьи, статья Зама-на преследует единственную цель — запятнать имя Играр Алиева.

Откажитесь от своих грязных намерений! Стыдно! [57].

К сожалению, А.Сумбатзаде, о работе которого речь шла выше, недалеко ушел от критикуемого академиком З.Бунятовым "некоего Замана". "Утверждение, будто упоминаемые в источниках, — пишет А.Сумбатзаде, — середины второго тысячелетия до н.э. турухи, турукки, а также турки Геродота (V в. до н.э.), возможно, являются вариантами турке, фигурирующих у Плиния и Помпея Мела в ареале Северного Кавказа [60].

Рассмотрим еще одно положение. По утверждению азербайджанских ученых турки проникли из северокавказских степей. Так ли?

Обратимся к реальности. Рассмотрим более конкретно возможность отюречивания народов западного Ирана и южной Албании-тюркскими племенами, вторгавшимся из северокавказских степей.

Набеги гунно-савиро-хазаров состоялись в 363, 370, 395, 451, 459, 513-516, 528-531, 540, 555, 588, 710, 730, 762, 798-799 годах. Причем, эти набеги, как видно из приведенных дат, были кратковременными и осуществлялись с целью грабежа. Сотворив свои грабительские дела, пришельцы возвращались на "свою родину" — в северокавказские степи.

Если ассимиляция албано-лезгинских и западно-иранских народов шла с севера, то в первую очередь должны были ассимилироваться албано-лезгинские народы на севере Кавказской Албании, поскольку они первыми встречали вторгавшихся с северокавказских

равнин тюрков. Однако и в настоящее время лезгины и другие дагестанские народы живут на своих исконных землях в Северном Азербайджане: в Хачмасском, Кусарском, Кубинском, Исмаилинском, Куткашенском, Варташенском, Гекчагском, Кахском, Закатальском, Белоканском и других районах. Со стороны Дагестана все прилегающие к Азербайджану районы древних времен населены лезгинами и лезгиноязычными народами — это нынешние Магарамкентский, Ахтынский, Рутульский, Курахский, Сулейман-Стальский, Дербетский, Агульский, Табасаранский районы. Таким образом, лезгинами и лезгиноязычными народами занимают территории от Каспийского моря до Грузии сплошным массивом шириной более 200 км. Здесь никогда другие народы, кроме лезгин и лезгиноязычных народов, не жили. Исключение составляют Закатальский и Белоканские районы Азербайджана, где значительный процент составляют дагестанские аварцы.

Утверждение невозможности проникновения тюркских племен с севера до Западного Ирана и создания там тюркского государства основано на том, что на пути тюрков с северокавказских степей с IV в. до н.э. до середины III в. н.э. стояла Кавказская Албания с нетюркским, кавказским населением, с III в. до VII в. — Персия. С VII в. до прихода татаро-монголов эта территория была занята арабами. Причем, при иранских завоевателях (III — VII вв.) на северных территориях Кавказской Албании образуются два государства лезгиноязычных народов — Ширван VI — XVI вв.), Лакз (VI — XII вв.), которые занимали территорию от Каспийского моря до Грузии. Поэтому кратковременные набеги тюркских племен на территорию Кавказской Албании и Западного Ирана никак не могли повлиять на этническое состояние регионов. Это особенно очевидно, если сравнить, что арабы, господствовавшие в этом регионе более 150 лет, принеся и навязав народам такой мощнейший инструмент ассимиляции — религию ислам, не сумели поколебать этническую среду региона. Об этом четко пишут ученые. "Предки интересующих нас горских племен (лезгинских), — отмечает И.Ихтилов, — не избегли смешения со скифами и позднее с северокавказским албано-сарматским пришлым населением. Подобная же картина происходит и в первые века нашей эры (IV — VI вв.). На территории прибрежного Дагестана хлынули северные кочевые племена: гунны, савиры и затем хазары. Хазары, как и гунны, более ста лет совершали неоднократные вторжения на юг... Некоторые из них становились постоянными обитателями Восточного Закавказья, обосновались они и среди древнейшего населения Кавказской Албании. Об этом упоминают и античные, и средневековые авторы, и хорошо осведомленные о народах Кавказа армянские ученые. Они не видят различия между пришлыми кочевниками и древнейшим населением Албании. Поэтому следует ли не соглашаться с тем, что и местные аборигены — албанские племена — перечисляются в ряду со скифами, сарматами, аланами, гуннами, хазарами и др. Нужно лишь решительно подчеркнуть, что все эти пришлые скифо-сарматские, а затем гуннские и хазарские элементы не сменили, даже не поколебали тип кавказских горцев. Следует выделить и то, что на юге интересующей нас территории жили горско-дагестанские племена, родственные по своему происхождению племенам Кавказской Албании. Обосновались они задолго до появления скифо-сарматских этнических элементов, до проникновения гуннов, савиров, хазар. Имеющиеся научные данные вполне убедительны. Им можно доверять и их можно противопоставить так называемой миграционной теории [73].

"Во второй четверти XI в., — пишет А. Сумбатзаде, — впервые в истории тюркоязычные племена начали проникать на территорию Азербайджана уже с юго-востока, т.е. из Средней Азии через Иран. Первыми среди них были тюрки — сельджуки. Название этого огузского племени, кочевавшего в X — начале XI в. в долине рек Сыр-Дарья, затем Заравшана, арабские историки выводят от имени их главаря огуза-туркмена Сельджука" [60].

В главе V (5.1.) подробно описаны завоевания сельджуков в Передней Азии и Закавказье. Фактически сельджукские племена за время вторжения в Иран и другие

государства Ближнего Востока в Албании захватили область, связанную с Гянджой, которая некоторое время находилась во власти сельджуков. Остальные области Кавказской Албании были свободны от сельджуков или подверглись лишь единичным набегам [59,60]. Так, например, в таких солидных изданиях, как "История Азербайджана" и "Азербайджанцы — этногенез и формирование народа", нет ничего, что касалось бы захвата сельджуками северных территорий Кавказской Албании, в частности Дербента. Анализ исторических событий этого периода показывает, что сельджуки в основном осели в северо-западной части Ирана, так называемой Атропатене.

В начале XIII века Кавказская Албания была захвачена татаро-монголами, и они господствовали здесь более 150 лет, из которых более 100 лет шла война золотоордынцев с ильханами, а затем с тимурядами. Они так же, как и арабы, не сумели повлиять на этнический состав этого региона. В связи с этим азербайджанский ученый Р.Касимова приходит к заключению, что "среди местного населения примесь монголоидных элементов отсутствует совсем либо весьма незначительна и не обнаруживает определенной локализации" [74]. Это обстоятельство указывает на то, — пишет А. Сумбатзаде, — что пришельцы антропологически растворились в массе численно их превосходящего местного населения" [60]. "Попытку фиксировать, — отмечает далее Р.Касимова, — как в составе северных азербайджанцев, так и в составе изученной нами группы иранских азербайджанцев элементы иных антропогенных типов, в частности, монголоидного, не дали какого-либо результата" [74].

В языковом отношении они также не оказали существенного влияния, поскольку почти во всех языках горских народов Восточного Кавказа этого наблюдать не удастся, хотя последние длительное время находились в сфере влияния татаро-монголов [74].

В начале XV века в Иран пришли племена кара-коюнлу и аккоюнлу, которым удалось захватить часть Ирана до Куры, часть Армении, Курдистана и Ирака. Ширвану удалось откупиться, его зависимость носила номинальный характер. После возвышения Аккоюнлу последнему подчинялись территории от Куры до Хорасана [59].

В XVI в. в западной части Ирана к власти пришли сефевиды. Вслед за этим начались войны между сефевидами и османами за сферу влияния. Если вести отсчет от первой Чалдыранской битвы 1514 г., то столкновения между сефевидами и османами продолжались длительное время. После указанной битвы столкновения происходили в 1514-1515, 1534-1555, 1578-1590, 1603-1607, 1610-1612, 1616-1639 гг. Эти военные действия, в основном, велись на территории западного Ирана, называемой теперь иранским Азербайджаном. Временами одна из сторон прорывалась на территорию Лезгистана, но оставалась на этой территории ненадолго. Поэтому указанные походы также не могли повлиять на этнический состав Лезгистана. А.Сумбатзаде отмечает: "И.Гаджиев, А.Ве-лиев приходят к совершенно правильному выводу о том, что в целом дифференциация в тюркских языках явно чувствуется в конце XVI в. Это подтверждает тот факт, что XVI век в истории этих народов является порогом нового культурно-духовного периода" [60].

К сожалению, автор опять выдает желаемое за действительное!

В конце XVI века в Закавказье тюрки, в силу своей разрозненности и мизерной численности, не определились как народ ни по одному из факторов, способствующих формированию этноса: ни компактной территорией проживания, ни общностью языка и культуры, ни по другим показателям. Более того, значительная часть (если не вся масса) "иранских тюрков", переселившихся из Иранского Азербайджана, в начале XVIII века были вновь вытеснены в Иран восставшими аборигенными народами, в основном, лезгинами.

Как было показано выше (гл. VI), в конце XVII века Закавказье находилось под опекой Ирана. Подвластные народы испытывали двойной гнет от иранских наместников и местных ханов и беков. Тяжелое положение народов Закавказья усугублялось растущими налогооблажениями и грабежами. Кроме того, в то время государственной религией кызылбашского сефевидского государства был шиизм, вследствие этого на подвластных территориях религиозные культурные центры безжалостно разрушались, а сунниты подвергались постоянным гонениям. Все это переполнило чашу терпения аборигенных народов и они подняли всеобщее восстание. Естественно, что одним из главных лозунгов восставших было освобождение мусульман-суннитов от господства мусульман-шиитов. Поэтому, после победы повстанцев и образования ханства на Восточном Кавказе во главе с Давуд-беком иранского элемента не осталось не только в ханстве Давуд-бека, но и во всем Закавказье: либо они были перебиты, либо вытеснены в Иран. О размахе национально-освободительного движения под руководством Давуд-бека говорят его походы на Ардебил и Тифлис.

В последующем походы Надир-шаха в Закавказье и Дагестан и его бесчинства еще более усилили противостояние народа Восточного Кавказа к персидскому режиму и к народам, перешедшим из Ирана. После поражений Надир-шаха, его позорного бегства, на территории Восточного Кавказа образовались относительно самостоятельные ханства. С приходом к руководству Кусским ханством Хусейн-Али начался последовательный процесс воссоединения лезгинских земель. В период правления Фет-Али-хана Лезгинского этот процесс усилился и последнему удалось воссоединить все албано-лезгинские земли.

Вновь образованные ханства Восточного Кавказа были "активны" и находились в постоянном противоборстве из-за сфер влияния. Грабежи в соседних ханствах являлись основной доходной статьей ханов и беков. Более того, с грабительскими целями последние совершали походы в Иран, Грузию и другие соседние страны. Поэтому Восточный Кавказ с середины XVII века до прихода сюда русских был весьма нестабильным регионом, с характерным оттоком населения в соседние страны.

С покорением Закавказья Россией (конец XVIII — начало XIX века) здесь под русским военным прессыом устанавливается относительное затишье (если не считать восстания горских народов) и в рамках единого государства постепенно складывались условия для социально-экономического и культурного раннего развития. На Восточный Кавказ стало возвращаться не только население, покинувшее его в годы разбоя ханов и беков, но в Закавказье стали осуществляться массовые переходы народов Ирана и Турции. Об этом процессе пишут сами азербайджанцы. Как было сказано выше, М. Исмаилов в монографии "Социально-политическая структура Азербайджана в эпоху империализма" (Баку, 1982), пишет: "Отходничество из Северо-Западного Ирана (Иранского Азербайджана) в Россию, принявшее в 80-х годах XIX в. массовый характер, в 1905 г. достигло не менее 300 тыс. человек в год. Большая часть указанных отходников оставалась в Бакинской и Елизаветпольской губерниях". Далее М. Исмаилов пишет, что численность населения г. Баку в 1843 г. составляла 6198 человек, а в 1904 г. — 177000 человек, т.е. за указанное время численность населения г. Баку увеличилась более, чем в 28 раз!

Указанным выше процессам способствовало несколько факторов:

1. Хотя власть России на начальном этапе завоевательных походов в отношении народов Восточного Кавказа была деспотической, она все же оказалась более демократической и стабильной, чем режимы Ирана и Турции. Кроме того, уже при Надир-шахе власть в Иране перешла к коренным персам. Последние не только вытеснили кызылбашей из государственных структур власти, но оттеснили их и с руководящих постов в военных структурах. Вслед за этим в Иране начались гонения на кызылбашей, после прихода их из

Средней Азии, осели в основном в Северо-Западной части Ирана, которая исторически называлась Атропатаканом-Азербайджаном. Спасаясь от персидских гонений, турки Ирана в массовом порядке стали переходить в соседнюю страну — Албанию-Лезгистан и оседать здесь. Аборигенные народы стали называть их "азербайджанцами", поскольку они пришли из области Ирана, которая называлась Азербайджаном, в то время как мы до сих пор пользуемся названиями ше-кинцы, карабахцы, рутульцы, андийцы, кюринцы и т.д.

2. В конце XIX века в Баку и окрестностях стали интенсивно осваивать нефтяные месторождения. Поскольку нефтеразработки велись, в основном, вручную, то необходима была дешевая рабочая сила, и она нашлась в лице переселенцев и беженцев из Иранского Азербайджана.
3. Как показано выше, при "танцующих в церквях большевиках", особенно до и после Октябрьского переворота пантюркисты получили огромную возможность для своей работы на Восточном Кавказе. В начале XX в. турки в Баку уже составляли хорошо организованную силу (муссаватисты). С помощью пантюркистов турки-азербайджанцы и собственно турки прибрали к рукам экономику и власть в Баку (Тагиев и др.).
4. Захватив власть в Баку, пантюркисты при Советской власти осуществили полный произвол в отношении аборигенных народов, о котором фрагментарно рассказано выше.

Таким образом, появление России на Кавказе способствовало заселению значительной части территории Восточного Закавказья тюрками-азербайджанцами из Ирана и турками из Турции. Для последних приход России в Закавказье обернулся благом, а для коренных народов — трагедией. Лезгины потеряли не только свою государственность, но превратились, фактически, в изгоев на собственной земле.

Сказанное выше доказывает и такие факты.

В 20-е годы XX века сотрудник министерства иностранных дел Азербайджанской демократической республики А.Щепотьев выступил с докладом "О спорных кавказских территориях, на которых имеют право самоопределиваться азербайджанские турки", поскольку меньше половины населения республики составляли турки-азербайджанцы. Даже после серьезных фальсификаций в переписи 1937 года турки составляли примерно 60% населения Азербайджанской республики.

О фальсификациях с переписью населения писалось еще в начале советской власти в Азербайджане. В частности, В.Хадарцев еще в 1923 году в статье "Современный Азербайджан" отмечал: "На возрастание тюркского населения в Азербайджане в процентном отношении за счет других национальностей указывает, между прочим, перепись 1917 г." [75].

Следует подчеркнуть, что даже в переписи 1937 года "азербайджанец" как национальность не числится.

Рассмотрим еще одно: что подразумевалось под названием Азербайджан в конце XIX века? В Энциклопедическом словаре (т. I, С.-Петербург, 1890 г.) читаем: "Азербайджан — огненная земля: на пехлевийском Ат-рупаткан, на армянском Адарбадекан.самая северо-западная и самая богатая торговая и промышленная область Персии, граничит на юге с персидским Курдистаном (провинция Ардилань) и Ирак-Аджди (Мидия), на западе — с турецким Курдистаном и турецкой Арменией, на севере — русской Арменией (южное Закавказье), от которой она сама отделена Араксом, на востоке русской областью Ташиль и персидской провинцией Ги-лан у Каспийского моря. Народонаселение Азербайджана — около 1000000, состоит к западу от озера из курдов, в остальных частях страны оно турецкого происхождения, господствующий язык тоже турецкий, персидский ограничивается городами".

Последнее перекликается с мнением известного специалиста по истории Кавказа академика В.В.Бартольда, который прочитал цикл лекций в 1924 году на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета на тему "Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира". На вопрос слушателя: "Под Азербайджаном часто подразумевают персидский Азербайджан, по ту сторону Аракса, с главным городом Тебризом. Имеем ли мы право называть себя Азербайджаном, были ли мы Азербайджаном, или это есть Шир-ван?" — последовал следующий ответ: "Шир-ван никогда не употреблялся в том смысле, чтобы он охватывал территорию теперешней Азербайджанской республики. Ширван — это небольшая часть с главным городом Шемахой, а такие города, как Гянджа и др., никогда в состав Ширвана не входили, и если нужно было бы придумать термин для всех областей, которые объединяет сейчас Азербайджанская республика, то скорее всего можно было бы принять название Арран, (Арран — одно из названий Кавказской Албании — Г.А.). Конечно, теперь, когда слово Азербайджан употребляется в двух смыслах — в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду: Азербайджан персидский или этот Азербайджан". [76].

В 1918 году территория нынешнего Азербайджана была захвачена турками при поддержке англичан. Азербайджан освобожден от турок советскими войсками, а в апреле 1920 года вошел в состав РСФСР в качестве республики. "Новое государственное образование, — говорится в постановлении ЦК КП Азербайджана от 8.V. 1990 г., — несмотря на краткий срок осуществления (1918-1920 гг.), является неотъемлемой частью истории азербайджанского народа" [60]. Таким образом, нынешняя Азербайджанская республика и так называемый народ — продукты советской власти.

Рассмотрим теперь, какие же территории Восточного Кавказа и Малой Азии тюркско-азербайджанские ученые считают своими Рассматривая период иранского шаха Сефк II (1666 — 1694 гг.), А.Сумбатзаде пишет "Хотя все это время Азербайджан оставался под властью Ирана, составляя его северо-западную окраину, однако в административном отношении он определял единое целое включая не только территорию всего Азербайджана от пределов верховья реки Кызыл-лузен до Главного Кавказского хребта, но и часть Восточной Армении. В пределы понятия Азербайджан все это время входили четыре беглярбегства: Тебриз, охватывающий, помимо всех территорий Азербайджана к югу от р.Аракса также Талыш и Муган; Ширван с центром в Шемахе с охватом всей территории к северу от р.Куры до Дербента включительно; Карабах с центром в Гяндже с охватом всей территории междуречья Ку-ры и Аракса до Акстафы и Ордубада. Вместе с тем в состав беглярбегства Азербайджана входила и Восточная Армения под названием беглярбегства Чухурсаад, большинстве населения которой к этому времени составляли азербайджанцы" [60].

И далее: "О главенстве беглярбегов Азербайджана над беглярбегами Карабаха и Чухурсаада говорят следующие конкретные факты. Так, судя по источникам, владельцем Акулиси Орджубадского района был "везир Азербайджанского вилайета" Мирза Ибрагим. Это видно из того, что в 1666 г. он сдавал на отступ налог с жителей Акулиси. Сидя в Тебризе, он в начале 70-х годов посылал своих чиновников в Акулиси для сбор: "куллухи" — налога на городское население в пользу государственных чиновников".

"Эти факты как раз показывают, — пишет А.Сумбатзаде, — что, если исключить западную часть "Чухурсаадского беглярбегства", то понятие "Азербайджан" в это время охватывало в полной мере Атропатену с Та-лышом и Каспианой, а также земли Кавказской Албании" [60].

"Поскольку Албанское государство просуществовало более тысячи лет (с IV в. до н.э. со VII в. нашей эры) и в него входили в разное время территории по долинам рек Куры и

Аракса до северных границ Дербента, то не эти территории также считаются собственностью республики Азербайджан" [60].

О том, что тюркоязычные племена в основном осели в западной части Ирана, пишет сам А.Сумбатзаде: "Следует отметить, то, определив Северо-Западный Иран (Азербайджан) в качестве Центральной области своих обширных государственных образований, некоторые представители династии ильханидов, кара-коюнлу и ак-коюнлу сделали немало для обустройства городов — толиц. Так, например, основатель династии ильханов Хулагу-хан, избрав в качестве столицы гор. Марату, уделил много внимания сооружению знаменитой Мара-гинской обсерватории под руководством Насир-ад-Дина Туей [60]. При сыне Хула-гу-хане Абаге-хана (1265 — 1282 гг.) столица государства ильханов переносится в Тебриз, который эту роль выполнял почти 40 лет. После смерти Газан-хана при новом ильхане Олджайту (1304 — 1316 гг.) столица государства хулагидов была перенесена в новый гор.Султанийе. Спустя четверть века (1337 г.) гор. Тебриз вновь стал столицей не только государства ильханов, но и всех последующих феодально-государственных образований в Азербайджане — чобанидов, джелаиридов, кара-коюнлу, ак-коюнлу, а в первой половине XVI в. и сефевидов" [60]. Затем сефе-виды перевели столицу в глубь Ирана.

Из изложенного вытекает, что все территории, как-то оказавшиеся под властью сефевидов, или территории, на которых какая-то часть населения заговорит в пределах Кавказа и Передней Азии на азербайджано-тюркском языке, или кто-то когда-то из кызылбашей собирал налог с какого-либо народа, считаются "собственностью Азербайджанской республики". Если подойти к территории с этих позиций, то вся территория бывшего СССР является территорией русского государства, поскольку на всей этой территории сейчас население говорит свободно по-русски, и эти территории были покорены Россией 200-350 лет назад, и в любом регионе бывшего СССР живет большое количество русских! Почему русских сегодня вынуждают уезжать (явно и неявно) из Баку и других регионов Азербайджана, навесив на них ярлыки завоевателей, оккупантов? Странная логика: там, где ступала нога тюрка, это азербайджанская земля, а там, где ступала русская нога, не русская земля. Так же обстоит дело у тюрко-азербайджанцев и в языковом отношении. Следуя их рассуждениям, получаем: если кто-нибудь заговорит на бывшей территории СССР на тюркском языке, то не только он и его сородичи, тюрко-азербайджанцы, но и земля, на которой они живут тюрко-азербайджанская! Странная логика!

Рассмотрим теперь некоторые аспекты фальсификации исторических реалий в так называемых общественных науках в Дагестане.

Фальсификация исторических реалий прошлого в общественных науках осуществлялась не только путем сокрытия одних фактов и выпячивания других, но их преднамеренной подтасовкой и искажением событий.

За весь период советской власти, особенно в последние годы, интенсивно используется тезис о том, будто народы Дагестана в прошлом жили дружно и не воевали между собой. По большому счету это так и было. Но скажите, когда же какой народ без подстрекательства со стороны или правящих кругов воевал с другим народом? Вряд ли история знает такие случаи. Всякий раз народ околпачивали те, кто извлекал из войны и военного психоза материальные и другие блага, часто соблазняя "экстремистскую часть народа" легкой наживой, расширением территорий. Дагестан не является исключением из этого правила. Ханы Восточного Кавказа в подавляющем большинстве случаев находились во враждебных отношениях и подстрекали подвластные им народы на военные действия с соседями в целях подчинения их себе и извлечения из этого материальной выгоды.

Неверен и тезис о том, что владетели Восточного Кавказа без внешней опеки со стороны могущественных соседних государств жили самостоятельно и дружно. Практически за всю историю, за исключением кратких периодов, Восточный Кавказ находился под властью могущественных государств, и местные правители были их ставленниками и служили им. С III в. до VII в. Восточный Кавказ находился под властью Персии, с VII по XII вв. господствовали арабы, в последующем (XIII — XIV вв.) здесь были татаро-монголы, а затем то Персия, то Турция. С начала XIX века Кавказ полностью был завоеван Россией.

Для доказательства того, что владетели Восточного Кавказа жили, как "голодные псы", привожу несколько фрагментов из научно-исторической литературы, хотя это вытекает из предыдущего изложения событий в этом регионе.

"С удалением и смертью шаха Надира, убитого в 1747 году, для Дагестана наступило самое тяжелое время. Владетели, подстрекаемые Турцией и Персией, непрерывно нападали друг на друга, грабили и разоряли все что могли; в этом помогали им и мелкие шайки, образовавшиеся в значительном числе. Театром их действий были преимущественно богатые Ширван и Куба. Магомед-хан Казикумухский еще раз, именно в 1760 году, успел овладеть Шемахой, но в 1762 году в свою очередь должен был уступить ее Агаси-хану" [77].

"В 1799 году Нух-бек, пользуясь болезнью Ших-Али-хана, успел занять Кубу, а сам Сурхай-хан с казикумухцами занял сел. Куллар на Самуре. Но через полтора месяца выздоровевший Ших-Али-хан, при помощи шамхала и акушинцев, разбив Сурхай-хана, овладел Кубой и разорил часть Куры, почти до Чираха. В это время брат его Гасан-Ага, бывший с ним во вражде и живший у уцмий, при помощи Сурхай-хана завладел Дербентом и провозгласил себя ханом, а Сурхай-хан, вновь собрав казикумухцев, пошел на Кубу, но не взял ее, потому что Ших-Али-хан успел уговорить его отказаться добровольно от этого предприятия. В 1803 году умер Гасан-Ага-хан Дербентский и Ших-Али-хан снова занял город" [77]. Таким образом, басни, которыми нас кормят, будто народы в прошлом жили в дружбе и не покушались на территории друг друга, неверны. Диктат сильного, коварного, алчного всегда присутствовал на восточнокавказской земле. Причем военная мощь определяла судьбу ханства. Только наличие боеспособной армии обеспечивало хану возможность отстаивать свою независимость в борьбе с многочисленными врагами. Малочисленность же войск приводила к потере независимости ханств, их захвату более сильными соседями [77].

Если коснуться истории Восточного Кавказа, как она показана в трудах дагестанских ученых, то и здесь мы находим ряд очень серьезных натяжек и фальсификаций. Отсюда этот шелф натяжек и фальсификаций переходит в школьный курс истории и в беллетристику, которые формируют общественное мнение.

Начнем с фундаментального труда — "История Дагестана" (четырёхтомник), подготовленного институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН бывшего СССР. В первом томе читаем: "Согласно данным античных авторов, Албания занимала значительную территорию между Каспийским морем, Алазанью и Курой. С севера Албания граничила с Сарматией и проходила по северным отрогам Восточного Кавказа примерно по линии р. Сулак, т.е. включала значительные районы Дагестана".

Таким образом, включив в Кавказскую Албанию "значительные районы Дагестана", далее пишут: "Наиболее значительными среди племен Албании были албань утии, проживающие по побережью Каспийского моря, а также гелы, леги, гаргарейцы дидуры, андаки, сильвы и др... Всего в Албании насчитывалось 26 племен. Эта этническая пестрота, а также упоминание таки; племен как леги, дидуры, андаки, рисует картину весьма близкую к этнографии современного Дагестана... Утии (уды, удины занимали,

видимо, в основном приморскую часть Восточного Кавказа. Севернее утеев, занимая частично побережье Каспийского моря и горную часть Дагестана, проживал-собственно албаны. Очевидно, под этим термином скрываются предки современных горных народов Дагестана...

Древние авторы разделяют албан на жителей гор и равнины. По культуре и бы албанские племена, заселяющие равнину, тяготеют к армянам и мидийцам. Напротив, албаны — жители гор близки по своим обычаям и особенно по вооружению к северным кочевникам". Таким образом, все лезгиноязычных народов, населяющих равнину, превратили в армян и мидян. Поскольку в разбираемой книге к "северным кочевникам" относятся в основном нынешние аварцы, то понятно, куда клонят авторы этой многотомной научной работы.

Чтобы читатель не мог сомневаться в сказанном, далее написано: "Только на базе дагестанских языков, а именно удинского, и стало возможным чтение албанских надписей, найденных при раскопках в Мингечау-ре. Дошедший до нас албанский алфавит по обилию согласных звуков также указывав на связь этого алфавита с языками дагестанской группы. Особенно характерно наличие в этом алфавите четырех букв для обозначения латеральных звуков. Такое количество латеральных имеется только в дагестанских языках, в частности, в аварском".

И далее: "Термин "Албания" происходит от слова "Алп" или "Алб", обозначающие горные районы", "горная сторона". Этноним Алб" до сих пор прочно сохраняется в горном Дагестане. Данными дагестанских языков этимологизируются и имена албанских царей: Вачаган, Ваче. Имя царя Ороиза встречается в старинном аварском предании об Иразхане".

К сожалению, таких опусов в этой "фундаментальной работе" находим очень много!

Из работ по истории Дагестана положительно выделяются исследования доктора исторических наук, профессора Р.М.Маго-медова. Им написано несколько монографий, посвященных вышеназванной теме. Р.Магомедов — квалифицированный специалист, крупный ученый, много сделавший для освещения прошлого нашего края. Но и ему, к сожалению, случалось "ошибаться". Чтобы не быть голословным, остановлюсь на некоторых моментах в освещении событий в его школьном курсе "Истории Дагестана [78]. В главе II ("Албания — первое государство Восточного Кавказа") в разделе, посвященном населению Албании, написано: "Античные авторы называют отдельные народности и племена Албании, часть которых, вероятнее всего, являлась предками нынешних народностей Дагестана. К ним, прежде всего, относятся гелы и леги, которые жили на северной границе Албании, по соседству с са-раматами (здесь и далее сохранено название племен и народов по Р.Магомедову) Дидуры могут быть отождествлены с нынешними ди-дойцами. Утии в те времена занимали обширную территорию долины Куры и Каспийского побережья, причем часть (ути-дорсы) обитали севернее нынешнего Дербента, соседствуя с сарматами. Ныне большинство ученых считает их потомками небольшую народность удин в Северном Азербайджане и Алазанской долине (по своему языку они ближе всего стоят к южно-дагестанским народностям)"...

Как видим, в приведенном абзаце нет ни слова о лезгинах, хотя они являются прямыми наследниками племен гелы и леги. Удины также относятся к лезгиноязычным народам, а не "стоят ближе к южно-дагестанским народностям"... Непонятно, почему уважаемому Р.Магомедову так трудно произносить и писать слово лезгин, лезгинский народ? Во многих местах последнее заменено словами "южно-дагестанский народ" или "дагестанский народ".

В разделе "Культурная общность Дагестана и Закавказья" читаем: "Культура Дагестана развивалась в тесной связи с Закавказьем. Более всего это заметно в предметах самого

распространенного из искусств-прикладного (художественное оформление бытовых предметов, в особенности массовых изделий). Выше отмечалось сходство форм дагестанской керамики последних веков до н.э. с керамикой Северного Азербайджана (центр Кавказской Албании). Еще более детально сходство и близость прослеживается в прикладном искусстве первых веков до н.э. К этому времени относятся найденные в Дагестане бронзовое блюдо с рельефными изображениями всадников, борьбы людей и животных, сцен веселья, растительных орнаментов. Эти изображения заметно отличаются от подобных на сасанидских блюдах и в то же время обнаруживают близкое сходство с глиняными фигурками и поделками Азербайджана" [69]. Далее в работе албано-лекская культура, описанной во II — III главах этой книги, относящаяся к региону нынешнего Северного Азербайджана и Южного Дагестана, т.е. к лезгинам, полностью переносится на весь нынешний Дагестан. При этом бронзовое блюдо (см. рис. 3.14 в параграфе три третьей главы этой работы и таблицу 27 в работе К.Тревер "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании") ал-бано-лекских мастеров в рассматриваемой работе Р.Магомедова приводится как работа кубачинских мастеров (рис. 10). Такие подходы к описанию исторических событий и материальной культуры того периода Восточного Кавказа, являются скорее не натяжкой одеяла на себя, а фальсификацией научных данных.

Описывая период III — VII вв. в разделе "Культура, создание письменности" Р. Магомедов пишет: "С укреплением христианства связано значительное культурное событие в жизни народа — распространение албанской письменности. Ее составили в начале V в. одновременно с армянским и грузинским алфавитами армянский просветитель Месроп Маштоц. Он прибыл в Албанию ко дворцу царя Аревагена и епископа Иеремии и, так как в стране было много языков, избрал в качестве общелитературного язык гаргарийского племени. В создании письменности Месропу помогал молодой местный переводчик Вениамин" [78].

Далее Р. Магомедов пишет: "Очень ин-тересна находка у с. Верхнее Лабко Левашинского района — небольшая каменная табличка, на которой вырезан весь албанский алфавит. Это указывает и на пользование албанской письменностью в Дагестане, и на существование здесь обучения грамоте (азбука — принадлежность школы). В той же местности найдены и обломки с надписями, сделанными албанским шрифтом. Таким образом, Дагестан в то время вовсе не был окраиной или языческой областью" [78].

Несмотря на то, что материал, касающийся находок в селе Лобко Левашинского района недавно опубликован в общественно-политическом и литературном журнале "Советский Дагестан", не было произведено научных исследований специалистами относительно достоверности этих материалов, нет никаких доказательств относительно использования албано-лекского алфавита в других регионах Дагестана, включая и нынешний Левашинский район, однако Р. Магомедов включает этот материал в школьный учебник, как состоявшийся исторический факт! Далее читаем: "Приморские земли, примыкающие к Кайтагу, до конца XVI в. не имели постоянного населения и горцы Кай-тага использовали их как кутаны, но не успели освоить. Воспользовавшись этим, уцмии вытеснили их оттуда. Желая закрепить земли за собой, уцмии организовали заселение их крестьянами, преимущественно зазываемыми из Ширвана. Это были тюрки-азербайджанцы и таты-мусульмане. О таком переселении свидетельствуют не только предания, но и сами названия некоторых сел (Падар, Татляр и т.п.) [78].

Относительно вышеизложенного интересно знать, почему уцмии "приглашали" крестьян из Ширвана, а не заселяли эти земли своими крестьянами. Почему крестьяне, приглашенные из Ширвана, оказались только тюрками-азербайджанцами и татами, когда в то время основное население Ширвана составляли лезгины? На основании каких фактов доказано, что приморские земли до XVI в. были кутанами кайтакцев? А почему кайтагцы, а не табасаранцы? Ведь последние ближе примыкают к этой приморской зоне! А куда

делись кумыки, жившие в это время на равнинной зоне? А разве турки, живущие севернее Дербента, не остатки войск Надир шаха, где он стоял лагерем более года в своих завоевательских походах в Дагестане? Не является ли поданный вышеуказанным способом профессором Магомедовым материал присвоением чужих территорий и натравливанием народов? К сожалению, таких вопросов, когда читаешь "История Дагестана" по Р.Магомедову, возникают очень много.

В параграфе 6.2. главы VI (Хаджи Давуд Мюшкюрский и восстановление Лезгинского государства) на основе свидетельств очевидцев и дипломатических сотрудников разных государств (Англия, Россия и др.) показано, что Давуд-бек в период освободительной войны с Персией не только не участвовал в грабежах и насилиях, но неоднократно корил Чолак Сурхай за такие дела. Что же пишут дагестанские историки? Освещая освободительную борьбу восточно-кавказских народов против иранских захватчиков в 30-40 годах XVIII века, проф. Магомедов не упускает случая, чтобы представить Давуд-бека (хотя в это время он был отстранен от власти турками) грабителем "Горцы страдали не только от грабежа, но и от террора и репрессий, с помощью которых турки стремились укрепиться на дагестанской земле. Заодно с турками грабил крестьян Хаджи Давуд. Не уступал в грабежах и разбое и Чолак Сурхай. После своего назначения правителем Ширвана он превратился в послушное орудие в руках султана. Его набеги в Азербайджане и Южном Дагестане сопровождались большими бедствиями для населения" [79].

Вот как описывается движение лезгин за освобождение от иранского ига в "Истории Азербайджана": "В 1711 году отряды Хаджи-Давуда внезапно напали на Шабран — богатый город на севере Азербайджана. Ворвавшись в Шабран, они разрушили основания этого красивого города "с семьюдесятью соборами и семьюдесятью кварталами. По словам летописца, отряды Хаджи-Давуда свирепо расправились с населением, убивали даже детей в колыбелях" [59].

И еще: "В июне 1721 года отряды Чолак Сурхай и Хаджи Давуда подошли к Шемахе, а 7 августа взяли ее и уничтожили всю иранскую администрацию. Во время погрома в городе было убито много русских купцов и разграблено товаров на сумму четыре миллиона рублей. В Шемахе Чолак Сурхай принял титул ширванского шаха" [79].

На самом деле, как мы уже говорили, Давуд-бек — это видный общественный деятель своего времени, при управлении им частью Лезгистана — Ширваном, жизнь народа в последнем протекала стабильно и спокойно. Давуд-бек заботился об охране своих владений, о соблюдении в них порядка. Такое представление об этом человеке совершенно противоречит характеристике, которую дает ему Р.Магомедов. Более того, Р.Магомедов вообще игнорирует ханство Давуд-бека, называя правителем Ширвана Зурхай-хана.

Интересен и следующий эпизод из истории прошлого. Когда Чолак Сурхай был назначен турками ханом Ширвана, Надир-шах потребовал от Чолак Сурхай ухода из Ширвана, последний ответил хану: "Я завоевал территорию Ширвана со своими лезгинскими львами на войне, и по какому праву вмешиваетесь в то, что принадлежит мне." Это заявление интересно по нескольким позициям. Как известно, Ширван был хвободен под руководством Давуд-бека, Чолак Сурхай помогал ему. Чолак Сурхай приписывает освобождение Ширвана только себе, обнажая свой чванливый внутренний чир. Это заявление интересно и в другом аспекте: оно показывает, кто освободил Ширван, кто был костяком сурхаевского войска — это были лезгинские львы! Но по Р.Магомедову "лезгинские львы" превращаются в дагестанских львов" (см. [69], стр. 117).

Из научно-популярных изданий остановимся на работе Абдуллы Магомедова "Дагестан и дагестанцы в мире" [80]. Написана она, конечно, под влиянием тех предложений, которые звучали на "Конгрессе соотечественников", проходившем в Махачкале в августе

1992 года. В частности, профессор А.Шихсаидов в своем выступлении сказал: Необходимо создать энциклопедию "Дагестанского зарубежья". Этот труд стал бы самой информативной, самой объединяющей книгой о наших замечательных соотечественниках, об их талантах, мастерстве, истории, культуре".

Нет никакого сомнения, что такая книга нужна. Но, к сожалению, книга А.Магомедова далека от реализации поставленной задачи, хотя в ней сделана такая заявка. Кроме бесконечных натяжек одеяла на себя (автор-аварец), в работе имеется ряд явных неточностей в описании исторических реалий и просто подтасовок фактов.

По А.Магомедову — Мухамед из Кудутля (1652 — 1717) — "основатель всей дагестанской науки". На 13 страницах, посвященных этому ученому, он не приводит названия ни одного труда указанного ученого, ни одного изречения из его работ. Далее А.Магомедов сам себя опровергает. В разделе, посвященном "биографическому словарю дагестанской эмиграции", приводится целая плеяда дагестанских ученых, которые жили значительно ранее М.Кудатлинского и у которых множество конкретных выдающихся трудов. Притом, в работе, там где речь идет о представителе аварцев, то они выделены (он из такого аула, он такой-то национальности), а остальных свел, в основном, к обезличенным дагестанцам.

Далее А.Магомедов пишет: "Книжное издательство "Гезде" (Турция) выпускает в упрощенном варианте труд Айтека Кундуха под названием "Мюридизм на Кавказе" (История газавата). Книгу подготовил к изданию известный исследователь и писатель Тарык Джемаль Кутлу... 48 лет назад сам Кундух говорил о своем намерении опубликовать в журнале "Северный Кавказ" серию статей, посвященных этому вопросу, однако, осуществить эти планы помешала вторая мировая война, труд "Мюридизм на Кавказе" так и не увидел свет...

С одной стороны, Тарык Джемаль Кутлу, — пишет А.Магомедов, — упростил сочинение Кундуха, но, с другой мы можем сказать, что своими заметками и пояснениями к тексту он внес вклад в развитие темы, обогатил книгу, потому что помог читателю не только лучше понять вопросы, непосредственно относящиеся к теме, но и упорядочил и разъяснил сведения, касающиеся географической и этнической структур Кавказа, образа жизни и мыслей его жителей, дагестанской экономики, данные о людях и событиях.

Тарык Джемаль Кутлу называет книгу "первым научным исследованием и первым опытом". Кроме того, он говорит о безжалостной фальсификации русскими исследователями истории кавказского мюридизма и газавата... Писатель связывает начало мюридизма на Кавказе, — пишет А.Магомедов, — с началом XVIII века и именем имама Мансура. За ним следует Гази Мухаммед, Хамзат и всемирно известный легендарный народный вождь имам Шамиль... Мы можем сказать, что Мансур — подножие мюридизма, а Шамиль его вершина"...

К сожалению, по этой книге мир будет судить о нас, о наших проблемах и надеждах, поскольку ее огромный тираж будет распространяться за рубежом.

Если заглянуть вглубь истории Дагестана, то найдем еще более невероятные факты искажения событий, освещенных в современных сочинениях. Этот вывод позволяют сделать "Дагестанские исторические сочинения", изданные недавно в Москве [81]. Они коренным образом меняют взгляды на многие события, происходившие на Восточном Кавказе с периода арабских завоеваний. Поскольку это издание недоступно многим читателям (тираж — 1000 экз.), перечислим хотя бы названия сочинений, вошедших в книгу: "Дербент-наме", "Ахты-наме" "История Абу Муслима", Тарих Дагестан Мухаммада-Рафи", "История Маза" (пространная редакция), "История переселения эмира Чупана Мазинского в Башлы", "История Маза" (краткая редакция), "История Гледока", "История Амиркаландара", сына султана Хайдара", "История Каракайтага", "История

Ирхана", "История Гирейхана", "История потомков Мухаммадхана Казикумухского", "О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей", "Тарихи Эндирей".

Некоторые из названных "Историй" давно введены в научный оборот и на их основе сделаны определенные выводы. Остановимся на некоторых из них.

Хочу сразу заметить, что названная книга была бы значительно ценнее, если в ней наряду с переводами сочинений были бы даны и их копии (с дополнениями и пропусками) на языке оригинала. Тогда мы имели бы возможность сравнить оригиналы с переводами, сверить их. Ведь иногда одно слово, переведенное неверно или поданное в ином смысле, коренным образом меняет освещение всего события.

К "Историям" даются обширные комментарии автора перевода или того, кто подготовил материал к изданию. Конечно, это необходимо. Но даже они в этих работах даны не без определенного идеологического влияния. Этот вывод делаю на том основании, что мне знакомы первичные материалы указанных "Историй" с корректурой, из которых это явно прослеживается. В частности, в комментариях к "Дербент-наме" под номером 247 привиделась ссылка и ее толкование. В последнем говорилось: "Как справедливо отмечает В.Ф. Минорский, области Ширвана (Шабарана и Маеката) первоначально принадлежали лезгинским княжествам, однако постепенно были завоеваны ширваншахами и стали яблоком раздора между ними и дербентскими эмирами, которым иногда удавалось подчинить своей власти эти территории (Минорский. История, с. 87, 89, 108; Сведения об Азербайджане, с. 152). В опубликованном варианте этот текст опущен...

Прежде чем перейти к анализу некоторых событий, изложенных в вышеперечисленных работах, хочу несколько слов сказать об "Истории Маза", "Тарих Дагестан" и "Истории переселения эмира Чупана Мазинского в Башлы". В процессе беседы с авторами указанной выше книги А. Шихсаидовым и Т. Айтберовым выяснилось, что последние стоят на противоположных позициях в отношении того, какая из "Историй" древнее: "История Маза" или "Тарих Дагестан". А. Шихсаидов считает, что "Тарих Дагестан" — более ранняя работа, чем "История Маза", а Т. Айтберов придерживается противоположной точки зрения. Спор этот имеет основание, поскольку в указанных работах некоторые места дословно повторяют друг друга.

Впервые в научный оборот "Тарих Дагестан" был введен в 1851 г. М. Казембеко (арабский текст, перевод на английский язык, обширные комментарии). "Тарих Дагестан" представляет собой свод по крайней мере четырех самостоятельных текстов: язычество в Аварии и источники доходов аварских правителей — нуцалов; исламизация восточнокавказских обществ, в частности, долины Самура, Кумуха, Кайтак. Аварии; шамхалы, их генеалогия и их налоговая политика; краткое сообщение ат-Табари о деятельности халифа Омара. Повествование охватывает период в несколько веков — от первых шагов исламизации горных районов Восточного Кавказа до XV — XVIII вв.

Наиболее яркую характеристику "Тарих Дагестан" дал В. Минорский. Он писал: "Это собрание местных легенд о некоторых потомках "дядей Пророка" которые будто бы эмигрировали в Дагестан из Сирии (Шам.) Автор... подчеркивает значение шамхалов Кади-Кумука... Наоборот, он всячески пытается подорвать положение нуцалов Аварии... Согласно Бакиханову... основной источник Мухаммад-Рафи был написан в 318 г.х./931; сам он писал в 712 г.х./1313. а выдержки из его работы были сделаны в 712 г.х./1621. Эти даты сомнительны... В целом работы муллы Мухаммада-Рафи, или ее последняя редакция, — тенденциозный политический памфлет, имеющий целью обосновать претензии шамхалов на преобладающее положение в Дагестане" [82].

"История Маза" и ее разные редакции вводятся в научный оборот только изданием указанной выше работы — "Дагестанские исторические сочинения". В "Истории маза" (обширной редакции) дается сведения об исламизации Ширвана и горных районов

Восточного Кавказа. О деятельности Эмира Маза и о его родственных связях с ширваншахом Фаридуном, об их деятельности на подвластных территориях. Далее в работе сказано: "У них был любимый обычай и одно из известных предписаний (раем.): ставить с их общего согласия, без споров и тяжб... султаном и эмиром старейшего из них по возрасту, чтобы он был для них помощником... Затем. По истечении ряда лет из-за козней сатаны, который и есть самый заклятый противник, между ними оказалось разбитым зеркало порядка... Жители селения чада были разделены на две группы. Одна группа последовала за эмиром Чуфаном и поклялись ему [в верности]. Другая группа подчинилась мухтару Али, она поклялась и оказала содействие ему. Между ними произошли вооруженные столкновения, вызванные эгоизмом... Однако после длительного промежутка времени, согласно поговорке "всякому овощу — свое время", перо судьбы начертило [приказ] о восстановлении мира и согласия между ними обоими в соответствии с тем, что прошло. В тысяча шестнадцатом году от хиджры Пророка (1607-8 гг.) в том известном селении [Мада] я видел юных мужей из числа их отпрысков. В их руках были тогда древние листки и постаревшие исторические записи прежних времен... Переписано из произведения патрона Рафи" [81].

Анализ событий, описанных в "Истории Маза" и Тарих Дагестана", дает основание сделать вывод о том, что "История Маза" написана значительно ранее, чем "Тарих Дагестан". Это утверждение основано на следующих фактах: 1) Обе "Истории" основаны на сочинении, написанном в 712 (1313г.) Мухаммадом-Рафи из Ширвана. Последний написал ее на основании древних записей, документов и летописи неизвестного автора 318 г.х. (931г.). Поскольку Мазин-ский эмир Чуфан имел родственные и иные связи с ширваншахами, то более чем вероятно, что автор "Истории Маза" имел больше шансов получить труд ширванского историка Мухаммада-Рафи, чем другие авторы.

Это подтверждается следующими словами автора "Истории маза": В 1016 г.х. (1607-8 гг.) в том известном селении Маза, я видел юных мужей из числа их отпрысков. В их руках были тогда древние листки и ветхие исторические записи прежних времен" [81]; 2) В "Истории Маза" события X — XV вв. описаны точнее, детальнее и шире, чем в "Тарих Дагестан". Например, в "Истории Маза" слово Азербайджан, как название местности, не использована. "У Омара, да будет им доволен Аллах, было войско в Шаме (Сирии), войско в Иране и войско в Азарид-жан" [81]. Это и естественно, поскольку в X в. северо-западная часть Ирана (ныне — Иранский Азербайджан) имела иное название — Атропатан. Название Азариджан, которое применяется в "Истории Маза" вполне соответствует той действительности, так как в то время указанную выше территорию населял ираноязычный народ под названием азари (азери), отсюда и "Азариджан". А в "Тарих Дагестан" использовано название Азербайджан, которое пришло к нам значительно позже XVIIв., не говоря уже о X в; 3) О точности событий, описанных в "Истории Маза", говорит такой факт. Эмир Маза выдал свою дочь за сына ширваншаха Фаридуна. Произошло это в XI-XII веках. Реальность этого факта доказывает независимый источник — "История Ширвана и Дербента" В. Минорского. В последней работе приводится перечень династии ширваншахов, среди которых — два представителя с именем Афридуна: один из них правил в Ширване около 1100 года, а другой — 1200г.; 4) "История Маза" имеет другую, более позднюю редакцию — "История переселения эмира Чупана Мазинского в Башлы", в которой повторяются основные положения "История Маза". "История переселения..." заканчивается словами: "Записавший эти слова — кадий Крепости Ку-райш... Свидетели этих действий и слов: хаджи Мухаммад — сын Ахмада аз-Зирих-карани, хаджи Ахмад — сын Али ал-Ирча-мули, Сулайман — сын Хаджи Усмана ал-Кайтаки, Мухаммад ал-Баршли и хаджи Ахмад — сын-Нурмухаммада из крепости Курайш" [81]. Хранится эта рукопись в мечети сел. Уркарах нынешнего Дахадаевского района Дагестана; 5) И, наконец, пишут, обычно, историю какой-то административно-структурной единицы, например, города, села, области, государства; нынешний Дагестан как административная

единица возникла в 1860 г. В X — XIV веках Дагестан не существовал не только как административная единица, но и как понятие. Поэтому в 1313 году Мухаммад-Рафи не мог использовать в своем сочинении понятие "Дагестан". "Тарих Дагестан" — либо фальсификация, либо порождение XVIII в., поскольку в это время появилось устойчивое название "Дагестан". Аналогично обстоит дело с названием Азербайджан. Это название, как показано выше, к территории бывшей Кавказской Албании — Лезгистану перенесли только в XX веке.

Таким образом, "Тарих Дагестан" является документом не ранее, чем XVIII в., а "История Маза" написана не позднее XVII века.

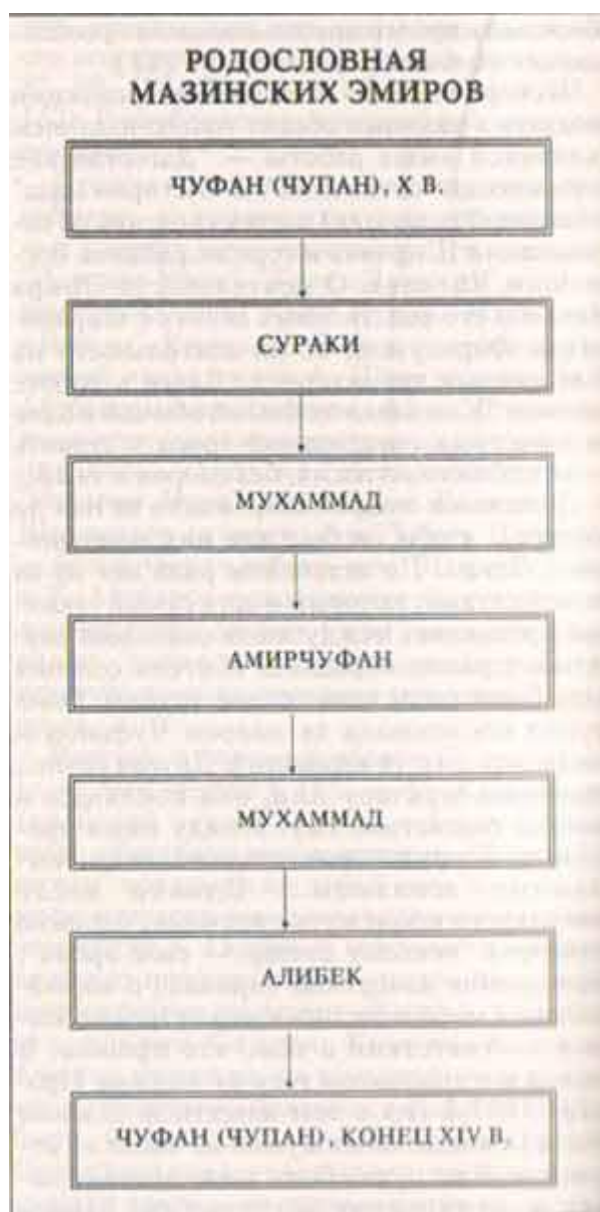
Теперь попытаемся восстановить последовательность тех событий, которые происходили на Восточном Кавказе в X — XVI вв. В IX — X вв. лезгиноязычный Ширван был одним из активных центров распространения ислама на Восточном Кавказе. В X веке эмир Чуфан (Чупан) из Ширвана со своими приверженцами направляется на север для исламизации этих территорий. Они захватывают Кайтак, но эмиром Кайтака не становится, поскольку направляется в Самурскую долину для распространения мусульманства. Этот вывод подтверждается независимым источником — "Материалами хронологии Кайтакских уцмиев (эмиров) [83]. В последнем отмечено, что в X — XI вв. правителями Кайтака были: Малик Салифан (916 г.) Малик Салифан (943 г.), Р.в.М. — эмир Хайдака (1064 г.), Пируз (Фируз) ал-Хайдаки (1068 г.). Таким образом, среди них нет эмира Чупана!

Т. Айтберов отчасти прав, когда он в вводной части "Истории переселения эмира Чупана Мазинского в Башлы", пишет, что в Кайтак переселился "правнук названного лица — эмир Чупан, сын эмира Мухаммада".

Эмир Чуфан, перешедший в Башлы, даже не правнук, а пра-пра-правнук, поскольку между началом XI в. и концом XIV в. дистанция огромная, здесь, чтобы ее заполнить, трех-четырёх поколений недостаточно.

Таким образом, на основе опубликованных материалов, можно восстановить родословную эмиров Мацар (Маза) с X века (см. ниже).

Согласно опубликованным "Историям" [81], Чуфан (Чупан) в 1380 г. еще находился в Мацар (Маза). Причиной переселения эмира Чуфана в Башлы послужило вооруженное столкновение между сторонниками Фаридуна и Чуфана, как это описано в "Истории Маза". Причем переселение в Башлы было организованным и целенаправленным поскольку в "Истории переселения Эмира Чупана Мазинского в Башлы", сказано: "После его приближения [к мысли], чтобы отправиться в Башлы, они собрались после того, поговорили и посовещались между собой из-за джизии, гор, сада (бустан), соляных колодцев и прочего" [81].

Мазинский эмир Чуфан становится уцмием Кайтака именно в конце XIV начале X века. Свидетельства этому факту содержатся в других независимых источниках. В первую очередь, доказательством вышесказанного служат "Материалы по хронологии Кайтакских уцмиев", опубликованные в книге "Источниковедение средневекового Дагестана [83]. Как показано выше, среди эмиров Кайтака X — XI веков Чуфан (Чулан) не числится. Следовательно, в указанное время Чуфан не становится эмиром (уцмием) Кайтака. Но в том же источнике сказано: "Примерно с 1385 г. упоминается бек-Киши-хан-уцмий, сын Султан Мухам-мад-хан-уцмия — АКАК, т. И, с. 1074-1075. В родословной Кайтакских правителей, список которой датирован Шабаном 1287 г.х. (октябрь или ноябрь 1870 г.), указывается, что Бек-Киши-хан (он же — Уллубуй) имел сына по имени Амир-Шамхал, который стал уцмием после смерти отца; а после Амир-Шамхала будто уцмием стал его сын Султан Ахмад-бек (История происхождения рода уцмиев и Кайтакских беков. — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 41 (на тюрк, языке), 1.61 (русск. пер.). Бек Киши-хан правил примерно с 1385 г., а Султан Ахмед стал уцмием примерно через 200 лет, после 1580 г., т.е. сын первого не мог быть отцом второго. Из-за неясности и неточности сведений имя Амир-Шамхала мы не вносим в список уцмиев. По мнению Р. Магомедова, во второй половине XVI в. попеременно правили Амир-Шамхал и Хасан-Али (Магомедов Р.-М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XX вв.

Махачкала, 1957, с. 203) [83]. Таким образом, изложенный материал показывает, что с 1380 по 1580 в Кайтаке уцмий как-будто не зафиксированы. Этот провал возник из-за того, что дагестанские историки, особенно в силу идеологических соображений не хотели, чтобы у вершины хронологии родословной Кайтакских уцмиев (эмиров) и других "царственных" династий Дагестана, находились лезгинские тухумы. Я не думаю, что ранее дагестанские историки не знали "Историю Маза" и другие исторические сочинения, касающиеся лезгин. Ведь материалы некоторых из них использовал даже А. Бакиханов! [84]. Все они были преданы забвению.

Лезгинский род эмира Чуфана (Чубана) заложил начало родословной не только уцмиев Кайтака, но и ханов Кази-Кумуха и кумыкских шамхалов. В "Истории Маза" сказано: В числе эмиров, которых они убили у неверующих, эмир вилайата Кайтак султан Гаданфар Беглец. Сам он был убит, дочери его взяты в плен, а имущество их разграблено. В его вилайате на его престоле, с блеском и спокойствием, пышностью и величавостью уселся затем эмир Чубан, сын султана Алибека. Он — первый, кто уселся в вилайате Кайтак. В нем он построил многочисленные цветущие населенные равнинные (масхула) селения. Обителью своей власти он сделал город (балда), именуемый Крепость (кала) Курайш, расположенный на холме, в ущелье, над рекой, поблизости от большого города, именуемого Заракка-ран, известного в это время как Кубачи. Он обманом покорил город Куймук (сел. Кумух — ред.) и его вилайат после того, как заключил договор с куймукскими эмирами, ибо война-обман. В нем он поставил эмиром человека из потомства Аббаса, имя которому Шамхал, по имени его деда... С того времени у жителей Куймука возник обычай давать своим владыкам (малик) это имя в качестве титула. Эти куймукские султаны — потомки (наел.) того Шамхала, которого эмир Чубан поставил среди них [избрав его] из числа своих близких. Эмир Чубан выдал затем свою благородную дочь за эмира Табасарана, носившего титул масум, ибо у табасаранцев в обычаи титуловать своих владык масум, подобно тому как у жителей Куймука титуловать своего владыку шамхал, как то пошло после того, как его жители приняли ислам из его рук. Сам эмир Чубан также вступил в брак с его дочерью. Затем они оба пробыли в наилучшем положении, полностью верные соглашению, братской дружбе и брачной связи. А было то — упомя-тутое в строках после овладения его предками с применением силы селением Мада — одним из селений города (касаба) Кабала — да одарит Аллах его жителей дарами [81]. Из сказанного следует, что эмир Чубан правил Кайтаком, "поставил из числа своих близких" шамхалом Кумуха, имел родственные связи с Масумом Табасарана, с которым жил в "братской дружбе и брачной связи". Таким образом, шамхалы (ханы) Кази-Кумуха — это отпрыски из тухума эмира Чуфана из Мацар (Маза). Р. Магомедов в "Истории Дагестана" пишет: "В XVI веке феодальные образования Дагестана стали дробиться на мелкие княжества. Наглядным примером этому может служить шамхальство. Когда-то династия шамхалов властвовала почти над всем Дагестаном. К XV веку их власть свелась к территории Кумыкии и Кази-Кумуха. В 1574 году умер последний объединявший все эти земли шамхал Чуфан (Чупан). После него остались пятеро сыновей от первой жены и шестой сын Султан-Мута — от второй жены, кабардинки из рода Анзоровых. Так как этот род не имел княжеского звания, старшие братья лишили Султан-Мута наследства. Султан-Мута ушел в Кабарду, с помощью родственников матери собрал военный отряд и, опираясь на помощь селения Гольбах (вблизи Чирюрта), выступил против братьев, требуя своей доли отцовского наследства. Так Султан-Мута получил в полное владение часть земель шамхала на правом берегу Сулака. Из Гольбаха Султан-Мута вскоре перешел в аул Эндери. Здесь было удобней и по климату, и в военном отношении. Эндери являлся как бы сторожевым пунктом у границ Салатавии, Ауха и Кумыкии и, кроме того, вблизи него проходили торговые пути из Ирана в Крым и на север. С образованием Эндреевского княжества северная Кумыкия отделилась от шамхальства. Ее правитель Султан-Мута был храбрым, воинственным и предприимчивым человеком. О нем сохранилось несколько народных исторических песен.

В 1605 году при стычке в Тарках с отрядом Бориса Годунова он был убит. После смерти Султана-Муты Эндреевское княжество перешло к его сыновьям — Айдемиру и Казаналипу. Внуки и правнуки Султан-Мута еще раз разбили земли деда на мелкие уделы и поселились — один в Аксае, другие в Костеке и Казилюрте. Прежнее сильное владение оказалось раздробленным.

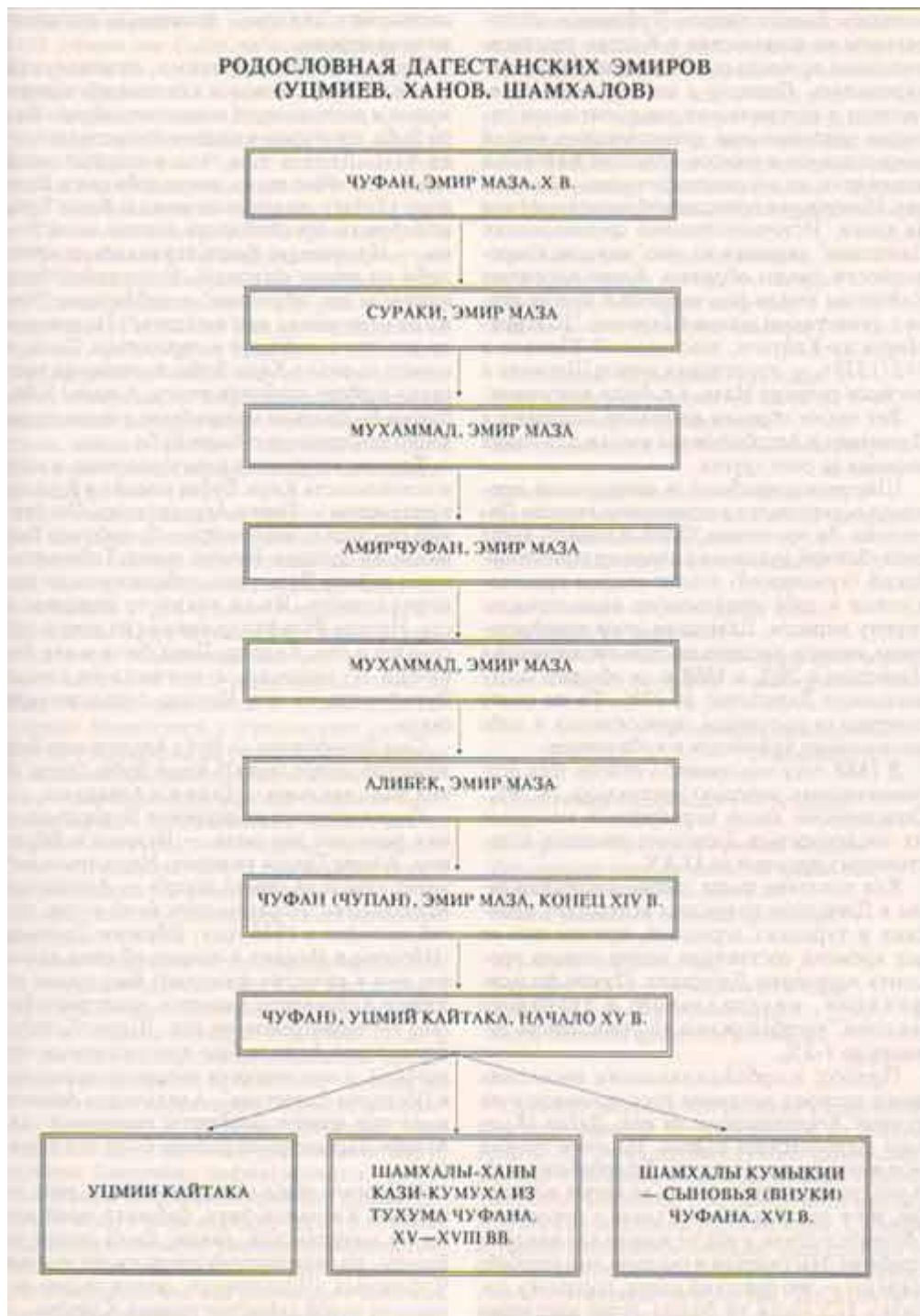
Такое же дробление произошло и в других частях шамхальства. Все сыновья Чупан-шамхала разделили прежде обширное княжество на отдельные владения. Так, в Тарках и Казикумухе сидел Сурхай-шам-хал, в Буйнакске — Эльдар-шамхал, в Казанище — Магомед-шамхал, в Кафыркумухе — Андий-шамхал, в Гелли — Герей-шам-хал. Они, хотя и выбирали общего главу шамхальства, но управляли своими уделами независимо друг от друга, соперничая друг с другом, действуя врозь и во внешнеполитических делах. Все это ослабляло оборону приморского Дагестана от нападения внешних врагов" [80].

В указанном выше Р. Магомедовым материале смущает одно обстоятельство. Чуфан (Чупан) стал эмиром (уцмиям) Кайтака в конце XIV — начале XV вв. По утверждению Р.Магомедова, Чуфан (Чупан) умер в 1574 году. Не слишком ли долго жил эмир Чуфан? Не являются ли названные выше сыновья Чупана внуками последнего?

В свете вышеизложенного рассмотрим, как выглядят родословная дагестанских эмиров (уцмиев, ханов, шамхалов) (см.. ниже).

Далее родословные (в усеченном виде указанных территорий) расписаны в книге "Кавказские горцы" [85], поэтому здесь их с не привожу.

Опубликованные новые исторические сочинения [81] свидетельствуют и о том, что Кайтакские уцмии из лезгинской династии Чуфана и шахи Ширвана имели родственные связи, временами жили друг у друга. Эти связи отразились в эпиграфических памятниках Дагестана. В "Материалах по хронологии Кайтакских уцмиев" [83] читаем: Б надписи из Шиназа упоминается Шахрух-Мирза ал-Кайтаги, завоевавший Шемахи Б 942/1535 г. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с.81). В записи Ма-лиджа, сына Рамазана из Рутула имеется дополнение о том, что в 942/1535-36 г. Шахрух Мирза ал-Кайтаки занял престол Ширвана (Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей — Уч. записки Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфилиала АН СССР. Сер. ис-тор. Махачкала, 1963, с. 180, 181). Вполн. возможно, что Амир-Шамхал и Шахр\ Мирза ал-Кайтаки оказывали друг другу взаимопомощь. Шахрух Мирза ал-Кайтакн по предположению Л.И. Лаврова, "возможно, до событий 1536 г.... проживал в Кайта-ге". Шахрух Мирза ал-Кайтаки — это ширваншах Шахрух, сын Фаррух-Иассара, правившего с 1535 (или 1536) по 1538 г.; (Dorn В. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Lander und Volker aus morgenlandischen Quellen. — I — Versucr einer Geschichte der Schirwan-Schach. s.597). Халиллах и Бурхан-Али-Султ. (или Бурхан-Мирза) также длительное время пребывали среди кайтакцев (Dorn В Beitrage, s. 600; Эфендиев Октай. Азербайджанское государство Сефевидов, Бак 1981, с. 89)" [83].

Выше была показано, что эмир Чуфан и его сыновья (по-видимому и последующи; поколения) из лезгинского селения Мая имели не только родственные связи с шахами Ширвана (сыновья ширваншаха и Эмир; Чуфана женились на их же дочерях по взаимообмену), но поддерживали тесные дружественные и иные связи. Естественно что с захватом Башлы эмиром Чуфаном и его переходом на жительство в Кайтак родственные связи не могли ослабнуть, наоборот, они укрепились. Поэтому в последующие десятилетия в исторических документах мы находим свидетельства династических связей ширваншахов и эмиров (уцмиев) Кайтака и отражение их на эпиграфических памятниках. Неверным в приведенной выше выдержке из книги "Источниковедение средневекового Дагестана" является то, что "материал" преподнесен таким образом, будто коренные Кайтакцы имели родственные и другие связи с династиями шахов Ширвана. "Шахрух-Мирза ал-Кайтаги, завоевавший Шемахи в 942/1535 г. — это отпрыск шахов Ширвана и эмиров селения Маза, т.е. были лезгинами.

Вот таким образом создавали и создают в Дагестане и Азербайджане имидж для одних народов за счет других.

Широкомасштабный и невиданный произвол осуществлен в отношении этносов Дагестана. За последние 50 лет, в период, когда республикой руководил аваро-даргинотюргинский (кумыкский) альянс аварцы присовокупили к себе иноязычную андоцезскую группу народов. Благодаря этим приобретениям, аварцы увеличили свою численность в Дагестане с 20% в 1888 г. (к общему числу населения Дагестана) до 27%. То же самое совершили даргинцы, присоединив к себе иноязычных кайтакцев и кубачинцев.

В 1888 году численность лезгин (без лезгиноязычных народов) составляла 18,38%. Описанными выше варварскими методами их численность в Дагестане доведена к настоящему времени до 11,8 %.

Как показано выше, тюрко-азербайджанцы в Дагестане появились вследствие иранских и турецких агрессий, причем они во все времена составляли менее одного процента населения Дагестана. Путем фальсификации, материального и духовного насилия "азербайджанский этнос теперь доведен до 4-5%.

Процесс азербайджанизации населения этого региона наглядно прослеживается на тухуме Агададашевых из сел. Лклар (Куллар) Дербентского района. Из этого тухума моя жена, по паспорту она "азербайджанка". Хочу сразу сказать, что ни во время женитьбы, ни в последующем в связи с последним обстоятельством у нас не возникало никаких проблем. Мы считали и считаем, что азербайджанцы — это братский народ, поскольку порядка 1/3 (если не более) этого населения составляют скрытые лезгины и лезгиноязычные народы.

Тухумом Агададашевых, генеалогией семьи я заинтересовался в связи с изучением жизни и деятельности известного абрека Ки-ри Буба, о котором в кратце говорится в главе VIII. Дело в том, что в первые годы женитьбы (60-е годы), когда я бывал в Кулларе (Лклар), то часто слышал о Кири Буба от бабушки (по отцовской линии) моей жены — Нуржагъан. Когда сердилась на кого-либо из своих сыновей, Нуржагъан-баде называла их "абреками" и добавляла: "Что же от него можно еще ожидать?" Но говорила все это с любовью и гордостью. Тогда я ничего не знал о Кири Буба, поэтому не придавал особого значения этому. А жаль! У бабушки Нуржагъан можно было узнать очень много интересного о Кири Бубе.

Теперь, когда меня заинтересовала жизнь и деятельность Кири Бубы, поехал в Куллар к дяде жены — Гаджи Агададашеву. Последний рассказал, что его дед — Зульфукар был родом из селения Ничрас ныне Табасаранского района Дагестана, табасаранец по национальности. Из-за каких-то передраг в сел. Ничрас Зульфукар выехал из села и поселился в сел. Куллар. Пока была жива бабушка Нуржагъан, с потомками семьи Зульфукара из сел. Ничрас поддерживали связь.

Сын Зульфукара — Буба Агададашев был женат на сестре (тете?) Кири Бубы Терек них было два сына — Гаджи и Агададаша Гаджи женился на лезгинке Нуржагъан, у них родились два сына — Исмаил и Ибрагим. Вскоре Гаджи умирает, Нуржагъан выходит замуж за своего деверя — Агададаша-Агададашева. Ибрагим-отец моей жены, погиб на войне в 1944 году. Ибрагим Гаджие; (Ибрагим и Исмаил в память об отце взяли его имя в качестве фамилии) был женат на дочери Аллахверди Акимова, известного богача — табасаранца из сел. Черере. Кстати. Аллахверди Акимов был прогрессивным человеком, о нем имеются интересные данные в "Истории Дагестана". Аллахверди Акимов имел три дома в Дербенте, нынешнее сел. Аглаби Дербентского района было его помещьем.

А. Акимов имел нескольких жен, одна из которых Кистаман-бике, бабушка моей жены по материнской линии, была родом из Башлы, из знаменитого лезгинского тухум. Чуфановых (Чупановых), положивших основание новой династии уцмиев Кайтака.

образом, у моей жены по отцовской линии все были табасаранцами, а по материнской — лезгинки и табасаранка (мать). Однако как и у моей жены, так и у всех Агададашевых и Гаджиевых в паспортах написано "азербайджанцы". Их немало, более 100 человек. Таких семей, выходцев из лезгин, табасаранцев, татов и т.д., ставших "азербайджанцами" тысячи и тысячи.

Известный этнограф Л. Лавров, который в 1959 г. побывал в Табасаранском районе, писал: "Табасаранский язык постепенно вытесняется азербайджанским, который в районе знают почти все... Так как азербайджанские селения Аркит, Арак, Ерси носят табасаранские названия, то можно думать, что раньше в них говорили по-табасарански. На протяжении всей истории речь тюркоязычных народов, войдя в контакт с местным языком, в силу ряда причин одержала верх над табасаранской речью" [86].

Причина перехода на тюркский язык целых сел и регионов Лезгистана, как показано выше, связана с тюркским насилием (в том числе, языковым), осуществленным властными структурами Азербайджана и Дагестана. Даже сегодня этот процесс продолжается. Население Лезгистана полностью охвачено телерадиопередачами из Баку на тюркском языке. В то же время население Ахтынского и Рутульского районов Южного Дагестана не смотрят телепередачи из Махачкалы, а население лезгинских районов Азербайджана вообще лишены телерадиопередач на лезгинском языке, как со стороны Баку, так и со стороны Махачкалы! Стоит ли повторять, что лезгинский язык в Азербайджане в школах практически не преподается, на лезгинском языке ничего не издается.

Возмутительная метаморфоза произошла с этнографическими картами Дагестана в двух изданиях: "История Дагестана" (М., 1957) и "Народы Кавказа" (М., 1960) [87,88]. За три года между этими изданиями происходит грандиозное "изменение" этноса на значительной территории Лезгистана в рамках Дагестана. В "Истории Дагестана" (четырёхтомник) на этнографической карте народов Дагестана зафиксировано, что от реки Самур до северной границы города Дербента живут таты, горские евреи и лезгины (последних "забыли" указать по первоисточникам), а в книге "Кавказские народы" на карте указано, что эта территория заселена "азербайджанцами"?!

К сожалению, фальсификации осуществлялись не только на ниве историографии...

Мы встретились с полным произволом в отношении текстов лезгинских поэтов. Переводили и переводят их с серьезными отклонениями от текста, при этом выставяя поэта и народ в целом в неприглядном свете. Так, например, в стихотворении "Проклятие Мурсал-хану" Сайд Кочхюрский писал:

*Аваивилиз къурай лянет, кур байкъуш,
Ви а мурдар су фат низ хъуй бес кье хуш?
Гъишер, беден ивид курут, келле буш
Вес мус жеда са гъагъ дуван къарагуьн?*

*Яхул бармак ч1улав ракъел тир хъана;
Ругун ч1угвар рат рушарин хур хъана.
Чи хуьр,уба вирана уф ч1ур хъана
Вес гъикъван хъуй и хар, т1урфан, къарагуьн [89].*

*Проклятие состоятельности, черная сова,
Руки и весь ты в крови людской, голова же пуста.
Кого не оттолкнет это рыло*

Когда быть правому суду, черный день?!

*Лакская папаха осветила черный путь,
Аулы разорены и разрушены;
Гумном для молотильных саней стали груди девушек.
Долго ль длються этому граду — урагану, черный день?!*

(Подстрочный перевод Ф.Вагабовой).

Обратимся к переводу Н.Гребнева:

*Будь проклят свет, где ты рожден на свет,
Будь проклят свет, где тьма, где правды нет.
Кровавый хан, источник наших бед,
Скажи, покуда нам терпеть, проклятый?*

*Ты разорил аулы наших гор,
Вверх в ад мужей, а женщин вверх в позор.
Терпеть нам это все до каких пор?
Когда, скажите, грянет час расплаты?
[89].*

Сравним перевод Н.Гребнева с подстрочным переводом Ф.Вагабовой. Это же небо и земля! К сожалению, это не единичный случай! Сравните переводы стихов С.Кочхюрского, Е.Эмина, С.Стальского и других лезгинских поэтов на русский язык. Сплошь и рядом искажения смысла, содержания и бездарные переводы. Е.Эмин — это А.Пушкин в лезгинской литературе. Но прочтите переведенные на русский язык стихотворения, после этого перед нами — посредственный поэт. В переводах утеряны не только лиричность его произведений, но и глубокое философское осмысление жизни, патриотичность.

В связи с сказанным огромная работа предстоит по защите творчества народного поэта С.Стальского, поскольку, опираясь на произведенные ранее фальсификации и недобросовестные переводы, пытаются свести на нет все его великолепное и великое наследие.

Передо мной диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, посвященная творчеству С.Стальского: "Сулейман Стальский в русско-дагестанском межлитературном взаимодействии" [90]. Автор — Агаева Шамси Ахедовна. Добротная работа, ее следовало бы издать отдельной книгой.

Ш.Агаева пишет: "Если на этапе господства принципа "партийной литературы" от национальной культуры в России отлучались Ф.Достоевский. В.Соловьев и многие другие, а в дагестанской — Абусупьян Акаев, Хпеж Курбан, далее Гасан Алкадари, как выразители "чуждой нам идеологии", то теперь, когда жизнь требует перехода к свободе мнений, равноправности идейно-теоритических концепций, мировоззренческих взглядов и методов познания, подлинно научное исследование литературных явлений 20-50-х годов, в том числе и творчество С.Стальского, опять-таки, начинает подмываться односторонне критическими, более того нигилистическими оценками [90]. Считая образ "Гомера XX века" "фантомом" и миражом", К.Султанов, — далее пишет Ш.Агаева, — выводит С.Стальского за границы художественной литературы, отказывает ему в "таланте". Ставя вопрос о том, насколько литературоведы готовы "к критическому, т.е. открытому мышлению, готовы ли следовать здравому смыслу как альтернативе бездумному взгляду через розовые очки?" К.Султанов заявляет: "Прорыв к реальности через фантомы и "миражи" — будь то "Гомер XX века" или популярные ссылки на "взлет", "подъем" расцвет, — неизбежен на историческом перевале... Ценностная глухота,

размытость критериев, культ имени вместо культа качества привели к девальвации критического слова. Создавалось подчас впечатление, которое, как ни странно, поощрялось, что в литературе что-то можно сделать вопреки, а не благодаря таланту" [91].

"Ценностная глухота и слепота" самого К.Султанова привели его к таким оценкам того умного, высоко художественного и бесподобного творчества С.Стальского, который был и останется "Гомером XX век. Нельзя же оценивать творчество великого поэта по фальсифицированным стихам и по тем опусам, которые ему посвящали такие же же верхогляды, как К.Султанов?!

"В процессе исследования выяснилось, — пишет Ш.Агаева, — наличие в переводческой практике определенной идеологической позиции, более того, "идеологического метода", в отборе для публикации и для перевода на русский язык и другие языки страны. В свою очередь переводчики — одни по убеждению, другие — по конъюнктурным соображениям, а третьи — из опасений политических преследований — наводили особый лоск и риторичку на стихотворения, посвященные "весне человечества" и ее героям. Переводчики сплошь и рядом добавляли к переводимым произведениям строфы и далее целые главы, не существующий подлиннике /"На смерть Ленина" — П.Шубин, поэма "Дагестан" — С.Липкин/. Многочисленные факты искажения идейного содержания и переименования авторского замысла. С.Липкин превратил сатирически острый памфлет "Лжекоммунист" в морализаторское стихотворение "Сорняки", а "Злодей" где создан колоритный образ двурушника — дидактическое произведение /"Назидание"/. Н.Ушаков в переводе памфлета "Поучение" исказил лирический образ, вместе с тем и авторскую позицию. Из произведения, создающего отрицательный образ доносчика, оно превращено в гимн о массовых разоблачениях.

В четвертом параграфе этой главы приведены оригиналы, подстрочники и переводы указанных произведений. Перед нами полное искажение не только содержания и смысла произведений, но и политической оценки событий тех суровых лет.

Касаясь фальсификации творчества С.Стальского, Ш.Агаева далее пишет: "В 1937 году П.Павленко составил сборник стихов С.Стальского. Это был год возвеличивания культа Сталина и в этих условиях составитель во вступительной статье акцентировал внимание исключительно на сталинской теме в творчестве поэта. Из стихотворного приветствия С.Стальского Первому съезду советских писателей автор статьи привел лишь ту строфу, где есть строка: "Товарищу Сталину — вождю и другу, к нему с приведем мы пришли!" П.Павленко отступил от (сторической правды, утверждая, что еще когда, когда Сталин приехал в Дагестан, для объявления ее автономии (1920 г.), С.Стальский "родил одну из своих славных песен и одну из лучших вообще песен о Сталине". В подтверждение своей оценки он привел еще фрагмент из песни [93]:

*Тринадцатое ноября — вот радости, день чудесный!
А" нам в этот день приехал тот, кто весь —
движение вперед.
Кто выпестовал наш народ, кто радости залог
чудесный
Чья смелость — смелость создает,
Чья честность — честных создает,
Чья мудрость — мудрых создает,
Чья светлых дел исток чудесный.*

Между тем, — пишет Ш. Агаева, — исследование событий личной и творческой биографии С.Стальского показывает, что в 1920 году поэт не откликнулся стихотворением на приезд Сталина в Дагестана, а приведенный з капиевском переводе фрагмент не имеет адекватного оригинала на лезгинском языке.

"Если образ Ленина, — отмечает Ш.Агаева, — впервые появился в творчестве С.Стальского в связи с поступившей в аул вестью о его смерти (21 января 1924 г.), то образ Сталина привлек внимание поэта только в 1936 году, т.е. за два года до собственной смерти, то ни тот, ни другой образ не мог "проходить через все стихи Стальского". Творческая деятельность С.Стальского началась задолго до октябрьского переворота. Не найдено соответствия действительности восприятие В.Луговским, — пишет Ш.Агаева, — стихов поэта так, что "всегда его стихи и песни были пронизаны светом, идущим... от Сталина" [71].

В 30-е годы, — пишет Ш.Агаева, — когда по разным причинам развернулись политические репрессии за "инакомыслие" и "свободомыслие", опаснее всего оказалась верность творческого человека своей индивидуальности и призванию, свобода самоопределения таланта. "Социальный заказ" обрел угрожающе настойчивый характер. Не случайно, что именно в 1936 году в "Рассказе о себе", опубликованном в центральной газете, С.Стальский вспоминал события начала XIX века в родном ему Кюре: жестокий Мурсалхан лишил глаз ашуга Сайда Кочхюрского за то, что он слагал хвалебные стихи о других, а не о нем, а "хан не любил, чтобы при нем о других говорили хвалебно" [94].

Далее Ш.Агаева пишет: "Имеется основание привести факт нового способа фальсификации творчества С.Стальского, возникшего в связи с современной критикой культа Сталина и литературы о нем. В 1989 году Ю.Борев издал книгу "Сталиниада", в предисловии к которой он утверждает, что в ней опубликованы притчи, легенды, апокрифы о Сталине [95], собранные им около полувека в различных социальных, профессиональных и национальных кругах. Предлагая их вниманию современного читателя, — пишет Ш.Агаева, — Ю. Борев поставил читателя в известность: они "принадлежат миру художественному, предлагает — выбор: хочешь не верь" [95]. Автор также поясняет: "В основе легенды лежит исторический факт, но степень соответствия правды и вымысла в разных преданиях различна" [95]. Одна из легенд — пишет Ш.Агаева, — называется "Гомер воспевае Сталина". Поскольку текст легенды, в основе которой якобы лежит "исторический факт, невелик по объему, его целесообразно воспроизвести полностью. "В Махачкалу в 1936 году, — пишет Ю.Борев, — приехала бригада поэтов (Петровский и др) переводить песни лезгинского поэта Сулеймана Стальского, которого восторженный и великодушный М.Горький на звал Гомером XX века. Вышел неграмотный старик, заиграл на струнном инструменте и запел песню о Сталине. Переводчики попросили рассказать, о чем идет речь. Им изложили содержание стихов текста.

О Сталин, — ты — падишах падишахов,

Ты — султан султанов.

Ты — царь царей.

Ты — выше белого царя...

Сначала переводчики остолбенели, а потом обвыклись и перевели:

О Сталин, ты солнце народов,

Ты вершина гор...

и т.д. [95].

"Легенда" Ю.Борева представляет собой, — пишет Ш.Агаева, — чистый вымысел, лишенный какой-либо правды. В 1936 году в Махачкалу не приезжали "бригадой" русские поэты для перевода песен С.Стальского, не существовало в природе и Петровского, который когда-либо имел отношение к С.Стальскому и переводу его стихов. Главное, как показывает изучение всех известных автографов С.Стальского, у него нет стихотворения о Сталине, основанного на метафорах "падишах падишахов", "султан султанов", "царь царей". И наконец, переводчики С.Стальского не "обвыклись" после "остолбенения" к

гиперболам поэта, а как выявлено в параграфе о переводах его произведений, сами нередко гиперболизировали его строфы и метафоры, доводя их до абсурда. Что касается Ю.Борева, — пишет Ш.Агаева, — то, приписывая С.Стальскому стихотворный гимн, исполненный метафор "падишах падишахов" "султан султанов" и т.д., он в условиях современного обостренного восприятия общественностью всех событий, связанных с Сталиным и созданием его культа, подтвердил мысль Е.Добренко о приписывании профессиональными литераторами народному творчеству мифов и легенд о Сталине. Общей в приписке их является утверждение об образе Сталине как "главном" в творчестве С.Стальского, самом ярком из созданных им художественных образов и о поэте — как исключительно политическом лирике" [90].

Восприятие Стальского как главным образом политического лирика не подверглось корректировке и в последующие годы, несмотря на то, что В.Тельпугов и А.Агаев в 1961 году в центральной прессе отмечали несостоятельность расценивать "во всем творчестве поэта наиболее содержательными и художественными как раз эти отдающие дань культу личности и зачастую "улучшенные" переводчиками произведения, которые по всякому поводу цитировались и рекламировались" [96].

Как показывает объективное исследование, — пишет Ш.Агаева, — наиболее зрелыми в идейно-художественном смысле являются произведения Стальского на морально-дидактические темы, философская и религиозная лирика, афористика, цикл любовных произведений, поэт также создавал и хранил в памяти множество сказок и легенд. Они больше всего и вошли в лезгинское народное художественное сознание и поныне заучиваются сородичами наизусть, используются ими в повседневном общении".

"Поскольку С.Стальский "возвращается в литературоведение, — пишет далее Ш.Агаева, — в новом качестве, поднегативно — отрицательным углом зрения, актуализируется задача его подлинно научного изучения. Однако возможность реализации этой задачи зависит от того, в какой степени, на основе каких принципов и идей будет осуществлен, во-первых сбор и сосредоточение всего его наследия. Вне официального литературного архива, хранящегося в рукописном фонде института языка и литературы Дагестанского Центра АН Российской Федерации, находится значительная часть еще неопубликованных произведений, в том числе осознанная поэтом в соавторстве с Мусаибом пьеса, сборник "Афоризмы", составленный И.Алкадарским, религиозные философские и детские стихи, содержащиеся в архивах А.Агаева, Г.Гашарова, Ф.Вагабовой, Г. Садыки и других литературоведов. Предстоит их паспортизация и классификация по темам, сюжетам и жанровым характеристикам, определение времени и обстоятельств их сочинения, затем и научно-исследовательская работа по составлению и изданию в оригинале "Сочинений" и наконец, качественная подготовка под-строчников всех произведений, их критическая экспертиза, как и экспертиза всего наследия, существовавшего на родном и тюркском языках. И лишь после осуществления новых, соответствующих тексту и духу оригиналов переводов всего литературного наследия поэта, можно и нужно возвратиться к новому научному исследованию его. И в этом случае предлагается соавторство русских и дагестанских, в первую очередь лезгинских литературоведов, ибо вряд ли можно ожидать появления среди русских литературоведов человека, который овладел бы языком оригиналов, а исследование поэзии по переводным текстам всегда будет сопровождаться неминуемыми творческими издержками" [90].

Жизнь и творчество С.Стальского, видим, неизучены полностью. Они таят в себе многочисленные строки стихов нравственного и гражданского характера, а иногда даже целые произведения С.Стальского стали пословицами и поговорками и составляют огромный пласт духовной жизни лезгинского народа.

С.Стальский — явление редкое. Он носи-в себе опыт устной и письменной литературы лезгин, а мерки подхода к его творчеству доступны лишь тем, кто тонко владеет ровным

языком поэта, глубоко знает быт и культуру его народа и имеет познания в области стихосложения, вернее познания в стихотворной форме "гошма", которой часто пользовался С.Стальский. Поэтическое мастерство этого старца, безграмотного, но мудрого "безупречно и самобытно". Это следовало бы знать новоявленным "миражам и фантомам", в том числе и К.Султанову.

Теперь мы удивляемся, почему наш народ находится в таком убогом духовном состоянии. Десятилетиями внушали ему, что он никто, что у него не было ни государственности, ни истории, ни культуры, ни письменности. Нам предстоит приложить огромные усилия во всех направлениях жизни, чтобы наш народ занял достойное место среди других народов Кавказа. Осуществить эту задачу должна в первую очередь интеллигенция, особенно связанная с гуманитарными науками. А часть ее полностью предала свой народ, живет "своей жизнью". Некоторые из них, в угоду инородным хозяевам, готовы грызть друг другу горло, лишь бы самому выжить, иметь кусок хлеба побольше. Сколько замечательных ученых, поэтов, политиков загублено нами же по причине навешивания на них ярлыков, создания преград на пути их карьеры! Некоторые из нас даже радуются, когда бьют его сородича, нашего лезгина! Когда же мы исключим из нашей среды этот позорный факт? С нами никто никогда не сумел бы ничего сделать, если бы мы сами себя не уничтожали. Не пора ли нам опомниться, лезгины, мы уже находимся на краю пропасти! Когда же мы защитим самих себя, когда же мы будем верны своим идеалам, защитим наш народ!?

9.6. ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛЕЗГИНСКОГО НАРОДА

"А начинать надо, повторяю, с полного демонтажа имперской структуры. Толькотак можно решить национальную проблему в малых империях, которыми по существу являются союзные республики"

Андрей Сахаров.

"Межэтнические конфликты в бывшей СССР и нынешней России перестали быть событием. Причину их ищут в ошибках политиков, чьем-то злом умысле, стечении обстоятельств. Однако корень зла — сама система национально-территориального деления. Та, которая была реализована когда-то наркомом по делам национальностей Сталиным. По его замыслу территории оказались приписаны определенным этническим хозяевам, и, разумеется, представители всех остальных этнических групп, по определению, должны были считать себя гостями на своей земле. В результате этническое противопоставление легло в фундамент советской государственности" [97]

Агрессивной стороной здесь выступают не малочисленные этносы, имеющие основания опасаться за само свое существование, а мощные нации, насчитывающие сотни тысяч и миллионы людей, которым в этническом плане абсолютно ничего не угрожает.

С распадом СССР положение малочисленных народов в новых государствах стало исключительно острым и еще более тяжелым. Если ранее господствующие этносы и их коррумпированные кланы в руководстве республик как-то оглядывались на Центр, на Москву, боясь, что их отстранят от кормила, то теперь в новых самостоятельных государствах осуществляется полный открытый произвол в отношении малочисленных народов. При этом ответственность за обострение межнациональных отношений возлагается на малочисленные народы и их представителей. Разве не по этому сценарию арестованы и брошены в тюрьмы патриоты лезгинского народа в Азербайджане? Их обвиняют в незаконном хранении оружия и в экстремизме. Ведь это надуманные предлоги, чтобы расправиться с активистами ЛНД "Садвал", и тем самым сбить накал

протестов лезгинского народа против националистической политики руководства Азербайджана. О том, что вся политика руководства Азербайджана построена на вероломстве и лжи, говорят и пишут сами турки-азербайджанцы. Давайте послушаем Теймура Яхьяева, политолога, выступившего в "Российской газете" (19.08.1993): "Ровно год назад бакинское подразделение ОМОНа высадилось с вертолетов в Ленкорани. Бойцы тут же двинулись в соседний район — Массалы. Тогда я работал там главой исполнительной власти. И цель ОМОНа была выполнить решение исполняющего обязанности президента, одного из лидеров НФА Исы Гамбарова — отстранить меня от занимаемой должности якобы в связи с переходом на другую работу.

Однако я не собирался на другую работу. Впрочем, мне ее тогда никто и не предлагал. Мне нравилось то, что я делал. Люди верили мне. Они-то и встали на пути отряда милиции, выразив тем самым свой протест против несправедливого указа. Собрались крестьяне, рабочие, учителя, молодежь. В Баку их тут же объявили "кучкой спекулянтов, наркоманов и уголовников"...

Из Баку пытались давить на местную милицию и прокуратуру, чтобы они утихомирили людей, заставили их отказаться от участия в митинге и забастовке. Из столицы для устрашения массалинцев приехал специально прокурор...

После проведения президентских выборов давление на район, наоборот, усилилось. Вспоминаю свои встречи с руководством республики.

Абульфаз Эльчибей: "Уж мы-то знаем эти митинги. Если бы мы не давали каждому по 200 рублей, то за нас на улицах никто бы не кричал".

Иса Гамбаров: "А правда, что ты дал Муталибову за свой пост четыре миллиона рублей?"

Позже узнал — это был прямой намек. Столько стоил мой пост по их расценкам. Абульфаз Эльчибей: "Помоги нам посадить в Массалы нашего человека и выбирай любой пост в Баку ("Их человеком" оказался продавец билетов "Спортпрогноз"). Что ты нашел там в этой грязи? "Это не грязь, — отвечаю ему, — это моя земля". Тут жил мой дед, родился мой отец". Он смотрит на меня удивленно и непонимающе. И это был президент, которому средства массовой информации республики пытались создать имидж идеалиста и романтика!

...В тот момент испытания я убедился, что в команду подобрались люди чести. После моего снятия все они в знак протеста подали в отставку. В том числе и начальник районного отделения милиции полковник Вагиф Керимов, который свой рапорт вышестоящему начальству начал словами: "В связи с приходом к власти в Массалы черных сил".

Люди поверили в справедливость... Сейчас как никогда нужна такая вера. В том числе неподкупность лидеров. Ведь дико: в мире исламских традиций, однозначно осуждающих мздоимство, повсеместная коррупция повлияла уже на национальный характер...Нет, лидеры НФА отважились на власть не только потому, что не осознавали ее очевидности. Кое-кто, это уже видно сейчас, понимал так брать власть — значит получать взятки, иметь привилегии, командовать... Земля и кровь, совесть и честь — все приносилось в жертву золотому тельцу: продажа оружия, купля-продажа населенных пунктов, отступление и наступление...

О каком патриотизме можно говорить в таких условиях? Двуличие "верхов" в Баку оборачивалось на фронте порой нравственным кошмаром. Были случаи, когда бойцу стреляли в спину, а затем продавали его тело родителям, якобы уже выкупленное у армянской стороны. Удивительно ли, что молодежь тысячами бежит за пределы республики, где часто оказывается без средств к существованию...На фоне всех этих

событий я все чаще думаю о Гайдаре Алиеве. О человеке, который, давно познав ответственность и бремя власти, вновь стал во главе азербайджанского государства. Вокруг его имени было много правды и много лжи. Но он остался верен народу Азербайджана. Ведь возвратился к власти в критический момент. Все так обострено, что каждая его ошибка — путь к проклятию и забвению, каждое верное решение — путь к статусу спасителя нации. И это заставляет верить, что Гайдар Алиев будет в этой сложной ситуации жертвовать не землей и кровью народа, а собой. Перед ним, по сути дела, стоит задача мессианского свойства. Ведь еще немного, и может распасться не только государство, но и сам этнос. Лезгины, талыши, курды, удины, не раз заявляли, что они готовы быть азербайджанцами, гордиться им, но не будут поддерживать безумные действия столичного руководства и терпеть их.

Так не закончивший формирование азербайджанский этнос может вновь распасться на народности и племена, уйти в небытие. Такой полураспад нации хорошо виден из Баку. Продажная, потерявшая совесть небольшая прослойка, склонная считать себя чуть ли не отцами нации, устроила пир вор время чумы... Но есть ли сейчас в Азербайджане команда, способная вывести республику из кризиса? С тревогой вглядываюсь в окружение Гайдара Алиева и Сурета Гусейнова. Оно, как и раньше, уже начинает восхваление этих лидеров. Лизоблюды опять льнут к сильным лидерам... Не дай Аллах, если сейчас будет упущено время формирования новой национальной элиты. Или клановые родственные принципы снова возьмут верх? Ведь тасование крапленых карт ничего не дает. Ибо кадровый корпус, не пополняемый новыми силами, известно, деградирует. И это, признаюсь, беспокоит больше, чем предстоящий референдум о доверии Эльчибею. Человек, бежавший со своего поста в состоянии пьяного забытья, полагаю, не наберет и трех процентов голосов. Хотя Эльчибей, по старой привычке, все еще пытается торговать нашей землей. Недавно выдвинул инициативу: если армяне вернут захваченные азербайджанские территории, он готов признать Нагорно-Карабахскую Республику. Сейчас он ждет покупателей этой идеи, готов прийти им на помощь. Покупатели, возможно, и найдутся. Но земля, щедро политая кровью, не продается."

Такова исповедь Теймура Яхьяева. В целом он правильно описывает политику коррумпированных эшелонов власти Азербайджана. А когда она была другая? Потопив в грязи бывшего президента Эльчибея, Теймур Яхьяев пытается возвышать, облагораживать Г. Алиева. О последнем также писали в прошлом много. А разве Г. Алиев не принадлежит к тем же кланам, которые также вели себя во времена Брежнева? Конечно, человек может измениться, могут меняться и политические взгляды и действия. Произошло ли это в Г. Алиеве?

Теймур Яхьяев кривит душой и в случае, когда говорит о том, что "лезгины, талыши, курды, удины не раз заявляли, что они готовы быть азербайджанцами в сильном Азербайджане, гордиться им, но не будут поддерживать безумные действия столичного руководства и терпеть их". Это явная передержка фактов. Доказательство — материалы в Приложениях этой книги. Да, лезгины могут остаться в азербайджанском государстве, если получили бы для своего самосохранения реальную автономию на своих исконных землях и если разделенность народа будет устранена...

Говоря о национальной политике руководства Азербайджана, один из лидеров Социал-демократической партии Рамазан Лаври в "Истиглал" пишет: "Быстро сменяющие друг друга политические силы, придя к власти в Баку, лишь на словах говорят о равенстве наций, на деле же все делают наоборот".

Изложенный выше материал пример того, что строительство новых государств на территории бывшего СССР осуществляется под руководством кланово-мафиозных групп наиболее многочисленных народов в бывших советских республиках под барабанный бой тех же фальшивых деклараций, как и в бывшем СССР, "о равноправии граждан и

народов". В то же время ни в законодательном порядке, ни в системе органов государственной власти и управления не предусмотрены, как и в большевистской СССР, гарантированные механизмы обеспечения и реализации прав и свобод граждан, в том числе равноправие народов и их право на самоопределение.

В демократических преобразованиях в бывших республиках СССР впереди идет Россия, но и здесь трудно преодолевается прошлое. Принятая новая Конституция России не лишена серьезных изъянов, хотя в ней сделаны значительные шаги к демократическому устройству России. Прежде всего обращает на себя внимание высокая ориентированность на международные стандарты в области прав человека. Предлагается широкий контроль суда, вообще судебной системы за деятельностью государственных органов в тех случаях, когда они могут нарушить или нарушают права граждан, их законные интересы. Вместе с тем в новой Конституции принижены функции республик в рамках России. В ней опять не решен национальный вопрос. Для реализации последнего необходимо, наравне с Думой и новой палатой — Советом Федерации, сохранить Палату Национальностей, но с другим избирательным механизмом и функциями. Она должна формироваться представителями всех коренных народов, проживающих в Российской Федерации с равным представительством. Так, например, если в Российской Федерации проживает 100 коренных народов, то Палата Национальностей должна состоять из 200 депутатов, при представительстве по два человека от каждого народа.

Естественно, Палата Национальностей должна иметь свои полномочия в решении национальных вопросов в России, как Дума и Совет Федерации, имеют свои...

Если рассмотреть правовые основы государственности Азербайджана, то здесь пока ничего не изменилось, а по национальному вопросу осуществляется полный произвол. Азербайджанское правительство узурпировало волю народов Азербайджана под прикрытием термина "азербайджанский народ" (сравните — "советский народ"), признает только за тюркским народом Азербайджана право на самоопределение и отделение от бывшего СССР: в то же время не признает за лезгинским народом не только право на самоопределение, но даже право на свое название, поскольку лезгинский народ не упоминается ни в одном законодательном акте. Это верно не только в отношении лезгинского народа, но и других нетюркских народов Азербайджана: аварцев, карабахских армян, талышей, курдов и т.д. Более того, вопреки всем нормам международного права в Азербайджане приняты ряд законодательных актов и других официальных материалов, в соответствии с которыми лезгинский народ лишается самой основы своего физического существования как этнической общности: права на землю и природные ресурсы, на компактную историческую территорию своего обитания. Так, в проекте Конституционного закона Азербайджана "Об основах экономической самостоятельности Азербайджана" говорится: В отличие от позиции Центра, изложенной в законе СССР "О собственности", мы считаем, что земля в любом районе Азербайджана, считается неотъемлемой и безраздельной собственностью Азербайджана, а не народов, проживающих в этих регионах"... И далее: "Экономическая самостоятельность Азербайджана основывается на неотъемлемой и безраздельной собственности нашего народа (азербайджанских тюрков — ГА.) на жизненное пространство, производственные ресурсы и природные богатства" [98]. Эти положения закреплены и в Конституции, и в законе о суверенитете Азербайджана.

Одновременно с целью размывания компактного расселения лезгинского народа, несмотря на нехватку земли местным жителям, переселяли и переселяют на их земли ранее — турок-месхетинцев, а теперь — беженцев — азербайджанцев-тюрков. Так, например, в распоряжении, изданном Советом безопасности Азербайджана, опубликованном в газете "Бакинский рабочий" [99] прямо указано, куда следует

переселиться беженцам из Карабаха. Из 11 районов, указанных в распоряжении, 7 являются районами, где проживают лезгины и лезганоязычные народы.

И, наконец, чтобы окончательно лишить лезгинский народ возможности своего национального возрождения, защиты национальных прав, делается попытка узаконить незаконное: вопреки воле лезгинского народа, пытаются делить его между двумя государствами — Россией и Азербайджаном. Для этого еще в 1991г. Азербайджан в одностороннем порядке принял законодательные акты о государственной границе Азербайджана, о создании Комитета по охране границы. При этом в одностороннем порядке с января 1992г стал строить атрибуты государственной границы по административной границе Азербайджан — Дагестан.

С середины тридцатых годов советского периода под прикрытием лозунгов "расцвета и слияния наций", "пролетарского интернационализма" и т.д. развернулся широкомасштабный процесс "унификации" национального состава СССР, создания советских народов. В Азербайджане этот процесс вылился в тюркизацию нетюркских народов и создания на их основе "азербайджанского народа". Именно с 1936 года отменено обучение детей на родных языках коренных народов в Азербайджане, закрыты национальные театры, книгоиздательства и т.д. Слова "азербайджанский", "азербайджанец" — эти слова идентичные по своему содержанию понятиям "советский", "советский человек. Таким образом, понятия: "азербайджанский народ", "азербайджанский язык", "суверенитет азербайджанского народа" и т.д. такая же политическая функция, как и "советский", "советский народ", "советский язык"... За понятиями "советский" или "азербайджанский" народ скрывается националшовинистическая кланово-государственная бюрократия и ее интересы: в первом случае советско-российского, во-втором-тюркско-турецкого. При этом вся эта политика проводится через местных коллаборационистов, связанных с ними общими меркантильными интересами. Это прозрачно просматривается на лезгинской проблеме. Именно через лезгинскую бюрократию, связанную с руководящей верхушкой Азербайджана и Дагестана проводится антилезгинская политика. В Баку это осуществляется через некоторых коллаборационистов — лезгин культурного центра "Самур", руководство которого полностью проводит политику, угодную азербайджанскому руководству: "Было бы легкомысленно отделить судьбу кусарских лезгин, проживающих на севере Азербайджана от судьбы "азербайджанского народа"... (газета "Вышка" от 23 июня 1992г.). Значит, отделение судьбы "кусарских" лезгин от "дагестанских" лезгин — единого народа, вопреки его воле, — естественно, а от судьбы азербайджанского народа (фактически от судьбы азербайджано-тюркской бюрократии) — неестественно. Руководство "Самура" в лице Али Мусаева неоднократно заявляла и заявляет в частности, (см. материалы Приложения III), что руководители Азербайджана решают острейшие проблемы лезгинского народа в Азербайджане, хотя прекрасно знает, что это не так, и тем самым вводит в заблуждение лезгин и широкую естественность.

В Дагестане антилезгинская политика проводится, опираясь на продажных руководителей-лезгин, специально подобранных на вторые-третьи роли для выполнения этой же цели. Каждый раз, когда "Садвал" ставил перед руководством Дагестана какой-нибудь вопрос, то последнее поручало его решение представителям лезгин. А они проваливали решение поставленной задачи, не имея никакой реальной власти и не проявляя силы воли решить его через других. Так было с беженцами из Узеня, с гибнувшим Самурским лесом, зимними пастбищами для лезгинских районов Дагестана, с кадровыми вопросами и т.д. Вместе с тем, никто из них ни в ВС, ни в СМ Дагестана, ни в средствах массовой информации не выражал не только протест, но даже проявление неудовлетворенности, что острейшие вопросы, связанные с судьбой лезгинского народа, не решаются.

Итак, Союз СССР, как средство, как государственный механизм реализации и защиты интересов националшовинистической партийно-государственной бюрократии не исчез, он просто "перелился" в его составные части — в бывшие союзные и автономные республики. Приведенные выше материалы — лишь мизерная часть, что опубликована в печати Азербайджана, но и они достаточно убедительно и однозначно показывают, что лезгинский народ находится в положении бесправного объекта колониальной эксплуатации азербайджанской бюрократии и ему уготовлена роль экономического и этногене-тического материала для социально-экономического, политического, культурного развития азербайджанско-тюркского народа и улучшение его генофонда.

Подоплека всей этой политики достаточно прозрачна и преследует те же цели, что и политика большевизма: под прикрытием лозунгов единства и суверенитета азербайджанского народа, защиты его интересов и т.д. обеспечить поддержку своей политики со стороны азербайджанских тюрков, путем создания для него привилегированного положения за счет ущемления и эксплуатации нетюркских народов. В то же время такая политика позволяет азербайджанской бюрократии на период укрепления своей власти создавать и сохранять потенциальные очаги межнациональных противоречий, например, карабахская война, лезгинская проблема, которые стали палочкой-выручалочкой для перевода опасных для ее господства социальных потрясений в русло выгодных для укрепления кланово-националистической власти в русло межнациональных противоречий.

Для национал-шовинистической государственной бюрократии крайне необходимо и выгодно завершение создания азербайджанского народа. Российские большевики в лице государственно-монополитической бюрократии не успели создать "советский народ", упустили контроль над ситуацией и проиграли. Азербайджанские небольшевики на волне национализма и геноцида нетюркских народов, надеются успеть и выиграть процесс создания "азербайджанского народа". Но уже горит под ногами Карабах, пахнет паленым в Лезгистане, покрывается рябью Талышстан, Курдистан..., но ей, азербайджанской олигархии, кажется, что все это случайности, что она сильнее, умнее и хитрее советской верхушки-олигархии, поэтому всех переторгует, купит, обвесит, обсчитает и раздавит.

Аналогично обстоит дело и в Дагестане. Совсем недавно, 3-4 года назад, мы не могли и мысли допустить, что когда-нибудь в Дагестане, в самой интернациональной и с глубокими корнями дружбы республике, возникнет нечто похожее на национальную рознь, появится национальное отчуждение. В последние 3-4 года в средствах массовой информации много пишут и говорят о противоречиях и противостоянии между многими народами Дагестана. Корни этих процессов — глубокая несправедливость, допущенная в отношении многих народов Дагестана при советской власти, да и сохраняющееся и в настоящее время реальное неравенство между ними в реализации политических, социально-экономических и культурных потребностей. Это, в частности, ситуация, возникшая в результате массового переселения населения из горных районов на равнину, решения, связанные с реабилитацией репрессированных народов, проблемы разделяемых между разными государствами сейчас лезгинского, ногайского, чеченского народов: трения, возникшие при реализации кадровой политики и при финансировании тех или иных социально-экономических программ для различных регионов; отсутствие механизма волеизъявления народов в ВС Дагестана, вследствие чего там господствуют определенные кланы 2-3 народов и т.д.

Глубоко убежден, пока не искореним или, хотя бы не наметим пути искоренения проблем каждого народа в дагестанском общегитии, мы не получим ни хлеба, ни мира, ни душевного спокойствия. Поэтому нам следует искать не только "корни нашей дружбы", но и корни разногласий и неприязни, и не с целью их "развивать и укреплять" — упаси Аллах! — а с целью искоренять. Мы должны искоренять не только саму проблему, но

публично осудить и ее создателей. Это особенно касается недавнего прошлого наших народов, когда огромные аппараты насилия были пущены в ход для подавления одних народов и создания иных условий для других. Пока каждый человек, рядовой или руководитель любого ранга, не почувствует, что за каждым неверным шагом, ущемлением другого человека или народа, наступит объективная и неотвратимая кара, мы ничего не добьемся. Этот подход особенно должен быть применен к руководителям республик, поскольку от них зависят судьбы народов и республик в целом.

Недавно опубликован проект Конституции Дагестана. Возвращаясь к спорам о государственном устройстве РД, заметим, что в проекте Конституции /статья 63/ записано: "РД-унитарное государство всего дагестанского народа". Возникает вопрос, что за дагестанский народ? Разве кумыкский народ не отличается от лезгинского, аварского или другого дагестанского народа? Не хватит ли нам тех бед, которые заимели, исходя из таких обезличенных понятий как "коммунизм", "советский народ", "совхоз" и т.д. Неужели трагическое прошлое ничему нас не научило?

За годы советской власти и в Дагестане были разработан ряд тезисов, которые были выгодны представителям правящих кругов, эксплуатируя которые правила "балом в Дагестане". Это — Дагестан — единое и неделимое и что народы в нем в прошлом жили дружно, не воевали друг с другом.

Неверен тезис о том, что владельцы Восточного Кавказа, без внешней опеки со стороны могущественных соседних государств, жили самостоятельно и дружно. Практически за всю предыдущую историю, за исключением кратких периодов, Восточный Кавказ находился под властью могущественных государств и местные правители были их ставленниками и служили им. С III в. по VII в. Восточный Кавказ находился под властью Персии, с VII в. по XII в. господствовали арабы, в последующем /XIII-XIV вв./ здесь были татаро-монголы, а затем то Персия, то Турция. С начала XIX в. Кавказ полностью был завоеван Россией. Только с 1747 года, когда Дагестан освободился от иранского шаха, до присоединения Восточного Кавказа к России он жил относительно самостоятельно. За это время, как показано в параграфе 8.7 (гл.8), ханы Восточного Кавказа, в частности Дагестана, жили как "голодные псы", постоянно нападая и грабя друг друга.

Неверен тезис и о том, что Дагестан представлял собой единое и целостное за все время его существования. Дагестанская область была образована в 1860 году царской Россией по территориальному принципу без учета расселения народов. Это было очередным административным перекраиванием карты Восточного Кавказа, чтобы держать народы региона в узде. Территория Дагестана и при Советах менялась территориальные изменения производились в 1921, 1922, 1923, 1938, 1944, 1956, 1957 годах. Присоединение новых земель происходило на севере Дагестана. На юге наши земли отдавались Азербайджану. В частности, в 1956 году огромная территория лезгинкурушцев, после их насильственного переселения в Хасавюртовский район, в иную этническую среду, передана Азербайджану.

Следует сказать и о том, что в Дагестан никогда не было единой государственности. При царской России он делился на национальные округа, а в целом выполнял роль как один из областей внутренней России, а при советской власти также выполнял роль обычной территориальной области. Поэтому пропагандируемый сейчас тезис о единстве и целостности Дагестана и о его государственности выгоден тем народам, которые господствовали здесь за период советской власти, опираясь на Центр.

Здесь уместно напомнить и о том, что сейчас суммарное количество депутатов аварцев и даргинцев составляет половину в ВС РД, поэтому даже такие крупные народы — лезгины и кумыки не имеют механизма волеизъявления своих народов, не говоря о других малочисленных народах Дагестана. Об этом свидетельствуют результаты сессии ВС РД,

проведенной в конце 1991 года, когда одна из групп депутатов, пользуясь своей многочисленностью в нем, оказала давление на других, привела своих представителей на ряд ведущих должностей в республике, причем людей, которых не воспринимало подавляющее большинство жителей РД. При сохранении однопалатного ВС РД и нынешней системы выборов на следующих выборах также 1-2 народа опять будут доминировать в ВС, поскольку их доля в подавляющем большинстве так называемых "интернациональных городах" значительно выше и их возможности больше. Естественно, представителям этих народов не хочется терять мощные позиции в руководящих эшелонах РД.

Поэтому крайне необходим двухпалатный ВС РД, чтобы в Палате национальностей был бы представлен каждый народ Дагестана с равным представительством. Не правы те, кто говорит, что создать такую Палату трудно, из-за избирательных процедур или других ценов. Все это преодолимо, об этом неоднократно писалось в дагестанской прессе (см. и Приложение IV).

Уже третий год на различных уровнях обсуждается идея федеративного устройства Дагестана и двухпалатного профессионального парламента /с Палатой национальностей/. Высказана она была и на Съезде народов РД. Однако один из авторов проекта новой Конституции РД проф. М.Казанбиев счел эту идею "труднореализуемой". Аналогичное мнение высказал и бывший председатель Совета национальностей ВС РД Р.Абдулатипов. Оба идеолога унитарного государства прекрасно знают о необходимости учета территориального расселения народов с местным самоуправлением и возможности создания двухпалатного ВС РД, однако, из-за узконационалистических интересов, отвергают их.

14 февраля 1994 года в ВС Дагестана состоялось расширенное конституционное совещание. Представлен был практически новый вариант проекта Конституции Дагестана. При близком знакомстве выяснилось, что это — урезанный вариант Конституции РФ. Давайте сравним некоторые положения и статьи Конституций Российской Федерации и Дагестана. Первое, что бросается в глаза — это определение Дагестана как унитарного государства, хотя Дагестан, как и Российская Федерация — многонациональная республика.

Давайте сравним теперь некоторые статьи и подходы к национальным проблемам в указанных документах.

СТАТЬЯ 9(1) КОНСТИТУЦИИ РФ: "Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории"

СТАТЬЯ 70 ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ ДАГЕСТАНА:

"Земля, ее недра, внутренние воды, растительный и животный мир, леса, ресурсы континентального шельфа Каспийского моря, морской экологической зоны и другая государственная собственность является достоянием народа (какого?) Дагестана и не может быть использована в ущерб его интересам".

Таким образом, народы Дагестана и их земли стали и становятся государственной собственностью, т.е. собственностью государственно-бюрократических мафиозных кланов определенных народов.

Далее в **64 СТАТЬЕ** Проекта Конституции Дагестана читаем: "Республика Дагестан входит в Российскую федерацию в качестве ее субъекта. Республика Дагестан обладает всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые ею добровольно переданы в ведение федеральных органов власти РФ. Взаимоотношения между Республикой Дагестан и

Российской Федерацией основаны на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РД и определяются Конституциями России и Дагестана, Федедатовым договором, а также другими договорами и соглашениями".

СТАТЬЯ 65:

"Действие федеральных законов и других правовых актов Российской Федерации, противоречащих суверенным правам и интересам Республики Дагестан, может быть приостановлено Республикой Дагестан на своей территории. Эти акты могут быть опротестованы в установленном законом порядке".

Что же предлагает проект Конституции Дагестана народам Дагестан, проживающих на своих исконных землях?

СТАТЬЯ 125

"Местное самоуправление осуществляется в городах, сельских поселках и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Каждая административно-территориальная единица имеет свой статус, определяемый Уставом". Эта хрупкая "самостоятельность" отрицается следующей статьей.

СТАТЬЯ 97

Председатель Республики Дагестан вправе отменить решения органов исполнительной власти на территории Республики Дагестан, если они противоречат Конституции Республики Дагестан и законам Республики Дагестан, а также отстранять от исполнения обязанностей должностных лиц этих органов в случае нарушения законодательства Республики Дагестан".

Таким образом, пользуясь преимущественным положением, представители многочисленных народов расписывают законы республики Дагестан, как им заблагорассудится, а затем, опираясь на эти же драконовые законы будут дискриминировать малочисленные народы, преследовать всех тех, кто будет стоять на их пути...

Народы Дагестана всенародным голосованием дважды отвергли введение поста Президента Республики Дагестан. Однако...

СТАТЬЯ 88 Проекта Конституции Дагестана гласит: "Председатель Республики Дагестан является Главой государства". Заменили слово "Президент" на "Председатель" и все готово!

Как же собираются избрать Главу государства Дагестан? Поскольку "Председателя" государства Дагестан не удастся избрать всеобщим голосованием, то нашли вариант — на Конституционном Собрании, которое будет состоять, как объяснили на совещании, из членов ВС Дагестана и вновь избираемых в срочном порядке глав администраций городов и районов республики — Дагестан. Поскольку у многочисленных народов таких единиц (городов и районов) больше, то, естественно и на Конституционном Собрании они будут доминировать, примут необходимые им решения. О глухоте Конституционной Комиссии ВС Дагестана к предложениям и нуждам народов Дагестана говорит и такой факт. Как известно, сейчас очень остро стоит вопрос о границе между Россией (Дагестаном) и Азербайджаном из-за разделенности лезгин между указанными бывшими республиками СССР. Однако в проекте Конституции Дагестана эта проблема совершенно не отражена, даже возможность принятия двойного гражданства лезгинами отдана на откуп азербайджанским националистам.

В **СТАТЬЕ 24** проекта Конституции Дагестана говорится: "Соотечественникам, проживающим за пределами Республики Дагестан предоставляется право приобретения гражданства, если это не противоречит законам страны проживания. Приобретения гражданства Республики Дагестан соотечественниками не влечет приобретения ими гражданства Российской Федерации, если это не предусмотрено законодательством Российской Федерации".

Нельзя сказать, что крупные ученые-правоведы, народные движения Дагестана не предлагали свои услуги и не излагали в периодической печати свое видение будущего устройства Дагестана и его статуса. Остановимся на одном документе, принятом еще летом 1992 года (Газета "Тенгли", 14.08.92), — "Декларации Советов и Исполкомов национальных движений о принципах межнациональных отношений в Дагестане", которые значительно стабилизировали положение. Приведем некоторые положения этой "Декларации".

ПУНКТ 2

Советы, Исполкомы национальных движений считают, что современный политикоправовой статус Дагестана не обеспечивает условий для свободного саморазвития его народов и солидарны с тем, что необходим поиск модели государственного устройства, гарантирующего повышение правосубъектности народов в управлении делами республики.

ПУНКТ 3

Советы и Исполкомы национальных движений договорились последовательно и неукоснительно руководствоваться следующими принципами:

— решительно отвергать любые проявления ассимиляторских тенденций, защищать и оберегать исторически сложившееся этническое многообразие Дагестана;

— признать за народами Дагестана неотъемлемое право на национальное самоопределение без ущемления прав и законных интересов других народов;

— народы Дагестана независимо от этнической конфессиональной принадлежности и численности правосубъектны и обладают равными правами участвовать в определении суверенитета, государственного устройства, в осуществлении программ социально-экономических, культурных и иных преобразований.

ПУНКТ 5

Советы, Исполкомы национальных движений признают наличие у народов, населяющих республику, проблем, решение которых имеют приоритетные значения. В том числе к ним относятся проблемы репрессированных, депортированных и разделенных народов, а также вопросы, связанные с жизнью народов, компактно проживающих за пределами республики.

ПУНКТ 6

"Советы, исполкомы национальных движений выступают за справедливое решение судьбы разделяемых вследствие установления государственной границы между Россией и Азербайджаном народов"...

Однако из этого исключительно важного документа ни один пункт не был использован Конституционной комиссией ВС Дагестана. Не были использованы положения и статьи из альтернативных проектов Конституции Дагестана, предложенных известными профессорами — юристами. В частности, профессор З.Астемиров резко критиковал М.Халитова (основной разработчик проекта Конституции Дагестана) за то, что последний полностью проигнорировал его Проект. Отвечая на эти и другие критические замечания,

М.Халитов сказал, что он активно сотрудничал с известным (?) специалистом, кандидатом юридических наук Рагимовым. Последний является тюрком-азербайджанцем, поэтому, естественно, многие положения проекта Конституции Дагестана стали идентичными с положениями и статьями пантюркистской Конституции Азербайджана. На некоторых расистских статьях последней мы уже останавливались выше.

Говоря о принципах составления ВС Дагестана, многие (особенно представители так называемых "многочисленных" народов Дагестана) предлагают сформировать ВС Дагестана согласно процентному соотношению народов Дагестана. А оно-то сфальсифицировано! В этом каждый убедится, если мы сравним национальный состав Дагестана 1888 (см.гл. УШ) и 1989 годов.

Так, например, путем описанного выше произвола в отношении лезгин и посредством фальсификаций переписных данных процент лезгин в Дагестане доведен с 18,38% в 1888 году до 11,8% в 1989 году! Мы располагаем конкретными фактами фальсификаций переписных данных о численности народов Дагестана. Так, например, по переписи 1989 года в пос. Белиджи численность населения составляла около 10 тыс. человек. Вслед за этим была введена карточная система распределения продуктов. При этом выяснилось, что в пос. Белиджи проживает около 14 тыс. человек. Последняя цифра многократно перепроверялась! Есть и другой пример. Когда в 1990 году состоялись выборы в ВС Дагестана, в "Известиях" появилось сообщение, что во многих горных районах имеет место двойной счет избирателей: горожане из этих районов и жители новых сел на плоскости до сих пор числятся в списках сельских советов горных районов и эти "мертвые души" каждый раз проходят как избиратели. Такой же двойной счет имеет место и при переписях!

Посредством переселенческих процессов из Азербайджана в Дагестан и путем фальсификаций при переписях, численность тюрков-азербайджанцев в Дагестане доведена до 5%, когда в 1888 году тюрки-азербайджанцы (тогда они назывались татарами) составляли менее 1 %.

Изложенные выше факты, описанные события освещают лишь часть проблем нашего народа и его трагического положения. Но и они достаточно убедительно и однозначно показывают, что руководство республик Азербайджан и Дагестан рассматривают лезгинский народ и его исконные земли как объекты государственной собственности и колониальной эксплуатации. По существу правительства указанных республик проводят в отношении лезгинского народа политику геноцида, используя все имеющиеся в их распоряжении возможности. Результатами этой политики являются: узаконенное национальное бесправие и эксплуатация лезгинского народа, расхищение национальных богатств, уничтожение его культуры, кризисное ухудшение экологической среды его обитания, низкий уровень жизни, высокая детская смертность и эмиграция, физическое уничтожение активной части лезгинской интеллигенции, особенно молодежи в Карабахской войне, уменьшение численности лезгинского народа на территории его компактного расселения и нулевой естественный прирост — вот непосредственные результаты этой политики. Именно подобные факты и результаты, согласно нормам международного права, входят в число важнейших критериев при определении наличия геноцида в политике того или иного государства. Изложенные выше факты произвола и ущемлений в отношении нашего народа и его представителей дают нам полное право обратиться в ООН и другие международные организации, чтобы они не только осудили эту античеловеческую политику Азербайджана и отчасти России в лице Дагестана, но и приняли бы по отношению к ним соответствующие санкции.

Хорошо представляя себе сложность практической реализации единства Лезгистана, учитывая прежде всего сложившийся комплекс международно-правовых норм, следует еще раз подвергнуть анализу правомочность его постановки именно в юридической

плоскости, ибо существует целый комплекс оснований для восстановления самостоятельности нашего народа:

- 1) историческое — с античных времен лезгины живут на территории нынешнего Северного Азербайджана и Южного Дагестана;
- 2) демографическое — 70-80% населения этого региона и ныне составляют лезгины;
- 3) правовое:
 - а) наличие у лезгин в прошлом государственности (Кавказская Албания в древности, Лакз и Ширван — в средневековье, Ханства Дауд-бека Мюшкюрского в 1721-1728 гг. и Фет-Али-хана Лезгинского (1758-1789), распавшееся в последующем на более мелкие ханства);
 - б) все международные акты о правах человека и зависимых народов находятся на стороне нашего народа.

Прежде чем остановиться на правовых международных актах напомним, что лезгинский народ и его исконные земли оказались в составе России при колониальных захватах последней в начале XIX века. Кроме того южная часть территорий лезгин оказалась в составе нынешнего Азербайджана также вследствие колониального захвата ее Турцией в 1918 году, и она была включена в состав так называемой демократической мусаватистской республики.

Во времена Российской монархии никто не покушался на единство лезгинского народа в его самосознании. Сами лезгины не придавали особого значения тому, что после принятия Российского подданства они были административно разделены между Бакинской губернией и Дагестанской областью. Россия была унитарным государством, и такому разделению не придавали значения. СССР тоже был унитарным государством, но уже с разделением национально-территориального характера, поэтому все годы, следовавшие за распадом Российской империи и становления СССР, прошли, как описано выше, в борьбе лучших представителей лезгинского народа за восстановление единства народа и его государственности.

В 1920 году были объявлены образование Азербайджанской и Дагестанской республик в составе — Советской империи. При этом были проигнорированы волеизъявление лезгинского народа: при актах провозглашения названных республик не только не было выяснено волеизъявление лезгинского народа, но лезгинские делегации на соответствующих съездах, где провозглашались республики Азербайджан и Дагестан, отсутствовали.

Таким образом, земли лезгин оказались в России и Азербайджана в процессе колониальных захватов России и Турции, поэтому к нынешнему статусу лезгинского народа полностью применимы международные решения и резолюции, принятых генеральной Ассамблеей ООН в отношении колониальных и зависимых народов.

В связи с этим вызывает удивление и сожаление политика Российской Федерации, позиции стороннего равнодушного зрителя, наблюдавшего и наблюдающего за политикой дискриминации национальных прав и интересов лезгинского народа в Азербайджане и Дагестане. Ведь именно Россия заключила договора с лезгинскими ханствами и "вольными обществами" при покорении Кавказа, согласно которых обязалась охранять интересы лезгинского народа, особенно, от внешних сил. Более того, Россия при распаде СССР приняла на себя обязательства быть гарантом соблюдения во всем объеме прав человека и зависимых народов на всей бывшей территории СССР. Это следует и из последующих заявлений руководства России.

"Не отрицая значение международных институтов, — пишет А. Загорский, — Россия, однако, не проявляет желания уступить западу свою роль в урегулировании конфликтов в бывшем СССР. Именно так было расценено за рубежом известное заявление президента

Ельцина об особой роли миссии России в этом регионе, сделанное им в конце февраля. В марте 1993 года заместитель министра иностранных дел России Сергей Лавров представил в ООН документ об участии России в миротворческих операциях в странах бывшего СССР. При этом он вновь подчеркнул ответственность Москвы в деле обеспечения стабильности и прав человека в бывшем СССР, призвав ООН содействовать этим усилиям, в том числе материально [100].

Об этом заявил и министр иностранных дел России Андрей Козырев в "Московских новостях" [101], говоря о результатах работы Всемирной конференции по правам человека, проходившего в июне 1993 года в Вене: Ряд стран, участвовавших в Венской конференции, например, Ирак и некоторые другие государства Азии, выдвигают концепцию двух культур в области прав человека. Можно сказать, что уже сформулирована некая азиатская доктрина, которую как бы противопоставляют европейской. Эта доктрина делает упор на особые условия в Азии, где на первом месте стоят интересы экономического развития. Когда оно принесет свои плоды, утверждают ее авторы, тогда можно будет заняться обеспечением свободы слова и других гражданских прав.

На самом деле должна быть только одна концепция прав человека... Россия заплатила социальной отсталостью за так называемую "советскую демократию" и за "социалистические права человека". И она может со всем основанием предостеречь от особых концепций прав человека для Азии или Юга, противопоставлений одних категорий прав другим. Можно согласиться с тем, что подлинную демократию легче утвердить в богатой стране, чем в бедной. Но, как показывает опыт России, там, где предлагают отказаться от свободы ради хлеба, отнимают в конечном счете и то, и другое. Демократия — не роскошь для богатых, а средство добиться богатства. Вполне понятны, — далее пишет А. Козырев, — трудности многих стран в деле создания материальных гарантий прав человека. Здесь у нас самих немало нерешенных проблем. Но российское правительство открыто для сотрудничества в их решении с национальными и международными организациями, считая это не вмешательством во внутренние дела, а одним из способов поддержки реформ. Поэтому и в отношении других стран мы не можем принять ссылки на принцип невмешательства, когда речь идет о нарушении прав и свобод личности. Тем более что международная солидарность нередко оказывается единственным средством удержать власти той или иной стороны от кровавых репрессий. Так было с бывшей СССР. Так происходит и сейчас в странах, где инакомыслие продолжает считаться преступлением"...

Со сказанным А. Козыревым невозможно не согласиться. Но хотелось бы эти высокие идеалы и требования международного сообщества конкретно применить и при решении проблем лезгинского народа. Однако многие заявления руководства России о защите прав национальных меньшинств в так называемых странах "Ближнего Зарубежья" остаются декларациями, в них присутствует больше политики, порой не совсем оправданной и юридически обоснованной. Даже по таким вопиющим фактам, как арест активистов "Садвал" и изуверского отношения к ним в тюрьмах Азербайджана до сих пор не сделано ни одно заявление, несмотря на неоднократные обращения руководства ЛНД "Садвал" к руководству России.

Хочется еще раз сказать, что никто наши проблемы не решит, кроме нас самих. Поэтому мы должны быть активны и целеустремленны в достижении поставленных целей. При этом каждый должен знать наши права и возможные действия, зафиксированные в международных документах, чтобы полномасштабно использовать их.

Начнем с того, какие права нам дают международные документы, принятые ООН или ее подразделениями, о правах коренного населения, поскольку лезгины являются одним из коренных народов Восточного Кавказа. Ниже привожу полный текст Декларации о правах

коренного населения, принятой четвертой Генеральной ассамблеей Всемирного совета коренного населения в Панаме в сентябре 1984 года [102]:

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ

1. 1) Все коренные народности имеют право на самоопределение. В силу этого права они могут свободно определять свой политический статус и свободно осуществлять свое экономическое, социальное, религиозное и культурное развитие.
2. 2) Все государства, на территории которых живут коренные народности, должны признавать коренное население, их территории и институты.
3. 3) Культуры коренных народностей являются частью культурного наследия человечества.
4. 4) Традиции и обычаи коренного населения должны уважаться соответствующими государствами и должны быть признаны в качестве основополагающего источника права.
5. 5) Все коренные народности имеют право определять, какие лица или группы лиц включаются в их состав.
6. 6) Каждая коренная народность имеет право определять форму, структуру и полномочия своих институтов.
7. 7) Институты коренного населения и их решения, как и решения правительств, должны соответствовать международным признанным правам человека, как коллективным, так и индивидуальным.
8. 8) Коренное население имеет исключительные права на свои традиционные земли и их ресурсы, причем земли и ресурсы коренного населения, отнятые у него без свободного и компетентного согласия, подлежат возвращению.
9. 10) Земельные права коренного населения включают права на землю и недра, полные права на внутренние и прибрежные воды и права на адекватные и исключительные прибрежные экономические зоны в рамках международного права.
10. 11) Все коренные народности могут для своих собственных нужд свободно использовать свои природные богатства и ресурсы в соответствии с принципами 9 и 10.
11. 12) Не могут предприниматься действия или проводиться политика, которые могли бы прямо или косвенно нанести ущерб землям, воздуху, воде, морским льдам, животному миру, среде обитания или природным ресурсам без свободного и компетентного согласия соответствующих групп коренного населения.
12. 13) Коренному населению принадлежат изначальные права на предметы его материальной культуры, включая места археологических раскопок и археологические ценности, рисунки, технологию и произведения искусства.
13. 14) Коренное население имеет право получать образование на своем родном языке или создавать свои собственные учебные заведения. Языки коренного населения должны уважаться государством в его деловых отношениях с коренным населением на основе равенства и недискриминации.
14. 15) Коренное население имеет право в соответствии со своими традициями перемещаться и осуществлять традиционные виды деятельности и поддерживать дружеские отношения на трансграничной основе.
15. 16) Коренное население и его органы имеют право на то, чтобы с ними предварительно консультировались и они давали разрешение на проведение всех технологических и научных исследований на их территориях, а так-же право на полный доступ к результатам этих исследований.
16. 17) Свободно заключенные договоры между коренными нациями или народностями и представителями государств подлежат соблюдению в полном объеме в соответствии с внутреннегосударственным и международным правам.

"Эти принципы, — указывается в документе, — представляют собой минимальные нормы, которые должны уважаться и соблюдаться государствами" [102].

Возникает вопрос, имеет ли право Азербайджан и Дагестан удерживать наши земли, ссылаясь на какие-то законы или государственные структуры власти. По этому поводу также есть международные регламентации "Захват, расселение по принципу terra nullius (ничейной земли — Г.А.) и одностороннее законодательство ни при каких обстоятельствах не могут служить для государстве основанием для того, чтобы претендовать на территорию коренных наций или народностей или удерживать их" [102].

Как должны решаться спорные вопросы "Споры в отношении юрисдикции, территорий и институтов коренных наций или народностей регулируются международным правом и должны решаться путем взаимного согласия или имеющего законную силу договора" [102].

Имеем ли мы право обращаться в между народные организации по нашим насущным вопросам. Вот что сказано в международной конвенции: "Коренные нации и народности являются субъектами международного права". Там же сказано и другое: "Никакие увещания со стороны правительства, какими бы обоснованными и убедительными они ни были, ни к чему не приведут, если не будут осуществлены реальные изменения в юридическом и политическом статусе коренного. В конституциях и юридических системах стран, имеющих коренное население, необходимо закрепить действительные права — будь то право на землю, религию, культуру или политический статус, как, например, самоуправление". И еще: "Ни одно государство не должно оказывать коренной нации, общине и народности, проживающей в пределах его границ, в праве на участие в жизни государства в любой форме и в той степени, в которой они сочтут это необходимым. Сюда относится право на участие в других формах коллективных действий и самовыражений".

Здесь следует остановиться на выдвинутом колонизаторами аргументе о том, что принцип самоопределения наций противоречит принципу нерушимости границ, территориальной целостности государств, зафиксированных в Уставе ООН и Заключительном документе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в 1975 г. Касаясь этих вопросов, Жак Ширак, мэр Парижа, председатель объединения в защиту республики, в "Московских новостях" в статье "Как защитить меньшинства в Европе", пишет [103]: "Ключевой вопрос сегодняшней Европы — проблема меньшинств. Она является источником конфликтов, о которых каждый день напоминают нам страдания бывшей Югославии. Эта проблема имеет и прямое отношение к России, 25 миллионов русских живут за пределами ее границ. Российская Федерация включает многочисленные меньшинства. Если удастся оградить и защитить их права, то это будет доказательством того, что Европа когда-нибудь сможет гарантировать всем проживающим в ней меньшинствам достойное существование.

В этой области Европа сталкивается с дилеммой, уходящей своими корнями в новейшую историю. В 1918 году президент Вильсон попытался организовать взаимоотношения между странами вокруг священного принципа национальности, то есть права, признаваемого за каждым национальным сообществом, каким бы малым оно не было, претендовать на государственность. Мы знаем, что дало применение этого принципа в Европе в период между двух войн: оно породило балканизацию и создало благодатную почву для возрождения немецкого национализма.

В качестве ответной реакции в 1945 году другой американский президент предложил организовать Объединенные Нации, созданные на базе другого принципа — принципа незыблемости границ. Этот принцип обрекал меньшинства влачить свое существование внутри инородных государств. Но он идеально отвечал геополитическому порядку,

связанному с "холодной войной": две сверхдержавы, каждая в своем лагере, навязывали идеологическую дисциплину, в то время как атомное оружие замораживало территориальный статус-кво и разделение Европы на два блока. С 9 ноября 1989 года — даты падения берлинской стены — этот мир уже позади. Отныне все происходит так, как если бы международное сообщество подобно маятнику колебалось между двумя принципами, все менее и менее примеримыми между собой: правом национальностей и соблюдением границ. Именно так ООН произвела свое вмешательство в заливе во время территориальной целостности Кувейта, а затем остановились, так и не решив проблему курдов. Несколькими месяцами позже она признает право словенцев иметь собственное государство, не обеспечивая, однако, условий для осуществления этого права. Именно так Босния, признанная в апреле 1992 года международным сообществом, была затем им же брошена на произвол судьбы.

В октябре этого года в Вене должна состояться встреча в верхах глав государств, членов Совета Европы, которые должны принять европейскую конвенцию защиты национальных меньшинств. Но необходимо идти дальше и разработать подлинный статус меньшинств. Он не представляет чрезмерных трудностей в концептуальном плане...

Международное сообщество должно вмешиваться во имя защиты меньшинств до того, как свершится непоправимое, то есть распад некоторых государств, переход к насилию и гражданской войне. Для этого необходима политическая воля. Каждый прекрасно видит сегодня, что происходит, когда этой политической воли недостает.

Принятие статуса меньшинств и разработка механизма его обеспечения были бы доказательством того, что Европа полна решимости нести более серьезную ответственность за свою судьбу и способна справиться с этим историческим вызовом". Таково мнение одного из крупных политических деятелей Европы — Жака Ширака.

Таким образом, к этим документам (Уставу ООН и Заключительному документу совещания по безопасности в Европе) необходимо подходить конкретно-юридически. А это означает, что речь в этих документах шла о границах, сложившихся в результате второй мировой войны в Европе, прежде всего, о границах Германии. Но этот принцип не применим к территориальной целостности, сложившейся в результате колониальных захватов. Пример этому служит послевоенный распад Британской, Французской и других империй и, наконец, распад СССР. Кроме того, территориальная целостность государств Европы, сложившаяся в результате второй мировой войны, уже нарушена самими участниками Совещания по безопасности и сотрудничества в Европе: объединение Германии, раздел Чехословакии, распад Югославии и СССР.

ООН своей Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1960 года, заявила, что и "подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация является отрицанием основных прав человека, противоречит Уставу ООН и препятствует развитию сотрудничества и установлению мира во всем мире. Все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое социальное и культурное развитие. Любые военные действия или репрессивные меры какого-бы то ни было характера против зависимых народов, должны быть прекращены с тем, чтобы предоставить им возможность осуществлять в условиях мира и свободы свое право на полную независимость, а целостность их национальных территорий должна уважаться" [104].

Здесь следует отметить еще и то, что Резолюция Генеральной Ассамблеи 2105 (XX) от 20 декабря 1965 года признала "право колониальных народов на вооруженную борьбу" [105]. Резолюция ООН 2621 (XXV), принятая в декабре 1970 года, вновь указав, "что колониализм в любой форме является международным преступлением, представляющим

собой нарушение устава ООН, международного права, положений Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам", подтвердив еще раз неотъемлемое право народов на борьбу "всеми имеющимися в их распоряжении средствами против колониальных держав, которые подавляют их стремление к свободе и независимости". В той же резолюции сказано, что "государства — члены организации ООН должны оказывать всю необходимую моральную и материальную помощь народам колониальных территорий в их борьбе за достижение свободы и независимости" [105]. Резолюция ООН 3103 (XXVIII). "Основные принципы правового статуса комбатантов (лиц, входящих в состав вооруженных сил), борющихся против колониального господства и расистских режимов", принятая 12 сентября 1973 года, как и Резолюция 2621, указала, что "вооруженные конфликты, связанные с борьбой народов против колониального господства к расистских режимов, должны рассматриваться в качестве вооруженных конфликтов в смысле Женевской Конвенции 1949 года. Лица, участвовавшие в такой борьбе, обладают правовым статусом, предусмотренным для комбатантов в Женевской Конвенции 1949 года, а также в других международно-правовых актах. Нарушение указанное правового статуса борцов против колониального господства и расистских режимов влечет за собой, как отмечается в Резолюции 3103 (XXVIII) 1973 года, ответственность на основании норм международного права.

Эта же Резолюция определила также как противоправное использование колониальными и расистскими режимами наемников для борьбы против борцов за свободу и независимость народов [105].

Таковы признанные международным правом и обязательные для всех его членов, в том числе для России и Азербайджан, пути, методы и формы борьбы против колониального ига. Как видим, правовое поле для борьбы против колониализма практически многообразно. Сказанное, однако, не означает, что мы в борьбе за свободу нашего народа должны непременно использовать крайние методы и формы борьбы, если даже они и законны с точки зрения международного права, такие, например, как вооруженная борьба. Отнюдь! Пока не исчерпан последний шанс, мы должны использовать политические методы борьбы для достижения независимости: выборы, шествия, митинги и т.п. А в соответствии с нормами международного права "государства, управляющие зависимыми территориями, обязаны удовлетворить требование угнетенные народов о предоставлении независимости, в какой бы форме оно не было заявлено — в высказываниях печати, петиция населения решениях собраний или органами восставшего народа" [104,105]. Шествия, митинги, например, в антиколониальной борьбе индийским народом, которая увенчалась его победой.

Возникает вопрос: кто может выступить в условиях колониализма, когда нет соответствующих международным — правовым нормам политических условий для свободы волеизъявления населения при выборах в государственные органы власти, в качестве представителя народа? С точки зрения международного права такое право признается либо за органами колониального самоуправления, каковыми в наших условиях являются Верховные Советы "суверенных республик", если они выражают подлинную волю самоопределяющегося народа, либо за органами сопротивления, создаваемыми в процессе национально — освободительного движения [105], либо за общественными организациями, партиями, выражающими идеи национальной независимости. Такими являлись, например, Фронт национального освобождения Алжира, Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама, Народное движение за освобождение Анголы, Фронт освобождения Мозамбика, СВАПО, ООП и др.

Лезгинский народ, как и многие народы региона (например, кумыки, ногайцы и др.) не может выразить и утвердить свое желание самоопределиваться через Верховные Советы России, Азербайджана и Дагестана, поскольку в этих органах нет механизма

волеизъявления малочисленных народов в этих республиках. В таких условиях органами, реализующими права народа на самоопределение и законными с точки зрения международного права, являются съезды народов и избранные на них органы самоуправления. Для лезгинского народа таким общепризнанным органом является Международная организация — Лезгинское народное движение "Садвал", зарегистрированная Министерством юстиции России. При этом на 111 общенациональном съезде лезгинский народ выразил свою волю — провозгласил воссоединение исконных лезгинских земель и восстановление лезгинского государства — Лезгистан. Таким образом, все, что сделано МО ЛНД "Садвал" в восстановлении прав лезгинского народа полностью соответствует международному праву по правам человека и зависимых народов, а Россия и Азербайджан обязаны, как члены ООН, признать за нашим народом право на самоопределение и предоставить возможность самостоятельного развития.

Здесь следует сказать и о том, что социально-экономический и политический кризис общества, распад СССР на независимые государства, объективные и субъективные трудности в переходе к рыночной экономике и демократическим преобразованиям нанесли тяжелый урон национальному развитию народов, состоянию межнациональных отношений. В особо трагичных формах он проявляется у лезгинского народа. Административное разделение его между Российской Федерацией и Азербайджанской республикой, длившееся с 1920 года, сменяется межгосударственным разделом, что грозит ему национальным распадом. Целый народ с реальной численностью населения более двух миллионов человек и расселенный на сплошной и хозяйственно целостной территории, превращается в обоих государствах в национальные меньшинства. Лезгинский кризис усиливается тем, что он происходит в условиях углубляющегося социально — экономического отставания, которое находится на совести азербайджанских и дагестанских властей. Это, в свою очередь, затрудняет модернизационные процессы. Негативным итогом взаимодействия социально — экономического и национального кризисов лезгинского народа является обнищание значительной части населения, отсутствие у него средств для участия в приватизации, акционировании и создании частных предприятий и других экономических структур. Вместе с тем резко снижается правовой и социальный статус народа, занимающий среди народов Кавказа 4 место, а среди народов Азербайджана и Дагестана 2 место. Его историческая судьба почти целиком оказывается в распоряжении государственных органов Азербайджана, Дагестана и России. Пока понимание лезгинской проблемы находится в российском правительстве, услышавшем тревожный голос народа и приступившем к поискам путей выхода лезгинского народа из депрессивного состояния. Дагестанские и азербайджанские власти не проявляют со своей стороны сколько-нибудь серьезных инициатив даже в реализации решений и предложений Российского правительства.

Никакая реальность не может уже более оправдать соподчиненное положение народов в Азербайджане и Дагестане. Доверие и истинная дружба между народами может быть достигнута в той мере, в какой эти отношения будут основаны на праве и прежде всего на праве самоопределения. Основой развития наций выступает их суверенность, равноправие, открытость контактов. Поэтому нация должна быть признана одним из важнейших субъектов общественной жизни, основой суверенитетов России, Дагестана и Азербайджана.

Необходимо признать закономерность многовариантности развития народов и национально — территориальных образований, многосубъектного федеративного устройства Азербайджана, Дагестана, России.

Гармонизация межнациональных отношений в Азербайджане и Дагестане, реализация прав человека, достижения гражданского согласия и социальной справедливости находится в прямой зависимости от степени самоощущения народами своих этнических

прав. Понятия и перечень национальных прав следует зафиксировать в новых конституциях России, Дагестана и Азербайджана и должны быть четко определены механизмы и процедуры применения прав.

Лезгистан — территория с многонациональным населением. Ныне здесь, кроме коренного лезгиноязычного населения проживают турки, русские, таты, и др. Необходимо разработать Конституцию, учитывающую эту историческую реальность и ориентировать подрастающее поколение лезгин к жизни в многонациональной среде и считать жизненноважной задачей развития дружественного сотрудничества и взаимодействия, радикального совершенствования межнациональных отношений в соответствии с новой обстановкой.

Реальная ситуация в Азербайджане и Дагестане в ближайшее время вероятнее всего будет идти не по пути осуществления конституционной реформы национально — государственного устройства в соответствии с мировыми тенденциями, а по пути закрепления структуры национального неравноправия, существующей до сих пор.

Горький жизненный опыт и стремление сил имперского мышления свидетельствуют, что глашатаи самодержавного права и их заложники не могут расстаться со своей прежней позицией. Они стремятся к узурпации власти народа, ущемления свободы наций.

Задача лезгинского народа в этих условиях в том, чтобы, не отрываясь от реальности, учитывая и интересы других народов, максимально использовать все возможности в своей борьбе за реальный национальный суверенитет и не ущемляя прав других народов, идя на разумные компромиссы, но занимая принципиальную позицию, шаг за шагом продвигаться к своей идее сохранения народа как целостного и самостоятельного.

Стремление к национальной автономии и национальной свободе — священное право к нравственный долг каждого цивилизованного народа. Прежде всего именно в этом стремлении находит выражение степень национального самосознания нации, ее интеллектуальных возможностей. Лезгинский народ на протяжении своей многовековой истории (IV в. до н.э. — XX вв.) вложил колоссальную энергию, силы и способности в самоотверженную борьбу за независимость сохранение самобытности и экстерриториальной целостности своей Родины.

Национальный суверенитет лезгинского народа выражается в неприкосновенности его этнотерриториальной целостности и неотчуждаемости его прав. Лезгинский народ сложился как народ на исторической территории бывшей Кавказской Албании и самосохранился на этой территории. Поэтому имеет исторически обусловленное преимущественное право на свою территорию. С ней связано и право на жительство, и праве на гражданство, и право на получение образования на родном языке, и ведения делопроизводства на этом языке, называться своим собственным именем и записывать в документах свою собственную, не навязанную чиновником, национальность. Главное — это право избирать свою собственную власть, неподконтрольную другим, т.е. праве на национально — политическую независимость — суверенитет народа. Путей перехода народа к самостоятельности много, да и тактика решения этого вопроса должна меняться в зависимости от политической ситуации, складывающейся в Лезгистане, Дагестане, Азербайджане и России.

Решение III Съезда лезгинского народ сентябре 1991 г. о восстановлении государственности было совершенно правильным и сво-временным, поскольку после августовского путча 1991 г. происходил развал СССР и каждый народ заявлял о себе. Мы сами во многовиноваты в том, что не сумели провести эти решения в жизнь. Наш народ да и многие лидера не были готовы к реализации такого решения поэтому упустили реальный шанс восстановления лезгинской государственности.

Если говорить о настоящем времени, то, естественно, теперь полномасштабно осуществить решения III Съезда очень трудно, поскольку ситуация теперь совершенно другая. В настоящее время наиболее приемлемой на пути к переходу к самостоятельности — создание автономий на территориях компактного проживания лезгин в Дагестане и Азербайджане: в Дагестане — Южно-Дагестанскую область, а в Азербайджане — Северо-Азербайджанскую республику. После этого следует создавать общелезгинскую структуру власти, которая решала бы вопросы, связанные с общелезгинскими проблемами, как единого народа. Одним из таких объединительных подходов может быть создание межгосударственной свободной экономической зоны, объединяющей Южный Дагестан и Северный Азербайджан, руководимой Лезгинским Национальным Советом.

Мы не должны ни в коем случае допустить создание свободной экономической зоны на указанных территориях, пока не будут созданы региональные структуры власти лезгинского народа в Южном Дагестане и в Северном Азербайджане. Создание свободной экономической зоны без соответствующих структур власти в лезгинских регионах Дагестана и Азербайджана приведет к окончательному закабалению нашего народа: его земли и другие богатства раскупят представители других народов и мы останемся ни с чем. Такой путь — путь к рабству.

Естественно, как Южно-Дагестанская область, так Северо-Азербайджанская республика должны иметь федеративные устройства, с соответствующими структурами власти, чтобы ни один народ не господствовал над другим. Все малочисленные народы, проживающие в Лезгистане, близки по духу и имеют идентичную культуру, поэтому прекрасно могут уживаться друг с другом в единой федеративной административной единице.

Есть и другой вариант решения национального вопроса в этом регионе. Россия дважды (1783, 1797 гг.) пыталась восстановить Кавказскую Албанию как государство [106]. Поскольку после распада СССР идет процесс образования новых государств, то следовало бы вернуться к прошлым историческим реалиям. Естественно, что восстановленное государство должно быть федеративным, в котором все народы (лезгины и лезгиноязычные народы, турки, аварцы, карабахские армяне, таты, талыши, курды и др.) имели бы одинаковые национально-государственные образования.

Главной целью "Садвал" и Национального Совета должно быть — повышение политического статуса лезгинского народа, его благосостояния и, по мере созревания соответствующих политических и социально-экономических условий, — достижение эволюционным путем полного национального суверенитета. Это должно выразиться в поэтапном переходе республики Дагестан и Азербайджан от унитаризма к федеративной форме правления и устройства. Это полностью соответствует устремлениям народов Дагестана и Азербайджана. Иной путь губителен для народов.

Вопросы о федеративном устройстве уже стоят на повестке дня и в Азербайджане и Дагестане. В Дагестане за федеративное его устройство стоят такие относительно крупные народы, как лезгины, кумыки, чеченцы, ногайцы, русские Кизлярского района...

В Азербайджане на этих же позициях стоят лезгины, карабахские армяне, талыши, курды... Федеративное устройство Азербайджана, как нормальный путь выхода из тупика уже предлагают ряд республиканских партий. В частности, в газете "Мегаполис — экспресс" (6.10.1993г.) опубликована заметка Рауфа Касумова ("Лаври посоветовал Азербайджану стать федеративным"), в которой говорится: "Сенсацией республиканского масштаба стала опубликованная в азербайджанской газете "Истигла" статья одного из лидеров Социал-демократической партии (СДП) Рамазана Лаври под заголовком "Путь выхода — федеративный Азербайджан". Автор видит выход из нынешней кризисной ситуации в Азербайджане в его скорейшей федерации. В качестве субъектов будущей федерации автор предлагает признать Лезгистан, Талышстан, Карабах и Нахичевань.

Далее в заметке говорится: "Быстро сменяющие друг друга политические силы, придя к власти в Баку, лишь на словах говорят о равенстве наций, на деле же все делается наоборот. Пора уже понять всем, что пока национальные права не будут признаны государством, всякие лозунги о братстве — пустое дело. По сведениям азербайджанской редакции радиостанции "Свобода", вплоть до кровавых событий в Ленкорани СДП активно поддерживала создание на юге страны Талышско-Муганской республики и в целом до сих пор выступают сторонниками идеи федерализации Азербайджана. Тогда как сам руководитель республики неоднократно публично давал знать, что любые подобные акции автономизации имеют целью расколоть молодое государство".

Здесь хочу заметить, что лезгинский народ не является этнографической, экзотической ветвью тюрко-азербайджанского народа. Языки наших народов входят в совершенно различные языковые семьи: лезгинский язык — в кавказско-дагестанскую семью языков, тюрко-азербайджанский — в алтайскую семью языков — в тюркскую. Коренным образом отличаются наши народы по этнической и материальной культуре, быту, психологическому складу, выраженному национальному самосознанию.

Следует отметить и то, что лезгинский народ ни в Азербайджане, ни в Дагестане не является ни национальным меньшинством, ни малочисленным народом. На огромной территории Восточного Кавказа лезгинский народ был и остается крупнейшим коренным народом со своей своеобразной и богатой историей, экономикой, культурой.

Тюркские националисты в Азербайджане насильственно навязали нетюркским народам этого региона свой язык, вследствие чего лезгины на огромной территории перешли на тюркский язык. Но это не значит, что они перестали быть лезгинами!

До сих пор в школах Азербайджана не только не преподается лезгинский язык, но весь регион, где проживают лезгинский народ, охвачен теле — радиопередачами из Баку на тюркском языке. Однако лезгинские районы в Азербайджане полностью и Ахтынский и Рутульский районы на юге Дагестана не могут смотреть телепередачи из Махачкалы. Более того все лезгинские районы Азербайджана также не слушают передачи на лезгинском языке из Махачкалы из-за слабости радиостанции в Махачкале.

Поскольку лезгинский народ жил и живет на своей исконной земле в Азербайджане, то его нельзя причислить к инонациональным пришельцам, проживающим в Азербайджане. Лезгинский народ в Азербайджане не является и малочисленным народом, поскольку несмотря на совершенное над ним насилие, в том числе языковое (оно продолжается и поныне!), около двух миллионов человек продолжает говорить на лезгинском языке. Миллионный народ также нельзя назвать малочисленным. Поэтому все законы и законодательные акты, принятые в Азербайджане относительно национальных меньшинств и малочисленных народов не применимы к лезгинскому народу. С лезгинским народом необходимо говорить на равных, уважать его стремления и помыслы выраженные в Заявлениях и Решениях съездов лезгинского народа, и следует отпустить его, как говорил Искендер Казиев, на волю суверенности. Что касается Дагестана, то здесь также лезгинский народ не является национальным меньшинством, поскольку почти весь регион Юждага испокон веков принадлежит ему и сохранился за ним. В Дагестане лезгинский народ также не является малочисленным, всегда он занимал второе место по численности. Особенно показательна в этом плане перепись 1886 года (см. главу 8, параграф 5). При советской власти националисты, опираясь на власть, выдавливали лезгин из Дагестана и захватывали их земли. Даже и после этого вандализма лезгиноязычные народы продолжают занимать второе место в Дагестане. Поэтому и здесь следовало бы отпустить его на волю суверенитета. И еще. Приведенные выше заявления и другие материалы не направлены против азербайджано-тюркского или какого-либо дагестанского народа поскольку они сами эксплуатируются и угнетаются "своей" национальной, чаще "интернациональной" бюрократией и не свободны в своей воле и

действиях. Более того, существенные их слои в значительной мере ослеплены и одурманены псевдонациональными идеями, умело выражаемыми и поддерживаемыми деятельностью тюркской и дагестанской бюрократией, вследствие чего народы региона оказались орудием в их руках. В этих условиях основной задачей "Садвал" и других демократических движений и партии Азербайджана и Дагестана является разоблачение фальсификаторов и достижение подлинной демократии во всем регионе. Только подлинная демократия во всех институтах жизни, включая и институты власти в России. Азербайджане и Дагестане приведет народы к освобождению от рабства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По данным истории и этнографии, лезгины, населяющие территорию современного Северного Азербайджана и Южного Дагестана, являются одним из крупных и древнейших народов Кавказа, игравшим большую роль в политической, экономической и культурной жизни региона. В настоящее время он состоит из десяти близкородственных народностей. Помимо лезгин в него входят также табасаранцы, агулы, рутульцы, цахуры, удины, крызы, будухцы, арчинцы, хиналуги.

В IV в. до нашей эры здесь создается албано-лекское государство — Алпан (Кавказская Албания). Изучение исторической географии и топонимики позволяет говорить о том, что лезгиноязычный народ с периода Кавказской Албании до XX в. занимал более значительную территорию на юге, чем в настоящее время. В период IV в. до н.э. — I в. н.э. завершается процесс объединения близкородственных племен и сложения албано-лекского народа. С I в. до н.э. до VII в. н.э. — один из крупных периодов расцвета местной албано-лекской культуры. Культура албано-леков была самобытной. Воздействие эллинистической и римской культур не достигает здесь того уровня, какой наблюдается в Армении и Иберии, так как экономическое развитие и географическое положение Албании обуславливали специфический характер развития ее культуры.

В IV — VII вв. происходит процесс усиления культурного сближения феодальной Албании с соседними Арменией и Иберией на почве общей борьбы с сасанидским Ираном, с Византией и с хазарами, а затем с арабами. Этот период отмечен сближением материальной и духовной культур народов Албании, Армении и Иберии. Это проявилось, например, в усовершенствовании в 415 году армянским просветителем Месроном Маштоцем албано-лекского алфавита, постепенным распространением в Албании через Армению и Иберию христианства. В свою очередь, большое влияние на соседние страны (Армению, Иберию) оказывает музыкальная и танцевальная культура албано-леков. Аналогичным образом обстояло дело и с взаимодействием материальных культур албано-леков, армян и иберов.

До начала распространения христианства (II — III вв.) в Албании, как и в Греции, существовал культ многобожества (Алпан, Мин, Тар, Гек, Тавар, Атар, Алапехъ, Минкир, Инкир и др.) По названию главного божества Алпана ("Громовержца") народ получил название алпанар (алпаны-албаны).

С захватом Албании Персией (III в.) идет процесс насаждения религии зороастризма, навязывания персидского языка и письменности. Это влияние сказывалось, в основном, в городах.

Героическая борьба албано-лекского народа против персидских завоевателей положила начало созданию народного эпоса "Шарвили".

Под воздействием персидских завоевателей уже в VI веке начался распад Албанского государства. Появляются относительно самостоятельные области Албании: Ширван на

юге, Лакз (Восточный и Западный), охватывающий среднюю и северную территорию Албании.

В VII — VIII вв. появляется первое крупное произведение албанского историка М. Каланкатвацви "История Албании", дошедшее до нас на армянском языке.

С начала VII века начинается усиленная экспансия арабских завоевателей. Арабские источники IX — X вв. часто упоминают о лезгинах, табасаранцах, которые оказывают упорное сопротивление завоевателям. Южные лезгины (Ширван) одними из первых принимают мусульманство на Восточном Кавказе и вскоре становятся активными его проводниками. Арабы, захватив Восточный Кавказ, навязали народам этого региона и свою религию (ислам), и письменность.

Новая политическая и экономическая обстановка, сложившаяся в Кавказской Албании после арабского завоевания, обусловила новые формы ее культуры при сохранении древних местных традиций.

В VII — XIII веках албано-лезгины создают произведения на албано-лекском (М. Каланкатвацви), иранском (Низами Гянцеви, Хагани Ширвани и др.) и арабском (Авзал ад-Дин Хунеджи и др.) языках. Естественно, они пользовались и соответствующими алфавитами. Арабским языком и графикой лезгины пользовались до первой четверти XX в. Произведения лезгинских ученых и поэтов на персидском и арабском языках практически не изучены, многие из них присвоены другими народами.

Таким образом, лезгины с начала V века (415 г.) имели и пользовались письменной графикой: собственно албано-лекской, иранской, арабской, а с приходом русских-кириллицей.

В период нашествия татаро-монгольских завоевателей (XIII — XIV вв.) лезгины в литературе того периода проходят как одни из крупных народов Восточного Кавказа. Источники этого периода сообщают также, что лезгины имели своих эмиров-правителей. В начале XV в. лезгинский эмир Мацар (Маза) покоряет Башли, Кайтак, Кумух и на территории нынешнего Дагестана закладывает основы новых династий Кайтакских уцмиев, ханов и шамхалов.

Албано-лекский народ первым встречал завоевателей с юга. Поэтому нашему народу приходилось прилагать огромные усилия для защиты Родины, вписывая в историю Кавказа немало героических страниц.

Непрерывные нашествия персов, арабов, хазар, татаро-монгол, турок не давали возможности восстановить единое государство. Однако и в этих жесточайших переделках албано-лезгинские области сохраняли свои самостоятельные государственные образования — Ширван (VI — XVII вв.) Лакз (VI — XV вв.).

В начале XVIII в. в Албано-Лезгистане повсеместно начались антиколониальные восстания лезгиноязычных народов (при поддержке дагестанских народов — кайтакцев, лакцев...), в результате которых персы были вытеснены из Восточного Кавказа. На обширной территории — Ширван и Куба восстанавливается лезгинское государство-ханство Хаджи-Давуда Мюшкюрского (1721-1728 гг.). Лезгинское государство-ханство официально было признано Россией и Турцией.

Хаджи-Давуд в борьбе с Иранскими завоевателями ищет покровительства и поддержки России. В то время Россия была ориентирована на Персию. Кроме того, посредники между Хаджи-Давудом и Петром Первым представляли русскому царю неверную информацию о намерениях лезгинского хана, вследствие чего Хаджи-Давуд не получил должной поддержки от русского правительства. После этого Хаджи-Давуд заключает союзническое соглашение с Турцией, направленное против Ирана.

Хаджи-Давуд проводил независимую политику, что не нравилось и Турции. Поэтому, пригласив Хаджи-Давуда с семьей и свитой на церемониальные торжества, как руководителя дружественной страны, его коварно арестовывают и отправляют в ссылку на остров Родос в Средиземном море. Правление в ханстве передается Чолак Сурхаю, который был личностью более приемлемой для Турции.

В 30-40-х годах XVIII в. Иран совершает новую агрессию на Восточный Кавказ и захватывает обширные территории, включая и восточную часть Албании-Лезгистана. Надир-шах терпит поражения от лезгин, табасаранцев, лезгиноязычных народов шахдагской группы, других дагестанских народов. После изгнания Надир-шаха на Восточном Кавказе создается множество ханств. Во второй половине XVIII века Фет-Али-хану Лезгинскому удается объединить лезгинские ханства почти на всей территории Албано-Лезгистана. При этом Фет-Али-хан устанавливает дипломатические отношения с Россией, которая оказывает Фет-Али-хану военную помощь в защите интересов Лезгистана.

В 1783 и 1797 годах Россия пытается восстановить государство Алпан (Кавказскую Албанию) в прежних границах.

Покорение Албании-Лезгистана Россией в конце XVIII — начале XIX в. оградило его от непрерывных нашествий иранских и турецких завоевателей и вовлекло в сферу социально-экономической и политической жизни России. Хозяйство и ремесла лезгиноязычных народов после вхождения в состав России все больше приобретают товарные характер и зависят от рынка.

Древнейшими занятиями народностей лезгинской группы были земледелие, садоводство, виноградарство, животноводство, домашние производства и ремесла. Земледелие, садоводство и виноградарство наиболее развиты были у лезгин и табасаранцев, живущих в прибрежных и предгорных районах Юго-Восточного Кавказа. У лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахурцев и народностей шахдагской группы, населяющих горную часть страны, ведущей отраслью хозяйства было скотоводство, особенно, овцеводство. На указанной территории в начале XX в. содержалось более двух миллионов голов скота. К 50-м годам XX века этот скотоводческий комплекс был разрушен националистическими руководствами Азербайджана и Дагестана. За счет этого поголовье скота сократилось в 7-8 раз.

В горной части Албании-Лезгистана ощущался и ощущается недостаток пахотных земель. Земледелие не обеспечивало необходимого прожиточного минимума для населения. Недостающий хлеб приобретался в обмен на продукты животноводства и предметы ремесленного производства у земледельческого лезгинского населения плоскостных районов Албании-Лезгистана.

Таким образом, Албания-Лезгистан представлял и представляет собой единый и взаимозависимый народно-хозяйственный комплекс, области которого не могут существовать отдельно. Поэтому деление его таможнями и границами губительно для лезгинского народа как такового.

Наряду с земледелием и животноводством у народностей лезгинской группы, благодаря наличию сырья: шерсти, шелка-сырца, естественных красителей на основе марены, кожи, глины для керамики, ценных пород дерева, камня, руд были развиты домашние производства и ремесла (ковроткачество, производство тканей, гончарное дело, резьба по дереву и камню, изготовление ювелирных изделий и оружия). Естественными красителями на основе марены Албано-Лезгистан обеспечивал почти полмира.

Указанные ремесла были дополнительными источниками дохода хозяйств. Ковроткачество, производство шелка-сырца, тканей, изготовление ювелирных изделий,

производство краски на основе марены и гончарное производство приобрели ремесленно-товарный характер. Указанные выше изделия отличались высокой техникой изготовления и исключительной оригинальностью. Например, в Отчете дербентского губернатора за 1850 г. говорится: "После марены (естественного красителя шерсти) замечательна выделка азиатского оружия в Дербентском уезде и в Кюринском ханстве" (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп.5, д.372, л.17).

Еще до Октябрьского переворота лучшие лезгинские и табасаранские ковры экспонировались на выставках и выставлялись в музеях США, Европы, и России. Многие экземпляры лезгинских ковров и сейчас хранятся во многих музеях мира.

Как материальная культура, так и весь комплекс хозяйственной и трудовой деятельности народностей лезгинской группы практически идентичны, что свидетельствует об их общности, сложившейся в результате длительных историко-культурных связей. Некоторые особенности материальной культуры народностей лезгинской группы проявляются в зависимости от естественно-географических условий их расселения. Здесь не типы, а варианты одной и той же культуры.

Национальная одежда народностей лезгинской группы в основном сходна между собой. Несмотря на различие хозяйств и доступных горным и прибрежным народностям лезгинской группы продуктов питания, их национальная кухня и способы приготовления блюд также одинаковы.

О древности населенных пунктов народностей лезгинской группы свидетельствуют археологические данные, письменные источники, развалины укреплений, куфические надгробные каменные плиты, остатки христианских базилик, мусульманские мечети и минареты.

В архитектурном отношении селения народностей лезгинской группы находятся в тесной связи с рельефом местности. На плоскости они были просторными, включали сады, виноградники и огороды, а в горах скученными и состояли из тесно прилепившихся друг к другу домов. Села здесь располагались амфитеатром.

У народностей лезгинской группы прослеживается общность в строительной технике и планировке селений и жилищ. Характерные строения в прошлом — это каменные и саманные двухэтажные дома с плоской крышей, с внутренним камином, нишами в стенах жилища и встроенными полками.

В языковом плане все лезгиноязычные народы происходят от одного корня, поэтому их и называют лезгиноязычными. В прошлом языковое различие было минимальным. Наибольшему засорению подвергся язык самого крупного народа — лезгин. Особенно большим деформациям лезгинский язык подвергся за последние 100 лет: он стал эклектичным, совершены большие заимствования из других языков.

Конечно, заимствования слов и понятий из языков других народов неизбежны. Однако в лезгинском языке это сделано варварски: многие коренные лезгинские слова необоснованно заменены словами и понятиями других народов.

Выдающимся событием последнего времени является дешифровка албанских надписей на изделиях, найденных при археологических раскопках в Минчегауре. И все они написаны на чистом лезгинском языке! При этом установлено много лезгинских слов, потерянных в последующем. Все изложенное выше о языке лезгиноязычных народов говорит о том, что настало время его серьезной и продуманной реформы, возвращения в него коренных лезгинских слов, потерянных нами ранее.

Лезгины внесли выдающийся вклад в копилку мировой экономики, культуры и литературы: — созданием собственной письменности в III-IVBB.;

— историографическими произведениями:

Эпос "Шарвили" (III — IV вв.), История Албании (VII — VIII вв.), Ахтынаме (X в.), История Дербента и Ширвана (XI — XII вв.) и т.д.;

— Лезгинский народ дал выдающихся историков, поэтов, писателей: Моисей Каланкатвацви (VII — VIII вв.), Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, Макки ибн Ахмад ал-Бар-даи, Хаким ибн Ибрахим ибн Хаким ал-Лакзи (все XI — XII вв.), Авзал ад-Дин Хунеджи (XIII в.), Мелик Кюреви (XIV в.) и т.д.;

— архитектурными и строительными комплексами — крепости Дербент (VI в.), Торпах-Кала (VI в.), Комплекс Ширваншахов в Баку, старинные сооружения в Шеки, Кабала, Гяндже и др.;

— великолепным прикладным искусством (ковры, гончарные и ювелирные изделия);

— созданием самобытной музыкальной культуры, на которой сейчас основана вся музыкальная культура так называемых азербайджанцев; лезгинская музыка в значительной мере повлияла на музыкальную культуру армян, иберов (грузин), дагестанцев;

— созданием всемирно известного танца – Лезгинка;

— выдающимся вкладом в развитие мусульманской теории и права: Яхья Ширвани (XV в.), Мирза Казембек (XIX в.), М. Ярагинский (XIX в.).

С покорением Кавказа Россией все ханства Восточного Кавказа входят в состав России на договорных началах. Колонизация Восточного Кавказа осуществлялась жесткими мерами, поэтому народы Восточного Кавказа восстают против России (Кавказская война, восстания 1877 г.). После подавления восстания 1877 г. наступает относительно стабильный период развития Восточного Кавказа под опекой России. С конца XIX в. до Октябрьского переворота в рамках единого Российского государства лезгины добились значительных успехов в социально-экономическом и культурном развитии. Со второй половины XIX века в Баку и его окрестностях стали интенсивно осваиваться богатейшие залежи нефти. Для этой цели нужна была дешевая рабочая сила. Поэтому сюда нахлынули народы со всего Кавказа. Поволжья и особенно с соседних стран — Ирана и Турции. Переселенческим процессам из Ирана и Турции способствовало и то обстоятельство, что Россия оказалась более демократическим государством, чем Иран и Турция. По данным профессора М. Исмаилова ("Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. Баку. 1982) отходничество из Северо-Западного Ирана (Иранского Азербайджана) в Россию, принявшее в 80-х годах XIX в. массовый характер, к 1905 г. достигло не менее 300 тыс. человек в год. Большая часть указанных отходников оставалась в Бакинской и Елизаветпольской губерниях. По утверждению указанного автора численность населения Баку в 1843 г. составляла 6198 человек (в основном лезгины, персоязычные таты, талыши...). Численность населения Баку в 1904 году составило 177 тыс. человек, т.е. численность населения Баку за указанное время возросла более, чем в 28 раз.

Тюркское население, перешедшее из Северо-Западного Ирана, в Бакинскую и Елизаветпольскую губернии России от местных аборигенных народов получило название "азербайджанцы", поскольку указанная область Ирана имела историческое название Атропотакан-Азербайджан. В то время людей различали не по национальности, а по месту их происхождения. Например, лезгин из Самурской долины называли "самурцами", из Кубы — "кубинцами", и "Шеки-шекинцами", жителей долины р. Кюра (Кюра) — "кюринцами" и т.д.

В 70-х годах XIX вв. в Турции создается пантюркистское и панисламистское движение, которое ставило перед собой цель теоретического обоснования захвата чужих территорий, их тюркизации и объединения тюркских народов на основе ислама под началом Турции.

В конце XIX — начале XX в. в России начинаются революционные процессы. В 1904-1906 гг. в Баку создаются социал-демократические организации "Фарух" ("Поборник справедливости") и "Гуммет" ("Энергия"), а в 1911 г. — Муссават ("Равенство"). Последний был создан при активном содействии Турции, поэтому он стоял на ярых националистических, пантюркистских позициях.

Воспользовавшись разломными процессами в России, в начале XX в. Турция активно проникает в Закавказье. С помощью Турции турки и пантюркисты прибирают к рукам экономику Баку (Тагиев и др.).

В мае 1918 году в Баку объявляется создание демократической республики Азербайджан. В сентябре 1918 года Турция оккупирует Восточный Кавказ и к власти в Азербайджане приводит турков и пантюркистов. Мусаватисты, захватив власть в Баку, расправляются с организацией "Фарух", физически уничтожают ее руководителей (лезгин).

"Танцующие в церквях большевики", придя к власти в России, не имея опыта руководства страной, не принятые мировым сообществом, хватаются за соломинку — устанавливают союзнические отношения с Турцией, помогают последней в материальном и в военном отношении против Запада. До 30-х годов XX в. Турция активно работает в Восточном Кавказе. Турки и пантюркисты проводят огромную работу по распространению тюркского языка как языка межнационального общения. По данным дагестанского ученого и просветителя Али Каяева турецкий язык в начале XX в. преподавался не только на территории нынешнего Азербайджана, но и в Самурском и Кайтако-Табасаранском округах Дагестана.

В этот период многие топонимы (названия местностей), ойконимы (названия сел, местности, городов), гидронимы (названия рек, озер, морей), урбонимы (названия крепостей, улиц, площадей, базаров) Восточного Кавказа переименовываются на тюркский лад.

Этот процесс продолжается и сегодня. Население Лезгистана полностью охвачено теле-радиопередачами из Баку на тюркском языке. В то же время население Ахтынского и Рутульского районов Южного Дагестана не могут смотреть телепередачи из Махачкалы, а население лезгинских районов Азербайджана вообще лишены телерадиопередач на лезгинском языке, как со стороны Баку, так и со стороны Махачкалы!

Возмутительная метаморфоза произошла с этнографическими картами Дагестана в двух изданиях: "История Дагестана (М., 1957) и "Народы Кавказа" (МЛ 960). За три года между этими изданиями происходит грандиозное "изменение" этноса на значительной территории Лезгистана в рамках Дагестана. В "Истории Дагестана" на этнографической карте народов Дагестана зафиксировано, что от реки Самур до северной границы города Дербента живут таты, горские евреи и лезгины (последних "забыли" указать по первоисточникам), а в книге "Кавказские народы" на карте указано, что эта территория заселена "азербайджанцами"?!

Во время первого разлома России в 1917 году турки захватили значительную часть Лезгистана и создали протурецкую республику Азербайджан... После разлома СССР в 1991 году турки пытаются доконать Лезгистан с помощью дагестанских националистов: лезгинские районы Азербайджана оккупированы войсками и осуществляется полный произвол, они заселяются тюрками, воздвигают государственную границу внутри лезгинского народа, а со стороны Дагестана лезгинские земли захватываются некоторыми дагестанскими народами (особенно даргинцами) под прикрытием даргино-тюркского руководящего альянса Дагестана.

Как и на заре Советской власти в Дагестане, теперь эйфория относительно Турции и турецкого языка: открыты и открываются университеты, колледжи, другие учебные заведения на турецком языке, созданы и создаются кружки и группы для изучения последнего...

В Южном Дагестане турки и пантюркисты (азербайджанцы) получили "полную свободу рук" и осуществляют (под прикрытием дагестанских националистов) полный произвол: убивают неугодных им людей, молодежь развращают наркотиками, всячески способствуют появлению внутри лезгинского народа побольше таможенных постов и пограничных режимов, чтобы окончательно доконать лезгинский народ.

С середины тридцатых годов советского периода под прикрытием лозунгов "расцвета и слияния наций", "пролетарского интернационализма" и т.д. развернулся широкомасштабный процесс "унификации" национального состава СССР, создания советских народов. В Азербайджане этот процесс вылился в тюркизацию нетюркских народов и создание на их основе "азербайджанского" народа. С 1936 года отменено обучение детей на родных языках коренных народов в Азербайджане, закрыты национальные театры, книгоиздательства и т.д.

Слова "азербайджанский", "азербайджанец" идентичны по своему содержанию понятиям "советский", "советский человек". Таким образом, понятия: "азербайджанский народ", "азербайджанский язык", "суверенитет азербайджанского народа" и т.д. такая же политическая фикция, как и "советский", "советский народ", "советский язык"... За понятием "азербайджанский народ" скрывается национал-шовинистическая кланово-государственная бюрократия пантюркистов и турецкого народа.

Подоплека всей этой политики достаточно прозрачна преследует те же цели, что и политика большевизма: под прикрытием лозунгов единства и суверенитета азербайджанского народа, защиты его интересов и т.д., обеспечить поддержку своей политики со стороны азербайджанских тюрков, путем создания для него привилегированного положения за счет ущемления, эксплуатации нетюркских народов. В то же время такая политика позволяет азербайджанской бюрократии на период укрепления своей власти создавать и сохранять потенциальные очаги межнациональных противоречий, например, карабахская война, лезгинская проблема, которые стали палочкой-выручалочкой для перевода опасных для ее господства социальных потрясений в русло выгодных для укрепления кланово-националистической власти в русло межнациональных противоречий.

Для национал-шовинистической государственной бюрократии крайне необходимо и выгодно завершение создания азербайджанского народа. Российские большевики в лице государственно-монополитической бюрократии не успели создать "советский народ", упустили контроль над ситуацией и проиграли. Азербайджанские необольшевики на волне национализма и геноцида нетюркских народов надеются успеть и выиграть процесс создания "азербайджанского народа". Но уже горит под ногами Карабах, пахнет паленым в Лезгистане, покрывается рябью Талышстан, Курдистан..., но им, азербайджанской олигархии кажется, что все это случайности, что они сильнее, умнее и хитрее советской верхушки-олигархии, поэтому они всех переторгуют, купят, обвешают, обчисляют и раздавят.

Аналогично обстоит дело и в Дагестане. В последние 3-4 года в средствах массовой информации много пишут и говорят о противоречиях и противостояниях между многими народами Дагестана. Корни этих процессов — глубокая несправедливость, допущенная в отношении многих народов республики Дагестана при советской власти, да и сохраняющаяся и в настоящее время реальное неравенство между ними в реализации политических, социально-экономических и культурных потребностей. Это, в частности,

ситуация, возникшая в результате массового переселения населения из горных районов на равнину, решения, связанные с реабилитацией репрессированных народов, проблемы разделяемых между разными государствами сейчас лезгинского, ногайского, чеченского народов; трения, возникшие при реализации кадровой политики и при финансировании тех или иных социально-экономических программ для различных регионов; отсутствие механизма волеизъявления народов в ВС Дагестана, вследствие чего там господствуют определенные кланы 2-3 народов.

За годы советской власти и в Дагестане были разработаны ряд тезисов, которые были выгодны представителям правящих кругов, эксплуатируя которых правили "балом в Дагестане". Это — Дагестан — единое и неделимое и что народы в нем в прошлом жили дружно, не воевали друг с другом.

Неверен тезис о том, что владетели Восточного Кавказа, без внешней опеки со стороны могущественных соседних государств, жили самостоятельно и дружно. Практически за всю предыдущую историю, за исключением кратких периодов, Восточный Кавказ находился под властью могущественных государств и местные правители были их ставленниками и служили им. С III в. по VII в. Восточный Кавказ находился под властью Персии, с VII в. по XII в. господствовали арабы, в последующем (XIII — XIV вв.) здесь были татаро-монголы, а затем то Персия, то Турция. С начала XIX в. Кавказ полностью был завоеван Россией. Только с 1747 года, когда Дагестан освободился от иранского шаха, до присоединения Восточного Кавказа к России он жил относительно самостоятельно. За это время, как показано в параграфе 8.7 (гл. 3), ханы Восточного Кавказа, в частности Дагестана, жили как "голодные псы", постоянно нападая и грабя друг друга. Этот процесс прослеживается и теперь!

Неверен тезис и о том, что Дагестан представлял собой единое и целостное за все время его существования. Дагестанская область была образована в 1860 году царской Россией по территориальному принципу без учета расселения народов. Это было очередным административным перекраиванием карты Восточного Кавказа, чтобы держать народы региона в узде. Территория Дагестана и при Советах менялась — территориальные изменения производились в 1921, 1922, 1923, 1938, 1944, 1956, 1957 годах. Присоединение новых земель происходило на севере Дагестана. На юге наши земли отдавались Азербайджану. В частности, в 1956 году огромная территория лезгинку-рушцев, после их насильственного переселения в Хасавюртовский район, в иную этническую среду, передана Азербайджану.

Следует сказать и о том, что в Дагестане никогда не было единой государственности. При царской России он делился на национальные округа, а в целом выполнял роль одной из областей внутренней России, и при советской власти также выполнял роль обычной территориальной области. Поэтому пропагандируемый сейчас тезис о единстве и целостности Дагестана и о его государственности выгоден тем народам, которые господствовали здесь за период советской власти, опираясь на Центр.

Более семидесятилетний советский период лжи, обмана и произвола обернулся для нашего народа новой трагедией: народ приобрел мало, но потерял очень много.

В 30-е годы в Азербайджане, а в 50-е годы в Дагестане к руководству этих республик пришли явно националистические силы. После этого в указанных республиках пошли явные и неявные гонения на лезгин, планомерное уничтожение экономических и культурных ценностей нашего народа и самое страшное — выжигание его духовного и интеллектуального потенциала.

В Азербайджане эти процессы начались в 30-х годах колонизацией лезгинских земель, закрытием национальных школ и театра, прекращением книгоиздательства на лезгинском языке, присвоением нашей истории и культуры; в Дагестане эти процессы начались с

подрыва одной из ключевых отраслей хозяйства лезгинского народа — разрушением скотоводческого комплекса на административной границе Азербайджан Дагестан, целенаправленной колонизацией лезгинских земель другими народами, свертыванием кустарной промышленности, делением народа на части и противопоставлением их. Как пишет профессор М.Аджиев, "правителей напугала многочисленность лезгин. Тогда, как от куска мяса, от "новой" нации отрезали табасаранцев, рутульцев, (агулов, цахурцев, удин, арчинцев, крызов, хиналуцев — Г.А.), чтобы теперь лезгины не перевешивали в торговле за власть... Нет народа — нет проблем. Маленький народ — маленькие проблемы".

Политика "разделяй и властвуй" подхвачена и нынешними руководителями Дагестана, Азербайджана и некоторыми представителями указанных республик в властных структурах в России. Иначе как можно объяснить следующий факт. Бывший Совет национальностей ВС России совместно с институтом этнологии и антропологии Российской АН стали выпускать журнал "Этнополитический вестник России", сопредседателем Редакционного совета является и Р. Абдулатипов. В первом номере этого издания (1992 г), в статье "Народы и культуры" говорится, что "окончательно апробирована методика описания как отдельного народа, так и групп родственных народов, определены более или менее объективные подходы по отношению к общеисторическому прошлому". Собираются выпустить 35 томов, посвященных этой проблеме. Понятны названия, например, второго тома: Абхазы, Убыхи, Абазины, Адыги (1991 г.), одиннадцатого тома: Молдаване, Румыны; непонятно содержание двадцать седьмого тома: Курды, Ассирийцы, Талыши, Таты, Удины, Крызы, Будуги, Хиналуги, которого собираются выпустить в 1993 году. Как стали лезгиноязычные народности: удины, крызы, будуги, хиналуги, живущие на своих исконных землях Азербайджана родственными ираноязычным народам: талышам, тэтам и другим?

Четко прослеживается и другая линия — это планомерное разрушение природы, среды проживания лезгин. Уникальный природный комплекс — Самурский лес, в том числе, река Самур, находятся на грани экологической катастрофы. Из акватории Самурского леса, пробуравив более 100 глубинных скважин, выкачивают родниковую воду и подают в Баку (по двум линиям труб двухметрового диаметра). Катастрофическое обезвоживание в низовьях р. Самур, выкачивание грунтовых вод — это не только гибель уникального леса, осолонение земель, но и прямая ликвидация условия для хозяйствования и жизни сотен тысяч людей. Более того, запланировано строительство 3-й линии водопровода из Самур-Кусарчайского междуречья (родниковых вод) в Баку, с вводом которого выкачка только грунтовых вод из лезгинских районов достигнет более 800 тыс. куб.м. в сутки. Таким образом, экологическая ситуация в лезгинских районах (с учетом водозабора до 85% из р. Самур в Азербайджан) стала катастрофической. За последние 30 лет площадь Самурского леса уменьшилась в 3 раза!

До 50-х годов советского периода северные районы нынешнего Азербайджана и южные районы Дагестана составляли единую экономическую зону — скотоводческий комплекс, где содержалось более двух миллионов голов скота. Жители южных районов нынешнего Дагестана имели зимние кишлаки в Кубинском, Хачмасском, Кусарском и других лезгинских районах нынешнего Азербайджана, а жители Кубинского, Хачмасского, Кусарского и других районов имели летние яйлаги на альпийских лугах Юждага. Скотопрогоны между летними яйлагами и зимними кишлаками имели максимальное расстояние всего 50-70 тем.

Однако в 20-е годы в Азербайджане усилились националистические подходы в решении любых вопросов. Уже в то время начался процесс присвоения лезгинских земель. Сказанное подтверждает и следующий факт.

19 августа 1925 года состоялось общее собрание жителей с. Куруш, на котором присутствовал председатель Даг. ЦИК Н. Самурский. На нем говорилось, что жители Куруша живут только кочевым скотоводством, в силу этого пастбища имеют для них исключительное значение. До революции курушцы были в достаточной степени обеспечены пастбищами. На южных склонах Шахдага и в Кубинском уезде курушцы имели более 50 яйлагов, большая часть из них принадлежали им, остальные брали в аренду. Курушцы жалуются, что им не только не предоставляют яйлаги в аренду, но и отняли у них принадлежащие им. В связи с этим просят правительство срочно выяснить вопрос о границах и вернуть Дагестану территории, раньше принадлежавшие им; просят закрепить за ними все яйлаги, которыми они пользовались (ЦГА ДАССР, ф. Р-37, оп.20, ед.хр.46).

Тогда не только курушцам, но и всем жителям Ахтынского, Докузпаринского и Рутульского районов удалось отстоять свои земли в Азербайджане, включая и зимние пастбища. Однако в 1950 году, в нарушение Постановления СНК СССР от 24 мая 1945 года, ликвидируются зимние пастбища указанных районов Южного Дагестана в Азербайджане. Сейчас численность мелкого рогатого скота в Ахтынском и Докупаринском районах сведена к нулю. В 1948 году в двух районах было более 800 тыс. голов.

Огромный урон нашим народам в 50-е годы нанесло переселение горцев на равнину. Все это делалось будто для облегчения жизни, для улучшения социально-экономического и культурного развития горцев. Однако переселение горцев на равнину имело и подспудные цели — захват чужих земель. Иначе как можно объяснить то обстоятельство, что вслед за переселением горцев-лезгин на равнину скотоводческие кутаны переселенных хозяйств передали колхозам и совхозам из других районов. В настоящее время в горах Южного Дагестана расположены кутаны даргинцев и лакцев из следующих районов и хозяйств:

1. В Рутульском районе:

- из Левашинского района — колхозы: "Цудахарский" (1832 га), "Маяк" (480га);
- из Акушинского района — колхозы: "Калинина" (299 га), "Орджоникидзе" (700 га), "Красный партизан" (170 га), "Дружба" (697 га), "Кр. Знамя" (664 га), "Мичурина" (1046 га), совхоз "Уйташский" (360га);
- из Дахадаевского района — совхозы: "Зубенчитский" (809 га); "Заря" (208 га), "Аштынский" (526 га), "Дуакарский" (963 га)
- из Лакского района колхозы: "Ленин" (1942 га), "Чапаева" (234 га), "Кр. Знамя" (1175 га), "Дагестан" (699), "Капиева" (443 га), "Жданова" (805 га), "Калинина" (276 га), совхоз "Хуринский" (936 га).

2. В Курахском районе:

- из Дахадаевского района — совхоз "Ирагинский" (154 га).

3. В Агульском районе:

- из Дахадаевского района — совхоз "Маяк" (215 га), "Заря" (756 га), "Ирагинский" (1557 га), "Аштынский" (356 га), "Ду-акарский" (90 га), "Гуподтынский" (459 га).

Отметим и то, что зимние пастбища Ахтынского, Докузпаринского и Рутульского районов в северных сопредельных лезгинских районах Азербайджана ликвидировали в 1950 году, а летние пастбища для азербайджанской стороны не только сохранены в горах Южного Дагестана, но и расширены. Азербайджан пользуется на территории Рутульского, Докузпаринского и Ахтынского районов более 50 тыс. га. И вдобавок, насильно переселив с. Куруш в Хасавюртовский район, в 1956 году огромная территория Курушцев передана Азербайджану. Теперь они ими пользуются как своими.

Если сто лет назад при царской России лезгины представляли собой мобильно развивающийся народ со своими веками отработанными производствами (садоводство,

виноградарство, животноводство, шелководство, производство тканей, ковровое дело, гончарное и ювелирные изделия), то при советской власти, варварскими методами уничтожено одно из ведущих отраслей хозяйства Лезгистана — овцеводство. Полностью ликвидировано шелководство, производство тканей, гончарное и ювелирное производство, а производство ковров практически также сведено на нет.

Лезгинские районы с советского периода относятся к районам с наиболее высоким уровнем эмиграции и наименее развитым в промышленном отношении. Как в Азербайджане, так и в Дагестане лезгинские районы являются сырьевым придатком и источником дешевой квалифицированной рабочей силы. Сырье, сельскохозяйственная и иная продукция, производимая в лезгинских районах обеих республик, бесконтрольно и контрабандно вывозятся и используются без учета национальных интересов лезгинского народа. Инвестиции в экономику лезгинских районов значительно уступали и уступают прибыли, получаемой из этих районов. По существу, осуществляется прямая колониальная эксплуатация лезгинского народа, узаконенно расхищаются его национальные богатства, природные ресурсы.

По социально-экономическому развитию лезгинские районы в Азербайджане и Дагестане отстают от уровня других регионов в указанных республиках в 2-3 раза. Это вынуждены признать и официальные органы власти. В частности, в официальном документе, составленном государственным Комитетом экономики Дагестана, сказано: "Располагая достаточным производственным, экономическим и ресурсным потенциалом, благоприятной климатической и природной средой, южная зона в экономическом и социальном развитии является отсталым, депрессивным регионом Дагестана... Районы Южного Дагестана почти по всем показателям экономического развития значительно уступают средне-республиканским показателям. Если учесть, что уровень социально-экономического развития республики Дагестан намного ниже по сравнению со средне-российскими показателями, то ясно, в каком критическом положении находится данный регион. Деформированная инвестиционная политика, низкий уровень развития инфраструктуры, значительное количество безработных, нерациональное размещение производительных сил, увеличение числа беженцев требует принятия принципиально новых экономических, политических и административных мер в решении накопившихся проблем".

В экономическом и социально-культурном плане лезгины в Азербайджане находятся тоже в плачевном состоянии. Вот что писала республиканская газета Азербайджана "Вышка" о социально-экономическом развитии одного из самых крупных лезгинских районов Азербайджана: "Кусарский — из тех районов республики, где в прошлом накопилось много социальных проблем, десятилетиями игнорировались нужды и запросы людей. Кусары в числе тех немногих районов республики, где наиболее высоки показатели детской смертности. Здравоохранение сильно отстает... Нет ни одного объекта бытового обслуживания. Объем бытовых услуг на душу населения составляет в год лишь 7 рублей, что в несколько раз ниже среднего республиканского уровня"...

Профессор М.Аджиев, пишет: чтобы утвердиться с 30-х годов и вплоть до 60-х наместники народной власти заставляли лезги платить так называемый налог за оседлость, его платили в республике лица некоренной национальности, то есть не азербайджанцы (не турки — Г.А.) За проживание на родной земле с лезги брали деньги! Лишь одно спасало лезги от уплаты этого унижительного налога — записывай себя азербайджанцем, тогда в Баку открывались, например, двери "бесплатного" образования. (Разве честь теперь что-нибудь стоит?)

Так национальная политика готовила себе национальные кадры. Кадры, которые никому и не были нужны. Зачем они, если нет рабочих мест?

Семьдесят лет кряду из страны лезги "утекают" мозги и руки. Здесь нет ни научных учреждений, ни современной промышленности. Зато есть талантливые ученые, квалифицированные инженеры и рабочие, которые нашли свою судьбу на стороне. Парни из Тагирджала, например, работают в химических цехах Сумгаита, на промыслах Тюмени и Баку.

Правда, только второстепенная работа, как правило, достается им. Но даже не в этом мне видится беда. Главное — растворяется гордый народ гор по имени лезги. Вот что, на мой взгляд, самое страшное, самое невосполнимое!"

Недаром, ознакомившись с этим произволом, профессор М.Аджиев далее пишет: "Даже после Тимура, Надир-шаха в Лезгистане все-таки было иначе: никто не рубил корни дерева — завоеватели лишь обирали плоды".

Такое было положение лезгинского народа до недавнего времени. Как известно, из-за развала СССР, разрыва связей между предприятиями, многие заводы оказались в очень трудном положении: пошли сокращения рабочих. В первую очередь оказались на улице лезгины... Когда начались процессы приватизации и акционирования предприятий, то уволенные рабочие оказались ни с чем, хотя по закону они должны были получить свою долю акций. Лезгиноязычные народы и в Дагестане и в Азербайджане составляют около 30%, вклад их в создание материальных основ указанных республик еще больше, однако в процессе "прихватизации" лезгиноязычные народы не получили в свою собственность даже 1% приватизированных и акционированных предприятий. Таким образом целенаправленно народ лишен всяких основ к существованию.

Значительная часть населения лезгиноязычных народов, особенно в горах, в буквальном смысле голодает. Чтобы как-то выжить, они вынуждены распродавать за бесценок все то, что имеется в доме. Очень часто в музеи Махачкалы, Баку приходят ходоки из лезгинских районов и предлагают за бесценок великолепные старинные ювелирные изделия лезгинских мастеров. Аналогично обстоит дело с ковровыми изделиями. Мы теряем последнее наше достояние, созданное трудами выдающихся мастеров предыдущих поколений. А ведь они не восполнимы! Вот так уходит от нас богатство, созданное веками!

Найдите во всем Лезгистане хотя бы одного богатого человека. Их нет и они не могли появиться, поскольку за каждым, кто что-то представляет в этом плане, осуществляется негласная слежка, они находятся под пристальным "вниманием" властных структур Дагестана и Азербайджана, которые делают все, чтобы уничтожить таких людей.

Убит генеральный директор мощнейшей фирмы в Дагестане — Арсен Байрамов, фирма разорена, убит "король" коврового дела в Дербенте Н.Салихов, травля ведется против банкира Магарамкента (несколько месяцев тому назад ОМОНОм избит его отец, сам чуть не погиб в автомобильной катастрофе: у "джипа" на ходу отвалилось переднее колесо...), разоряют всякими правдами и неправдами средней величины фермера из с. Самур и т.д. Положение дел с этим в Азербайджане еще хуже.

Теперь наложите на общий фон возросшей криминогенной обстановки в стране в целом и в частности, в Лезгистане, целенаправленные убийства на национал — политической основе, гибель в непомерно большом количестве в процентном отношении лезгинских парней в Карабахской войне, то мы увидим, что выстрелы делали и делают в будущее лезгинского народа. Если дело как пойдет далее, то мы останемся без молодежи. Против нашей молодежи ведется настоящая, неприкрытая охота, их убивают, сажают в тюрьмы, развращают наркотиками из Азербайджана... Самое страшное — практически сейчас вся лезгинская молодежь безработная, некуда приложить силы. Это очень опасно!

Сколько же этих лезгин, особенно молодежи, которых выкинули из жизни и теперь живут, если это можно назвать жизнью, "тихо" досадуя на жизнь, не добившись ни элементарных условий, ни справедливости. Нас кромсают, уничтожают поодиночке! Когда же, уважаемые лезгины, мы станем объединяться против произвола и издевательства и дадим бой националистам всех мастей?! Когда же мы перестанем цепляться друг за друга по мелочам на радость врагам?! Когда же интеллектуальный потенциал нашей интеллигенции направим на созидание нашего Лезгистана, на восстановление духовных и материальных ценностей нашего народа?!

Нас часто пугают Карабахом. Разве Карабахом для нас не является сама наша жизнь? Разве нас не уничтожают физически и духовно и материально и в Дагестане и в Азербайджане? Сколько в упор расстрелянных, зарезанных, сидящих в тюрьмах за простые провинности, за которых другим не дают и 15 суток?! А сам Карабах? Там погибло больше лезгинским парней, чем в абхазо — грузинской войне! Нас просто уничтожают "тихо — сапо". На днях мы похоронили в Хачмасском районе нашего родственника, замечательного парня, погибшего в Карабахе. За что он погиб? Что нам сделали карабахцы? За что сотни "садвалистов" и несадвалистов" сейчас подвергаются в тюрьмах Азербайджана истязаниям, кто за них заступится?!

Тысячи лезгин из Азербайджана сейчас скрываются в районах Южного Дагестана от преследований по политическим мотивам. Они вынуждены скрываться и в Дагестане, поскольку и в южных районах Дагестана свирепствуют сотрудники МВД Азербайджана на основе договора с МВД Дагестана, якобы заключенного с целью борьбы с экстремистами и насильниками. На основе этого договора они хватают всех, кто им попадают в руки в Южном Дагестане, увозят их в Азербайджан и сулят их как преступников или отправляют на Карабахскую войну.

Раньше, до распада СССР, для нашей молодежи Россия была отдушиной: она уезжала туда, устраивалась на работу и жила. Теперь и в России стало неуютно жить, поскольку мы тоже вошли в число "лиц кавказской национальности".

Беженцам из Азербайджана не оказывается никакая помощь, поскольку представители власти Дагестана, в частности, сотрудники Госкомнаца, не находят их на местах и составляют справки, что в Юждаге нет беженцев. Так и живут эти несчастные: собственный дом, Лезгистан стал для них чужим, не могут спокойно жить и работать. А нас еще пугают Карабахом! То, что с нами совершают, это хуже Карабаха! На войне с честью можно погибнуть за свою Родину, за свои идеалы. За что гибнет наша молодежь сейчас?! За какую Родину, за какие идеи?

Таким образом, убивают, вытесняют из Дагестана и Азербайджана лучшую часть нашей интеллигенции, наших патриотов. Из нас фактически уже сделали манкуртов. Кто знает историю нашего народа, ее культуру и выдающихся деятелей. Давайте поставим вопросы по-другому: было ли так, чтобы в Азербайджане или в Дагестане отмечали какие-либо события, связанные с жизнью нашего народа или знаменательные даты выдающихся деятелей на уровне, например, как отмечают "круглые даты" Шамиля, имама Гази-Мухаммеда или Расула Гамзатова? Привожу эти примеры потому, что сам видел, как помпезно и пышно это делалось с использованием огромных средств из казны! Аналогично обстоит дело и в Азербайджане.

А может быть у нас, у нашего народа, нет таких дат или нет таких деятелей, чтобы их можно было отметить всем джамаатом Дагестана или Азербайджана, или еще шире?

Давайте, уважаемые читатели, оглянемся назад в историю албано-лезгинского народа: сколько выдающихся дат в истории народа и сколько выдающихся личностей?! Чтобы не быть голословным перечислим некоторые из них:

— выдающиеся вехи албано-лекских государств: Кавказской Албании, Ширвана, Лакза (Лекзистана) и ханств;
— 5 тысячи лет Дербенту, 2500 лет Ахцах, 1400 лет нынешней Дербентской крепости, 2500 лет Кабала, 1500 лет Торпах-Кала и т.д.;
— 1700 лет Эпосу лезгинского народа "Шарвили", около 1600 лет албано-лекской письменности; 1200 лет "Истории Албании" Моисея Калангатвацви, 900 лет "Ахтынаме" и т.д.;
— М.Каланкатвацви (VII в.), Ильяс Низами (XII в.), Хагани Ширвани (XII в.), Ибрагим ал-Лакзи (XII в.), Хиналугский (XII в.), Мелик из Кюре (XV в.), Давуд-бек Мюшкюрский (на стыке XVII — XVIII вв.), Эмин из Ялцуга (1698-1777 гг.), Магомед Ярагинский (1761-1838 гг.), Мирза Али ал-Ахты (1771-1858 гг.), Сайд из Кочхюра (1767-1812 гг.), Аббас-кули Ага Бакиханов (1794-1847 гг.), Фет-Али-хан (1758-1789 гг.), Мирза Казембек (1802-1870 гг.), Етим Эмин (1838-1884 гг.), Гасан Алкадари (1834-1910 гг.), Балакиши Араблинский (1828-1902 гг.), Узеир Гаджибеков (1885-1948), Ниязи Гаджибеков (1912-1989 гг.), Сулейман Стальский (1869-1937 гг.) и т.д.

Нельзя сказать, что наши культурные ценности, наших выдающихся деятелей вообще не вспоминают, не отмечают их "круглые даты". Например, недавно отмечали, включая мировое сообщество, 800-летие со дня рождения Ильяса Низами. Но как? Как выдающегося деятеля культуры Востока. Даже не вспомнили название лезгинского народа, который породил его. Более того, турки приписывают И.Низами себе, а иранцы — себе.

Есть пример и другого характера. В декабре 1993 года отмечали 100-летие со дня рождения народного поэта Дагестана Тагира Хрюгского. Ему было присвоено почетное звание народный поэт Дагестана, поскольку его творчество носит интернациональный и народный характер и очень любим народами, особенно собственным лезгинским народом... И что же? Отмечали эту знаменательную дату в читательном зале библиотеки им. А.С.Пушкина. В зале сидело порядка 50 человек. Вел "творческий вечер" Расул Гамзатов...

В демократических преобразованиях в бывших республиках СССР впереди идет Россия, но и здесь трудно преодолевается прошлое. Принятая новая Конституция России не лишена серьезных изъянов, хотя в ней сделаны значительные шаги к демократическому устройству России. Прежде всего обращает на себя внимание высокая ориентированность на международные стандарты в области прав человека. Предлагается широкий контроль суда, вообще судебной системы за деятельностью государственных органов в тех случаях, когда они могут нарушить или нарушают права граждан, их законные интересы. Вместе с тем в новой Конституции России не решен национальный вопрос.

Если рассмотреть правовые основы государственности Азербайджана, то здесь пока ничего не изменилось, а по национальному вопросу осуществляется полный произвол. Азербайджанское правительство узурпировало волю народов Азербайджана под прикрытием термина "азербайджанский народ" (сравните — "советский народ"), признает только за тюркским народом Азербайджана право на самоопределение и отделение от бывшего СССР: в то же время не признает за лезгинским народом не только право на самоопределение, но даже право на свое название, поскольку лезгинский народ не упоминается ни в одном законодательном акте. Это верно не только в отношении лезгинского народа, но и других нетюркских народов Азербайджана: аварцев, карабахских армян, талышей, курдов и т.д. Более того, вопреки всем нормам международного права в Азербайджане приняты ряд законодательных актов и других официальных материалов, в соответствии с которыми лезгинский народ лишается самой основы своего физического существования как этнической общности: права на землю и природные ресурсы, на компактную историческую территорию своего обитания. Так, в проекте

Конституционного закона Азербайджана "Об основах экономической самостоятельности Азербайджана" говорится: в отличие от позиции Центра, изложенной в законе СССР "О собственности", мы считаем, что земля в любом районе Азербайджана, считается неотъемлемой и безраздельной собственностью Азербайджана, а не народов, проживающих в этих регионах"... И далее "Экономическая самостоятельность Азербайджана основывается на неотъемлемой и безраздельной собственности нашего народа (азербайджанских тюрков — Г.А.) на жизненное пространство, производственные ресурсы и природные богатства". Эти положения закреплены и в Конституции, и в законе о суверенитете Азербайджана.

Одновременно с целью размывания компактного расселения лезгинского народа, несмотря на нехватку земли местным жителям, переселяли и переселяют на их земли ранее — тюрк-месхетинцев, а теперь — беженцев — азербайджанцев-тюрков. Так, например, в распоряжении, изданном Советом безопасности Азербайджана, прямо указано, куда следует переселиться беженцам из Карабаха. Из 11 районов, указанных в распоряжении, 9 являются районами, где проживают лезгины и лезгиноязычные народы.

И, наконец, чтобы окончательно лишить лезгинский народ возможности своего национального возрождения, защиты национальных прав, делается попытка узаконить! незаконное: вопреки воле лезгинского народа, пытаются делить его между двумя государствами — Россией и Азербайджаном. Для этого еще в 1991г. Азербайджан в одностороннем порядке принял законодательные акты о государственной границе Азербайджана, о создании Комитета по охране границы. При этом в одностороннем порядке с января 1992г стал строить атрибуты государственной границы по административной границе Азербайджан — Дагестан.

Недавно опубликован проект Конституции Дагестана. Возвращаясь к спорам о государственном устройстве РД, заметим, что в проекте Конституции /статья 63/ записано: "РД-унитарное государство всего дагестанского народа". Возникает вопрос, что за дагестанский народ? Разве кумыкский народ не отличается от лезгинского, аварского или другого дагестанского народа? Не хватит ли нам тех бед, которые заимели, исходя из таких обезличенных понятий как "коммунизм", "советский народ", "совхоз" и т.д. Неужели трагически прошлое ничему нас не научило?

Говоря о принципах составления ВС Дагестана, многие (особенно представители так называемых "многочисленных народов Дагестана) предлагают сформировать ВС Дагестана согласно процентному соотношению народов Дагестана. А оно-то фальсифицировано! В этом каждый убедится, если сравнит национальный состав Дагестана 1886 (см.гл. VIII) и 1989 годов.

Лезгинский народ, самый крупный и демократичный в Дагестане. Поэтому представители лезгинского народа, как и ранее, до 50-х годов, должны доминировать во всех структурах власти. Только в этом случае восстановится в Дагестане закон и порядок.

Административное разделение лезгинского народа между Российской Федерацией и Азербайджаном, длившееся с 1920 года, сменяется межгосударственным разделом, что грозит ему национальным распадом. Целый народ с реальной численностью населения более двух миллионов человек и расселенный на сплошной и хозяйственно целостной территории, превращается в обоих государствах в национальные меньшинства. Лезгинский кризис усиливается тем, что он происходит в условиях углубляющегося социально-экономического отставания, которое находится на совести азербайджанских и дагестанских властей. Это, в свою очередь, затрудняет модернизационные процессы. Негативным итогом взаимодействия социально — экономического и национального кризисов лезгинского народа является обнищание значительной части населения, отсутствие у него средств для участия в приватизации, акционировании и создании

частных предприятий и других экономических структур. Вместе с тем резко снижается правовой и социальный статус народа, занимающий среди народов Кавказа 4-е место, а среди народов Азербайджана и Дагестана 1-е место из коренных народов. Его историческая судьба почти целиком оказывается в распоряжении государственных органов Азербайджана, Дагестана и России.

С распадом СССР положение малочисленных народов в новых государствах стало исключительно острым и еще более тяжелым. Если ранее господствующие этносы и их коррумпированные кланы в руководстве республик как-то оглядывались на Центр, на Москву, боясь, что их отстранят от кормила, то теперь в новых самостоятельных государствах осуществляется полный открытый произвол в отношении малочисленных народов. При этом ответственность за обострение межнациональных отношений возлагается на малочисленные народы и их представителей. Разве не по этому сценарию арестованы и брошены в тюрьмы патриоты лезгинского народа в Азербайджане? Их обвиняют в незаконном хранении оружия и в экстремизме. Ведь это надуманные предлоги, чтобы расправиться с активистами ЛНД "Садвал", и тем самым сбить накал протестов лезгинского народа против националистической политики руководства Азербайджана.

Газета "Истиглал", (№ 14 (82), 1993), издаваемая социал-демократической партией Азербайджана, признала репрессии, проводимые в Азербайджане против членов Лезгинского народного движения "Садвал" и приводит список лиц, подвергшихся политическим репрессиям в Азербайджане в январе-мае 1993 г. Только в одном указанном номере газеты перечислены 10 "садвалистов": Абдуллаев Фараддин (с. Ялама), Алисманов Бекир, Алиханов Мутар (г. Кусары), Гаджибеков Ровшан, Гаджиев Агасамед (г. Хачмас), Зохранов Маздал (Кусарский район), Ибрагимов Джамал (г. Кусары), Гасымов Сурхай (с. Ялама), Рустамов Султан (с. Ялама), Шайдаев Эльхан (г. Кусары).

В послесловии написано: "Предлагаемый список, составленный Бакинской правозащитной группой не претендует на полноту. Он содержит немногим более половины из числа подвергшихся арестам и задержаниям за январь-май 1993 г. Кроме того, в тот же период в северных районах Азербайджана за антиправительственную деятельность было арестовано несколько десятков сторонников ЛНД "Садвал". Число уволенных с работы в связи с политической неблагонадежностью вообще не поддается даже приблизительной оценке".

Десятилетиями деятельность лезгинской интеллигенции жестко контролировалась, многие из них подверглись гонениям, необоснованным репрессиям, ибо жрецы "старой и новой" политики понимали и понимают, что сведя на нет интеллигенцию народа, можно свести на нет сам народ.

Всеми бывшими руководителями Азербайджана и Дагестана за весь период Советской власти велась явно выраженная дискриминационная, националистическая политика, вследствие чего лезгиноязычные народы оказались в тяжелом экономическом положении, духовно они задавлены, они вынуждены были бежать со своей исконной земли, бросать свою Родину.

Движение населения характеризуется миграцией со своей этнической территории в Дагестане и Азербайджане преимущественно за пределы указанных республик — в республики Средней Азии, в Сибирь, Поволжье, Ставропольский край, на Украину и т.д. Соответственно оно сокращается в границах своей этнической территории.

Сокращение численности населения за 1979-89 годы по Дагестану составило:

1. Агульский район — на 24,5%
2. Ахтынский район — на 5,8%

3. Курахский район — на 26,2%
4. Сулейман-Стальский — на 11,2%
5. Рутульский район — на 15,4%
6. Табасаранский район — на 1 %
7. Хивский район — на 15%

Основной причиной миграции лезгиноязычного населения за пределы традиционного расселения в Дагестане и Азербайджане являются низкий уровень жизни, потеря естественных источников доходов (народных промыслов, ремесел, скотоводства и т.д.), отсутствие на этнической территории городов и трудоёмких производств несправедливое, тенденциозное отношение к ним со стороны руководства обеих республик.

Лезгиноязычным народам не оказывается должной помощи даже в экстремальных условиях. Вспомним хотя бы положение дел с беженцами (более 10 тыс. человек) из Гурьевской области (из г.Новый Узен) Казахстана. После этих событий прошло почти четыре года. Однако до сих пор беженцам не оказана соответствующая помощь. Органы власти создали иллюзию, что беженцам оказана существенная помощь, а фактически мало чем помогли.

Представители нашего народа и в их числе созданный в 1989 году "Садвал", неоднократно обращались с протестами, заявлениями и требованиями ранее в соответствующие органы СССР, РСФСР, Аз. ССР, ДАССР, а после развала СССР Российской Федерации, Азербайджана и Дагестана о защите национальных прав лезгинского народа, но безрезультатно. В настоящее время, как уже выше отмечалось, эта политика приняла форму жесткого геноцида в отношении лезгинского народа. Именно эта политика Азербайджана и Дагестана и позиция равнодушия и попустительства со стороны Российской Федерации являлись и являются важнейшей причиной обострения межнациональных отношений и конфликтов, политических акций протестов лезгинского населения в Азербайджане и Дагестане и одной из существенных причин роста напряженности в Восточном Кавказе. Изложенные выше факты и обстоятельства освещают лишь часть проблем нашего народа и его трагического положения. Но и они достаточно убедительно и однозначно показывают, что Азербайджан и Дагестан рассматривают лезгинский народ как объект республиканской собственности и колониальной эксплуатации. По существу, правительства Азербайджана и Дагестана проводили и проводят в отношении лезгинского народа политику геноцида, используя при этом все имеющиеся в их распоряжение возможности: 1. Конституционное и законодательное ущемление интересов лезгинского народа в политической, экономической и культурной областях; 2. Непризнание лезгинского народа как коренного равноправного народа Азербайджана; 3. Официальное на уровне государственной политики, унижение национального достоинства в обеих республиках; принудительная ассимиляция лезгин в Азербайджане. 4. Непризнание за лезгинским народом права владения, пользования и распоряжения землей, природными и производственными ресурсами на территории его компактного расселения; 5. Разбазаривание лезгинских земель, заселение их тюрками, даргинцами..., присвоение сырья сельскохозяйственной и иной продукции; 6. Расхищение рыбных богатств Албано-Лезгистана турками и некоторым? дагестанскими народами; 7. Хищническая эксплуатация лезгинских земель — вплоть до истощения их природных ресурсов, в том числе Самурского леса, реки Самур, подземных уникальных вод и нарушения природного баланса, которое с закономерностью ведет к экологической катастрофе в этом регионе и невозможности проживания лезгинского народа; физическое уничтожение лезгинских лидеров, лезгинской элиты и молодежи в Карабахской войне; 8. Вопреки вале лезгин, установление режима государственной границы внутри народа, нарушающего его политическую, экономическую и культурную целостность, сложившуюся тысячелетиями, тем самым

делая необратимым уже начавшийся процесс национальной деградации и люмпенизации лезгинского народа и невозможность его сохранения и развития как самобытной этнохозяйственной и культурной единицы мирового сообщества народов.

Результатами этой политики являются: узаконенное национальное бесправие и эксплуатация лезгинского народа, расхищение национальных богатств, уничтожение его культуры, кризисное ухудшение экологической среды его обитания, низкий уровень жизни, высокая детская смертность и эмиграция, физическое уничтожение активной части лезгинской интеллигенции, особенно молодежи в Карабахской войне, уменьшение численности лезгинского народа на территории его компактного расселения и нулевой естественный прирост — вот непосредственные результаты этой политики. Именно подобные факты и результаты, согласно нормам международного права, входят в число важнейших критериев при определении наличия геноцида в политике того или иного государства. Изложенные выше факты произвола и ущемлений в отношении нашего народа и его представителей лают нам полное право обратиться в ООН и другие международные организации, чтобы они не только осудили эту античеловеческую политику Азербайджана и отчасти России в лице Дагестана, но приняли бы по отношению к ним соответствующие санкции.

Хорошо представляя себе сложность практической реализации единства Лезгистана, учитывая прежде всего сложившийся комплект международно-правовых норм, следует еще раз подвергнуть анализу правомочность его постановки именно в юридической плоскости, ибо существует целый комплекс оснований для восстановления самостоятельности нашего народа:

- 1) историческое - С античных времен лезгины живут на территории нынешнего Северного Азербайджана и Южного Дагестана;
- 2) демографическое — 70-80% населения этого региона и ныне составляют лезгины;
- 3) правовое:
 - а) наличие у лезгин в прошлом государственности (Кавказская Албания в древности, Лакз и Ширван — в средневековье, Ханство Дауд-бека Мюшкюрского и Фет-Али-хана Лезгинского в XVIII веке;
 - б) все международные акты о правах человека и зависимых народов находятся на стороне нашего народа.

Во времена Российской монархии никто не покушался на единство лезгинского народа в его самосознании. Сами лезгины не придавали особого значения тому, что после принятия Российского подданства они были административно разделены между Бакинской, Елизавет польской губерниями и Дагестанской областью. Россия была унитарным государством и такому разделению не придавали значения. СССР тоже был унитарным государством, но уже с разделением национально-территориального характера, поэтому все годы, следовавшие распадом Российской империи и становления СССР, прошли, как описано выше, в борьбе лучших представителей лезгинского народа за восстановление единства народа и его государственности.

В 1920 году были объявлены образования Азербайджанской и Дагестанской республик в составе — Советской империи. При этом были проигнорированы волеизъявления лезгинского народа: при актах провозглашения названных республик не только не было выяснено волеизъявление лезгинского народа, но лезгинские делегации на соответствующих съездах, где провозглашались республики Азербайджан и Дагестан, отсутствовали.

Земли лезгин оказались в России и Азербайджане в процессе колониальных захватов России и Турции, поэтому к нынешнему статусу лезгинского народа полностью

применимы международные решения и резолюции, принятые генеральной Ассамблеей ООН в отношении колониальных и зависимых народов.

В частности, ООН своей Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1960 года, заявила, что "подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация является отрицанием основных прав человека, противоречит Уставу ООН и препятствует развитию сотрудничества и установлению мира во всем мире. Все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое социальное и культурное развитие. Любые военные действия или репрессивные меры какого-бы то ни было характера против зависимых народов, должны быть прекращены с тем, чтобы предоставить им возможность осуществлять в условиях мира и свободы свое право на полную независимость, а целостность их национальных территорий должна уважаться".

Согласно принципам международного права о коренных народах, территория постоянного компактного расселения лезгинского и других родственных ему народов, ее недра, богатства составляют неотъемлемую национальную собственность. Ни один другой народ, который не является коренным для этой территории, не может претендовать на нее и ее полезные ископаемые, леса, воды...

Провозглашение национального суверенитета лезгинского народа, являющегося закономерным процессом естественного развития, отрицательно воспринято сторонниками имперского, унитаристского мышления. Идет преднамеренная дискредитация целей и задач лезгинского автономического движения, идей федерации, самоопределения.

В то же время под шумок унионистских призывов коммунистических демагогов в Дагестане и Азербайджане продолжается тихая аннексия лезгинских земель, строительство государственной границы внутри единого народа, призванные окончательно лишить лезгин самостоятельного этнокультурного существования.

В соответствии с нормами международного права "государства, управляющие зависимыми территориями, обязаны удовлетворить требование угнетенных народов о предоставлении независимости, в какой бы форме оно ни было заявлено — в высказываниях печати, петициях населения, решениях собраний или органами восставшего народа".

Поскольку лезгинский народ практически не может выразить и утвердить свою волю через Верховные Советы (Совет Федерации, Думу) Российской Федерации (кстати, в последних нет ни одного представителя лезгин!), Азербайджана, Дагестана, то, согласно общепризнанному международному праву, в этих условиях органами, реализующими права Лезгинского народа, являются съезды народов и избранные на них органы самоуправления. Для лезгинского народа таким общепризнанным органом является Международная организация — Лезгинское народное движение "Садвал", зарегистрированная Министерством юстиции Российской Федерации.

Благодаря этой организации, проблемы лезгинского народа легализовались и стоят на повестке дня совместного решения правительствами Российской Федерации, Азербайджана и Дагестана. К сожалению, в правительствах Дагестана и Азербайджана преобладают националистические силы, которые делают все, чтобы создать для своих народов привилегированное положение за счет других. Даргино-тюркский альянс в руководстве Дагестана нашел полную поддержку у турецкого правительства Азербайджана и они сообща осуществляют полный произвол в отношении лезгинского народа: идет грабеж народа, исконные земли лезгин присваиваются ими, насаждают среди народа своих "мурсалханов" и т.д. С созданием Международной организации — ЛНД

"Садвал" у националистов в их колонизаторской политике появилась некоторая дискомфортность — "Садвал" все настойчивее требует решения проблем лезгинского народа, остро критикует деструктивные действия националистических руководств Азербайджана и Дагестана, проводит митинги протеста, организует шествия...

Пока понимание лезгинской проблемы находится в российском правительстве, услышавшем тревожный голос народа и приступившем к поискам путей выхода лезгинского народа из депрессивного состояния.

Дагестанские и азербайджанские власти не проявляют со своей стороны сколько-нибудь серьезных инициатив даже в реализации решений и предложений Российского правительства.

Руководители Дагестана и Азербайджана специально преподносят критику в свой адрес как действия, натравливающие народы друг на друга, поскольку так легче уйти от ответственности. Они-то и являются отравителями наших душ и натравителями народов, поскольку именно в их руках находятся все рычаги натравливания: экономика, пресса, власть.

Неодинаковые подходы в решении идентичных вопросов разных народов приводят к противостоянию последних. Вспомним, что говорил старик-табасаранец профессору М.Аджиеву — "ранее Дагестан был аварским, теперь даргинский". А Азербайджан — турецкий. Вот где корень зла!

Несмотря на то, что за 4 года официального существования "Садвал", последним не совершено ни одного акта, противоречащего общепринятым правовым нормам, и он не отступал в своих действиях от Устава и Программы, коррумпированные националистические силы Дагестана и Азербайджана, включая руководства указанных республик, делают все, чтобы представить "Садвал" как организацию, занимающуюся незаконными действиями, как экстремистскую организацию. Чтобы читатели еще раз убедились в том, что "Садвал" не совершал и не совершает никаких незаконных действий, а обычные, дозволенные законом акты (митинги, шествия, пикетирование и т.д.) вызывают у националистов истерику, ниже привожу некоторые выдержки из Ноты МИД Азербайджана МИДу России: "На фоне благоприятного развития азербайджанско-российских связей все более различимым диссонансом звучат голоса деструктивных сил, старающихся омрачить отношения дружбы и добрососедства между двумя суверенными государствами — Азербайджаном и Россией. Речь идет о деятельности Лезгинского народного движения "Садвал".

Как известно, общество "Садвал", официально зарегистрированное 21 мая 1992 года в Министерстве юстиции Российской Федерации, все настойчивее проводит в своей деятельности идею образования единого Лезгистана. Суть ее состоит в том, чтобы создать на сопредельных территориях России и Азербайджана — Республику Лезгистан. В Азербайджане не прошла незамеченной значительная активизация подрывных (? — Г.А.) действий общества "Садвал", объективно направленных на нарушение территориальной целостности как Азербайджана, так и России, и подрывающих хрупкий мир в этом еще незатронутом конфликтами регионе России. Подобное действие лезгинских сепаратистов не могут не вызвать в Азербайджане чувства беспокойства и тревоги, так как в последнее время деятельность руководства общества "Садвал" (ЛНС) все более направлена на дестабилизацию общественно-политической обстановки в районах компактного проживания лезгин Азербайджана. Так, 5 марта 1993 года в г. Кусары Азербайджанской республики по инициативе прибывших туда лидеров общества "Садвал" ЛНС состоялся несанкционированный митинг протеста против призыва в азербайджанскую армию лезгинских юношей. На митинге активисты "Садвал" выступили с требованием создания на сопредельных территориях Азербайджана и России Республики Лезгистан. 21 марта с.г.

на организованном руководителями общества "Садвал" на погранично-таможенным участке "Самуро-Диви-чинский канал" между Россией и Азербайджаном несанкционированном митинге, участники которого блокировали движение на автомобильной трассе Баку-Ростов, не подчинились требованиям правоохранительных органов и нарушили работу погранично-таможенной службы. Выступившие заявили, что будут предприняты радикальные шаги с целью создания государства Лезгистан и отметили, что, если это не будет достигнуто мирным путем, посредством переговоров, то лезгинский народ в 1993 году силой добьется своих целей.

Такие действия лидеров "Садвала" можно квалифицировать как грубое вмешательство во внутренние дела Азербайджанского государства, результатом которого может явиться резкое изменение ситуации в регионе компактного проживания лезгин Азербайджана и Дагестана и даже привести к потере контроля за ходом развития событий. МИД Азербайджана полагает также, что свое слово по этому поводу должны сказать компетентные органы и руководство России и Дагестана".

Как видим из изложенного, "подрывные" действия "Садвал" заключается только в том, что он нет-нет, но проводит митинги протеста против произвола, осуществляемого националистическими руководствами Азербайджана и Дагестана в отношении лезгинского народа.

Вот еще один пример вакханалии правоохранительных органов против простых людей в Азербайджане и как результаты своего произвола власти Азербайджана через средства массовой информации сваливают на "Садвал".

"Дагестанская правда" (25.06.94.) в статье "Трагедия в Пирале: исполнители и "судьи" пишет: "В Юждаге жители приграничных районов вновь взбудоражены. На этот раз поводом для волнений послужило зверское убийство работниками правоохранительных органов молодого парня Низами Сафарова в селении Пирал соседнего с нами Кусарского района Азербайджана.

Не секрет, что с началом войны в Карабахе работниками правоохранительных органов Азербайджана стали совершать ночные налеты на дома, где проживают молодые ребята призывного возраста, забирать их прямо из постели и отправлять на фронт. Добровольно идти на войну юноши отказываются — никто, понятно, не хочет идти на смерть. Но кое-кого из них она настигает у порога собственного дома.

14 июня с.г. примерно в 21 час 30 минут молодчики в милицейской форме очередной ночной налет совершили на дом Сафаровых в селении Пирал Кусарского района: сюда приехал издалека сын Низами навестить родителей и отдохнуть несколько дней вместе с друзьями. Всего их было пятеро. Справедливости ради отмечу, что никто из ребят не имеет прописки и не проживает на территории Азербайджана. Незваные ночные гости начали хватать их и насильно сажать в автобус. Ребята, естественно, сопротивлялись. Началась перебранка. Работники милиции пустили в ход оружие: одного (кстати, уроженца этого села, но давно живущего в Дербенте и работающего там в правоохранительных органах) ранили в живот, второго — сына хозяина дома захватили с собой и уехали. На второй день его нашли в морге со следами насильственной смерти и пулевым ранением в грудь.

Возмущенные до предела, пиралцы всем селом двинулись в Кусары. По пути к ним присоединились жители других сел. На центральной площади города, где был установлен катафалк с трупом погибшего от рук бандитов в милицейской форме парня, состоялся многотысячный митинг. Главные требования его участников: привлечение убийц к строгой уголовной ответственности, прекращения насильственной мобилизации их сыновей в армию и отправки их на фронт, отставка руководителей правоохранительных органов города и главы горадминистрации. Приехавшие на место события руководители

из Баку обещали выполнить требования митингующих. Сдержат ли они свое слово — покажет время...

При таких трагедиях митинги нынче — обычное явление!

Далее автор статьи Г.Хидеров пишет: "Узнав о событиях в Кусарах и о сборе народных "героев", председатель движения "Садвал" Руслан Ашуралиев и другие его руководители выехали в Дербент. Благодаря решительным действиям Р.Ашуралиева было предотвращено возможное противостояние представителей двух братских народов.

— Я категорически против всех насильственных противозаконных акций, — сказал Р. Ашуралиев".

Как видим из изложенного, "Садвал" никакого отношения к изложенным событиям не имел. Более того, руководители "Садвал" предотвратили обострение ситуации... Однако в средствах массовой информации, особенно в газетах Азербайджана, представлена трагедия в селе Пирал и события в районном центре Кусары как козни "Садвал"...

В этих условиях уместен вопрос: как же остановить грабеж народа, захват наших территорий иноплеменниками, установление незаконной государственной границы внутри народа, целенаправленные убийства?.. Как остановить геноцид, осуществляемый руководствами Азербайджана и Дагестана против лезгинского народа?

Сейчас руководства Азербайджана и Дагестана готовят "компромат" на "Садвал", чтобы запретить "Садвал". Деструктивные националистические силы Дагестана и Азербайджана, при полной поддержке правоохранительных органов, совершают в Южном Дагестане и Северном Азербайджане акты вандализма, убивают неповинных людей, грабят население с применением оружия и т.д., а затем сваливают это на "Садвал". Эта линия явно прослеживается и на трагедии в Дербенте, когда азербайджанские националисты зверски убили невинных людей, а руководство Дагестана и Азербайджана полностью покрыли убийц. При этом в средствах массовой информации Дагестана и в народе был пущен слух, будто эта трагедия произошла из-за борьбы за власть в Дербенте и в этом деле замешен "Садвал".

Дагестанские националисты имеют большой опыт в умении представить черное за белое и наоборот. Как же случилось, что один из главных проводников политики противопоставления народов в Дербенте и Дербентском районе С.Курбанов получил орден "Дружбы народов"? Как глумление над памятью погибших, Указ президента Б.Ельцина о награждении этого ярого националиста был опубликован ("Дагестанская правда" 21 мая 1994 г.) в средствах массовой информации сразу после трагических событий в Дербенте...

Уверен, что, если президент России Б.Ельцин знал, кто такой С.Курбанов, то никогда не подписал бы такой Указ. Президента здорово подставили! Этот факт говорит и о том, что из Дагестана вверх поступает полная дезинформация по всем событиям, происходящим в Дагестане. Дезинформация осуществляется сплошь и рядом, когда вопрос касается лезгин и деятельности "Садвал". Положение дел в Азербайджане обстоит еще хуже.

Лезгинский вопрос усугубляется еще и тем, что подкуп должностных лиц в высоких структурах власти России представителями Дагестана, Азербайджана и Дагестана азербайджанцами стал обычным делом... Вот что пишет Людмила Телен в "Московских новостях" (N 23, 1993): "Говорят, рынка в России не было и нет. Это конечно, не так, кое-где рыночные правила уже заработали. Скажем, в политике. Во всяком случае купля-продажа во взаимоотношениях властей с народом и властей между собой весьма практикуется. Правда, далеко не всегда, как принято выражаться, в цивилизованной форме. Что делать, издержки эпохи первоначального накопления политического капитала: расчет на сиюминутный выигрыш, игра без правил".

Это является одной из основных причин, почему лезгинские проблемы не решаются...

Следует сказать и о том, что любое Постановление бывшего ЦК КПСС или правительства СССР, направленное на преодоление каких-либо негативных явлений в жизни советского общества, в первую очередь применялось к лезгинам, к активной части нашего народа, делая ее "козлом отпущения". Аналогично обстоит дело и сейчас. В связи с этим вызывает большую тревогу Указ президента Б.Ельцина, направленный против организованной преступности. Поскольку не только в руководстве Дагестана, но и в правоохранительных органах (МВД, МБ, Суд, Прокуратура, МЮ) нет ни одного первого лица-лезгина, то ясно, что этот Указ Президента обернется для нашего народа новой трагедией: националисты прикроют своих, а для отчетности, подставят наших, причем совершенно неповинных людей. Из прошлого опыта мы имеем очень много примеров такого характера.

Административные эксперименты с нашим народом всем известны. Наш народ доведен до крайности. К сожалению мы плохо умеем управлять законом, правильно использовать его. Сейчас учатся новые лидеры страны, учится парламент, учится и наш народ. Здесь необходима особая трезвость взаимных оценок, нужна новая школа и новый тип взаимодействия власти и народа. Чем быстрее мы откажемся от старой упрощенной формулы, в которой имелись два звена — "всесильный начальник" и послушный народ, — тем лучше и для власти, и для народа. Пока же нас кидает из одной крайности в другую: от холуйства брежневского типа к бестактному фразерству на митингах, в которых не знаешь чего больше — неизжитого рабства или элементарного отсутствия культуры.

Нам надо беспристрастно разобраться в своих внутренних политических, экономических, национальных, духовно-нравственных проблемах, острота которых достигла взрывоопасного уровня, следует разобраться: какой должен быть Лезгистан? Положение усугубляется еще тем, что десятилетиями выжигали интеллектуальный потенциал наших районов и народа в целом. Фактически лезгиноязычные народы обезглавлены и деклассифицированы. Это очень опасно! Нам сейчас не хватает человеческой и профессиональной культуры. Отсюда будут происходить многие наши беды.

Лезгинский народ на всем протяжении своей многовековой истории (IV в. до н.э. — XX в, н.э.) вложил колоссальную энергию, силы и способности в самоотверженной борьбе за независимость, сохранения самобытности и этнотерриториальной целостности своей Родины. Лезгинский народ сложился как народ на исторической территории Кавказской Албании и самосохранился на данной территории. Поэтому имеет исторически обусловленное преимущественное право на свою территорию. С ней связано и право на жительство, и право на гражданство, и право на получение образования на родном языке и ведение делопроизводства на этом языке, называться своим собственным именем — лезги и записывать в документах свою национальность. Но главное — это право избирать свою собственную власть, неподконтрольную другим, т.е. право на национально политическую независимость — суверенитет народа. Национальный суверенитет лезгинского народа выражается в неприкосновенности его этнотерриториальной целостности и неотчуждаемости ее прав.

В заключение хочу сказать, что мне удалось только обозначить некоторые моменты из истории и культуры лезгинского народа. Великие открытия в этом плане — впереди. Свидетельствами этому служат дешифровка албанского письма на археологических предметах, найденных в Мингечауре, и опубликованные недавно "Дагестанские исторические сочинения". Подлинная история Кавказской Албании — Лезгистана все еще находится в архивах Грузии, Армении, Азербайджана, Ирана, Турции, Сирии, Арабских странах и т.д. В последнее время ряд стран раскрыли свои архивы в отношении нашего

народа в той мере, в какой им это было выгодно, особенно в связи с Карабахскими событиями...

В работе численность лезгин и лезгиноязычных народов названа по-разному: 700 тыс. человек, миллион, более двух миллионов человек... Это обусловлено тем, что мы до сих пор не знаем истинное положение с численностью лезгин в Азербайджане, и в Дагестане. Но знаем другое — огромный регион Азербайджана выше реки Куры занимали и занимают поныне лезгиноязычные народы, официальные статистические данные о численности лезгин уменьшены в десятки раз, особенно в Азербайджане.

Поскольку лезгинский народ жил и живет на своей исконной земле в Азербайджане, то его нельзя причислить к национальным меньшинствам, проживающим в Азербайджане. Лезгинский народ в Азербайджане не является и малочисленным народом, поскольку, несмотря на совершенное над ним насилие, в том числе языковое (оно продолжается и поныне!), около двух миллиона человек продолжают говорить на лезгинском языке. Двухмиллионный народ также нельзя назвать малочисленным. Поэтому все законодательства, принятые в Азербайджане относительно национальных меньшинств и малочисленных народов не применимы к лезгинскому народу. С лезгинским народом необходимо говорить на равных, уважать его стремления и помыслы, выраженные в Заявлениях и Решениях Съездов лезгинского народа, и следует отпустить его, как говорил Эскендер Казиев, на волю суверенности".

Что касается Дагестана, то здесь также лезгинский народ не является национальным меньшинством, поскольку почти весь регион Юждага испокон веков принадлежит ему и сохранился за ним. В Дагестане лезгиноязычные народы также не являются малочисленными, всегда они занимали первое место по численности. Особенно показательна в этом плане перепись 1886 года (см. главу 8, 5.). При советской власти националисты, опираясь на власть, выдавливали лезгин из Дагестана и захватывали их земли. Даже и после этих репрессий лезгиноязычные народы продолжают занимать второе место в Дагестане. Поэтому при решении всех вопросов в Дагестане должны исходить из этой реальности.

И еще. Приведенные выше заявления и другие материалы не направлены против азербайджано-тюркского или какого-либо дагестанского народа, поскольку они сами эксплуатируются и угнетаются "своей" национальной, чаще "интернациональной" бюрократией и не свободен в своей воле и действиях. Более того, существенные их части в значительной мере ослеплены и одурманены псевдонациональными идеями, чувствами, умело выражаемыми, поддерживаемыми и провоцируемыми деятельностью тюркской и дагестанской бюрократией, а народы региона оказались орудием в их руках. В этих условиях основной задачей "Садвал" и других демократических движений и партий Азербайджана и Дагестана является разоблачить фальсификаторов и отравителей наших душ и добиться подлинной демократии во всем регионе. Только подлинная демократия во всех институтах жизни, включая и институты власти в России, Азербайджана и Дагестана приведет к освобождению народов от рабства.

Главной целью "Садвал" и Национального Совета должно быть — повышение политического статуса лезгинского народа, его благосостояния и, по мере созревания соответствует политических и социально-экономических условий, — достижение эволюционным путем полного национального суверенитета. Это должно выразиться в поэтапном переводе республики Дагестан и Азербайджан от унитаризма к федеративной форме правления и устройства. Это полностью соответствует устремлениям народов Дагестана и Азербайджана. Иной путь губителен для народов.

Глубоко убежден, пока не искореним или, хотя бы не наметим пути искоренения проблем каждого народа в дагестанском и азербайджанском общежитиях, мы не получим

ни хлеба, ни мира, ни душевного спокойствия. Поэтому нам следует искать не только "корни нашей дружбы", но и корни разногласий и неприязни, и не с целью их "развивать и укреплять" — упаси Аллах! — а с целью искоренять. Мы должны искоренять не только саму проблему, но публично осудить и ее создателей. Это касается прошлого и настоящего наших народов, когда огромные аппараты насилия были пущены и пускают в ход для подавления одних народов и создания иных условий для других. Пока каждый человек не почувствует, рядовой или руководитель любого ранга, что за каждым неверным шагом, ущемлением другого человека или народа, наступит объективная и неотвратимая кара, мы ничего не добьемся. Этот подход особенно должен быть применен к руководителям республик, поскольку от них зависят судьбы народов и республик в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Вместо введения

1. Агаев А.Г. Происхождение лезгин. Газета "Садвал", N 2-5, 1991
2. Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Ин-т ИЯЛ. Махачкала, 1980, с. 147-151.
3. Магомедов Р.М. История Дагестана. Уч. пособие для 7-8 кл. Махачкала, 1985. с.18.
4. Этнография имен. М. "Наука", 1971, с. 13-26.
5. Итс Р.Ф. Этногенетические исследования. Расы и народы. М., 1987 с. 12.
6. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
7. Аджиев М. Лезги из Тагирджала. Журн. Вокруг света, N4. М., 1991.

Глава I

1. Тревер К.В. "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании". М.-Л., 1959.
2. Алиев Кемал. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании // Сб. ВИКА. Баку, 1962.
3. Алиев Кемал. Кавказская Албания. Баку, 1974.
4. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, N1-4, 1947.
5. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, N 1 -4, 1948.
6. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, N1-4, 1949.
7. Агафангел. История Армении. Тифлис, 1949.
8. Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962.
9. История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953.
10. История Армении Мовсеса Хоренци. Тифлис, 1881.
11. Егише. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971.
12. История Армении Лазара Парпеци и послание к Ваану Мамиконяну. Тифлис. 1904.
13. Армянская география VII в. СПб., 1877.
14. История императора Иракла. Сочинения Себеоса, писателя VII в. СПб., 1862.
15. История великого армянского вардапета Гевонда. СПб., 1887.
16. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохи-ка. СПб., 1885.
17. Кирака Гандзаки. История Армении. Ереван, 1961.
18. Всеобщая история Вардана Великого. М., 1961.
19. Мамедов Т.М. Албания и Атропатена по древне-армянским источникам. Баку, 1977.
20. Ямпольский З.И. Древняя Албания III-I вв. до н.э. Баку, 1962.
21. Исмизаде О.Ш. Ялойлупетинская культура. Баку, 1956.
22. Ваидов Р. Древний Мингечаур. Баку, 1976.

23. Рзаев А. Искусство Кавказской Албании. Баку, 1976.
24. Геюшев Р. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.
25. История Дагестана, т. I-II. М., 1967.
26. Очерки истории Дагестана, т. I-II. Махачкала, 1957.
27. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
28. Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
29. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
30. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
31. Кудрявцев А.А. "Дербенту-5000 лет". М., 1989.
32. Рычков Ю.Г. Антропологические исследования процесса изоляции на Памире и Кавказе. М., 1964.
33. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа. М., 1961.
34. Torn W.W. Alexander the Great, t.II. Studies and Sources. Cambridge, 1950.
35. Котович В. Отчет о работе 1-го горного отряда. Раскопки. Фонд ЧИЯЛ, с 104-105.
36. Александрович-Насифы. Находки бронзового века около Хачмаса. Изв. Азкомстариса, вып. 4, тетрадь 2, с. 215. Баку, 1929.
37. Пикуль М.И. Первобытно-общинный строй на территории Дагестана // Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
38. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в. н.э.). Баку, 1964.
39. Ихиллов М.М. Хновцы // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, N 6. Махачкала, 1959.
40. Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Махачкала, 1959.
41. Курдов К.М. К антропологии лезгин // Русский антропологический журнал, N 3-4, 1901, с.176.
42. Ансеров Н.И. Хиналуги и крызы в антропологическом отношении // Научный архив Института истории АН Аз. ССР, N 390.
43. Гаджиев А.М. Происхождение народов Дагестана. М., 1958, с 113.
44. Алексеев В. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, XIII. Махачкала, 1964, с.160.

Глава II

1. Тревер К.В. "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании". М.-Л., 1959.
2. Алиев Кемал. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании // Сб. ВИКА. Баку, 1962.
3. Алиев Кемал. Кавказская Албания. Баку, 1974.
4. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
5. Атаев Д. История Дагестана. М., "Наука", 1967, с. 105-116.
6. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с.27-28.
7. Федоров Я.Н. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана // Советская этнография, N I, М., 1961, с.113; Происхождение кумыков. Автореферат канд. дисс. М. 1961, с.5.
8. Агаев А.Г. Происхождение лезгин. "Садвал", N 2-5, 1991.
9. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
10. Геродот. История, кн. III, гл.92.
11. Страбон. География в 17-ти книгах. (Пер. с греческ., предисл. и указ. Ф. Мищенко). М., 1879.
12. Torn W.W. Alexander the Great, t.II. Studies and Sources. Cambridge, 1950, p.13.
13. История Дагестана, т.1. Москва, 1967.

14. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в. н.э.). Баку, 1984.
15. Яновский А. О древней Кавказской Албании // ЖМНП. т.52. 1846. С.203.
16. Народы Кавказа, т.И. М., 1960.
17. Ямпольский З.И. Две заметки о трактовке Стра-банова текста об Азербайджанской Албании // Изд. Аз. ФАНа СССР, N 7, Баку, 1942.
18. Ямпольский З.И. Древние авторы о языке населения Азербайджана // Изв. АН Аз.ССР, N8, 1955.
19. Марцеллин А. История. ВДИ N 3, 1949.
20. Алиев Кемал. Кавказская Албания. Баку, 1974.
21. История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953.
22. Еремян С.Т. "Страна Махелония", надписи Кааба и Зардушт // ВДИ, N4, 1967, с.47-58.
23. Пикуль М.И. Первобытно-общинный строй на территории Дагестана // "Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
24. Алиев Кемал. Топонимика об этногенезе на территории Азербайджана. Баку, 1966.
25. Ворошил Г. Историко-филологический анализ некоторых топонимов северо-западной зоны Кавказской Албании // Тез. материалов семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа. Баку, 1966.
26. Ахундов А. Следы истории на груди земли. Баку, 1933.
27. Молладзе СМ. Топонимы северных районов Азербайджана. Баку, 1979.
28. Корюн. Жизнеописание Месропа. Пер. Эмина. Париж, 1869.
29. Книга переписи. Древнеармянский текст. Тифлис, 1901.
30. История Агван Моисея Каланкатвацви. СПб., 1861.
31. История великого армянского вардапета Гевонда. СПб., 1887.
32. Еремян С.Т. Идеология и культура Албании III — VII вв. // Очерки истории СССР, III — IX вв. М, 1958.
33. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит Кавказских албанцев // Тр. Ин-та языкознания и материальной культуры ГФАНа, т.4. Тбилиси, 1938.
34. Шанидзе А.Г. Язык и письмо албанцев // ВООН АН ГССР, NI. Тбилиси, 1960.
35. Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албан. Тбилиси, 1960, с. 175.
36. Гукасян В. О древнеагванском алфавите и удинском языке, // Изв. АН Аз.ССР. Сер. обществ, наук. N1. Баку, 1962.
37. Ибрагимов Г.Х. К вопросу языка и письма Кавказских албанцев // Рукоп. фонд ИИЯЛ, 1963, с.6-7.
38. Гюльмагомедов А. Журн. Лезгистан, N 1-2, Махачкала, 1992, с.9-12.
39. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
40. Мамедова Ф. К вопросу об Албанском (Кавказском) этносе. // Изв. АН. Аз.ССР, сер. ист., фил. и право, N 2. Баку, 1989.
41. Бартольд В.В. Сеч.Н., ч.1. М., 1963.
42. Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. Народы Советского Дагестана, Махачкала, с.20.
43. Народы Кавказа, ч. I. М., 1960.
44. Щепотьев А. О спорных Кавказских территориях, на которые имеют право самоопределиваться азербайджанские тюрки // Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., фил. и право, N 2. Баку, 1990.
45. История Азербайджана. АН Аз.ССР. Институт истории. Баку, 1989.
46. Архив Маркса и Энгельса, т. IX, с.79.
47. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961, с.21.
48. Яралиев Я. "Алпан", N 5,6, Баку. 1993.
49. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанов и его значение для науки. Изв. Ин.-та языка, истории и материальной культуры. Т.IV. Тбилиси, 1938.
50. Ваидов Р.М. Минкечевир эпиграфик абидэлэри-нин археоложи характеристикасы (на тюркско-азерб. яз.) // Изв. АН Аз.ССР, сер. общ. наук, N 4. Баку, 1958.

51. Kurdian H. The newly discovered alphabet of Kaukazian Albanians. J. Royal Assiatic Society. Pt. 1-2. L., 1956.
52. Шанидзе А.Г. Новые данные об алфавите кавказских албанцев (второй список албанского алфавита//Тр. I конф. Закавказских университетов. Баку, 1969.
53. Шанидзе А.Г. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов//Ма тер. по истории Азербайджана, ч. II. Баку, 1967.
54. Климов Г.А. К чтению двух памятников агванской (кавказско-албанской) письменности //Вопросы языкознания, N 3, 1960.
55. Климов Г.А. Заметки по дешифровке агванской (кавказско-албанской) письменности// Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., N 1, 1972.
56. Климов Г.А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности// Вопросы языкознания, N 3, 1967.
57. Климов Г.А. О составе агванского (кавказско-албанского) алфавита//Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т.49, N6. М., 1990.
58. Гукасян В.Л. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы// Изв. АН Аз. ССР, сер. лит., яз. и ист., N2. Баку, 1968.
59. Гукасян В.Л. О новонайденном списке албанского алфавита// Сов. тюркология, N 2. Баку, 1971.
60. Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван. 1961.
61. Муравьев С.Н. Три этюда о кавказско-албанских письменностях// Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. VIII в. Тбилиси, 1981.
62. Хьюсон Р.Г. К алфавиту кавказских агван. Тайны древних письмен.//Проблемы дешифровки. М., 1976.
63. Арсланбеков Х. "Дагестанская правда" (газета), 3 дек. 1970; "Советский Дагестан" (журнал), N 3. Махачкала, 1971.
64. "Лезгистан", N 0 (пробный номер). Махачкала, 1990.
65. Газета "Самур". Баку, 7 мая 1993.
66. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI в. Кюринский язык. Тифлис, 1896.
67. Монгайт А.Л. Археология в СССР. М., 1965.
68. Русско-табасаранский словарь (составитель В.М. Загиров). Махачкала, 1988.
69. Левиатов В.Н. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э.//Изв. АН Аз. ССР, N 1, 1950, с.68-70.
70. Исмизаде О.Ш. Ялойлутапинская культура. Баку, 1956.
71. Трофимов А.Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем.// Советская этнография, N 1, 1961, с.43.
72. Геюшев Р. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.
73. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970.
74. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане (VII — XV вв.). Махачкала. 1969.
75. Лезгинский фольклор. Махачкала, 1941.
76. Маркс К., Энгельс Ф. Сеч., т.21, с.164.

Глава III

1. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
2. История Азербайджана. Институт истории АН Азерб. ССР. 4.1. Баку, 1958.
3. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959.
4. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982.
5. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
6. Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье// Проблемы ГАИМК, N9-10, 1933.
7. Артамонов М.И. Древний Дербент. СА, VIII, 1946.
8. Бартольд В. Новое известие о стенах Дербента. Сочинения, т.И, ч.1. М., 1963.

9. Каланкатвацви М. История страны Агван. Тифлис, 1912.
10. Ал-Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Пер. Н.А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.
11. Беладзори. Книга завоеваний стран. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.
12. Егише. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971.
13. Картлис Цховреба, т.1,Н. Тбилиси, 1955.
14. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
15. Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
16. Агаев А.Г. Происхождение лезгин. "Садвал", N 2-5,1991.
17. Ибн-ал-Асир. Тарих-ал-Камиль. Перевод с араб. П. Жузе. Баку, 1940.
18. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т.3. М.-Л., 1946.
19. ФовстБузанд. История Армении. СПб., 1883.
20. Геюшев Р. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.
21. История Агван Моисея Каланкатвацви. Пер. К. Пяткина. СПб., 1861.
22. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы-этногенез и формирование народа. Баку, 1990.
23. Гукасян В. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии "Азербайджан в VII — IX вв".//Изв. АН Аз.ССР, N 4, 1968.
24. Ваидов Р.М. Раннесредневековое городище. Су-дагылан//КСИНМК, вып.54, 1954.
25. Ваидов Р.М., Фоменко В.П. Средневековый храм в Мингечауре//МКА, т. 11, 1951.
26. Хаханов А.С. Экспедиция на Кавказ в 1892, 1893 и 1895 гг.//МАК, т.7, 1898.
27. Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лякит//Сб. "Архитектура Азербайджана эпохи Низами". Москва-Баку, 1947.
28. Саламзаде Э.В. Говорят памятники. Баку, 1952.
29. Левиатов В.Н. Украшения на карнизах из старой Ганджи//ИАН Аз. ССР, 1945.
30. Гуммель я.К. Археологические очерки. Баку, 1940.
31. Казиев СМ. Археологические памятники Минге-чаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана//ИАН Азерб. ССР, 1950.
32. Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991.
33. Шарифов М. Некоторые памятники искусства и древности Нухинского района//Изв. обследов. и изуч. Азербайджана. Вып. 2. Баку, 1926.
34. Баширов А.С. Изучение памятников старины// Дагестанский сборник, т.III. Махачкала, 1927.
35. Пахомов Е.А. Археологические экспедиции по районам Азерб. ССР//Изв. Азерб. ФАН СССР, 1938.
36. Исаков М. Исчезнувший город в Дагестане//Исторический журнал, N 6, 1941.
37. Птолемей, кн. V, гл.2, 11.
38. Котович В.Г. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
39. Беляев В. Очерки по истории музыки народов СССР. М., 1963.

Глава IV

1. История Азербайджана, т. 1. Баку, 1958.
2. Йакут, I, с.438 (арабск. текст). Русск. пер.: СМОМПК, вып.29,с.17.
3. Каланкатвацви М. История Агван. СПб, 1861.
4. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
5. Беладзори. Книга завоеваний стран. Баку, 1927.
6. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964.
7. Tabarys Nachrichten uber die Chazaren. Berlin, 1913.
8. Источники средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
9. Бакиханов А.К. Гюлистан Ирам. Баку, 1927, с.48-50.
10. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку. 1990.
11. Ибнал-Асир. Тарих ал-Камиль. Баку, 1940.

12. Dorn B. Versuch eine Geschichte der Schir-Wanschache. Mem. Acad. Sc. Spt. VI, 1840, s.535.
13. Sachau E. Ein Verzeichnes muhammedanischer Dynastie. Berlin, 1929.
14. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
15. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
16. Ацамба Ф.М., Надирадзе Л.И. Развитие феодализма в Арабском Халифате // В кн. Историография стран Востока. М., 1977, с.270.
17. Куббель Л.Е. О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов (661-750) // Палестинский сборник, вып.4(67). М.-Л., 1959.
18. Источники средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
19. Якуби. История. Баку, 1927.
20. Алкадари Г.Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с.25.
21. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с.124.
22. Буниятов З.М. Азербайджан VII — IX вв. Баку, 1965.
23. Ахмед ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний, с.18.
24. Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Китаб ал-футух, Т.VIII. с.78.
25. Казиев А.Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII — XVII веков. М., 1977.
26. Крачковский И.Ю. Избр. соч. т.2. М.-Л., 1956, с.247.
27. Шихсаидов. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.
28. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. Баку, 1981.
29. Крымский А.Е. Низами и его современники. Баку, 1981.
30. Азаде А. Низами Гянджеви. Баку, 1979.
31. Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
32. Ашурбейли С. Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964.
33. Дебилов П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
34. Генко А.И. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии Ассоциации арабистов. М.-Л., 1941.

Глава V

1. Бартольд В.В. Сочинения, т.II, ч.1. М., 1963.
2. История Азербайджана, т.1. Баку, 1958.
3. Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978.
4. Ал-Хусейн. Зубдат ат-Таварих (на перс. языке). Гянджа, 1930.
5. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку, 1990.
6. Очерки истории СССР (III — IX вв.). М., 1958.
7. Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. ("Полный свод истории"). Баку, 1940.
8. Йакут ал-Хамави. Муджам ал-Булдан (Сведения об Арране) (перев. с арабск.). Баку, 1983.
9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964.
10. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с.Ш-186.
11. Архив Маркса и Энгельса, Т.V, С.229.
12. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
13. Ализаде А.А. Борьба Золотой Орды и государства ильханов. Баку, 1949.
14. Изв. АНАз.ССР, отд.общ.наук, Vbin.II,N5, 1946.
15. Петрушевский, Великий патриот ширваншах Ибрагим. Баку, 1942.
16. Ализаде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1956.
17. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1956.
18. Щепотьев А. О спорных Кавказских территориях, на которые имеют право самоопределиваться азербайджанские турки // Изв. АН Аз.ССР, сер. ист., фил. и право, N 2. 1990.

19. Minorsky V. et Cahen C. Le resuel transcaucasien de Mas'ud b. Namdar, JA, t.227, 1949.
20. Стэнли Лэп-Пуль. Мусульманские династии. М., 1946.
21. АКАК, т.И, док. N 1300, с. 1076.
22. Ханьков Н. Археологические известия. "Кавказ", N53, 1850.
23. Гусейнов. Тарих-намэ (Лезгистан: накъ, къе). Махачкала, 1992.
24. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведения // Труды II сессии Ассоциации арабистов. М.-Л., 1941.
25. Френ. Изд. АН, СПб, 1845, с. 10-16.
26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т.1. СПб, 1894, с. 227.
27. Jасut, IV, 324. СМОМПК, вып.29.
28. Эрел Ш. Дагестан и дагестанцы // Дагправда, 2 февраля, 1993.
29. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. Баку, 1981.
30. Гашаров Г.Г. Певцы обновленного края. Махачкала, 1987.
31. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
32. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.
33. Любимов А.Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем // СЭ, N 1, 1961, с. 143-148.

Глава VI

1. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
2. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI — XVII вв., Т.1.М., 1946.
3. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып.ГМ., 1889.
4. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1959.
5. Гордлевский В.А. Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в. // Труды института востоковедения АН СССР. Сб.2.
6. История Азербайджана, т.1. Баку, 1958.
7. Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
8. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. История Дагестана, Т.1. Махачкала, 1967.
9. Рахимзада И. "Зафар-нама". Рукопись N 2372. Стамбульский университет.
10. Бакиханов А.К. Гюлистан Ирам. Баку, 1927.
11. АКАК, т.П., с.Ю85.
12. Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
13. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869.
14. Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.
15. Ханьков Н. Археологическое известие. "Кавказ", N53, 1850.
16. Челеби Э., VII, с.787-787
17. Петрушевский И. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-на-чале XIX вв. Ленинград, 1949.
18. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1903.
19. Бсаи Х.-Д. Краткая история страны Албанской (1702-1722 гг.). Баку, 1989.
20. Мамедова Г. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е годы XVIII века). Баку, 1989.
21. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1986, с.34.
22. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722, д.2, л.8 об.
23. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1723, д.4, л.6 об.-7.
24. Соловьев СМ. История России с древнейших времен, СПб., Т.XVI.
25. История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. Махачкала, 1966.
26. Рукоп. фонд. ИИЯЛ.Д.1186, л. 174.

27. Мустафаев Т.Т. Азербайджан в русско-турецких переговорах 1723-1724 гг. // Изв. АН Аз.ССР, сер.ист., фил. и права, N3, 1989.
28. Русско-дагестанские отношения в XVIII начале XIX в. Сборник документов. М., 1988.
29. Гербер. Известия о землях, находившихся с западной стороны Каспийского моря... М., 1728.
30. Краткий исторический очерк Южного Дагестана сначала XVIII в; ЦГАДАССР, ф.150, оп.1, д.18, л.7.
31. Бутков П.С. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869.
32. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д.1173, л.15.
33. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т.1, вып. 1, изд.3, СПб., 1897.
34. Джонс С. История Надиршаха. Лондон, 1770.
35. Маршаев Р., Бутаев Б. История Лакцев. Махачкала, 1991.
36. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982; Дербенту — 5000 лет. М., 1989.
37. АВПР. Сношение России с Персией. Д.7, с.298, 1741.
38. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.
39. Русский архив. N 3, 1899, с.373-374.
40. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку, 1990.
41. Контарини А. Путешествие БИПР, т.1, СПб, 1836.
42. ЦГВИА. ф. ВУА, д. 18474, л. 1-69.
43. Козубский Е. Памятная книжка. 1895.
44. ЦГА. ДАССР, ф.2, оп.3, д. 142.
45. Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI — XVII вв. СПб, 1891.
46. Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935.
47. Поездка Беккера по Южному Дагестану. ССКГ, IX, с.40.
48. Яишников Т.Н. Выдержки // В кн. "История, география и этнография Дагестана". Махачкала, 1956, с.301.
49. Лезгийрин революциядин вилик квай девиррин литература // Сост. Гашаров Г.Г. Махачкала, 1990.
50. Гашаров Г.Г. Певцы обновленного края. Махачкала, 1987.
51. Гюльмагомедов А.Г. О наших пословицах. Махачкала, 1974.

Глава VII

1. История Азербайджана, т.1. Баку, 1958.
2. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1989.
3. Бакиханов А. Гюлистан Ирам. Баку. 1958.
4. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
5. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Москва, 1961.
6. ЦГИА Груз.ССР, ф.8, д.237, л.74.
7. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.1. М.-Л., 1948.
8. Брюханов А.П. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А.П. Ермолова в горы. Канд. диссерт., с.150.
9. Гербер И.Г. Известия о находящихсся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях в 1728 г. СПб., 1760, с.133.
10. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
11. Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
12. Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1869.
13. Челеби Эвлия. Сийахат наме (Путешествия Эв-лия Челеби). Рук. фонд ИЯЛ Дагестанского научного центра России, д.1157, л.26.

14. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
15. АКАК. II, док.1300, с. 1085.
16. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений. Тифлис, 1933.
17. Лавров Л.И. Рутульцы // В сб. "Народы Дагестана". М., 1955.
18. ЦГАДАССР, ф.2, оп.3, д.142, л.128.
19. Путеводитель по Центральному историческому архиву Грузинской ССР, ф. 1452 (фонд персидских рукописей).
20. ЦГАДАССР, ф.150, оп.1, д.4, л.15.
21. Магомедов Р.М. История Дагестана, Махачкала, 1968.
22. Джевانشир А. История Карабахского ханства с 1747 по 1805 г. Баку, 1961.
23. Биберштейн И. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура, 1798 г. // НАИИ АН Азерб.ССР, инв. N 466, л.34.
24. Мильман А. Политический строй Азербайджана. Баку, 1966.
25. История Дагестана, т.1. М., 1967.
26. Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1873.
27. Гашаров Г. Г. Певцы обновленного края. Махачкала, 1987.
28. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1894.
29. Альманах "Дружба", N 2. Махачкала, 1965.
30. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970.
31. "Поэзия народов Дагестана". Антология в 2-х томах, т.1. М., ГИХЛ., с.371-372.
32. Гаджиев М. Литературадин хрестоматия. 5 лагъай классдин учебник. Махачкала, 1948, с. 129.
33. Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.
34. "Лезги газет", N 46, 1993.

Глава VIII

1. Джевانشир А. История Карабахского ханства с 1747 по 1805 г. Баку, 1961.
2. Полное собрание законов Российской империи (сокращенно-ПСЗ), собрание 1-е, т.XVI, с.20007.
3. Дубровин Н. Закавказье от 1803-1806 года. СПб, 1866.
4. История Азербайджана, т.п. Баку, 1957.
5. АКАК, т.П. док. NN1300,1301, 1366.
6. Мильман А. Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX веков. Баку, 1966.
7. ПСЗ, собр. 1-е, т.XXXII, с. 25446.
8. Очерки истории Дагестана, т.1. Махачкала, 1957.
9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
10. ЦГВИА, ф.ВУА, д.18479, лл.1-2.
11. АКАК, т.П, док. N1436.
12. ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 18, л.9.
13. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб, 1847.
14. ЦГВИА, ф.ВУА, д. 18503, лл. 1-9.
15. ЦГВИА, ф.ВУА, д.6571, л.18.
16. Барадин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью, т.П. Казань, 1850.
17. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала. 1968.
18. ЦГВИА, ф.ВУА, д.6561, лл. 1-3.
19. АКАК, т.VII, док.390.
20. ЦГА ДАССР, ф.150, оп.2, д.6, лл.74-75.
21. ЦГИА ГР.ССР, ф.416, оп.3, д.113, л.3.
22. АКАК, т.XII, с. 1499-1501.

23. ЦГИА ГР.ССР, ф.2, оп.1, д.7442, л.11.
24. ЦГА ГР.ССР, ф.1083, оп.6, д.344, л.9.
25. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
26. Агаев А.Г. Дагестанская правда, 14 апреля 1992.
27. Ризванов Р.З. Лезгистандин хабарар, N 1, 1992.
28. Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны. Берлин, 1855.
29. Павленко П. Шамиль. Махачкала, 1990.
30. Бакиханов А.К.-А. Гюлистан Ирам. Баку, 1991.
31. ЦГВИА, ф.400, оп.259/909, д.43, л. 107-109.
32. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970.
33. Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.
34. Рукопис. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф.8, оп.1, д.36.
35. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин (XIX начало XX в.), М., 1978.
36. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
37. ЦГИАЛ, ф.1268, оп.5, д.372, л.17.
38. Гашаров Г.Г. Певцы обновленного края. Махачкала, 1987.
39. Крачковский И.Ю. Арабистка на Северном Кавказе. Избр.соч., т.6, М.-Л, 1948.
40. Геюшев З.Б. Мироззрение Г. Зардаби. Баку, 1962.
41. Абуллаев М.М. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1957.
42. Зареванд. Турция и пантуранизм. Париж, 1930.
43. Stoddard L. The American Pol. Science Review, vol. XI, 1917, p.12-23.
44. Lobonne Roger. La Crise Orientale... Le Corres pondant, 1922, p.399.
45. Panislamisme et Panturguisrae. Revue du Monde Musulmane. Vol. XXII. Mars, 1913.
46. "Ени Кавказ1а", 26 сентября 1923.
47. "Вакит" 17 февраля 1925.
48. История Дагестана, т.1. М., 1957.
49. Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях в 1728 г//СПб, 1760, с.133.
50. Ихиллов ММ. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

Глава IX

1. Глиноецкий Н. Воен. сборник, N 1, 1862, с. 124.
2. Ленин В.И. Поли. собр. соч., т.Ш, с.461.
3. Исмаилов М. Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. Баку, 1982.
4. Эмиров Н.П. Казии-Магомед Агасиев, Махачкала, 1974.
5. Агаев А.Г. Нажмудин Самурский. Махачкала, 1990.
6. Бутбай Мустафа. Воспоминания о Кавказе (Записки турецкого разведчика). Махачкала, 1993.
7. ЦГАДАССР. ф.34р, оп.4, д.38, л.1.
8. Сов. Дагестан. 1922. 17 февраля.
9. Журнал Комуз, N 1. Махачкала, 1926.
10. ЦГАДАССР, ф.29, оп.4, д.38, л. 1.
11. Очерки истории Советского искусства Дагестана (1917-1941). М., 1987.
12. Архив Дагобкома КПСС, ф.1, оп.15. д.651, л.56.
13. Народное творчество, N 1, Махачкала, 1937, с.62.
14. Архив Дагобкома КПСС, ф.1, оп.15, д.624, л.2.
15. Первая Северо-кавказская краевая выставка изобразительных искусств// Альбом. Пятигорск, 1935.
16. ЦГАДАССР, ф.716р, оп.2, д.1, л.44.

17. ЦГАДАССР, ф.168р, оп.20, д.146, л.9.
18. ЦГАДАССР, ф.178р, оп.12, д.6, л.Ю.
19. Гаджиев Г.А. Современное состояние и резервы дальнейшего развития художественных промыслов Дагестана // Проблемы развития экономики Дагестана, вып.1, Махачкала, 1964.
20. Дагестанская правда, 12 сентября 1934.
21. ЦГА ДАССР, ф.22р, оп.18, д.146, л.17; д.169, л.28.
22. Музей народного творчества при НИИХП (Москва).
23. Дагестанская правда, 22 июня 1940.
24. ЦГАДАССР, ф.р-37, оп.20, ед.хр.46.
25. Наш Дагестан, N 1, 1992.
26. Газета "Джаридату Дагъистан", NN 23, 24, 1917.
27. Советская музыка, N 4, 1969.
28. Газета "Красный Дагестан" от 6 июля 1923.
29. Гасанов Г.А. 10 лет музыкальной этнофафии в Дагестане // Десять лет научных работ в Дагестане (1918-1928), Махачкала, 1928.
30. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф.21, оп.1, д.4, л.21,22.
31. Гасанов Г.А. Песни аварцев // Традиции и современность. Махачкала, 1977.
32. Гасанов Г.А., Джемалов М. Мотивы дагестанского танца: 12 лезгинок, исполняемых зурнами. Махачкала, 1927.
33. Гасанов Г.А. Предисловие // Юдина Е. Дагестанским детям. Махачкала, 1927.
34. Бартольд В.В. Сочинения, т.Н, ч1. М., 1963.
35. История Азербайджана, ч.П. Баку, 1958.
36. Керимов С. Ниязи. Баку, 1982.
37. Дагестанская правда от 16 сентября 1989.
38. Лезги хабарар, N 2(6), М., 1992.
39. Калашник М.Х. Испытание огнем М., 1971.
40. Алиев Б. Народы Дагестана, N 2, 1993.
41. Аджиев М. Лезги из Тагирджала // Журн. "Вокруг света", N 4, 1991.
42. Аджиев М. Молчаливые табасаранцы // Журн. "Вокруг света", N 1, 1990.
43. В. кн.: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане (1917-1921 гг.), М., 1958.
44. В кн.: Революционные комитеты Дагестана. Махачкала, 1960.
45. Лезгистандин хабарар, N4. Махачкала, 1992.
46. Известия ЦК КПСС, N 10, 1989.
47. Абдурагимов Г.А. Союзный договор и проблемы малочисленных народов. // "Садвал", N 3, 1991.
48. Абдурагимов Г.А. Текущий момент и политическое, социально-экономическое положение лезгинского народа. // "Садвал", NN 9,10, 1991.
49. Сулейман Стальский. Сочинения в 2-х томах. Махачкала, 1959.
50. Агаева Ш.А. Сулейман Стальский в русско-дагестанском межлитературном взаимодействии. Канд. дисс. Махачкала, 1993.
51. Сулейман Стальский. Сочинения. Москва, 1948.
52. Сулейман Стальский. Неизвестное. Махачкала, 1994.
53. Лезгистандин хабарар, N 1. Махачкала, 1991.
54. "Истиглал", N 14. Баку, 1993.
55. Лезгистандин хабарар, N 6. Махачкала, 1991.
56. Мейланов В. Из первых рук. Махачкала, 1990.
57. Буниятов З. "В древнем Азербайджане, в том числе и в Албании никаких тюрков не было". // Ежедневник "Елм", 29 дек. 1990.
58. Алиев И. Изв. АН Аз.ССР, сер. ист., фил. и право, N3, 1989.
59. История Азербайджана, т.1-111. Баку, 1957.

60. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку. 1990.
61. Юсифов Ю.Б. "К изучению древних топонимов в изучении этнической истории Азербайджана //Изв. АН Аз.ССР. Сер.лит., язык, иск., N 2, 1987.
62. См., например, "Газету Баку", 24.09.86.
63. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1960, с.ПЗ.
64. Советская тюркология, N 3, 1986, с.94.
65. Гусейни А. Древнеазербайджанские слова в "Авесте" (на азерб.яз.)//Вопросы азербайджанской филологии. Баку, 1983.
66. Алияров С.С. Об этногенезе азербайджанского народа (к постановке вопроса). //К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984, с.4-39.
67. Парфировный К. Об укреплении государственности //ИГАИМК, 91, М.-Л., 1934, с.15-16.
68. Ямпольский З. О возможных связях азербайджанского и латинского языков. // "Ученые записки Азербайджанского госуниверситета", серия языка и литературы, 1973, N5, с.35-37.
69. Ямпольский З. Древнейшие свидетельства о тюрках в зоне Азербайджана. //Тезисы: "Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа", XI. Баку, 1965.
70. Доклады АН Азерб. ССР, XXI, 9, 1965.
71. Известия АН Азерб. ССР, серия литературы, языка и искусства, N 3, 1968.
72. Зулалян М. Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии. Ереван, 1970, с28-29.
73. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
74. Касимова Р.М. К изучению антропологии иранских азербайджанцев. //АЭС. Баку, 1977.
75. Хадарцев В. "Современный Азербайджан". // "Новый Восток", N 3. М., 1923.
76. Бартольд В.В. Сочинения II, ч.1. Москва, 1963.
77. Сведения о Кавказских горцах. Тифлис, 1869.
78. Магомедов Р.М. История Дагестана (Учебное пособие для школы). Махачкала, 1991.
79. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
80. Магомедов А.М. Дагестан и дагестанцы. Махачкала, 1994.
81. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения М., 1993.
82. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963.
83. Источники средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
84. Бакиханов А.К.-А. Гюлистан Ирам. Баку, 1991.
85. Кавказские горцы. Сборник сведений. Выпуски 1,11. Тифлис, 1868, 1869.
86. Лавров ЛИ. Этнография Кавказа. Л., 1982.
87. История Дагестана, т.1. М., 1957.
88. Народы Кавказа, т.1. М., 1960.
89. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970.
90. Агаева Ш.А. Сулейман Стальский в русско-дагестанском межлитературном взаимодействии. //Дисс. на соискание ученой степени канд. филологических наук. Махачкала, 1993.
91. Султанов К.К. Заветная мечта //Говоря откровенно. Заметки писателей о межнациональных отношениях. М., 1989, с. 180.
92. Агаева Ш.А. Народность С.Стальского в оценке русской критики. // Литература Дагестана и жизни. Махачкала, 1992.
93. Павленко П. Сулейман Стальский. Избранные песни и стихи. М. 1937, с.7.
94. Сулейман Стальский. Рассказ о себе. // "Правда", 25апретя, 1936.
95. Борев Ю. Сталиниада. М., 1990, с.7.
96. Агаев А., Тельпугов В. Кладовая солнца. // Литература и жизнь, 15декабря, 1961.
97. Московские новости, N 4, 1993.
98. Газета "Вышка". Баку, 04.09.90.

99. Бакинский рабочий от 6 июня 1992.
100. Московские новости N 26, 1993.
101. Козырев А. Права человека: нет — невмешательству // МН., N 25, 1993.
102. Коренное население. Глобальное стремление к справедливости. Москва, 1990.
103. Московские новости, N 23, 1993.
104. СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М.1990.
105. Ковалев А.Л. Самоопределение и экономическая независимость народов. М., 1988.
106. Фарид Айсар. Хронология Дагестана XVIII в. // Народы Дагестана, вып.3. Махачкала, 1993.